

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Клиффорд Саймак

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

выпуск 5

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

Публикации и иллюстрации:

Astounding Science-Fiction, February-April 1939

Cosmic Engineers •

interior artwork by H. W. Wesso

Galaxy Science Fiction, December 1952,

January-February 1953

Ring Around the Sun •

interior artwork by Don Sibley

Cover by Camerage

Galaxy Magazine, April-June 1968

Goblin Reservation •

Cover, interior artwork by Gray Morrow

Worlds of If, May-June, July-August 1973

Our Children's Children •

interior artwork by Jack Gaughan

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

Работа с текстом: by Petr

**Идея, поверхностная коррекция текста, работа
с иллюстрациями: by formally.**

КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ

«...выполняя свое задание, вы всегда должны быть готовы откликнуться на любые новости из самых странных источников, даже если они заведут вас на край Солнечной системы или на край самой Вселенной».

Из «Инструкции для межпланетных репортеров»

Глава 1

Херб Харпер врубил приемник, и грозный голос где-то за миллиарды миль прорычал: «Полицейский корабль 968. Продолжайте наблюдение за грузовым судном “Вулкан”, рейс Земля— Венера. Общайте на предмет наркотиков. По нашим данным...»

Херб покрутил ручку настройки. По каюте проплыл ленивый голосок: «Прогулочная яхта “Елена”, мы в трех часах лета от Сандбара. Есть для нас какие-нибудь сообщения?»

Он снова покрутил ручку и услышал хриловатый голос знаменитого радиокомментатора Тима Донована: «Томми Эвансу придется отложить полет к альфе Центавра еще на несколько дней. Межпланетная торговая комиссия уверяет, будто обнаружила недочеты в конструкции его новых двигателей, хотя Томми по-прежнему не сомневается, что двигатели способны умчать его со скоростью, значительно превышающей скорость света. Тем не менее ему приказано привести корабль обратно на Марс, чтобы техники проверили его перед финальным стартом. Томми сейчас на Плутоне и готов с минуты на минуту отправиться за пределы Солнечной системы. Судя по его последним докладам, он не намерен подчиниться приказу комиссии. Разгневанные спонсоры Томми обозвали этот приказ “самодурством” и заявили, что за ним кроются политические интриги...»

Херб выключил приемник и пошел к двери, отделявшей жилой отсек «Космического щенка» от рулевой рубки.

— Слыхал, Гэри? — спросил он, — Может, нам все-таки удастся повидать этого парня, Эванса.

Гэри Нельсон, пыхнув засоренной черной трубкой, бросил на Херба свирепый взгляд:

— Кому он нужен, выскочка несчастный!

— Чем ты опять недоволен? — поинтересовался Херб.

— Я всем доволен, — буркнул Гэри, — кроме Томми Эванса. С тех пор как мы покинули Сатурн, я только и слышу, что про Томми Эванса. Можно подумать, Доновану говорить больше не о чем.

Херб уставился на своего долговязого спутника.

— Диагноз ясен: у тебя жестокий приступ космической лихорадки, — сказал он. — Последние дни ты все время ласься, как больная собака.

— Заболеешь тут! — огрызнулся Гэри, махнув рукой в сторону иллюминатора. — Сплошная пустота и ничего, кроме пустоты. Мрак с махусенькими звездочками. Они и мигать-то, похоже, разучились. Делаем сотни миль в секунду, а будто на месте стоим — никаких изменений в пейзаже. Жизненного пространства с гулькин нос, несколько жалких квадратных футов. А тьма вокруг давит на психику, измывается, внутрь пробраться норовит...

Он внезапно умолк и безвольно развалился в пилотском кресле.

— Может, партию в шахматы? — предложил Херб.

Гэри развернулся и заорал:

— Не смей больше заикаться при мне о шахматах, ты, коротышка недоделанный! Иначе вытурю из люка без скафандра! Святой Анной клянусь, вытурю!

— Я думал, игра тебя немножко успокоит, — сказал Херб.

Гэри ткнул в его сторону мундштуком трубки.

— Попадись мне тот паразит, что придумал трехмерные шахматы, — сказал он, — я свернул бы ему шею. И простые-то были не подарок, но трехмерные, с двадцатью семью пешками... — Гэри сокрушенно покачал головой. — Он, видно, совсем был чокнутый.

— Он действительно съехал с катушек, — заметил Херб, — но только не из-за шахмат. Его зовут Конрад Фэрбенкс, он сейчас в психушке на Земле. Мне удалось его заснять, когда он выходил из зала суда. Судья признал Фэрбенкса невменяемым. Копы гнались за мной по пятам, пытаюсь отнять пленку, но я благополучно смылся. Старик отвалил мне тогда десять баксов за снимок.

— Помню, — сказал Гэри, — Лучший математический мозг во всей Солнечной системе. Его уравнений никто и понять-то не мог. А свихнулся он после того, как доказал, что дважды два не всегда и не везде четыре. По-настоящему доказал, понимаешь? Не просто запудрил мозги какой-нибудь теоретической или математической тарабарщиной, а доказал!

Херб подошел к пилотскому креслу и встал рядом с Гэри, глядя в иллюминатор.

— Все в порядке? — спросил он.

— А что там может быть не в порядке? — раздраженно проворчал Гэри, — Даже метеоритов и тех нет. Знай себе сиди да смотри. А в общем-то, и смотреть незачем. Автопилот все делает сам.

Тихое мурлыканье геосекторов было единственным звуком на судне. Казалось, корабль застыл в космосе без движения. Справа висел далекий Сатурн — золотистый диск с тоненькими яркими кольцами. Плутон, сдвинутый чуть влево от центра иллюминатора, выглядел крошечной точечкой света. Солнце, оставшееся в трех миллиардах миль за кормой, находилось вне поля зрения.

«Космический щенок» летел к Плутону со скоростью около тысячи миль в секунду. Геосекторы, искривляя пространство, гнали песчинку корабля сквозь космическую пустыню с такой прытью, о какой неполных сто лет назад никто не смел и мечтать.

А Томми Эванс уже готовился отчалить с Плутона — если только Межпланетная торговая комиссия прекратит свое вмешательство — и умчаться на своем экспериментальном

судне за пределы Солнечной системы, к ближайшей звезде, удаленной на 4,29 световых года. Если его усовершенствованные электрогравитационные геодезические дефлекторы оправдают дифирамбы изобретателей, то судно превысит скорость света и скроется в том переходном состоянии к невероятному, которое ученые мужи пару веков назад объявили абсолютно недостижимым.

— Обалдеть можно! — воскликнул Херб.

— От чего это?

— От Томми Эванса с его штучками, — пояснил Херб. — Парень творит историю. И мы, возможно, увидим это воочию. Впервые в истории человек шагнет навстречу звездам — и если ему повезет, за ним пойдут целые толпы. Люди начнут разлетаться все дальше и дальше, за все мыслимые пределы... и достигнут, быть может, тех мест, где Вселенная все еще продолжает расширяться.

— Я бы на их месте поторопился, — проворчал Гэри, — потому что Вселенная расширяется быстро.

— Послушай! — не выдержал Херб — Ну нельзя же так сидеть и делать вид, будто никакого прогресса не существует! Да взять, к примеру, хотя бы наш корабль. Нам больше не нужны ракетные двигатели в полете — только на старте и при посадке. Выйдя в открытый космос, мы врубаем геосекторы, искривляем пространство и мчимся с такой скоростью, какая ракетам и не снилась. У нас на борту атмосферный генератор, синтезирующий воздух. Нам не нужны запасы кислорода и воздухоочистители. И с едой то же самое. Машина попросту забирает из космоса материю и энергию и превращает их в бифштексы с картошкой — или по крайней мере в их калорийные эквиваленты. Мы шлем репортажи и снимки за миллиарды миль. Ты садишься за космоджой, нажимаешь на клавиши, а через несколько часов другая машина в Нью-Йорке печатает то, что ты здесь набрал.

— Кончай трепаться, — зевнул Гэри. — Мы еще даже не начали — я имею в виду человечество. Наши достижения ничтожны в сравнении с теми, что ожидают нас в будущем.

Если, конечно, человечество не свихнется и не покончит жизнь самоубийством.

Космотайп в углу рубки крякнул и запищал, нагреваясь от импульса, посланного несколько часов назад на расстоянии трех миллиардов миль от судна.

Херб и Гэри подбежали к аппарату и склонились над ним.

Медленно, аккуратно машина начала печатать:

«НЕЛЬСОНУ, НА БОРТ “КОСМИЧЕСКОГО ЩЕНКА”, ИДУЩЕГО К ПЛУТОНУ. ПО НАШИМ СВЕДЕНИЯМ, ЭВАНС РВАНЕТ К ЦЕНТАВРУ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ МТК. ПОСТАРАЙТЕСЬ ДОБРАТЬСЯ ДО ПЛУТОНА КАК МОЖНО СКОРЕЕ. ПОЗАРЕЗ НУЖНО ИНТЕРВЬЮ. ПОСПЕШИТЕ. УДАЧИ. “ВЕЧЕРНЯЯ РАКЕТА”».

Машина вlepилa точку и остановилась. Херб глянул на Гэри.

— Ну что ж, твой Эванс, видать, и правда стоящий мужик, — признал Гэри. — Надеюсь, он объяснит членам комиссии, куда им засунуть тот самый приказ. Они давно уже на грубость напрашиваются.

— В погоню за ним они не полетят, это точно, — ухмыльнулся Херб.

Гэри сел за пульт передатчика и щелкнул тумблером. Урчание геосекторов потонуло в нарастающем вое электрогенераторов, начавших вырабатывать энергию, необходимую для того, чтобы перебросить луч через космическую пустоту до Земли.

— У этого аппарата всего один недостаток, — сказал Гэри, — Он слишком медленно работает и сжирает чересчур много энергии. Хорошо бы кто-нибудь расстарался и придумал, как посылать передачи с помощью космических лучей.

— Доктор Кингсли на Плуtone что-то с ними химичит, — отозвался Херб. — Может, через годик-другой у него и получится.

— Док Кингсли химичит со многими вещами, — буркнул Гэри. — Нам бы его разговорить, тогда мы будем слать с Плутона статью за статьей.

Генераторы гудели теперь монотонно и мерно. Гэри взглянул на индикаторы и забарабанил по клавишам. Он печатал:

«“ВЕЧЕРНЕЙ РАКЕТЕ”, НА ЗЕМЛЮ. СВЯЖЕМСЯ С ЭВАНСОМ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО, ЕСЛИ ОН ЕЩЕ НА ПЛУТОНЕ. ЕСЛИ НЕТ, ПРИШЛЕМ РЕПОРТАЖ О ПОЛЕТЕ. ПОКА НИЧЕГО НОВОГО. ПОГОДА ПРЕКРАСНАЯ. ХЕРБ РАСКОКАЛ НАШУ ПОСЛЕДнюю БУТЫЛКУ. КАК НАСЧЕТ ПРИБАВКИ К ГОНОРАРУ?»

— Это их доконает, — хмыкнул он.

— Зачем ты наябедничал про виски? — возмутился Херб. — Бутылка просто выскользнула у меня из рук.

— Вот именно, — сказал Гэри. — Она просто выскользнула у тебя из рук. Аккурат на стальную пластину — и вдребезги. Отныне раздачу спиртного я беру на себя. Захочешь промочить горло — попросишь.

— Может, у Кингсли есть какие-нибудь запасы? — размечтался Херб. — Он мог бы одолжить нам бутылочку.

— Если он и одолжит, — заявил Гэри, — ты держи от нее свои лапы подальше. А то из каждой бутылки мне достается не больше глотка — остальное ты или высасываешь, или роняешь. После Плутона нам придется лететь еще на Уран и Нептун, и все всухую.

Он встал и подошел к самому иллюминатору.

— Всего лишь Нептун и Уран, — пробормотал он. — А по мне так и Плутона более чем достаточно. Если Старик взбредут в голову еще какие-нибудь сумасбродные идеи, пускай поищет себе других дураков. Как только вернусь домой, сразу попрошу его отправить меня обратно на космодром и поселюсь там на всю оставшуюся жизнь. Буду смотреть, как взлетают и садятся корабли, и каждый раз на четвереньках буду землю целовать, благодаря судьбу за то, что они взлетают без меня.

— Старик платит нам хорошие бабки, — сказал Херб. — Мы летим себе, а на банковские счета постоянно что-то капает.

Гэри сделал вид, что не слышит.

— «Познай свою Солнечную систему», — пробурчал он, — «Специальная воскресная рубрика в “Вечерней ракете”. Репортажи Гэри Нельсона, фотографии Херберта Харпера. Отважные корреспонденты, невзирая на опасности, отправляются в космос за репортажем о планетах Солнечной системы. Целый год одиночества на борту космического корабля, чтобы представить читателям подробный отчет о жизни в космосе и на планетах». Помнишь? Все это фуфло про нас писали в рекламе. Целого разворота не пожалели! — Он сплюнул. — Сказки для детишек.

— Для детишек мы, пожалуй, и вправду герои, — откликнулся Херб. — Читают, небось, наши байки и кланчат у родителей: купи мне, папочка, космический кораблик! Хочу своими глазами поглядеть на Сатурн!

— По мнению Старика, наши репортажи поднимут тираж, — сказал Гэри, — Старый черт без колебаний руки бы на себя наложил, если б решил, что это поднимет тираж. Помнишь, как он нас напутствовал? «Летите и побывайте на всех планетах. Мне нужна информация из первых рук и снимки. Шлите их нам, а мы будем их печатать в каждом воскресном выпуске». Словно на соседнюю улицу нас посылал за репортажем о пожаре. Подумаешь, всего делов-то — год с лишним в космосе! Поживете в каютах и в скафандрах. Пробежитесь по спутникам Юпитера к Сатурну, а оттуда рванете на Плутон. Это ж раз плюнуть! Чистое развлечение. Помнишь? Старик именно так и выразился: легкая развлекательная прогулка.

Трубка у Гэри угрожающе заскворчала, и он с силой выбил из нее ребром ладони табак.

— Все не так страшно, — сказал Херб. — До Плутона уже рукой подать. Еще несколько денечков — и мы там. А там

тебе и заправочная станция, и радио, и лаборатории дока Кингсли. Может, даже в покер перекинемся.

Гэри подошел к экрану телескопа и включил его.

— Давай-ка глянем на Плутосу, — предложил он.

Большой круглый экран мягко осветился. На нем появилось изображение Плутона, до которого оставалось еще почти полмиллиарда миль. Мертвая планета тускло мерцала в слабом свете далекого Солнца — планета, зажатая ледяной хваткой открытого космоса и застывшая задолго до того, как на Земле шевельнулись первые признаки жизни.

Изображение было мутным, и Гэри принялся подкручивать настройку, пытаясь поймать Плутон в фокус.

— Погоди секундочку! — воскликнул Херб, схватив его за руку. — Покрути-ка назад. Там что-то мелькнуло. Похоже на космический корабль. Может, это Эванс возвращается?

Гэри медленно повернул ручку назад. На экране появилось крохотное пятнышко света.

— Вот он! — выдохнул Херб, — Осторожненько... Еще чуть-чуть...

Пятнышко загорелось ярче, но по-прежнему осталось всего лишь искоркой света во мраке космоса. Очевидно, какой-то металлический предмет улавливал и отражал солнечные излучения.

— Покрупнее, пожалуйста, — попросил Херб.

Искорка быстро выросла в размерах, обретая форму. Гэри увеличивал изображение до тех пор, пока предмет не занял весь экран.

Это был корабль — и все же он не мог быть кораблем.

— У него нет ракетных сопел, — поразился Херб, — Как же он без них взлетает? Геосекторы невозможно использовать на старте. Они все пространство искривляют к чертовой матери, а планету так и вовсе наизнанку вывернут!

— Гэри внимательно изучал изображение:

— Похоже, он не движется. Или движется еле-еле, так что приборы не улавливают.

— Бесхозный, — предположил Херб.

— Это все равно не объясняет отсутствия ракетных двигателей, — покачал головой Гэри.

Они оторвали глаза от экрана и уставились друг на друга.

— Старик велел поспешать к Плутону, — напомнил приятелю Херб.

Гэри развернулся и пошел обратно к пульту. Опустившись в пилотское кресло, он отключил автопилот. Потом вырубил геосекторы и начал закачивать топливо в ракетные камеры.

— Держись за воздух, — буркнул он, — Мы останавливаемся. Посмотрим, что это такое.

Глава 2

До загадочного судна осталось всего несколько миль. Херб, сидя за пультом, вел «Космического щенка» по сужающейся спирали вокруг стального корпуса, висевшего в космосе за орбитой Плутона.

Корпус принадлежал кораблю. Это было несомненно, несмотря на отсутствие ракетных двигателей. Судно не подавало никаких признаков жизни, хотя из иллюминаторов струился тусклый свет — очевидно, из жилого отсека, находившегося прямо за рулевой рубкой.

Гэри сгорбился в шлюзе «Космического щенка» подле открытого внешнего люка. Пощупал, прочно ли держится кобура с оружием, осторожно проверил реактивные движки скафандра.

Потом сказал в шлемный микрофон:

— Ладно, Херб, я пошел. Постарайся сузить орбиту еще немного. Но гляди в оба. Эта штука может быть взрывоопасной.

— Ты сам давай поосторожнее, — прозвучал в наушниках голос Херба.

Гэри выпрямился, оттолкнулся от люка и плавно поплыл на волнах пустоты в беспредельность космоса, где нет

сторон света, нет верха и низа, и только бесчисленные звезды следят за тобой отовсюду горящими глазами.

Рука в стальной перчатке нащупала на поясе выключатели реактивного механизма. В миниатюрных ракетных соплах полыхнули крохотные голубые огоньки, и Гэри полетел вперед, к таинственному кораблю. Увидев, что его заносит вправо, он прибавил приток горючего к правой ракетке и выровнял курс.

Реактивные движки скафандра неуклонно несли его к кораблю. Впереди мелькнули яркие огни «Космического щенка», прочертили дугу и скрылись из виду.

В четверти мили от судна Гэри выключил ракетки и медленно поплыл к дрейфующему корпусу. Наконец магнитные подошвы стукнули о заржавелую обшивку, и Гэри встал, выпрямившись во весь рост.

Осторожно шагнув к одному из освещенных иллюминаторов, он распластался на животе и заглянул в каюту через массивное — толщиной в фут — стекло. Но свет был слишком тусклым, так что разглядеть удалось не много. Во всяком случае, никакого движения, никакого намека на обитаемость корабля Гэри не уловил. Он увидел только большой прямоугольный предмет, похожий на ящик, стоявший посреди каюты.

Гэри подошел к люку и обнаружил, что тот тщательно задраен. Чего и следовало ожидать. Репортер постучал по крышке люка тяжелыми башмаками, надеясь привлечь к себе внимание. Но если внутри и был кто живой, то он либо не слышал, либо не обратил внимания на этот грохот.

Медленно повернувшись, Гэри направился было к иллюминатору рулевой рубки, чтобы попытаться рассмотреть ее внутренности. Но не успел он сделать двух шагов, как в глаза ему бросилось нечто странное справа от люка — что-то вроде еле заметной надписи на стальной обшивке.

Гэри опустился на одно колено. Это и впрямь была надпись — одна-единственная строчка, коряво вытравленная в металле. Смахнув перчаткой ржавчину, Гэри

попробовал разобрать слова. Надпись оказалась краткой, простой и недвусмысленной. Когда пишешь кислотой по стали, поневоле будешь лаконичным.

Гэри прочел: «Иллюминатор рулевой рубки не задраен».

Ошарашенный, он прочел строку еще раз. Да, так и есть. Единственная строчка была написана с единственной целью: указать, как проникнуть на борт.

По спине у Гэри побежали мурашки. Кто-то вытравил эту надпись в надежде, что кто-нибудь ее прочтает. Хотя, наверное, уже слишком поздно. Корабль выглядел старым, даже древним. Его очертания, непривычного вида иллюминаторы и способ их соединения с обшивкой — все носило отпечаток кораблестроительного дизайна, забытого столетия назад.

Гэри ощущал, как смыкается вокруг него холодное молчание тайны вместе с вечной стужей космоса. Он взглянул за округлый край корпуса, и в глаза ему тут же уставились стальные глазки звезд. Укрывшись в безопасности в бездонных глубинах пространства, они потешались над ним — потешались над человеком, возомнившим, будто он сможет их покорить.

Он встрепенулся, стараясь стряхнуть с себя склизкие пальцы страха, и, оглянувшись, увидел справа родные огоньки неторопливо плывущего «Космического щенка».

Шагая быстро, но осторожно, Гэри добрался до носа корабля, присел на корточки и заглянул через стекло иллюминатора в рулевую рубку. Но это была не рулевая рубка — это была лаборатория. В небольшом отсеке, некогда наверняка заполненном навигационным оборудованием, не осталось и следа от пульта управления, или вычислительной машины, или экрана телескопа. Вместо них там стояли лабораторные столы, уставленные всякими приборами и химическими реактивами в колбах и банках — словом, типичными причинами любой научной лаборатории.

Дверь в каюту, где Гэри видел большой продолговатый ящик, была закрыта. Все приборы и колбы в лаборатории

стояли аккуратными рядами, будто кто-то тщательно прибрался напоследок, прежде чем уйти.

Гэри терялся в догадках. Отсутствие ракетных установок, архаичный вид корпуса, вытравленная кислотой надпись у люка, лаборатория в рулевой рубке... Что бы это значило? Он покачал головой. Совершенно непонятно.

Прижимаясь всем телом к выпуклой стальной шкуре корабля, Гэри уперся руками в иллюминатор. Но сильно надавить он не мог. Невесомость, неустойчивое равновесие и невозможность закрепиться сводили на нет все его усилия. Он попробовал пнуть стекло ногой, но оно не поддавалось.

В крайнем случае он мог, конечно, пустить в ход свое оружие и пробить обшивку. Но это занятие долгое, утомительное, а главное — небезопасное. Должен быть, сказал себе Гэри, ка-кой-то более простой и надежный способ.

Решение пришло почти мгновенно, но он продолжал колебаться, поскольку способ тоже был опасным. Он может лечь на стекло иллюминатора, включить реактивные движки скафандра и использовать собственное тело как таран — вернее как рычаг, чтобы сдвинуть, с места неподатливые шарниры.

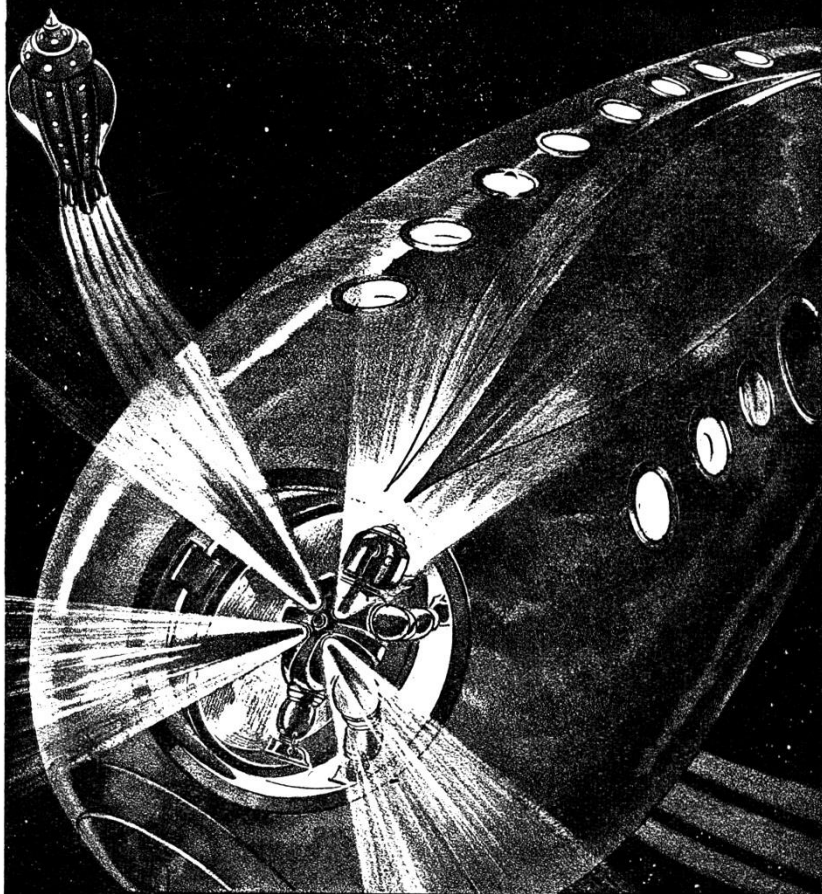
Но стоит ему хоть чуточку перестараться, стоит врубить слишком большую скорость — и его размажет по стеклу.

Содрогнувшись от этой мысли, Гэри растянулся во весь рост на иллюминаторе, подогнул под себя руки и коснулся пальцами выключателей на поясе. Потом осторожно нажал на обе кнопки. Реактивные движки прижали его тело к толстому стеклу. Гэри выключил тягу. На мгновение ему показалось, будто иллюминатор слегка подался вперед.

Сделав глубокий вдох, он снова врубил движки. И опять его тело распласталось на стекле, придавленное силой реактивного выброса.

Иллюминатор внезапно распахнулся. Гэри влетел в лабораторию, судорожно нажимая на выключатели, и тут же рухнул, громко стукнувшись шлемом об пол.

COSMIC ENGINEERS

BY CLIFFORD D. SIMAK

С трудом встав на ноги, он услышал свист выходящего наружу воздуха и шатаясь побрел к иллюминатору. Подпрыгнул, толкнул тяжелую раму. Она мгновенно захлопнулась, прижатая давлением воздушного потока.

Гэри плюхнулся в кресло, все еще смурной после падения, и потряс головой, чтобы разогнать туманную одурь.

Так, значит, на судне есть воздух. Стало быть, атмосферный генератор работает и в обшивке нет ни пробоин, ни трещин. Корабль по-прежнему герметичен.

Гэри чуть приподнял шлем. Чистый свежий воздух щекотнул ему ноздри — более свежий и чистый, чем воздух в скафандре. Слегка перенасыщен кислородом, пожалуй, но и только. Если атмосферный генератор работал долгие годы без настройки, неудивительно, что он немножко разрегулировался.

Гэри откинул шлем, оставив его болтаться сзади на шарнирах, и вдохнул полной грудью. В голове у него тотчас прояснилось.

Он окинул взглядом помещение, но ничего особенного больше не увидел. Хорошо оборудованная, удобная лаборатория, хотя многие приборы, как он теперь заметил, были устаревшими, а то и вовсе вышедшими из употребления. Но это вполне сочеталось с архаичным видом корабля.

Углядев на стене над шкафчиком какой-то обрамленный документ, Гэри встал и подошел поближе. Документ оказался дипломом марсианского Алькатунского университета, самого престижного учебного заведения Красной планеты. Выдан некоей Кэролайн Мартин.

Гэри прочел имя еще раз. Оно показалось ему знакомым. Что-то в его памяти отозвалось на это имя, но воспоминание ускользнуло, не успев оформиться.

Он снова посмотрел по сторонам.

Кэролайн Мартин. Девушка, прикрепившая на стенку диплом как напоминание о днях давно прошедших... Гэри взглянул на дату в уголке пергамента. 5976 год. Он тихо присвистнул. Диплом был выдан тысячу лет назад!

Тысяча лет. Если Кэролайн Мартин повесила тут диплом десять веков назад, то где сейчас сама Кэролайн Мартин? Что с нею случилось? В каком далеком уголке Солнечной системы ее настигла смерть? Или она умерла здесь, на корабле?

Гэри повернулся и пошел к двери, ведущей в жилой отсек. Распахнул ее, шагнул через порог — и вдруг остановился, опешив от изумления.

Посреди каюты стоял продолговатый ящик, который Гэри разглядел через иллюминатор. Но это был не ящик — это был резервуар, прочно прикрепленный к полу тяжелыми стальными скобами.

В резервуаре, наполненном зеленоватой жидкостью, лежала женщина. Ее длинное платье сверкало металлическими бликами в свете единственной радиевой лампы, висевшей на потолке прямо над резервуаром.

Гэри, затаив дыхание, подошел поближе, склонился над изголовьем и всмотрелся сквозь прозрачную зеленую жидкость в лицо лежащей. Глаза закрыты, загнутые черные ресницы оттеняют белизну щек. Высокий лоб, черные как смоль косы уложены вокруг головы. Темные ниточки бровей изгибаются дугой и почти сходятся над изящным носиком. Рот чуточку великоват, но в изгибе тонких красных губ чувствуется порода. Руки вытянуты вдоль боков, отливающее металлом платье складками сбегает от подбородка до щиколоток. Возле правой руки на дне резервуара лежит медицинский шприц, блестящий и чистенький, несмотря на покрывающую его жидкость.

У Гэри перехватило дыхание.

Она была как живая, хотя живой быть никак не могла. И все же казалось, будто она просто уснула — таким прекрасным и юным было это лицо.

Лежащая на смертном ложе, она всем своим видом словно говорила, что смерть ее ложна. Лицо спокойное, умиротворенное и... ожидающее, что ли? Как будто она ждет чего-то и надеется, что ее ожидание не напрасно.

На дипломе в лаборатории стояло имя Кэролайн Мартин. Могла ли эта девушка быть владелицей диплома? А если да, то, выходит, она окончила университет в Алькатуне, десять столетий назад?

Гэри недоверчиво покачал головой.

Отступив на шаг назад, он вдруг заметил медную пластинку, прикрепленную к стальной боковой стенке резервуара.

Еще одно послание, вытравленное на меди... Послание от девушки, лежащей в зеленой жидкости.

«Я не умерла, я в анабиозе. Откройте вентиль и осушите резервуар. Сделайте мне укол — шприц найдете в аптечке».

Гэри обернулся и действительно увидел на стене над раковиной аптечку. Он перевел глаза на девушку и вытер рукавом скафандра лоб..

— Этого не может быть, — прошептал он.

Словно сомнамбула, он побрел, спотыкаясь, к аптечке. Там и правда оказался шприц, наполненный красноватой жидкостью — по-видимому, лекарством для пробуждения из анабиоза.

Положив шприц на место, Гэри вернулся к резервуару и нашел вентиль. Закрученный бог знает сколько лет назад, тот упорно сопротивлялся, пока Гэри не пнул его в сердцах тяжелым башмаком. Открутив дрожащими пальцами вентиль, он уставился на резервуар, глядя, как снижается понемножку уровень зеленой жидкости.

Это зрелище странным образом успокоило его. Все чувства как-то притупились, остались лишь решимость и готовность выполнить то, что ему предстояло. Осечки тут быть не должно. Одно неверное движение — и вся тысячелетняя работа пойдет насмарку. А вдруг лекарство в шприце выдохлось и не подействует? Что ж, все возможно. Нужно быть готовым к любым случайностям.

Но разве у него есть выбор? Он поднял руку, вытянул вперед и посмотрел на нее. Рука была спокойна и тверда.

Гэри не стал терять время на раздумья. В мозгу вертелась тысяча вопросов, но он отогнал их, решительно тряхнув головой. Сначала дело — а потом будет время и для вопросов, и для удивления, и для размышлений.

Когда жидкости осталось вровень с телом девушки, Гэри отбросил последние сомнения и, наклонившись

над резервуаром, взял ее на руки. Постоял, мгновение помедлил, а потом повернулся к двери, вошел в лабораторию и положил девушку на стол. Капли, стекая с шуршащей металлической ткани платья, оставили на полу мокрый след.

Взяв из аптечки шприц, Гэри вернулся к девушке. Поднял ее левую

руку, пристально вгляделся. Точечки на коже свидетельствовали о прежних уколах.

На лбу у него выступила испарина. Знать бы точно, что от него требуется! Он же в таких вещах ни в зуб ногой!

Неловко вонзив иголку в вену, Гэри нажал на поршень. Ну вот и все, дело сделано. Он отступил назад.

Ничего не происходило. Гэри ждал.

Через несколько минут девушка слабо вздохнула. Гэри как замороженный наблюдал за ее пробуждением к жизни. Дыхание стало глубоким и ровным, затрепетали ресницы, дрогнула правая рука...

И вот она уже смотрит на него темно-синими глазами.

— Вы в порядке? — спросил он, ощущая, как глупо звучит его вопрос.

Она пробормотала что-то в ответ. Язык и губы плохо ей повиновались, но Гэри понял, что она хотела сказать.

— Да, я в порядке.

Она спокойно лежала на столе. Потом чуть более разборчиво спросила:

— Который нынче год?

— Шесть тысяч девятьсот сорок восьмой, — ответил Гэри. Глаза у нее округлились.

— Почти тысячелетие, — пробормотала она. — Вы ничего не путаете? Вы уверены?

— Это единственное, в чем я сейчас уверен, — кивнул он.

— Вот как?

— Ну да. Я нашел вас, оживил... Я до сих пор не уверен, что все это мне не снится.

Она рассмеялась странным, неуверенным смешком: мышцы, так долго бывшие неподвижными, разучились правильно функционировать.

— Вы Кэролайн Мартин, верно? — спросил Гэри.

Девушка удивленно взглянула на него и села.

— Я Кэролайн Мартин, — ответила она, — Но откуда вы знаете мое имя?

— Я его прочел, — Гэри махнул рукой в сторону диплома.

— Ах да! Я напрочь забыла о нем.

— Меня зовут Гэри Нельсон, — представился Гэри. — Свободный репортер. А мой приятель ждет нас на борту нашего судна.

— Я, наверное, должна поблагодарить вас, только не знаю как. Просто сказать «спасибо» — этого явно недостаточно.

— Не ломайте голову, — лаконично посоветовал Гэри.

Девушка потянулась, подняв кверху руки.

— До чего же хорошо снова быть живой! — воскликнула она. — И знать, что впереди у тебя целая жизнь.

— Но вы же не умирали, — возразил Гэри. — Вы просто заснули, а теперь пробудились от сна.

— Нет, это был не сон, — сказала она. — Это было хуже смерти. И все из-за одной ошибки.

— Ошибки?

— Да, одной-единственной. В жизни не догадаетесь какой. Я, по крайней мере, не сумела догадаться вовремя. Видите ли, при анабиозе все физические процессы в организме заторможены почти до нуля, то есть метаболизм замедляется почти до полной остановки. Но с одним исключением. Мой мозг продолжал работать.

Гэри сделалось жутко.

— Вы хотите сказать, что все осознавали?

Она кивнула:

— Я ничего не слышала, не видела, не чувствовала. Не ощущала своего тела. Но мыслительный процесс продолжался и длился почти десять веков. Я пыталась не думать, но не могла. Я молилась о смерти, как о спасении. Я на все была согласна, лишь бы прекратилась эта вечная пытка мыслями.

Она заметила сочувствие в его глазах.

— Только не надо меня жалеть, — В голосе ее прорезались жесткие нотки, — Меня никто не принуждал, я сама так решила. Из упрямства, быть может. Но я приняла условия игры и поставила на кон свою жизнь.

— И выиграла, — улынулся Гэри.

— У меня был один шанс из миллиарда, — продолжала она, — если не меньше. Затея, конечно, была совершенно безумная. Ведь этот корабль не более чем песчинка в пустыне. Думаю, если просчитать все на бумаге, то шанс, что кто-нибудь найдет меня, оказался бы гораздо меньше одного из миллиарда. И все же я не теряла надежды. Я надеялась, что мне помогут и шансы мои возрастут. Словом, я поверила кое-кому, но меня подвели. Хотя, возможно, не по своей вине. Не исключено, что тот, кому я поверила, умер, не успев даже начать поиски.

— Но как вам это удалось? — спросил Гэри, — Анабиоз и в наши-то дни — камень преткновения для ученых. Каких-то успехов они добились, конечно, но не слишком впечатляющих. А вы умудрились провести в анабиозе тысячу лет!

— Лекарства, — сказала она. — Особые марсианские препараты. Очень редкие и тщательно скомбинированные. Они замедляют обмен веществ почти полностью. Но с ними надо быть чрезвычайно осторожным. Стоит чуточку переборщить, и метаболизм остановится совсем. А это означает смерть.

— Стало быть, то, что я вам вколол, — Гэри показал на шприц, — было своего рода противоядием.

Девушка серьезно кивнула.

— А жидкость в резервуаре, — продолжал Гэри, — препятствовала обезвоживанию организма и одновременно подпитывала его? Много пищи вам не требовалось, раз обмен веществ был почти на нуле. Но как же рот и ноздри? Жидкость...

— Маска, — сказала она, — Химическая смесь, которая держалась в растворе и испарилась, как только подверглась воздействию воздуха.

— Вы обо всем подумали.

— Пришлось. За меня некому было думать.

Она соскользнула со стола и медленно подошла к Гэри.

— Минуту назад вы мне сказали, что ученым так и не удалось решить проблему анабиоза.

Он кивнул.

— То есть они до сих пор не знают про эти лекарства?

— Кое-кто из них охотно отдал бы правую руку в обмен на информацию о таких препаратах.

— Тысячу лет назад у меня была эта информация, — проговорила девушка. — У меня и еще у одного человека. Хотела бы я знать... — Она осеклась и внезапно воскликнула: — Уйдемте отсюда! Это место внушает мне ужас.

— Хотите что-нибудь взять с собой? — спросил он. — Вам помочь?

Она нетерпеливо отмахнулась.

— Нет. Я хочу забыть это судно.

Глава 3

«Космический щенок» неуклонно приближался к Плутону. Из машинного отделения доносилось приглушенное урчание геосекторов. Иллюминаторы глядели в эбонитовую тьму пространства с его бесчисленными сторожевыми постами — крохотными стальными звездочками. Стрелка на индикаторе подползла почти вплотную к отметке «тысяча миль в час».

Не вставая с кресла, Кэролайн Мартин подалась вперед, не в силах оторвать глаза от бесконечности, простиравшейся впереди.

— Всю жизнь бы так сидела и смотрела? — восхищенно заявила она.

Гэри, откинувшись на спинку пилотского кресла, тихо сказал:

— Я все думаю о твоем имени. Где-то я его уже слышал. Или в книге какой-то читал?

Девушка мельком взглянула на него и вновь уставилась во тьму.

— Все может быть, — проговорила она наконец.

Они замолчали, и только мурлыканье геосекторов нарушало тишину.

Потом Кэролайн повернулась к Гэри, подперев подбородок ладошками.

— Может, ты и читал обо мне, — сказала она. — Не исключено, что имя Кэролайн Мартин упоминается в ваших исторических книгах. Видишь ли, во время войны с Юпитером я была членом марсианско-земной научной комиссии. Я так гордилась этим назначением! Целых четыре года после окончания университета я пыталась найти работу по специальности: хотела скопить немного денег, а потом вернуться в университетскую лабораторию.

— Начинаю припоминать, — сказал Гэри, — Хотя, возможно, я что-то путаю. По-моему, историки называли тебя предательницей. Тебе вроде даже вынесли смертный приговор.

— Я и была предательницей, — В голосе ее прорвалась неизбывная горечь. — Я отказалась передать военным свое открытие, которое могло помочь им выиграть войну. Правда, заодно оно могло разрушить всю Солнечную систему. Я им объясняла, но что толку объяснять военным! К тому же они были в отчаянном положении. Мы в то время проигрывали войну.

— Мы так ее по-настоящему и не выиграли, — сказал Гэри.

— Меня приговорили к космосу, — продолжала Кэролайн, — Заперли на том судне, где вы меня нашли, а потом военный крейсер отбуксировал его к орбите Плутона и оставил. Судно и тогда уже было не новое, с устаревшим оборудованием. Ракеты из него повыдергали, я оно стало моей тюрьмой.

Взглянув на возмущенные лица спутников, она жестом велела им придержать эмоции.

— Об этом историки умолчали, — заметил Херб.

— Возможно, военные скрыли от них, — откликнулась Кэролайн. — Война толкает людей на такие безумства, о

которых они не любят вспоминать в мирное время. В рулевой рубке — очевидно, в насмешку — мне устроили лабораторию. Чтобы я могла продолжать свои исследования, сказали они. Исследования, которые мне уже не придется им отдавать.

— А твое открытие действительно могло разрушить систему? — спросил Гэри.

— Да, — ответила она, — могло. Потому-то я и отказалась отдать его военному совету. А они за это объявили меня предательницей. Думаю, они надеялись меня сломить. Рассчитывали, что в конце концов, напуганная перспективой заточения в космосе, я расколуюсь и подниму кверху лапки.

— А когда ты не сдалась, — сказал Херб, — они уже не могли отступить. Не могли позволить тебе рассказать об их методах.

— Кстати, твоих записей так никто и не нашел, — добавил Гэри.

Девушка постучала тонким пальчиком себя по лбу.

— Все мои записи были здесь, — заявила она.

Гэри удивленно уставился на нее.

— Они и сейчас здесь, — сказала Кэролайн.

— Но как тебе удалось достать препараты для анабиоза? — спросил Гэри.

Она помедлила с ответом.

— Я не люблю об этом вспоминать, — сказала она наконец. — Слишком тяжело. В общем, у меня был коллега. Примерно моего возраста. Он, должно быть, давно уже умер.

Кэролайн помолчала, собираясь с мыслями.

— Мы любили друг друга. И вместе открыли процесс погружения в анабиоз. Мы тайком работали над этим проектом в течение нескольких месяцев и как раз добивались обнародовать результаты, когда меня забрали. Больше я его не видела. Ко мне не пускали посетителей.

В космосе, после того как ушел военный крейсер, я чуть было не спятила поначалу. Я придумывала себе всякие занятия. Каждый день наводила порядок в лаборатории,

переставляла колбы и приборы и вдруг наткнулась однажды на лекарства, запрятанные в ящичек с химикатами. Только один человек в мире знал о них, не считая меня. Там же лежали два шприца.

Гэри раскурил потухшую трубку.

— Я понимала, какой это риск, — продолжала девушка, — Но человек, которого я любила, явно рассчитывал на то, что у меня хватит духу рискнуть. Возможно, он вынашивал какой-нибудь безумный план, собираясь вызволить меня из заточения. Наверное, что-то ему помешало. Или он устал и сдался. А может, погиб на войне. Но он дал мне шанс — единственный и отчаянный шанс в борьбе с судьбой, на которую обрек меня военный трибунал. Из стальных перегородок машинного отделения я соорудила резервуар. Трудилась над ним несколько недель. Сделала надпись на медной пластинке, потом вышла наружу и вытравила строку возле люка. Боюсь, получилось не очень изящно.

— А потом, — сказал Херб, — ты погрузилась в сон.

— Не совсем в сон, — возразила она. — Потому что мозг у меня продолжал работать. Я думала и думала почти тысячу лет. Мой разум ставил себе проблемы и решал их. Я развила в себе способности к чистой дедукции, ибо никаких инструментов, кроме мозга, у меня не было. Мне кажется, у меня даже появились способности к телепатии.

— Ты хочешь сказать, что можешь читать наши мысли? — спросил Херб.

Она кивнула и поспешно добавила.

— Могу, но не читаю. Ведь вы мои друзья. Но я почувствовала мысли Гэри, когда он очутился на борту. Я ощущала его удивление и замешательство и ужасно боялась, как бы он не ушел и не оставил меня снова одну. Я пыталась мысленно пообщаться с ним, но он так разволновался, что ничего не мог понять.

— Разволнуешься тут, — пробурчал Гэри.

— Но ты же подвергала свою жизнь огромному риску! воскликнул Херб. — Мы совершенно случайно наткнулись на

тебя. А твои лекарства не могли действовать вечно — еще пару тысячелетий, не дольше. И атмосферные генераторы в любой момент могли сломаться. А метеориты? Чтобы вывести судно из строя, хватило бы одного маленького камушка. Все эти годы твоя жизнь висела на волоске.

— Да, шансы были невелики, — согласилась Кэрлайн. — Не думайте, будто я не понимала. Но что мне оставалось? Сидеть сложа руки, потихоньку сходить с ума, а потом составить и умереть в одиночестве?

Она помолчала немного и добавила.

— Все было бы легче, не допусти я ту единственную ошибку.

— Тебе не было страшно? — спросил Гэри.

Ее глаза слегка расширились, и она кивнула.

— Я слышала голоса, — сказала она. — Голоса из космоса, из той пустоты, что лежит между галактиками. Какие-то существа переговаривались друг с другом сквозь бездну пространства-существа, которым люди в смысле интеллекта показались бы просто букашками. Сначала я перепугалась: они говорили о чем-то ужасном, я это чуяла, хотя почти ничего не понимала. Потом, охваченная отчаянием, я попыталась им ответить, привлечь к себе их внимание. Я больше не боялась их — наоборот, я надеялась, что они смогут мне помочь. Меня не волновало, что будет потом, лишь бы кто-нибудь пришел мне на помощь. Или хотя бы заметил мое существование и избавил от этого жуткого одиночества.

Гэри в очередной раз раскурил свою трубку.

Все трое молча и неотрывно глядели во мглу, окружавшую их со всех сторон. Гэри ощущал, как шевелятся волосы у него на затылке. Холодный ветердохнул ему в лицо из невозможной дали; какие-то неведомые космические чудища протянули свои грязные когтистые мысли, пытаясь нащупать его и схватить. Существа, которые обмениваются мыслями через пустыню, разделяющую галактики!

— Скажите, — проговорила Кэролайн, и голос ее тоже, казалось, доносился откуда-то издали, — чем закончилась тогда война?

— Война? — не понял Гэри.

Потом до него дошло.

— Ах, война! — сказал он. — Ну, Земля и Марс в конце концов победили. Во всяком случае, так утверждают историки. Возле Ганимеда разразилось решающее сражение, после чего оба флота, изрядно потрепанные, расползлись по домам зализывать раны. Юпитериане вернулись к себе на Юпитер, а марсианско-земной флот приземлился в Сандбаре на Марсе. Земляне с союзниками несколько месяцев восстанавливали корабли и укрепляли оборону. Но юпитериане так больше и не вернулись, а наш флот не осмелился навязать им войну на их территории. Даже сейчас у нас нет судов, способных проникнуть в юпитерианскую атмосферу. С помощью геосекторов мы можем долететь туда и обратно, но рядом с планетой их использовать нельзя. Они работают по принципу искривления пространства...

— Искривления пространства? — внезапно насторожившись, переспросила девушка.

— Ну да, — сказал Гэри. — А что тут такого странного?

— Да ничего, — ответила она. — Конечно же ничего. — И добавила: — Это действительно трудно назвать победой.

— Так считают историки, — Гэри пожал плечами. — Они уверяют, что мы нагнали на юпитериан страху и те не посмеют даже носа высунуть со своей планеты. Земля с Марсом захватили спутники Юпитера, колонизировали их, однако никто с тех пор так и не видел больше ни юпитериан, ни их кораблей. Я имею в виду — с того самого дня пять тысяч девятьсот восьмидесятого года.

— Такие вот дела, — подытожил Херб.

Девушка снова уставилась в иллюминатор. Ее переполняет жажда жить и жажда видеть, подумал Гэри, но в душе у нее навек остались шрамы чудовищных воспоминаний.

Гэри поежился. Обреченная на одиночество, она рискнула жизнью и выиграла. Выиграла в схватке со временем, пространством, людской жестокостью и вечным равнодушием неисчислимых звезд.

О чем она думала все эти бесконечные годы? Какие проблемы решала? Что она за человек — с ее двадцатилетним телом и тысячелетним мозгом?

Гэри, рассеянно крутя в ладонях горячую трубку, не сводил глаз с ее профиля на черном фоне иллюминатора. Упрямый подбородок, высокий лоб, косы, оплетающие голову...

О чем она думает сейчас? О своем возлюбленном, давно обратившемся в прах? О том, как он пытался найти ее и не сумел? Или она думает о голосах? Голосах, переговаривающихся сквозь необозримую пучину пустоты?

Космотайп, притулившийся в темном уголке, вдруг проснулся и запищал.

Гэри вскочил с кресла.

— Что там еще?! — крикнул он.

Машина перестала пищать и начала отстукивать сообщение.

Гэри подбежал к аппарату. Кэролайн с Хербом заглядывали ему через плечо.

«НЕЛЬСОНУ, НА БОРТ “КОСМИЧЕСКОГО ЩЕНКА”, ПРИБЛИЖАЮЩЕГОСЯ К ПЛУТОНУ. КИНГСЛИ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ПОЛУЧИЛ СТРАННЫЕ ПОСЛАНИЯ ИЗ-ЗА ПРЕДЕЛОВ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ. НЕ МОЖЕТ ИЛИ НЕ ХОЧЕТ НАЗВАТЬ ИХ ИСТОЧНИК. ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПРЕДОСТАВИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОЛУЧЕНИЯ ПОСЛАНИЙ И ОБ ИХ СОДЕРЖАНИИ, ЕСЛИ ОНО ЕМУ ИЗВЕСТНО. СРОЧНО ВОЗЬМИТЕ У НЕГО ИНТЕРВЬЮ. УДАЧИ. “ВЕЧЕРНЯЯ РАКЕТА”».

Космотайп прекратил стрекотать.

Трое спутников переглянулись.

— Послания, — сказал Херб. — Послания из космоса.

Гэри покачал головой. Взглянул украдкой на Кэролайн и увидел, как она побледнела. Наверное, вспоминала голоса.

Глава 4

Конечный Пункт, единственная колония на Плутоне, прилепившаяся к подножию высокой черной горы, казалась вымершей. В домах, зажатых между космодромом и горой, не ощущалось ни малейших признаков жизни. Спиральная башня радиостанции вздымалась ввысь до головокружения, рядом с ней примостилась крохотная радиорубка. За ними виднелись заправочная станция и ангар, а в полумиле маячило большое здание, в котором располагались лаборатории Межпланетной научной комиссии.

Кэролайн подошла к Гэри поближе.

— От этой колонии веет таким одиночеством, — шепнула она. — Я не люблю одиночества... после...

Гэри, шаркая тяжелыми башмаками по выщербленным камням, неуклюже пожал плечами.

— Здесь всегда довольно пустынно, — сказал он. — Интересно, куда они все подевались?

Не успел он закрыть рот, как люк радиорубки распахнулся и чья-то фигура в скафандре поспешила по взлетному полю к ним навстречу.

В наушниках затрещал голос встречающего:

— Вы, должно быть, Нельсон. Я Тед Смит, здешний радист. Кингсли велел мне сразу привести вас к нему.

— Отлично, — сказал Гэри. — Рад это слышать. Надеюсь, Эванс еще не улетел?

— Нет, — ответил Смит, — Он сейчас в лаборатории, а его корабль — в ангаре. Хотя мне лично кажется, что он собирается вскорости плюнуть на все комиссии и отчалить, — Смит повернулся и зашагал обратно рядом с гостями. — До чего же приятно увидеть новые лица! — заявил он, — Особенно женщину. Женский пол не балует нас своими визитами.

— Прошу прощения, — спохватился Гэри. — Я совсем забыл.

Он представил Смиту Кэролайн и Херба, пока они брели мимо радиорубки к лаборатории.

— Вообще-то здесь свихнуться можно от тоски, — сказал Смит, — Премерзкое местечко, доложу я вам. Ни ветерка, ни лунного сияния — ничегошеньки. День не отличишь от ночи: облаков нет, так что звезды видны круглосуточно, а Солнце даже днем не больше горошины.

Воодушевленный присутствием слушателей, он болтал без умолку.

— Люди тут все становятся маленько с приветом, — сообщил он доверительно.. — Такая жизнь кого хочешь достанет. Но у доктора, по-моему, крыша поехала всерьез. Слишком долго он здесь проторчал. Возомнил, понимаете, будто получает послания черт знает откуда, чуть ли не из другой галактики. Такую секретность вокруг них развел — жуткое дело!

— Вы думаете, ему это просто кажется? — спросил Херб.

— А я почему знаю? — отозвался Смит, — Но как-то не верится мне. Откуда бы им взяться, этим посланиям? Подумайте сами, сколько энергии нужно затратить, чтобы послать весточку с альфы Центавра! А до нее ведь не так уж далеко, это вам не другая галактика. Звездочка-соседка, можно сказать.

— Однако Эванс собирается слетать туда и обратно, — напомнил ему Херб.

— Эванс помешан на космосе, — заявил Смит. — Мало ему Солнечной системы, ему далекие звезды подавай! Сгинет он там, вот и вся недолга. Я его предупреждал, но он только смеется. Жалко мне его. Он славный парнишка.

Они поднялись по ступенькам, выбитым прямо в скальной породе и ведущим к главному шлюзу здания МНК. Смит нажал на кнопку и, пока они ждали, спросил:

— Послать к вам на судно Энди?

— Конечно, — сказал Гэри, — И скажите, пускай заправит его как следует.

— Энди — владелец заправочной станции, — пояснил радист. — Правда, дела у него в упадке. Большинство судов обзавелись нынче геосекторами. К нам в год залетает не больше пары старых посудин, нуждающихся в горючем. Было время, бизнес у него процветал, но теперь уже не то.

Люк отворился, и трое прибывших шагнули в шлюз. Смит остался за порогом.

— Мне пора возвращаться в рубку, — сказал он. — Еще увидимся.

Внешний люк с шипением закрылся, и тут же распахнулась внутренняя дверь. Троица вошла в каморку, все стены в которой были увешаны скафандрами.

Посреди каморки стоял человек. Высокий, крепкий, широкоплечий, с большими красными ладонями и всклокоченной черной шевелюрой.

— Рад вас видеть, — сказал он глубоким басом и оглушительно рассмеялся, сотрясая стены.

Гэри откинул шлем назад и протянул руку в перчатке.

— Вы доктор Кингсли? — спросил он.

— Так меня кличут, — опять загудел мощный бас. — А ваших друзей как зовут?

Гэри представил своих спутников.

— Я и не знал, что с вами дама, — сказал доктор.

— А ее с нами не было, — отозвался Херб. — Мы подобрали ее совсем недавно.

— Вы хотите сказать, она путешествовала по космосу автостопом?

— Не совсем, — засмеялся Гэри. — Все гораздо интереснее, доктор. Мисс Мартин расскажет вам свою историю — я уверен, что вам понравится.

— Снимайте-ка свои доспехи, — зарокотал доктор, — не то у меня кофе выкипит. Вам, как я понимаю, не терпится повидаться с Томми Эвансом. Этот юный осел вообразил,

будто сможет пролететь четыре световых года до старушки альфы Центавра!

В ту же минуту юный осел ворвался в каморку.

— Док! — заорал он, — Ваша чертова машина опять мигает!

Доктор Кингсли развернулся и помчался вперед, крикнув на бегу:

— За мной! Скафандры снимете потом!

Они побежали следом за ним через жилые комнаты, через кухню, благоухающую кофе, и очутились в лаборатории, совершенно пустой, если не считать стоявшего в углу аппарата. На верху у него быстро мигала красная лампочка.

Вид у аппарата был диковинный — сложные переплетения трубок и проводов, замысловатая сеть металлических деталей — в общем, техника на грани фантастики.

Доктор Кингсли грузно опустился в кресло и водрузил на голову шлем, похожий на колпак. Схватил в руки карандаш, лежавший возле блокнота, коснулся грифелем бумаги, точно собираясь писать, — но карандаш так и застыл над бумагой, не написав ни строчки. Лицо у доктора сосредоточенно нахмурилось. Левая рука поднялась к шлему и принялась нажимать на кнопки и рычажки.

Гэри изумленно наблюдал.

По-видимому, именно с помощью этой хитроумной штуковины доктор принимал свои таинственные сигналы. Но на сей раз, похоже, что-то не ладилось. Машина не приняла сообщение.

Красная лампочка погасла, и доктор сорвал с головы колпак.

— Опять ничего, — сказал он, крутанувшись в кресле.

Он неторопливо поднялся с разочарованным видом, но голос его загудел жизнерадостно, как всегда.

— Познакомьтесь, это Эванс, — сказал он, хлопнув Томми по плечу, и в свою очередь представил ему гостей. — Они газетчики, — объяснил доктор. — Пишут про Солнечную систему. И неплохо пишут, должен сказать. Последний

корабль-поставщик привез несколько номеров «Вечерней ракеты». Я прочел ваши статьи про спутники Юпитера. Здорово интересно.

Прошествовав обратно на кухню, доктор налил им кофе, а они тем временем вылезли из скафандров.

— Вы, небось, теряетесь в догадках, что все это значит, — сказал доктор.

— Мне писали о вас из конторы, — кивнул Гэри, — Попросили прислать статью. Надеюсь, вы мне поможете.

Доктор отхлебнул из дымящейся чашки.

— Да рассказывать-то почти не о чем, — сказал он. — Эта информация пока не для печати. Вряд ли у вас получится статья.

— Не будьте таким занудой, док, — рассмеялся Эванс. — Вам есть что им порассказать. Ну же, не держите в себе, выложите все начистоту. А что не для печати, пускай они пообещают не писать.

Доктор Кингсли вопросительно посмотрел на Гэри.

— Даю слово, доктор. Публиковать будем только с вашего разрешения, — сказал Гэри.

— Даже не знаю, с чего начать, — проворчал доктор. — Вам это покажется чистым бредом.

— Черт возьми, да все новое в мире кажется сначала бредом! — воскликнул Эванс. — Мой корабль вы тоже так обзывали. Но он прекрасно выполнит свою задачу. Я в этом уверен.

Кингсли взгромоздился на тяжелую кухонную табуретку.

— Это началось больше года назад, — сказал он. — Мы исследовали космические излучения. Они большие хитрюги, эти лучи, никак не хотят даваться в руки. Человечество изучает их вот уже пять тысяч лет, но до сих пор знает о них крайне мало. Так что когда наши приборы на крыше здания стали принимать не просто поток излучений, а явно упорядоченный поток, причем в определенные периоды времени, мы поначалу решили, что скоро разгадаем их природу. Мы

усовершенствовали аппаратуру и выяснили кое-что еще. Оказалось, что упорядоченные потоки излучений наблюдались лишь тогда, когда наша сторона Плутона была обращена к туманности Андромеды. Кроме того, как выяснилось, лучи имели не только определенные физические характеристики, но и временные тоже, а интенсивность их поступления всегда оставалась неизменной. Иными словами, шаблон никогда не менялся: лучи появлялись только в те интервалы, когда мы были прямо напротив туманности Андромеды, интенсивность их почти не колебалась, а стало быть, они с регулярной периодичностью исходили из одного и того же источника. В промежутках между приемами этих лучей наше оборудование по-прежнему регистрировало обычный хаос, присущий космическим излучениям.

Я от этих данных просто обалдел, — продолжал доктор. — Ну не могут космические лучи вести себя подобным образом! В жизни такого не бывало, ни разу за все пять тысяч лет. Конечно, таких точных и тщательных исследований да еще вдаль от вмешательства магнитных солнечных полей никто раньше не проводил. Но почему лучи ведут себя так только тогда, когда мы находимся в поле зрения туманности Андромеды?

Мы с моими двумя ассистентами судили да редили, выдвигали разные теории и в конце концов пришли к единственно возможному выводу. Наши приборы улавливали во все не космические излучения, а что-то другое. Что-то совсем небывалое. Какие-то странные импульсы, идущие к нам из космоса. Почти как сигналы. Словно некто или нечто неведомое посылало свои позывные кому-то или чему-то, расположенному здесь, на Плуtone. Ну, воображение у нас маленько разыгралось, конечно. Мы предположили, что сигналы поступают из другой галактики, поскольку, как вы знаете, туманность Андромеды — это отдельная галактика, мощная звездная система, которую отделяет от нас около девятист миллионов световых лет межгалактического пространства.

Разумеется, это только догадки. У нас нет никаких доказательств, подтверждающих нашу теорию. Мы до сих пор не можем с уверенностью сказать, что все это значит, хотя теперь мы знаем гораздо больше, чем вначале.

И тем не менее собранные нами факты указывают на то, что сигналы исходят из какого-то разумного источника. Чей-то разум определяет, когда и куда их посылать. Правда, остается проблема расстояния. Вообразите себе на минутку, что сигналы и впрямь передают из галактики Андромеды. Свету нужно около миллиарда лет, чтобы долететь до нас оттуда. Вполне возможно, что скорость света не предельна, однако насколько же нужно ее превзойти, чтобы сигналы, посылаемые на такое расстояние, не устарели, дойдя до адресата! Разве что тут замешано временное измерение — но тогда эта проблема выходит за рамки компетенции вашего покорного слуги. В общем, единственный разумный ответ примерно таков: если сигналы действительно шлют из туманности, то они идут, минуя межгалактическое пространство. Возможно, они проходят через какой-то другой пространственно-временной континуум — можете назвать его четвертым измерением, если угодно.

— Доктор, — сказал Херб, — вы совсем задурили мне голову.

Смешок доктора Кингсли громовым раскатом прокатился по кухне.

— Мы чувствовали себя не лучше, — успокоил он Херба. — А потом подумали: что, если наши приборы принимают чьи-то мысли в чистом виде? Мысли, посланные с помощью телепатии на невообразимое расстояние? Какова скорость мысли — об этом мы не имеем ни малейшего представления. Она может быть мгновенной, а может не превышать скорости света. Или быть чем-то средним. Мы знаем только одно: эти сигналы представляют собою проекции мысли. Идут ли они через космическое пространство или как-то срезают путь, сдвигая пространственно-временные рамки, — этого я не знаю и, наверное, не узнаю никогда.

Машину, которую вы видели в лаборатории, мы собирали несколько месяцев. Коротко говоря, она принимает сигналы и преобразует чистую энергию мысли в мысль как таковую, то есть в символы, доступные восприятию человеческого мозга. Мы даже разработали методику трансляции наших собственных мыслей, чтобы вступить в контакт с чем-то или кем-то, кто пытается связаться с Плутоном. Правда, нам пока не удалось послать какое-либо связное сообщение. Но наши попытки ответить не пропали даром: их явно заметили, ибо послания в последнее время резко изменились. В них появились ноты отчаянного требования, почти что мольбы. — Доктор провел рукавом по лбу. — В общем, тут сам черт ногу сломит.

— Но зачем вообще кому-то понадобилось посылать сигналы на Плутон? — спросил Херб. — Пока сюда не прилетели люди, здесь не было никакой жизни. Бесплодная, пустая планета, лишенная атмосферы, слишком холодная, чтобы на ней можно было жить. Конечный пункт мироздания.

Кингсли смерил его строгим взглядом.

— Никогда и ничего не принимайте как должное, молодой человек, — сказал доктор. — Как можем мы утверждать, что на Плуtone никогда не было жизни, в том числе и разумной? А может, в необозримом прошлом здесь возникла и расцвела великая цивилизация?

Или же какие-нибудь пришельцы из другой солнечной системы заявили сюда и колонизировали планету?

— Все может быть, а только верится с трудом, — откликнулся Херб.

Кингсли раздраженно махнул рукой.

— В сигналы, пойманные нами, тоже верится с трудом, — пробасил он, — однако они существуют. Над вашим вопросом я сам задумывался, и не раз. У меня, к несчастью, слишком развито воображение, хотя ученому иметь его не полагается. Ученый должен корпеть, потеть и собирать информацию по зернышку, оставляя воображение философам. Но так уж я устроен. Я пытаюсь представить себе, что могло

произойти в прошлом или произойдет в будущем. Вот я и подумал, а вдруг какая-то планета пытается связаться со своей давно потерянной колонией здесь, на Плутоне? Может, кто-то хочет возобновить контакт с людьми, жившими тут миллионы лет назад? Это, конечно, только предположение, и в общем оно никуда не ведет.

Гэри набил трубку и раскурил ее, хмуро взирая на тлеющий табак. Опять эти космические голоса. Голоса, переговаривающиеся через пустоту и смущающие человеческие души.

— Доктор, — сказал он, — а ведь не вам одному доводилось слышать мысли из космоса.

Кингсли резко повернулся к нему.

— Кто еще их слышал? — спросил он почти враждебно.

— Мисс Мартин, — спокойно ответил Гэри, пыхнув трубкой. — Вы же до сих пор не выслушали историю мисс Мартин. Сдается мне, она могла бы вам помочь.

— Чем это, интересно знать? — проворчал ученый.

— Видите ли, — мягко проговорил Гэри, — она занималась умственной работой целую тысячу лет. Думала не переставая почти десять веков.

У Кингсли вытянулось от изумления лицо.

— Не может этого быть, — сказал он.

— Может, доктор, — заверил его Гэри. — В анабиозе все может быть.

Кингсли открыл было рот, чтобы возразить, но Гэри его опередил:

— Вы хорошо знаете историю, доктор? Помните тот давний скандал, связанный с Кэролайн Мартин, которая отказалась отдать свое изобретение военным во время схватки с Юпитером?

— Ну конечно, — сказал Кингсли. — Ученые много лет гадали, что она такое изобрела...

Доктор вскочил с табуретки.

— Кэролайн Мартин! — вскрикнул он, посмотрев на девушку. И хрипло прошептал: — Вас тоже зовут Кэролайн Мартин.

Гэри кивнул:

— Доктор, это та самая женщина, что отказалась выдать свой секрет тысячу лет тому назад.

Глава 5

Доктор Кингсли глянул на часы.

— Скоро должны пойти сигналы, — сказал он, — Через несколько минут мы будем прямо напротив туманности Андромеды. Если выглянуть сейчас наружу, ее можно увидеть над горизонтом.

Кэролайн Мартин сидела в кресле у телепатической машины. На голове у девушки был шлем, похожий на колпак. Все взгляды были прикованы к маленькой лампочке на верху аппарата. Когда начнут поступать сигналы, лампочка замигает своим красным глазом.

— Свят-свят-свят! — прошептал Томми Эванс и провел ладонью по лицу.

Гэри наблюдал за девушкой: сидит, прямая, как королева с короной на голове. Сидит и ждет — ждет чьего-то неведомого голоса, способного пробиться сквозь немыслимую толщу пространства.

Мозг, отточенный тысячелетними размышлениями, привыкший к простой и жесткой логике. Она о многом передумала, лежа в резервуаре; ее разум ставил себе проблемы и решал их. Какие проблемы не давали ей покоя? Какие тайны удалось ей раскрыть? Такая молоденькая симпатичная девочка — ей бы в теннис играть или танцевать до утра... А вместо этого она думала тысячу лет.

Лампочка наконец замигала, и Гэри увидел, как Кэролайн, затаив дыхание, склонилась вперед. Карандаш, зависший над блокнотом, выпал из ее пальцев и покатился по полу.

Над комнатой нависла гнетущая тишина, нарушаемая лишь взволнованным сопением доктора Кингсли. Доктор шепнул Гэри на ухо:

— Она понимает! Она понимает...

Гэри прижал палец к губам.

Красная лампочка погасла, и Кэролайн медленно повернулась в крутящемся кресле. Глаза ее были широко распахнуты. Казалось, она не в силах вымолвить ни слова. Наконец она заговорила:

— Они нас принимают за кого-то другого. Им кажется, что они связались с развитой цивилизацией, которая здесь была когда-то. Послания передают издали. Не из туманности Андромеды, она просто оказалась на пути. Они недоумевают, почему мы им не отвечаем. Но они заметили, что кто-то пытается ответить, и хотят нам помочь. Они употребляли множество научных терминов, я не все смогла понять... Говорили что-то насчет искривления времени и пространства, но принцип искривления у них, похоже, совсем другой. Они чего-то хотят, и очень настойчиво. У меня сложилось такое впечатление, что кому-то в космосе угрожает опасность, и они считают, будто мы можем помочь.

— Угрожает опасность? Кому? — спросил Кингсли.

— Не знаю, — ответила Кэролайн.

— Ты можешь ответить им? — спросил Гэри, — Так, чтобы они поняли?

— Попробую, — сказала она.

— Вам надо только думать, — сказал ей Кингсли, — Думать напряженно и четко. Сосредоточьтесь изо всех сил, попытайтесь как бы вытолкнуть свои мысли из головы. Шлем уловит импульсы и перешлет их через мыслепроектор.

Ее тонкие пальцы потянулись к выключателю и повернули его. Трубки в машине ожили и загорелись ярким голубоватым светом. Лабораторию наполнил нарастающий гул энергии.

Гул сменился мерным урчанием, а трубки засияли так ослепительно, что стало больно глазам.

Она с ними разговаривает, подумал Гэри. Разговаривает с ними.

Минуты тянулись, словно вечность. Наконец девушка снова щелкнула выключателем. Урчание постепенно утихло, и воцарилась мертвая тишина.

— Они поняли? — спросил Кингсли, и в то же мгновение красная лампочка замигала опять.

Кингсли схватил Гэри за руку и жарко зашептал прямо ему в ухо:

— Мгновенные! Мгновенные сигналы! Они получили ее сообщение и сразу отвечают. Это значит, что сигналы проходят через какое-то необычное измерение.

Красная лампочка мигала как сумасшедшая. Кэролайн напряженно подалась вперед, жадно впитывая то, что принимал ее мозг.

Когда лампочка потухла, девушка сорвала с головы шлем.

— Нет, я не верю, — простионала она, — Это невозможно!

Гэри одним прыжком оказался рядом, обнял ее за плечи.

— Что случилось? — спросил он.

— Послания! — крикнула она. — Они приходят с самого края Вселенной! С самой кромки расширяющегося пространства...

Кингсли вскочил со стула.

— Они похожи на голоса, которые я слышала раньше, — продолжала Кэролайн, — Похожи, но не совсем. Более добрые, что ли... но все равно ужасные. Они не понимают, с кем разговаривают. Им кажется, будто они говорят с людьми, жившими на Плутоне много лет назад — не знаю сколько, но очень, очень давно.

Гэри озадаченно покачал головой, а у доктора Кингсли вырвался из горла хриплый рык.

— Они обращались ко мне, называя каким-то словом, — прошептала девушка, — в котором чувствовалась привязанность... Родственная привязанность — словно их соединяли

кровные узы с теми людьми, что исчезли отсюда столетия назад.

— Не столетия, а миллиарды лет назад, — поправил ее Кингсли. — Коль скоро сигналы направлены именно сюда, значит, на этом месте был какой-то центр или город. Но от него не осталось никаких следов, ни малейших намеков. А ведь на Плутоне нет ни ветра, ни природных катаклизмов, тут ничего ни заржаветь не может, ни взорваться. Да, миллиарды лет, не меньше...

— Но кто они такие? — спросил Гэри, — Те, с кем ты говорила. Они сказали тебе?

Кэролайн покачала головой.

— Я не совсем поняла. По-моему, они называют себя Космическими Инженерами. Хотя это неточный перевод. Недостаточный. Смысловая нагрузка в оригинале гораздо шире. — Она помолчала, пытаясь подобрать слова. — Они вроде как назначили сами себя охранителями Вселенной. Защитниками всего живого, что существует в ее пространственно-временных пределах. А некто или нечто угрожает жизни в нашей Вселенной — какая-то мощная сила, существующая там, где нет ни времени, ни пространства. И Космические Инженеры требуют нашей помощи.

— Но чем мы можем им помочь? — спросил Херб.

— Не знаю. Они пытались мне объяснить, но мысли их слишком абстрактны. Я далеко не все смогла понять, только отдельные отрывки. Хорошо бы они упростили терминологию.

— О какой помощи ты говоришь, если мы не в состоянии даже долететь до них? — сказал Гэри, — Шутка сказать — на край Вселенной! Да мы до ближайшей звезды еще не добрались!

— А может, нам и не придется туда лететь, — предположил Томми Эванс. — Не исключено, что мы сумеем помочь им прямо здесь.

Лампочка замигала опять. Кэролайн схватила за шлем и водрузила его на голову. Как только красный огонек потух,

девушка потянулась к выключателю. И вновь засияли трубки, а лаборатория задрожала от напора энергии.

— Край Вселенной! Бред какой-то, — проворчал доктор Кингсли.

Гэри тихонько рассмеялся.

А приток энергии продолжал возрастать. Казалось, стены пульсируют от напряжения и голубых сполохов, отбрасываемых сияющими трубками.

И снова Гэри почувал, как холодный ветер пространства поднимает и шевелит коротко стриженные волосы у него на затылке.

Кингсли трясло от волнения. Да их всех трясло. Кто сумел бы остаться спокойным в такой-то момент? Послание с самого края Вселенной! Из того непостижимого далека, где время и пространство продолжают стремительно выбрасывать себя в неизведанную зону небытия... В зону, где нет еще ни времени, ни пространства, где ничего еще не происходило, где ничего не могло произойти, где нет ни места, ни условий, ни возможности чему-нибудь произойти. Гэри попытался представить себе, на что это похоже. И понял: ни на что. На что похоже ничто?

Много лет назад один старый философ сказал, что человек способен осознать всего лишь две концепции — времени и пространства, и из этих двух концепций он построил целую вселенную и на них же основал всю сумму своих знаний. Если философ был прав, выходит, человеку не дано представить себе место, где нет ни пространства, ни времени. Там, где кончается пространство, начинается... что?

Кэролайн уже щелкнула выключателем. Голубое сияние потускнело, мерный шум энергии заглох, а на верху аппарата замигала красная лампочка.

Гэри, не отрывавший от девушки глаз, заметил, как напряглось ее тело — напряглось, а потом расслабилось. Она склонилась вперед и погрузилась в восприятие сообщений, исходивших из шлема.

Лицо доктора Кингсли, изборожденное от напряжения морщинами, застыло, словно маска. Он по-прежнему стоял возле кресла, в котором сидела Кэролайн, — большой, похожий на медведя, беспомощно уронив руки и нервно сжимая и разжимая огромные красные ладони.

Послания были мгновенными. Это могло означать только одно из двух: либо мысль мгновенна сама по себе, либо сообщения передаются в таких пространственно-временных рамках, где расстояния сокращаются, — а следовательно, благодаря каким-то манипуляциям с континуумом край Вселенной может оказаться всего в нескольких милях отсюда... или даже футах. То есть можно прогуляться туда и обратно пешочком.

Кэролайн сняла шлем и повернулась лицом к окружающим. Они вопросительно смотрели на нее, не задавая вопросов.

— Теперь я поняла немного больше, — сказала она, — Это наши друзья.

— Наши друзья? — эхом откликнулся Гэри.

— Друзья всего живого во Вселенной, — пояснила Кэролайн. — Они стараются ее защитить. Скликают добровольцев, способных помочь им спасти Вселенную от угрозы извне... От какой-то внешней силы.

Девушка улыбнулась, глядя на недоуменные лица перед собой.

— Они просят нас прибыть на край Вселенной, — добавила она дрожащим от волнения голосом.

Херб так стремительно вскочил со стула, что тот со стуком свалился на пол.

— Они просят нас!.. — воскликнул он и осекся.

В лаборатории сгустилась тишина.

Гэри слышал, как судорожно, со свистом вырывается из ноздрей доктора Кингсли воздух; доктор силился взять себя в руки, чтобы задать простой вопрос... Вопрос, который вертелся на языке у каждого из них.

— Но как они себе это представляют? — наконец выговорил Кингсли.

— Мой корабль летает быстро, — сказал Томми Эванс. — Быстрее всех, что были до сих пор. Но не настолько быстро!

— Пространственно-временное искривление, — произнес доктор Кингсли, и голос его был на удивление спокоен. — Они наверняка используют пространственно-временное искривление, когда передают нам сигналы. Возможно...

— Именно так, — улыбнулась Кэролайн. — Напрямки. Никаких далеких путешествий. Кратчайшим путем, минуя обычное время и пространство. Через пространственно-временную дыру.

Громадные ладони Кингсли снова начали сжиматься и разжиматься. Каждый раз, когда кулак сжимался, на красной, туго натянутой коже выделялись белые костяшки.

— Да, но как нам это сделать? — спросил Херб. — Никому из нас такое не под силу. Мы летаем на своих игрушечных корабликах с геосекторами и считаем, будто достигли вершин прогресса. Геосекторы просто искривляют пространство, но разве мы знаем — как? Разве мы понимаем, что происходит при этом? Мы просто забавляемся, как ребенок в грязной луже, гоняющий грязь то туда, то обратно. А тут необходимо будет контролировать процесс, искривлять пространство совершенно определенным образом да еще поддерживать его в этом состоянии.

— Может, Инженеры... — начал Эванс.

— Верно, — кивнула Кэролайн. — Инженеры нам расскажут. Они знают, как это делается. Нам нужно будет лишь следовать их указаниям.

— Но сумеем ли мы понять? — усомнился Кингсли. — Их математика наверняка за пределами нашего понимания.

— Я смогу их понять, — прервала его Кэролайн с горечью в голосе, — Может, не сразу, но, думаю, у меня получится. Тысячелетняя практика, как-никак.

— Вы уверены? — недоверчиво спросил Кингсли.

— Лежа в своей темнице, я открыла новые теории пространства и вывела новые математические формулы, — сказала Кэролайн. — Конечно, это только теории, но в них выверена каждая деталь. Я разрабатывала их постепенно, шаг за шагом, — Она засмеялась, и в ее смехе горечь ощущалась еще сильнее, чем в словах, — Я занималась этим десять столетий, — напомнила она. — У меня было достаточно времени, чтобы проверить все досконально. Нужно же было чем-то заняться, чтобы не спятить, верно?

Гэри пристально смотрел на нее, поражаясь абсолютной уверенности в себе, которой дышало это юное лицо, поражаясь убежденности, звучавшей в каждом ее слове. А потом он смутно почувствовал кое-что еще. Ее превосходство. За последние несколько минут она взяла в свои крохотные ладошки лидерство над группой мужчин, собравшихся на Плутоне. Если взять их мозги и сложить все вместе, им и тогда не сравниться с ее мозгом. Ей доступны такие глубины, о каких они даже не подозревают. Что ж, она правильно сказала: тысячелетняя практика, как-никак.

Сколько лет мыслит обыкновенный человек? Лет пятьдесят, не больше, если считать те годы, когда его мысль уже отточена образованием, искусна и еще остра. Треть этих лет уходит на сон, одна шестая — на еду и отдых... Стало быть, остается примерно двадцать пять лет, в течение которых человек размышляет и постигает природу вещей. А потом он умирает, и мысли его исчезают. Вернее, зачатки мыслей, которые могли бы спустя пару лет оформиться в законченную стройную теорию. Но они исчезают, чтобы возникнуть потом у кого-то другого, и ему приходится начинать все сызнова... А сколько мыслей так и пропало бесследно?

Однако с Кэролайн Мартин дело обстояло иначе. Она думала в течение сорока обычных жизней, и разум ее оставался молодым, быстрым и острым. Ничто не прерывало ее размышлений — ни сон, ни еда, ни развлечения. Она могла обдумывать какую-то проблему круглый год — или век, если хотела.

При этой мысли Гэри бросило в дрожь. Да ведь никто из них даже смутно не может представить себе масштабов ее познаний. Что ей открылось, какие истины она нашла во тьме межпланетного пространства? К тому же... Не стоит забывать, что началось-то все с открытия некоей мощной силы, которую она отказалась отдать в руки людям даже под угрозой вечного изгнания.

Кэролайн заговорила снова, резко и отрывисто, совсем не так, как раньше, — а ведь она умела быть очаровательным собеседником.

— Меня всегда интересовали проблемы времени и пространства. Изобретение, которое я отказалась передать военному совету во время войны с Юпитером, было подобно вашим геосекторам... Правда, с одним — но существенным — отличием.

— Вы изобрели геосектор? То есть открыли принцип движения кораблей с помощью искривления пространства тысячу лет назад? — изумился Кингсли.

Она кивнула:

— Только военные не собирались использовать его для перемещения в космосе кораблей. Им было не до того. Юпитер выигрывал войну, и они были в отчаянии. Им нужно было новое оружие.

— Но геосектор не может быть оружием, — возразил Кингсли. — Им невозможно пользоваться вблизи планет.

— А представьте себе, — сказала девушка, — что вы способны контролировать искривление пространства, создаваемое геосектором, причем ваш геосектор искривляет не только пространство, но и время. Тогда он сможет стать оружием, как по-вашему?

— Еще как сможет! — присвистнул Херб.

— Они хотели испытать его на Юпитере, — продолжала Кэролайн. — Планета попросту испарилась бы — разлетелась бы на мелкие кусочки как в пространстве, так и во времени.

— И что бы стало в результате с Солнечной системой? — задумчиво проговорил Кингсли. — Даже если искривление

пространства не затронуло бы всю Систему, исчезновение Юпитера заставило бы все оставшиеся планеты сойти с орбит. И система начала бы складываться по-новому. Какие-то планеты взорвались бы, какие-то — упали на Солнце. А на Земле как минимум начались бы землетрясения, сильные приливы и активнейшая вулканическая деятельность.

Девушка кивнула:

— Поэтому я не отдала им открытие. Я сказала, что оно разрушит всю систему. А они обвинили меня в предательстве и изгнали в космическую ссылку.

— Но вы же опередили их на девять столетий! — воскликнул Гэри. — Ведь первый действующий геосектор был создан всего сто лет назад.

Ничего себе, подумал Гэри: девять столетий форы и тысяча лет для улучшения результата! Да она наверняка смеется над нами в душе! Может, она и над Космическими Инженерами способна посмеяться, кто знает? Геосекторы на борту «Космического щенка» должны были казаться ей игрушками. Он вспомнил, с каким апломбом распространялся о них, и почувствовал, как наливаются жаром уши.

— Сдается мне, юная леди, — прогудел доктор Кингсли, — что вам не нужна никакая помощь от этих Космических Инженеров.

Кэролайн залилась смехом, звонким, как серебряные колокольчики.

— Нужна-нужна, не беспокойтесь! — сказала она.

Заметив мигание красного огонька, девушка в который уже раз надела шлем. Все взволнованно следили за ней. Кончик карандаша коснулся блокнота — и побежал по белой бумаге, записывая символы и уравнения.

— Инструкция, — прошептал Кингсли, но Гэри так свирепо нахмурился в ответ, что доктор тут же виновато умолк, уронив дрожащие руки и поникнув мощной головой.

Лампочка погасла. Кэролайн включила передающее устройство, и лабораторию снова наполнил гул энергии, а по стенам заплясали голубые блики.

У Гэри голова шла крутом... Подумать только — эта хрупкая девчушка говорит сквозь миллиарды световых лет пространства с существами, которые обитают на краешке расширяющейся Вселенной! Говорит и понимает... Хотя, наверное, понимает не все, поскольку сейчас она, похоже, что-то спрашивает об уравнениях, записанных в блокноте. Кончик карандаша завис над бумагой, глаза бегут по строчкам символов...

А гул в лаборатории утих, и голубые тени перестали метаться по стенам, зато вовсю мигает красный огонек.

Карандаш вносит исправления, пишет примечания и добавляет новые уравнения, не колеблясь ни минуты. И вот уже погасла лампочка, а Кэролайн опять снимает шлем.

Кингсли подошел к машине и взял в руки блокнот. Постоял, недоуменно глядя на записи. Смесь любопытства и замешательства отразилась на его лице.

Он вопросительно взглянул на Кэролайн:

— Вы что-нибудь тут понимаете?

Она кивнула.

Доктор швырнул блокнот обратно.

— Кроме вас во всей системе есть только один человек, способный это понять, — сказал он, — Единственный, кто мог бы хоть приблизительно представить себе, что все это значит. Я говорю о Конраде Фэрбенксе, но он сидит в психушке на Земле.

— Ну конечно! — завопил Херб. — Тот самый парень, который придумал трехмерные шахматы! Я как-то его сфотографировал.

Херба дружно проигнорировали. Все взгляды были устремлены на Кэролайн.

— Для начала я поняла вполне достаточно, — сказала она. — Не исключено, что мне придется связаться с ними еще, чтобы уточнить детали. Но это уже по ходу дела.

— Судя по уравнениям, — сказал Кингсли, — у них прекрасно развита математика четвертого измерения. Они учитывают такие параметры давления и натяжения, такие

угловые величины, каких мы не только измерить, но и постичь не в состоянии.

— Возможно, Инженеры живут на большой и массивной планете, — предположила Кэролайн, — такой массивной, что она искривляет вокруг себя пространство. Тогда параметры давления, приведенные ими в формулах, вполне естественны. Существа, обитающие на подобной планете, поневоле должны разбираться во всех тонкостях пространственных измерений. Мощная гравитация планеты-сверхгиганта не может не исказить пространства. У планиметрии мало шансов развиваться в мире, где нет ни одной прямой плоскости.

— Так чего же они от нас хотят? — спросил Эванс.

— Они хотят, чтобы мы построили машину, — ответила Кэролайн, — которая послужит чем-то вроде якоря на одном из концов пространственно-временного изгиба. Второй конец будет находиться на планете Инженеров. Между двумя машинами-якорями, их и нашей, образуется прямой проход сквозь те миллиарды световых лет, что нас разделяют. — Она взглянула на Кингсли, — Нам потребуются прочные материалы. Прочнее всех, что известны сегодня в системе. Они должны будут выдержать давление миллиардов световых лет искривленного пространства.

Кингсли озадаченно нахмурил брови.

— Я вот о чем подумала: может, попробуем замедлить вращение электронов? — предложила Кэролайн. — Вы ведь проводили такие эксперименты?

— Проводить-то проводили, — кивнул Кингсли. — Наши лаборатории идеально приспособлены для работы с низкими температурами. Но это ничего не даст. Я могу замедлить вращение электронов до полной остановки, но чтобы поддерживать их в этом состоянии, необходима температура, близкая к абсолютному нулю. Малейшее нагревание — и они преодолеют инерцию и начнут крутиться снова. Машина, построенная из такого материала, попросту растает, стоит ей нагреться хоть на пару градусов.

Если бы мы могли кристаллизовать атомные орбиты после остановки вращения, — добавил он, — у нас получился бы феноменально прочный материал. Пробыть его было бы невозможно.

— Это вполне осуществимо, — сказала Кэролайн. — Мы создадим особое пространственное состояние, которое удержит электроны на месте.

— Вы, верно, можете вертеть пространством, как захотите, — проворчал Кингсли. — Существует ли что-нибудь такое, чего вы не в силах с ним сотворить?

— Таких вещей уйма, доктор, — засмеялась Кэролайн. — Я мало что умею. Но пространство интересовало меня всегда, вот почему мне удалось открыть принцип пространственно-временного искривления. Я много думала о нем и потом, лежа в анабиозе. И придумала способы, какими можно его контролировать. Мне нужно было как-то убить время.

Кингсли окинул лабораторию взглядом занятого человека, собравшегося уходить и проверяющего, все ли он взял с собой.

— Чего же мы ждем? — зарокотал он, — За работу!

— Погодите секундочку, — вмешался Гэри, — Вы уверены, что мы этого хотим? Что мы не влипнем в какую-нибудь передрагу и не пожалеем о своем безрассудстве? В конце концов, у нас только и есть, что голословное утверждение голосов. Вы приняли его на веру, даже не встретившись с ними лицом к лицу... Если у них вообще есть лица.

— Ну да! — подхватил Херб. — Откуда нам знать, что они нас не дурачат? Может, у них космический юмор такой. А теперь они сидят и помирают со смеху, глядя, как мы тут переполошились.

Кингсли вспыхнул от гнева, но Кэролайн только рассмеялась.

— Уж больно ты серьезен, Гэри, — сказала она.

— А мне и вправду не до шуток, — сказал Гэри. — Мы беспечно даем втянуть себя в игру, в которой ни черта не

смыслим. Как ребятишки, забавляющиеся атомной бомбой. Мы можем выпустить из бутылки такого джинна, что потом никаких сил не хватит загнать его обратно. Не исключено, что кто-то просто использует нас, чтобы добраться до Солнечной системы. А мы собираемся таскать для них каштаны из огня!

— Гэри, — мягко сказала Кэролайн, — если бы ты слышал этот голос, ты бы не сомневался. Честное слово, поверь мне. Знаешь, это даже не голос, а мысль. Угроза, о которой нам сообщили, реальна, и мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь. Мы не единственные добровольцы: есть и другие люди — или существа — из других частей Вселенной.

— Откуда ты знаешь? — запальчиво спросил Гэри.

— Я не знаю, откуда я знаю, — сказала она с вызовом, — Просто знаю, и все. Интуиция, должно быть, или какая-то фоновая мысль Инженеров, пришедшая вместе с сообщением.

Гэри посмотрел на окружающих. Эванс весело улыбался. Кингсли хмурился. Гэри взглянул на Херб.

— Какого черта! — проворчал Херб, — Давайте попробуем.

И никаких проблем, подумал Гэри. Женская интуиция, жгучее любопытство ученого, бесшабашный дух авантюризма. Ни тебе рассудка, ни логики... Сплошные эмоции. Возврат к временам древних рыцарей.

Однажды безумный монах встал перед толпой, потрясая мечом, и обрушился с бранью на чужую веру, а в результате христианские армии годами бились и разбивались о стены восточных городов.

Так начались крестовые походы.

И это еще один крестовый поход. На сей раз космический. Человек снова откликнулся на призыв «К оружию!» Человек опять потрясает мечом своей веры. Человек противопоставляет свои хилые силенки, свой жалкий умишко сверхмощным космическим силам. Человек — дурак несчастный — снова сует голову в петлю.

Глава 6

Странная машина рождалась на жестком, выщербленном и мерзлом покрытии взлетного поля... безумная машина, поблескивающая в сумеречном свете звезд. Машина с сумасшедшими углами, мерцающими призмами и паутиным каркасом — не машина, а скелет неведомого чудища, тянущийся ввысь, в космические дали.

Сооруженная из материала, в котором было остановлено движение атомов, она стояла, бросая вызов самым могучим силам человека и природы. Намертво притянутая магнитами к самому планетному ядру, она неколебимо стояла на своих паучьих лапах — хрупкая на вид, но способная выдерживать невообразимое давление пространственно-временного искривления космоса.

Длинные кабели змеились от нее по заиндевелоному покрытию к лабораторной энергостанции. По этим тонким кабелям, ставшим под воздействием лютой стужи сверхпроводниками, побежит в странную машину чудовищная энергия.

— Они помешались на космосе, — проворчал Тед Смит, вынырнув сбоку от Гэри. — Этак они весь Плутон разнесут к чертовой матери! Ох, убраться бы отсюда куда подальше до начала фейерверка!

В наушниках у Гэри заскрипел голос Херба:

— Ерунда, ничего тут не взорвется. Эта штуковина больше похожа на игрушку, собранную из детского «конструктора», чем на серьезную машину. Хоть убейте, не пойму, как она будет работать.

— А я уже и не пытаюсь понять, — отозвался Гэри. — Кэролайн мне объясняла, объясняла, но я, наверное, тупой. Не доходит до меня, хоть тресни. Я понял только, что машина будет служить чем-то вроде якоря, чтобы Инженеры смогли по-своему искривить пространство и удерживать его в одном и том же состоянии.

— Мне все эти разговоры про Инженеров всегда казались пустой болтовней, — заявил Тед. — Но кое о чем я хочу вам двоим рассказать. Никак не мог вас заловить, уж очень вы заняты. И все-таки мне хочется с вами поделиться. Вы единственные из этой компашки не совсем еще свихнулись на звездах.

— Чем поделиться? — спросил Гэри.

— Ну, в общем, — замялся Тед, — ничего особенного в этом нет, но все равно интересно. Короче, пару дней назад я выбрался тайком на прогулку. Это против правил, как вам известно. Далеко уходить от поселка не рекомендуется — мало ли что может случиться. Но я все-таки пошел. Прогулялся вдоль гор, потом залез на углекислый ледник и спустился в маленькую долину.

Он сделал эффектную паузу.

— Вы что-нибудь там нашли? — спросил Гэри.

— Вот именно, что нашел! — гордо заявил Тед. — Нашел какие-то руины из белого камня, разбросанные по всей долине. Словно там когда-то стояло здание, а потом его разобрали по камушку и раскидали по окрестностям.

— А может, это обыкновенные валуны или какие-то скальные обломки? — предположил Гэри.

— Нет, сэр! — с жаром запротестовал Тед. — На камнях до сих пор видны следы долота. Каменотесы приложили к ним руку, это уж как пить дать. И вообще — покажите мне хоть один белый камень в округе!

Гэри понял, что хотел сказать радист. Горы кругом были черные, как космический вакуум. Гэри обернулся и посмотрел на зубчатые скалы, нависшие над поселком, на острые пики, смутно маячившие на фоне черной пустоты.

— Выходит, — сказал Херб, — Инженеры правду говорили. Кто-то обитал на этой планете.

— Если Тед и впрямь нашел обломки здания, другого вывода быть не может, — признал Гэри. — Здесь был какой-то город, а значит, и разумная жизнь. Чтобы обтесывать камни, необходим определенный уровень культуры.

— Но как они могли здесь жить? — недоверчиво спросил Херб, — Плутон же остыл очень быстро и лишился всех легких газов. Его кислород и углекислый газ превратились в снег и лед. Слишком тут холодно для жизни.

— Все это я знаю и без тебя, — сказал Гэри, — Только не стоит слишком категорично судить о подобных вещах. Если Тед не ошибается, значит, Инженеры были правы, а мы заблуждались — по крайней мере в этом вопросе. Теперь я, пожалуй, больше склонен им доверять.

— Ладно, я пошел, — сказал Тед, — Мне просто хотелось вам рассказать. Я собирался навестить туда еще разок и пошарить по окрестностям, да времени не хватает. С тех пор как напечатали вашу статью, отбоя нет от сообщений. Правительство шлет радиогаммы, ученые шлют радиогаммы, и просто психи — тоже. Никакой личной жизни!

Радист ушел к себе в рубку, а Гэри взглянул в сторону лабораторий. Из люка здания выбрались две фигуры в скафандрах.

— Это Кэролайн и Кингсли, — сказал Херб. — Они ходили поговорить еще раз с Инженерами. Что-то у них там не ладилось, пришлось обратиться за указаниями.

— Похоже, работа близится к концу, — откликнулся Гэри. — Кэролайн не смогла мне назвать точной даты, но она надеется, что через день-другой машина будет готова. Томми уже целые сутки не спит, доводит свой корабль до ума. Все судно облазил и проверил, начиная от пульта управления и кончая ракетными соплами.

— Хотел бы я знать, на кой нам этот корабль и как он сможет нас доставить к Инженерам! — раздраженно буркнул Херб.

— Все делается по инструкции, — сказал Гэри, — Велели Инженеры привести в порядок корабль, вот Томми и старается. Похоже, мы теперь и шагу не смеем ступить без их указаний.

Фигуры в скафандрах торопливо спускались по тропе к взлетному полю. Когда они приблизились, Гэри окликнул их:

— Ну как, выяснили, в чем дело?

В ушах загудел голос Кингсли:

— Да. Мы там слегка напортачили, будем теперь исправлять.

Все четверо направились к машине. Гэри пристроился к Кэролайн и заглянул ей в лицо сквозь обзорную пластинку шлема.

— Ты здорово осунулась, — заметил он.

— Я устала, — призналась она, — Работы по горло, а времени мало. Инженеры отчаянно просят поторопиться. Похоже, они уверены, что опасность близка.

— Я одного не могу понять: ну доберемся мы до них, а дальше что? — сказал Гэри, — В научном отношении они на голову выше нас. Если задача даже им не по плечу, то от нас и вовсе толку не будет.

— Я сама не понимаю, — устало проговорила Кэролайн, — Но они почему-то пришли в бурный восторг, когда узнали, кто мы такие и когда я описала им нашу Солнечную систему, упомянув, что мы родом с третьей планеты. Они засыпали меня вопросами. Их ужасно интересовало, что мы за существа. Мне с трудом удалось втолковать им, что мы состоим из протоплазмы, а когда они поняли наконец, то обрадовались еще больше.

— Возможно, существа из протоплазмы — диковинка для Вселенной, — предположил Гэри. — Может, твои Инженеры впервые встретили таких ребят, как мы.

Кэролайн резко повернулась к нему:

— Подозрительно все это, Гэри! Почему они так жаждут нашего прибытия? Почему так настойчиво испытывают про нас все подробности? Об уровне развития нашей науки, о нашей истории...

Гэри уловил еле заметную дрожь в ее голосе.

— Не бери в голову, — сказал он, — Еще не поздно отказаться. Мы вовсе не обязаны играть в их игру.

— Нет, — заявила она. — Это невозможно. Мы нужны им, мы должны помочь спасти Вселенную. Я в этом убеждена.

Она быстро зашагала вперед, на подмогу к доктору Кингсли.

— Подайте-ка мне вон тот молоток, — потребовал голос Кингсли.

Гэри нагнулся и, подняв тяжелый молоток, протянул его доктору.

— Проклятье! — простонал Херб. — Мы целыми днями только и делаем, что подаем вам молотки, гвозди и гайки! Мне они во сне уже снятся.

В наушниках раздался смешок доктора Кингсли. Он стукнул молотком по одной из поперечных перекладин и слегка изменил ее угол.

Гэри запрокинул голову и поглядел на спиральную башню машины, что уходила в черную космическую даль, утыканную жесткими глазками звезд. Где-то там за ними — край Вселенной. Где-то там живут существа, назвавшие себя Космическими Инженерами. Живут и сражаются с неведомой опасностью, угрожающей Вселенной. Он попытался представить себе эту опасность... Опасность, способную грозить гигантскому вместилищу энергии материи, которое люди зовут Вселенной, — живому, расширяющемуся организму, замкнутому кривизной времени и пространства. Но рассудок спасовал перед громадностью задачи, и Гэри бросил эту затею. Думай не думай, а объять необъятное человеку не дано.

Из ангара вышел Томми Эванс и зашагал по взлетному полю, радостно махнув им рукой.

— Мое корыто готово, дело за вами! — крикнул он.

Кингсли, возившийся с призмами у основания машины, выпрямился и пробасил:

— Мы тоже готовы.

— Ну что ж, тогда поехали! — заявил Херб.

Кингсли посмотрел вверх.

— Потерпите немного, — сказал он. — Мы сейчас удаляемся от прямой линии связи с Инженерами. Подождем, пока планета сделает еще один оборот. Мы не можем удерживать искривление постоянно. А если бы и могли, вращение Плутона все равно его исказит. Когда мы запустим машину, она автоматически будет поддерживать заданное искривление, пока Плутон не повернется на сорок пять градусов.

— А что, если мы не успеем до этого вернуться с края Вселенной? — спросил Гэри. — И Плутон повернется больше чем на сорок пять градусов? Тогда мы выпадем из изгиба и окажемся замурованными в межгалактическом пространстве?

— Не знаю, — ответил Кингсли. — Я доверяю Инженерам.

— Конечно, — вмешался Херб, — мы все им доверяем. Очень надеюсь, что они знают, что делают.

Все впятером они потащились по тропе к главному лабораторному шлюзу.

— Перекусим чего-нибудь, — сказал Кингсли, — как следует выпьемся — и в путь. Мы все порядком притомились.

Набившись всей толпой в тесную кухоньку, они уселись и принялись поглощать дымящийся кофе с бутербродами. Возле тарелки Кингсли лежала стопка радиogramм, которые принес доктору Тед. Кингсли раздраженно их пролистал.

— Психи, — прогудел он. — Сотни психов. И у каждого своя безумная идея, еще безумнее нашей. А самая безумная — у правительства. Нет, вы только послушайте: правительство запрещает нам продолжать работу. Приказывает прекратить! — Он возмущенно фыркнул. — На основании какого-то дурацкого закона, принятого Лигой Чистоты сто лет назад и до сих пор не отмененного! Закон, видите ли, дает правительству право прекратить любой эксперимент, опасный для жизни и грозящий потерей имущества.

— Лига Чистоты по-прежнему в силе, — сказал Гэри, — хотя и работает теперь в основном втихаря, под прикрытием. Во всем этом, разумеется, замешана политика. — Он

залез в карман куртки и выудил оттуда желтую бумажку. — Я и забыл про нее за всеми нашими хлопотами.

Гэри протянул бумажку ученому. Тот развернул шуршащий листок, напечатанный космотайпом на «Космическом щенке».

«НЕЛЬСОНУ. НА БОРТ “КОСМИЧЕСКОГО ЩЕНКА” НА ПЛУТОНЕ. ДВА ДНЯ НАЗАД МЕЖПЛАНЕТНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ОТДАЛО ТАЙНЫЙ ПРИКАЗ МЕЖПЛАНЕТНОЙ ПОЛИЦИИ, ЧТОБЫ ТА ОБЕСПЕЧИЛА ВЫПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА, ЗАПРЕЩАЮЩЕГО ПОЛЕТ НА КРАЙ ВСЕЛЕННОЙ. ЭТО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ДЕРЖИТЕСЬ ОТ НЕПРИЯТНОСТЕЙ ПОДАЛЬШЕ».

Кингсли яростно сжал листок в кулаке.

— Когда вы его получили? — загремел могучий бас.

— Пару часов назад, — сказал Гэри. — Им потребуется несколько дней, чтобы до нас добраться.

— Мы смоемся отсюда раньше, чем они увидят в своих иллюминаторах Плутон, — заявил Томми. Слова его с трудом пробились сквозь громадный кусок бутерброда.

— Так-то оно так, — согласился Кингсли, — но все равно меня это бесит. Проклятое правительство вечно вмешивается не в свои дела. Тоже мне, судьи нашлись! А главное, они совершенно уверены в собственной непогрешимости! — Кингсли злобно зарычал на бутерброд, зажатый в огромной ладони, и яростно впился в него зубами.

Херб обвел кухнюшку взглядом.

— А ведь у нас, друзья, прощальный ужин, — сказал он, — Жаль только, выпить нечего. Не мешало бы провозгласить тост за Солнечную систему, прежде чем покинуть ее. Такое дело не грех и отпраздновать.

— Мы и отпраздновали бы, не раскокай ты бутылку скотча, — напомнил ему Гэри.

— Черт побери! — возопил Херб. — Да не раскокай я эту бутылку, ты бы все равно ее вылакал давным-давно! — Он вздохнул и загородился от Гэри кофейной чашкой.

Кингсли оглушительно расхохотался.

— Погодите минуту, ребята! — сказал он и, подойдя к шкафу, смахнул с полки два ряда овощных консервов. Взглядам присутствующих предстала литровая бутылка с янтарной жидкостью. Кингсли поставил ее на стол, — Сполосните-ка свои чашки! Бокалов у нас нет.

Жидкость перекочевала в кофейные чашки, и вся компания встала, чтобы торжественно обмыть событие.

В соседней комнате зазвонил телефон.

Чашки опустились на стол. Кингсли вышел и снял трубку. Через дверь донеслись возбужденные раскаты докторского баса и пулеметная очередь быстрых вопросов, затем доктор вернулся на кухню.

— Звонил Йенсен, мой ассистент, из обсерватории! — крикнул Кингсли. — Он засекал пять кораблей, всего в нескольких часах лета! Полицейских кораблей!

Херб, машинально поднявший чашку, разжал пальцы. Чашка упала на стол и разбилась. Виски закапало на пол.

— Да что с тобой в самом деле! — прикрикнул на него Гэри, — Вечно у тебя руки трясутся, как только дотянутся до спиртного!

— В космограмме, которую прислали Гэри, видимо, что-то напутано, — сказал Томми Эванс, — Корабли, наверное, были возле Нептуна, когда им приказали лететь сюда.

— Да что им делать там, возле Нептуна? — спросил Херб.

— Полицейские суда вечно что-то вынюхивают. — Томми пожал плечами. — Они могут быть где угодно.

Все пятеро застыли в мертвой тишине, глядя друг на друга.

— Они не могут нас остановить, — прошептала Кэролайн. — Просто не могут.

— Если запустить машину прямо сейчас, у нас еще будет пара часов, прежде чем прервется контакт с Инженерами, — сказал Томми. — Может, успеем? Корабль у меня готов.

— Спросите у Инженеров, — посоветовал Гэри. — Узнайте, как быстро они смогут вернуть нас обратно.

Голос Кингсли загремел, отдавая команды:

— Кэролайн! Свяжитесь с Инженерами! Выясните, можно ли нам сейчас стартовать. Томми, готовь корабль к старту! А все остальные быстро хватайте шмотки и бегом на поле!

По кухне будто смерч промчался. Все гурьбой ринулись к дверям.

Кингсли сел на телефон.

— Открой ворота ангара! — громогласно наставлял он Энди, — Прогрей двигатели. Мы отчаливаем.

Сквозь топот бегущих ног, сквозь рокот докторского баса пробился визгливый вой передающего устройства телепатической машины. Кэролайн общалась с Инженерами.

А Кингсли уже названивал Йенсену.

— Беги на энергостанцию. Приготовься выдать нам энергии на полную катушку. Кабели выдержат, знай только не жалей. Энергии нам нужно много.

Кэролайн вбежала в комнату, где Гэри сражался со своими космическими доспехами.

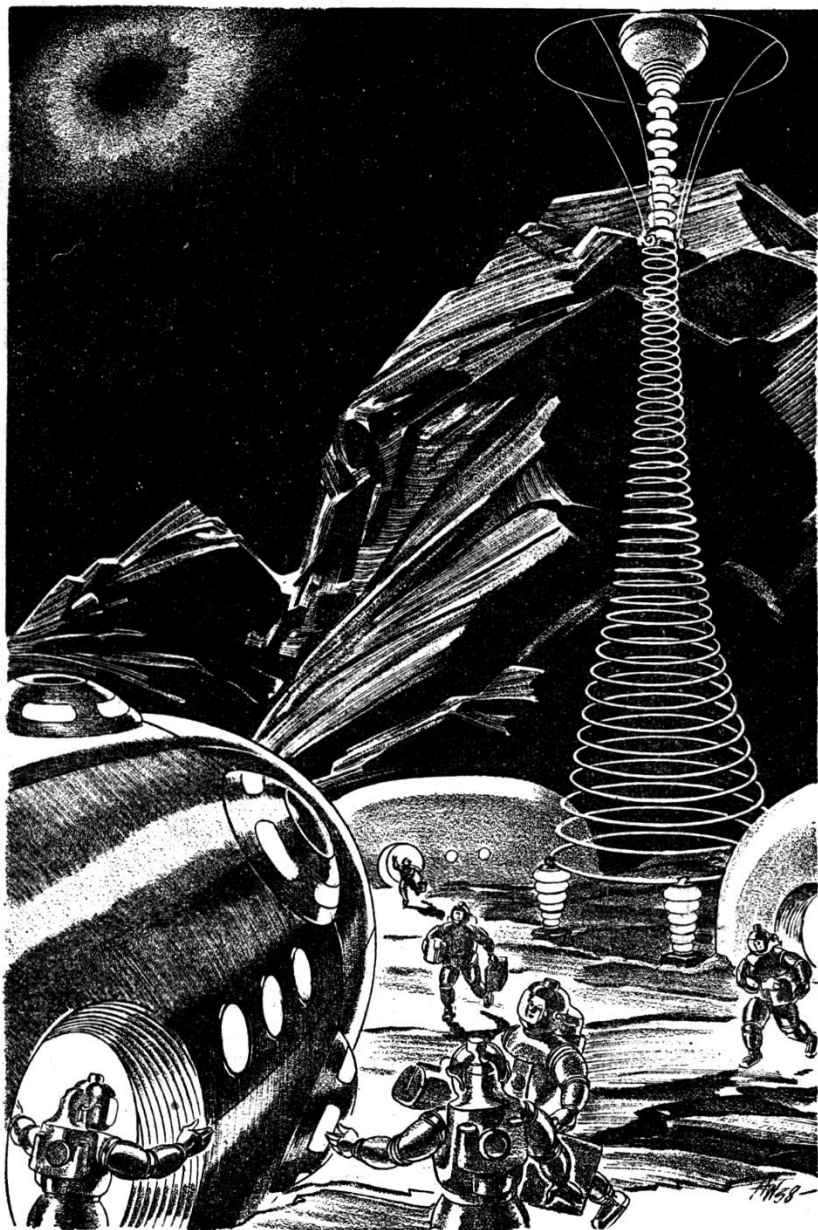
— Порядок! — возбужденно крикнула она. — Инженеры говорят, что мы доберемся до них почти мгновенно.

Гэри помог ей облачиться в скафандр, застегнул снаружи шлем. Кингсли, пыхтя и отдуваясь, с трудом втискивал в доспехи свое дородное тело.

— Мы им нос-то натянем! — рычал он при этом. — Натянем за милую душу! Никакое правительство не будет указывать мне, что я могу делать, а чего не могу!

Выбравшись из шлюза, они поспешили по тропе на взлетное поле. В центре его высилась диковинная машина — словно мерцающий скелет, стоящий на страже безжизненных пустынь Плутона. Гэри задрал на бегу голову и заглянул в космическую бездну.

Голос пел у него в ушах — голос его собственных мыслей: «Мы идем! Держитесь, Инженеры, мы уже в пути! Слабые людишки спешат к вам на помощь. Человечество вышло в крестовый поход — самый грандиозный из всех походов!»

Могучий корабль Томми Эванса поджидал их на другом конце поля — отливая серебром, тускло краснея дюзами, он разогревался, чтобы потом полыхнуть внезапно реактивными вспышками и оттолкнуться от мертвой и стылой поверхности Плутона.

Да, подумал Гэри, еще один крестовый поход. Только на сей раз без оружия. Без малейшего представления о противнике. Без определенного плана кампании. Да и кампании-то никакой, в общем, нет. Есть только идеал — и зов трубы из космоса. Все, что человеку надо... Все, что ему было надо всегда. Только идеал и призывный трубный глас.

Кэролайн удивленно, почти испуганно вскрикнула, и Гэри посмотрел на середину поля.

Машина исчезла! Там, где она стояла, не осталось никаких следов, ничего. Просто пустое место.

— Йенсен врубил энергию! — прокричал Кингсли. — Машина свернула в другое измерение. Путь к Инженерам открыт!

Гэри ткнул пальцем в космос.

— Смотрите! — завопил он.

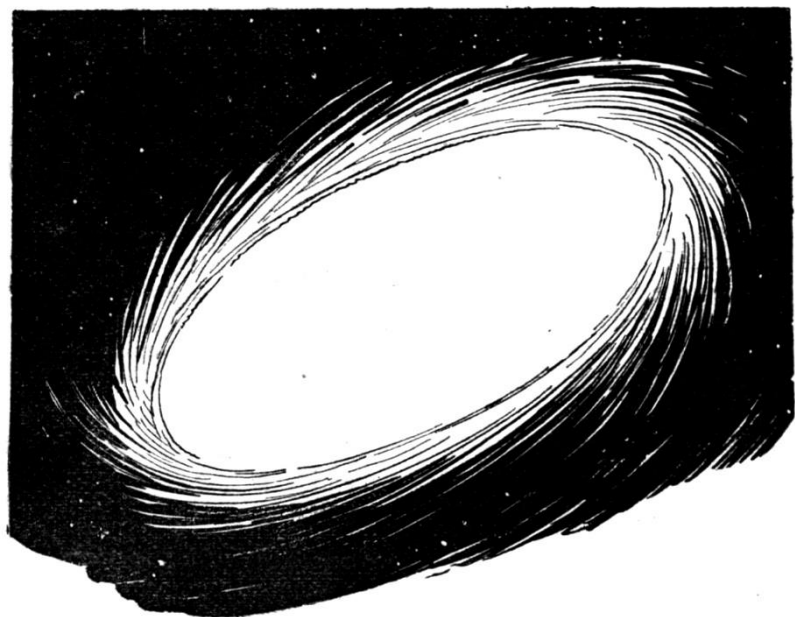
Зыбкий, мерцающий круг света появился в черных глубинах пространства. Неторопливо крутящееся колесо из белого тумана — колесо, которого никогда там раньше не было.

— Туда-то мы и полетим, — сказал Кингсли, и Гэри услышал его хриплое, натужное дыхание, — Прямоком туда — и к Инженерам!

Глава 7

Ловкие пальцы Томми переключили ракетные двигатели на режим старта. Большой палец нажал на рычажок — и корабль взмыл над взлетным полем в грохоте реактивных выбросов, сотрясавших весь корпус.

— Целься прямо в яблочко, Томми, — предупредил доктор Кингсли.

Томми серьезно кивнул.

— Не бойтесь, — проворчал он. — Не промажу.

— Хотя бы одним глазком взглянуть на копов в тот момент, когда они обнаружат, что нас уже и след простыл! — размечтался Херб. — Ну и глупые же у них будут рожи! Они-то надеялись, что свалятся нам как снег на голову.

— Все будет нормально, лишь бы они не свалились при посадке прямо в машину, — отозвался Гэри, — Иначе... Бог знает, что с ними станется, но я им не завидую.

— Я просил Теда предупредить их, чтобы держались от нее подальше, — подал голос Кингсли, — Машине-то ничего не сделается, но самим им это может выйти боком. Ну а если они попробуют ее сломать — их ждет настоящий сюрприз. Потому что сломать ее невозможно. — Доктор довольно усмехнулся. — Застывшие без движения атомы и жесткая, фиксированная кривизна пространства. Тот еще матерьяльчик!

Судно стремительно мчалось вперед, направляясь к крутящемуся колесу, сотканному из света.

— Далеко оно, как по-вашему? — спросил Гэри.

Кингсли покачал головой:

— Не думаю. По логике вещей, оно должно быть близко.

Колесо в иллюминаторе увеличивалось на глазах и вскоре превратилось в огромный искрящийся обод, внутри которого ступицей зияла черная дыра.

Томми скорректировал направление и вырубил ракетные двигатели. Перекрестие на экране направления застыло в самом центре дыры.

Колесо света расширилось, ступица стала еще больше и еще чернее... Словно дырка в пространстве, через которую смотришь в космос, только в космос без звезд.

Свет исчез. Лишь черная дыра осталась — и залила иллюминатор сплошной чернильной мглой. А потом та же мгла поглотила весь корабль — вязкая, тягучая, тяжелая, готовая расплющить его в лепешку.

Кэролайн тихо вскрикнула и тут же поперхнулась криком, ибо тьму почти мгновенно сменили потоки света.

Корабль спускался в город — исполинский город, при виде которого у Гэри захватило дух. Небоскребы громоздились над небоскребами, точно гигантские ступени; высоченные башни целились в судно, как пальцы Титана. Массивный, прочный город из белого камня, с прямыми и четкими линиями, город, тянувшийся миля за милей, сколько хватал глаз, покрывавший планету от горизонта до горизонта.

Три солнца сияло в небесах: одно белое, два голубоватых — и все три заливали город такими потоками света и энергии, что Солнце в сравнении с ними показалось бы маленькой свечкой.

Томми протянул руку к рычажкам, управляющим ракетными двигателями, намереваясь включить режим торможения. Но не успел он тронуть рычажок, как скорость судна замедлилась, словно оно погрузилось в мягкую, однако упругую подушку.

А в мозгу у них зазвучала команда — чей-то голос сказал им, что делать ничего не надо, что корабль посадят в городе без их усилий. Они не то чтобы услышали слова — просто каждый из них подумал одно и то же, в точности понимая, что от них требуется.

Гэри взглянул на Кэролайн и увидел, как губы ее прошептали всего одно слово: «Инженеры».

Стало быть, все это не бред. Здесь действительно живут существа, назвавшие себя Космическими Инженерами. Живут в этом городе.

Корабль снижался, сильно замедляя ход, и только теперь до Гэри дошло, как много миль оставалось до нагромождения каменных зданий, когда они впервые показались внизу. В сравнении с городом и корабль, и люди были просто букашками... Муравьишками, ползущими в тени огромной горы.

И вот наконец они достигли города, по крайней мере верхней его части. Судно пронеслось мимо верхушки каменной башни и нырнуло в ее тень. Взгляду открылись извилистые ниточки улиц, прямые полоски аллей и бульваров, прочертившие город далеко-далеко внизу. Город, который поражал своими размерами. Город, который посрамил бы тысячу Нью-Йорков. Город, превосходивший самые дерзновенные мечтания человечества. Миллионы земных городов, поставленных друг на дружку. Гэри попытался представить, каковы же размеры планеты, способной выдержать на себе такой город, но воображение отказалось ему повиноваться.

Судно спускалось уже мимо пятого яруса зданий, все ниже и ниже, все ближе и ближе к массивному каменному кварталу. Скоро в поле зрения осталась только крыша яруса, похожая на широкую и плоскую равнину.

Часть крыши откинулась наружу, словно дверь. Судно плавно скользнуло вниз, в разинутый зев гигантского люка. И продолжило спуск уже внутри, в просторном помещении со стенами, окрашенными в пастельные тона.

А затем мягкий толчок — и судно замерло. Они прибыли на место назначения.

— Ну, вот мы и прилетели, — сказал Херб. — А дальше что?

Словно в ответ на его вопрос, они опять услышали голос — вернее не голос, а мысль: «Это место мы приготовили специально для вас. Сила тяжести, атмосфера и обстановка — все должно быть для вас привычно. Вам не нужны здесь скафандры и другие искусственные приспособления. Обед на столе».

Они изумленно переглянулись.

— По-моему, — заявил Херб, — мне тут нравится. Вы слышали? Обед! Надеюсь, выпивка у них тоже найдется.

«Да, — сказал голос, — там есть и выпивка тоже»

У Херба отвисла челюсть.

Томми встал из пилотского кресла.

— Я проголодался, — заявил он и зашагал к внутреннему люку.

Все остальные, столпившись у него за спиной, смотрели, как Томми поворачивает запорное колесо.

Они шагнули из корабля прямо на каменную плиту, расположенную в центре огромного помещения. Плита, очевидно, служила лишь постаментом для судна, поскольку остальной пол был вымощен блестящими плитками минералов, которые искрились и переливались в свете трех солнц, струивших свои лучи сквозь гигантское, полупрозрачное слуховое окно. Стены помещения были выдержаны в пастельных полутонах и украшены большими картинами. А само оно уставлено прекрасной мебелью: от корабля кругами расходилось множество комнат, только без перегородок. Целый особняк, разместившийся в одном помещении.

Гостиная, библиотека, спальни и столовая. В столовой — массивный дубовый стол с пятью стульями, а на столе — обед, достойный королей.

— Цыплята! — заорал Херб, не скрывая благоговейного восторга.

— И вино, — добавил Томми.

Они изумленно таращились на стол. Гэри принялся. Все правильно, курочкой пахнет.

— А мебель старинная, — сказал Кингсли. — Такой антиквариат в Солнечной системе стоит целое состояние. В основном Чаттертон... и выглядит подлинным. Великолепная мебель, прямо-таки музейная. Как минимум тысячелетней давности, — Он разглядывал один предмет обстановки за другим. И вдруг взорвался: — Но как они приперли ее сюда?!

Смех Кэролайн прокатился по комнате — звонкий, серебристый смех, с нотками безумного веселья.

— В чем дело? — требовательно спросил Томми.

— Не вижу ничего смешного, — заявил Херб. — Разве что все это розыгрыш. И цыплята вовсе не цыплята.

— Цыплята настоящие, — заверила его Кэролайн, — равно как прочие блюда. И мебель тоже. Просто мне она не кажется старинной. Видите ли, тысячу лет назад такой стиль считался современным и модным. Обставить дом подобной мебелью — это был самый писк.

— А ты-то тут при чем? — не понял Гэри, — Не ты же обставляла эту комнату!

— Я рассказала Инженерам, — ответила она, — Они спрашивали меня, что мы едим, и я им рассказала. Я и не думала, что они поймут все настолько точно. Я описала, какую одежду мы носим, какой мебелью пользуемся. Но, как вы понимаете, мои описания ограничивались модой тысячелетней давности. За исключением цыплят. Надеюсь, вы по-прежнему едите цыплят?

— Еще как! — усмехнулся Херб.

— Выходит, — сказал Гэри, — Инженеры могут сотворить все, что захотят. То есть они могут располагать атомы так, чтобы получить любой вид материи. Они умеют трансформировать материю!

— Так выходит, — кивнул Кингсли.

Херб поспешил к столу.

— Если мы не поторопимся, он нам ничего не оставит, — заявил Томми.

Цыплята, картофельное пюре с подливкой, вино, фаршированные оливки... Все такое свежее и вкусное, словно обед только что доставили из самого фешенебельного отеля Солнечной системы. Гости, сидевшие в последние дни в основном на кофе с наспех нарезанными бутербродами, отдали угощению должное.

Херб с грустью воззрился на последний кусочек цыпленка и сокрушенно покачал головой.

— Не могу, — простонал он, — Не лезет больше, хоть убейте!

— В жизни не едал ничего подобного, — заявил Кингсли.

— Они спросили меня, что мы едим, — сказала Кэролайн, — ну, я и вспомнила все самое вкусное, что могла. Они ничего не упустили.

— Но где же сами Инженеры? — спросил Гэри, — Мы до сих пор не видели их. Мы видели многое из того, что они умеют делать, однако ни один из них не соизволил показаться.

По полу заскрипели шаги, и Гэри резко обернулся. К ним подходил человек — но не совсем человек. Нормального роста, с привычного вида фигурой: две руки, две ноги, вполне человеческие торс и голова... Только что-то с этой головой было не так, да и с телом тоже...

— Вот и ответ на твой вопрос, — сказал Томми. — Это Инженер.

Гэри не слышал его. Он пристально смотрел на приближающуюся фигуру. И понял наконец, почему она казалась ему такой странной. Похожий по форме на человека, Инженер совершенно не походил ни на одно живое существо в Солнечной системе, потому что был он человеком металлическим! Человеком, состоящим не из протоплазмы, а из металла.

— Металлический человек! — сказал Гэри.

— Верно, — отозвался Кингсли скорее с интересом, нежели с удивлением, — Планета у них, по всей видимости, огромная. Сила тяжести чудовищная. Протоплазма не выдержала бы такого притяжения. От нас бы осталось тут мокрое место, не оборудуй нам Инженеры это помещение.

— Вы правы, — сказал металлический человек. Сказал — но рот его не раскрылся, и выражение лица не изменилось. Он говорил с ними так же, как говорили с ними голоса на Плутоне, а потом и здесь, во время посадки.

Инженер остановился возле стола и застыл, скрестив на груди руки.

— Надеюсь, вы всем довольны? — спросил он.

Наблюдать за тем, как он разговаривает, было очень интересно. Ни звука, ни мимики, ни жестов... Только слова, вспыхивающие в мозгу; оттиск мысли, возникающий в сознании.

— Да, конечно, — сказал Гэри, — Все просто замечательно.

— Замечательно! — подхватил Херб, взмахнув куриной ножкой, — Лучше не бывает!

— Мы очень старались сделать все так, как поняли из ваших слов, — сказал Инженер, — Мы рады, что вам нравится. Нам пришлось поломать головы, в особенности над одним вопросом. Я имею в виду картины на стенах. Вы говорили, что любите картины и привыкли украшать ими жилища, а нам очень хотелось, чтобы вы чувствовали себя как дома. Но у нас никогда не было картин, даже представления о них не было. Теперь мы жалеем о собственной глупости. Картины — это замечательно. Когда с неприятностями будет покончено, мы непременно займемся картинами. Они так прекрасны. Странно, что нам даже в голову не приходила такая идея.

Гэри обернулся и уставился на картину, висевшую напротив стола. Без сомнения, масло, и написана очень искусно.

Какой-то фантастический пейзаж — массивные горы, а на их фоне странные перекрученные деревья, трава по пояс,

отблески далекого водопада... Такое полотно сделало бы честь любому музею.

— Вы хотите сказать, что это первые написанные вами картины? — спросил Гэри.

— Мы не имели представления о живописи как таковой, — подтвердил Инженер.

Они не имели представления о живописи. Никому из Инженеров раньше не приходило в голову запечатлеть пейзаж на холсте. Никто из них ни разу даже кисти в руках не держал! Однако вот висит картина, совершенная по цвету и композиции, гармоничная и радующая глаз...

— У вас, ребята, как я погляжу, любое дело спорится, — заметил Томми.

— Это оказалось так просто, — сказал Инженер. — Мне теперь стыдно, что мы не додумались до этого сами.

— Вы сообщили нам на Плутон, что Вселенной грозит опасность, — прогудел Кингсли, — но не объяснили какая. Мы хотели бы знать.

— Я затем и пришел, чтобы объяснить, — ответил Инженер.

И ни малейшего изменения в интонации мыслей... Ни намек на эмоции. Лицо бесстрастно, как и прежде.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — сказал Кингсли.

— Мы в этом не сомневались, — отозвался Инженер. — Мы рады вас видеть. И очень признательны за вашу готовность помочь. Мы верим, что вам это под силу.

— Но в чем же заключается опасность? — нетерпеливо спросила Кэролайн.

— Я начну с информации, которая кажется нам элементарной, — сказал Инженер, — хотя для вас она, наверное, будет внове. Вы не могли узнать об этом, находясь так далеко от края Вселенной. Мы — другое дело, мы прожили здесь много лет и давно уже открыли эту истину. А именно: наша Вселенная всего лишь одна из многих. Одна из многих триллионов вселенных. По нашим данным, их примерно столько же, сколько галактик в нашей Вселенной.

Земляне ошарашенно уставились на него. Гэри мельком взглянул на Кингсли — ученый, похоже, онемел. Он беззвучно разевал рот, стараясь выдавить из себя хотя бы слово.

— Но во Вселенной около пятидесяти миллиардов галактик, — проговорил он наконец. — По крайней мере, так считают наши астрономы.

— Вынужден с вами не согласиться, — заявил Инженер, — На самом деле их во много раз больше.

— Во много раз! — потеряв свою обычную громогласность, прошептал ученый.

— Вселенные четырехмерны, — продолжал Инженер, — и они существуют внутри пятимерного межпространства — то есть, как мы предполагаем, внутри еще большей сверхвселенной, в которой занимают примерно то же место, что галактики во вселенной.

— Вселенная внутри вселенной, — кивнул Гэри. — Тогда, получается, сверхвселенная может быть частью еще большей сверхсверхвселенной?

— Вполне возможно, — заявил Инженер. — У нас была такая теория. Но доказать ее мы не в силах. Наши познания слишком ограничены.

В комнате воцарилась тишина — тишина, наполненная благоговейным трепетом. Так запросто говорить о вселенных и сверхвселенных! Единым махом сокрушить всю привычную систему представлений! Низвести вселенную до уровня пылинки!

— Вселенные, как и галактики, находятся очень далеко друг от друга, — снова заговорил Инженер, — Так далеко, что шансов встретиться у двух вселенных гораздо меньше, чем у звезд в галактиках или у галактик во вселенной. Но теоретически такая встреча все же возможна.

Он помолчал, сделав эффектную паузу в мыслях.

— И этот шанс, один из вечности, выпал как раз сейчас, — сказал он, — Мы вот-вот столкнемся с другой вселенной.

Земляне замерли, оцепенев от неожиданности.

— Как две звезды, — пробормотал в конце концов Кингсли. — Так в свое время сформировалась наша Солнечная система.

— Все верно, — согласился Инженер, — Как звезда, столкнувшаяся когда-то с вашим Солнцем.

Кингсли резко вскинул голову:

— Вы и об этом знаете?

— Да, знаем. Это случилось давно. Много миллионов лет назад.

— Но откуда вы узнали о грядущем столкновении? — спросил Томми. — Как вы могли узнать?

— Нам сообщили обитатели той вселенной, — ответил Инженер. — Существа, чьи познания значительно превосходят наши. Мы общаемся с ними уже много лет.

— Значит, про столкновение вам известно давно? — сказал Кингсли.

— Давно, — подтвердил Инженер, — И оба наши народа изо всех сил старались его предотвратить. Но все усилия ни к чему не привели. Тогда мы решили собрать, каждый в своей вселенной, все лучшие умы, какие сможем отыскать. В надежде, что им удастся найти выход, который нам найти не удалось.

— Но мы отнюдь не лучшие умы во Вселенной! — сказал Гэри. — Уровень нашего умственного развития, увы, сравнительно низок. Мы всего лишь начинающие. Нам и за несколько веков не узнать всего, что знаете вы.

— Может, и так, — согласился Инженер, — но у вас есть другие достоинства. По крайней мере, мы надеемся, что есть. Быть может, вы гораздо отважнее нас. Или у вас лучше развито воображение. У каждого разумного вида есть свои преимущества. У нас, например, не существует искусства — идея живописи, как вы знаете, была нам чужда. Наши разумы различны. Но для всех нас очень важно не допустить столкновения вселенных.

— А что будет, если они все-таки столкнутся? — спросил Кингсли.

— Законы пятимерного межпространства не похожи на законы четырехмерного пространства, — сказал Инженер. — Одни и те же условия приводят к разным результатам. В сущности, вселенные даже не столкнутся — они погибнут еще до столкновения.

— Погибнут до столкновения? — переспросил Кингсли.

— Да, — подтвердил Инженер. — Их сотрет в порошок, едва они подойдут друг к другу достаточно близко, чтобы вызвать трение — или силу трения — в пятимерном межпространстве. В условиях межпространства трение породит новую энергию... энергию, не существовавшую прежде. Каждая из вселенных поглотит долю этой энергии, выпьет ее. Энергия польется в наши вселенные нарастающими потоками. Неуправляемая, неудержимая энергия. Она увеличит масс-энергию в каждой вселенной, то есть практически увеличит их массу...

Кингсли вскочил со стула и опрокинул чашку кофе. По скатерти расплзлось пятно.

— Увеличит массу!.. — воскликнул он. — Но...

Он снова сел и весь обмяк, словно побитый.

— Конечно, это нас уничтожит, — пробормотал он. — Существование массы — единственная причина искривления пространства. В пустой вселенной пространство не имело бы кривизны. В абсолютной пустоте не было бы и того, что мы называем пространством. Лишенное массы пространство лишилось бы и кривизны, оно стало бы прямой линией, несуществующей абстракцией. А чем больше масса, тем круче пространственная кривизна. То есть чем больше масса, тем меньше места остается для пространства.

— Все верно, — согласился Инженер. — Стоит только потоку энергии хлынуть к нам из межпространства, как пространство тут же начнет сворачиваться, все быстрее и быстрее, круче и круче, сгоняя материю, которую оно содержит, на маленький пяточок. Наша Вселенная из расширяющейся превратится в сжимающуюся.

— Приток новой энергии будет подобен взрыву, направленному внутрь, — возбужденно зарокотал доктор Кингсли. — Космос начнет стремительно сжиматься, галактики будут сметены, а масса сконцентрируется на крохотном клочке пространства. Все живое погибнет еще раньше, когда галактики под влиянием сжатия начнут сталкиваться друг с другом. В лучшем случае Вселенной придется начать все сначала.

— Вот именно — все сначала, — сказал Инженер. — Поглощенной энергии будет вполне достаточно, чтобы началась описанная вами реакция. И Вселенная вернется к первоначальному хаосу.

— А мне даже не успеют выплатить страховку, — вздохнул Херб.

Гэри зарычал на него через стол.

Кэролайн, поставив на стол локти, подперла ладошками подбородок.

— Стало быть, — сказала она, — нам надо найти способ обуздать эту энергию, если она проникнет во Вселенную.

— Именно так, — согласился Инженер.

— Мистер, — обратился к нему Гэри, — если кто-то и может решить подобную задачу, так это наша юная леди. О многих вещах она знает гораздо больше вашего. Хотите пари?

Глава 8

Скафандры были чудесные — гибкие, почти невесомые, просто не сравнить с неуклюжими и неудобными скафандрами землян.

Херб восхищенно оглядел себя до самых пят и лишь потом защелкнул шлем.

— Так вы говорите, мы можем расхаживать в этих штуках по вашей планете, как у себя дома? — спросил он Инженера.

— Мы старались сделать их как можно удобнее, — ответил Инженер. — Надеемся, они вас устроят. Вы прибыли

издалека, чтобы помочь нам. Мы очень хотели вам понравиться. Мы старались изо всех сил.

Кэролайн с любопытством взглянула на Инженера. Во всех его репликах-мыслях сквозило едва уловимое, невысказанное, но страстное желание заслужить похвалу от нее или от Кингсли. Кэролайн нетерпеливо тряхнула головой, но подсознательное ощущение не проходило. Чушь собачья, сказала себе Кэролайн. Мнится невесть что. Реплики Инженера — это мысли в чистом виде, и нечего их толковать по-своему, придавать им дополнительные оттенки... У Инженеров нет ни мимики, ни интонаций.

Но эта умоляющая нотка!

Кэролайн внезапно вспомнила — с комком в горле — свою охотничью собаку, чудесную рыже-белую Чесапикскую гончую, ставшую прахом тысячу лет назад. Когда пес, положив к ее ногам добытую птицу, заглядывал ей в глаза, Кэролайн испытывала примерно то же ощущение, что и теперь.

Верный пес давно уже сгинул, как сгинул и весь ее привычный мир. Ее мысли и воспоминания стали восхитительным антиквариатом, музейной редкостью в этом новом мире. Но, как казалось Кэролайн, будь ее псу даровано бессмертие, он и поныне искал бы ее... Искал, и ждал, и жаждал несбыточной встречи. А если бы она когда-нибудь вернулась к нему, то встретил бы хозяйку, как обычно, бурными проявлениями радости, к которым странным образом примешивались нотки робости.

Голос Кингсли вывел ее из задумчивости.

— Антигравитационные скафандры! — воскликнул ученый, захлебываясь от восторга. — Больше того — скафандры, позволяющие человеку чувствовать себя удобно при любых условиях! При любом давлении, любой силе тяжести и в любой атмосфере!

— В таких костюмчиках и по Юпитеру можно было бы прогуляться, — сказал Гэри.

— Запросто, — согласился Томми, — Остается только одна маленькая загвоздка: придумай такое горючее, чтобы корабль смог сесть на Юпитер и с него подняться.

— Чепуха! — загорелся Херб, — Бьюсь об заклад, что для Инженеров какое-то там горючее — не проблема. Эти ребята на все руки мастера!

— Мы с радостью сделаем для вас все, что в наших силах, — сказал Инженер. — Мы будем горды, если сумеем вам помочь.

— С горючим-то? Да я уверен, что сумеете, — заявил Херб.

— Мы сзывали добровольцев со всей Вселенной, — продолжал Инженер, — но откликнулись очень немногие. Быть может, некоторые еще в пути. Мы боимся...

Инженер, вероятно, передумал продолжать, потому что мысль оборвалась на полуслове.

— Вы боитесь? — спросил Кингсли, — Чего вы боитесь?

— Странно, — сказал Гэри, больше сам себе, чем окружающим, — странно, что они вообще способны чего-то бояться.

— Мы боимся не за себя, — пояснил Инженер. — Мы боимся, что нас вынудят прекратить работу. Что нам помешают.

— Но кто вам станет мешать? — удивилась Кэролайн, — Кому такое может в голову прийти? Опасность-то общая. Все живые существа во Вселенной должны объединиться, чтобы справиться с бедой.

— Все правильно, — сказал Инженер. — Настолько правильно, что, казалось бы, думать иначе просто невозможно. Но кое-кто думает. Есть во Вселенной одна раса, настолько ослепленная ненавистью и амбициями, что грядущая катастрофа представляется ей отличным шансом покончить с нами, то есть с Инженерами.

Земляне остолбенели от удивления.

— Погодите-ка секундочку, — тихо сказал Гэри, — Я что-то не пойму. Вы хотите сказать, что ваши врага готовы погибнуть сами, лишь бы не допустить вашего спасения?

— Не совсем, — сказал Инженер. — Многие из них, конечно, погибнут, но некоторые выживут. Они отправятся в точку, откуда Вселенная снова начнет расширяться во времени и пространстве. Там они захватят власть над новой Вселенной. Они сформируют ее по-своему и будут над нею господствовать — полностью и безраздельно.

— Но это же безумие! — воскликнул Гэри, — Редкостное безумие! Принести в жертву все живое, целую Вселенную — ради будущей власти?

— Не такое уж оно и редкостное, это безумие, — спокойно сказал Кингсли. — В нашей собственной земной истории можно найти немало параллелей. Безумные правители, ма-ньяки-диктаторы, готовые пожертвовать ради власти чем угодно... готовые пустить в ход самое беспощадное оружие, созданное научно-техническим прогрессом. Подобная катастрофа угрожала Земле в две тысячи восемьсот девяносто шестом году. Еще немного — и все живое было бы стерто с лица Земли, потому что некий маньяк возжаждал власти и воспользовался биологическим оружием, причем самой жуткой его разновидностью. Он прекрасно знал, на что идет, но это его не остановило. Пусть останется в живых не больше тысячи человек, рассудил он, зато он сможет властвовать над ними. Ничто не могло его остановить. Люди сами остановили его потом... когда он уже наворотил всяких дел... остановили, как бешеную собаку. Да он и был бешеной собакой.

— Они ненавидят нас, — сказал Инженер. — Ненавидят вот уже миллион лет. Потому что мы, и только мы одни стоим между ними и их мечтой о покорении Вселенной. Мы для них — единственный барьер, единственная преграда на пути к власти. Они знают, что не смогут победить нас только силой оружия и заставить убраться с дороги.

— И поэтому, — сказал Гэри, — они жаждут столкновения вселенных, которое вас уничтожит, пусть даже большинство из них погибнет тоже.

— Да они просто ненормальные! — возмутился Херб.

— Вы не понимаете, — возразил Инженер. — Многие миллионы лет их воспитывали в духе вселенского господства. Пропаганда этой философии пропитала их души до основания: они убеждены, что государство, цивилизация, раса — это все, а личность — ничто, и каждый из них готов отдать свою жизнь во имя идеи. Они с радостью пойдут на смерть и на любые жертвы, способные хоть на шаг приблизить их к великой цели.

— Вы сказали, что некоторые из них выживут, даже если Вселенная погибнет, — проговорила Кэролайн, — Как им это удастся?

— Они открыли способ прорыва за пределы Вселенной, — сказал Инженер. — Их корабли умеют передвигаться в межпространстве, окружающем нашу Вселенную. Во многих отраслях науки они значительно опередили нас. Стоит им только захотеть, и они могли бы спасти всех нас от грядущей катастрофы. Я в этом не сомневаюсь.

— Может, попробовать с ними договориться? — прогудел Кингсли, — Заключить нечто вроде перемирия перед светопреставлением?

Инженер ответил, как обычно, мысленно и бесстрастно:

— С ними невозможно заключить мир. Невозможны никакие договоры или перемирия. Потому что больше миллиона лет они думают только о войне. И готовятся к ней. Все их помыслы направлены только на победу. Слово «мир» для них лишено всякого смысла. Война — вот их естественное состояние, а мир — это нечто вроде болезни. И они ни в коем случае, ни за какие коврижки не пойдут на перемирие, особенно сейчас, когда им выпал шанс покончить и с нами, и со Вселенной.

— Вы хотите сказать, что они действительно хотят уничтожения Вселенной? — с ужасом спросил Гэри. — И будут сражаться с вами, чтобы помешать вам ее спасти?

— Именно это я и хочу сказать, — отозвался Инженер. — Вы поняли меня совершенно правильно.

— И когда вы ожидаете нападения? — спросил Томми.

— Мы не знаем. Они могут напасть в любую минуту. Мы готовы к этому всегда. Мы просто знаем, что рано или поздно они нас атакуют.

— Нужно что-то придумать! — воскликнула Кэролайн. — Нельзя допустить, чтобы они нам помешали. Мы обязаны что-то придумать!

— И мы придумаем! — загремел доктор Кингсли, — На них должна найтись какая-то управа. А раз должна, так мы ее найдем.

— А как вы называете этих маньяков, с которыми воюете всю жизнь? — спросил Херб.

— Мы зовем их Церберами, — сказал Инженер, но слово не смогло вместить всего вложенного в него значения. Мысль Инженера была исполнена презрения, смешанного со страхом и ненавистью. «Церберы» — это был более или менее приблизительный перевод его мысли, который удалось сделать землянам.

— Так, значит, они способны прорвать кривую времени и пространства, — задумчиво сказала Кэролайн, — и путешествовать в пятимерном межпространстве, — Она бросила на Гэри взгляд, исполненный внезапного озарения, — Пожалуй... Вот вам и ответ! Вернее, вот где надо его искать.

— Я не понимаю, о чем ты, — сказал Гэри, — но думаю, что ты права.

— Пространственно-временной изгиб нужно сделать непроходимым, — сказал Кингсли, — Непроходимым и непробиваемым. Необходимо создать совершенно новые силовые линии и линии давления. Но это потребует математических знаний, а также громадной энергии.

— Энергии? — откликнулся Гэри, — А может, использовать ту энергию, что возникнет в результате трения вселенных?

Кингсли воззрился на него с таким видом, будто репортер влепил ему оплеуху.

— Ты гений! — завопил ученый. — Мы ее взнуздаем!

— Но пока что ее у нас нет, — заметил Гэри.

— Да, верно, — согласился Кингсли. — Сначала ее нужно заполнить.

— И научиться ею управлять, — добавила Кэролайн.

— Думаю, нам пора идти, — сказал Инженер. — Нас ждут другие добровольцы. Они тоже прибыли издалека, некоторые — из других галактик.

— Сколько их? — спросил Гэри.

— Немного, — ответил Инженер. — Очень немного. Жизнь — большая редкость во Вселенной. Похоже, Вселенной она не нужна. Порой мне кажется, что жизнь всего лишь странная болезнь, которой в космосе и быть-то не должно. Некое злокачественное образование материи, не имеющее права на существование. Вселенная так враждебна ко всему живому, что просто диву даешься. В космосе крайне мало планет, где жизни удалось-таки укорениться.

— И все же среди триллионов галактик должно быть множество цивилизаций, — заметил Кингсли.

— Вероятно, мы просто о них не знаем, — сказал Инженер, — Нам удалось вступить в контакт со считанными цивилизациями, и то с большим трудом. К тому же не все они могут быть нам полезны. Некоторые расы слишком отличны от нас по развитию и культуре. Например, расы, которые живут вообще без прикладных наук. Расы, целиком погрузившиеся в пучину философских размышлений. Расы, посвятившие себя исключительно эстетике и несведущие в науках. Мы связались только с теми научно-ориентированными цивилизациями, которые сумели поймать наши сигналы и ответить, а потом еще построить машину, чтобы добраться сюда.

— И каких только народов нет во Вселенной! — воскликнул Херб.

Инженер провел их через люк в просторный коридор, нескончаемый и пустой, как открытый космос.

Скафандры функционировали превосходно. Сила тяжести и давление в них были нормальными, а сами они были

гораздо удобнее скафандров, которыми пользовались обитатели Солнечной системы.

Земляне неторопливо шагали по коридору вслед за Инженером.

— Долго вы строили свой город? — спросил Гэри.

— Долго, — ответил Инженер. — С тех пор как прилетели сюда.

— Прилетели? — удивился Гэри. — Так это не ваша родная планета?

— Нет, — сказал Инженер, но в объяснения вдаваться не стал.

— Послушайте, а ведь вы так и не спросили наши имена! — заявил Херб. — Вы даже не знаете, кто мы такие.

Гэри почудилось, будто он уловил слабое подобие сдержанной насмешки в ответе Инженера.

— Имена? — сказал он. — Вы имеете в виду личные обозначения? Я знаю, кто вы такие, без всяких имен.

— Возможно, — не сдавался Херб. — Но мы, в отличие от вас, мысли читать не умеем. Нам без имен никак не обойтись, — Он семенил за Инженером, почти наступая ему на пятки, — А у вас, Инженеров, есть имена?

— У нас есть номера, — ответил Инженер. — Да и те исключительно для архивных записей. Личность не имеет у нас такого значения, как в вашем мире.

— Номера, — тихонько буркнул Херб, — Как в тюрьге.

— Если вам необходимо как-то меня называть, — сказал Инженер, — то мой номер тысяча восемьсот двадцать четыре. Мне следовало сразу назвать его вам. Простите за невнимательность.

Они остановились возле массивной двери, и Инженер послал мысленный сигнал на такой высокой ноте, что у них зазвенело в мозгах. Дверь скользнула в стенной паз. Перед ними открылся гигантский зал, простиравшийся вдаль до бесконечности и увенчанный высоким сводчатым потолком, похожим на небесный купол.

В зале не было совершенно никакой мебели — сплошь пустое пространство с туманно белеющими вдали высоченными стенами. И лишь посреди зала виднелся круглый помост из белого камня, зависший футах в десяти над белокаменным же полом.

На помосте стояли несколько Инженеров, а вокруг них толпились странные бесформенные существа — кошмарные твари, словно сошедшие со страниц старинных романов ужасов. При виде их у Гэри застыла в жилах кровь.

Он почувствовал, как пальцы Кэролайн сжали его руку.

— Гэри! — шепнула она еле слышно, — Кто это?

— Это добровольцы, явившиеся на наш зов, — пояснил Инженер, — Они проделали далекий путь, чтобы помочь нам.

— Во пакость-то! — с неприкрытым отвращением пробормотал Херб. — Так и хочется плюнуть да растереть.

Гэри не спускал с чудовищ глаз, замороженный их поразительным уродством. Хозяева Вселенной, подумал он. Самые сливки разумных цивилизаций космоса. Гнусные твари, в которых, как выразился Херб, действительно хочется плюнуть и растереть.

Инженер зашагал вперед, к широким пологим ступеням, ведущим на помост.

— Пошли! — пробасил Кингсли, — Мы им, небось, тоже страшилищами кажемся.

Земляне приблизились к помосту и взойшли по ступеням. Инженер указал на них другим Инженерам.

— Эта группа прибыла с той самой планеты, за которой мы наблюдали долгие годы.

Инженеры уставились на землян. И все чудища тоже. Под их пристальными взглядами по спине у Гэри поползли мурашки.

— Добро пожаловать, — донеслась до них мысль одного из Инженеров. — Ты сказал им, как мы рады их прибытию?

— Сказал, — ответил Инженер под номером 1824.

Для землян на помосте были поставлены кресла. Один из Инженеров приглашающе махнул рукой, и люди сели.

Гэри огляделся по сторонам. В креслах сидели только они одни. Инженеры, явно не знающие усталости, остались стоять. Некоторые из тварей тоже стояли. Какое-то страшн-лище стояло на одной ноге, поджав под себя вторую, точно спящий аист; правда, сходство с аистом на том и кончалось. Гэри попытался определить, к какому классу оно относится; уж точно не птица, не пресмыкающееся и тем более не млекопитающее. Такое и в страшном сне не приснится. Длинные костлявые ноги, раздутое брюхо, на голове — нечесанные лохмы, спадающие на бездумные рыбы глаза.

Один из Инженеров заговорил.

— Мы собрались здесь, — плавно потекла его мысль, — чтобы обсудить способы и средства предотвращения грозной опасности, нависшей...

Точь-в-точь земной политик, подумал Гэри. Он попытался определить, кто из Инженеров держит речь, но лица их были одинаково бесстрастны и недвижны. Безмолвный оратор не выдал себя ни единым жестом или взглядом. Тогда Гэри попробовал найти среди них своего старого знакомого под номером 1824, однако все Инженеры были похожи друг на друга как две капли воды.

Речь размеренно катилась вперед: Инженер объяснял, в какой ситуации все они оказались и какие проблемы им предстоит решить, причем решить безотлагательно.

А Гэри переключился на созерцание тварей, собравшихся на помосте, — отталкивающих, гадких монстров, доставленных сюда из необозримых глубин Вселенной. Он разглядывал их с содроганием, обливаясь при этом холодным потом.

Некоторые из чудищ плавали в аквариумах, наполненных разными растворами. В одном аквариуме раствор кипел и исходил паром, словно там шла бурная химическая реакция; другой был мутным и грязным; третий — прозрачным, как вода, но в нем сидела такая отвратная нечисть, что у Гэри захолонуло сердце. Еще один гость был заключен в

большом стеклянном шаре, где клубились ядовитые на вид газы. Наблюдая за шаром, Гэри вдруг почувствовал приступ настоящей паники и с благодарностью подумал о клубящемся внутри тумане, ибо сквозь него на миг проглянуло нечто совершенно невообразимое, способное одним своим видом свести человека с ума, не будь этой защитной мглистой пелены.

В небольшой стеклянной банке, стоявшей на каменном пьедестале, извивались в корчах какие-то тошнотворные пиявки. Прямо напротив Гэри на корточках сидело осклизлое чудище с пятнистой кожей, слюнявым ртом и узкими, как щелочки, глазками. Оно устремило на землянина пронзительный взгляд, и Гэри поспешно отвел глаза.

Ни единого существа — за исключением Инженеров, — хоть отдаленно напоминающего человека. Некоторые твари были похожи на жуткие карикатуры самых омерзительных форм земной жизни, а другие не были похожи вообще ни на что.

Неужто это действительно лучшие образчики разумной жизни во Вселенной? А может, земляне им тоже кажутся безобразными монстрами?

Гэри глянул на Кэролайн. Девушка внимательно слушала, подперев подбородок ладошкой. Имела она их всех в виду, подумал Гэри. Она этих чудищ в упор не замечает.

Инженер закончил речь. В зале стало тихо. И вдруг новый мысленный импульс буквально шарахнул Гэри по мозгам. Мысль была холодной, жестокой, абсолютно механистичной и почти бессознательной. Гэри быстро обвел взглядом помост, силясь понять, кто ее передал. Наверное, жуткое нечто из стеклянного шара, решил репортер. Значения мысли он не понял, осталось только смутное впечатление о каких-то атомных структурах и математических формулах, относившихся, похоже, к чудовищному давлению, способному обуздать приток энергии.

А затем вновь заговорил Инженер.

— Такое решение, — сказал он, — было бы приемлемо на планете вроде вашей, где многомильная атмосфера из тяжелых газов создает давление, о котором вы говорили. Мы можем искусственно создать подобное давление, но только в стенах лаборатории.

— О чем, черт возьми, они спорят? — недоуменно спросил Херб.

— Заткнись! — прошипел Гэри, и фотограф сконфуженно умолк.

Холодная и жестокая мысль продолжала выдвигать аргументы, о смысле которых Гэри оставалось только гадать. Он опять посмотрел на Кэролайн. Понимает ли она? Лицо ее было сосредоточенным, напряженным.

Холодный мысленный поток вдруг иссяк, сменившись чьей-то писклявой мыслишкой. Небось, пиявка из стеклянной банки заговорила, подумал Гэри. Тьфу ты, мерзость какая!

Гэри взглянул на своего пятнистого визави. Слизняк поднял голову, и в глазках-щелочках явственно мелькнула лукавая искра.

— Ей-богу, ему все это тоже кажется забавным! — пробормотал себе под нос репортер.

Симпозиум космических страшилищ! Писклявые мыслишки пиявок, которым самое место корчиться в стоячем придорожном пруду на Земле. Холодные мысли умопомрачительного существа, живущего на планете, покрытой миями клубящихся газов. Глазки-щелочки пятнистого насмешника.

Космический крестовый поход! Гэри рассмеялся про себя. Да, не таким он ему представлялся! Ему-то виделись армады боевых судов, кинжальное сверкание лучей, борьба двух могучих воинств и победа как награда за храбрость.

Но бороться было не с кем. Не было врага из плоти и крови, с которым мог бы сразиться человек. Другая вселенная, целая вселенная со своим временем и пространством — вот их противник. Человек тут просто бессилен.

— От этого сборища, — шепнул ему Херб, — у меня мурашки по коже бегут!

Глава 9

— Мы можем это сделать, — сказала Кэролайн, слегка ударив карандашом по листку с вычислениями, — Вот доказательство. Кингсли наклонился над ее плечом и посмотрел на листок.

— Если не трудно, то объясните мне все сначала, — попросил он, — И, пожалуйста, помедленнее. Многое я никак не смог понять.

— Кингсли, — вмешался Херб, — вы всего лишь любитель. Чтобы сравняться с ней, вам пришлось бы поразмышлять тысячу лет.

— Вы меня смущаете, — сказала девушка. — Все так просто. Честное слово, очень просто.

— Конечно просто, — подтвердил Томми, — Надо лишь свернуть пространство и время в маленькую вселенную. Потом обернуть ее вокруг какого-нибудь кусочка материи и так все оставить.

— А то, что получится, использовать для управления энергией, — пробасил Кингсли, — Уж это-то я понял. Когда вселенные начнут соприкасаться, можно будет улавливать образующуюся при этом энергию внутри искусственной вселенной. Энергия, конечно, уничтожит эту вселенную, но можно держать наготове другую. Но вот чего я никак не могу понять, так это как образуется искусственное четырехмерное пространство.

— Оно не искусственное! — рявкнул Гэри. — Оно реальное... столь же реальное, как и то, в котором мы живем. Но создано людьми, а не некими законами природы, о которых мы не имеем ни малейшего понятия. — Он ткнул пальцем в листок с вычислениями. — Кто знает, может, на этом листке бумаги записан секрет всей Вселенной. Может, это ключ к тайне ее образования.

— Возможно, — согласился Кингсли. — А может, и нет. Вдруг такого же результата можно добиться и многими другими способами?

— Для меня достаточно и одного, — заявил Гэри.

— Есть еще нечто, что не дает мне покоя, — призналась Кэролайн. — Мы ничего не знаем о пятимерном межпространстве. Можно лишь догадываться, насколько действующие там законы природы отличаются от наших. Очень отличаются. Но в чем именно? Какой вид энергии там возникнет? Какую форму он примет? — Она обвела собеседников взглядом. — Эти различия могут оказаться весьма значительными.

— Могут, — согласился Кингсли, — Разница может оказаться очень большой. Допустим, мы ставим ловушку для какого-нибудь животного. Хотим поймать крысу, а в нее попадает медведь... или наоборот.

— Церберы-то знают, как перемещаться в межпространстве, — заметил Томми.

— Знают, но нам не скажут, — сказал Гэри. — Они не хотят, чтобы Вселенная уцелела. Им нужно, чтобы она развалилась, а из обломков они смогут построить новый мир.

— Энергия может оказаться светом, материей, теплом, движением или чем-то совершенно неизвестным, — предположила Кэролайн. — Вполне допустимо, что это вообще какая-то жуткая форма энергии, с которой мы никогда не сталкивались. Да и сами условия в межпространстве могут оказаться столь же отличными от четырехмерного, как и условия в четырехмерном пространстве отличаются от нашего трехмерного мира.

— А чтобы управлять ею, мы должны иметь о ней хоть какое-то представление, — заключил Кингсли.

— Или представлять, чем она станет, проникнув в гиперпространство, — добавил Гэри. — Не исключено, что там это один вид энергии, а в нашей Вселенной — совсем другой.

— Кажется, обитатели другой вселенной ничего об этом не знают, — заметил Томми, — хотя именно они

обнаружили, что вселенные движутся навстречу друг другу. Похоже, они не смогли узнать об этом достаточно много.

Гэри обвел взглядом лабораторию — огромное помещение, освещенное мягким белым светом, наполненное сверкающими рядами аппаратов, могучими машинами, чьи огромные двигатели мощно гудели, вырабатывая гигантский поток энергии.

— Самое странное во всей этой истории то, — заявил он, — что сами Инженеры не смогли продвинуться вперед. Зачем они вызвали нас? С таким оборудованием да с такими знаниями они играючи могли бы добиться чего угодно.

— Да, тут есть нечто странное, — согласился Херб, — Я здесь немного побродил. Этот город может свести человека с ума. На улицах никакого движения. По ним можно ходить часами, не встретив ни одного Инженера. Ни деловых зданий, ни театров — ничего. Все здания пусты. Просто пусты. Целый город пустых зданий, — Он вздохнул. — Такое впечатление, будто город ждет кого-то. Того, кто никогда не придет.

Что-то похожее на страх закралось в душу Гэри. Странное, едва уловимое чувство... жалость ко всем этим величественным белым зданиям, обреченным стоять пустыми.

— Город рассчитан на миллионы жителей, — сказал Херб. — Но в нем никого нет. Лишь горстка Инженеров. Их, вероятно, не более ста тысяч.

— Очень странно, что они не отыскиали ответа, — нервно сжимая и разжимая кулаки, сказал Кингсли. — С такими знаниями и такими научными приборами.

Гэри взглянул на Кэролайн и улыбнулся. С виду обычная девушка. Но она умеет изгибать пространство и время, пока не образуется сфера... или, вернее, гиперсфера. Девушка, умеющая придавать пространству любую форму, делать с ним что угодно, заставлять его вести так, как ей нужно. Умеющая создавать крошечную копию большой вселенной, свою маленькую личную вселенную, которая принадлежит

ей и никому более. Гэри был уверен, что до сих пор никто даже не осмеливался и думать о таком.

Он вновь бросил на нее быстрый уверенный взгляд, отметив четко очерченный подбородок, высокий лоб, уложенные вокруг головы косы. Неужели Кэролайн Мартин превзошла Инженеров? Сможет ли она справиться с проблемой, к которой те не сумели даже подступиться? Действительно ли она, никому прежде не известная, — самый великий разум во Вселенной? И не кроется ли внутри ее разума надежда для всей Вселенной?

Казалось, это невозможно. Но тем не менее она почти тысячу лет размышляла о времени и пространстве. У нее не было ничего, кроме собственного разума, — ни приборов, ни возможности поэкспериментировать. И в полном одиночестве, наедине со своими мыслями, она сорвала покров с тайны пространства и времени. Ей, возможно, и не мечталось, что это знание можно будет использовать для определенной цели.

Гэри услышал лязг металлических ног, ступающих по полу лаборатории, и, обернувшись, оказался лицом к лицу с Инженером 1824. Металлический человек застал гостей врасплох.

Они услышали его мысль — ясную, спокойную, неторопливую, лишенную эмоций, безличную, но все же с оттенком почти человеческой теплоты.

— Я уловил ваши мысли, — произнес Инженер, — Боюсь, вы подумаете, что я сделал это намеренно. Но я очень рад, что так получилось. Вы гадаете, почему Инженеры вызвали вас сюда. Почему они не смогли справиться с этой работой без вашей помощи.

Земляне стояли с виноватым видом, словно школьники, пойманные за чем-то недозволенным.

— Я расскажу вам все, — продолжал он, — и надеюсь, что вы меня поймете. Мне трудно об этом говорить. Очень трудно, потому что мы, Инженеры, очень горды. Сложись

все иначе, мы никогда бы не признались в том, что вы сейчас услышите.

Его слова прозвучали как признание, и Гэри усталился на металлического человека, пораженный внезапным удивлением. Но бесстрастное металлическое лицо осталось неизменным, а в светящихся глазах не читалось и намек на мысль.

— Мы очень старые и усталые существа, — сказал Инженер, — мы живем слишком долго. Мы всегда были склонны к механистичности, а с годами эта склонность только усилилась. Мы последовательны, у нас нет воображения. Все наши знания, вся наша власть достались нам в наследство от великой расы, величайшей из когда-либо существовавших. Мы добавили кое-что к этому знанию, но очень немного. Совсем немного, если учесть время, миновавшее с тех пор, как оно нам было вручено.

— О! — воскликнула Кэролайн и подняла руку, словно хотела прикрыть ладонью рот. Перчатка стукнула о кварцевый щиток шлема. Девушка посмотрела на Гэри, и тот увидел в ее глазах жалость.

— Прошу вас, не жалейте нас, — попросил Инженер. — Мы гордые существа, и у нас есть право быть такими. Мы хранили древнее наследство, и хранили его хорошо. Мы остались ему верны и не дали погибнуть врученному нам сокровищу.

Все замолчали, и перед мысленным взором Гэри возникла древность, будто старинная пьеса, разыгранная на сцене, обратившейся в прах многие тысячелетия назад. Образ еще более древней расы, обитающей на древней планете. Непостижимо древнее наследие, пронесенное сквозь космические века этими металлическими людьми.

— Но вы молоды, — заявил Инженер — Ваша раса молода и неиспорченна. Вы еще не заходили в тупик. Ваш разум свободен. Вы полны воображения и инициативы. Я ощутил это, когда разговаривал с вами еще тогда, в вашей системе. Вот то, что нам необходимо, вот что мы должны от вас получить.

Воображение, чтобы охватить возникшую проблему. Воображение, чтобы заглянуть за угол. Неторопливое обсуждение того, что следует предпринять, а затем энергичные действия, чтобы встретить брошенный вызов.

Инженер вновь помолчал.

— Вот почему мы рады вам. Вот почему я знаю, что могу поведать вам то, что должно быть сказано.

Он на мгновение нерешительно смолк, и вновь миллионы иголок страха кольнули мозг Гэри. Нечто, что должно быть сказано! Что-то, прежде им неизвестное. Еще одна, более страшная угроза?

Все ждали, затаив дыхание.

— Вы должны это знать, — сказал Инженер, — но мне страшно даже произносить подобные слова. Знайте же: от вас, и только от вас зависит судьба Вселенной. Вы единственные, кто может ее спасти.

— От нас?! — воскликнул Томми, — Но это же безумие! Такого не может быть!

Кингсли сжал кулаки.

— А остальные? — рявкнул он. — Все те, кого вы вызвали сюда вместе с нами?

— Я отослал их обратно, — ответил Инженер. — Они нам не помощники.

Гэри вновь показалось, будто холодный космический ветер дунул ему в лицо. Человек — и только Человек — стоял между Вселенной и ее гибелью. Маленький, жалкий Человек, чье тело настолько хрупко, что притяжение этой чудовищной планеты превратило бы его в кровавую кашу, если бы он вышел на поверхность незащищенным. Маленький Человек, ощупью выбирающийся из потемок навстречу свету и не знающий даже, куда он идет.

Но тут в воздухе загремели фанфары — те самые легендарные фанфары, что всегда звали людей в крестовый поход. Звонкий призыв, вот уже десять тысяч лет посылающий Человека в бой с мечом в руке.

— Но почему? — не унимался Кингсли.

— Потому, — ответил Инженер, — что мы не можем с ними работать. И они не могут работать друг с другом. Мы едва понимаем их. Процесс их мышления настолько непостижим, мысли настолько запутаны, что взаимопонимание почти невозможно. Для меня самого остается загадкой, как мы вообще сумели дать им понять, что вызываем их сюда. Их разум невероятно отличается от нашего, словно они разнесены по разным полюсам планеты.

А ведь и верно, подумал Гэри, чего еще следовало ожидать? Если не существует параллельной физической эволюции, то почему должна существовать параллельная ментальная эволюция?

— Я вовсе не утверждаю, что их ментальность не настолько ценна, как наша, — продолжил Инженер. — Или что они менее нас талантливы в науках. Но между нами не могут возникнуть сотрудничество и взаимопонимание, необходимые для совместной работы.

— Но мы же понимаем ваши мысли, — возразила Кэрлайн, — А вы понимаете наши. А мы так же далеки от вас по развитию, как и они.

Инженер промолчал.

— И вы похожи на нас, — тихо добавил Томми. — Мы из протоплазмы, а вы из металла, но у каждого из нас есть руки и ноги...

— Это ничего не значит, — ответил Инженер. — Абсолютно не имеет значения ни материя, из которой состоит существо, ни его внешний вид. — В его мыслях мелькнул оттенок раздражения.

— Не волнуйтесь, старина, — успокоил его Херб, — Мы спасем Вселенную. Понятия не имею, как мы это сделаем, но мы вам ее спасем.

— Спасете не для меня, — поправил его Инженер, — а для всех остальных. Ради всей жизни, существующей сейчас во Вселенной. Ради той жизни, которая еще может в ней зародиться.

— Вот вам и идеал, достаточно весомый для любого человека, — произнес Гэри, даже не заметив, что говорит вслух.

Идеал. То, за что сражаются. Стимул, заставляющий Человека двигаться вперед, напрягая все силы, пробиваясь с боем.

Спасти Вселенную для того чудовища в стеклянной банке, наполненной ядовитыми парами, для того маленького, извивающегося, похожего на слизняка существа, для того пятнистого монстра со слюнявым ртом и насмешливыми глазками.

— Но как? — спросил Томми. — Как мы собираемся это сделать?

— Придумаем, — пробасил Кингсли и, подойдя к Инженеру, спросил: — Известно ли вам, какой вид энергии существует в межпространстве?

— Нет. Этого я вам не могу сказать. Возможно, это знают Церберы. Но они никогда не скажут.

— А еще кто-нибудь? — холодно осведомился Гэри, — Есть кто-либо еще, готовый поделиться с нами этими сведениями?

— Да, — ответил Инженер. — Есть другая раса. Думаю, они могут вам все рассказать. Но не сейчас. Не сейчас. Это слишком опасно.

— Нам все равно, — заметил Херб, — Мы, люди, просто жить не можем без опасностей.

— Позвольте нам попробовать, — попросил Гэри, — Не всем — одному или двоим. Если с ними что-либо случится, остальные продолжат работу.

— Нет, — отрезал Инженер.

— А почему бы нам самим все не выяснить? — спросил Херб. — Создадим маленькую вселенную — только для себя. Проникнем в пятимерное пространство и исследуем ту энергию, которую там обнаружим.

— Замечательно, — промурлыкал Кингсли. — Просто замечательно. Но есть неувязочка — пока что изучать нечего.

Энергии-то нет. И не будет, пока две вселенные не начнут соприкасаться, а тогда уже будет слишком поздно.

— Верно, — подтвердила Кэролайн, с улыбкой поглядывая на Херба, — мы должны все выяснить, прежде чем энергия появится. Когда вселенные соприкоснутся, она хлынет на нас таким потоком, что сметет все почти мгновенно. Первое же искажение пространства и времени поглотит нас целиком. Вспомните, ведь мы находимся у самого края Вселенной.

— Я не совсем понял, — произнес Инженер, — Вы упомянули о создании вселенной. Вы что, можете ее создать? Изогнуть пространство и время вокруг определенной массы? Боюсь, вы шутите. Это очень трудная задача.

Неужели, изумился Гэри, Кэролайн придумала нечто такое, что Инженер считает неосуществимым? Если подумать, то все так просто. Подумаешь, нужно лишь свернуть пространство-время в гиперсферу. Что в этом особенного? Простая задачка, вызывающая лишь легкое удивление и немного споров. Пара уравнений на клочке бумаги.

— Ничего страшного, справимся, — проревел Кингсли. — Эта маленькая леди все рассчитала.

— Эта маленькая леди чертовски ловко расправляется со всяческими цифрами и расчетами, — подтвердил Херб.

Инженер уже протянул руку, собираясь взять у Кингсли листок с расчетами, но в этот момент по всей лаборатории замигали красные огоньки, и раздался вой сирены. Все насторожились.

— Что это? — завопил Кингсли, роняя листок.

Мысль Инженера, абсолютно лишённая эмоций, вошла в сознание людей спокойно, как всегда.

— Это Церберы. Они атакуют нас.

Гэри перевел взгляд на лежащий на полу листок бумаги. Маленький листок, на котором мягким черным карандашом был описан способ спасения Вселенной.

Инженер пересек лабораторию и подошел к пульту. Его металлические пальцы начали уверенно нажимать кнопки.

На стене засветился экран и показал купол неба над городом. Огромные серебристые корабли, резкие очертания которых свидетельствовали о таящейся в них мощи, взмывали ввысь. Эскадра за эскадрой, они стартовали прямо с крыш, пронзали небо и устремлялись в космос на бой с Церберами.

Инженер что-то подстроил на пульте, и люди заглянули дальше, в космическую темноту на границе атмосферы. Там показалось крошечное серебристое пятнышко, быстро выросло и рассыпалось облаком кораблей. Тысяч кораблей.

— Это Церберы, — сказал Инженер.

Гэри услышал, как глубоко вздохнул Херб, увидел, как сжимаются и разжимаются огромные кулаки Кингсли.

— Сейчас они сильны, как никогда, — произнес Инженер, — Возможно, они разработали новое и более мощное оружие или более эффективные экраны. Боюсь, очень боюсь, что это конец для всех нас... и для Вселенной.

— Они далеко? — спросил Томми.

— Не далее чем в паре тысяч миль. Система тревоги предупредила нас, когда они находились в десяти тысячах миль от поверхности планеты. Это дало нам время поднять им навстречу наш флот.

— Мы можем что-нибудь сделать? — спросил Гэри.

— Мы уже делаем все, что можем.

— Нет, я не это имел в виду. Можем ли мы пятеро что-либо сделать? Принять участие в сражении?

— Не сейчас. Возможно, позднее. Но не сейчас.

Инженер снова настроил экран, и теперь стало видно, как обороняющиеся корабли Инженеров маневрировали в космосе, разворачиваясь в боевые порядки, — словно мошки, мелькающие на черном фоне.

Затаив дыхание, люди не отрывали глаз от экрана, на котором сближались сверкающие точки — агрессоры и защитники. Затем в разных местах экрана замелькали вспышки — тонкие ниточки лучей тянулись вперед, прощупывали пустоту, отражались и скрещивались, словно устремленные ввысь лучи прожекторов. На мгновение вспыхнула красная

искорка и тут же погасла. Потом еще одна, словно светлячок летней ночью, — но эти вспышки были красными и казались наполненными яростной энергией.

— Эти вспышки... — выдохнула Кэролайн. — Что они означают?

— Взрывающиеся корабли, — ответил Инженер, — Защитный экран не выдерживает, или на его поддержание не хватает энергии, и тогда на корабль обрушивается атомная бомба или луч.

— Взрывающиеся корабли... — пробормотал Гэри. — Но чьи?

— Откуда мне знать? — ответил Инженер. — Или их, или наши.

Он говорил, а по всему экрану вспыхивали красные светлячки.

Глава 10

Половина города лежала в руинах, сметенная и покалеченная боевыми лучами, пронзавшими здания насквозь от верхних пределов атмосферы, и атомными бомбами, от взрывов которых содрогалась кора планеты, а величественные белые небоскребы обращались в пыль. Искореженные обломки кораблей рушились на город, гигантские крейсеры превращались в кучи металлического лома — продырявленные обгорелые корпуса, потерявшие всякое сходство с могучими кораблями, опаленные, смятые и сплюснутые энергией, бушующей в битве на небесах.

— У них появилось новое оружие, — сообщил Инженер. — И защитные экраны стали лучше. Какое-то время мы еще сможем их сдерживать, но как долго, сказать не могу.

Из лаборатории, расположенной в основании одного из самых высоких небоскребов великого белого города, Инженеры и земляне долгие часы следили за битвой. Они видели первое столкновение двух флотов, беспорядочную схватку на границе атмосферы, наблюдали, как Церберы медленно

теснили защитников и постепенно оказались на расстоянии, с которого могли наносить эффективные бомбовые удары по городу.

— Они применяют новый разрушитель защитных экранов, — добавил Инженер, — который гораздо эффективнее всех, что нам доводилось видеть. Он такой мощный, что нашим кораблям не хватает энергии, чтобы удерживать свои экраны.

Экран на стене заполнила ослепительная бело-голубая вспышка — на одну из нескольких еще уцелевших башен упала бомба. Сокрушительный взрыв развалил ее почти до основания, и вскоре лишь каменный отгрызок немо свидетельствовал о том, что она только что тянулась к небесам.

— Неужели никто не может нам помочь? — спросил Кингли. — Уверен, что есть кого позвать на помощь.

— Никого нет, — ответил Инженер. — Мы одиноки. На тысячи световых лет от нас вы не отыщете ни единой великой расы. Церберы и Инженеры сражаются миллионы лет, и в этих сражениях всегда участвовали только мы и они. Как сейчас. До сих пор нам удавалось их отгонять. Множество раз мы уничтожали их почти полностью и могли сдерживать их космические амбиции. Но сейчас, как мне кажется, победят они.

— Ни единой расы, — пробормотал Гэри, — на тысячи световых лет.

Он ошеломленно уставился на экран и увидел, как очередной кусок искореженного металла, совсем недавно бывший кораблем, упал на останки башни и, зацепившись, повис, словно окровавленная и обугленная жертва, принесенная на алтарь войны.

— Есть такая раса! — неожиданно произнес он, — Как минимум одна и совсем рядом.

— Есть? — спросила Кэролайн, — Где?

— В другой вселенной. Раса, столь же великая и могущественная, как Инженеры. Раса, которая будет рада помочь нам в этой битве.

— Черт побери! — завопил Херб. — Как же мы раньше об этом не подумали?

— Не понимаю, — отозвался Инженер, — Я согласен, что они великая раса и что они рядом. Более того, даже слишком близко. Но с тем же основанием можно считать, что в миллиарде световых лет от нас. Они не смогут нам помочь. Как вы собираетесь доставить их сюда?

— Вот именно, — буркнул Кингсли, — как вы намерены это проделать?

— Вы разговаривали с ними, — сказал Гэри, обернувшись к Инженеру. — У вас есть представление, что это за существа?

— Великая раса, — ответил Инженер. — Некоторые их научные познания превосходят наши. Именно они сообщили нам об опасности столкновения вселенных. Они знали, что приближаются к нашей Вселенной, еще тогда, когда мы и понятия не имели о том, что существуют другие вселенные помимо нашей. Очень мудрая раса.

— Поговорите с ними снова, — попросил Гэри. — Сообщите информацию, которая позволит им создать миниатюрную вселенную... одну из гиперсфер Кэролайн.

— Это нам не поможет.

— Поможет, — мрачно возразил Гэри, — если они, воспользовавшись законами пространства, создадут выпуклость на поверхности своей вселенной. Если они сумеют добраться до самого края своей пространственно-временной границы и создадут небольшой пространственный пузырь, способный отделиться от родительской вселенной и независимо существовать в пятимерном межпространстве.

Гэри услышал в наушниках своего шлема возбужденное дыхание Кингсли.

— Тогда они смогут перебраться в нашу Вселенную, — пробасил ученый. — Потому что ничто не мешает им перемещаться в межпространстве.

— Совершенно верно, — кивнул Гэри.

— Отлично придумано, Гэри! — прошептала Кэролайн.

— Здорово! — поддакнул Херб, — Мне уже не терпится полюбоваться на рожи Церберов, когда мы спустим на них этих парней.

— А если они не придут? — спросил Томми.

— Я поговорю с ними, — ответил Инженер.

Он вышел из лаборатории, и все последовали за ним по широкому коридору в другое помещение, уставленное сложным оборудованием.

Инженер подошел к пульту и начал манипулировать с кнопками и рукоятками. Длинные лампы наполнились ярким голубым свечением, стеклянные спирали вспыхнули ослепительными вихрями. Неожиданно лампы ярко засияли, а в помещении раздалось низкое мощное гудение.

Все услышали мысленный голос Инженера, вызывающий существа из другой вселенной. Усиленные аппаратами, его мысли пронзали искривленную и взаимопереплетенную структуру пространства и времени.

Вскоре люди услышали мысленный ответ — цепочку искаженных и расплывчатых мыслей, совершенно непонятных им, но, очевидно, совершенно ясных для Инженера, неподвижно стоявшего под стеклянным конусом, который мерцал голубым огнем.

Разговаривали два разумных существа, разделенные странной и пугающей неизвестностью пятимерного межпространства!

Вскоре гудение стихло, а голубое пламя в лампах угасло и превратилось в мерцание.

Инженер обернулся и посмотрел на землян.

— Они придут, — объявил он, — но при одном условии...

Неожиданно по телу Гэри пробежала дрожь. Условие! Ему в голову не приходило, что другие существа вздумают выдвигать условия, требовать концессий или захотят получить определенную выгоду от услуги, оказанной другой вселенной.

Он всегда думал о них как о благожелательных существах вроде Инженеров, вся жизнь которых посвящена

благородной цели — спасению своей вселенной. Выходит, ошибался. Неужели они откажутся от намерения спасти другую вселенную? Или же станут сражаться только за свою собственную? Существуют ли у них такие понятия, как эгоизм или всеобщее братство? Или вселенные вскоре вцепятся друг другу в глотки, подобно тому, как в древние времена различные нации яростно набрасывались одна на другую, а не так давно планеты воевали между собой ради своих корыстных интересов?

— Какое условие? — спросил Кингсли.

— Оно заключается в том, чтобы мы или они установили природу межпространства и энергии, которая возникнет при соприкосновении вселенных. Они хотят прийти и сражаться за нас, но не желают сознательно навлекать на себя катастрофу. Никто не знает, на что похоже межпространство. Никому не известно, какие природные законы в нем действуют. Там могут существовать законы, полностью чуждые обеим нашим вселенным, отрицающие каждую частицу имеющихся у нас знаний. Они опасаются, что отделение маленькой вселенной от поверхности их вселенной может послужить толчком к высвобождению энергии, которая, как им известно, порождается при сближении двух четырехмерных структур.

— Погодите-ка! — воскликнул Гэри. — Я кое о чем не подумал, предлагая вам свою идею. Мне это только что пришло в голову. Когда вы произнесли слово «условие», я решил было, что они потребуют концессий или обещаний. Я ошибся, неправильно понял их мысль. Но суть-то осталась. Мы понятия не имеем, какими окажутся те существа из другой вселенной. Не знаем, каковы их внешний облик, философия, на что они способны. Если мы позволим им явиться сюда, то тем самым подарим им ключ к нашей Вселенной. Просто-напросто распахнем для них дверь. Все может завершиться благополучно, а может и нет. Что помешает им захватить нашу Вселенную?

— Тут что-то есть, — признал Томми, — Нам следовало бы подумать об этом раньше.

— А я не верю, — сказал Инженер. — У меня есть причина полагать, что они не станут для нас угрозой.

— Какая причина? — прорычал Кингсли.

— Они уведомили нас об опасности.

— Им нужна была помощь, — возразил Томми.

— Мы мало чем сумели им помочь, — сказал Инженер.

— Да какая разница? — спросил Херб, — Если мы не сделаем что-нибудь с той энергией, нам в любом случае крышка. И той вселенной тоже. Если бы они могли спастись, погубив нас, может, они бы на это и пошли. Но им прекрасно известно, что в случае нашей гибели погибнут и они.

— Верно, — согласился Кингсли, — В их интересах помочь нам победить Церберов, тогда, может быть, нам удастся что-нибудь придумать для спасения вселенных. Какой им смысл захватывать нас до тех пор, пока никто ничего не знает о той энергии?

— А тем, чего мы не понимаем, мы не можем и управлять, — добавила Кэролайн, — Мы должны выяснить, что это за энергия, какова ее суть, какую форму она склонна принимать. И тогда мы поймем, как с ней справляться.

— Сколько у нас осталось времени на поиски какого-либо способа спастись до большого взрыва? — спросил Гэри.

— Очень мало, — ответил Инженер. — Совсем мало. Мы катастрофически близки к опасной точке. Вскоре пространственно-временные структуры обеих вселенных начнут взаимодействовать, создавая силовые линии и напряженности, которые возбудят энергетические поля в межпространстве.

— И вы утверждаете, что существует раса, которая может рассказать нам об этом межпространстве?

— Единственная, известная мне. Могут отыскаться и другие, но я знаю только об одной. Но до нее трудно добраться. Не исключено, что и невозможно.

— Послушайте, — прервал его Гэри, — это наш единственный шанс. Пусть даже нам не удастся добраться до них — это

ничуть не хуже, чем без толку сидеть тут и дожидаться, пока нас сметет энергия столкновения вселенных. Пусть двое из нас попробуют. У остальных будет шанс отыскать другой выход, пока не стало слишком поздно. Возможно, гиперсферы Кэролайн смогут справиться с энергией, но уверенности у нас нет. А нам необходима уверенность. От нашей уверенности зависит судьба Вселенной. Мы не можем палить в темноту. Нужно знание.

— И если мы узнаем, — добавил Херб, — то парни из другой вселенной смогут прийти и помочь нам сдерживать Церберов, пока мы все не организуем.

— Боюсь, нам придется рискнуть, — сказал Кингсли.

— Рискнуть, — повторил Инженер, — Если бы все ограничивалось только риском... Место, которое я имел в виду, может вовсе не существовать.

— Может не существовать? — поразилась Кэролайн. В ее голосе прозвучал страх.

— Оно очень далеко. Далеко не в пространстве... пожалуй, в пространстве оно достаточно близко. Оно далеко во времени.

— Во времени? — переспросил Томми, — Это одна из великих цивилизаций прошлого?

— Нет. Цивилизация будущего. Цивилизация, которая, возможно, не существует. Которая может никогда не возникнуть.

— Как же вы, в таком случае, о ней узнали? — вспыхнул Гэри.

— Проследил ее мировую линию. И даже не самую мировую линию, а ту, что еще только возникнет. Я забрался в область вероятностей, проследил развитие вероятности во времени и убедился, что этой цивилизации еще нет, а может, и не будет. Я увидел лишь тень вероятности.

Голова Гэри пошла кругом. О чем идет речь? Отслеживание вероятных мировых линий. Изучение развития еще не возникшей империи! Заглядывание в место, которое может

и не существовать. И разговор о путешествии в место, существование которого еще под вопросом!

Но тут заговорила Кэролайн — мягко и спокойно, хотя ее приятный голос слегка дрожал от возбуждения.

— Вы хотите сказать, что использовали геодезический метчик для отслеживания мировой линии в вероятность? И установили тот факт, что некий мир может существовать в будущем при тех условиях, которые вы обнаружили? И что, если исключить непредвиденные обстоятельства, он будет существовать таким, каким вы его увидели, но вы не уверены в самом факте его будущего существования, потому что мировые линии, которые вы отслеживали, не могут учитывать фактор уничтожения Вселенной или отклонения того мира от пути, который вы для него проследили исходя из логики его развития.

— Вы правы, — подтвердил Инженер. — Но за исключением одного обстоятельства. Оно состоит в том, что тот мир лишь в какой-то степени будет таким, каким я его увидел, — ведь все вероятности остаются лишь вероятностями. И существование того мира может оказаться настолько сомнительным, что мы не сумеем до него добраться... то есть для нас он не будет существовать в действительности. Другими словами, мы не сможем ступить на него ногой. Потому что для каждого реального предмета имеется одновременно бесконечное число вероятностей, и каждая из них отбрасывает некую тень уже благодаря тому, что они вероятны, были вероятны или будут вероятны. Обстоятельства выбирают одну из этих вероятностей и превращают ее в реальность. Но и другие точно так же имеют право на существование. Однако не исключено, что это существование мы не в силах воспринимать нашими органами чувств.

— Но вы видели тень той вероятности? — спросил Кингсли.

— Да, — подтвердил Инженер. — И очень ясно. Настолько ясно, что склонен поверить в реальное существование того мира в будущем. Но уверенности у меня нет. Как я уже

говорил, он может и не существовать, вообще никогда не существовать.

— Но у нас есть шанс до него добраться? — спросил Гэри.

— Шанс есть.

— В таком случае, — нетерпеливо бросил Херб, — чего мы ждем?

— Но если мы потерпим неудачу и Вселенная окажется уничтожена, сохранится ли эта вероятность? — спросил Гэри. — Разве сам факт того, что вы ее видели, не доказывает, что мы отыскивали способ спасти Вселенную?

— Это ничего не доказывает, — ответил Инженер, — Даже если Вселенную уничтожить, вероятность останется, потому что тот мир мог быть. Уничтожение Вселенной станет тем непредсказуемым фактором, который уничтожит реальность и вынудит все линии вероятности остаться лишь вероятностями.

— Так вы хотите сказать, — ахнула Кэролайн, — что мы можем отправиться в мир, который существует лишь в виде вероятностной мировой линии, и получить там информацию для спасения Вселенной? Что даже после того, как Вселенная будет уничтожена в случае нашей неудачи, информация, которая могла бы нас спасти, все равно может быть найдена — но, разумеется, слишком поздно — в этом вероятностном мире?

— Да, — подтвердил Инженер, — но тогда ее уже никому будет искать. Решение наших проблем так и останется там неиспользованным. Мне очень трудно правильно объяснить эту мысль.

— Все это, конечно, правильно и интересно, — не выдержал Херб, — но мне не терпится действовать. Когда мы отправимся в то место, которого может не оказаться там, куда мы прибудем?

— Сейчас я вам все покажу, — ответил Инженер.

Люди последовали за ним через лабиринт лабораторных помещений, пока не оказались в зале, где находился единственный предмет — стоящая на полу огромная

полированная чаша, отражающая свет висящей под потолком лампы.

— Смотрите, — сказал Инженер, указывая на чашу.

Он подошел к панели на противоположной стене и быстро ввел уравнение в вычислительную машину. Когда машина перестала жужжать и пощелкивать, Инженер нажал на несколько выступов на панели управления. Внутренняя поверхность чаши затуманилась и словно ожила, став похожей на гигантский водоворот текучего ничто. Создавалось впечатление, что вращение становится все более и более быстрым.

Гэри обнаружил, что не в силах отвести взгляд от удивительной чаши, словно ее движение гипнотизировало его.

Через некоторое время вихрь начал принимать определенную, но все еще расплывчатую форму. Им показалось, что они разглядывают с огромного расстояния странную звездную систему. Вскоре масштаб изображения увеличился, теперь чаша показывала только одну планету, которая увеличивалась на глазах, превращаясь в медленно вращающуюся сферу.

Затем изображение планеты заполнило всю чашу, и Гэри увидел моря, города, горы и большие пустыни. Горы, однако, были совсем низкими, больше напоминая выветренные холмы, а моря оказались мелкими. Большую часть вращающегося шара покрывали пустыни, а города лежали в руинах.

Было что-то мучительно знакомое в облике планеты, задевающее струны памяти... словно он уже ее когда-то видел.

И тут Гэри осенило.

— Земля! — воскликнул он. — Это же Земля!

— Да, — сказал Инженер, — это ваша планета, но вы видите ее такой, какой она станет через миллионы лет. Это старая, очень старая планета.

— Или какой может никогда не стать, — прошептала Кэролайн.

— Вы правы, — подтвердил Инженер. — Она может никогда такой не стать.

Глава 11

Корабль Томми Эванса стоял на одной из низких крыш рядом с лабораторией. Через несколько минут он взлетит и помчится сквозь искривленные пространство и время к той Земле, которую они видели во вращающейся чаше... Земле, которая сейчас не более чем вероятность... к Земле, которая не будет существовать еще миллионы лет, если появится вообще.

— Приглядывай за кораблем получше, — сказал Томми. Гэри похлопал его по руке.

— Я верну его тебе, — пообещал он.

— Мы будем вас ждать, — пробасил Кингсли.

— Черт, — простонал Херб. — Как где намечается развлечение, так вечно обходятся без меня. Вот вы с Кэролайн летите на Землю, а мне приходится оставаться.

— Послушай, — серьезно произнес Гэри, — нет никакого смысла рисковать жизнями всех нас. Кэролайн летит потому, что она может оказаться единственной, кто поймет те премудрости, которые нам могут рассказать люди на старой Земле, а я лечу потому, что лучше играю в покер. Я обыграл тебя по всем статьям, честно и без дураков.

— Я сам дурак, — скорбно промолвил Херб, — Надо было раньше догадаться, что у тебя всегда припрятан туз в рукаве.

Томми ухмыльнулся.

— У меня тоже рука невезучая, — сказал он. — Надо было сыграть хотя бы две партии.

— У нас не было другого способа решить наш спор, — пояснил Гэри. — Мы все хотели лететь, поэтому сыграли одну партию в покер. На вторую у нас просто не оказалось времени. Я выиграл. Чего вы еще хотите?

— Ты всегда выигрываешь, — пожаловался Херб.

— Велики ли ваши шансы на успех? — спросил Томми у Кэролайн.

Та пожала плечами:

— На бумаге все выглядит гладко. Когда мы летели сюда, Инженеры искривили пространство и время, но одинаково — и то и другое в равной степени. Но сейчас время придется искривлять гораздо больше. В действие вступают совсем другие факторы. Но у нас неплохие шансы попасть туда, куда мы направляемся.

— Если только планета окажется на нужном месте... — начал было Херб, но тут же смолк, услышав многозначительное похмыкивание Кингсли.

Кэролайн быстро повернулась к нему.

— Инженер понял уравнения, описывающие гиперсферы, — сказала она, — Работай с ним. Попробуйте создать несколько гиперсфер в нашем пространстве, а потом проверьте, можно ли создать хотя бы одну за пределами нашей Вселенной. Отщипните ее при помощи искривления пространства — времени и вытолкните в межпространство. Возможно, она нам потом пригодится.

Внезапно на них обрушилась волна грохота, массивные каменные плиты под ногами содрогнулись от взрыва бомбы. На секунду яростная вспышка атомного пламени заставила побледнеть свет местных солнц.

— Эта легла близко, — прокомментировал Томми.

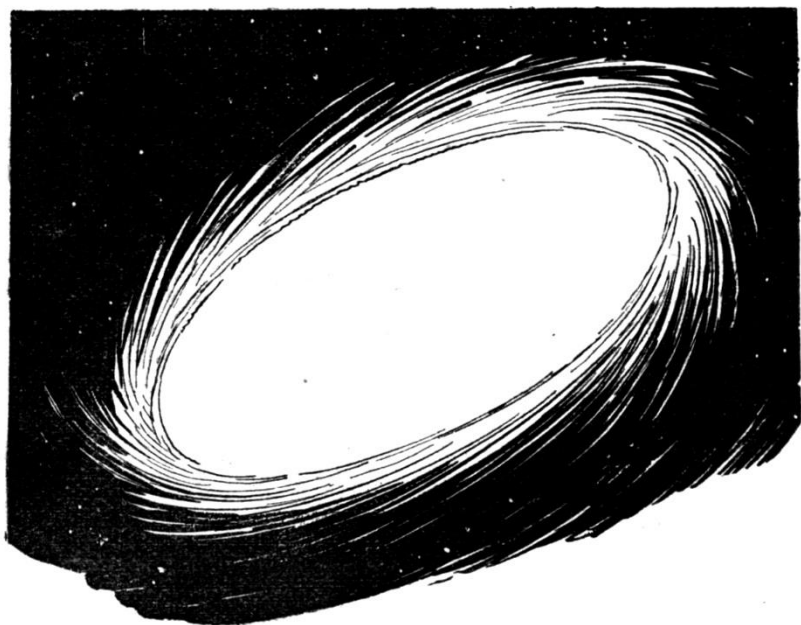
Они уже привыкли к бомбам. Гэри задрал голову к небу и увидел серебристые искорки кораблей.

— Инженеры не смогут продержаться долго, — сказал Кингсли. — Так что если мы намерены что-либо сделать, то пора поскорее начинать.

— А вот и старое знакомое искривление пространства, — радостно произнес Херб, указывая наверх.

Все посмотрели туда, куда показывал его палец.

Да, верно... ровное светящееся колесо, легкое вращение закрученного пространства... такое они уже видели на Плутоне. Дверь в другой мир.

— Полагаю, — решила Кэролайн, — это приглашение отправляться в путь. — Голос ее предательски дрогнул. Она обернулась к Кингсли: — Даже если мы не вернемся, все равно попробуйте гиперсферы. Попробуйте поглощать энергию внутри их. Вам не придется управлять этим процессом долго — лишь до тех пор, пока другая вселенная не взорвется. Тогда мы окажемся в безопасности.

Она вошла в шлюз корабля, Гэри последовал за ней. Обернувшись, он посмотрел на оставшихся — огромного Кингсли, чья голова с трудом умещалась в тесноватом для него шлеме, а затянутые в металлическую перчатку пальцы нервно сжимались и разжимались; щеголеватого и жизнерадостного Томми Эванса, юношу, мечтавшего долететь до альфы Центавра, а вместо этого попавшего к краю Вселенной; фотографа Херба, коренастого коротышку, готового сейчас биться головой о стенку из-за того, что он не летит с ними. Почувствовав, что его глаза неожиданно затуманились от слез, Гэри помахал им рукой. Оставшиеся трое

помахали в ответ, Гэри торопливо вошел в шлюз и дернул рукоятку, запирающую герметичный люк.

Войдя в рубку управления, он сорвал шлем, плюхнулся в пилотское кресло и посмотрел на Кэролайн.

— Как приятно избавиться от шлема, — заметил он.

Кэролайн, тоже снимавшая шлем, кивнула в ответ.

Пальцы Гэри забегали по пульту, выполняя предстартовую процедуру. Взявшись за рукоятку зажигания, он замер.

— Послушай, Кэролайн, насколько велики наши шансы? — спросил он.

— Долетим.

— Нет, — рявкнул он, — я хочу знать правду. У нас вообще есть шанс?

Кэролайн посмотрела ему в глаза, ее губы сжались в прямую линию.

— Да, но небольшой. Даже не пятьдесят на пятьдесят. Очень много факторов, вызывающих ошибки в расчетах, очень много случайностей. Математически их нельзя предвидеть и учесть, а кроме математики, нам надеяться не на что.

Гэри хрипловато рассмеялся.

— Неужели ты не понимаешь? — спросила Кэролайн, — Мы стреляем по мишени. Она удалена от нас на миллионы световых лет и на миллионы лет во времени. Нам нужно вывести две отдельные системы координат — для времени и для пространства. Одним тут не обойтись. Это трудно.

Гэри взял себя в руки. Кэролайн сказала, что задача трудна. Он мог лишь догадываться, насколько трудной она может оказаться. А по-настоящему оценить ее сложность мог лишь тот, кто овладел математикой и пространства, и времени. Например, тот, кто размышлял о таких проблемах тысячу лет.

— И даже если мы попадем точно в нужное место, — сказал Гэри, — его может там не оказаться.

Он дернул рычажок на себя. Загрохотали ракеты, корабль начал по дуге подниматься в небо. Гэри напряженно

работал за пультом. Двигатели трудились на полную мощность, и все же вокруг пока простирался разрушенный город, могучие башни которого атомные бомбы превратили в груды развалин.

Светящееся колесо, обозначавшее вход в пространственно-временной туннель, находилось между и чуть позади остатков двух башен. Сманеврировав двигателями, Гэри направил нос корабля между ними, потом чуть приподнял его, нацелив корабль на светящееся колесо.

Корабль быстро набирал высоту. Перекрестье указателя курса указывало точно на центр светового круга.

— До входа в туннель осталось совсем немного, — взволнованно произнес он и стиснул от напряжения зубы. — Через минуту мы все узнаем.

Холодный ветер космоса вновь дул ему в лицо, волосы на шее встали дыбом. Извечный вызов неизвестности. Старинная слава крестового похода.

Он быстро взглянул на Кэролайн. Девушка уставилась в носовой иллюминатор, глядя прямо перед собой. Колесо света все расширялось, и вскоре впереди оказалась лишь черная дыра. Кэролайн обернулась.

— О Гэри! — воскликнула она.

В то же мгновение корабль вонзился в густую и вязкую чернильную мглу. Мрак затопил его целиком, им даже показалось, будто заливающий кабину свет радиевых ламп потускнел.

— Гэри, я боюсь! — услышал он доносящийся из мрака голос Кэролайн.

Но не успел он ответить, как темнота исчезла и корабль снова вырвался в пространство, усеянное искорками звезд, которое, как ни странно, показалось им после черноты туннеля теплым и дружественным.

— Вот она! — воскликнула Кэролайн.

Гэри облегченно выдохнул.

Под ними проплывала планета — именно такая, какую они видели во вращающейся чаше в городе Инженеров, —

покрытая некогда могучими горами, ныне превратившимися в пологие и низкие холмы, планета мелких морей и разреженной атмосферы.

— Земля, — подтвердил Гэри, не в силах отвести глаза.

Да, Земля. Колыбель человечества, ныне старая и дряхлая планета, медленно ползущая навстречу гибели, пережившая свою полезность. Планета, вынынчившая великую расу — людей, всегда стремившихся вдаль, не удовлетворенных скукой повседневности, встречающих каждый вызов боевым кличем. Расу крестоносцев.

— Она на месте, — прошептала Кэролайн. — Она настоящая.

Гэри быстро взглянул на приборы. Корабль находился всего в пятистах милях от поверхности, но приборы не улавливали даже следов атмосферы. Корабль медленно снижался, однако вокруг был лишь чистый космический вакуум.

Гэри негромко свистнул. Датчики уловили бы и следы газов, но до сих пор стрелки приборов даже не дрогнули.

Как постарела Земля! Быстро потеряв верхние слои атмосферы, она подставила свои старческие кости космическому холоду, и теперь космос, ледяной и зловещий, все дальше прокрадывался в колыбель человечества.

Первые признаки атмосферы приборы отметили на высоте чуть ниже двухсот миль. Поверхность планеты освещало Солнце, тоже, должно быть, растратившее большую часть своей энергии: его свет показался Гэри слабым по сравнению с тем, каким он его помнил.

Корабль быстро приближался к поверхности, и земляне нетерпеливо искали глазами хотя бы следы городов. Им повезло лишь однажды, но телескоп тут же подтвердил, что от города остались лишь руины. Пески почти засыпали обвалившиеся колонны и некогда могучие стены зданий.

— Когда-то тут стоял великий город, — тихо сказала Кэролайн, — Хотела бы я знать, что стало с людьми.

— Умерли, — предположил Гэри. — Или улетели на другую планету, быть может к другому солнцу.

По экрану проплывали картины, одна мрачнее другой. Огромные пустыни с ползучими дюнами — мили и мили голого песка без единого пятнышка растительности. Низкие, расплывшиеся от времени холмы, чьи склоны были усеяны валунами и искривленными ветром деревьями и кустами, из последних сил сопротивлявшимся враждебной и суровой стихии.

Когда корабль полетел над ночной половиной планеты, путники увидели Луну. Заслоняющая почти двенадцатую часть неба, она огромным оранжевым шаром выплыла из-за горизонта.

— Как она прекрасна! — выдохнула Кэролайн.

— Прекрасна и опасна, — добавил Гэри.

Наверное, она уже приближается к пределу Роше. Падая с неба, она год за годом притягивалась к Земле. Когда она пересечет невидимую границу, ее разорвут на части неумолимые гравитационные напряжения, а обломки полетят по самостоятельным орбитам вокруг дряхлой Земли, образовав миниатюрные кольца Сатурна. Но те же силы, которые разорвут Луну, заставят содрогнуться и Землю. Взорвутся лавой и пламенем вулканы, кору раздерут землетрясения, по океанам промчатся чудовищные приливные волны. Горы рассыплются щебнем, поднимутся новые континенты. Лик Земли изменится вновь, как уже менялся множество раз в прошлом. Он уже изменился с тех пор, как его узнал человек, потому что Гэри не мог узнать ни одного моря или континента. Все выглядело чужим и незнакомым.

Он задумался о том, какие изменения могли произойти за это время. Вращение Земли замедлилось. Ночь и день сейчас, наверное, длятся по месяцу. Долгие дни под палящим солнцем и бесконечные холодные ночи. Столетие за столетием лунные приливы тормозили Землю, масса планеты увеличивалась за счет падающих на нее метеоритов, а энергия уменьшалась. Увеличение массы и снижение

энергии замедляли ее вращение, отодвигали все дальше от Солнца в космический холод. А теперь она теряет и атмосферу. Из-за ослабевшего притяжения драгоценные газы улетучиваются. Выветривание скальных пород также поглощило часть кислорода.

— Смотри! — воскликнула Кэролайн.

Очнувшись, Гэри увидел прямо по курсу поднимающийся из-за горизонта большой город, сверкающий блеском металла.

— Инженер говорил, что мы найдем на Земле людей, — прошептала Кэролайн. — Наверное, это случится здесь.

Город тоже оказался сильно разрушенным. Большая его часть, несомненно, уже была погребена под песками пустыни, наползавшей со всех сторон. Некоторые из зданий развалились, и зияющие в стенах отверстия казались пустыми, потерявшими надежду глазами. Но немалая часть города уцелела, и по ней можно было представить, каким великолепным он был во времена своего гордого расцвета.

Гэри начал плавно снижать корабль, опуская его на нанесенную из пустыни полосу песка перед одним из еще стоящих зданий, самым крупным в городе. Вблизи он рассмотрел это здание получше — изумительное строение, красота которого почти не поддавалась описанию, поэма ритма и изящества, казалось слишком хрупким для этого зловещего и мрачного мира.

Пропахав песок, корабль остановился. Гэри поднялся из кресла и протянул руку к шлему.

— Прибыли, — объявил он.

— Я не верила, что нам это удастся, — призналась Кэролайн. — Мы очень рисковали.

— Но все-таки нам повезло, — резко ответил Гэри. — Нас ждет дело. — Надев и закрепив шлем, он добавил: — У меня такое предчувствие, что эти колпаки нам понадобятся.

Кэролайн тоже надела шлем. Они вместе вышли из корабля.

Тонко завывал ветер, проносясь над бесплодными пустынями и развалинами, взметая вихри мельчайшего песка, танцующие зловещий танец на дюнах, и подбираясь к дверям сияющего в лунном свете здания, перед которым опустился корабль.

Гибкий быстрый силуэт мелькнул на гребне дюны и юркнул в укрытие среди груды камней — то ли одичавшая собака, то ли какое-то другое животное.

Охватившее Гэри ощущение заброшенности пробралось глубже и страхом стиснуло душу. Он содрогнулся. Человек не должен испытывать такие чувства на своей родной планете. Не так он должен себя ощущать, вернувшись домой от самого края всего сущего.

Но то был не край всего сущего, напомнил себе Гэри, а лишь край Вселенной. Потому что Вселенная оказалась не всем сущим. За ее пределами, простираясь на немереные, уму непостижимые расстояния, существовали другие вселенные. Родная Вселенная оказалась лишь крошечной частичкой целого, возможно такой же крошечной, как Земля по сравнению с Вселенной. Песчинка на берегу, подумал он. Даже меньше песчинки.

А эта планета, разумеется, могла быть и не Землей, а лишь ее тенью — вероятностью, набравшей силу, вещественность и приближенность к реальности потому, что лишь неуловимо тонкая граница отделяла ее от того, чтобы стать настоящей реальностью.

У Гэри даже голова пошла кругом от подобной мысли, от вытекающего из нее бесчисленного количества вероятных следствий, от бесконечного числа возможностей, ныне существующих в виде теней, каждая из которых отбрасывала собственную тень. От всего, что лишь чуть-чуть не стало реальностью. Разочарованные призраки, подумал он, с жалобным воем ковыляющие сквозь вечность небытия.

Кэролайн подошла ближе, и Гэри услышал в динамиках шлема ее тихий голос:

— Здесь все такое странное, Гэри.

— Да, — согласился он, — Странное.

Они осторожно зашагали вперед, к зияющему отверстию двери в большом металлическом здании. Лунный свет, разбиваясь о его башни и шпили, осыпал строение холодными осколками какой-то неземной красоты.

Под ногами хрустел и поскрипывал песок. Тонко и жалобно завывал ветер, песчинки покрылись кристалликами замерзшей влаги, пойманной в смертельные объятия холода.

Добравшись до двери, они заглянули внутрь. Там оказалось темно, и Гэри снял с пояса радиевый фонарь. Широкий луч осветил просторный арочный коридор, ведущий прямо к центру здания.

Гэри затаил дыхание, охваченный безымянным страхом — страхом перед всем темным и незнакомым, призрачным и древним.

— Пожалуй, можно войти, — сказал он, преодолевая страх.

Металлические подошвы застучали по холодным плитам пола, звук шагов гулко прозвучал в темноте, многократно отражаясь от стен.

Гэри ощутил на плечах все растущую тяжесть столетий — глаза множества людей различных наций, пристально наблюдающих за ним, ревностно охраняющих древние традиции от вторжения чужого разума. А ведь они с Кэролайн, понял Гэри, здесь чужие — если и не по крови, то во времени. Об этом кричало все — и архитектура здания, и сама атмосфера протяженного и молчаливого холла, и тишина, царящая на мертвой или умирающей планете.

Неожиданно коридор оборвался, выведя их в огромный зал. Гэри включил фонарь на полную яркость и повел вокруг лучом. Зал заполняли ряды массивных кресел, вдоль стен тянулись орнаментированные скамьи.

Некогда, в давно минувшие времена, это был зал собраний, место встречи людей, решавших важные проблемы. В этом помещении, подумал Гэри, творилась история,

создавалась политика космической империи, решалась судьба звезд и планет.

Но ныне жизнь покинула это место, лишь давящая тишина словно шептала о днях, лицах и проблемах, давно сметенных и уничтоженных тяжелой поступью веков.

Гэри обвел взглядом зал и вздрогнул.

— Мне здесь не нравится, — прошептала Кэролайн.

Неожиданно в стене открылась дверь. В зал хлынул свет.

Их сознания коснулись телепатические пальцы, и они услышали доброжелательную и, несомненно, человеческую мысль:

— Вы здесь кого-то ищете?

Глава 12

Изумленные, они резко повернулись. В маленьком дверном проеме стоял сутулый старик — человек, не совсем похожий на человека из-за слишком большой головы и гротескно увеличенной грудной клетки. Худые ноги-трубочки предательски дрожали, а руки были угрожающе длинными и тонкими.

На грудь старика ниспадала длинная белая борода, но выпуклый купол черепа был абсолютно голым. Даже на расстоянии Гэри ощутил силу пронизательных глаз, выглядевших из-под мохнатых бровей.

— Мы ищем кого-нибудь, — ответил Гэри, — кто мог бы дать нам нужную информацию.

— Заходите, — услышали они в ответ мысль старика, — Или вы хотите, чтобы я насмерть простудился тут на сквозняке?

— Пойдем, — решил Гэри, беря Кэролайн за руку.

Они торопливо пересекли зал и юркнули в помещение. Услышав, как дверь захлопнулась, они повернулись к старику. Тот уставился на них.

— Вы люди, — мысленно произнес он, — Существа моей расы. Но из очень далекого прошлого.

— Верно, — согласился Гэри. — Нас разделяют многие миллионы лет.

Им показалось, что в мыслях старика мелькнуло недоверие.

— И вы искали меня?

— Все равно кого. Того, кто сумеет поведать нам знание, которое может спасти Вселенную.

— В таком случае им стану я, потому что я единственный из оставшихся в живых.

— Единственный оставшийся в живых? — изумился Гэри, — Последний человек?

— Вот именно, — почти радостно подтвердил старик, — Были и другие, но все умерли. Всем когда-нибудь суждено умереть.

— Но должны же быть и другие люди, — не унимался Гэри, — Никогда не поверю, что вы последний из людей.

— Другие были, — согласился старик, — но они покинули Землю и улетели к звездам. В место, приготовленное для них.

У Гэри похолодело в груди.

— Вы хотите сказать, что они умерли?

— Да нет, никто не умер, — раздраженно бросил старик. — Они перебрались в лучшее местечко. Оно было подготовлено для них много лет назад. Но они не могли отправиться туда, пока не стали готовы.

— А вы?

— А я сам захотел остаться. Я и несколько других. Мы не могли совсем забросить Землю и решили остаться. Но все из оставшихся уже умерли. Кроме меня.

Гэри обвел взглядом комнатку старика. Маленькая, но удобная. Постель, стол, пара стульев, другую мебель он узнать не смог.

— Вам нравится мое жилище? — спросил старик.

— Очень, — ответил Гэри.

— Может быть, вы захотите снять шлемы? Тут тепло, а плотность атмосферы я поддерживаю несколько выше, чем

снаружи. Необходимости в этом, разумеется, нет, но так приятнее. Уж больно разреженным стал воздух на улице. Трудно дышать.

Путешественники расстегнули замки и сняли шлемы. Воздух в комнате оказался чистым, свежим и теплым.

— Так гораздо лучше, — признала Кэролайн.

— Хотите есть? — спросил старик, указывая на стулья.

Когда путешественники сели, он осторожно опустился на третий стул, — Так-так, — мысленно произнес он, словно дедушка, в гости к которому приехали внуки, — люди из прошлого. Вы оба просто великолепные образчики той эпохи — физически. Вид у вас довольно-таки варварский — но в головах есть все, что нужно. Вижу, вы разговариваете между собой вслух, а ведь люди уже много тысяч лет общаются мысленно. Уже одно это подтверждает, что вы прибыли из очень далекого прошлого.

— Действительно, из очень далекого, — согласился Гэри, — Мы первые люди, покинувшие Солнечную систему.

— Далеко, — сказал старик. — Далеко... — Его острый взгляд устремился на Гэри. — Наверняка у вас есть для меня интересная история.

— Есть, — подтвердила Кэролайн, и гости быстро, по очереди, начали рассказывать, возбужденно добавляя детали, поясняя ситуации, пока не выложили ему все.

Старик внимательно слушал, время от времени задавая вопросы. В его ясных глазах читалась любовь к приключениям, а морщинистое лицо приняло благосклонное выражение, словно он разговаривал с детьми, вернувшимися после первого школьного дня и рассказывающими об увиденных чудесах.

— И поэтому вы прилетели ко мне, — заключил он, — Не побоялись отправиться по кривой тропке времени, лишь бы отыскать кого-нибудь вроде меня — кто смог бы рассказать то, что вы хотите узнать.

Кэролайн кивнула.

— И вы сможете нам это рассказать, верно? — спросила она. — Это очень важно для нас... и для всех.

— Я на вашем месте не стал бы беспокоиться, — заметил старик, — Если бы Вселенной пришел конец, меня здесь не оказалось бы, а вы не смогли бы до меня добраться.

— А вдруг вы не настоящий? — спросила Кэролайн. — Всего лишь тень. Вероятность...

Старик кивнул и запустил в бороду скрюченные пальцы. Из могучей груди со свистом вырвался воздух.

— Вы правы, — признал он. — Я могу оказаться лишь тенью. И весь мой мир тоже, вполне вероятно, лишь тень. Я иногда задумываюсь над тем, существует ли вообще такое понятие, как реальность — или все вокруг лишь мысль. И не может ли оказаться, что некий гигантский космический разум лишь выдумал все то, что мы видим, во что верим и воспринимаем как реальность... что этот гигантский разум создал сцену с декорациями и выпустил на нее воображаемых актеров. А еще я иногда думаю, не являются ли все эти вселенные лишь театром теней. Компанией призрачных актеров, играющих на призрачной сцене.

— Но расскажите же нам, — взмолилась Кэролайн. — Вам есть что сказать.

Старик подмигнул:

— Да, я все вам охотно расскажу. Ваше пятое измерение есть вечность. Это все и ничего, свернутое в единое целое. Место, где еще ничего не случилось и в то же время все уже в каком-то смысле совершилось. Это начало и конец всех вещей. Там не существует понятий пространства, времени и прочих феноменов, которые мы приписываем четырехмерному континууму.

— Никак не могу понять, — пробормотала Кэролайн, удивленно наморщив лоб, — Мне все кажется таким безнадежным. Можно ли объяснить это математически?

— Можно, но, боюсь, вы все равно не поймете. Математика, необходимая для таких пояснений, была разработана лишь несколько тысяч лет назад.

Он разгладил бороду на выпуклой груди.

— Мне не хочется вас смущать, — заявил старик, — но я попросту не вижу, откуда у вас может взяться тот уровень интеллекта, без которого мои пояснения потеряют смысл. В конце концов, вы люди из древней эпохи, почти что варвары.

— Попробуйте все же объяснить ей, — проворчал Гэри.

— Хорошо, — снизошел старик.

У Гэри осталось лишь спутанное впечатление о многоступенчатых уравнениях, напичканных символами в скобках, и все это складывалось в запутанную и совершенно невообразимую структуру, смысл которой казался столь обширным и всеохватывающим, что его разум инстинктивно отстранился от любых попыток в него вникнуть.

Затем звучащие в голове мысли смолкли, одарив его легким головокружением и ощущением жизненной силы, которую он предположил и все же ухватил за символикой и структурой уравнений.

Взглянув на Кэролайн, он увидел, что вид у нее озадаченный. Но внезапно ее лицо осветилось восхищением.

— Странно, — произнесла она, немного помедлив, — но... уравнения исключают друг друга, отражая одновременно все и ничего, сразу и ноль и бесконечность, все, что только можно вообразить.

Гэри ухватил мелькнувшее в уме их хозяина ощущение удивления и смущения.

— Ты поняла, — услышал он мысль старика, — Ты совершенно точно ухватила смысл.

— Я ведь вам говорил, — поддакнул Гэри, — Конечно же, она все поняла.

— Это означает, что энергия будет вневременной, — говорила Кэролайн, словно размышляя вслух, — У нее не будет временного фактора, а поскольку время входит в показатель степени, то и мощь его окажется почти беспредельной. Едва процесс начнется, его уже нельзя будет остановить.

— Ты права, — подтвердил старик. — Это будет чистой, только что родившейся энергией из области, где законы четырехмерного пространства — времени перестают действовать. Она окажется безвременной и бесформенной.

— Бесформенной, — повторила Кэролайн. — Ну конечно же, у нее не будет формы. То не будет свет, тепло, материя, движение или любая из известных нам форм энергии. И в то же время она может оказаться чем угодно, потому что она ждет, чтобы превратиться в нечто. Она сможет выкристаллизоваться во что угодно.

— Господи! — изумился Гэри. — Да как можно справиться с такой штукой? Это не по зубам даже твоим гиперсферам. Она расплавит само пространство и уничтожит время.

Кэролайн взглянула на него ясными глазами.

— Если я смогу создать пятимерную ловушку, — сказала она, — то сумею поймать ее в той среде, внутри той структуры, где она зародилась. Неужели ты сам не видишь, что такая структура станет притягивать энергию, накапливать ее внутри себя и удерживать? Так удерживает энергию аккумулятор, а вода сама отыскивает свой уровень.

— Все это верно, — согласился Гэри, — если ты сумеешь создать пятимерную ловушку. Но это тебе не по силам. Пятимерность есть вечность, это измерение вечности. А вечность не обхитришь и не обведешь вокруг пальца.

— И все же это возможно, — произнес старик.

Кэролайн и Гэри изумленно на него уставились.

— Слушайте внимательно, — продолжил тот, — Вращая круг в третьем измерении, мы получаем сферу, вращая сферу в четвертом измерении, можно получить гиперсферу. Вы ее уже создавали. Искривление пространства и времени вокруг некоей массы порождает гиперсферу, миниатюрную вселенную. И поэтому вам нужно лишь вращать гиперсферу в пространстве пятого измерения.

— Но чтобы проделать такое, необходимо находиться внутри четырехмерного пространства, — возразил Гэри.

— Совсем не обязательно, — стоял на своем старик. — В трехмерном пространстве рассеяны эфирные вихри, искажения времени, пространственные ловушки — называйте их как хотите. Это весьма распространенное явление, и по сути они не что иное, как изолированные кусочки четырехмерного пространства, рассеянные в трехмерном. То же применимо и к пятому измерению относительно четвертого.

— Но как это проделать практически? — спросила Кэролайн. — Как можно вращать гиперболу в пятом измерении?

И вновь Гэри смутился, когда мысли старика заполнили его сознание, превращаясь в символы, уравнения и скобки этой непостижимой для обычного человека математики будущего.

— Гэри, — выдохнула Кэролайн, — у тебя есть карандаш и кусочек бумаги?

Порывшись в карманах, Гэри отыскал старый конверт и огрызок карандаша и протянул их Кэролайн.

— Прошу вас, повторите еще раз, только помедленнее, — попросила она старика.

Гэри осталось лишь изумленно смотреть, как Кэролайн медленно и тщательно выписывает формулы, уравнения, символы, а потом тщательно проверяет написанное и переспрашивает, чтобы в них не вкралась ошибка.

— Потребуется энергия, — наконец сказала она. — Чудовищная энергия. Хотелось бы мне знать, по силам ли такое Инженерам?

— Они владеют магнитной энергией, — напомнил ей Гэри, — так что, по-моему, проблем у тебя не возникнет.

Старик прищурился.

— Я вспомнил ваши слова о Церберах, — сказал он, — О тех существах, которые желают уничтожения Вселенной. Мне они не понравились. По-моему, с ними надо что-то сделать.

— Но что именно? — спросил Гэри, — Сейчас они сильны, как никогда. Когда мы вернемся, от города, возможно, останутся лишь руины.

Старик сонно кивнул, но глаза его сверкнули.

— В нашей истории имеются подобные примеры. Находились люди, навязывавшие свою волю целым нациям, становившиеся на пути прогресса. Но всякий раз кто-нибудь находил средство сломить их. Появлялось более мощное оружие, или же грубой силе начинала противостоять другая, более мощная, после чего прогресс возвращался на истинный путь. Имена тех людей, их дела обращались в ничто, забывались, а цивилизация, которую они желали переделывать на свой эгоистичный манер, стряхивала их со своих плеч, словно они никогда не жили.

— И все-таки я не понимаю... — начал Гэри. И тут до него дошло. Все стало ясно как день. Он стукнул себя кулаком по коленке и радостно завопил: — Конечно! У нас есть оружие. Такое, какое может их смести. Энергия пятого измерения!

— Разумеется, есть, — подтвердил старик.

— Но если мы ею воспользуемся, то поступим по-варварски, — запротестовала Кэролайн.

— По-варварски?! — возмутился Гэри, — А разве не по-варварски желать гибели Вселенной, чтобы Церберы смогли вернуться к началу, захватить ее, контролировать, доминировать в ней и захватывать галактику за галактикой, по мере того как станет рождаться новая вселенная? Перекроить ее по своим потребностям и желаниям. Поработить каждое живое существо, зарождающееся на остывающих планетах. Стать хозяевами Вселенной.

— В таком случае нам нужно торопиться, — заявила Кэролайн. — Надо возвращаться. На счету каждая минута. У нас еще есть шанс спасти Инженеров и Вселенную, уничтожить Церберов. — Она нетерпеливо вскочила.

— Вы покидаете меня так быстро? — расстроился старик, — Разве вы не останетесь поесть со мной? Или рассказать мне поподробнее о той планете у края Вселенной? Да и я могу поведать вам немало любопытного и странного.

Гэри в нерешительности остановился.

— Может, задержимся ненадолго? — спросил он.

— Нет, — сказала Кэролайн, — Нам надо возвращаться.

— Послушайте, — обратился Гэри к старику, — а почему бы вам не отправиться с нами? Мы вам будем только рады, да и вы нам сумеете помочь в полете. Наверняка вы сумеете рассказать нам немало полезного.

— Не могу. — Старше покачал головой. — Видите ли, вы правы. Я могу оказаться всего лишь тенью. Возможно, весьма осязаемой тенью, но тем не менее лишь тенью вероятности. Вы можете прилететь ко мне, но я не могу улететь с вами. Ведь если я покину эту планету, то могу попросту исчезнуть, словно никогда и не жил. — Он немного помолчал. — Но есть нечто такое, что дает мне основание подозревать, что я не тень, что все вокруг реальность и что Земля проживет ту историю, которую я знаю и помню.

— Но что это? — спросил Гэри.

— Нечто, о чем я не могу вам рассказать.

— Быть может, мы еще вернемся повидаться с вами, — сказала Кэролайн, — Когда справимся со всеми проблемами.

— Нет, дитя мое. Вы никогда не вернетесь, потому что нашим жизням не следовало пересекаться. Вы — начало, а я — конец. И я горд, что последний человек на Земле сумел помочь тем, кто только начинает.

Путешественники надели шлемы и направились к двери.

— Я провожу вас до корабля, — решил старик, — В последнее время я редко выхожу прогуляться, потому что страдаю от холода и разреженного воздуха. Наверное, старею.

Их подошвы зашуршали по песку. Над пустыней все так же завывал ветер, и этот вой, тонкий и пронзительный, играл бесконечную увертюру к сцене запустения, в которую превратилась старушка Земля.

— Я живу вместе с призраками, — сказал старик по пути к кораблю. — Призраками людей, событий и великих идеалов, которые создали могучую расу.

Вы, наверное, удивлены, что я так похож на вас внешне. Вероятно, вы полагали, что человек со временем превратится в некоего специализированного уродца — в огромный

массивный мозг, утративший способность перемещаться самостоятельно, или в придурковатого философа, или, что еще хуже, в сухого реалиста. Но мы не стали такими, сумели сохранить равновесие. Наши ноги твердо стояли на земле, а головы были заполнены мечтами.

Они подошли к кораблю и остановились перед открытым входом. Старик махнул рукой в сторону могучего металлического здания.

— Самый гордый город из когда-либо построенных людьми, — сказал он, — Город, чья слава долетела до самых далеких звезд и галактик. Город, о котором путешественники рассказывали восторженным шепотом. Место, в котором пересекались торговые пути многих звездных систем, куда прилетали корабли, преодолевавшие межгалактическую пустоту. Но ныне все искрошилось в пыль и превратилось в развалины. Вскоре его поглотит пустыня, ветер споет ему погребальную песнь, а на его костях поселятся маленькие лохматые зверьки.

Старик повернулся к гостям, и в его глазах Гэри увидел внезапно вспыхнувший полумистический свет.

— Таков удел городов, — заявил старик, — но не людей. Человек шагает все дальше и дальше. Он переживает одни города и строит новые. Он переживает планеты. Он творит наследство — могучее наследство, которое со временем делает его хозяином Вселенной.,

Но успех всегда сменяют поражения. Наступают времена, когда кажется, что все потеряно, что Человек снова отброшен к первобытной дикости и невежеству. Когда путь вперед кажется слишком трудным, а плата за движение по нему — слишком высокой. Но всегда под небесами будет призывно звучать рог, за горизонтом таиться вызов, а еще дальше — ярко сиять свет идеалов. И Человек пойдет дальше, к более великим триумфам, бесконечно отодвигая дальше границу неизведанного, всегда стремясь ввысь и вдаль.

Старик повернулся и пошел обратно к дверям здания. Он ушел, не сказав ни слова на прощание, а его обутые в сандалии ноги оставили на сыпучем песке цепочку неглубоких и нечетких следов.

Глава 13

Проскочив черный пространственно-временной туннель, корабль вновь оказался в нормальном пространстве.

Нормальном, но неправильном.

Склонившийся за пультом Гэри услышал, как Кэролайн удивленно воскликнула:

— Здесь что-то не так!

Они увидели планету, но то не была планета Инженеров — на ней не оказалось гигантского города, покрывающего ее от горизонта до горизонта. Вместо трех голубых солнц их взорам предстало одно — очень большое, тусклого кирпично-красного цвета. Лучи его оказались настолько слабы, что звезду можно было спокойно разглядывать незащищенными глазами.

Не было ни флота Церберов, ни сверкающих кораблей защитников... ни войны.

На этой планете царил мир... унылое кладбищенское спокойствие. Мир окончательный и непоколебимый.

Поверхность планеты оказалась плоской, испещренной разноцветными пятнами, словно кожа прокаженного. Серой ее было назвать трудно, создавалось впечатление, будто тут поработал акварельными красками ребенок — рисовал себе в альбоме, но потом устал и принялся малевать, забыв об аккуратности и задуманном рисунке.

Что-то случилось, подумал Гэри. По его жилам пробежал холодок. Что-то произошло, и мы оказались здесь — в каком-то непонятном уголке Вселенной.

— Где-то вкралась ошибка, — решила Кэролайн. — Или в координаты, или, возможно, в саму разработанную Инженерами математику.

— Более вероятно, ошибка кроется в человеческом мозгу, — возразил Гэри, — или же в мозгу Инженера. Ни человеку, ни любому другому существу не дано заглянуть настолько далеко вперед, мыслить настолько ясно, чтобы предусмотреть любую случайность. Но даже если отыщется такой гений, то и у него наверняка появится соблазн отбросить при расчетах какой-нибудь мелкий фактор — он, мол, настолько незначителен, что вреда не принесет.

Кэролайн кивнула.

— Ошибки вкрадываются так легко, — признала она. — Они мне напоминают мышей: шепчутся себе в голове, а потом неожиданно выползают из норки.

— Мы еще можем вернуться, — сказал Гэри, но, уже произнося эти слова, он знал, что ничего хорошего от такого решения ждать не приходится. Потому что если туннель искаженного пространства — времени, сквозь который они пролетели, отклонился от заданной точки на этом своем конце, то он неизбежно отклонился и на противоположном.

— Мы не сможем вернуться, — возразила Кэролайн.

— Да сам понимаю, — согласился Гэри, — Просто вырвалось. Сказал, не подумав.

— Мы даже попытаться уже не сможем, — заметила Кэролайн. — Световое колесо исчезло.

И верно, светящийся в небе выход из туннеля растаял, оставив их здесь одних.

Здесь? А где находится это «здесь»?

На вопрос Гэри имелся простой ответ — они не знали. И узнать точно не представлялось пока возможным.

— Заблудились, — с досадой произнесла Кэролайн. — Как дети в лесу. Помнишь, прилетели малиновки и накрыли их листиками?

Корабль опускался на планету. Гэри вновь обернулся к пульту.

— Посмотрим, что там внизу, — сказал он.

— Вдруг здесь кто-нибудь живет? — предположила Кэролайн.

«Кто-нибудь», подумал Гэри, не совсем верное слово. Правильнее, пожалуй, будет «что-нибудь». Нечто.

Под ними раскрывалась панорама планеты — плоского мира без гор, рек или морей. Моря здесь заменяли обширные зеленые болота, перемежающиеся плоскими выветренными равнинами, испещренными цветными пятнышками — то ли растительностью, то ли выходами геологических пород.

Корабль вышел на посадочную спираль. Путешественники прильнули к иллюминаторам, отыскивая признаки поселений или хотя бы намек на жизнь — какую-нибудь дорогу, здание, наземный экипаж или летательный аппарат. Но не увидели ничего.

— Ничего здесь нет, — сказал наконец Гэри, покачав головой. — Можем садиться где угодно — на этой планете любое место ничуть не хуже другого.

Они совершили посадку на плоском песчаном выступе между окраиной одного из зеленых болот и рощицей покрытых пятнышками растений. Теперь путникам уже стало ясно, что цветные пятна на поверхности планеты являются какой-то растительностью.

— Поганки, — сказала Кэролайн, глядя в иллюминатор, — Поганки и еще какая-то непонятная штука. Похожа на побеги спаржи, только это не спаржа.

— Словно картинка из книжки про гоблинов, — прокомментировал Гэри.

Нечто подобное вы представляли себе в детстве, когда бабушка читала вам перед сном сказку о заколдованном месте. Вы не могли уснуть, натягивали на голову одеяло и ждали, что вот-вот в темноте раздадутся чьи-то шаги.

Приборы показали, что по планете можно ходить без скафандров. Кислорода чуть больше, чем на Земле, чуть холоднее, сила тяжести чуть поменьше, но жить можно.

— Пора выйти и прогуляться по окрестностям, — буркнул Гэри.

— Гэри, у тебя такой вид, словно ты боишься.

— Боюсь, — признался он. — Уже пупырышками от страха покрылся.

Тишина обволокла их, едва они вышли из корабля. Жутковатая и сковывающая тишина, которая громче любого грохота.

Ни дуновения ветерка, ни плеска воды. Не поют птицы. Не шуршит трава.

Над головой висит красное солнце, тени на песке мягкие и размытые — такие робкие тени бывают в пасмурный день.

С одной стороны стоячие лужи болотной воды, из которой торчат пучки склизких растений, с другой растет лес гигантских, выше среднего человеческого роста, грибов.

— Пора показаться гоблинам, — вздрогнув, произнесла Кэролайн.

И тут же они увидели гоблина.

Он стоял под одной из поганок и разглядывал путешественников. Поняв, что его заметили, он опустил одно веко, словно ехидно подмигнул. Слюнявый рот скривился в гримасе, должно быть изображавшей улыбку. Крапчатая кожа, узкие раскосые глаза, на щеке несколько углублений, из которых вытекает вязкая жидкость и капает на грудь.

— Боже правый! — ахнул Гэри. — Да я знаю этого парня!

Гоблин подпрыгнул, на лету шлепнул пятками и закурылся, словно возбужденный индюк.

— Это одно из тех существ, которых Инженеры вызывали на помощь, — сказал Гэри. — Помнишь, они собрали инопланетян у себя в городе? Он был там... или другой, точно такой же. Сидел напротив меня и подмигивал — совсем как сейчас, — и я подумал, что...

— А вот и другой.

На шляпке одного из грибов сидел второй гоблин, свесив ноги через край и болтая ими в воздухе.

Потом они заметили третьего, выглядывающего из-за ножки, а следом и четвертого — тот сидел на земле, прислонившись к грибу. Все не сводили с землян глаз и

ухмылялись, но от их улыбок душа наполнялась ужасом и отвращением.

Кэролайн и Гэри начали шаг за шагом отступать к кораблю, пока не уперлись спинами в обшивку. Тут же из грибного леса донеслось мягкое пошлепывание босых ног и пощелкивание, заменяющее гоблинам речь.

— Давай улетим, — предложила Кэролайн. — Залезем в корабль и тут же стартуем.

— Не торопись, — ответил Гэри. — Подождем немного. Улететь мы всегда успеем. Эти уродцы разумны. Обязаны быть разумными, поскольку были среди тех, кого вызвали Инженеры, — Он медленно отошел на два шага от корабля, — Привет!

Шлепанье и пощелкивание тут же прекратились, на него уставились глаза-щелочки.

— Мы друзья, — сообщил Гэри.

Гоблины не шелохнулись, и тогда он дружеским жестом поднял руки.

— Мы друзья, — повторил он.

Вокруг вновь воцарилась зловещая тишина. Гоблины исчезли.

Гэри медленно вернулся к кораблю.

— Не вышло, — удрученно произнес он, — Да и вряд ли бы вышло.

— Не все существа обязательно общаются при помощи звуков, — заметила Кэролайн. — Это лишь один из способов выражения своих мыслей. Наверняка имеется и множество других, нам неизвестных. Эти гоблины издают звуки, но это вовсе не означает, что они с их помощью переговариваются. Может, у них вообще слуха нет и они даже не подозревают, что издают звуки и что звуки существуют.

— Они возвращаются. Теперь попробуй ты. Поговори с ними мысленно. Выбери кого-нибудь и сосредоточься на нем.

Прошла минута полной тишины.

— Странно, — произнесла Кэролайн, — Совершенно не могу добраться до их сознания — нет даже искорки ответа. И в то же время у меня создалось впечатление, что они знают, о чем я хочу с ними поговорить, и сознательно отвергают мои попытки. Они заперли свои мозги и не желают слушать.

— Так... Разговаривать они не умеют, — подытожил Гэри. — Телепатически или не могут, или не хотят. Что дальше?

— Язык жестов. Потом рисунки. Затем пантомима.

Все оказалось бесполезно. Сперва гоблины с интересом наблюдали за жестикулирующим Гэри. Потом столпились вокруг, когда он рисовал на песке. Попискивали и пощелкивали, когда он изображал мима. Но если что-то и поняли, то не подали виду.

Гэри снова вернулся к кораблю.

— Они разумные, — упрямо повторил он. — Они должны быть разумными, иначе Инженеры не стали бы тащить их через весь космос к краю Вселенной. Они как минимум обязаны обладать способностью к пониманию, склонностями к механике и владеть высшей математикой, — Он в сердцах плюнул. — Хотя ты тресни, но они не понимают даже элементарной символики.

— А вдруг эти попросту не ходили в школу? — предположила Кэролайн, — Не одни же эти тупицы тут живут. Должна быть какая-то элита, интеллигенция. А эти — крестьяне или слуги.

— Давай-ка лучше пошарим вокруг, — устало произнес Гэри, — Облетим пару раз вокруг планеты и хорошенько поищем признаки цивилизации и хоть какие-то доказательства культуры.

— Верно, мы могли их и проглядеть, — кивнула Кэролайн.

Они вернулись в корабль, задраили за собой люк. Сквозь иллюминаторы они видели теперь уже большую толпу гоблинов, выстроившихся на опушке грибного леса и глазевших на корабль.

Гэри сел в кресло пилота, дотянулся до переключателя прогрева и перебросил его. Ничего не произошло. Гэри выключил его и включил снова. В корабле по-прежнему было тихо — они не слышали звука прогреваемых двигателей.

Господи, подумал Гэри, в какой же дыре нас угораздило застрять!

Прихватив инструменты, он вышел наружу, заполз в трубу стартового двигателя, снял пластины, прикрывающие устройство прогрева, и принялся копать в электронных потрохах.

Час спустя он сдался и выполз обратно, весь в смазке и саже.

— Все вроде в порядке, — сказал он Кэролайн, — Понятия не имею, почему эта штука не работает.

Он попробовал запустить двигатель вновь — и опять безуспешно. Потом проверил подачу энергии и все провода. Сорвал крышку панели управления и проверил все: провод за проводом, реле за реле, лампу за лампой. Все было в порядке.

Но не работало.

— Гоблины, — предположила Кэролайн.

— Выходит, что гоблины, — согласился Гэри. — Больше валить не на кого.

Но как, подумал он, как могли столь слабоумные существа превратить новенький с иголки корабль, который и сломать-то при желании весьма трудно, в бесполезную кучу металлолома?

Глава 14

На следующее утро из тусклых лучей только что взошедшего солнца вынырнул маленький корабль Церберов. Плавнo снижаясь, он опустился в полумиле от их корабля, пропав при посадке просеку в грибном лесу. Ошибиться в определении его принадлежности было невозможно — точно такие же характерные обводы корпуса и такую же эмблему на носу Кэролайн и Гэри много раз видели у кораблей,

что с воем пикировали на город Инженеров, сбрасывая на него бомбы.

— А у нас, — заметил Гэри, — только пара пистолетов в шкафчике да корабль, отказывающийся взлетать. — Заметив страх на лице Кэролайн, он попытался ее успокоить: — Возможно, они не поймут, кто мы такие. Может быть, они...

— Не стоит обманывать себя, — решительно возразила Кэролайн, — Им прекрасно известно, кто мы такие. И более чем вероятно, что именно по этой причине они сюда заявились. Возможно, они...

— Возможно — что? — спросил Гэри, когда Кэролайн нерешительно смолкла.

— Я вот думаю, не они ли сместили туннель? В таком случае наши расчеты не содержали ошибки. Кто-то же завлек нас сюда. И это вполне могли оказаться Церберы. Они заперли нас здесь, зная, какие сведения мы везем с собой. А теперь они явились завершить начатое дело.

— Не они завлекли вас сюда, — внезапно послышался голос ниоткуда. — Да, вы оказались здесь не по своей воле, но Церберы тут ни при чем. Они здесь тоже не по своей воле.

— Кто это сказал?! — крикнул Гэри, озираясь.

— Вы меня не найдете, — произнес тот же таинственный голос. — Не тратьте время. Это я завлек сюда и вас, и Церберов.

Теперь покинуть планету смогут только одни из вас — или люди, или Церберы.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Гэри. — Псих какой-то...

— Вы и Церберы враги, — продолжил голос. — Вы равны числом и силой оружия. Вас двое, и их двое. У вас только ручное оружие, и у них тоже. Схватка будет частной.

Бред какой-то, подумал Гэри. Ситуация прямо из «Алисы в стране чудес». Кошмарный сон, порожденный странной и гротескной чуждостью этой пятнистой планеты. Планеты, полной гоблинов и кошмаров, — волшебной страны в представлении сумасшедшего.

— Ты хочешь, чтобы мы сразились с Церберами? — спросил он. — Устроили нечто вроде... скажем, дуэли?

— Именно так.

— Но какой в этом смысл?

— Вы с ними враги, не так ли, человек?

— Да, мы враги, но что бы с нами ни случилось здесь, это ни в малейшей мере не повлияет на исход войны.

— Вы будете сражаться. Вы двое, они двое, и...

— Но один из нас — женщина, — запротестовал Гэри, — У людей женщины не сражаются на дуэлях.

Голос не ответил, но Гэри ощутил в чужом разуме отчаяние. Он тут же начал развивать внезапное преимущество:

— Ты сказал, что наше оружие равно: и у нас, и у них оно ручное. Но ты не можешь утверждать это с уверенностью. Их оружие, даже если оно по размерам не крупнее нашего, может оказаться более мощным. Размер ничего не говорит о мощности. Или же, если даже оружие действует по одному принципу, их модель может оказаться более совершенной.

— У вас ручное оружие, — произнес голос, — У вас...

— Ты желаешь честной схватки, так ведь?

— Да, конечно. В том-то и заключается ее смысл, все должно быть одинаковым, чтобы оба вида смогли на практике проверить свою способность к выживанию.

— Но ты сам видишь, — заметил Гэри, — что не уверен в исходном равенстве И не можешь быть уверен.

— Нет, могу, — заявил голос с оттенком безумного торжества. — Я добьюсь того, что ваша схватка пойдет на равных. Вы будете сражаться без оружия. Никакого оружия ни вам, ни им. Только голые руки, зубы — или что там у вас есть.

— Без...

— Вот именно. Ни у кого из вас не будет оружия.

— Но у них оно есть.

— Их оружие не станет действовать. И ваше тоже. Ваш корабль не действует, оружие тоже, и вам придется сражаться.

Голос расхохотался — зловеще, на грани истерики. Потом хохот смолк, и люди поняли, что остались одни, а чужой разум куда-то переместился. Но продолжает наблюдать.

— Гэри... — тихо произнесла Кэролайн.

— Да

— Этот голос безумен. Ты и сам это заметил, верно. По интонациям.

— Мания величия, — кивнул Гэри. — Игра в Бога. И, что хуже всего, он действительно могуч. Мы заперты у него на заднем дворе. А он может сделать с нами все, что пожелает.

Входной люк корабля Церберов, стоявшего за грибным лесом, неожиданно распахнулся. Из него вышли два существа — высокие и переваливающиеся при ходьбе. Их кожа поблескивала в слабых лучах красного солнца.

— Рептилии, — произнесла Кэролайн. В ее голосе прозвучало больше отвращения, чем ужаса.

Спустившись на землю, Церберы нерешительно остановились. Сперва они повернули заостренные морды в сторону корабля землян, затем начали осматриваться.

— Кэролайн, я останусь тут наблюдать за ними, а ты проверь пистолеты, — попросил Гэри. — Они в шкафчике.

— Они не станут работать, — возразила Кэролайн.

— Пусть, но я хочу знать наверняка.

Кэролайн молча поднялась по лесенке и скрылась в люке. Церберы все еще держались возле своего корабля. Они тоже в замешательстве, подумал Гэри, и понимают ситуацию не больше нашего. А сейчас они нервничают, пытаются отыскать выход из тупика.

Но Гэри знал, что их неуверенность долго не продлится.

В грибном лесу мелькали тени — наверное, местные обитатели втихаря наблюдали за происходящим, прячась за ножками грибов.

— Пистолеты ни на что не годны, — услышал он голос высунувшейся из люка Кэролайн, — Все так, как он говорил.

Гэри кивнул, продолжая наблюдать за Церберами. Кэролайн спустилась по лесенке и встала рядом.

— Нам против них не выстоять, — сказала она, — Это сильные зверюги, натренированные для войны. Их работа — убивать.

Церберы, медленно и осторожно ступая, двинулись к кораблю землян.

— Еще не совсем уверены в себе, — заметил Гэри. — Мы, вероятно, не бог весть какие противники в их глазах, но они не желают рисковать... пока. Вскоре они догадаются, что мы, в общем-то, беззащитны, вот тогда и развернутся.

Церберы перешли на легкую рысцу. Их чешуйчатые тела отсвечивали красным в лучах солнца, ноги-столбики вздымались на каждом шагу облачка пыли.

— Что нам теперь делать, Гэри?

— Забаррикадироваться и пораскинуть мозгами. В рукопашной нам с ними не справиться. С тем же успехом можно сражаться с гибридом аллигатора и медведя гризли.

— Забаррикадироваться? В корабле?

Гэри кивнул:

— Нам нужно выиграть немного времени. И хоть что-нибудь придумать. Пока что нас застали врасплох.

— А что, если они сумеют добраться до нас даже в корабле?

Гэри пожал плечами:

— Придется рискнуть.

Церберы разбежались в разные стороны и начали приближаться кораблю с двух направлений.

— Полезай-ка ты лучше в шлюз, — решил Гэри, — Схватись покрепче за запорную рукоятку и будь наготове. Не исключено, что по возвращении мне придется поторопиться. Поди узнай, что задумали наши приятели.

Не успел он произнести эти слова, как обе рептилии бросились вперед, развив такую скорость, что их конечности слились в неясное пятно, а поднятая на бегу пыль закрутилась столбом.

— Внутрь! — завопил Гэри.

Он услышал, как ноги Кэролайн дробно застучали по ступенькам лесенки, секунду постоял на месте, ошеломленно глядя на мчащихся Церберов, и, словно подброшенный катапультий, влетел в шлюз. Кэролайн тут же рванула запорную рукоятку. Лесенка поднялась, втянулась в нишу, люк захлопнулся. В последний момент через сужающуюся щель Гэри успел заметить резко тормозящих зверюг. На этот раз добыча их перехитрила.

— Повезло, — выдохнул Гэри, вытирая взмокшее от пота лицо. — Едва не опоздали. Кто же мог подумать, что они способны так мчаться!

Кэролайн кивнула:

— На это они и рассчитывали. И сразу решили таким образом поймать нас. Вспомни, как они поначалу плелись, — хотели заставить нас поверить, будто не умеют быстро двигаться.

— Так не сражаются, — неожиданно произнес призрачный голос.

— Это здравый смысл, — возразил Гэри, — Здравый смысл и хорошая стратегия.

— Что такое стратегия?

— Одурачивание противника. Умение все устроить так, чтобы получить над ним преимущество.

— Когда вы выйдете, они будут вас ждать. А через некоторое время выйти вам придется.

— Зато мы отдыхаем и не волнуемся, пока они роют когтями землю и изнемогают от злости, — возразил Гэри, — А мы тем временем думаем.

— Так нечестно сражаться, — настаивал голос.

— Послушай, кто тут сражается — мы или ты?

— Вы, конечно, — согласился голос, — но все равно — так не сражаются.

Таинственный разум вновь отдалился, что-то ворча. Гэри взглянул на Кэролайн и ухмыльнулся:

— Парень-то разочарован. Крови маловато.

Кэролайн уселась в кресло, оперлась локтем о колено и, подперев ладонью подбородок, посмотрела на Гэри.

— Возможностей у нас не густо, — подытожила она, — Электричества нет. Энергии нет. Ничего нет. Корабль мертв, как дверной гвоздь. Нам еще повезло, что у люка механический запор, иначе мы стали бы покойниками, еще не начав схватки.

Гэри кивнул.

— Больше всего меня беспокоит голос, — признался он, — Он обладает властью, какой-то странной властью. Он может вывести из строя корабль, испортить оружие. Лишить нас электричества. Один Бог знает, на что он еще способен.

— Он может проникать в неизвестность пространства и времени, — добавила Кэролайн. — В место, которое никому еще не удавалось даже обнаружить, и он проделал это, чтобы заманить нас сюда.

— Он неვნменяемый, — продолжил Гэри. — На Земле мы назвали бы это безумием. Но то, что мы с тобой подразумеваем под безумием, здесь может оказаться нормой.

— Да, шкалы для измерения здравости ума нет, — согласилась Кэролайн. — Как нет способа установить норму для корректировки мышления или поведения. Возможно, голос и не безумен. Возможно, он преследует какую-то цель и знает, как ее достигнуть, а мы этого не понимаем и потому называем его безумным. Каждая раса должна отличаться от другой, должна мыслить по-иному, приходить к одинаковым выводам и сходным результатам, но разными путями. Помнишь всех тех существ, собранных Инженерами? Все они обладали определенными способностями, быть может, даже больше нас. Каждая из этих рас могла независимо от других прийти к тому же решению, что и мы. И отыскать для этого более легкий и эффективный способ — но все же Инженеры отправили их по домам, потому что не могли с ними работать. Не потому, что у тех не хватало способностей, а потому, что они думали по-другому, потому, что их

умственные процессы настолько отличались, что нельзя было построить основу для сотрудничества.

— А мы мыслим как Инженеры, — сказал Гэри. — Во всяком случае, достаточно сходно, чтобы работать вместе с ними. Интересно почему?

Кэролайн задумчиво наморщила лоб.

— Гэри, ты уверен, что местные гоблины и есть та самая раса, которую ты видел в городе Инженеров?

— Готов поклясться. Я очень хорошо рассмотрел того, что был там. Его облик словно отпечатался у меня в голове. Я его никогда не забуду.

— А голос... — задумчиво протянула Кэролайн. — Не имеет ли он какого-либо отношения к гоблинам?

— Гоблины, — произнес голос, — мои домашние зверьки. Как ваши собаки и кошки. Так, живность, скрашивающая мое одиночество.

Они не удивились, услышав голос. Теперь земляне знали, что он в любой момент может заговорить вновь.

— Но один из гоблинов прилетел в город Инженеров, — возразила Кэролайн.

— Конечно, людишки, конечно, — усмехнулся голос. — В качестве моего представителя. Разве вы не понимаете, что у меня должны быть представители? Поскольку мир материален, меня должен представлять некто видимый и осязаемый. Не мог же я отправиться на столь важную встречу бес-телесным голосом и шальной мыслью бродить по коридорам пустого города. Вот я и послал гоблина, а сам отправился вместе с ним.

— Кто ты, голос? — спросила Кэролайн, — Расскажи о себе.

— Я продолжаю считать, — сказал голос, — что вы неправильно ведете дуэль. По-моему, вы совершаете большую ошибку.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что Церберы разводят вокруг вашего корабля огонь. И то, что они рано или поздно выкурят вас наружу, — вопрос лишь времени.

Гэри и Кэролайн быстро переглянулись. Одна и та же мысль пришла им в голову одновременно.

— Нет энергии, — тихо произнесла Кэролайн.

— А поглотители тепла? — воскликнул Гэри.

— У нас нет энергии. Поглотители не будут работать.

Гэри бросил взгляд на иллюминатор. За стеклом уже поднимались струйки дыма.

— Грибы хорошо горят, — сообщил им голос, — если они старые и сухие. А вокруг полно старых и сухих грибов. Проблем с топливом у них не будет.

— Словно кролика из норы выкуривают, — с горечью произнес Гэри.

— Вы сами на это напросились, — заявил голос.

— Проваливай! — не выдержал Гэри, — Проваливай и оставь нас в покое.

Они ощутили, как голос удалился, что-то бормоча.

Кошмар какой-то, подумал Гэри. Казалось, он, Кэролайн и изумленная бедняжка Алиса путешествуют по невероятному миру Зазеркалья.

Прислушавшись, различили потрескивание огня. Прежняя струйка дыма превратилась в плотное облако, застилавшее иллюминаторы.

Как сражаться, если нет оружия? Как выбраться из корабля, превратившегося в духовку? Как придумать хитрую уловку, если время ограничено часами, если не минутами?

Что такое оружие?

Как оно появилось?

Какова функция оружия?

— Кэролайн, что такое, по-твоему, оружие? — спросил Гэри.

— По-моему, ответ прост. Оружие есть продолжение твоего кулака. Усиление мощи удара, способности убивать. Сперва люди сражались зубами, ногтями и кулаками, затем камнями и дубинками. Камни и дубинки были продолжением человеческого кулака, усилением мускулов и ненависти воина.

Камни и дубинки, подумал Гэри. Затем копье. Потом лук и стрелы.

Лук!

Он вскочил, быстро прошел на корму и распахнул дверь кладовой. Недолго порывшись там, он отыскал то, что хотел.

Вернувшись к Кэролайн, он принес с собой охапку деревянных флагштоков. К одному концу каждого из них крепился флажок, ко второму — заостренный стальной наколечник, чтобы их легче было втыкать в грунт.

— Исследовательские флажки, — пояснил он Кэролайн, — Выходя из корабля на чужой планете, нужно быть уверенным в том, что отыщешь обратную дорогу. Втыкаешь эти флажки через определенные интервалы, а потом возвращаешься по обозначенной тропе, собирая их по дороге. Никогда не заблудишься.

— Но...

— Эванс предполагал долететь до альфы Центавра. Вот он и прихватил флажки на всякий случай.

Уперев стальной наколечник флажка в пол, Гэри навалился на противоположный конец. Деревянный стержень согнулся, Гэри удовлетворенно хмыкнул.

— Лук? — догадалась Кэролайн.

— Верно, — кивнул Гэри. — Не из лучших — наверняка не очень точный и мощный. Мальчишкой я срезал в лесу молодое деревцо. Из него получался простенький лук — просто согнутая палка, один конец толще другого. Но если наловчиться из него стрелять, получалось неплохо. Стрелы я делал из стеблей камыша. Однажды подстрелил такой стрелой мамино цыпленка. Ох, и отшлепала же она меня...

— Становится жарко, — заметила Кэролайн, — Времени у нас в обрез.

Гэри лишь улыбнулся в ответ. Теперь, когда у них появилась надежда, на душе у него стало легко.

— Поищи какую-нибудь бечевку, — попросил он, — Любую. Если она окажется слабовата, сплетем несколько в жгут потолще.

Насвистывая, он принялся за работу — сорвал с древка флажок и вырезал зарубки под тетиву. Затем расщепил ножом другое древко на несколько ровных лучин и выстругал из них стрелы. Прилаживать к ним перья было некогда — да и откуда взяться перьям на корабле? — но особой нужды в них не имелось — стрелять наверняка придется в упор.

Зато о наконечниках беспокоиться не пришлось. Стянув плоскогубцами с древков острые наконечники, Гэри насадил их на стрелы. Потрогав кончик пальцем, Гэри остался доволен: достаточно острые... если вонзятся с силой.

— Гэри, — услышал он дрожащий голос Кэролайн и резко обернулся, — Здесь нет бечевки, Гэри. Я обыскала весь корабль.

Не может быть!

— Ты точно осмотрела все?

— Абсолютно все, — кивнула она, — Ничего нет. Может, одежда? Оторвать от ткани полоски? Нет, хуже не придумаешь — такая тетива может порваться в самый ответственный момент. Кожа? Она слишком жесткая, к тому же станет растягиваться. Проволока? Тоже слишком жесткая да еще лишена упругости.

Выронив подготовленное для лука древко, Гэри вытер взмокшее лицо.

— Все жарче и жарче, — пробормотал он.

Иллюминаторы все так же застилало плотное облако дыма, но теперь его подсвечивали изнутри красноватые отблески пламени.

Сколько мы еще протянем? Сколько осталось времени до того момента, когда жара вынудит нас распахнуть люк и в отчаянии выскочить — на верную гибель, потому что Церберы только этого и ждут.

От раскалившегося корпуса корабля веяло сухим, мертвым теплом — такое тепло поднимается над пыльной дорогой в жаркий безветренный августовский день.

Гэри знал, что вскоре это мертвое тепло превратится в жар раскаленной доменной печи, польется от каждого обнаженного кусочка стали, от него начнут ссыхаться кожаные подошвы и дымиться ткань. Но еще задолго до этого им придется решиться на прорыв, на отчаянный бросок к свободе, который не может закончиться ничем иным, как смертью от лап существ, поджидающих снаружи.

Мы сейчас как два кролика, посаженные в печь, подумал Гэри. И нам остается только поворачиваться, чтобы равномернее поджариться.

— Гэри!

Он обернулся к девушке.

— А волосы? Я только что о них подумала. Из них можно сплести тетиву?

— Волосы! — ахнул Гэри, — Человеческие волосы! Ну конечно же... Это лучший материал.

Кэролайн уже возилась с косами.

— Они у меня длинные. Я ими очень гордилась и не обрезала.

— Их нужно сплести, сделать прочный шнурок.

— Дай нож. — Она нетерпеливо протянула руку.

Блеснуло лезвие — одна из кос тяжело упала в подставленную ладонь.

— А теперь скорее за дело, — заторопился Гэри. — Времени почти не осталось.

Воздух стал настолько сухим, что было тяжело дышать. В легких жгло, во рту пересыхало. Гэри потрогал стальные пластины пола — даже они нагрелись, словно асфальт в летний день.

— Мне понадобится твоя помощь, — сказал он. — Действовать необходимо быстро и уверенно. Никаких случайностей мы себе позволить не можем — второй попытки не будет.

— Скажи, что мне делать.

Пятнадцать минут спустя Гэри кивнул:

— Открой люк и сразу же прижмись к стенке шлюза. Мне потребуется как можно больше места.

Потом он насадил стрелу на тетиву и стал ждать.

Паршивенький лук, думал он. Нечего и пытаться попасть из такого в дерево за триста шагов. Но эти гады снаружи не деревья. Всего пара выстрелов... Хоть бы он выдержал пару выстрелов...

Кэролайн подняла запорный рычаг, дверца шлюза с лязгом распахнулась. В отверстие повалил дым, и в дыму Гэри разглядел силуэт поджидающего Цербера.

Он поднял лук. Стержень изогнулся, повинуясь внезапно охватившему Гэри порыву ненависти и триумфа... ненависти и страха перед огнем, ненависти к существам, желающим смерти людей. Ненависти человека, загнанного в угол нелюдь.

Стрела с шорохом скользнула по стержню, серебристой молнией вонзилась в облако дыма. Лук согнулся вновь, закрипело дерево, напряглись мускулы, запела тетива.

На земле возле корабля корчились в дыму две темные фигуры.

Все оказалось не труднее охоты на кроликов.

Глава 15

— Весьма изобретательно, — сообщил голос, — Вы победили честно. И справились куда лучше, чем я думал.

— А теперь ты вернешь нас обратно, — сказала Кэролайн, — В город Инженеров.

— Да, конечно. Обязательно верну. Только сперва нужно немного прибраться. Прежде всего избавимся от тел. Трупы — весьма неприглядное зрелище.

Вспыхнуло пламя. Тела Церберов исчезли, оставив после себя лишь облачко желтоватого дыма и хлопья рассеянного в воздухе пепла.

— Я тебя уже спрашивала, — напомнила Кэролайн, — но ты так и не ответил. Кто ты такой? Мы искали следы культуры...

— Ты сама себе заморочила голову, молодая самка человека, — перебил ее голос, — И поиски твои были по-ребячески глупы. Ты искала города и ничего не нашла. Искала дороги, корабли, фермы — и все напрасно. Ожидала найти цивилизацию, а тут нет цивилизации в привычном для тебя виде.

— Ты прав, — подтвердил Гэри, — Здесь ничего такого нет.

— У меня нет городов, — продолжал голос, — потому что они мне не нужны. Хотя создать город мне ничего не стоит. Чтобы кормить своих зверушек, мне достаточно грибных лесов. А дорог и кораблей у меня нет по той простой причине, что я могу переместиться куда угодно и без их помощи.

— Ты хочешь сказать — переместиться мысленно? — уточнила Кэролайн.

— Мысленно, — ответил голос, — я способен попасть куда угодно как в пространстве, так и во времени. И не просто вообразить, что попадаю в нужное место, но оказаться там в действительности. Моя раса давным-давно отказалась от машин, поняв, что в ее умственных способностях, в глубинах ее коллективного разума кроется гораздо больший потенциал, чем в громохочущем механизме. Поэтому наша раса начала развивать разумы, а не машины. Я сказал «разумы», но точнее будет сказать «разум», единый разум. Сейчас я и есть этот разум, включающий сознание всей расы.

Я воспользовался им, чтобы выдернуть вас из пространственно-временного туннеля в то самое мгновение, когда вы вот-вот должны были вынырнуть из него над городом Инженеров. Опять-таки с его помощью я доставил сюда Церберов. Этот разум приковал к планете ваш корабль и вывел из строя оружие, и он же может мгновенно вас убить, если только я этого пожелаю.

— Но ты пользуешься личным местоимением, — заметила Кэролайн. — Называешь себя «я». Кто же этот «я»?

— Я есть разум. И разум есть я. Я же есть моя раса — я стал ею много миллионов лет назад.

— А теперь играешь в Бога, — сказала Кэролайн. — Доставляешь сюда низшие существа, стравливаешь их на арене этой планеты и заставляешь сражаться, а сам сидишь да посмеиваешься.

— Да, конечно, — согласился голос. — Потому что я, видишь ли, сумасшедший. А временами бываю просто воинственно безумен.

— Безумен!

— Конечно. Чему быть, того не миновать. Разве можно ожидать, что, усовершенствовав разум — необъятный составной разум, могучий разум всей расы — до той степени, до какой усовершенствован мой, вы сумеете сохранить его сбалансированным и отрегулированным в той мере, в какой часы сохраняют точность хода? Так что поведение моего разума непостоянно. Иногда, — доверительно признался голос, — я становлюсь тупым как пробка.

— А каков ты сейчас? — поинтересовался Гэри.

— Ну, сейчас, как ни удивительно, я вполне рационален. И в весьма большой степени являюсь самим собой.

— В таком случае как насчет того, чтобы вернуть нас обратно?

— Минуточку, — весьма деловым тоном произнес голос, — только сперва немного приберусь. Терпеть не могу, когда последствия моей иррациональности замусоривают всю планету. Этот дурацкий корабль Церберов...

Но вместо корабля Церберов совершенно неожиданно в воздух, извергнув гигантский язык пламени и опалив жаром унылые окрестности, взлетел корабль землян.

— Эй, послушай!.. — завопил Гэри, но тут же застыл, когда до него дошла вся непоправимость произошедшего несчастья.

— Тьфу, — раздосадованно отозвался голос, — Какой же я болван! И как только меня угрозило так перепугать? Увы, теперь я не смогу вас вернуть.

Лающий смех оглушил землян, словно грохот мощного барабана.

— Скорее! — завопил Гэри, — Бежим на корабль Церберов!

Но не успели они повернуться к кораблю, как и тот корабль исчез во вспышке пламени. Над местом, где он стоял, лишь ненадолго поднялся столб дыма.

— Вы все равно не смогли бы им управлять, — утешил людей голос. — Ничего бы вы этим не добились.

Он снова расхохотался, и его басовитый хохот еще долго не затихал в отдалении, словно раскат грома.

Стоя рядом, Гэри и Кэролайн с тоской разглядывали унылую пустоту болота и грибной лес. Оттуда на мгновение выскочил гoblin, ехидно гикнул и тут же юркнул обратно.

— И что нам теперь делать? — спросила Кэролайн. То был вопрос, упавший в бездонный колодец невероятности, вопрос, на который сейчас никто не мог дать удовлетворительного ответа.

Гэри быстро провел инвентаризацию всего, чем они располагали. Одежда. Несколько спичек в его кармане. Лук и пара стрел, но на лук лучше особо не рассчитывать.

И все.

— У домашних зверушек прибавление, — с горечью заметила Кэролайн.

— Что ты сказала? — спросил Гэри.

— Не важно. Забудь, что я вообще это говорила.

— Тут даже ухватиться не за что, — сказал Гэри. — Ничего осязаемого. А голос... голос попросту ничто.

— Ведь это ужасно, — сказала Кэролайн, — Неужели ты не видишь, Гэри, насколько это ужасно? Тупик, в котором оказалась великая раса. Представь только — миллионы лет ушли на создание могучей ментальной цивилизации. Не механической цивилизации, не материалистичной культуры, а ментальной цивилизации. Они стремились к пониманию,

а не к изготовлению всяческих вещей. А ныне от нее осталось лишь слабоумное существо, впавший в детство безумец. Но власть стала для него непосильной ношей, к тому же опасной... очень опасной.

— Он может прикинуться кем угодно, — кивнул Гэри. — Помнишь, как он послал одного из гоблинов в город Инженеров, а Инженеры подумали, что гоблин и есть тот самый разум, с которым они контактировали. Но они ошибались. Перед ними сидела простейшая дурацкая марионетка, которой голос играючи управлял, а заодно и говорил через ее слабый умишко.

— Должно быть, Инженеры уловили присущую этому разуму безумность, — предположила Кэролайн, — Уверенности у них не было, но что-то, по крайней мере, они ощутили, потому что отослали гоблина обратно вместе с остальными. А голос мог бы стать нашим союзником. Ты заметил — он разговаривает совсем по-человечески... потому что порывлся у нас в головах, отыскал слова и мысли, при помощи которых мы общаемся, да и вообще ему по силам узнать все, что знаем мы.

— Пожалуй, он способен увидеть все, что происходит во Вселенной, — добавил Гэри. — И знать все, что только можно узнать.

— Так, наверное, и есть, — согласилась Кэролайн. — Боюсь, груз знаний оказался для него слишком тяжел. Когда мотор работает с перегрузкой, он сгорает. А что произойдет, если перегрузить разум, пусть даже такой большой коммунальный разум, как этот?

— Пожалуй, он сойдет с ума, — решил Гэри. — Черт, не знаю. Никогда не доводилось с подобным сталкиваться.

Кэролайн подошла ближе.

— Мы одиноки, Гэри. Люди стоят особняком от всех. Никакая другая раса не обладает нашим внутренним равновесием. Они могут быть равны нам по величию, но лишены этого равновесия. Возьми Инженеров. Материалистичны, механичны до такой степени, что даже мыслить они

способны только механистически. А голос — их полная противоположность. Никакой механики, сплошная ментальность. Ошеломляющая и жутковатая ментальность. И Церберы. Дикие убийцы. Все их знания нацелены на убийство. Эгоманьяки, желающие уничтожить Вселенную ради достижения превосходства своей расы.

Они молча стояли рядом. Огромное красное солнце клонилось к западному горизонту. В грибном лесу шебуршились гоблины, посвистывая и пощелкивая. Какое-то отвратительное существо длиной в пару футов выползло из маслянистой болотной жижи, приподнялось, долго пялилось на землян, потом медленно развернулось и вновь погрузилось в воду.

— Разведи-ка я костер, — решил Гэри, — Скоро стемнеет. Когда запалим огонь, придется его все время поддерживать — спичек у меня маловато.

— Интересно, можно ли есть грибы?

— Какие-то из них могут оказаться ядовитыми. Надо приглядеться к гоблинам и есть то, что едят они. Это, разумеется, полной гарантии не даст, но другого способа хоть что-то узнать у нас нет. Будем по очереди пробовать по маленькому кусочку...

— А гоблины... Как по-твоему, они станут нас тревожить?

— Вряд ли, — ответил Гэри, испытывая куда меньше уверенности, чем вложил в эти слова.

Собрав несколько охапок сухих грибных ножек, они сделали запас топлива на ночь. Затем Гэри чиркнул спичкой и, тщательно прикрывая огонек ладонью, разжег маленький костер.

— Солнце село, на затянутом легкой дымкой темном небе начали проступать искорки звезд, складываясь в незнакомые созвездия.

Они сидели на корточках у костра — скорее ради ощущения своеобразного уюта, навеваемого огнем, чем тепла, — смотрели, как все ярче разгораются звезды, и

прислушивались к болтовне неугомонных гоблинов в грибном лесу за спиной.

— Нужно будет отыскать воду, — напомнила Кэролайн.

— Попробуем ее фильтровать, — кивнул Гэри, — Песка тут навалом, а он хорошо очищает воду.

— Знаешь, я все никак не могу поверить, что это случилось именно с нами. Сiju и думаю — вот мы скоро проснемся, и все сразу станет хорошо. И ничего на самом деле не происходило... Гэри!.. — внезапно ахнула она.

Услышав ее тревожное восклицание, Гэри вскочил. Кэролайн осталась сидеть, ощупывая свои косы.

— А коса-то на месте! — прошептала она. — Та самая, которую я отрезала, чтобы сплести тетиву. Представляешь, она целехонькая!

— Черт меня по...

Он так и не договорил, потому что всего в сотне футов от костра появился... корабль. Корабль Томми Эванса, совсем недавно исчезнувший во вспышке пламени. Он прочно упирался опорами в песок, из иллюминаторов лился свет, в обшивке отражались звезды.

— Кэролайн! — завопил Гэри. — Корабль! Корабль!

— Поторопитесь, — услышали они голос, — Не мешкайте, пока я не передумал. Пока вновь не превратился в безумца.

Гэри ухватил Кэролайн за руку и рывком поднял на ноги.

— Скорее!

— Вспоминайте обо мне с добротой, — сказал голос, — И считайте меня человеком... очень старым человеком, который уже не тот, что прежде... не совсем тот, что прежде...

Спотыкаясь в темноте, они побежали к кораблю.

— Торопитесь, торопитесь! — кричал голос. — Я не могу доверять самому себе.

— Посмотри! — ахнула Кэролайн, — Посмотри на небо!

Там уже повисло световое колесо, то самое лениво вращающееся колесо, впервые увиденное на Плутоне... вход в пространственно-временной туннель.

— Я вернул вам корабль. Вернул вам отрезанную прядь волос. Прошу вас, вспоминайте меня добром... вспоминайте добром...

Они взбежали по лесенке и захлопнули за собой дверь шлюза. Усевшись в кресло пилота, Гэри потянулся к тумблеру прогрева, но тот оказался включенным. Индикаторы показывали, что лампы уже прогрелись.

Гэри швырнул корабль в небо, нацелив перекрестье индикатора курса на центр висящего в зените мерцающего колеса.

Едва нос корабля скрылся в туннеле, вокруг него сомкнулся мрак, уже через несколько секунд сменившийся светом. Они зависли над городом Инженеров... разбомбленным. Гордые башни превратились в гигантские кучи щебня, завалившие улицы, а в воздухе висело облако каменной пыли, вылетевшей из-под жерновов атомной мельницы.

Гэри обернулся, желая разделить с Кэролайн радость возвращения, но неожиданно увидел на ее щеках слезы.

— Бедняга, — прошептала она. — Несчастный старик...

Глава 16

Город Инженеров уже лежал в руинах, но над ним, мужественно сдерживая орды Церберов, все еще отчаянно сражались остатки боевого флота Инженеров, не давая врагу уничтожить город полностью.

Взрывы разносили гордые башни в пыль, которая окутывала дороги и парки белым облаком уничтожения. Лучи дезинтеграторов и атомные бомбы дробили каменные блоки, превращая их в горы ползучего щебня. Хаотические завалы битого камня покрылись искореженными обломками — то были останки кораблей Церберов и Инженеров, что пылающими факелами рушились с небес.

Гэри с тревогой взглянул вверх.

— Надеюсь, они продержатся еще немного, — сказал он, — Достаточно долго, чтобы мы успели создать энергию.

Кэролайн возилась с оборудованием, установленным на крыше лабораторного здания. Услышав слова Гэри, она выпрямилась.

— Энергия быстро нарастает, — сообщила она. — Я побаиваюсь. Знаешь, она ведь может выйти из-под контроля. Но нам необходимо получить некое начальное количество, причем достаточно большое. Если первый же удар не уничтожит Церберов полностью, на вторую попытку у нас шансов не останется.

Гэри вспомнились несколько последних дней, заполненных отчаянной работой и безумной гонкой со временем. Он вспомнил, как Кингсли и Томми улетели к краю Вселенной создавать гигантский пузырь пространства — времени. Им предстояло загнуть край пространства, искривить пространственно-временной континуум в гиперсферу, которая должна замкнуться, отделиться от породившей ее Вселенной и превратиться в независимую вселенную в межпространстве.

На это потребовалась энергия, и мощный энергетический канал, берущий начало у магнитного передатчика энергии, узким пучком пересек пространство, давая возможность начать изготовление новой вселенной. Но еще больше энергии потребовалось для того, чтобы покрыть гиперсферу «кожей», то есть вращать ее внутри теоретического пятого измерения до тех пор, пока она не превратилась в вещество, из которого состоит межпространство — место, где не существует время, где действуют собственные законы природы, таинственное нечто, которое можно с поразительной легкостью переместить сквозь пространство, едва оно создано. Его нельзя было даже назвать сферой или гиперсферой — то было странное измерение, не поддающееся ни определению размеров, ни классификации, ни восприятию любыми нормальными органами чувств.

Но чем бы оно ни было, сейчас оно висело над городом, абсолютно ничем не выдавая свое присутствие. Его невозможно было увидеть или ощутить — это таинственное

нечто, порожденное с помощью уравнений, подаренных человеком, доживающим последние дни на умирающей планете, уравнений, торопливо записанных Кэролайн на обороте смятого конверта. Того самого конверта, вспомнил Гэри, в котором лежало раздраженное письмо от его кредитора с Земли, решившего, что Гэри уже давно пора вернуть ему должок. Выплата сильно просрочена, писал ему кредитор. Гэри усмехнулся. Тот кредитор на Земле наверняка все еще шлет ему письмо за письмом, гневно напоминая, что просрочка с каждым месяцем все увеличивается.

На внешней границе нашей Вселенной сейчас болталась крошечная рукотворная гиперсфера, порождая фрикционные напряжения, порождая условия для зарождения таинственной энергии вечности — энергии, что уже сейчас лилась в нашу Вселенную и поглощалась пятимерным образованием, висящим над городом.

Новая, первобытная энергия из области, не знающей времени, энергия, бывшая некогда безвременной и бесформенной, но ныне способная выкристаллизоваться в любую форму.

Кингсли стоял рядом с Гэри, слегка склонив набок крупную голову и глядя вверх.

— Энергетическое поле, — сказал он. — Но какая энергия! Похоже на батарею, запасующую энергию межпространства. Надеюсь, оно оправдает надежды Кэролайн.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Гэри. — Вы ведь сами видели формулы, привезенные с Земли.

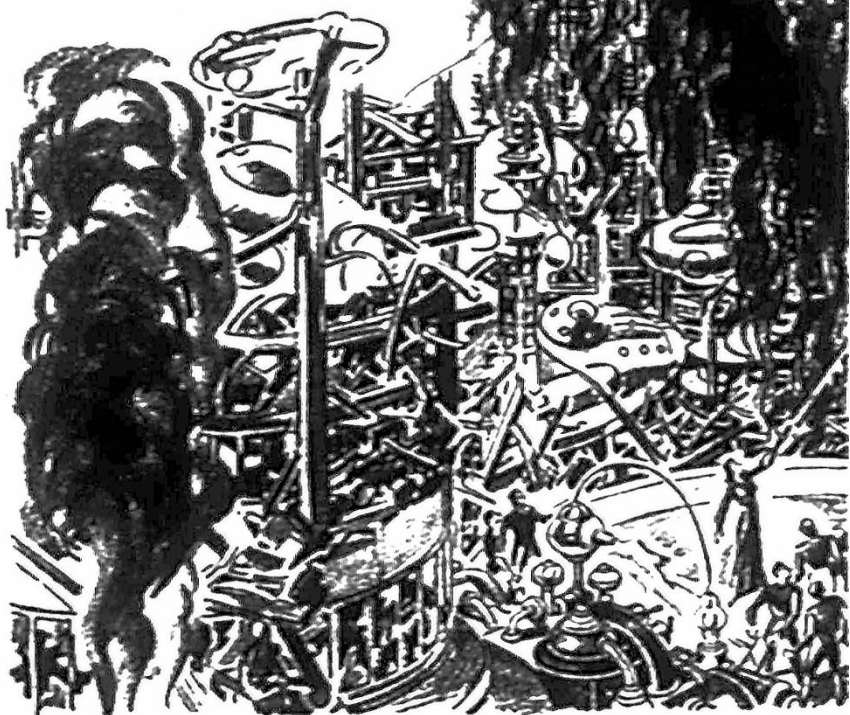
— Гм, формулы-то я видел, да только ни черта в них не понял. — Кингсли покачал головой. — Ну, что там происходит во Вселенной?

— Энергии накопилось достаточно, — тихо сказала Кэролайн Инженеру. — Можете отзывать свои корабли.

Инженер, голову которого венчали наушники, принялся отдавать приказания флоту, но земляне не слышали его мыслей.

— А теперь смотрите, — писклявым от волнения голосом произнес Херб. — Скоро вы увидите то, на что стоит посмотреть.

Из поднебесья серебряной пулей метнулся вниз корабль, за ним второй, третий, и вскоре весь флот Инженеров — почерневший, потрепанный, почти уничтоженный — начал быстрое отступление, на полной скорости возвращаясь к развалинам города. А за ними следом мчалась торжествующая стая Церберов, намереваясь стереть в пыль последние остатки ненавистой им цивилизации.

Сорвав наушники, Инженер побежал к приборам. Гэри оторвался от зрелища небесной битвы и увидел, как его металлические пальцы манипулируют рукоятками и кнопками. Кэролайн взяла обычный фонарик.

Гэри знал, что Инженер сейчас перемещает пятимерную массу в точку между ними и с воем несущимся с небес смертоносным флотом Церберов,

устанавливая на их пути щит из невидимой мощной энергии.

Последний из отрядов флота Инженеров уже достиг города и теперь с ревом огибал останки разрушенных башен, словно спасаясь бегством.

А всего в двух милях над головой, сбившись в плотную стаю, прямо на них мчался флот Церберов. Его пушки молчали, но защитные экраны все еще были включены. Мрачные и хищные корабли прижимали свою добычу к поверхности планеты.

Гэри увидел, как рука Кэролайн, сжимающая карманный фонарик, нацелилась на приближающийся флот Церберов, и его тело напряглось.

Он увидел, как из фонарика вырвался луч света, почти невидимый в лучах заходящего солнца. Жалкий, слабый лучик, метнувшийся навстречу мощному флоту. С тем же успехом можно сражаться с медведем, вооружившись столовой ложкой.

И тут небеса словно взорвались светом. Столб бело-голубого пламени рванулся навстречу кораблям. Защитные экраны на мгновение вспыхнули, потом взорвались миллионами искр. И за ту долю секунды, пока Гэри поднимал руку к глазам, чтобы защитить их от сверкания адского пламени в небесах, он успел заметить черные скелеты кораблей Церберов, искореженные и исчезающие во всепоглощающем буйстве энергии, что рвала их на части, сплющивала, а затем пожирала без следа.

Небо стало чистым, словно ни один корабль Церберов никогда и не приближался к планете. Не было и никаких признаков пятимерной массы — лишь голубизна неба, медленно окрашивающегося в фиолетовый оттенок, по мере того как три солнца скатывались к далекому горизонту.

— Итак, — воскликнул Херб звенящим от возбуждения голосом, — Церберам конец!

Да, Церберам пришел конец, подумал Гэри. Ничто во Вселенной не может противостоять такой энергии. Когда

свет, жалкий и слабый лучик смешного фонарика, коснулся энергетического поля, то вся его энергия — до тех пор безвременная и бесформенная — мгновенно выкристаллизовалась и приняла форму пронзившей его энергии. И в виде вспышки света ударила по кораблям Церберов, ударила с ужасающей эффективностью и безжалостностью, и смела их в мгновение ока.

Он попытался представить этот вылетевший во Вселенную столб света. Он будет лететь годами, безжалостно прожигая себе дорогу длиной в тысячи световых лет. Со временем его энергия станет слабеть, медленно рассеиваться, потеряет часть своей мощи в пустынных межгалактических пространствах. Возможно, настанет день, когда вся его энергия рассеется без следа. Но до той поры ничто не сможет встать у него на пути, ничто не обратится в преграду. И в грядущие годы даже могучие звезды могут взорваться невидимым газом, если этот мощнейший луч энергии пронзит их, уничтожит и помчится дальше. А какой-нибудь астроном, увидев в телескопе космическую вспышку, начнет размышлять о ее причине.

Гэри медленно обернулся и взглянул на Кэролайн.

— Ну, что? — спросил он. — Как ты себя чувствуешь, выиграв войну?

На ее лице читались напряжение и усталость.

— Не произноси таких слов, — ответила она, — Мне пришлось это сделать. Они были страшной расой, но ведь они тоже были живыми... а во Вселенной так мало жизни.

— Тебе нужно немного поспать.

Уголки ее губ устало опустились.

— Спать некогда, — возразила она. — И отдыхать тоже. Мы только начали. Нам еще предстоит спасти Вселенную. Нужно создавать все новые и новые пятимерные структуры — как можно больше и крупнее. Чтобы поглотить ими энергию столкновения вселенных.

Гэри вздрогнул. Он совсем позабыл о приближающейся вселенной. Нападение Церберов настолько овладело всеми

их чувствами, что приглушило ощущение реальной и еще большей опасности.

Но сейчас, вспомнив о ней, он в полной мере осознал, что им еще предстоит. Гэри повернулся к Инженеру:

— Сколько еще? Сколько времени у нас осталось?

— Очень мало. Совсем мало. Боюсь, поток энергии может обрушиться на нас в любой момент.

— Энергия... — произнес Кингсли, и в его глазах вспыхнул огонек фанатизма. — Представьте себе только, что с ней можно сотворить! Эх, если бы сделать из пятимерного пространства огромную сетку, каркас и использовать ее как поглотитель, как батарею. Тогда мы смогли бы послать энергию в любую точку Вселенной. Это же центральная универсальная энергостанция!

— Но сперва, — заявил Томми, — вам нужно научиться управлять этой энергией, посылать ее в виде узкого пучка.

— Сперва, — охладила их пыл Кэролайн, — нам нужно что-то сделать с другой вселенной.

— Погодите-ка, — вмешался Гэри. — Мы кое о чем позабыли. Мы просили людей из другой вселенной прийти нам на помощь, но ведь теперь мы в состоянии обойтись и без них, — Он взглянул на Инженера. — Вы с ними связывались?

— Да, связывался. Они все еще хотят перебраться к нам.

— Все еще хотят перебраться? — изумился Гэри. — Но почему?

— Потому что хотят эмигрировать в нашу Вселенную, — ответил Инженер. — И мне пришлось согласиться и дать им на это разрешение.

— Согласиться? — взревел Кингсли. — А с каких это пор наша Вселенная стала принимать иммигрантов? Мы ведь понятия не имеем, что это за существа! А если они опасны? А если им взбредет в голову уничтожить уже существующую здесь жизнь?

— Места для них тут сколько угодно, — возразил Инженер, и его голос, если это было возможно, прозвучал холоднее и безличнее, чем прежде. — Места хватит всем. В этой

Вселенной более пятидесяти миллиардов галактик, а в каждой из них более пятидесяти миллиардов звезд. Только у одной из каждых десяти тысяч звезд есть планетная система. А из каждых ста планетных систем только в одной есть жизнь. Если нам потребуются новые планетные системы, мы сможем сделать их сами. Научившись управлять энергией измерения вечности, мы сможем сдвигать звезды и сталкивать их, создавая планетные системы. Обладая такой мощностью, мы можем переделать всю Вселенную, вылепить из нее все, что пожелаем.

Мысль Инженера ошеломила Гэри. Они смогут перекроить целую вселенную! Работая с подручными материалами и распоряжаясь почти бесконечной мощностью, они смогут изменять курсы звезд, переделывать галактики, сооружать планеты, обдумать и запустить хорошо скоординированный план противодействия энтропии, тенденции к упадку и угасанию. Его разум лихорадочно перебирал все новые и новые идеи, но их упорно заслоняла завеса изумления и восторга. Но тут же в его сознании прозвенел предупреждающий сигнал... навязчивое напоминание, рассеивающее эйфорию. Человечество еще не готово к такой власти над природой, оно не сможет использовать ее разумно и вполне способно, воспользовавшись ею, уничтожить Вселенную. Да и есть ли во Вселенной другие разумные существа, способные разумно распорядиться такой мощностью? И мудро ли они поступят, если передадут эту мощь другим существам, если таковые отыщутся?

— Но почему? — спросила Кэролайн. — Почему они хотят к нам?

— Потому что нам придется уничтожить их вселенную, чтобы спасти нашу.

Эти слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Все разом смолкли. Ладонь Кэролайн коснулась руки Гэри, и он крепко ее сжал.

— Но зачем уничтожать их вселенную? — воскликнул Томми. — В наших руках способ спасти обе. Нужно лишь

наделать побольше пятимерных экранов и поглотить ими всю энергию столкновения.

— Нет, — отрезал Инженер, — сейчас мы этого сделать не можем. Будь у нас больше времени — да. Но времени нет, практически не осталось. Едва энергия столкновения возникнет, она захлестнет нас мгновенно. Экранов потребовалось бы очень много, мы просто не успеем их сделать.

Его мысль смолкла, и Гэри услышал звук шагов Кингсли.

— Те, другие, существа знают, — продолжил Инженер, — что их вселенной в любом случае осталось существовать очень недолго. Она практически достигла конца отведенного ей срока и вскоре умрет тепловой смертью. Во всем ее объеме быстро перемешиваются материя и энергия. Вскоре настанет день, когда тепло, энергия и масса перемешаются, размажутся по всему объему их вселенной и достигнут столь малой плотности, что практически перестанут существовать.

Гэри медленно набрал в грудь воздуха.

— Словно часы, у которых кончился завод.

— Верно, — подтвердил Кингсли. — Как часы, в которых заводная пружина полностью раскрутилась. То же самое со временем случится и с нашей Вселенной.

— Нет, — сказал Гэри, — Не случится, если в нашем распоряжении будет энергия из межпространства.

— В их вселенной, — добавил Инженер, — уже сейчас лишь один уголок еще пригоден для жизни — тот самый, что обращен к нам. И в этом уголке сейчас собраны или собираются все живые существа той вселенной, готовясь перебраться в нашу.

— Но как они собираются это проделать? — спросил Херб.

— Воспользуются искривлением времени. Они отпочкуются от своей вселенной, но при этом исказят время в стенах своей гиперсферы, и это искажение пошлет их вперед во времени, подтолкни их маленькую вселенную к нашей. А притяжение нашей Вселенной захватит их гиперсферу и поглотит ее.

— Но при этом родится дополнительная энергия, — возразил Гэри. — И их маленькая вселенная погибнет.

— Нет, потому что, едва обе вселенные соприкоснутся, их пространственно-временные континуумы сольются. И другая вселенная мгновенно станет частью нашей.

— Ты рассказал им, как создавать гиперсферу? — спросил Херб.

— Рассказал. И это знание спасет обитателей другой вселенной. Пытаясь спастись, они перепробовали многое, изобретали новые теории и разделы математики. Они владеют множеством знаний, о которых мы не имеем даже представления, но они так и не придумали, как отпочковаться от своей вселенной. Очевидно, их мышление механистично, очень похоже на наше, мышление Инженеров. Мне кажется, они утратили нечто очень важное — живую искру воображения, которым вы, люди, столь щедро наделены.

— Подумать только! — поразился Гэри. — Воображение спасает жителей другой вселенной! Воображение захудалой третьеразрядной расы, которая и пользоваться-то им понастоящему только начинает.

— Вы правы, — подтвердил Инженер, — и за грядущие тысячелетия воображение сделает вашу расу хозяевами всей Вселенной.

— Пророчество, — буркнул Гэри.

— Я знаю, — сказал Инженер.

— Тогда последнее, — сказал Херб. — Каким именно образом будет уничтожена та вселенная?

— Мы уничтожим ее, — ответил Инженер, — точно таким способом, каким уничтожили Церберов.

Глава 17

Томми сидел в кресле пилота и вел корабль с малой скоростью, время от времени включая ненадолго ракетные двигатели, чтобы удержать его на курсе.

— Здесь приходится попрыгать, лишь бы оставаться на месте, — пробормотал он сквозь стиснутые от напряжения зубы. — Даже не понять толком, где находишься. Никаких ориентиров, летишь вслепую.

— Само собой, — пробасил Кингсли, — Мы оказались там, где еще не бывал человек. Тут пространство и время потеряли смысл, любые силовые линии искажены, а все вокруг покорежено и завязано узлами.

— На краю Вселенной, — добавила Кэролайн.

Гэри посмотрел в иллюминатор. За ним виднелась лишь темно-синяя бездна, каким-то странным образом производившая впечатление живой. Через некоторое время он спросил Инженера:

— Есть ли признаки выделения энергии?

— Есть, но очень слабые, — ответил Инженер, склоняясь над детекторами и вглядываясь в шкалы приборов. — Другая вселенная приблизилась почти вплотную, и силовые линии только начали соприкасаться.

— Сколько нам еще ждать? — спросил Кингсли.

— Не могу сказать. Мы очень мало знаем о действующих здесь законах. Возможно, совсем немного, а может быть, и достаточно долго.

— Итак, — подытожил Херб, — фейерверк может начаться в любой момент. Парни из другой вселенной благополучно перебрались в нашу, и теперь мы можем взорвать их вселенную, когда пожелаем.

— Гэри, — сказал Кингсли, — вам с Хербом лучше сесть за орудия. Не исключено, что нам придется действовать быстро.

Гэри кивнул и подошел к орудию-дезинтегратору. Усевшись в кресло возле панели управления, он взялся за рукоятку наводки и покачал ее вперед-назад, зная, что ствол орудия снаружи описывает широкую дугу.

В окошечке перед собой он видел яркую синеву бездны, в которой они летели. Там, снаружи, пространство и время становились все тоньше и ломались.словно лодка,

плывущая по бурному морю, их корабль двигался по самому краю Вселенной, раскачиваясь на непрерывно меняющихся и изгибающихся силовых линиях.

Где-то снаружи, совсем близко, находилось и таинственное межпространство. И столь же близко, невидимая при всей своей непостижимой огромности, плыла другая вселенная — старая и потрепанная, покинутая всеми своими обитателями, умирающая Вселенная, приговоренная к смерти ради жизни другой, более молодой.

Всего через несколько минут промежутков между вселенными начнет заполняться ужасающей энергией, безвременной и бесформенной. Она начнет просачиваться в обе вселенные — поначалу медленно, потом все быстрее и быстрее, увеличивая их массы и обрекая на почти мгновенное уничтожение.

Но до того как это произойдет, дезинтеграторный луч, самая страшная из известных Инженерам форм энергии, ворвется в это поле скрытой энергии и помчится в направлении приближающейся вселенной.

И поле скрытой энергии мгновенно превратится в дезинтеграторный луч огромной мощи, в миллионы раз усилив первоначальный луч... и эта ослепительная энергетическая волна, перед которой ничто не в силах устоять, ударит в самую структуру пространства и времени, уничтожит материю и исключит все остальные виды энергии. А потом пробьется в другую вселенную.

И когда это произойдет, энергетическое поле, вся энергия которого будет высосана дезинтеграторным лучом, отклонится от молодой вселенной и обрушит весь свой удар на ту, которая обречена на уничтожение.

Содрогнувшись от удара столь мощной энергетической бури, старая вселенная начнет сжиматься. Ее масса станет все быстрее и быстрее нарастать, по мере того как энергия пятого измерения, оседлав лучи дезинтеграторных орудий, польется в ее пространство — время.

Гэри вытер рукой вспотевший лоб.

Так все должно произойти по расчетам Кэролайн и Инженера. Остается лишь надеяться, что они не ошиблись. Гэри до сих пор не верилось, что крошечный кораблик с двумя маленькими орудиями, за которыми сидят два жалких человека, может целиком уничтожить вселенную — невообразимо массивную пространственно-временную структуру.

Но ведь он своими глазами видел, как луч карманного фонарика, заставивший выкристаллизироваться энергию измерения вечности, в мгновение ока уничтожил могучий флот боевых кораблей, защищенных тяжелыми экранами и неуязвимой для бомб броней, непроницаемой для любого оружия... любого, кроме фонарика в руках девушки.

Когда вспоминаешь такое, как-то легче верится в то, что дезинтеграторы, придав структуру гораздо более обширному энергетическому полю, могут и в самом деле уничтожить вселенную. Потому что эту работу сделают не сами орудия, а энергия, переброшенная в другую вселенную, — энергия, которую орудия превратят во всепоглощающую волну длиной в миллионы миль.

— Интенсивность поля нарастает, — предупредила Кэролайн. — Будьте наготове.

Гэри ухмыльнулся:

— Откроем огонь, когда увидим белки их глаз, — сказал он и тут же принялся вспоминать, откуда взялось это выражение. Что-то историческое, из полузабытых легенд прошлого. Из повествования о какой-то великой битве древности.

Гэри пожал плечами. Не все ли равно? Та история, какой бы она ни была на самом деле, наверняка сильно приукрашена. Как, впрочем, и большинство остальных. Так, еще одна байка из тех, что рассказывают поздним вечером у камина, когда за ставнями воет ветер, а по крыше стучит дождь.

Его взгляд вновь переместился к иллюминатору, устремился в туманную синеву, словно пульсирующую от скрытой в ней жизни.

Придется ждать. Ждать, пока накопится достаточное для эффективного удара количество энергии. Но не слишком долго. Если они замешкаются, энергия может прорваться в их собственную Вселенную и смести их в мгновение ока.

— Приготовиться! — загремел голос Кингсли.

Пальцы Гэри коснулись переключателя, включающего луч дезинтегратора, крепко сжали его, потом расслабились, в любую секунду готовые действовать.

— Давай! — взревел Кингсли.

Гэри щелкнул переключателем. Вцепившись обеими руками в ручку наводки, он принялся перемещать ее до упора вперед и назад. Он знал, что за его спиной Херб делает то же самое.

За иллюминатором вспыхнул вихрь яростного света — ослепительное, безумно яркое сияние, сперва пульсирующее и извивающееся, а затем превратившееся в сплошную полосу огня.

И эта полоса тут же рванулась вперед, неся гибель старой, обреченной вселенной.

Все кончилось через несколько секунд... тех секунд, когда энергетический ад зародился и бушевал между вселенными.

Затем иллюминатор снова затянула туманная синева, а корабль затрясло, начало швырять, словно щепку на бурных волнах, закрутило и завертело на разорванных силовых линиях, которые все еще гнулись и дрожали после удара титанических сил, только что заполнявших межпространство.

Обернувшись, Гэри увидел Инженера и Кэролайн, пристально вглядывавшихся в шкалу детектора. Кингсли подошел и заглянул через плечо Инженера.

— Чисто. Никаких следов энергии, — пробормотал он.

Его слова означали, что другая вселенная уже начала сжиматься, что она уже мчится навстречу своему новому началу... и больше не опасна.

Гэри похлопал ладонью по оружию. Именно оно и изобретательный человеческий ум справились с задачей. Человек уничтожил одну вселенную, зато спас другую. Подобная мысль казалась слишком фантастичной, чтобы быть правдой.

Он огляделся. Томми в кресле пилота, Херб у второго оружия. Остальные трое наблюдают за детектором энергии. Все привычно, все знакомо. Ничто внешне не изменилось. Обычная текучка.

И все же впервые ничтожные существа, рассеянные по Вселенной, твердой рукой определили ее судьбу. Отныне человек и его единомышленники из бескрайних пространств космоса не будут жалкими пешками в игре вселенских сил. Отныне жизнь станет править этими силами, склонять их перед своей волей, заставлять их работать, изменять их и распоряжаться ими по собственному усмотрению.

Жизнь зародилась случайно. Мало кто в этом сомневается. Ее никто не планировал, но она прокрадась, подобно зловещей болезни, в отлаженный механизм Вселенной. Вселенная враждебна жизни. Глубины космоса слишком холодны для нее, и сам космос пронизан несовместимыми с ней излучениями. Но жизнь торжествует. И в конце концов не Вселенная уничтожит ее, а она станет управлять Вселенной.

Гэри вспомнил тот день, когда Херб заметил на экране искорку отраженного света... как они обнаружили в космосе девушку. И перед его мысленным взором прошла вся цепочка событий, которая привела их к нынешнему триумфу. Если бы Кэролайн Мартин не приговорили к изгнанию в космос, если бы она не знала секрета анабиоза, если бы анабиоз сумел погасить ее мышление, если бы Херб не заметил искорку на экране, если бы Гэри сам не сумел оживить

девушку, если бы Кингсли не заинтересовался странной структурой космического излучения...

И ему показалось, что всю эту мысленную цепочку событий направляло нечто большее, чем слепая случайность. Что говорил ему старик на древней Земле? Что-то о великом мечтателе, создающем театральные сцены и актеров для них.

— Никаких признаков энергии, — сказал Инженер, — С угрозой покончено — сомнений нет. Другая вселенная уже сжалась до безопасного для нас размера. Мы спасены. Я очень счастлив, — Он повернулся к своим спутникам, — И очень вам благодарен.

— Не за что, — ответил Херб. — Ведь мы спасали и свою голову, и твою.

Глава 18

Тщательно обглодав последнюю куриную косточку, Херб вздохнул.

— Никогда не ел ничего вкуснее, — сообщил он.

Они сидели за столом в помещении, которое приготовили для землян Инженеры. Оно уцелело после нападения Церберов, потому что находилось у подножия башни, хотя саму башню уничтожила водородная бомба.

Гэри наполнил бокал и откинулся на спинку кресла.

— Полагаю, наша работа здесь закончена. Наверное, вскоре мы отправимся домой.

— Домой? — переспросила Кэролайн. — Ты имеешь в виду Землю?

Гэри кивнул.

— Я почти позабыла ее. Ведь столько времени прошло. Наверняка она здорово изменилась с того дня, когда я видела ее в последний раз.

— Очень может быть, — согласился Гэри, — но ведь есть немало и неизменного. Запах свежевспаханной земли, аромат сена, красота деревьев на фоне заката.

— Да ты, оказывается, еще и поэт, — поддразнил его Херб.

— Наверное, найдется кое-что, чего я не смогу узнать или вспомнить, — сказала Кэролайн. — То, что изменилось.

— Я покажу тебе Землю, — пообещал Гэри, — И ты снова все вспомнишь.

— Что меня больше всего беспокоит, — заявил Кингсли, — так это незванные гости из другой вселенной. Мне все кажется, будто к нам в обход иммиграционной службы пробрались нежелательные элементы. Никто не знает, что они из себя представляют. А вдруг это враждебные нам формы жизни?

— А если наоборот? — возразила Кэролайн, — Что, если они обладают огромными научными достижениями и культура у них выше нашей? Тогда наша Вселенная очень много выиграет.

— Большой опасности они не представляют, — заметил Гэри. — О них заботятся Инженеры. Пока что они держат гостей в той самой гиперсфере, в которой те пересекли межпространство, а тем временем отыскивают для них подходящие места для поселения. Так что Инженеры за ними приглядят.

Послышался металлический звук шагов. Инженер 1824 вошел в комнату и подошел к столу. Остановившись, он сложил на груди руки.

— Все в порядке? — спросил он. — Еда хороша? Вам удобно?

— Еще как удобно, — подтвердил Херб.

— Мы рады это слышать. Мы очень старались сделать для вас все как можно лучше. Мы благодарны вам за то, что вы прилетели. Без вас мы никогда не смогли бы спасти Вселенную. Не отправились бы на Старую Землю за секретом энергии, потому что нами не движет неугомное воображение... то самое воображение, что не даст вам покоя до тех пор, пока все не получит объяснения.

— Мы сделали что смогли, — буркнул Кингсли. — Но успехом мы обязаны Кэролайн. Она разработала математику,

описывающую создание гиперсфер. Она единственная из нас смогла понять уравнения, связанные с энергией и межпространством.

— Вы правы, — согласился Инженер, — и Кэролайн мы благодарим особо. Но каждый из вас тоже внес свой вклад. И мы этим очень гордимся.

«Гордятся, — подумал Гэри. — С какой стати им гордиться тем, что сделали мы?»

Инженер уловил его мысль.

— Вы спрашиваете, почему мы гордимся, и я отвечу. Мы пристально наблюдали за вами, изучали вас с дня вашего появления здесь и спорили, следует ли сообщать вам то, что у нас есть вам сказать. При других обстоятельствах мы, вероятно, позволили бы вам вернуться домой в неведении, но мы все же решили, что вам следует знать.

— Что знать? — загремел Кингсли.

Остальные выжидательно молчали.

— Известно ли вам, как возникла ваша планетная система? — спросил Инженер.

— Разумеется, — ответил за всех Кингсли. — Произошло динамическое взаимодействие между двумя звездами — нашим Солнцем и другой, пришлой. Примерно три миллиарда лет назад.

— Звезда-пришелец, — сказал Инженер, — была солнцем моего народа, звездой, на планетах которой развилась великая цивилизация. Мой народ знал, что столкновение произойдет. Сперва этот факт установили астрономы, а потом физики и другие ученые неустанно и отчаянно искали способ предотвратить столкновение или хотя бы спасти самое главное в нашей цивилизации, когда это произойдет. Столетие за столетием две звезды сближались. Казалось, нет ни единого шанса спасти хоть что-нибудь. Мы знали, что наши планеты погибнут, едва первая гигантская приливная волна от вашего Солнца достигнет нашей системы, что вызванный ею взрыв мгновенно уничтожит всю жизнь и, вполне вероятно, некоторые из наших планет.

Астрономы определили, что наше солнце пройдет на расстоянии двух миллионов миль от вашей звезды, что оно захватит и увлечет за собой в космос некоторое количество вещества, выброшенного в пространство вашим Солнцем. Если их расчеты оправдаются, последняя надежда на дальнейшее существование нашей цивилизации исчезнет.

Мысль Инженера на некоторое время прервалась, но все хранили молчание, не отрывая глаз от бесстрастного металлического лица и ожидая продолжения.

— Наконец, поняв, что все их усилия оказались безнадежными, мои соотечественники создали огромные звездолеты, рассчитанные на многолетние скитания в космосе. Эти звездолеты стартовали задолго до столкновения, взяв в полет избранных представителей нашей цивилизации — в основном ученых и специалистов, а также большое количество архивных записей.

— Ковчег, — выдохнула Кэролайн, — Древняя легенда о Ковчеге.

— Не понимаю, — отозвался Инженер.

— Не важно, — пробормотала Кэролайн. — Прошу вас, продолжайте.

— Люди моего народа наблюдали за соприкосновением двух звезд, уже улетев далеко в космос. Им показалось, будто взорвались сами небеса. Огромные языки пламени и расплавленной материи вырвались в пространство на миллионы миль. Они увидели, как их родное солнце увлекло огромное количество звездного вещества на миллиарды миль в пространство, разбрасывая по пути более мелкие фрагменты. Увидели они и то, как вокруг вашего Солнца постепенно образуется кольцо, но потом они потеряли его из виду, потому что улетели уже очень далеко, да и выброшенные взрывом массы материи уже вели себя не столь бурно.

Поколение за поколением мой народ искал свой новый дом. Люди умирали, их хоронили в космосе. Дети рождались, вырастали, старели и тоже умирали. Столетие за столетием огромные корабли перелетали от звезды к звезде,

отыскивая планетную систему, в которой они могли бы завершить свой путь. Один из кораблей пролетел слишком близко от гигантской звезды и погиб, притянутый к ней. Другой разрушился, налетев на темную звезду. Но оставшиеся продолжали бросать вызов опасностям и неожиданностям космоса, отыскивая свой новый дом, — Инженер снова помолчал, — Но отыскать планетную систему никак не удавалось. Лишь одна звезда из десяти тысяч имеет планетную систему, и можно было безрезультатно скитаться тысячи лет.

Наконец, устав от бесплодных поисков, они решили вернуться к вашему Солнцу. Пока еще оно не имело планетной системы, но они знали, что со временем она появится.

И вновь ледяной космический ветер дунул в лицо Гэри. Неужели рассказанная Инженером история истинна? Неужели именно поэтому они посылали сигналы к Плутону?

Мысль Инженера зазвучала вновь:

— Через много лет они добрались до вашего Солнца. Приближаясь, они увидели, что вокруг островков относительно плотной материи уже начали формироваться планеты. Но обнаружили они и кое-что еще. Вокруг этой похожей на туманность массы первобытной материи по сильно удаленной от ее центра и еще неустойчивой орбите вращалась планета, которую они сразу узнали. То была одна из планет их родной звезды, четвертая от их солнца. Украденная у звезды-хозяина, ныне она обращалась вокруг звезды-похитителя.

Вот так мой народ наконец обрел дом. Спустившись на планету, они обнаружили, что та лишилась атмосферы, жизнь на ней исчезла, а любые следы цивилизации начисто стерты.

Но все же, обосновавшись, они попытались хотя бы частично восстановить погибшую цивилизацию. Задача оказалась тяжелой. Год за годом, век за веком они наблюдали за медленным рождением вашей планетной системы, видели, как обретают форму и медленно остывают планеты, и ждали дня, когда смогут переселиться на одну из них. Но

процесс шел очень медленно. Труд по воссозданию цивилизации, отсутствие атмосферы и космический холод медленно лишали мой народ остатков сил. Они уже предвидели свою гибель, день, когда умрет последний из них, но все же строили планы на будущее. И спланировали его очень тщательно.

Они создали нас, построили для нас огромные звездолеты и отправили в полет на поиски нового дома для нашей расы, вопреки всему надеясь, что мы сумеем отыскать более подходящую планету, пока еще не стало слишком поздно. В космосе наши звездолеты разделились, и каждый направился по своему пути. Мы были готовы, если потребуется, осмотреть всю Вселенную.

— Они вас создали? — спросил Гэри. — Что это означает? Разве вы не прямые потомки той, другой, расы?

— Нет. Мы роботы. Но сделаны настолько тщательно, настолько приближены к живым существам, что почти не отличаемся от них. Мне иногда даже кажется, что, просуществовав столько лет, мы и в самом деле стали живыми. Я много об этом размышлял и очень надеялся, что со временем мы станем чем-то большим, чем просто машины.

Инженер смолк, а Гэри удивился: как же он раньше не догадался? Ведь этого нельзя было не заметить. И форма, и сами действия Инженеров просто кричали о механичности. Однажды Инженер сказал ему, что их сковывают механистические инструкции и что он и его товарищи практически лишены воображения. Само собой — откуда у машин воображение?

Но они выглядели настолько похожими на людей, что он всегда думал о них как о живых существах, только отлитых из металла, а не из протоплазмы.

— Черт меня побери, — пробормотал Кингсли.

— Да вы, ребята, — роботы высший класс, вот что я вам скажу, — заявил Херб.

— Придержи язык, — рявкнул на него Гэри.

— А может, вы уже и не роботы, — предположила Кэролайн, — Может, за все эти годы вы превратились в реальных существ. Создатели наверняка снабдили вас электрохимическим мозгом, а ведь такой мозг, в сущности, почти не отличается от человеческого. Со временем он и станет настоящим, почти таким же эффективным, а в некоторых случаях даже более эффективным, чем протоплазменный. В конце концов, важны лишь мощность мышления, способность думать и принимать решения.

— Спасибо, — сказал Инженер. — Большое спасибо за добрые слова. Именно это я и хотел сказать вам.

— Послушайте, — вмешался Гэри. — Неужели это так важно? Роботы вы или существа с независимым мышлением. Если вы служите той же цели, если следуете тому же диктату совести, значит, творите то же будущее, что и существа, наделенные жизнью при рождении. Да и вообще, на мой взгляд, иногда предпочтительнее быть роботом, чем человеком.

— Вероятно, это и в самом деле не столь важно, — согласился Инженер, — Когда-то я вам уже говорил, что мы гордые существа, что нам доверено великое наследие. И именно гордость могла помешать нам признать нашу истинную сущность, но теперь я рад, что раскрыл этот секрет, потому что теперь вам будет легче понять все остальное.

— Остальное? — удивленно переспросил Томми. — Разве есть еще что-то?

— Есть, и немало, — ответил Инженер.

— Секундочку, — вмешался Кингсли, — Так вы утверждаете, будто Инженеры были созданы расой, жившей три миллиарда лет назад и что все это огромное время вы благополучно существовали?

— Не все. Нас сделали немного, по два-три на каждый корабль. Уже потом мы создавали других, копии самих себя. Но при этом каждый раз старались снабдить новые копии тем, чего не хватало нам самим. Например, воображением,

большей инициативностью и расширенным диапазоном эмоционального восприятия.

— А вы один из оригинальных роботов, изготовленных еще на Плутоне? — спросила Кэролайн.

Инженер кивнул.

— Выходит, вы вечные и бессмертные, — сказал Кингсли.

— Не вечные и не бессмертные. Но если за моим телом ухаживать и заменять изношенные части, то, если не произойдет несчастного случая, я буду функционировать еще многие миллиарды лет.

Миллиарды лет, подумал Гэри. Такое человек и вообразить не в состоянии. Человеческий разум не может представить миллиард лет, тысячу лет или даже сотню. Обычно люди заглядывают в будущее всего на год-другой.

Но если Инженеры прожили три миллиарда лет, то как же вышло, что они не смогли создать гиперсферу, не сумели проникнуть за пределы Вселенной, чтобы узнать законы межпространства? Почему им для этого пришлось дожидаться появления человеческого разума?

— Я уже отвечал на эти вопросы, — сказал Инженер, — и отвечу снова. Все дело в воображении... умении заглянуть за край фактов, оценить вероятности, представить последствия и затем попытаться осуществить задуманное. Это нам недоступно. Мы скованы механистическим мышлением и такими же действиями. Мы не движемся далее доказанных фактов. Когда два факта порождают третий, мы воспринимаем его, но не в силах высказать предположения, собрать воедино несколько разрозненных фактов и сделать на их основе новый вывод. Таков ответ на ваш вопрос.

Гэри изумленно молчал. Он поначалу даже не понял, что Инженер сумел прочесть его мысли, обращенные к самому себе. Кэролайн взглянула на него с насмешливой улыбкой:

— Ты его о чем-то спросил?

— Полагаю, да, — ответил Гэри.

— А вы получали хоть какие-нибудь вести от других Инженеров? — спросил Кингсли. — Тех, кто летел на других кораблях?

— Нет, никогда. Вероятно, они отыскиали другие планеты и теперь делают там ту же работу, что и мы. Мы пытались с ними связаться, но всякий раз безуспешно.

— А в чем заключается ваша работа? — спросил Гэри.

— Разве ты еще не догадался? — ответила Кэролайн. — Они подготавливают новый дом для народа Инженеров. Я права? — обратилась она к Инженеру.

— Правы, — подтвердил Инженер.

— Но ведь никого из вашего народа давно нет в живых, — возразил Гэри, — Мы не нашли ни единого их следа в Солнечной системе, а уж они-то наверняка не отправились в свое время на поиски других планет. Все они умерли на Плутоне.

Он вспомнил обработанные каменные блоки, найденные Тедом Смитом на Плутоне. Миллиарды лет назад их высекли руки создателей Инженеров... они так и остались на Плутоне немым свидетельством величия расы, умершей еще тогда, когда планеты нашего Солнца только начали остывать.

— Они не мертвы, — возразил Инженер, и в его мысли почувствовалась какая-то особая теплота.

— Разве? — удивился Гэри, — И вы знаете, где они сейчас?

— Да, знаю. Некоторые из них находятся в этой комнате.

— В этой... — начала было Кэролайн, но тут же смолкла, едва до нее дошел смысл слов Инженера.

— Черт побери, но здесь нет никого, кроме нас, — не выдержал Херб. — А ведь мы — не ваш народ.

— Мой, — заявил Инженер. — Конечно, между вами и ними есть различия. Но вы очень близки к ним, очень сходны во многом. И вы, и они — существа из протоплазмы. У вас такая же форма тела и, я уверен, такой же обмен веществ. Но самое главное в том, как работает ваш разум.

— Так вот почему мы смогли понять вас, а вы — нас, — догадалась Кэролайн, — Поэтому вы оставили именно нас, отослав домой существ с остальных планет.

— Так вы утверждаете, — не поверил Кингсли, — что мы прямые потомки вашего народа, который в конце концов переселился на планеты нашей системы? Вряд ли подобное возможно, потому что нашими предками были весьма неуклюжие существа. У нас нет ни легенд, ни доказательств, подтверждающих такое происхождение.

— Я имел в виду несколько другое. Но, полагаю, вы задумывались над тем, как на вашей планете зародилась жизнь? Как вам известно, существует множество планетных систем, вовсе не знающих жизни. Планет, не моложе вашей Земли и в то же время совершенно безжизненных.

— Существует теория панспермии — переноса жизни при помощи спор... — начал Кингсли, но, оборвав себя на полуслове, ударил по столу массивным кулаком, — Точно! Теория спор жизни! Ведь те люди на Плутоне, когда их осталось совсем немного, когда планеты еще не были пригодны для обитания... Разве они, зная, что вскоре умрут, не могли гарантировать зарождение жизни на юных планетах, засеяв их спорами жизни?

— Так, я полагаю, и произошло, — подтвердил Инженер. — Именно этой теории я и придерживаюсь.

— Но даже если дело обстояло именно так, — не согласилась Кэролайн, — разве обязаны мы были развиваться именно такими, какими стали? Почему мы стали почти точными копиями тех людей? Никогда не поверю, что они и это заложили в споры... Да они попросту не могли планировать на такой огромный срок вперед! Ну как могли они запланировать, что эволюция создаст расу, дублирующую их самих?!

— Они были очень древней и умной расой. И я не сомневаюсь, что в их возможностях было запланировать и такое.

— Интересно, — согласился Херб, — Но какое это имеет отношение к нам?

— Это делает вас наследниками моего народа, — заявил Инженер. — И означает также, что все, что мы здесь сделали, все, что мы имеем и знаем, — ваше. Мы заново отстроим город, сделаем его таким, чтобы в нем смогли жить люди. Все, что найдут или сделают другие Инженеры, тоже станет вашим. Для себя же мы не желаем ничего, кроме радости и удовлетворения при мысли о том, что услужили вам, правильно распорядились доверенным нам наследством.

Все ошеломленно замолчали, не в силах поверить услышанному.

— Вы хотите сказать, — спросил Кингсли, — что, отстроив город, подарите его землянам?

— Именно так. Он ваш. У меня нет сомнений, что вы потомки моего народа. Я очень внимательно присматривался к вам с первого дня вашего появления здесь и вновь и вновь замечал мелкие особенности ваших поступков и поведения, тот образ мышления, который определенно связывает ваше происхождение с создавшими нас людьми.

Гэри задумался. Инженеры вручали человечеству наследство древнего народа — город и уже построенную цивилизацию, причем такой город и такую цивилизацию, какие землянам не по силам создать самостоятельно еще многие тысячи лет.

Но что-то здесь было не так, что-то не сходилось.

Он вспомнил слова Херба: «Город похож на место, дожидющееся того, кто никогда не придет». Херб попал в точку. Этот город был построен для более великой расы, умершей, вероятно, задолго до того, как первый из его камней лег на свое место. Расы настолько развитой, что по сравнению с ней человечество похоже на дикарей.

Он попытался вообразить, какой эффект этот город и такая цивилизация окажут на человечество. Представил жадность и ненависть, политические уловки, яростное торговое соперничество, социальное неравенство, приводящее к классовой борьбе, — все людские пороки... здесь, в белом

городе под тремя солнцами. Нет, одно никак не стыковалось с другим!

— Мы не можем согласиться, — сказал он, — Мы еще не готовы. Все станет только хуже. Мы приобретем слишком большую власть, слишком много праздного досуга и слишком большое богатство. Они разобьют нашу цивилизацию вдребезги, а взамен взвалят на наши плечи непосильную пока ношу. Мы еще не настолько цивилизованны, мы попросту не доросли до такого уровня.

Кингсли метнул в него яростный взгляд.

— Но подумайте о научных знаниях! Подумайте о культурных достижениях! — выкрикнул он.

— Гэри прав, — подтвердила Кэролайн, — Мы еще не готовы.

— Когда-нибудь в будущем, — молвил Гэри, — Когда мы одолеем в себе первобытные страсти. Когда справимся с терзающими нас огромными социальными и экономическими проблемами. Когда научимся соблюдать Золотое Правило... когда избавимся хотя бы частично от похотливой подростковой жадности. Вот тогда, когда-нибудь, мы и будем готовы переселиться в этот город.

Он вспомнил старика на Древней Земле. Тот говорил что-то о том, как все остальные люди улетели к далекой звезде — в подготовленное для них место.

А ведь то место, о котором говорил старик, понял Гэри, и есть город, где они сейчас находятся. И это означает, что Древняя Земля, на которой они побывали, была реальной Землей... не планетой-тенью, а планетой, действительно существующей в будущем. А еще старик обмолвился, что люди улетели в этот город совсем недавно. Сам он отказался, сказав, что не может покинуть Землю.

Выходит, ждать придется долго. Дольше, чем ему думалось. Им предстоит долгое и горькое ожидание того дня, когда человечество может безопасно для себя перебраться на лучшую из планет, овладеть наследием, оставленным для

нее расой, умершей во времена зарождения Солнечной системы.

— Вы поняли? — спросил он Инженера.

— Понял. Ваше решение означает, что нам придется снова ждать тех, ради кого мы работаем... и ожидание станет долгим.

— Вы ждали три миллиарда лет, — напомнил ему Гэри, — Подождите нас еще пару миллионов. Мы постараемся справиться побыстрее. У человечества немало хороших качеств, но мы пока еще не готовы.

— По-моему, вы сошли с ума, — с горечью произнес Кингсли.

— Неужели вы не понимаете, что сделают с этим городом люди, какие они сейчас? — спросила Кэролайн.

— Но вспомните о магнитной энергии, — взвыл Кингсли, — вспомните о многом другом! Подумайте, как новые знания помогут нам всем. Нам требуется вся энергия, приборы и знания, которые мы только можем получить.

— Кое-какую информацию вы можете увезти с собой, — заметил Инженер. — Ту, которую сочтете необходимой. Мы станем наблюдать за вами, поддерживать связь все будущие годы — может статься, вам потребуется наша помощь.

Гэри встал из-за стола. Его ладонь легла на широкое металлическое плечо Инженера.

— А пока для вас есть работа, — сказал он. — Отстроить заново город. Разработать и создать энергетические станции, использующие энергию пятого измерения. Научиться контролировать и использовать эту энергию для переделки Вселенной. Если мы что-либо не сделаем, то настанет день, когда и наша Вселенная состарится, умрет тепловой смертью. Но, воспользовавшись вечной энергией межпространства, мы сможем переделать Вселенную, управлять ею, пользоваться ее для своих нужд.

Всем показалось, что металлический человек гордо выпрямился.

— Все будет сделано, — пообещал он.

— Мы должны работать, но не ради только Человека, а ради всей Вселенной, — сказал Гэри.

— Правильно, — подтвердил Инженер.

Кингсли неуклюже поднялся.

— Пора возвращаться на Плутон, — сказал он. — Здесь наша работа завершена, — Он подошел к Инженеру. — Но прежде чем улететь, я хочу пожать вашу руку.

— Не понимаю, — ответил Инженер.

— Это знак уважения, — пояснила Кэролайн, — Уверение в дружбе. Определенный способ заключения соглашения.

— Прекрасно, — отозвался Инженер, протягивая руку Кингсли, и тут плавность его мыслей нарушилась. Впервые со дня их первой встречи в этом же помещении в них проявились эмоции. — Мы так счастливы, — сказал он, — Больше мы не будем одиноки, потому что сможем разговаривать с вами. Возможно, когда-нибудь я сам навещу вас.

— Прилетайте обязательно! — воскликнул Херб восторженно. — Я сам покажу вам все лучшие места на Земле.

— Ты идешь, Гэри? — спросила Кэролайн, но Гэри не ответил.

Когда-нибудь Человек вернется домой... в этот чудесный город из белого камня. Восхитится захватывающей дух высотой его башен, простором и самим городом — символом достижений разума, сверкающим в пока чужих для него небесах. Вернется домой на планету, где каждая частичка энергии, любая мыслимая роскошь и достижение будут принадлежать ему. Домой в место, выросшее из мечты... великой мечты великого ушедшего народа, который, умирая, завещал наследство всей своей жизни другой жизни — только зарождающейся. И, более того, оставил другое наследство в руках и умах добрых слуг, которые со временем передадут его людям.

Но этот город, все его гордые достижения не для него, не для Кэролайн, Кингсли, Херба или Томми. Не для множества поколений, которые придут после них. До тех пор, пока человечество волочит за собой груз первобытного дикарства

и ненависти, пока оно жестоко, злобно и бессердечно, никому из людей не ступить на мостовые этого города.

Прежде чем добраться до него, Человеку предстоит пройти долгие дороги, глотая горькую пыль, познать множество побед на межзвездных путях. Галактики напишут в небесах буквы новых ал-

фавитов, а в хроники времени будут внесены записи о многих событиях. Новое станет рождаться, развиваться и умирать. Великие лидеры возвысятся, свершат предназначенное и канут в забвение. Зародятся вероучения, расцветут и рассыплются межзвездным прахом. Звезды, наблюдая с небес, увидят великие деяния, будут аплодировать великим свершениям, взирая на великие поражения и оплакивать горькие разочарования.

— Подумать только, — произнесла Кэролайн. — Мы возвращаемся домой!

— Да, — молвил Гэри, — Наконец-то мы возвращаемся домой.

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА

Карсону

Глава 1

Виккерс проснулся очень рано, потому что накануне вечером позвонила Энн и сообщила, что кое-кто хочет встретиться с ним в Нью-Йорке.

Он пытался уклониться.

— Знаю, что нарушаю твои планы, Джей, но, думаю, этой встречей пренебрегать не стоит.

— У меня нет времени на поездку. Работа в полном разгаре, и я не могу ее бросить.

— Речь идет об очень важном деле, — сказала Энн, — не бывало важном. И в первую очередь хотят переговорить с тобой. Тебя считают самым подходящим из писателей.

— Реклама?

— Нет, не реклама. Речь идет совсем о другом.

— Напрасные хлопоты. Я не хочу ни с кем встречаться, кто бы это ни был.

Он повесил трубку. Но уже с раннего утра был на ногах и собирался после завтрака отправиться в Нью-Йорк.

Он жарил яйца с беконом и хлеб, краем глаза наблюдая за капризным кофейником, когда позвонили у двери.

Он запахнул халат и пошел открывать.

Звонить мог разносчик газет. Виккерса не было дома, когда следовало расплачиваться с юношей, и он мог зайти, увидев свет на кухне. Или сосед, странный старик по имени Гортон Фландерс, переехавший сюда около года назад, который заходил поболтать в самое неожиданное и неудобное время. Это был учтивый, изысканный, хотя и несколько потрепанный человек. С ним приятно было посидеть, но Виккерс предпочел бы принимать его в более подходящий для себя час.

Звонил явно либо разносчик газет, либо Фландерс. Кто другой мог прийти так рано?

Он открыл дверь и увидел девчущку в вишневом купальном халатике и шлепанцах. Ее волосы были всклокочены со сна, но глаза ярко блестели. Она мило улыбнулась.

— Здравствуйте, мистер Виккерс. Я проснулась и не могла заснуть, а потом увидела свет у вас на кухне и подумала, вдруг вы заболели.

— Я прекрасно себя чувствую, Джейн, — сказал Виккерс. — Вот готовлю завтрак. Может, составишь мне компанию?

— О да! — воскликнула Джейн. — Я так и думала, что вы пригласите меня поесть, если завтракаете.

— Твоя мама, наверно, не знает, что ты здесь?

— Мама с папой еще спят, — ответила Джейн. — У папы сегодня выходной, и они вчера очень поздно вернулись. Я слышала, как они пришли и мама говорила папе, что он слишком много пьет, и еще она сказала ему, что никогда-никогда не пойдет с ним, если он будет так много пить, а папа...

— Джейн, — сурово прервал Виккерс, — мне кажется, твои папа и мама были бы очень недовольны, услышав тебя.

— О, им все равно. Мама все время говорит об этом, и я слышала, как она сказала миссис Тейлор, что почти готова развестись. Мистер Виккерс, а что такое «развестись»?

— Мгм, не знаю, — сказал Виккерс. — Что-то я не припомню такого слова. И все же не стоит повторять мамины слова. Послушай-ка, ты здорово замочила шлепанцы, пока шла через лужайку.

— На улице очень мокро. Сильная роса.

— Проходи, — пригласил Виккерс. — Я принесу полотенце, хорошенько вытрем ноги, позавтракаем, а потом сообщим маме, где ты.

Она вошла, и он закрыл дверь.

— Садись на этот стул, — сказал он. — Я пошел за полотенцем. Боюсь, как бы ты не простудилась.

— Мистер Виккерс, а у вас есть жена?

— Нет... Я не женат.

— Почти у всех есть жены, — сказала Джейн. — Почти у всех, кого я знаю. А почему у вас нет жены, мистер Виккерс?

— Право, не знаю. Наверно, не встретил.

— Но ведь девушек так много.

— И у меня была девушка, — сказал Виккерс. — Но давно, очень давно...

Он не вспоминал о ней уже много лет. Долгие годы он подавлял в себе самую мысль о ней, но независимо от его желания она упрямо жила в глубине памяти.

И вот все вернулось.

И девушка, и заветная долина, словно открывшаяся в волшебном сне... Они вместе идут по этой весенней долине; на холмах дикие яблони в розовой кипени цветов, а воздух наполнен пением птиц. Легкий весенний ветерок морщит воду ручья, гуляет по траве, и кажется, весь луг струится, словно озеро в пенящихся барашках волн.

Но кто-то наложил чары на эту долину, ведь, когда он позже вернулся туда, она исчезла, вернее, на ее месте он нашел совсем другую долину. Та, первая, он отчетливо помнил, была совершенно иной.

Двадцать лет назад он гулял по той долине, и все эти двадцать лет он прятал воспоминание о ней на задворках памяти; и вот оно снова вернулось, вернулось совсем непотускневшим, как будто все было только вчера.

— Мистер Виккерс, — услышал он голос Джейн, — мне кажется, ваши гренки сгорели.

Глава 2

Когда Джейн ушла и Виккерс вымыл посуду, он вдруг вспомнил, что целую неделю собирался позвонить Джо насчет мышей.

— У меня мыши, — сказал он.

— Что?

— Мыши, — повторил Виккерс. — Эдакие маленькие зверьки. Они разгуливают по всему дому.

— Странно, — сказал Джо. — Ваш дом отлично построен. В нем не должно быть мышей. Вы хотите, чтобы я вас избавил от них?

— Думаю, это необходимо. Я поставил мышеловки, однако хитрюги не обращают на них внимания. Я взял кошку, но она сбежала, не прожив и двух дней.

— Это уж совсем странно. Обычно кошки любят дома, где водятся мыши.

— Кошка была какая-то чокнутая, — сказал Виккерс. — Ее словно околдовали — она ходила на цыпочках.

— Кошки — странные животные, — согласился Джо.

— Сегодня я еду в город. Можете зайти, пока меня не будет?

— Конечно, — ответил Джо — Последнее время почти не приходится травить мышей. Я заеду часов в десять.

— Я оставлю входную дверь открытой.

Виккерс повесил трубку и подобрал с порога газету. Бросив газету на стол, он взял свою рукопись и прикинул ее на вес, будто вес мог говорить о ценности написанного, о том, что он даром времени не терял и сумел выразить все, что хотел, выразить достаточно ясно, чтобы мужчины и женщины, которые будут читать эти строки, именно так, как нужно, поняли его мысль, спрятанную за безликим строем типографских знаков.

«Жалко терять день, — сказал он себе. — Следовало остаться дома и засесть за работу. Эти встречи нужнее всего литературным агентам». Но Энн очень настаивала, даже после того, как он сказал, что у него неисправна машина. По правде говоря, здесь он немного погрешил против истины, ибо знал, что Эб наладит ее в любую минуту.

Он глянул на часы. До открытия гаража оставалось около получаса. За работу садиться уже не имело смысла. Взяв газету, он вышел на крыльцо. И тут вспомнил о малышке Джейн, ее милой болтовне и похвалах его кулинарным

способностям. «У вас есть жена? — спросила Джейн. — А почему у вас нет жены, мистер Виккерс?» И он ответил: «И у меня была девушка. Но давно, очень давно...»

Ее звали Кэтлин Престон, и она жила в большом кирпичном доме на вершине холма, в доме с колоннами, широкой лестницей и ложными окнами над входом. Это был старый дом, построенный во времена первых переселенцев, когда страну только начали обживать. Он был свидетелем многих событий и все так же царил над окрестными землями, хотя, изъеденные оврагами, они утратили былое плодородие.

Виккерс был тогда юн, так юн, что сейчас сама мысль об этом причиняла ему боль, а потому не понимал, что девушка, жившая в старинном доме с колоннами, доме своих предков, вряд ли могла принять всерьез юношу, чей отец владел умирающей фермой, на полях которой родилась чахлая пшеница. А быть может, виной всему ее родители — девушка тоже была слишком юна и мало знала жизнь. Быть может, она ссорилась с родными, и в доме слышались резкие слова и лились чьи-то слезы. Этого он так и не узнал: между той прогулкой по заветной долине и его следующим визитом ее успели отослать в какое-то учебное заведение на Востоке, и с тех пор он ее больше не видел.

В поисках прошлого он бродил по долине, пытаясь пробудить в себе ощущения того дня и той прогулки. Но яблони отцвели, иначе звучала песнь жаворонка, и былое очарование отступило в какую-то недосыгаемую даль. Колдовство рассеялось.

Лежавшая на коленях газета соскользнула на пол, Виккерс поднял ее. Новости были столь же невеселы, как и накануне. «Холодная» война затянулась. Вот уже лет тридцать один кризис следует за другим, одни слухи сменяют другие, и люди привыкли, зевая, читать обо всем этом.

Студент какого-то колледжа в Джорджии побил мировой рекорд по глотанию сырых яиц; одна из самых соблазнительных кинозвезд собиралась в очередной раз выйти замуж; рабочие-сталелитейщики готовились к забастовке.

Была в газете и длинная статья об исчезновениях. Он прочел ее до половины. Исчезали какие-то люди, исчезали целыми семьями, и полиция забила тревогу. Если раньше такие исчезновения были единичными, то теперь, не оставляя никаких следов, сразу исчезало по несколько семей из одной деревни. Как правило, это были бедняки. Так что, казалось, именно бедность служила причиной массовых исчезновений. Но объяснить, каким образом происходили эти исчезновения, не могли ни автор статьи, ни опрошенные им соседи пропавших.

В глаза бросился заголовок: «МНЕНИЕ — СУЩЕСТВУЮТ И ДРУГИЕ МИРЫ».

Он прочел начало:

«БОСТОН, МАССАЧУСЕТС (Ассошиэйтед Пресс). Возможно, нашему миру предшествует опережающий его на секунду мир, в то время как еще один мир на секунду отстает от нашего...»

Нечто вроде непрерывной цепи миров, следующих один за другим. Такую теорию выдвигал доктор Винсент Олдридж.

Виккерс уронил газету, задумчиво глядя на цветущий сад. Этот крохотный уголок земли дышал таким покоем, словно находился в другом измерении. Золотое утреннее солнце, шуршащая на ветру листва, цветы, птичий гомон, солнечные часы, деревянная ограда, которую давным-давно следовало покрасить, старая, безмолвно умирающая ель, которая изо всех сил старается не потерять связи с травой, цветами, своими собратями...

Никакие людские волнения не имели здесь власти; здесь время мирно текло, лето следовало за зимой, луна сменяла солнце, и было ясно, что жизнь — это бесценный дар, а не право, которое одному человеку надо оспаривать у другого...

Виккерс глянул на часы — пора было отправляться в путь.

Глава 3

Эб, владелец гаража, одернул грязный комбинезон и прищурился от дыма сигареты, зажатой в уголке испачканного смазкой рта.

— Знаете, Джей, — произнес он, — я не стал ремонтировать вашу машину.

— Я собирался в город, — сказал Виккерс, — но раз машина не готова...

— Я подумал, может, она вам больше не понадобится, и не стал ничего делать. К чему напрасная трата денег?

— Но старушка совсем неплохо бежит, — обиделся Виккерс. — И хотя у нее потрепанный вид, она мне еще послужит.

— Что говорить, бегать она еще может. Но лучше купить новенький вечмобиль.

— Вечмобиль? Довольно странное название.

— Вовсе нет, — возразил Эб. — Машина на самом деле вечная. Поэтому ее так и называют. Вчера ко мне приходил один тип, все рассказывал о ней и предложил стать агентом по продаже этих вечмобилей. Я, конечно, согласился, а тип сказал, что я правильно сделал, потому что скоро в продаже других машин и не будет.

— Минуточку, — сказал Виккерс. — Хотя ее и называют вечмобилем, она не может быть вечной. Ни одна машина не может быть вечной. Она может служить от силы двадцать лет, ну поколение, но не больше...

— Джей, — перебил Эб, — этот тип сказал так: купите машину и пользуйтесь ею всю жизнь. Завещайте ее своему сыну, он ее завещает своему сыну и так далее. У нее вечная гарантия. Если что-то выходит из строя, они ее ремонтируют или дают взамен другую. Вечно все, кроме скатов. Скаты придется покупать. Они лысеют, как обычно. И окраска тоже не вечная. Гарантия на окраску — десять лет. Если она теряет вид раньше, перекраска производится бесплатно.

— Может, оно и так, — произнес Виккерс, — но я как-то мало во все это верю. Не сомневаюсь, что можно сделать автомобиль гораздо выносливее сегодняшних. Но какой здравомыслящий предприниматель станет создавать вечный автомобиль? Он же разорится. Да и стоять такая машина будет слишком дорого.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, — сказал Эб, — пятнадцать сотен, и ни цента больше. Никаких запчастей, никаких неприятных сюрпризов. Пятнадцать сотен — и она ваша.

— Надо подумать: красотой она не блещет.

— Красивее машины я не видел. Вчерашний тип приехал на такой, и я ее хорошенько рассмотрел. Окраска может быть любого цвета, на ней куча хрома, нержавеющейки, самые последние новинки, а вести ее — мечта. Конечно, к ней надо привыкать. Я хотел поднять капот, чтобы посмотреть двигатель, но тип мне сказал, что двигатель никогда не барахлит и не выходит из строя, так что даже доступ к нему закрыт. «А куда заливается масло?» — спросил я. И знаете, что он ответил? «Никакого масла не надо, нужен только бензин». Через пару дней я получу первую дюжину вечмобилей, — сказал Эб. — Вам оставить один из них?

Виккерс покачал головой.

— Я совсем на мели.

— Да, тот еще что — эта компания много дает за старые машины. За вашу можете получить тысячу долларов.

— Она не стоит того, Эб.

— Знаю, но тип мне сказал: «Давайте им больше, чем стоят их машины. О цене не беспокойтесь, мы с вами договоримся». Конечно, если вдуматься, так дела обычно не ведутся, но это их идея, и я им мешать не буду.

— Я подумаю.

— Вы заплатите только пятьсот долларов, а остальное будете вносить частями. Этот тип разрешил мне так делать. Он сказал, что пока их интересуется, не сколько получать, а сколько продавать.

— Что-то это все мне не очень нравится, — сказал Виккерс. — Вдруг откуда ни возьмись появляется фирма и предлагает совершенно новую модель автомобиля. Да о ней должны были бы кричать все газеты. Доведись мне выпускать в продажу новый автомобиль, я бы заклеил афишами всю страну, поместил броскую рекламу в журналах, привлек телевидение, расставил на дорогах рекламные щиты.

— Вы знаете, я тоже подумал об этом, — кивнул Эб. — Я и сказал тому типу: «Послушайте, вы хотите, чтобы я продавал этот ваш вечмобиль, а как я его буду продавать, если нет никакой рекламы и никто никогда о нем ничего не слыхал?» А он отвечает: они рассчитывают, что качество автомобиля будет говорить само за себя, что нет лучшей рекламы, чем слухи, что они предпочитают не тратиться на дорогую рекламную кампанию, а снизить цену на машину. Он сказал, что клиент не должен платить за рекламную кампанию.

— Не понимаю.

— Конечно, все это кажется довольно странным, — согласился Эб. — Но те, кто делает эти автомобили, думаю, ничего не теряют. Будьте покойны, они не сумасшедшие. А если они ничего не теряют, то сколько же зарабатывают компании, которые за две-три тысячи долларов продают свой железный лом, выходящий из строя после второй поездки? Дрожь пробегает, когда подумаешь, сколько они отхватили.

— Когда получите машины, — сказал Виккерс, — я зайду глянуть на них. Может, и сговоримся.

— Хорошо, — обрадовался Эб. — Вы сказали, что едете в город... С минуты на минуту придет автобус. Он останавливается на углу, возле аптеки, через два часа будете в Нью-Йорке. У них отличные водители.

— Действительно, я как-то не подумал об автобусе.

— Вы уж простите меня за машину, — извинился Эб. — Знай я, что она вам понадобится, непременно бы ее отремонтировал. Там ничего серьезного, но мне сначала хотелось узнать, что вы скажете на мое предложение, чтобы не вводить вас в лишний расход.

Аптека, казалось, стояла не на своем месте. Но, когда Виккерс подошел ближе, он понял, почему у него возникло такое ощущение.

Не так давно скоростижно скончался старый Ганс, сапожник, и его лавочка, стоявшая рядом с аптекой, несколько недель была закрыта. Теперь ее снова открыли. Во всяком случае, ее витрина была чисто вымыта, чего старый Ганс никогда не делал. В витрине лежали какие-то предметы. Виккерс так спешил рассмотреть их, что, лишь вплотную подойдя к магазину, заметил свежую вывеску: «Технические новинки».

Виккерс остановился перед витриной. На черной бархатной полосе лежали зажигалка, бритвенное лезвие и электрическая лампочка. И ничего больше. Только три предмета. Ни ярлыков, ни рекламы, ни цен. В этом, впрочем, не было никакой нужды: Виккерс знал, что всякий, кто увидит витрину, поймет, чем торгует магазин.

Виккерс услышал негромкое постукивание. Он обернулся и увидел Гортон Фландерса, совершавшего свой утренний моцион. На нем был слегка потертый, но тщательно вычищенный костюм. В руке он держал элегантную эбеновую трость. Виккерс знал, что ни у кого в Клиффвуде не хватило бы духа ходить с тростью по улицам.

Фландерс поднял трость в знак приветствия и подошел взглянуть на витрину.

— Итак, они открывают свой филиал и здесь, — сказал он.

— Похоже на то, — ответил Виккерс.

— Очень странная фирма, — продолжал Фландерс. — Меня она очень заинтересовала. Я вообще весьма любопытен.

— Я не заметил ничего особенного.

— О боже! — воскликнул Фландерс. — Вокруг происходит столько удивительного. Возьмите историю с углеводами. Весьма таинственная история. Вы так не считаете, мистер Виккерс?

— Я как-то не задумывался над этим. У меня столько работы...

— Что-то назревает, — сказал Фландерс. — Уверяю вас.

Автобус спустился по улице, проехал мимо и, затормозив остановился возле аптеки.

— Боюсь, мне придется вас покинуть, мистер Фландерс, — заспешил Виккерс. — Я еду в город. Вернусь к вечеру. Всегда рад вас видеть у себя.

— Благодарю вас, — ответил Фландерс. — Всенепременно зайду.

Глава 4

Все началось с лезвия, бритвенного лезвия, которое никогда не затуплялось. Потом появилась зажигалка, она безотказно работала без кремня и бензина. Затем пришел черед лампочки, которая могла гореть вечно, если только ее не разбивали. И наконец наступила очередь вечмобиля. Сюда же, несомненно, следовало отнести появление синтетических углеводородов.

— Что-то назревает, — сказал ему Фландерс, когда они стояли перед лавочкой старого Ганса.

Виккерс уселся возле окна в середине автобуса и принялся размышлять, пытаясь во всем этом разобраться.

Бритвенные лезвия, зажигалки, лампочки, синтетические углеводороды и теперь вечмобили — между их появлением явно существовала какая-то связь. Обнаружив ее, найдя этот общий знаменатель, можно было понять, почему появились именно эти пять предметов, а не какие-то пять других, например не шторы, ходули, волчок, самолет и зубная паста. Лезвия необходимы ежедневно, как и лампочки, зажигалки напоминали о себе при каждом закуривании, синтетические углеводороды позволили преодолеть кризисную ситуацию и спасли от голода миллионы людей.

— Что-то назревает, — сказал Фландерс, одетый в свой поношенный, но, как обычно, тщательно вычищенный костюм.

По привычке он постукивал своей смешной тростью, хотя по зрелом размышлении в руке мистера Фландерса трость эта вовсе не выглядела смешной.

Вечмобиль будет работать, не требуя смены масла, после вашей смерти перейдет к вашему сыну, а от него — к его сыну, и если прадед купит такую машину, то старший сын его старшего сына унаследует ее. Машина будет служить из поколения в поколение.

Но появление вечмобиля означало гораздо больше. Года не пройдет, как закроются все автомобильные заводы и большинство гаражей и ремонтных мастерских. Это нанесет серьезный удар сталелитейной, стекольной, текстильной и, наверно, еще дюжине других отраслей промышленности.

Можно было не придавать значения вечному бритвенному лезвию, электрической лампочке, зажигалке, но теперь пришло время задуматься. Сотни тысяч людей лишатся работы и, вернувшись домой, скажут родным: «Ну, вот и все. Я потерял работу». И повседневная жизнь семьи будет продолжаться в молчаливом отчаянии, в гнетущей атмосфере страха. Глава семьи станет покупать все газеты, жадно изучая предложения о работе, потом начнет с утра уходить из дома; меряя шагами длинные улицы, он будет обивать пороги крупных компаний, а люди, сидящие там за окошками или столами, будут отрицательно качать ему головой. В конце концов глава семьи с тяжелым сердцем переступит порог одной из небольших контор под вывеской «Синтетические углеводы» и со смущенным видом, какой может быть у квалифицированного рабочего, который никак не может найти работу, выдавит: «Мне не везет, а деньги кончаются. Я хотел бы спросить...» И человек, сидящий за столом, кивнет ему: «Ну конечно-конечно, сколько у вас детей?» После этого он напишет что-то на листке бумаги и протянет его просителю.

— Обратитесь вон в то окошечко, — скажет он. — Очевидно, на неделю вам этого хватит, потом приходите снова.

Глава семьи, взяв листок, станет бормотать слова благодарности, но человек из «Синтетических углеводов» остановит его:

— Помилуйте, мы для того и существуем, чтобы помогать таким, как вы.

И глава семьи подойдет к окошечку, служащий прочтет записку и выдаст ему банки. Содержимое одних банок будет иметь вкус картошки, других — вкус хлеба, третьих — кукурузы или зеленого горошка.

Такие сцены можно было наблюдать постоянно.

Деятельность компании по производству и распространению синтетических углеводов не имела ничего общего с благотворительностью — это мог подтвердить всякий, кому доводилось иметь с ней дело. Служащие компании никогда не унижали вас, если вы обращались за помощью. Они относились к вам, как к уважаемым клиентам, и просили прийти снова, а если вы больше не появлялись, шли к вам домой узнать, в чем дело, устроились ли вы на работу или постеснялись прийти вновь. Они не жалели времени, чтобы побороть ваше смущение, и после их ухода вы ощущали уверенность, что, получая помощь, оказываете фирме немалую услугу. Благодаря синтетической пище были спасены миллионы людей, а теперь, когда грозят остановиться автомобильные заводы и свернуть производство смежные предприятия, поле деятельности компании беспредельно расширится. К тому же многое говорит за то, что вечмобили не являются последней новинкой этой таинственной фирмы.

«Нет сомнения, — думал Виккерс, — что за всеми этими вечными бритвенными лезвиями, зажигалками, электрическими лампочками и автомобилями стоят одни и те же люди». Это вовсе не мешало существованию разных компаний. Однако Виккерс отнюдь не собирался заниматься их поисками.

Автобус понемногу наполнялся, а Виккерс по-прежнему в одиночестве сидел у окна. Позади него болтали две женщины, и ему невольно пришлось слушать их разговор.

— Мы состоим членами клуба фантазеров, — хихикнув, сказала одна из них. — Там столько интересных людей.

— Я тоже хотела было вступить в такой клуб, — перебила вторая, — но Чарли сказал, что все это — сплошной треп. Он говорит, что мы живем в Америке, живем без малого в двухтысячном году от Рождества Христова и нет никаких оснований не радоваться этому. Он считает, что наша страна — лучшая в мире да и лучшего времени никогда не было. Мы живем с таким комфортом, какой до нас никому и не снился. И Чарли говорит, что все эти слухи — коммунистическая пропаганда и уж он-то сумел бы показать тем, кто их распускает, попадись они ему в руки. Он так и сказал...

— О, я об этом ничего не знаю, — в свою очередь, перебила первая женщина. — Но то, чем мы занимаемся, так увлекает; конечно, довольно нудно читать все эти древние истории, но в конечном счете получаешь удовлетворение. На прошлом собрании кто-то так и сказал, что все усилия будут вознаграждены. Однако мне не удастся сделать ничего путного. У меня, наверное, котелок совсем не варит. Я не очень люблю читать и не все понимаю, мне надо объяснять, но некоторые довольны. Один мужчина из нашей группы вроде жил в Лондоне во времена какого-то Сэмюэля Пеписа¹. Я не знаю, кто такой Пепис, но, думаю, большая знаменитость. Глэдис, а вы знаете, кто такой Пепис?

— Понятия не имею, — ответила Глэдис.

— Этот мужчина все время твердит о Пеписе. Пепис написал книгу, надо думать большую, так как речь там идет о самых разных вещах. И наш, этот, из клуба, тоже вроде ведет дневник. Страшно интересно. Мы просим его читать свои записи на каждом собрании. Просто удивительно, кажется, будто он на самом деле жил там.

¹ Сэмюэль Пепис — известный английский хронист времен Реставрации (1633–1703) — Примеч перев.

Автобус остановился у железнодорожного переезда, и Виккерс глянул на часы — через полчаса он будет в Нью-Йорке.

«Теряю даром время, — подумал он. — Что бы Энн ни замышляла, роман свой не брошу. Не стоило отлучаться даже на день».

Позади него продолжала верещать Глэдис:

— А вы слыхали о новых домах, которые сейчас начали строить? Прошлым вечером я предложила Чарли сходить посмотреть на них. Наш дом потерял вид, надо заново все красить и ремонтировать, но Чарли сказал, что эти новые дома — сплошное надувательство. Там что-то нечисто. И еще он сказал, что слишком долго занимался бизнесом, чтобы клюнуть на такую аферу. А вы, Мэйбл, видели эти дома или, может, читали о них?

— Я рассказывала вам о нашем клубе, — не унималась Мэйбл. — Один из наших членов, по всей вероятности, уже живет в будущем. Вы не находите это удивительным? Только представьте себе человека, который утверждает, что живет в будущем...

Глава 5

Перед дверью Энн остановилась.

— А теперь прошу тебя, Джей, запомни: его фамилия Крофорд. Не Крохэм, а Крофорд, и никак иначе.

Виккерс униженно пробормотал:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Она подошла к нему, подтянула галстук и щелчком сбила с отворота пиджака несуществующую пылинку.

— Потом пойдем и купим тебе новый костюм.

— У меня есть еще один костюм, — возразил Виккерс.

На дверях висела табличка: «Североамериканское исследовательское бюро».

— Одного не пойму, — возмутился Виккерс, — что общего между мной и сим бюро?

— Деньги, — сказала Энн. — У них они есть, а тебе они нужны.

Она открыла дверь, и он послушно последовал за ней, поймав, что Энн не только красивая, но и весьма способная женщина. Слишком способная. Она знала толк в книгах и цену издателям, угадывала вкусы читателя и разбиралась во всех тонкостях писательской профессии. Она сама могла найти верный путь и направить тех, кто ее окружал. Для нее не было большего наслаждения, чем слышать одновременно звонки трех телефонов или отвечать сразу на дюжину писем. Она вынудила его приехать сюда и, по всей вероятности, заставила Крофорда из Североамериканского бюро принять его.

— Мисс Картер, — сказала секретарша, — можете пройти. Мистер Крофорд ждет вас.

«Она покорила даже секретаршу», — подумал Виккерс.

Глава 6

Джордж Крофорд был человеком столь могучего сложения, что кресло, в котором он восседал, казалось игрушечным. Он сидел, сложив руки на животе, и говорил ровным бесстрастным голосом, лишенным всякого выражения. Виккерс подумал, что вряд ли встречал когда-либо человека неподвижнее. Крофорд не только не двигался, но даже и не пытался это делать. Он высился в кресле, похожий на громадную статую, и не столько говорил, сколько шептал, еле шевеля губами.

— Я познакомился с некоторыми вашими произведениями, мистер Виккерс, и нашел их превосходными.

— Счастлив узнать это, — ответил Виккерс.

— Три года назад я бы ни за что не поверил, что примусь за чтение художественной литературы и буду беседовать с настоящим писателем. Но сегодня нам необходим человек вашего плана. Я говорил с моим административным

советом, и мы пришли к выводу, что вы — именно тот, кто нам нужен.

Он замолчал и своими маленькими голубыми глазками в упор уставился на Виккерса.

— Мисс Картер сообщила мне, что вы весьма заняты в данный момент.

— Совершенно верно.

— У вас очень важная работа? — спросил Крофорд.

— Надеюсь, да.

— Однако то, что я хочу предложить вам, гораздо важнее.

— Это, — сухо возразил Виккерс, — смотря на чей взгляд.

— Я вам не очень нравлюсь, мистер Виккерс, — сказал Крофорд. Он не спрашивал, а констатировал, и это разозлило Виккерса.

— Я еще не составил о вас определенного мнения, — ответил он. — Тем более что меня совершенно не интересует ваше предложение.

— Прежде чем продолжать беседу, — сказал Крофорд, — я хотел бы вас предупредить, что она носит сугубо конфиденциальный характер.

— Мистер Крофорд, — ответил ему Виккерс, — я не любитель грошовых тайн.

— Это не грошовая тайна. — Впервые голос Крофорда утратил свою бесстрастность. — Речь идет о мире, стоящем на краю пропасти.

Виккерс удивленно взглянул на него. «Бог мой, — подумал он, — эта туша говорит вполне серьезно. Ему действительно кажется, что мир стоит на краю пропасти».

— Вы слышали о вечмобиле? — спросил Крофорд.

Виккерс кивнул:

— Мне сегодня предлагали его купить.

— А вы знаете, что существуют вечные бритвенные лезвия, зажигалки и электрические лампочки?

— Я имею такое лезвие, — сказал Виккерс, — и оно лучше всех тех, которые я когда-либо покупал. Не думаю, что оно

вечное, но пока я не правил его. А когда оно затупится, непременно куплю себе такое же.

— Если вы не потеряете свое лезвие, вам никогда не понадобится покупать другое, мистер Виккерс. Оно действительно вечное, как и машина, которую вам предлагали. Возможно, вы слышали и о домах?

— Я не в курсе дела.

— Речь идет о сборных домах, — пояснил Крофорд. — Их продают по пятьсот долларов за полностью обставленную комнату. Вам дают хорошую скидку за ваш старый дом и предоставляют рассрочку на оставшуюся сумму. Рассрочка эта значительно превосходит то, что может позволить себе нормальное кредитное общество. Обогрев домов и кондиционирование воздуха в них производятся с помощью солнечной батареи, которая на порядок лучше всех тех, что существовали до сих пор. Я мог бы рассказать и еще кое о чем, но, думаю, этого достаточно, чтобы вы получили общее представление о сложившейся ситуации.

— Мне кажется, дома — это хорошая идея. Долгие годы мы говорим о дешевом жилье. Быть может, это и есть то самое решение.

— Идея в самом деле хорошая, — согласился Крофорд, — и я бы стал ее самым горячим приверженцем, не повлекуи она за собой гибель энергетической промышленности. Солнечная установка дает тепло, свет, энергию для работ по дому. Стоит вам купить этот дом, и у вас отпадает нужда в электроснабжении. Эти дома лишат работы тысячи плотников, маляров, каменщиков, и они попадут в лапы людей из «Синтетических углеводов». В конце концов погибнет и лесная промышленность.

— Мне понятно, когда вы говорите об энергетической промышленности, — сказал Виккерс, — но как это может отразиться на строителях и лесной промышленности? Для строительства домов всегда будет необходимо дерево, как будут нужны и плотники для его обработки.

— В этих домах действительно используется дерево, и кто-то производит все связанные с ним работы, но мы пока не знаем кто.

— Неужели нельзя навести справки? — удивился Виккерс. — Ведь это не так и сложно. В торговых книгах должны быть записи. Наконец, где-то имеются заводы и фабрики.

— Компания существует, — признал Крофорд. — Но это торговая фирма. Мы были там и обнаружили лишь склады, где хранятся готовые конструкции до высылки покупателю. И все. Наши поиски предприятий-производителей не увенчались успехом. Они вписаны в накладные одной компании, название и адрес ее нам известны. Но никто и никогда не продал этой компании и щепки. Она не приобрела ни у кого ни одного гвоздя. У нее нет ни одного служащего. Фирма указывает, где расположены ее фабрики, эти местности существуют, но там нет никаких предприятий. И, если мы не ошибаемся, никто не переступал порога компании с тех пор, как мы взяли ее под наблюдение.

— Невероятно! — воскликнул Виккерс.

— Конечно, — согласился Крофорд. — Строительные материалы, из которых делают дома, где-то надо производить.

— Мистер Крофорд, позвольте задать вам один вопрос. Почему все это вас так интересует?

— Видите ли, я еще не решил, стоит ли вам говорить об этом.

— Понимаю, но все же мне хотелось бы получить от вас ответ.

— Я должен возвратиться несколько назад, чтобы вы правильно поняли мои намерения. Наши цели, если хотите наша организация, могут показаться смешными, если не знать их предыстории...

— Вы кого-то боитесь... — перебил Виккерс. — Вы не хотите признавать этого, но вы находитесь во власти какого-то животного страха.

— Как ни странно, я охотно это признаю. Но речь идет не обо мне лично, а о промышленности, о мировой промышленности.

— Вы думаете, — сказал Виккерс, — что те люди, которые делают и продают дома, производят и вечмобили, и зажигалки, и лампочки...

Крофорд кивнул.

— И углеводы... Стоит задуматься, и цепенеешь от ужаса. Кто-то уничтожает нашу промышленность и отнимает работу у миллионов людей, потом делает поворот на сто восемьдесят градусов и кормит эти миллионы людей, кормит их без анкет, бумагомарания и прочих бюрократических штук, которые всегда были отличительной чертой благотворительных организаций.

— Политический заговор?

— Больше того. Мы уверены, что ведется сознательное и хорошо организованное наступление на нашу экономику в мировом масштабе, налицо намеренная попытка подорвать социальную и экономическую основу нашего образа жизни и, следовательно, нашей политической системы. Наш образ жизни определяют капитал, будь он частный или государственный, и заработная плата, которую получают рабочие за свой повседневный труд. Устраните эти два фактора, и вы подорвете само основание нашего организованного общества.

— Вы сказали: «Мы уверены». Кого вы имеете в виду?

— Североамериканское бюро.

— Североамериканское бюро?

— Я чувствую, что заинтересовал вас, — заметил Крофорд.

— Просто я хочу знать, с кем имею дело, чего вы ждете от меня и о чем идет речь...

Крофорд не спешил с ответом.

— Именно это я и хотел сказать вам, когда предупредил о конфиденциальности нашей беседы.

— Не рассчитывайте, что я стану давать какие-то клятвы, — поспешил вставить Виккерс.

— Вернемся немного назад, — сказал Крофорд, — и займемся историей. Тогда станет ясно, кто мы и чем занимаемся. Вспомните о бритвенном лезвии. Незатупляющемся бритвенном лезвии. Новость о нем распространилась с невероятной быстротой, и буквально каждый мужчина приобрел себе такое лезвие. Вам известно, что нормальный человек бреется одним лезвием пять-шесть раз. Затем выбрасывает его и берет другое. Это означает, что он постоянно покупает новые лезвия. Следовательно,

производство бритвенных лезвий — очень выгодное дело. В этой отрасли были заняты тысячи людей, продажа лезвий давала некоторый заработок тысячам торговцев, кроме того, производство лезвий стимулировало выпуск определенных сталей. Иными словами, эта отрасль промышленности была одним из экономических факторов, который наряду с тысячами других схожих факторов формировал мировую промышленность в том виде, как мы ее понимаем. И что же случилось?

— Я, конечно, не экономист, но я могу предположить: теперь никто не покупает бритвенных лезвий. Производство бритвенных лезвий вылетело в трубу, не так ли?

— Ну, все это происходит несколько медленнее, чем вы думаете, — сказал Крофорд. — Крупная отрасль промышленности — сложный механизм, который мгновенно не умирает. Даже если ничего нельзя сделать и сбыт постепенно сходит на нет. Но вы правы, именно сейчас предприятия, выпускающие бритвенные лезвия, терпят крах... Затем появилась зажигалка. Казалось бы, мелочь, но в мировом масштабе она перестает быть мелочью. Происходит то же самое, что и с производством лезвий. Затем приходит очередь электрических лампочек. И опять мы наблюдаем тот же процесс. Три отрасли промышленности приговорены к смерти, мистер Виккерс. Эти три отрасли уничтожены. Вы сказали, что я боюсь, и я признаю это. Мы испугались после появления электрических лампочек. Ведь если кто-то может уничтожить три отрасли промышленности, то почему бы ему не уничтожить полдюжины, дюжину, сотню отраслей, а то и всю промышленность в целом? Мы объединились, и за словом «мы» скрывается промышленность не только Соединенных Штатов Америки, но и всего Американского континента, ряда стран Европы и Азии. Конечно, нашлись скептики, кое-кто отказался присоединиться к нам, но наша деятельность находит поддержку в деловых кругах всего мира. Как я уже говорил, я хочу, чтобы все это осталось между нами.

— В настоящий момент, — сказал Виккерс, — у меня нет никакого желания говорить с кем-либо на эту тему.

— Мы объединились, — продолжал Крофорд, — и в наших руках, как можете себе представить, сосредоточена значительная власть. Кое-что мы уже предприняли, кое-где нажали и кое — чего добились. Во-первых, ни одна газета, ни один журнал не рекламирует эти предметы и не публикует никакой информации о них. Во-вторых, ни один уважающий себя магазин не продает этих лезвий, зажигалок, лампочек.

— Вот почему они открыли свои собственные магазинчики!

— Конечно, — сказал Крофорд.

— Эти магазинчики множатся как грибы, — вставил Виккерс. — Один из них открылся на днях в Клиффвуде.

— Да, они открыли собственные магазинчики и стали практиковать новый вид рекламы: наняли тысячи мужчин и женщин, которые ходят и говорят каждому встречному: «Вы слышали об этих потрясающих товарах, которые недавно появились в продаже?.. Нет?.. Позвольте вам рассказать...» Принцип вам ясен. Нет лучше рекламы, чем реклама, построенная на личном контакте, но стоит она баснословно дорого. Мы поняли, что нам противостоят творческие, активные умы, располагающие практически неограниченным капиталом. Мы начали расследование. Пытались загнать этих людей в их логово, разузнать, кто они, как ведут дела и каковы их намерения. Но, как я вам уже сказал, наши усилия ни к чему не привели.

— Быть может, есть законные пути? — спросил Виккерс.

— Мы думали о них, но этих людей невозможно прижать. Налоги? Они их платят. Больше того, они делают это с охотой. Чтобы никто не лез в их дела, они платят даже сверх положенного. Корпоративные правила? Они скрупулезно их выполняют.

Социальное обеспечение? Они выплачивают громадные суммы, представляя длинные списки служащих, однако эти списки, по нашему убеждению, фиктивны. Но вы же не явитесь в Фонд социального обеспечения со словами: «Послушайте, тех людей, за которых они платят взносы, не существует». Есть и другие средства воздействия, но все они не действеннее этих; мы запутались в законодательных дебрях, и даже наши юристы не знают, как поступать.

— Мистер Крофорд, — сказал Виккерс, — все это очень интересно, но я все же не пойму, куда вы клоните. Вы сказали, что речь идет о заговоре против мировой промышленности с целью разрушить наш образ жизни. Но ведь вся история экономики содержит тысячи примеров жесточайшей конкуренции. Может, это тоже ее проявление?

— Вы забыли об углеводах, — возразил Крофорд.

— Вы правы, — признал Виккерс, — углеводы не оставляют камня на камне от моего предположения.

Из-за неблагоприятных погодных условий над отдельными странами нависла угроза голода. Конгресс Соединенных Штатов рассматривал вопрос о помощи с политических позиций — кому помогать и как, и вообще помогать ли. А в утренних газетах появилось сообщение о том, что одна лаборатория синтезировала углеводы. В статье не говорилось, что лабораторию эту никто не знает. Это стало известно позже. Лаборатория возникла из небытия буквально за одну ночь. Даже крупные дельцы, Виккерс сейчас вспомнил об этом, не поверили случившемуся, обозвав создателей синтетических углеводов шарлатанами.

Но это не были шарлатаны. Может быть, фирма и вела свои дела каким-то непонятным образом, однако отныне с ней следовало считаться. Через несколько дней после первого сообщения стало известно, что продукты ее производства не поступают в продажу, а раздаются бесплатно всем нуждающимся, которые по тем или иным причинам не имеют возможности заработать себе на пропитание. Продуктами снабжались не только голодающие, но и те, кто постоянно жил на грани голода, то есть та значительная часть человечества, которая хотя и не вымирает из-за отсутствия пищи, но подвержена болезням и отстает в своем развитии по причине постоянного ее недостатка.

Словно по мановению волшебной палочки в самых разных уголках земного шара возникли тысячи контор фирмы, и бедняки потекли туда рекой. Отдельные люди пользовались случаем без всяких оснований получать бесплатное питание, но служащие контор как бы не замечали этого.

Сами по себе синтетические углеводы не являлись полноценным пищевым продуктом. Но это было лучше, чем ничего, и во многих случаях деньги, сэкономленные на углеводах, помогали купить кусок мяса, которое давно исчезло со стола.

— Мы серьезно изучали вопрос об углеводах, — продолжал Крофорд, — и снова ничего не нашли. Мы убеждены, что их никто не производит, однако они существуют. В конторы они поступают со складов, но на складах не может храниться более двухдневного запаса. Мы не обнаружили даже следов фабрик и транспортных средств, кроме транспорта, который доставляет углеводы со складов в конторы. А вот откуда продукция поступает на склады, неизвестно. Такое впечатление, что она туда вообще не поступает. Как в старой сказке Хоторна о горшке, в котором никогда не кончалось молоко.

— А вы сами не можете производить углеводы?

— Я понял вашу мысль, — кивнул Крофорд. — Но мы не в состоянии это сделать, как не в состоянии производить автомобили или незатупляющиеся бритвенные лезвия. Наши инженеры и химики уже давно заняты изучением этого вопроса, но ни на шаг не продвинулись в решении проблемы.

— А что произойдет, когда безработным понадобится еще кое-что кроме пищи? — спросил Виккерс. — Когда их семьи окажутся в лохмотьях и возникнет нужда в новой одежде? Когда их выбросят на улицу?

— Думаю, что могу ответить на ваш вопрос. Появится еще одно филантропическое общество, которое даст им одежду и кров. Уже продаются дома по пятьсот долларов за комнату, и это чисто символическая цена. Почему бы не давать их даром? И почему бы не продавать одежду за десятую или двадцатую часть стоимости? Костюм за пять долларов, платье за пятьдесят центов...

— А вы не пробовали прогнозировать, какую следующую новинку они готовят?

— Мы пытались это сделать. Мы были уверены в скором появлении автомобиля. Как видите, так оно и случилось. Думали мы и о домах. Теперь очередь за одеждой.

— Пища, одежда, жилье, средства передвижения — четыре основные потребности человека.

— Кроме того, они располагают горючим и источником энергии, — добавил Крофорд. — Когда достаточное количество людей поселится в новых домах, снабженных солнечной энергией, придется распрощаться с обычными отраслями энергетической промышленности.

— Но кто же эти деятели? — спросил Виккерс. — Вы говорите, что не знаете их. Но есть ли хоть какое-то предположение?

— Ни малейшего. У нас имеются списки персонала и членов их административных советов. Но мы не можем найти этих людей.

— Может быть, это русские?

Крофорд отрицательно покачал головой:

— Нет, они тоже обеспокоены, хотя у них пока ничего подобного не наблюдается.

В первый раз Крофорд шевельнулся. Он снял руки с живота, схватился за ручки своего массивного кресла и встал.

— Кажется, вы не поняли, какая роль во всем этом отводится вам? — спросил он.

— Не понял.

— Мы не можем сразу, без какой-либо подготовки, заявить: «Люди! Перед вами союз мировых промышленных держав, борющихся за сохранение вашего образа жизни». Мы не можем сказать им о сложившейся ситуации. Нам рассмеются в лицо. Нельзя просто так объяснить людям, что вечный автомобиль и дом по пятьсот долларов за комнату обернутся для них катастрофой. Мы не можем этого сказать, но им необходимо это узнать. Мы хотим, чтобы вы написали об этом книгу.

— Не вижу... — начал Виккерс.

Но Крофорд прервал его на полуслове:

— Вы напишите так, словно сами обо всем узнали. Вы намекнете на хорошо информированные источники, не называя их. Мы предоставим вам материалы, но все должно исходить от вас.

Виккерс медленно поднялся и протянул руку за шляпой.

— Спасибо, что вы подумали обо мне, — сказал он, — но меня не интересует ваше предложение.

Глава 7

Энн Картер сказала Виккерсу:

— В один прекрасный день, Джей, я так рассвирепею, что разобью тебе голову. И тогда, может, узнаю, чем она набита.

— Мне нужно написать книгу, чем я и занят в настоящий момент. Ты имеешь что-нибудь против?

— Твоя книга может подождать. Ее ты всегда сможешь закончить. А вот эту, о которой шла речь, — нет.

— Давай-давай. Скажи, что я швырнул на ветер миллион долларов, ты ведь именно так считаешь?

— Ты мог содрать с них кругленькую сумму и заключить с издателем такой договор, что пальчики оближешь.

— И отложить в сторону свое самое великое произведение, — сказал Виккерс. — Остыть и, вернувшись к книге снова, понять, что душа к ней уже не лежит.

— Любая книга, которую ты пишешь, — то самое великое произведение. Джей Виккерс — ты жалкая тень писателя. Согласна, ты неплохо пишешь и твои чертовы книги хорошо расходятся, хотя иногда мне непонятно почему. Если бы ты не зарабатывал этим деньги, ты бы и строчки не написал. Скажи мне откровенно, зачем ты пишешь?

— Ты ответила сама. Ради денег. Раз ты так считаешь, значит, так оно и есть.

— Ну ладно, я — лицо заинтересованное.

— Боже мой, мы ругаемся так, будто давно женаты.

— Кстати, то, что ты никогда не был женат, доказывает, какой ты эгоист. Бьюсь об заклад, ты никогда и не думал о женитьбе.

— Думал однажды, — вздохнул Виккерс, — но это было очень давно.

— Ну-ну, урони голову на руки и порыдай. Уверена, это будет впечатляющее зрелище. Вот почему в твоих романах такие душераздирающие любовные сцены.

— Энн, во хмелю на тебя накатывает злость.

— Приходится пить, ты сам меня толкаешь на это. Как ты сказал: «Спасибо, что вы подумали обо мне, но меня не интересует ваше предложение».

— У меня было предчувствие, что тут дело нечисто, — упорствовал Виккерс.

— Ты весь в этом, — сказала Энн.

Она выпила вина.

— Под предлогом предчувствия ты не хочешь признать, что отказался от лучшего предложения в твоей жизни. Предложи мне такую сумму, я бы плюнула на все предчувствия.

— Не сомневаюсь, — сказал Виккерс.

— Вот уж этого тебе не следовало говорить. Плати, и пойдем. Провожу тебя до автобуса, и чтоб глаза мои тебя больше не видели.

Глава 8

Громадный плакат занимал почти все пространство необъятной витрины:

ДОМА НА ЛЮБОЙ ВКУС

500 долларов за комнату

БОЛЬШАЯ СКИДКА ЗА ВАШ СТАРЫЙ ДОМ

Через витрину был виден пяти- или шестикомнатный домик, его окружал небольшой, хорошо спланированный сад с лужайкой и солнечными часами. К дому примыкал гараж с флюгером в виде утки. На ровно подстриженном газоне стояли два белых садовых стула и круглый столик, а на дорожке сверкал новенький автомобиль.

Энн сжала руку Виккерса.

— Зайдем?
— Это, должно быть, то, о чем говорил Крофорд.
— У нас есть еще время до отхода твоего автобуса, — сказала Энн.

— Почему бы и нет? Может, присматривая дом, ты перестанешь говорить гадости.

— Будь это возможно, я бы поймала тебя на слове и вышла за тебя.

— И превратила бы мою жизнь в ад...

— Конечно, — нежно сказала Энн, — а зачем же еще выходить замуж за тебя?

Дверь захлопнулась за ними, сразу оборвав шум улицы, и они направились к дому, ступая по толстому зеленому паласу, который пружинил под ногами, словно лужайка.

Продавец увидел их и пошел навстречу.

— Мы проходили мимо, — произнесла Энн, — и решили зайти. Этот дом так привлекателен и...

— Это отличный дом, — заверил их продавец, — и его владельцы пользуются многими преимуществами.

— В витрине написано, что комната в нем стоит пятьсот долларов. Это правда? — поинтересовался Виккерс.

— Все спрашивают одно и то же. Люди не верят своим глазам.

— Так это верно? — продолжал настаивать Виккерс.

— Конечно, — ответил продавец. — Пятикомнатный дом стоит две с половиной тысячи долларов, десятикомнатный — пять. Но пока на десятикомнатные дома желающих мало.

— Что вы понимаете под словом «пока»?

— Дело в том, сэр, что эти дома можно расширять. К примеру, вы покупаете пятикомнатный дом, а через некоторое время замечаете, что вам нужна еще одна комната, мы приезжаем, производим замеры — и ваш дом становится шестикомнатным.

— Переделки стоят дорого? — спросила Энн.

— Отнюдь, те же пятьсот долларов за каждую новую комнату. Все остальное мы берем на себя.

— Эти дома — сборные? — снова спросила Энн.

— Кажется, их так называют, хотя это не совсем соответствует истине. Когда говорят о сборных домах, имеют в виду дома, которые собираются из отдельных конструкций; такая сборка занимает восемь — десять дней. В результате вы получаете только оболочку — без отопления, без каминов — словом, без начинки...

— Меня интересует эта дополнительная комната, — прервал Виккерс. — Вы сказали, что в случае необходимости вас следует вызвать и вы присоедините ее.

Продавец как-то сжался.

— Не совсем так, сэр. Мы не присоединяем ее. Мы трансформируем дом. У вас по-прежнему остается удобный дом, планировка которого отвечает самым последним достижениям домостроения. Иногда требуется полная трансформация дома, меняется расположение комнат и тому подобное. Конечно, — добавил продавец, — если вы хотите целиком трансформировать дом, лучше обменять его на новый. За все эти операции мы берем чисто условную плату в размере одного процента в год, не считая, разумеется, стоимости дополнительных комнат.

Он с надеждой посмотрел на них.

— Может быть, у вас уже есть дом?

— Крохотный коттедж в долине, — сказал Виккерс, — ничего особенного.

— Какова его цена, по вашему мнению?

— Пятнадцать — двадцать тысяч, но не думаю, что смогу продать его за эту цену.

— Мы вам дадим двадцать тысяч, — сказал продавец, — после оценки экспертами. Наши эксперты не очень придирчивы.

— Но, — возразил Виккерс, — мне не нужен дом больше чем из пяти-шести комнат. Он не будет стоить дороже двух с половиной — трех тысяч...

— О, это не имеет никакого значения, — ответил ему продавец. — Разницу мы вам выплатим наличными.

— Ну это уже совершенная бессмыслица!

— Вовсе нет. Мы готовы выплачивать нашим покупателям всю стоимость их домов, чтобы как можно шире знакомить людей с нашей продукцией. Иными словами, мы выплачиваем вам разницу, убираем ваш старый дом и возводим для вас новый. Все очень просто.

Энн обратилась к Виккерсу:

— Скажи, что тебя это не интересует. Дело выглядит слишком выгодным, а потому ты, конечно, отказываешься.

— Простите, мисс, — сказал продавец, — я не понял.

— У нас свои счета, — успокоил его Виккерс.

— А! Я уже говорил, что владелец дома пользуется рядом преимуществ.

— Расскажите нам о них, пожалуйста, — сказала Энн. — Это интересно.

— Охотно. В доме установлен солнечный генератор. Вам известно, что это такое?

Виккерс утвердительно кивнул:

— Установка, преобразующая солнечную энергию в электрическую.

— Совершенно верно, — сказал продавец. — Однако наш генератор значительно превосходит все установки такого рода. Он круглый год снабжает дом электроэнергией. Вы перестаете нуждаться в коммунальных услугах. Более того, генератор производит громадное количество энергии, значительно большее, чем вам может понадобиться.

— Чудесно, — сказала Энн.

— Дом полностью оборудован. В нем устанавливаются холодильник с морозильной камерой, стирально-сушильная и посудомоечная машины, мусородробилка, тостер, вафельница, радиоприемник, телевизор и прочая аппаратура.

— За особую плату, конечно? — обронил Виккерс.

— Вовсе нет. Все те же пятьсот долларов за комнату.

— А кровати, — спросила Энн, — кресла и остальная мебель?

— Увы, — сказал продавец, — мебель вы должны покупать сами.

— А сколько стоит разборка старого и установка нового дома? — спросил Виккерс.

Продавец с достоинством расправил плечи.

— Поймите, речь идет о честном предложении. Никакого обмана. Вы покупаете дом или даете распоряжение о его оплате по пятьсот долларов за комнату. Наши бригады специализированных рабочих разбирают ваш дом и устанавливают новый. В указанную нами цену входит абсолютно все. Никаких дополнительных платежей. Правда, иногда покупатели хотят сменить место жительства. В этом случае нам всегда удастся договориться с ними о приемлемом обмене их старого владения на новое. Я полагаю, вы хотите остаться там же. В долине. Очень красивое место.

— Не уверен, — сказал Виккерс.

— Я кое-что упустил, — продолжал продавец. — Наши дома не требуют окраски. Они построены из материала, который никогда не меняет своего цвета. У нас большой выбор приятных оттенков.

— Простите, что мы отняли у вас время, — сказал Виккерс. — Мы не клиенты, а просто прохожие.

— Но у вас есть дом?

— Да, есть.

— Мы готовы заменить его на новый и выплатить вам кругленькую сумму...

— Я это уже слышал, — сказал Виккерс, — но...

— Мне кажется, — перебил его продавец, — что вы должны уговаривать меня, а не я вас...

— У меня есть дом, который мне нравится. Откуда мне знать, будет ли мне хорошо в вашем новом доме?

— Но, сэр, — сказал продавец, — я не объяснил...

— Я привык к своему дому. Привык, и он платит мне тем же. Я очень привязался к нему.

— Джей Виккерс! — воскликнула Энн. — Так привыкнуть к дому за три года? Слушая тебя, можно подумать, что речь идет о родовом замке.

Виккерс продолжал упорствовать:

— Я его чувствую, я его знаю. В столовой скрипит одна половица, и я иногда специально наступаю на нее, чтобы услышать ее скрип. В виноградной лозе над террасой живут два снегиря, а в подвале поселился сверчок. Я искал его, но не нашел: он оказался хитрее меня. А теперь я ни за что не трону его, он стал частью дома и...

— В наших домах вас никогда не будут беспокоить сверчки. Материалы, из которых сделан дом, содержат инсектициды. Вас никогда не будут беспокоить комары, муравьи, сверчки и любая другая живность.

— Но сверчок вовсе не мешает, — возразил Виккерс. — Об этом-то я и толкую. Более того, я уверен, что не смогу жить в доме, где не могут водиться сверчки. Мыши — дело другое.

— Уверяю вас, — заявил продавец, — мышей в наших домах не бывает.

— У меня их тоже не будет. Я вызвал специального человека, и он уничтожит их.

— Я еще хочу спросить вас, — обратилась Энн к продавцу, — вы говорили о стиральной машине, холодильнике...

— Разумеется.

— Но вы ничего не сказали о плите...

— Разве? — удивился продавец. — Как я мог о ней забыть? Конечно, мы устанавливаем и плиту.

Глава 9

Когда автобус прибыл в Клиффвуд, уже начало темнеть. Виккерс купил газету и перешел на другую сторону улицы, где находилось единственное в городе приличное кафе.

Он заказал ужин и только развернул газету, как услышал пронзительный голосок:

— О, мистер Виккерс!

Виккерс опустил газету. Перед ним стояла Джейн, девушка, с которой он завтракал утром.

— А, Джейн, добрый вечер, — сказал он. — Что ты тут делаешь?

— Мы с мамой пришли купить мороженого. — Джейн влезла на стул и уселась напротив него. — А где вы были целый день, мистер Виккерс? Я приходила к вам, но там был один человек, и он не хотел меня пускать. Он сказал, что травит мышей. Зачем он травит мышей, мистер Виккерс?

— Джейн, — раздалось над головой.

Виккерс поднял глаза. Рядом стояла элегантная цветущая женщина и улыбалась ему.

— Она вам не мешает, мистер Виккерс?

— Ни капельки, она так мила.

— Я — миссис Лесли, — произнесла женщина. — Мать Джейн. Мы с вами уже давно стали соседями, а познакомиться как-то не довелось.

Она присела к столу.

— Я прочла несколько ваших книг, — сказала она, — они мне очень понравились. Но я прочла не все. Ужасно мало времени.

— Благодарю вас, миссис Лесли, — сказал Виккерс.

«А она ведь решит, — подумал он, — что я благодарю ее за то, что она соизволила прочесть мои книги».

— Я давно собиралась зайти к вам, — призналась миссис Лесли. — Мы организуем клуб фантазеров, и ваше имя — в моем списке.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Я ограничен во времени. И придерживаюсь нерушимого правила — ни в чем не принимать никакого участия.

— Но, — возразила миссис Лесли, — мы там будем заниматься тем же, чем и вы.

— Спасибо, что подумали обо мне.

Она смущенно улыбнулась.

— Вы считаете нас сумасшедшими, мистер Виккерс?

— Нет, ни в коем случае.

— Тогда взрослыми детьми?

— Ну, если вы именно так формулируете свою мысль, — сказал Виккерс, — я соглашусь с вами. Ваша затея мне действительно кажется ребячеством.

«Вот я и совершил промашку, — подумал он. — Теперь она представит дело так, будто это мои слова, а не ее. Все соседи будут знать, что именно я назвал идею клуба ребячеством».

Но слова Виккерса, казалось, не задели ее.

— Если у человека каждая минута на счету, то наша затея, может, и покажется ему ребячеством. Однако специалисты считают, что такой клуб — прекрасное средство занять себя вне дома.

— Не сомневаюсь, — сказал Виккерс.

— Нужно много работать. Когда вы выбираете эпоху, в которой хотели бы жить, надо все о ней читать, все выискивать и день за днем вести дневник: со всеми подробностями, а не одной-двумя фразами описывать свое ежедневное воображаемое времяпрепровождение, чтобы всем было интересно это слушать.

— В истории было много увлекательных эпох, — сказал Виккерс.

— Как приятно слышать это! — воскликнула миссис Лесли. — Вы не можете указать мне одну из них? Например, какую бы эпоху выбрали вы сами, мистер Виккерс?

— Простите меня. Я никогда не задумывался над этим.

— Но вы же сказали, что их много.

— Конечно. И все же, если хорошенько подумать, наша эпоха не менее увлекательна, чем другие.

— Но сейчас ничего не происходит.

— Напротив, именно сейчас происходит много интересного, — возразил Виккерс.

Он испытывал жалость к этим взрослым людям, которые притворялись, что живут в другом веке, и во всеуслышание заявляли, будто не могут жить в своем времени. Они

прикрывали свою внутреннюю пустоту желанием хоть на мгновение окупиться в затхлое очарование чужой жизни.

Он вспомнил разговор двух женщин, сидевших позади него в автобусе. Какое удовлетворение можно получить от воображаемой жизни во времена Пеписа? Жизнь самого Пеписа была заполнена скитаниями, самыми разными встречами. Крохотные таверны, где можно получить кусок сыра и кружку вина, представления, сборища, разговоры далеко за полночь и, наконец, множество всяких забот, столь же естественных для Пеписа, сколь неестественных для этих фантазеров.

Их движение стало бегством от действительности, но от чего именно? Может, от неуверенности в себе? Они жили в повседневном напряжении, которое не оставляло их в покое ни на минуту, хотя и не перерастало в страх. Возможно, их постоянно мучило неосознанное сомнение, а такое состояние духа не могли компенсировать никакие ухищрения технологической эпохи.

— Мороженое нам уже, наверное, упаковали, — заторопилась миссис Лесли, беря перчатки и сумочку. — Буду рада видеть вас как-нибудь вечером у нас, мистер Виккерс.

Виккерс встал вместе с ней.

— Непременно как-нибудь зайду, — пообещал он.

Он знал, что никуда не пойдет, а она не хотела, чтобы он приходил, но такова была обязательная формула вежливости.

— Пойдем, Джейн, — сказала миссис Лесли. — Я очень рада, что наконец познакомилась с вами, мистер Виккерс.

Не дожидаясь ответа, она удалилась.

— Дома сейчас все хорошо, — успела шепнуть Джейн. — Мама с папой помирились.

— Рад за тебя, — сказал Виккерс.

— Папа обещал больше не ухаживать за женщинами, — добавила Джейн.

— Счастлив слышать это, — ответил Виккерс.

Мать окликнула ее через зал:

— Мне надо идти!

Джейн торопливо сползла со стула и бегом бросилась за матерью. Прежде чем скрыться за дверью, девочка обернулась и помахала ему рукой.

«Бедняжка, — подумал он. — Что ее ждет? Будь у меня такая дочь...» Он тут же прогнал эту мысль. У него не было дочери. У него была полка с книгами, его ждала рукопись — его надежда и возможный успех. И вдруг все показалось ему таким ничтожным, включая и его лишенный смысла успех. «Книги и рукописи, — думал он, — можно ли строить жизнь только на этом?»

Перед ним, как и перед каждым сейчас, стояла проблема, как жить дальше. Долгие годы мир находился в страхе перед возможной войной. Вначале была безысходность, бегство от окружения и от себя, потом чувство обреченности притупилось, оставив какую-то саднящую ранку в глубине души, его перестали замечать, сжились с этой ноющей болью...

«И ничего странного в появлении фантазеров нет», — сказал он себе. Он и сам жил вне действительности со своими книгами и рукописями.

Глава 10

Он поискал ключ под цветочным горшком на террасе, но его там не оказалось. И он вспомнил, что оставил дверь открытой, чтобы Джо мог попасть в дом.

Он повернул дверную ручку и вошел, на ощупь в темноте добрался до стола и зажег лампу. Под лампой лежал клочок белой бумаги, на котором размашистым почерком было написано:

«Джей, я все сделал и проветрил дом. Плачу сотенную за каждую пойманную мышь.

Джо».

Он услышал шорох и, повернувшись, заметил, что на террасе кто-то покачивался в его любимом кресле-качалке.

Зажженная сигарета выписывала в темноте замысловатые кривые.

— Это я, — раздался голос Гортон Фландерса. — Вы уже поужинали?

— Я перекусил в поселке.

— Жаль, я принес бутерброды и пиво. Я думал, вы будете голодны, и, зная вашу любовь к стряпне...

— Спасибо, — сказал Виккерс, — пока я сыт. Может, поедим попозже.

Бросив шляпу на стол, он вышел на террасу.

— Я занял ваше место, — забеспокоился Фландерс.

— Ничего страшного, — ответил Виккерс.

— Какие новости? У меня дурная привычка не заглядывать в газеты.

— Ничего нового. Все те же разговоры о войне.

— Они не прекращаются уже добрых тридцать лет. Но пока все же дело ограничивалось локальными конфликтами. Правда, мировая война могла вспыхнуть по меньшей мере раз двенадцать.

— Я как-то никогда об этом не задумывался, мистер Фландерс. Однако, полагаю, никому не хочется воевать, — сказал Виккерс.

— Так-то оно так, да не всегда стремление к миру позволяет предотвратить войну. Сколько раз великие державы оказывались перед выбором — начать войну или уступить. И они всегда уступали. Однако так происходит лишь последние тридцать лет. Вам не кажется, мистер Виккерс, что появился какой-то новый фактор?

— Я, пожалуй, не вижу никакого нового фактора. Человек остался человеком. Люди не всегда воевали. В 1945 году они закончили самую страшную в истории войну.

— С тех пор возникало немало поводов, вспыхивали местные конфликты, но не мировая война. Как вы думаете почему?

— Мне трудно сказать.

— А я считаю, что все дело в появлении нового фактора.

— Может, это страх перед новыми видами оружия?

— Может, и так, — согласился Фландерс, — но страх — удивительное чувство. Он в равной мере может и вызвать войну, и помешать ей. Однако не думаю, мистер Виккерс, что страх является единственной причиной поддержания мира.

— Вы полагаете, существует некий психологический фактор?

— Не исключено, — ответил Фландерс, — как не исключено и вмешательство.

— Вмешательство? Чье?

— Затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Но я уже давно одержим этой мыслью, и не только в связи с последними событиями. Столетие назад с нашим миром что-то произошло. До тех пор наблюдался медленный прогресс, почти не менялся образ мыслей. И вдруг мелко семенившее человечество двинулось вперед семимильными шагами. Люди изобрели автомобиль, телефон, кино, летательные аппараты. Появились радио, телевидение... И четверти века не понадобилось, чтобы классическая физика уступила место новой форме мышления. Человеческий разум принял свое невежество как должное, столкнувшись с атомом и электронами. Появились такие науки, как атомная физика, квантовая электроника. Физики вдруг набрались храбрости и заявили, что не знают, почему электроны ведут себя именно так, а не иначе.

— Вы хотите сказать, — прервал его Виккерс, — произошло нечто, что сбilo человека с его пути? Но так случается не впервые. Был Ренессанс, и была промышленная революция.

— Я не утверждаю, что это произошло впервые, — ответил Фландерс. — Я только сказал, что это имеет место. Тот факт, что нечто подобное уже случалось, только доказывает некую закономерность. Значит, мы являемся свидетелями какого-то явления. Но кто пришпорил выдохшуюся лошадь цивилизации и заставил ее галопом рвануться вперед, да

так, что она, не выказывая усталости, не снижает скорости уже добрую сотню лет?

— Вы говорите о вмешательстве, — сказал Виккерс. — И дали волю своей фантазии. Может, вы думаете, что это какие-нибудь марсиане?

Фландерс отрицательно покачал головой:

— Нет, не марсиане. У меня возникла более общая идея.

Он указал сигаретой на усеянное звездами ночное небо.

— Там должны находиться неисчерпаемые источники знания. Повсюду в этом пространстве, окружающем нашу Землю, должны жить разумные существа, об уровне развития их науки мы можем только догадываться. Какая-то часть знаний, которыми они располагают, может оказаться полезной людям Земли.

— Вы имеете в виду пришельцев?

— Нет, — ответил Фландерс. — Я считаю, что источник знания ждет нас на месте. Ждет, пока мы сможем добраться до него.

— Но звезды слишком далеко...

— Не исключено, что нам не понадобятся ракеты. Нам не придется летать, а мы сможем попасть туда с помощью разума...

— Телепатия?

— Возможно, это ближе к действительности. Разум, который исследует и ищет; разум, который пытается вступить в контакт с другим разумом. Если телепатия существует, то расстояния роли не играют — полмили или световой год, какая разница? Разум не подчиняется физическим законам, а следовательно, может путешествовать со сверхсветовой скоростью.

Виккерс смущенно засмеялся — он почувствовал, как по затылку ползут невидимые мурашки.

— Вы шутите, — сказал он.

— Возможно, — согласился Фландерс. — Наверно, я — просто эксцентричный старик, любящий побеседовать с человеком, который не очень смеется над его словами.

— А имеются ли какие-либо доказательства применимости и пользы знаний, о которых вы говорили? Ведь они могут оказаться чуждыми для нас, потребуют иной логики мышления, будут касаться иных проблем и использовать иные понятия, которые мы не в состоянии осмыслить.

— В основном вы правы, — сказал Фландерс. — Придется прибегнуть к какому-то отсеvu. Но среди плевел окажутся и зерна. Так, например, если будет обнаружено средство, исключающее трение, появятся вечно работающие машины, появятся...

— Минуточку! — нервно воскликнул Виккерс. — К чему вы клоните? Почему вы говорите именно о вечно работающих машинах? У нас они уже появились. Утром я говорил с Эбом...

— А! Вечмобиль... Именно его я и имел в виду, мистер Виккерс.

Глава 11

Еще долго после ухода Фландерса Виккерс сидел в своем кресле и курил, рассматривая кусочек неба между оградой и крышей террасы... Он видел бесчисленные блески звезд и думал, как трудно, да и вообще возможно ли оценить расстояние между ними и время, необходимое, чтобы его преодолеть.

Фландерс был старым человеком, и его потертый пиджак, деревянная трость и изысканная манера речи наводили на мысль о былых временах. Мог ли он знать и знал ли о том, что накоплено на далеких звездах?

Подобные разговоры мог вести любой мечтатель. Что он еще сказал? Что-то о вмешательстве. Но все его рассуждения носят отвлеченный характер. Фландерс ищет в них убежища от действительности. Туманные рассуждения помогают ему забыть об унылом существовании.

«Вот и я, — подумал Виккерс, — тоже начал фантазировать. Что я знаю о жизни этого эксцентричного старика?»

Он встал с кресла и вошел в гостиную. Выдвинул стул, уселся перед рабочим столом, поглядел на пишущую машинку, стоявшую с немим укором, — останься он дома на целый день, к рукописи прибавилось бы еще немного.

Виккерс взял несколько страниц, хотел было их перечитать, но почувствовал, что потерял к ним интерес, и вдруг испугался: неужели ушло вдохновение, заставлявшее его писать каждый день? Он не мог противиться внутренней потребности освободить свой мозг от накопившихся мыслей и тем самым вновь

обрести ясность мышления. Он воспринимал необходимость писать, как неизбежное покаяние, после которого снова можно спокойно жить.

Он отказался писать книгу для Крофорда, сказав, что она не интересует его, и это было правдой, ибо он мечтал вернуться домой, к своей рукописи, оставшейся на столе.

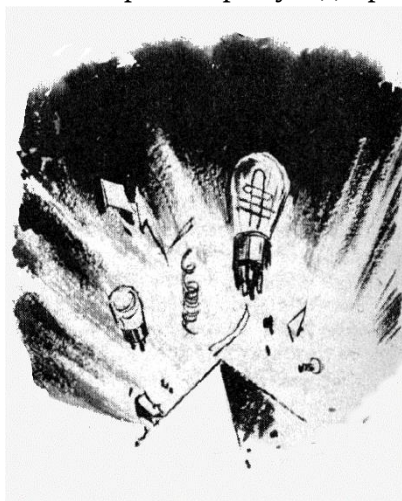
Но рукопись была не единственной причиной отказа — на него подействовало и еще что-то. «Предчувствие», — сказал он Энн, и та подняла его на смех. А у него на самом деле было предчувствие, более того, ощущение опасности, страха, словно рядом стоял его двойник и умолял как можно быстрее уйти оттуда.

Рассуждая логически, он не должен был ощущать страха. У него не было никаких причин отказываться от предложения Крофорда. Деньги оченьгодились бы. И Энн получила бы хорошие комиссионные. Отказ противоречил здравому смыслу. И все же он отказался без малейшего колебания.

Он положил страницы поверх стопки, встал и задвинул стул.

Шорох скользящего по ковру стула словно послужил сигналом — в темном углу послышался топот, кто-то перебежал в другой угол. И все стихло — только через открытую дверь доносилось шуршание виноградной лозы, которая, качаясь, задевала за накомарник, натянутый вокруг террасы. Затем лоза перестала качаться, и в доме стало совсем тихо, сверхъестественно тихо, словно весь дом замер, ожидая, что произойдет дальше.

Виккерс медленно повернулся и окинул взглядом комнату. Он поворачивался

очень осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума и в то же время не показаться кому-то смешным.

Мышей быть не могло. Джо гарантировал. Кто же тогда мог бегать из угла в угол?

Ничто не нарушало тишины. Даже не тишины, а какого-то мертвого оцепенения: казалось, кто-то, сдерживая дыхание, затаился во тьме.

Двигая только глазами — ему чудилось, стоит повернуть голову, как хруст шейных позвонков навлечет на него опасность. — Виккерс осматривал комнату, внимательно вглядываясь в темные углы, куда не доставал свет лампы. Он осторожно завел руки за спину, чтобы ухватиться за край стола, опереться на что-нибудь твердое. Пальцы его правой руки наткнулись на металлический предмет, и он угадал в нем пресс-папье, которое снял с рукописи, когда сидел за столом. Он схватил его и зажал в руке — теперь он был вооружен.

Кто-то притаился в углу возле желтого кресла, и, хотя это существо не имело глаз, Виккерс чувствовал, что за ним наблюдают. Существо еще не знало или не хотело знать, что его заметили, но такое положение не могло длиться долго.

— Вот тебе! — крикнул Виккерс и с силой метнул пресс-папье в угол.

И тут же послышался звон катящихся по полу металлических деталей.

Глава 12

Перед Виккерсом лежала груда обломков: разбитые крохотные радиолампы, перепутанные провода, потрескавшиеся кристаллы, помятый металлический корпус, в котором помещалась вся эта таинственная механика, совершенно неизвестная ему.

Он подвинул к себе настольную лампу, чтобы лучше рассмотреть собранные с пола предметы, и нерешительно трогал их пальцем.

Оказывается, вовсе не мыши разгуливали ночью по дому. И кошка боялась этого незнакомого предмета, обходившего мышеловки.

Судя по всему, это было какое-то электронное устройство. «Электронный шпион, — догадался Виккерс, — который движется, слушает, наблюдает за мной, записывает все, что видит и слышит, а потом кому-то передает добытую информацию. Но кому? И зачем? А может, это что-то совсем другое и его присутствие объясняется очень просто, а может, и вовсе необъяснимо. Будь это электронный соглядатай, мне не удалось бы застигнуть его врасплох. Ясно одно: шорохи и шаги, которые месяцами слышались по ночам, отнюдь не мышиная возня».

Однако всякий шпион ведет наблюдения, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Тем более подобное устройство. Его нельзя было бы обнаружить, не пожелай оно открыться.

Не пожелай оно открыться... Он сидел за столом, потом встал, отодвинул стул. И только тогда услышал топот. Если бы оно не побежало, он никогда и не заметил бы его. Да и для бегства не было причин: в комнате было темно, светила лишь настольная лампа, к тому же этот соглядатай находился у него за спиной.

Теперь Виккерс был уверен, что устройство сознательно обнаружило себя, сознательно побежало по комнате, привлекая к себе внимание, и не пыталось скрыться, когда его заметили.

Он снова сел, на лбу выступил холодный пот, но он даже не поднял руки, чтобы стереть его.

Оно хотело, чтобы его заметили... Оно хотело, чтобы он узнал о нем. Конечно, не оно само хотело этого, а организация или человек, которые стояли за всем этим и поместили эту штуку в его дом. Несколько месяцев шпион гулял по дому, слушал, наблюдал, теперь настало время сказать ему, что за ним наблюдали.

Но для чего и кто?

Он подавил растущее чувство панического страха и заставил себя остаться сидеть.

«Это явно связано с событиями сегодняшнего дня, — подумал он. — Сегодня что-то произошло, и те, кто наблюдал за мной, решили, что пора ввести меня в курс дела».

Он перебрал в памяти все события дня.

Соседская девочка, которая зашла позавтракать.

Воспоминание о прогулке двадцатилетней давности.

Газетная статья о множественности миров.

Вечномобиль.

Беседа двух женщин в автобусе.

Крофорд и его рассказ о загнанном в угол мире.

Дома по пятьсот долларов за комнату.

Миссис Лесли и организованный ею клуб.

Мистер Фландерс, утверждающий, что какой-то новый фактор оберегает мир от войны.

Мышь, которая оказалась электронным согладатаем.

Но это было не все. Сам не зная почему, он был уверен, что упустил какой-то важный факт, который следовало поставить в один ряд с сегодняшними событиями.

Был Фландерс, который говорил, что интересуется магазинчиками, что его заинтриговала история с углеводами, что он уверен в развитии каких-то событий.

А вечером, сидя на террасе, старик рассуждал о запасе знаний в иных звездных мирах, о факторе, который предохранял мир от войны, и о факторе, который может помочь вывести человечество из тупика, указав ему путь дальнейшего развития. Фландерс подчеркнул, что его рассуждения носят общий характер.

Но были ли они столь общими?

Или Фландерс знал значительно больше, чем говорил?

А если знал, то что именно?

Виккерс отодвинул стул и встал. Он взглянул на часы — было два часа ночи.

«Тем хуже, — подумал он. — Пришло время объясниться. Даже если придется выломать дверь и вытряхнуть

Фландерса из постели в ночной рубашке — он был уверен, что Фландерс спал не в пижаме, — я должен узнать все».

Глава 13

До дома Фландерса было еще далеко, когда Виккерс заметил неладное. Во всех окнах от подвалов до чердаков горел свет. По саду двигались люди с фонарями, посреди улицы о чем-то спорили несколько мужчин, на террасах домов видны были женщины и дети в наброшенных наскоро халатах. Все это выглядело так, будто они ждут послеполуночного парада, который вот-вот откроет шествие по улице.

Возле ограды стояла группа людей; свернув к ним, Виккерс узнал знакомые лица. Среди них были Эб, Джо и владелец аптеки Вик. Они поздоровались.

— Что случилось? — поинтересовался Виккерс.

— Исчез старик Фландерс, — ответил Вик.

— Служанка поднялась к нему ночью, чтобы дать лекарство, — пояснил Эб, — но Фландерса в комнате не оказалось. Она поискала его, а потом пошла за помощью.

— Поиски уже начали? — спросил Виккерс.

— Только вокруг дома, — ответил Эб, — но теперь надо расширить круг и организовать систематическое прочесывание местности.

Владелец аптеки добавил:

— Мы думали, он решил прогуляться по саду и у него случился приступ. Поэтому вначале искали только здесь.

— Мы обшарили весь дом сверху донизу и каждый ярд в саду, — сказал Джо. — И никаких следов.

— Может, он решил пройтись, — предположил Виккерс.

— Какой здравомыслящий человек станет гулять после полуночи? — возразил Джо.

— Мне кажется, он был немного не в своем уме, — сказал Эб. — Я ничего не хочу сказать плохого, скорее наоборот. В жизни не встречал человека вежливее. Но было в нем что-то странное.

Приблизилась фигура с фонарем.

— Ну что, начнем? — спросил мужчина.

— Конечно, шериф, — откликнулся Эб. — Мы в вашем распоряжении. Ждали, пока вы все организуете.

— Ладно, — сказал шериф, — в темноте много не сделаешь, но через пару часов рассветет. Сейчас организуем несколько поисковых групп. Часть из них прочешет город — все улицы и переулки, а остальным, пожалуй, следует отправиться к реке.

— Мы согласны, — ответил за всех Эб, — скажите, что делать, и начнем.

Шериф поднял фонарь повыше и посмотрел на них.

— А! Джей Виккерс? Рад вас видеть здесь. Нам нужны все мужчины.

Виккерс солгал, сам не зная почему:

— Я услышал шум и решил узнать, в чем дело.

— Кажется, вы хорошо знали этого старика? Лучше, чем все остальные.

— Он заходил поболтать со мной почти каждый день.

— Знаю. Мы заметили это. Ни с кем другим он особенно не разговаривал.

— Нас интересовали общие темы, — объяснил Виккерс. — Мне кажется, он чувствовал себя очень одиноким.

— Его служанка сказала, что он заходил к вам вчера вечером.

— Совершенно верно, — подтвердил Виккерс. — Он ушел сразу после полуночи.

— Вы не заметили ничего необычного в его поведении, в его словах?

— Ну-ну, шериф, — вмешался Эб, — уж не думаете ли вы, что Джей имеет к этому какое-то отношение?

— Нет, — ответил шериф, — не думаю. — Он опустил фонарь и добавил: — Если хотите, направляйтесь к реке, разделитесь на две группы и пройдите вниз и вверх по течению. Не думаю, что вы что-нибудь обнаружите, но кто знает. Возвращайтесь к рассвету. Тогда возьмемся за дело всерьез.

Шериф повернулся, поднялся на кирпичный тротуар и удалился, размахивая фонарем.

— Наверно, — сказал Эб, — нам тоже пора. Я спущусь вниз по реке с одной группой, а Джо с другой пусть идет вверх по течению. Согласны?

— Я согласен, — ответил Джо.

Они миновали ограду, прошли по улице до перекрестка и направились к мосту. Там остановились.

— Отсюда мы пойдем в разные стороны, — скомандовал Эб. — Кто пойдет с Джо?

Несколько человек подошли к Джо.

— Ну вот, — сказал Эб, — а остальные за мной.

Они спустились к берегу реки, где стоял холодный и влажный туман, в темноте слышался плеск воды. Какая-то ночная птица прокричала где-то на другом берегу.

— Мы найдем его, Джей? — спросил Эб.

Виккерс помедлил с ответом:

— Нет, не думаю. Не могу сказать почему, но почти уверен, что не найдем.

Глава 14

Виккерс вернулся домой только к вечеру. Открыв входную дверь, он услышал телефонные звонки и поспешил снять трубку. Звонила Энн Картер.

— Я пытаюсь поймать тебя с самого утра. Прямо-таки извелась. Где ты был?

— Искал человека, — сказал Виккерс.

— Джей, мне не до шуток.

— А я не шучу. Пропал один мой сосед — старик. Я участвовал в его поисках.

— Нашли?

— Нет.

— Жаль, — сказала Энн. — А что, симпатичный человек?

— В высшей степени.

— Может, вы его еще найдете?

— Возможно, — ответил Виккерс. — Что тебя так взволновало?

— Помнишь, о чем говорил Крофорд?

— Он о многом говорил.

— Я имею в виду прогноз на ближайшее будущее. Помнишь?

— Боюсь, что нет.

— Он сказал, что очередь за одеждой. Платья за пятьдесят центов.

— Теперь припоминаю.

— Так вот, это произошло.

— Что произошло?

— В продажу поступили такие платья. Правда, не по пятьдесят центов, а по полтора доллара.

— Ты уже купила себе?

— Нет, Джей, мне стало страшно. Я шла по Пятой авеню и увидела в витрине табличку, совсем скромную табличку, где было написано, что здесь за полтора доллара можно купить платье, сшитое на манекенщицу. Джей, ты когда-нибудь видел на Пятой авеню платья за полтора доллара?

— Нет, никогда.

— Это было такое красивое платье, — говорила Энн. — Оно все переливалось. И это были не блески и не нити, блестя сама ткань. словно живая. А цвет... Джей, это было самое красивое платье, которое я когда-либо видела, и я могла купить его всего за полтора доллара. Но не решилась. Я вспомнила слова Крофорда, и у меня по спине поползли мурашки.

— Жаль, — усмехнулся Виккерс. — Успокойся и возвращайся туда завтра утром, может, оно еще не продано.

— Но речь идет совершенно о другом, неужели ты не понимаешь, Джей? Слова Крофорда подтверждаются. Значит, он говорил всерьез, заговор действительно существует, и мир находится в отчаянном положении.

— А что же ты хочешь от меня?

— Не знаю, Джей. Я подумала, что тебя это заинтересует.

— Меня это очень интересует, — ответил Виккерс.

— Джей, что-то происходит.

— Успокойся, Энн. Конечно, что-то происходит.

— Но что, Джей? Крофорд явно не все сказал.

— Я сам не знаю что, но что-то небывалое. Это выше нашего понимания. Мне надо поразмыслить над этим.

— Джей, — сказала она, в ее голосе уже не было прежней тревоги, — мне стало лучше. Я рада, что поговорила с тобой.

— Пойди завтра утром в магазин и купи охапку этих полуторадолларовых платьев. Только приходи пораньше, до толпы.

— До толпы? Не понимаю.

— Послушай, Энн. Как только эта новость станет известна, Пятую авеню запрудит такая толпа любителей дешевых распродаж, какой ты никогда не видела.

— Ты прав, Джей. Ты позвонишь мне завтра?

— Позвоню.

Они попрощались, и Джей повесил трубку. Некоторое время он стоял на месте, размышляя, что делать дальше. Следовало приготовить обед, сходить за газетами, просмотреть почту.

Он вышел наружу и по дорожке дошел до почтового ящика. Перебрал пачку лежавших там писем, но уже стало темно и трудно было разобрать отправителей. «Проспекты, — подумал Виккерс, — и счета. Месяц только начался, а их уже куча».

Он вернулся в дом, зажег настольную лампу и положил письма перед собой. На столе все еще лежали обломки, которые он подобрал с пола прошлым вечером. Глядя на них, он не верил, что все случилось только накануне, ему казалось, что с того момента, как он швырнул пресс-папье и разбитые детали градом посыпались на пол, прошло уже очень много времени.

Он стоял на том же месте, что и вчера, и чувствовал — разгадка совсем рядом, но не знал, где ее искать.

Снова зазвонил телефон. Это был Эб.

— Ну, что вы скажете?

— Не знаю, что и подумать, — ответил Виккерс.

— Он определенно в реке. Где ему еще быть? Я сказал об этом шерифу. Завтра с восходом солнца они начнут тралить реку.

— Не знаю, — проговорил Виккерс, — может, вы и правы, но не думаю, что он умер.

— Почему?

— По правде говоря, у меня нет никаких оснований считать его живым. Я сказал бы — просто предчувствие.

— Я звоню вам, — сказал Эб, — чтобы сообщить о получении вечмобилей. Они прибыли после обеда. Все же вам нужна такая машина.

— По правде говоря, Эб, я серьезно не думал о ней, но, возможно, я и заинтересуюсь.

— Я подгоню вам одну завтра утром. Посмотрите, попробуйте. Может, она вам понравится.

— Ладно, — согласился Виккерс.

— Тогда договорились. До завтра.

Виккерс вернулся к столу и взял письма. Счетов не было. В шести конвертах оказались проспекты, а на седьмом адрес был написан угловатыми буквами.

Он вскрыл конверт. Внутри лежал тщательно сложенный белый лист.

Виккерс развернул его.

«Дорогой Виккерс!

Надеюсь, поиски моей персоны не слишком вас утомили.

Я прекрасно понимаю, что мои действия причинят некоторые хлопоты милым жителям нашего славного городка, но я уверен — они все сделают не без удовольствия.

Полагаюсь на вас и убежден, что вы не скажете о письме соседям. Уверяю вас, что нахожусь в здравом уме и мои действия продиктованы необходимостью.

Пишу вам по двум причинам. Во-первых, успокоить вас по поводу моей судьбы. А во-вторых, позволю себе во имя нашей дружбы дать вам совет, хотя вы и не спрашивали его.

Мне кажется, что вы слишком поглощены работой и вам следует несколько дней отдохнуть. Возможно, пребывание в стране вашего детства и прогулки по местам, где вы бродили мальчишкой, помогут вам разобраться в сложившейся ситуации и откроют глаза на многое.

Искренне ваш Гортон Фландерс».

Глава 15

«Не поеду, — подумал Виккерс. — Незачем мне возвращаться в страну своего детства. Нечего там делать после стольких лет».

Однако стоило ему закрыть глаза, и прошлое тут же всплывало перед его мысленным взором: желтоватая глина залитых дождем полей; белые от пыли дороги, петляющие по долинам и перевалам; почтовые ящики на верхушках покосившихся столбов; тощий скот, бредущий по выбитой копытами дороге; запаршивевшие собаки, которые выскакивали из конуры и долго лаяли вслед каждому проезжавшему мимо фермы автомобилю.

«Если я вернусь, все начнут спрашивать, зачем я приехал и как идут мои дела, — думал он. Буду слышать: „Жаль твоего отца — хороший был человек“. Они, как обычно, будут сидеть на перевернутых ящиках возле единственного деревенского магазинчика, жевать свой табак, сплевывать на тротуар, искоса поглядывать на него и говорить: „Значит, ты пишешь книги. Надо бы почитать хоть одну“.

И я пойду на кладбище и постою несколько минут со шляпой в руках перед могильной плитой, прислушиваясь к шороху ветра в соснах, растущих у ограды, и думая, что мог бы совершить что-то такое, чем бы они гордились и о чем могли бы рассказать соседям, — но, увы...

Я снова пройду по знакомым с детства дорогам, остановлю машину возле ручья, перелезу через ограду из колючей проволоки, найду омут, в котором ловил голавлей, но ручей окажется струйкой воды, омут — ямой, и уже не будет

унесенного весенним разливом дерева, на котором я так любил сидеть. А холмы покажутся мне одновременно чужими и знакомыми, и я буду силиться понять, что изменилось, и чем больше стану думать об этом, тем сильнее охватит меня тоска одиночества. И тогда останется одно — бегство. Я до отказа выжму педаль акселератора, вцеплюсь в руль и постараюсь забыть обо всем.

А потом обязательно доберусь до большого кирпичного дома с колоннами и ложными окнами. Проеду медленно мимо и увижу, что ставни давно не закрываются, со стен осыпалась штукатурка, а розы, которые росли вдоль решетки, погибли суровой снежной зимой.

Не хочу туда возвращаться, — сказал он себе. — Ни за что не хочу...

А если...

Ведь многое может проясниться и встать на свои места, как считал Фландерс.

Но что я должен увидеть?

А вдруг там, в стране моего детства, существует какой-то тайный символ, на который прежде я не обращал внимания и который поможет во всем разобраться?»

А может, эти домыслы не имеют под собой никакой почвы? Существует ли связь между Гортоном Фландерсом, с его потертым костюмом и смешной тростью, и тем, о чем говорил Крофорд, описывая загнанное в угол человечество?

Доказательств такой связи не было.

Однако Фландерс исчез и написал ему письмо.

Разобраться, писал Фландерс, открыть глаза. Может, он имел в виду его писательское мастерство? Ведь писатель должен наблюдать жизнь взглядом, который не застилают ни предрассудки, ни тщеславие, а у него просто притупилась острота зрения.

Виккерс прижал рукопись ладонью и ласково провел большим пальцем по ее обрзу. «Как мало сделано, — подумал он. — Сколько работы еще предстоит». За последние два дня не прибавилось ни строчки. Два дня впустую.

Чтобы написать хорошую книгу, надо спокойно сидеть на месте, собравшись с мыслями, отгородиться от мира сплошной стеной, пропускающей этот мир небольшими, тщательно отобранными порциями, годными для анализа и изображения с безошибочной ясностью и точностью.

«Спокойно», — сказал он себе. Но как можно оставаться спокойным, если тебя мучают тысячи вопросов и разрывают сомнения?

Полторадолларовые платья, полторадолларовые платья в магазине на Пятой авеню!

Существовало что-то, что он упустил. Еще раз...

Сначала была девчушка, которая пришла позавтракать с ним, затем он прочел газету. Потом он пошел за машиной, и Эб рассказал ему о вечмобиле; его машина оказалась неотремонтированной, и он отправился на остановку автобуса, а там ему встретился Фландерс, и они вместе рассматривали витрину нового магазина, и Фландерс сказал...

Минутку... Он отправился на угол, к аптеке, чтобы сесть в автобус...

На слове «автобус» он запнулся, что-то здесь было...

Он вошел в автобус и уселся возле окна. Рядом с ним всю дорогу никого не было. Так, в одиночестве, он доехал до города.

«Вот оно», — подумал он и в тот же момент почувствовал одновременно и облегчение, и ужас. Как он мог забыть? Теперь он знал, что надо сделать.

Он вернулся к столу, открыл верхний левый ящик и методично перебрал его содержимое. Он обшарил и другие ящики, но не нашел того, что искал.

«Тетрадь где-то лежит, не может быть, чтобы я выбросил ее».

Вероятно, на чердаке. В одном из ящиков.

Он взобрался вверх по лестнице и зажмурился от резкого света голой лампы, подвешенной к потолку. Воздух на чердаке был холодный, а стропила напоминали зубы

чудовищной, готовой вот-вот сомкнуться челюсти, и от этого ему стало не по себе.

Виккерс добрался до ящичков, задвинутых под самую крышу. В каком из трех лежит нужная тетрадь?

Он начал с ближайшего и, разобрав его до половины, под парой старых охотничьих сапог, которые ему так и не удалось отыскать прошлой осенью, нашел свою старую записную книжку.

Он открыл ее, перелистал и остановился на нужной странице.

Глава 16

Наверно, прошли годы, прежде чем он обратил внимание на один странный факт. Но, даже обратив на него внимание, он вначале не задумывался над ним. Потом занялся наблюдениями всерьез.

Целый месяц он скрупулезно вел записи. И когда подозрения подтвердились, пытался убедить себя в том, что у него просто разыгралось воображение. Но записи неумолимо показывали — за фактами что-то крылось.

Дела обстояли намного хуже, чем ему казалось вначале, — подобными фактами изобиловали многие периоды его жизни. И по мере накопления данных его все больше и больше поражало, что прежде он ничего не замечал, хотя это должно было броситься в глаза с самых первых дней.

Все началось с того, что в автобусе рядом с ним никто не садился. Жил он тогда в старом семейном пансионе на окраине города, недалеко от конечной остановки. Он ездил на работу по утрам и всегда занимал в автобусе свое любимое место. На остановках в автобус входили люди, но они не садились рядом. Его это мало трогало, более того, даже устраивало, ибо он мог, опустив шляпу на глаза и поудобнее устроившись, подремать или помечтать, не думая ни о каких правилах приличия. Правда, тогда он не очень

заботился об их соблюдении — слишком рано начинался рабочий день.

Люди входили в автобус, усаживались рядом с другими пассажирами, с которыми так же не были знакомы, как и с ним, поскольку не обменивались ни единым словом. Они садились рядом с другими людьми, пока оставались свободные места. И место рядом с ним занимали лишь тогда, когда приходилось выбирать — сесть или остаться стоять.

Вначале он думал, что от него разит потом или у него дурно пахнет изо рта. Он стал ежедневно принимать ванну и пользоваться мылом с гарантированным запахом свежести, тщательнее чистить зубы и употреблять специальные пасты.

Но ничто не изменилось. Он по-прежнему в одиночестве доезжал на своем сиденье до места.

Внимательно изучив себя в зеркале, он пришел к выводу, что и одежда здесь ни при чем, ибо в те времена одевался не без элегантности. Тогда он решил, что у него дурные манеры, перестал дремать в автобусе с надвинутой на глаза шляпой и стал весело и любезно улыбаться всем подряд. Боже, как он старался — он растягивал рот до ушей.

Целую неделю он был предельно любезен, улыбка не сходила с его лица. Окружающие видели в нем делового молодого человека, начитавшегося Дэйла Карнеги, члена какого-нибудь молодежного инициативного комитета. Но пока были свободные места, рядом с ним по-прежнему никто не садился. Его утешало лишь то, что, когда выбора не было, люди все же предпочитали не стоять.

Потом он заметил и другое.

Его коллеги часто подходили друг к другу, по несколько человек собирались вокруг чьего-нибудь стола, чтобы поболтать, похвастать своими успехами в гольфе, рассказать сальный анекдот и посетовать на службу «в этой лавочке». Однако никто и никогда не подходил к его столу. Он пробовал сам подходить к другим столам, но с его приближением группа тут же рассыпалась по местам. При попытках

поговорить коллеги проявляли особую корректность, но неизменно оказывались чрезвычайно занятыми. Виккерс быстро уходил.

Он критически оценил свои способности в умении поддерживать беседу. Они показались ему вполне удовлетворительными. Он не играл в гольф, но знал множество сальных анекдотов, читал все последние книги и видел лучшие фильмы тех лет. Постиг внутренние интриги и мог не хуже других посплетничать о начальнике. Он читал газеты и даже пару еженедельников, мог рассуждать о политике. Короче говоря, способен был достойно поддерживать любой разговор. Но с ним никто не хотел беседовать.

То же самое происходило и в обеденный перерыв. И так было везде, где бы он ни появлялся, теперь он это знал точно.

Он все заносил в тетрадь, расписал каждый день и вот через пятнадцать лет здесь, на пустом и враждебном чердаке, сидя на ящике, перечитывал свои записи. Уставившись в одну точку, он вспоминал сейчас о том периоде своей жизни, о своих чувствах тех дней, когда заметил отчужденность. Вот и вчера, когда он ездил в Нью-Йорк, рядом с ним никто не сел.

Пятнадцать лет назад он не нашел ответа на мучивший его вопрос.

Теперь все началось сначала.

Может, что-то в нем было не как у людей? Может, чего-то не хватало в характере, что не располагало к дружбе с ним?

Однако дело было не только в одиноких поездках в автобусе или обособленности на службе. Были моменты, которые трудно описать. Так, чувство одиночества, которое он постоянно испытывал, происходило от ощущения своего «отличия» от окружающих. Именно оно заставляло его сторониться людей, и, наверно, люди, чувствуя это, сторонились его. Тут было и неумение завязать дружбу, и

повышенное чувство собственного достоинства, и нежелание подчиняться общепринятым обычаям.

Именно поэтому он выбрал для местожительства этот изолированный от мира городок, ограничил до минимума круг знакомых и начал карьеру писателя, человека-одиночки, который излагает на бумаге свои подавленные эмоции и тайные мысли, ибо так или иначе, но должен высказаться.

Он построил собственную жизнь на этой своей странности, и, быть может благодаря ей, к нему пришел относительный успех.

Он нашел место в жизни, а теперь вереница событий нарушила его привычное существование.

Вечмоби́ли и искусственные углеводы, Крофорд и его истории о загнанном в угол человечестве — все это вызывало у него смутное ощущение каких-то общих связей и вынуждало принять участие в происходящих событиях.

Его раздражала собственная уверенность в том, что предстоит сыграть эту неясную ему самому роль: у него не было видимых оснований для такой уверенности.

Так было всегда, даже в самых незначительных делах, теперь он понимал это. Его угнетало малоприятное ощущение, что некая истина сама откроется ему, стоит только протянуть руку, и в то же время он боялся, что никогда не осмелится протянуть ее достаточно далеко.

Было глупо сознавать свою правоту, не зная, почему ты прав, но он знал, что был прав, отвергая предложение Крофорда, хотя по логике вещей его следовало принять, как с самого начала знал, что не удастся отыскать Гортона Фландерса.

Пятнадцать лет назад он оказался лицом к лицу с проблемой, которую решил, не отдавая себе отчета в побуждениях, вызвавших именно такое решение. Он отошел от людей. Он отступил, укрылся и на некоторое время обрел мир и спокойствие. Но теперь интуиция — чувство, граничащее с предвидением, — подсказала ему, что его затворничеству

пришел конец. Ему некуда отступать, даже если бы он этого и захотел. Однако удивительнее всего, что ему и не хотелось отступать, хотя места среди людей для него не существовало тоже. Он больше не мог скрываться от человечества.

В одиночестве сидел он на чердаке и слушал, как ветер свистит в черепице.

Глава 17

Кто-то колотил во входную дверь, выкрикивая его имя, но прошло несколько мгновений, прежде чем Виккерс услышал стук. Он встал с ящика, и записная книжка, выскользнув из рук, упала на пол исписанными страницами кверху.

«Кто там? — хотел спросить он. — Что случилось?» Но голос отказал ему.

— Джей, — крикнул кто-то. — Джей, где вы? Спотыкаясь, он спустился вниз, в гостиную. За дверьми стоял Эб.

— Что случилось, Эб?

— Послушайте, Джей, — заспешил Эб, — поскорее уматывайте отсюда!

— Зачем?

— Говорят, вы прикончили Фландерса. Виккерс ухватился за спинку кресла.

— Я не спрашиваю вас, так ли это на самом деле, — сказал Эб. — Я уверен, вы этого не делали. И поэтому решил спасти вас.

— О чем вы говорите? — не понял Виккерс.

— Все собрались в пивной, — объяснил Эб, — и набираются храбрости, чтобы линчевать вас.

— Кто все?

— Все ваши друзья, — с горечью вымолвил Эб. — Кто-то настроил их против вас. Не знаю кто. У меня не было времени разузнать. Я сразу же бросился сюда.

— Но я любил Фландерса. Только я и любил его. Я был его единственным другом.

— У вас мало времени, — сказал Эб. — Надо уматывать.

— Куда я поеду? У меня нет машины.

— Я пригнал вам вечмобиль, — сказал Эб. — Никто не узнает, что вы воспользовались им.

— Я не хочу скрываться. Они обязаны выслушать меня. Обязаны!

— Вы с ума сошли! Ведь не шериф же явится с ордером на арест. К вам ворвется толпа, вас и слушать не станут.

Эб пересек комнату и крепко схватил Виккерса за руку.

— Уезжайте, черт подери! — воскликнул он. — Я рискую своей шкурой, предупреждая вас. Бегите, пока есть возможность бежать!

Виккерс высвободил руку.

— Хорошо, — сказал он. — Я еду.

— Как у вас с деньгами? — спросил Эб.

— Есть немного.

— Вот еще. — Эб вытащил небольшую пачку ассигнаций.

Виккерс взял их и сунул в карман.

— Бак заправлен полностью, — настаивал Эб. — Смена скоростей автоматическая. Управление как в обычном автомобиле. Я не выключал двигатель.

— Не хотелось бы поступать так, Эб.

— Знаю, что вам неохота уезжать. Но если вы не уедете, жители нашего городка станут убийцами, так что у вас нет выбора. Идите, — он подтолкнул Виккерса к двери, — пора ехать.

Виккерс быстро прошел по дорожке, слыша позади шаги Эба. Машина стояла у ограды. Эб оставил дверцу открытой.

— Садитесь. Поезжайте налево и выскочите на автостраду.

— Спасибо, Эб.

— Ну, скорее.

Виккерс выжал сцепление и нажал на акселератор. Машина тронулась с места и покатилась, быстро набирая скорость. Вскоре он выехал на автостраду и повернул на запад.

Мило за милей он ехал вперед, рассекая тьму лучами фар. Он вел машину в каком-то оцепенении, потрясенный

происходящим: его, Джея Виккерса, хотели линчевать соседи, и он бежал от них. Эб сказал, что кто-то подбил их на это, но он не знал кто. Зачинщик должен был ненавидеть его. Но стоило ему подумать об этом человеке, как он понял, кто это был. И снова ощутил то же чувство страха, которое испытал при разговоре с Крофордом, когда отказался писать книгу.

— Что-то назревает, — сказал ему Гортон Фландерс, когда они стояли перед магазином новинок.

За его словами действительно что-то крылось.

Налицо были предметы первой необходимости, которые производились несуществующими фирмами. Налицо была организация бизнесменов, опасаящихся какого-то неумолимого врага. Налицо был Гортон Фландерс с его непонятным фактором, удерживающим мир от войны. Налицо были фантазеры, которые бежали от повседневной реальности, забавляясь игрой в прошлое. И наконец, налицо был он сам, силою удивительных обстоятельств держащий путь на запад.

В полночь он уже знал, что делает и куда направляется.

Он держал путь туда, куда советовал ехать Гортон Фландерс. Он возвращался туда, куда поклялся никогда не возвращаться.

Он направлялся в страну своего детства.

Глава 18

Люди выглядели именно такими, какими он их себе представлял. Они сидели на ящиках перед единственным деревенским магазинчиком, жевали табак и, искоса поглядывая на него, говорили:

— Жаль твоего отца, Джей. Хороший был человек. И еще они говорили:

— Значит, ты пишешь книги. Надо бы почитать хоть одну. И еще говорили:

— Ты поедешь к своему дому?

— Сегодня же, — отвечал Виккерс.

— Там все переменялось, — добавляли они. — Все стало иначе с тех пор, как там никто не живет.

— Никто не живет?

— Никто. Хозяйство захирело, — отвечали они ему. — Заработков нет. Теперь есть углеводы, многие бросили свои фермы. У одних земли отняли банки, а другие отдали свои фермы почти задаром. Из полей сделали пастбища — поставили загородки и выпускают туда скот. Никто ничего не сеет. На западе закупают скотину на откорм, все лето она пасется здесь, а осенью ее забивают.

— У нашей фермы такая же судьба?

Они кивали головой:

— Уж так получилось, сынок. Парень, который купил ферму после твоего отца, так и не смог свести концы с концами. И он не единственный. Были и другие. Ты помнишь хозяйство старика Престона?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Его постигла та же участь. А у него было хорошее хозяйство. Одно из лучших в округе.

— Там кто-нибудь живет?

— Никого. Кто-то забил досками окна и двери. Непонятно зачем.

Из магазина вышел хозяин и присел на ступеньки.

— Где теперь живешь, Джей?

— На Востоке, — ответил Виккерс.

— Надеюсь, дела идут хорошо?

— На еду хватает.

— Уже неплохо. Сегодня стыдно сетовать на жизнь тому, кто ест досыта.

— А что за машина у тебя? — спросил кто-то.

— Это новая модель, — ответил Виккерс. — Я ее только купил. Вечмобиль.

И они говорили:

— Мы никогда не слыхали о такой марке.

И они говорили:

— Она небось стоит кучу денег.

И они спрашивали:

— А сколько бензина она жрет?

Он сел в машину и поехал по пыльной, захиревшей деревне со старыми автомобилями у ворот, с ее методистской церковью на холме, с ее дряхлыми жителями, с ее собаками, спящими в тени под кустами сирени.

Глава 19

На воротах у въезда на ферму висела цепь с висячим замком, поэтому Виккерс оставил машину на обочине шоссе и четверть мили до дома прошел пешком.

Дорога на ферму заросла травой, доходящей до колен, и лишь местами виднелись следы колеи. Необработанные поля, вдоль изгородей разросшийся кустарник — истощенные постоянным возделыванием одной и той же культуры и заросшие сорняками земли.

С шоссе постройки казались такими же, какими он их помнил. Они уютно жались друг к другу, скрывая в себе доброе семейное согласие, но когда он подошел ближе, открылись признаки запустения. Двор, окружавший дом, зарос травой, сорняки поглотили цветочные клумбы, от пышных кустов роз у крыльца осталось несколько хилых веток. Сливовые деревья в углу возле изгороди совсем одичали, да и сама изгородь почти развалилась. Стекла большей частью были выбиты, скорее всего местными мальчишками. Задняя дверь оказалась открытой и хлопала на ветру.

Он продрался сквозь заросли кустарника, обошел дом, удивляясь тому, сколь живучи следы былой жизни. Он различил на задней стене дома отпечатки своих ладоней, которые оставил в свежей глине десятилетним мальчуганом; на подоконнике подвального окна виднелись царапины от поленьев, которые он сбрасывал вниз, чтобы топить старую дровяную печь. Возле дома он нашел старую ванночку, в которой его мать каждую весну высаживала настурции; ее

почти съела ржавчина. На переднем дворе по-прежнему стояла рябина, он вошел в ее тень, глянул сквозь листву на небо, погладил гладкую кору ствола и вспомнил, как его, мальчишку, распирало от гордости, что он вырастил дерево, какого не было ни у одного из соседей.

Он не стал открывать дверь: было достаточно осмотреть дом снаружи. Он знал, что внутри увидит множество навевающих печаль вещей: и дыры в стенах от крюков, на которых висели картины, и след на полу, где когда-то стояла печь, и стертые ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж, которые все еще хранили следы любимых людей. Стоит ему войти в дом, как сердце его наполнится горечью при виде распахнутых шкафов и опустевших комнат.

Он обошел другие строения. Несмотря на то же запустение, они меньше будоражили его память. Птичник давно обрушился, в свинарнике дуло из всех щелей, а в глубине сарая, где хранились машины, он нашел старую сноповязалку.

В коровнике было прохладно и темно, но он больше всего напоминал ему дом. Стойла были пусты, между балками висела паутина, в которой запутались соломинки, но до сих пор ощущался острый запах животных.

По приставленной доске он поднялся на чердак. Из-под ног с писком метнулись мыши. Мешки для зерна лежали стопкой, чтобы не загромождать проход, на крючке висела рваная упряжь, и тут в конце прохода он увидел предмет, который буквально приковал его к месту.

Это был детский волчок, помятый и выцветший детский волчок. Но он помнил его блестящим и ярким. Когда он пускал его, волчок со свистом крутился на полу. Он получил его в подарок на Рождество. Это была его любимая игрушка.

Он поднял с пола этот старый кусок металла и с неожиданной нежностью сжал его в ладонях. Волчок был частью его прошлого, немой и лишенной смысла для всякого, кроме того мальчугана, каким он был когда-то.

Волчок был расписан цветными полосками, свивавшимися в спираль, и стоило его запустить, как они сходились в

одной точке: полоска бежала и исчезала, за ней исчезала другая, потом третья.

Он мог часами смотреть, как появляются и исчезают полоски, пытаясь понять, куда же они уходят. Ведь должны же они были куда-то уходить. Не могли они быть здесь в эту секунду и исчезнуть в следующую. Они должны были куда-то уходить.

И они действительно куда-то уходили!

Теперь он вспомнил.

Держа этот старый волчок в руках, он вернулся в один из дней своего детства, словно и не было долгих последующих лет.

За полосками можно было последовать, уйти туда, куда уходили они, но для этого надо было быть совсем юным и иметь богатое воображение.

Место походило на сказочную страну, хотя и выглядело слишком реальным, чтобы действительно оказаться ею. Там была аллея, словно сотканная из стеклянных нитей, там были птицы и цветы, деревья и бабочки. Он сорвал цветок и, крепко сжимая его в руке, двинулся по аллее. Он увидел небольшой домик, приютившийся среди кустов, испугавшись, попятился назад и вдруг очутился снова дома — волчок валялся на полу, но в руке у него был зажат цветок.

Он пошел к матери и все рассказал ей. Она вырвала цветок из его руки, словно испугалась. Ее можно было понять — на дворе стояла зима.

Отец расспросил его обо всем, взял волчок и ушел с ним, а на следующий день, когда он захотел поиграть с любимой игрушкой, ему не удалось ее отыскать. И еще долго он втихомолку оплакивал потерю.

И вот волчок, старый, выцветший волчок снова оказался у него в руках, и, хотя от ярких красок не осталось и следа, это был волчок его детства.

Он спустился с чердака, с нежностью прижимая к груди свою старую игрушку, подальше унося ее от этого неудобного места, где она пробыла так долго.

«Забвение», — решил он, но это было нечто большее — блокировка памяти, которая заставила его забыть и волчок, и путешествие в сказочную страну. Долгие годы он не вспоминал о них и даже не знал, что воспоминание хранится в его памяти. Но теперь вместе с волчком вернулось и воспоминание о том дне, когда он последовал за цветной спиралью и оказался в сказочной стране.

Глава 20

Он решил, что не будет останавливаться у дома Престонов. Только медленно проедет мимо и посмотрит на него. Он уже заглянул в пустую раковину своего нереального детства, и ему не хотелось вспоминать еще и о пустоте своей юности.

Нет, он не остановится у дома Престонов. Он медленно проедет мимо, бросит взгляд на дом, а потом наберет скорость и уедет, и их разделят многие мили.

«Я не остановлюсь», — говорил он себе.

Но все же остановился.

Он сидел в машине, смотрел на дом и вспоминал, как гордо тот выглядел и какая гордая семья жила в нем, и гордость ее была столь велика, что она не могла позволить себе породниться с местным парнем, уроженцем бедной фермы, на полях которой росла лишь чахлая пшеница.

Но дому не удалось сохранить свой гордый вид. Кто-то захлопнул ставни и набил сверху длинные доски, закрыв глаза гордому дому, осыпалась штукатурка с величественных колонн, облупилась краска со стен, брошенный кем-то камень разбил полукруглое окно над входной дверью. Осела ограда, двор зарос дикой травой, а красная кирпичная стена между оградой и верандой исчезла под буйной порослью диких вьюнков.

Он вылез из машины, миновал полуупавшую ограду и приблизился к веранде. Поднявшись по ступенькам, он увидел, что доски пола совсем сгнили.

Он остановился там, где когда-то они стояли вдвоем, где впервые поняли, как неистребима их любовь. Он хотел восстановить ощущение тех мгновений, но оно не вернулось. Прошло слишком много времени, миновало слишком много лет, но боль по-прежнему щемила грудь. Он пытался представить себе, как в ту ночь выглядели луга, поля, двор, на которые он смотрел с веранды, как лунный свет отражался от белых колонн, как дурманил тонкий запах роз, впитавших в себя жар солнца. Он помнил все, но не мог оживить и ощутить свои воспоминания.

Позади дома размещались конюшни, по-прежнему окрашенные в белый цвет, но теперь это не был белый цвет тех лет. За конюшнями и амбарами начинался спуск в ту долину, по которой они гуляли во время последней встречи.

Он помнил ту заветную долину с ее цветущими яблонями и пением жаворонков. Долина оказалась заколдованной в первый раз, но во второй чары ее развеялись. Может, на третий раз волшебство вернется.

Он убеждал себя, что сошел с ума и гонится за призраком, но ноги упрямо несли его вперед, мимо конюшен и амбаров, к спуску в долину. Однако прежде чем начать спускаться, он остановился и посмотрел вперед. Долина была не той заветной долиной, но он вспомнил ее, как вспомнил лунный свет на колоннах, — ведь долина, как и колонны, все так же оставалась на прежнем месте, и деревья росли там, где и прежде, и так же среди лугов змеился ручей.

Он хотел вернуться, но не смог — его неудержимо влекло вниз. Он увидел заросли диких яблонь, которые давно отцвели, и только жаворонки по-прежнему взлетали из-под ног прямо в небо.

Наконец он повернул назад. Все выглядело так же, как и во второй раз. Третье посещение ничем не отличалось от второго. Она и только она своим присутствием превращала обычную долину в волшебную. А может, чары существовали лишь в его воображении?

Два раза он попадал в колдовские сети, два раза в жизни он покидал родную землю.

Два раза. Один раз благодаря девушке и их любви. Второй раз ему помог волчок.

Нет, волчок помог в первый раз.

Да, волчок.

Стоп! Не спеши!

Ты ошибаешься, Виккерс. Ты идешь по неверному пути.

Не сходи с ума, куда ты рвешься?

Глава 21

Директор магазина стандартных цен, к которому обратился Виккерс, казалось, понял его.

— Знаю, — сказал он. — Понимаю, что вы ищете. Когда я был мальчишкой, у меня был точно такой же волчок, но теперь их не делают. Не знаю даже почему. Появилось много новых игрушек, в том числе и механических. Но нет ничего, похожего на волчки.

— Особенно хороши были большие волчки, — сказал Виккерс. — С ручкой, на которую надо было нажимать. И тогда волчок с гудением разгонялся.

— Помню, — произнес директор, — именно такой у меня и был в детстве. Я мог часами сидеть и смотреть, как он крутится.

— Вы смотрели, куда убегают полоски?

— Не помню, следил ли я за убегающими полосками. Я просто смотрел, как он вращается, и слушал, как он гудит.

— А меня всегда интересовало, куда уходят полоски. Вы помните? Они совершали полный круг и исчезали, достигнув вершины волчка.

— Скажите, — спросил директор, — а куда они уходят?

— Не знаю, — пожал плечами Виккерс.

— Дальше по улице, в одном или двух кварталах отсюда, есть еще один магазин стандартных цен, — сказал директор. — У них большой выбор, может, найдете ваш волчок там.

— Спасибо, — поблагодарил Виккерс.

— Спросите и в скобяном магазине, на той стороне улицы. У них тоже есть игрушки, но, мне кажется, они хранят их в подвале и достают только к Рождеству.

Продавец скобяного магазина сказал Виккерсу, что знает, о чем идет речь, но не видел ни одного волчка уже несколько лет. В другом магазине стандартных цен волчков тоже не оказалось.

— Нет, — сказала жевавшая резинку продавщица, нервным движением задвигая за ухо карандаш, — нет, не знаю, где вы можете найти волчок.

Она даже толком не представляла, о чем он говорит. Она могла предложить другие игрушки для мальчишек. Например, игрушечные ракеты...

Он вышел из магазина и, остановившись на тротуаре, стал рассматривать людей, гулявших в этот послеполуденный час по улицам маленького городка Среднего Запада. Здесь были женщины в пестрых платьях и строгих костюмах, школьники, только что окончившие занятия, деловые люди за традиционной чашечкой кофе. Взглянув вверх по улице, он увидел толпу зевак вокруг его машины, которую оставил у магазина стандартных цен. «Пора, — подумал он, — бросить монету в счетчик автостоянки».

Он порылся в кармане в поисках десятицентовой монеты. В кармане лежали один десятицентовик, четверть доллара и один пятицентовик. При виде монет он забеспокоился, сколько же у него осталось денег. Он вытащил бумажник и обнаружил в нем лишь две долларовые бумажки.

В Клиффвуд он вернуться не мог, во всяком случае сейчас. Он оказался выброшенным на улицу. А деньги нужны, чтобы снять номер в гостинице, поесть, купить бензин. Но прежде всего надо было купить волчок — гудящий волчок с яркими полосками.

Он в нерешительности стоял посреди тротуара, думая о волчке. Вопреки здравому смыслу ему казалось, что все должно получиться. Получилось же в детстве...

А что могло произойти, не заведи отец у него волчок? Решился бы он отправиться еще раз в сказочную страну? Кого бы он там встретил и что нашел в домике, приютившемся среди кустарника?

Проникал ли кто еще в сказочную страну, разглядывая вращающийся волчок? И если такие люди были, что с ними случилось? Он был уверен, что директор магазина стандартных цен был не из их числа.

Почему только ему довелось найти путь в сказочную страну? А может быть, и та заветная долина была в той стране? Не прошли ли они с той девушкой через еще одну невидимую дверь? Ведь долина, память о которой он пронес через все эти годы, была совсем другой, чем та, где он побывал сегодня утром.

Существовала лишь одна возможность ответить на все эти вопросы, но ему был нужен волчок.

«Волчок... — подумал он. — Его следует добыть во что бы то ни стало».

Но у него же есть волчок! Нужно только выправить ручку, отмыть в керосине ржавчину и заново покрасить. И ведь его волчок лучше любого нового. Он уже позволил ему однажды перейти в удивительный мир. Ему хотелось верить, что его волчок был особенным, обладал тайными свойствами, каких не могло быть ни у какого другого волчка.

Довольный, что вспомнил о волчке, который бросил в отделение для перчаток в машине, он направился к скобяной лавке.

— Мне нужна краска. Самая яркая. Красная, зеленая, желтая. И кисточки, — сказал Виккерс и поймал себя на мысли, что продавец смотрит на него как на сумасшедшего.

Глава 22

Он позвонил Энн из гостиничного номера за ее счет, потому что после обеда у него в кармане осталось только одиннадцать центов.

В ее голосе сквозило беспокойство.

— Джей, где ты? Куда ты запропастился, черт тебя подери?

Он сообщил, где находится.

— Как ты там очутился? — спросила она. — Что с тобой случилось?

— Со мной ничего не случилось, — ответил Виккерс. — По крайней мере пока. Я в бегах. Пришлось удрать из Клиффвуда.

— Как пришлось?

— Местные жители хотели вздернуть меня на фонаре. Кто — то вбил им в голову, что я убил человека.

— Теперь мне ясно: ты сошел с ума. Да ты и муху убить неспособен.

— Естественно, никого я не убивал. Но мне не удалось бы убедить их в обратном. У меня не было другой возможности спастись, кроме бегства.

— Почему? — возразила Энн. — Я разговаривала с Эбом...

— С кем?

— С владельцем гаража. Ты упоминал его имя. Я перевернула небо и землю, разыскивая тебя эти два дня. Где я только ни искала! Без конца звонила тебе, но телефон не отвечал, тогда я вспомнила про Эба, попросила соединить меня с ним и...

— И что тебе сказал Эб?

— Ничего особенного, — ответила Энн. — Он сказал, что ты уехал, но он не знает куда. И добавил, что оснований для беспокойства нет...

— Именно Эб меня и предупредил, — перебил Виккерс. — Он сказал мне об их намерениях, дал автомобиль, немного денег и выставил из города.

— Невероятно. И кого же ты убил, по их мнению?

— Гортона Фландерса. Исчезнувшего старика.

— Зачем тебе было его убивать? По твоим словам, он милейший старикан. Ты же мне не раз говорил о нем.

— Послушай, Энн, — сказал Виккерс. — Я никого не убивал. Кто-то их настроил против меня.

— Значит, ты не можешь вернуться в Клиффвуд?

— Нет, — ответил Виккерс. — Не могу.

— Что ты будешь делать, Джей?

— Не знаю. Думаю, пока придется скрываться.

— Почему ты не позвонил мне? — спросила Энн. — Почему уехал на Запад? Ты же мог приехать в Нью-Йорк? Если надо скрыться, нет лучшего места, чем Нью-Йорк. Уж позвонить-то ты мог!

— Разве я не позвонил тебе?

— Конечно, позвонил. Потому что остался без единого цента и хочешь, чтобы я выслала тебе денег и...

— Пока я денег у тебя не просил.

— Попросишь.

— Верно, — согласился он. — Боюсь, что попрошу.

— А тебя не интересует, почему я повсюду разыскивала тебя?

— Не очень, — ответил Виккерс. — Ты не хочешь выпустить меня из рук. Какой литературный агент согласится, чтобы от него ушел лучший автор...

— Джей Виккерс, — отчеканила Энн. — В один прекрасный день я распну тебя на кресте и выставлю у дороги в назидание, дабы другим неповадно было.

— Из меня выйдет трогательный Христос. Лучшей кандидатуры тебе не найти.

— Я разыскивала тебя, — продолжала Энн, — потому что Крофорд — фанатик. Он ничего не хочет знать. Я назвала ему совершенно фантастическую сумму, и он не моргнув согласился.

— Я думал, мы покончили с Крофордом, — сказал Виккерс.

— Мы не покончили с Крофордом, — ответила Энн и замолчала. В трубке слышалось только еле различимое потрескивание.

— Энн, — спросил Виккерс, — что-нибудь неладно?

Ее голос был спокоен, но напряжен.

— Крофорд зверски напуган. Я еще никогда не видела столь напуганного человека. Он приходил ко мне. Представь себе! Не я, а он явился ко мне в контору, весь в поту, задыхаясь, и я испугалась, что у меня не найдется стула, который бы выдержал такую массу. Ты помнишь старый дубовый стул в углу? Это была моя первая мебельная покупка для конторы, и я питаю к этому стулу нежные чувства. Так он выдержал.

— Что выдержал?

— Он выдержал его! — торжествующе воскликнула Энн.
— Все другие стулья Крофорд просто раздавил бы. Ты же знаешь, какая он громадина.

— Ты хотела сказать, туша? — уточнил Виккерс.

— Он спросил: «Где Виккерс?» А я ответила: «Почему вы меня спрашиваете о нем, я не вожу его на привязи». А он говорит: «Вы его агент, не так ли?» Я отвечаю: «Пока да, но Виккерс — столь непостоянный человек, что ручаться за это нельзя». Он говорит: «Мне нужен Виккерс». Тогда я сказала: «Ищите сами». Он свое: «Я за ценой не постою. Назовите любую сумму, назначьте любые условия».

— У него не все дома, — вставил Виккерс.

— Он предлагает кучу денег.

— А ты уверена, что они у него есть?

— По правде говоря, не очень. Но почему бы ему их не иметь?

— Кстати, о деньгах, — сказал Виккерс. — У тебя не найдется сотни долларов? Или хотя бы полсотни?

— Найду.

— Пришли мне сейчас же. Потом верну.

— Ладно, пришлю, — сказала она. — Я выручаю тебя не в первый и, думаю, не в последний раз. Скажи только одно.

— Что именно?

— Что ты собираешься делать?

— Хочу провести один эксперимент.

— Какой эксперимент?

- Хочу попробовать свои силы в оккультизме.
- О чем ты говоришь? Ты же понятия не имеешь об оккультизме. Ты такой же медиум, как любая деревяшка.
- Знаю, — сказал Виккерс.
- Ответь мне, пожалуйста, что ты собираешься делать?
- настаивала Энн.
- Как только кончу разговор с тобой, начну красить.
- Дом?
- Нет, волчок.
- Какой волчок?
- Особый. Детскую игрушку. Ее обычно запускают на полу.
- Теперь послушай меня, — перебила она. — Ты сейчас же выбросишь эту игрушку и приедешь ко мне домой.
- После эксперимента, — сказал Виккерс.
- О чем идет речь, Джей?
- Я хочу попробовать проникнуть в сказочную страну.
- Не болтай глупостей.
- Я уже там побывал однажды. Даже дважды.
- Послушай, Джей, все оборачивается гораздо серьезнее. Кроффорд напуган, и я тоже. А потом эта история с линчеванием.
- Пришли мне деньги, — сказал Виккерс.
- Хорошо.
- Увидимся через пару дней.
- Позвони мне, — попросила она. — Завтра.
- Ладно.
- И еще, Джей... Побереги себя. Я не знаю, что ты хочешь делать, но будь поосторожнее.
- Постараюсь, — ответил Виккерс.

Глава 23

Он выправил у волчка ручку, очистил металл, наметил карандашом спирали и смазал ось, чтобы ручка легко двигалась. Затем начал красить.

Работал он неумело, но очень старательно. Выводил разноцветные полосы — красную, зеленую, желтую, надеясь, что выбрал цвета правильно — он уже не помнил, как был раскрашен его волчок. Впрочем, вряд ли цвета играли большую роль. Были бы они яркими и закручивались в спираль.

Он перепачкал и руки, и костюм, и стул, на котором красил. Уронил на пол тюбик с красной краской, но успел его быстро подхватить, так что на ковре осталось только несколько капель.

Наконец он закончил работу — волчок выглядел совсем неплохо.

Его волновало, высохнет ли краска к утру, но, посмотрев на этикетки, обнаружил, что пользовался быстросохнущей краской, и успокоился.

Теперь он был готов запустить волчок и посмотреть, что из этого выйдет. Откроется перед ним сказочная страна или нет? Скорее всего нет. Мало запустить волчок — надо еще и суметь настроиться, обладать верой и бесхитростной простотой ребенка. А их он уже давно растерял.

Он вышел из номера, закрыл дверь на ключ и спустился вниз. И городок, и отель были так малы, что не нуждались в лифтах. Однако городок был чуть больше крохотной деревеньки, которая казалась ребенку городом, деревеньки, жители которой сидели на ящиках перед магазином и задавали нескромные вопросы, а потом занимались долгими пересудами.

Он фыркнул от удовольствия, подумав о том, что скажут жители городка, когда до них дойдет весть, как он, испугавшись петли, бежал из Клиффвуда.

Он словно слышал их слова:

— Хитрец. Он всегда был хитрецом и не внушал доверия. Его мать и отец были хорошими людьми. Как случилось, что у таких славных людей оказался такой поганый сынок?

Он пересек холл и оказался на улице.

Зашел в кафе, заказал чашечку кофе, и официантка сказала ему:

- Хороший вечерок, не правда ли?
- Хороший, — ответил он.
- Вам принести еще что-нибудь?
- Нет, — сказал Виккерс. — Только кофе.

Деньги у него уже были — Энн проделала все на редкость быстро, — но он заметил, впрочем не удивившись этому, что утратил аппетит и совсем не хотел есть.

Официантка отошла к другому концу стойки и принялась тереть тряпкой несуществующие пятна.

А он пил кофе и думал.

Волчок. Какова же его роль?

Он возьмет волчок, вернется в свой бывший дом и проверит, есть ли сказочная страна. Нет, не совсем так. Он узнает, может ли проникнуть в сказочную страну.

А дом? Какую роль играет он?

И вообще, существует ли связь между домом и волчком?

Ведь, наверно, не случайно Гортон Фландерс написал: «Вернитесь домой и пройдитесь по тропинкам своего детства. Может, вы найдете то, чего вам не хватает, или то, что вы потеряли». Он не помнил точных слов Фландерса, но смысл был именно таков.

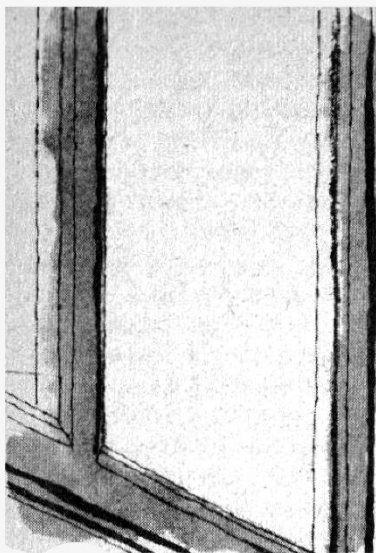
И он вернулся домой, нашел волчок, более того, вспомнил о сказочной стране. Почему же все эти годы, пролетевшие с того времени, когда ему было восемь лет, он ни разу не вспомнил о путешествии в сказочную страну?

Воспоминание хранилось в глубинах его сознания, и он не сомневался, что всплыло оно после какого-то события.

Что-то, возможно какой-то психологический шок, заставило его некогда забыть обо всем. И он забыл. Однако в момент, когда та металлическая мышь сама полезла в ловушку, в нем что-то произошло. И что-то заставило его отказать от предложения Крофорда. Но что?

Официантка вернулась и облокотилась на стойку напротив него.

— Сегодня в кино новый фильм, — сказала она. — Хочется посмотреть, но мне нельзя отойти.

Виккерс не ответил.

— Вы любите кино? — спросила девушка.

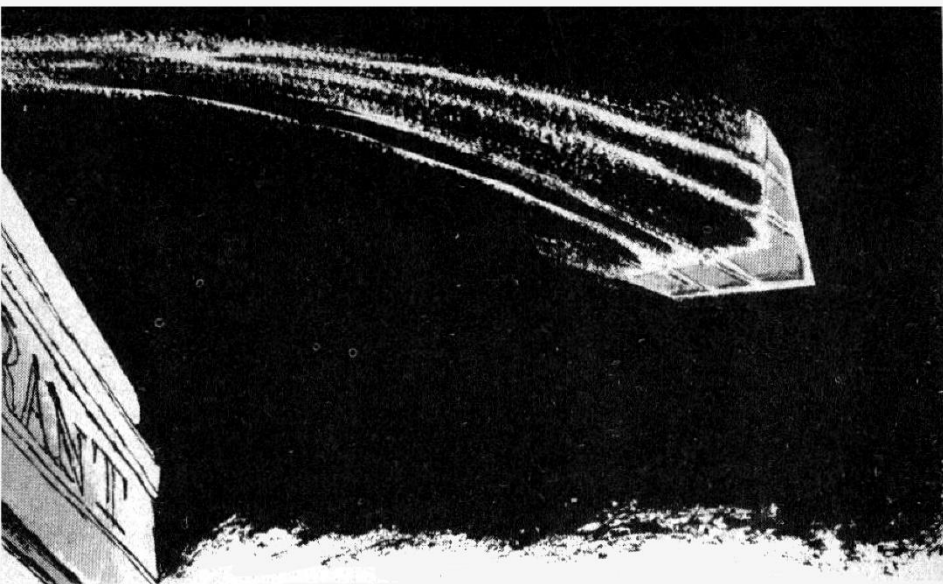
— Не знаю, — ответил Виккерс. — Я редко туда хожу.

На ее лице появилось сострадание.

— А вот я очень люблю кино, — сказала она. — Можно сказать, ради этого и живу.

Он поднял глаза и увидел самое обычное лицо. Такие же лица были у тех женщин в автобусе, такое же лицо было у миссис Лесли, такие же лица были у тех людей, которые не решались сесть рядом с ним в автобусе. И у мистера Лесли, который заполнял свою жизнь

выпивкой и женщинами, было такое же лицо. Это были лица людей, которые и минуты не могли пробыть наедине с собой, лица усталых людей, не сознающих своей усталости, лица испуганных людей, не подозревающих о собственных страхах.

Всех этих людей грызло неосознанное беспокойство, ставшее составной частью жизни и заставлявшее искать какие-то психологические щиты, чтобы укрыться за ними.

Веселье уже давно не помогало, цинизм тоже, скепсис спасал ненадолго. И люди погружались в иллюзии, придумывая себе другую жизнь, в другом времени и месте, долгие часы они просиживали в кинотеатрах и перед экранами телевизоров или уходили в домыслы в клубах фантазеров. Пока вы были кем-то другим, вы могли не быть самим собой.

Он допил кофе и вышел на затихшую улицу.

В небе пронесся реактивный самолет, рев его двигателей отразился от стен домов. Он посмотрел на огоньки, сиявшие в ночном небе, и решил прогуляться.

Открыв дверь номера, Виккерс увидел, что волчок исчез. Он оставил его на стуле сверкающим от свежей краски, а теперь волчка не было. Он заглянул под кровать — волчка не было и там. Его не было ни в шкафу, ни в прихожей.

Он вернулся в комнату и уселся на край кровати.

После всех поисков и трудов волчок исчез. Кто мог его взять? Кому оказался нужен старый, побитый волчок?

А зачем он понадобился ему самому?

Не смешно ли сидеть вот так на краю кровати в номере какого-то отеля и задавать себе все эти вопросы?

Ему вспомнилось, как в детстве волчок открыл ему путь в сказочную страну, и вот теперь он дал себя увлечь тем же мыслям. Сейчас, при резком свете электрической лампочки, все это казалось совершеннейшим безумием.

Позади открылась дверь. Он обернулся. В дверях стоял Крофорд.

Он показался Виккерсу еще массивнее, чем прежде. Крофорд застыл в дверном проеме, целиком заполнив его собой. Подрагивающие веки делали его фигуру особенно неподвижной.

— Добрый вечер, мистер Виккерс. Разрешите?

— Пожалуйста, — ответил Виккерс. — Я ждал вашего звонка. Никогда бы не подумал, что вы способны явиться собственной персоной.

Это было ложью, потому что он не ожидал и звонка.

Крофорд тяжелым шагом пересек комнату.

— Этот стул, похоже, выдержит меня? Вы не против, если я сяду?

— Это не мой стул, — сказал Виккерс. — Можете ломать его.

Стул не сломался. Он заскрипел и затрещал, но выдержал.

Крофорд расслабился и облегченно вздохнул.

— Я чувствую себя намного лучше, когда подо мной крепкий стул.

— Вы подключили подслушивающую аппаратуру к телефону Энн? — спросил Виккерс.

— Конечно. Иначе как бы я отыскал вас? Я знал, что рано или поздно вы ей позвоните.

— Я видел пролетевший самолет, — заметил Виккерс. — Знай, что вы там, я бы подъехал вас встретить. Нам надо уладить кое — какое дельце.

— Не сомневаюсь, — ответил Крофорд.

— Зачем вам понадобилось, чтобы меня линчевали?

— Мне вовсе этого не надо, — возразил Крофорд. — Наоборот, вы мне слишком нужны.

— Зачем же я вам нужен?

— Я решил, что вам это лучше знать.

— Но я ничего не знаю, — признался Виккерс. — Скажите, Крофорд, что происходит? Вы не сказали мне правды, когда я приходил к вам.

— Я сказал вам правду, но не сказал всего.

— Почему?

— Я не знал тогда, кто вы.

— А теперь знаете?

— Да, знаю, — ответил Крофорд. — Вы — один из них.

— Один из них?

— Один из тех, кто производит эти товары.

— Почему вы так думаете?

— На основании данных, полученных анализаторами. Так их называют психологи. Это специальные приборы. Не утверждаю, что разбираюсь в них.

— И анализаторы сообщили вам нечто особое обо мне?

— Да, — ответил Крофорд. — Именно так.

— Если я один из них, то почему вы пришли ко мне? — спросил Виккерс. — Ведь тогда вы ведете борьбу против меня.

— Не говорите «если», — сказал Крофорд. — Вы действительно один из них, но не считайте меня своим врагом.

— Почему? — возразил Виккерс. — Ведь если я, как вы говорите, один из них, то вы — враг.

— Вы не поняли меня, — произнес Крофорд. — Позвольте привести сравнение. Вернемся к временам, когда кроманьонец вторгся в места обитания неандертальца...

— К черту сравнения! — прервал его Виккерс. — Скажите, что у вас на уме?

— Мне не нравится настоящее положение дел, — сказал Крофорд. — Вернее, тот оборот, который они принимают.

— Вы забыли, что я практически ничего не знаю.

— Поэтому-то я и хотел начать со сравнения. Вы — кроманьонец. У вас есть и лук, и стрелы, и копье. А я — неандерталец. У меня только дубинка. У вас нож из обточенного камня, а у меня лишь зазубренный кусок кремня, найденный на берегу реки. На вас одежды из звериных шкур, а меня греет лишь собственная шерсть.

— Хотел бы я знать... — начал Виккерс.

— Я и сам в этом не уверен, — перебил Крофорд, — я не силен в этих вещах. Может, я слишком много дал кроманьонцу и недооценил неандертальца. Но речь идет о другом.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — сказал Виккерс. — Но куда это нас ведет?

— Неандерталец вступил в бой, — продолжал Крофорд, — и что с ним произошло?

— Он исчез.

— Может, их уничтожили не копья и стрелы. Может, они попросту не выдержали борьбы за существование с более развитой расой. Может, у них отобрали их охотничьи угодья. Может, они уползли в норы и вымерли с голоду. Может, они вымерли от стыда, когда поняли, что отстали и оказались существами, чья жизнь схожа с жизнью зверей.

— Сомневаюсь, — сухо сказал Виккерс, — чтобы у неандертальца развился столь сильный комплекс неполноценности.

— Мои слова не относятся к неандертальцам. Они касаются нас.

— Вы стремитесь доказать, что пропасть так глубока?

— Именно так, — ответил Крофорд. — Вряд ли вы представляете, как мы вас ненавидим и какой силой располагаем, но вполне способны оценить наше отчаяние. Вы спросите, кто же эти отчаявшиеся люди? Могу сказать. Это те, кто добился успеха — промышленники, банкиры, бизнесмены, — иначе говоря, профессионалы, достигшие безопасного существования, определенного положения в обществе, люди, представляющие вершину нашей культуры. Они быстро утратят свое положение, если к власти придут такие, как вы. Они превратятся в неандертальцев, изгнанных кроманьонцами. Они будут походить на гомеровских греков, заброшенных в наш технологически сложный век. Физически они, может, и выживут. Но останутся туземцами. Будет разрушена их шкала ценностей, созданная с таким трудом, а это единственное, чем они живут.

Виккерс покачал головой.

— Давайте бросим эту игру, Крофорд. Попробуем поговорить начистоту. Кажется, вы уверены, что я знаю больше, чем есть на самом деле. По-видимому, я должен был сделать вид, что так оно и есть — немного схитрить и заставить вас поверить в то, что я знаю все, о чем следует знать. Мы бы слегка пофехтовали. Вы бы открыли свои карты. Но у меня не лежит сердце к такой игре.

— Мне известно, что вы пока еще мало знаете. Поэтому-то я и хотел встретиться с вами как можно скорее. Мне кажется, вы еще не стали полным мутантом, вы — куколка в теле обыкновенного человека. Кое-что в вас пока от простого человека. Но вы все ближе и ближе подходите к полной мутации — сегодня вы больше мутант, чем вчера, а завтра вы станете им больше, чем сегодня. Но сегодня, в этой комнате, мы с вами можем разговаривать как человек с человеком.

— Мы всегда сможем так разговаривать.

— Нет, не всегда, — возразил Крофорд. — Если бы вы стали полным мутантом, я бы почувствовал в вас перемену.

А в неравном положении какие переговоры? Я сомневался бы в справедливости своей логики. А вы смотрели бы на меня со снисхождением.

— Как раз перед вашим приходом, — сказал Виккерс, — я убеждал себя, что все это — игра воображения...

— Нет, это не игра воображения, Виккерс. У вас был волчок, помните?

— Волчка уже нет.

— Он есть.

— Он у вас?

— Нет, — ответил Крофорд. — Я не брал его. Я не знаю, где он, но он должен быть где-то в этой комнате. Я пришел раньше вас и сломал замок. Совершенно случайно, он был очень слабым.

— Неплохо, — обронил Виккерс, — весьма милая выходка.

— Согласен. Но когда дверь открылась, я позволил себе еще кое-что. Войдя в комнату и увидев волчок, я был весьма удивлен, я...

— Продолжайте, — сказал Виккерс.

— Дело в том, Виккерс, что, когда я был ребенком, у меня был очень похожий волчок. Это было так давно. Я не видел волчков уже много лет, я взял его и запустил. Просто так. Хотя причина все же была. Мне захотелось вспомнить забытые мгновения детства. А волчок...

Он остановился и посмотрел на Виккерса, словно пытаясь разглядеть улыбку на его лице. Когда он заговорил снова, его голос звучал увереннее:

— Волчок исчез.

Виккерс промолчал.

— Что это было? — спросил Крофорд. — Что это был за волчок?

— Не знаю. Вы видели, как он исчез?

— Нет. Мне послышался шум в коридоре. Я выглянул. Когда я обернулся, его уже не было.

— Он не должен был исчезнуть, — сказал Виккерс. — Во всяком случае, пока вы не смотрели на него.

— Этот волчок имеет какой-то смысл? — настаивал Крофорд. — Вы покрасили его. Краска была еще сырой, а баночки стояли на столе. Вы не случайно делали все это. Виккерс, что это за волчок?

— Он служит для путешествия в сказочную страну, — ответил Виккерс.

— Вы говорите загадками.

Виккерс покачал головой:

— Я посетил ее однажды, когда был ребенком.

— Десять дней назад я бы сказал, что мы оба сошли с ума, вы — говоря это, а я — слушая вас. Сейчас я так уже не скажу.

— И все же мы, наверно, сошли с ума и превратились в пару идиотов.

— Мы не идиоты и не сумасшедшие, — сказал Крофорд. — Мы — два человека, которые с каждым часом становятся все более и более отличными друг от друга, но пока мы еще люди, и это — основа нашего взаимопонимания.

— Почему вы явились сюда, Крофорд? Не уверяйте, что только для беседы со мной. Вас терзает страх. Вы подслушиваете телефонные разговоры, пытаетесь узнать, куда я скрылся. Вы вламываетесь в мою комнату и запускаете волчок. У вас были какие-то соображения, когда вы запускали волчок. Какие?

— Я пришел вас предупредить, — сказал Крофорд. — Хочу вам сказать, что люди, которых я представляю, находятся на грани отчаяния и ни перед чем не остановятся. Они никому не позволят занять их место.

— Даже если у них не останется выбора?

— У них есть выбор. Они будут сражаться теми средствами, которыми располагают.

— Неандертальцы с дубинками.

— Мы — *Homo sapiens*. Дубинка — против ваших стрел. Именно об этом я хотел поговорить. Почему бы нам с вами не попытаться отыскать решение? Должна найтись какая-то платформа для переговоров.

— Несколько дней назад, — сказал Виккерс, — мы беседовали в вашем кабинете. Описывая положение дел, вы сказали, что ничего не понимаете. Слушая вас, можно было подумать, что вы совершенно не представляете себе, как идут дела. Почему вы лгали мне?

Крофорд продолжал неподвижно сидеть, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Мы исследовали вас с помощью аппаратуры, с помощью анализаторов. Мы хотели узнать, как много вам известно.

— И как много мне известно?

— Ничего не известно, — ответил Крофорд. — Мы выяснили, что вы — развивающийся мутант.

— Почему вы выбрали именно меня? — спросил Виккерс. — Кроме тех странностей, которые вы перечислили, ничто об этом не говорит. Я не знаю ни одного мутанта. Я не могу говорить от их имени. Если вы хотите договориться, найдите настоящего мутанта.

— Мы выбрали именно вас, — сказал Крофорд, — по очень простой причине. Вы единственный мутант, который оказался у нас в руках. Есть, правда, еще один, но тот знает меньше вашего.

— Но должны быть и другие мутанты.

— Конечно. Однако мы не можем их поймать.

— Вы говорите, как траппер, Крофорд.

— А я и есть траппер. Других можно схватить лишь в том случае, если они сами к вам явятся. Обычно они всегда отсутствуют. Они исчезают, — сердито разъяснил Крофорд. — Мы следим за ними и ждем. Мы пишем им и ждем. Их никогда нет. Они входят в дверь, но их нет в комнате. Мы ча-сами ждем встречи с ними, а они оказываются совсем не там, куда вошли, а иногда даже в нескольких милях от того места.

— Но меня-то вы можете найти. Я не исчезаю.

— Пока...

— Может, я отсталый мутант?

— Нет, просто не совсем развившийся.

— Значит, вы с самого начала остановили на мне свой выбор? — спросил Виккерс. — Вы подозревали меня, хотя я сам еще ничего не знал?

Крофорд хихикнул:

— Виной всему ваши книги. В них было что-то особенное. Наш отдел психологии отметил это. Мы и других обнаружили тем же способом. Двух художников, одного архитектора, одного скульптора, одного или двух писателей. Не спрашивайте меня, как наши психологи это делают. Может, у них особый нюх. Не удивляйтесь, Виккерс. Когда вы представляете мировую промышленность, в вашем распоряжении такие фонды и резервы рабочей силы, такие мощные средства исследования, что вам по плечу решение любой задачи. Вы и не подозреваете, какую работу мы проделали, какие области затронули. Но этого оказалось мало. Мы терпели провал за провалом.

— Теперь вы хотите вступить в переговоры?

— Я хочу. Но не другие. Они не желают никаких переговоров. Они готовы драться за созданный ими мир.

«Да, так оно и есть», — подумал Виккерс.

Гортон Фландерс, сидя в качалке и рисуя огоньком сигареты замысловатые фигуры, говорил именно об этом и о мировой войне, которой что-то или кто-то не раз помешал развиться.

— Их мир, — заметил Виккерс, — не столь уж хорош. Он построен на крови и нищете, в его фундаменте слишком много костей. Во всей его истории почти не найдется лет, свободных от насилия, организованного официального насилия в каком-нибудь уголке земного шара.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Крофорд, — вы думаете, что пора приступить к реорганизации.

— Примерно так.

— Ну что ж, — согласился Крофорд. — Наметим основные линии этой реорганизации.

— Как я могу это сделать? У меня нет ни знаний, ни полномочий. Я сам не в состоянии вступить в контакт, а со мной никакие мутанты, если они существуют на самом деле, тоже никогда не пытались вступить в контакт.

— Однако приборы подтверждают существование мутантов, и вы — один из них.

— Почему вы так убеждены в этом? — спросил Виккерс.

— Вы не верите мне, — сказал Крофорд. — Вы считаете меня предателем. И думаете, будто, заранее уверенный в поражении, я примчался к вам, размахивая белым флагом, чтобы доказать новому порядку, что я мирный человек, и заключить сепаратный мир, не заботясь о других. Быть может, тогда мутанты сохраняют меня, хотя бы в качестве забавной игрушки.

— Если хотите знать правду, что бы вы ни предприняли, все вы обречены.

— Ну, не совсем, — возразил Крофорд. — Мы можем бороться и в состоянии причинить немало осложнений.

— Чем? Вспомните, Крофорд, у вас есть только дубинки.

— У нас есть отчаяние.

— Дубинки и отчаяние? Так ли это много?

— У нас есть секретное оружие.

— Но ведь оно есть не только у вас.

Крофорд кивнул:

— Да, оно не так уж всемогуще. Поэтому я и нахожусь здесь.

— Я вступлю с вами в контакт, — сказал Виккерс. — Обещаю. Это самое большое, что я могу сделать. Тогда, если я сочту, что вы правы, я вступлю с вами в контакт.

Крофорд с трудом поднялся со стула.

— Сделайте это как можно скорее, — попросил он. — Время не терпит. Я не могу долго сдерживать их.

— Вы боитесь, — кивнул Виккерс. — Страх сидит в вас, как и в день нашей первой встречи.

— Действительно, я живу в постоянном страхе. Тем более что с каждым днем дела обстоят все хуже.

— Два напуганных человека, — сказал Виккерс. — Два десятилетних мальчугана, бегущих во тьме.

— И вы тоже?

— Конечно. Разве вы не видите? Я весь дрожу.

— Нет, не вижу. В какой-то мере, Виккерс, вы самый хладнокровный человек из всех, кого я встречал.

— Да, вот, — вспомнил Виккерс. — Вы говорили еще об одном мутанте, которого могли схватить.

— Говорил.

— Конечно, вы мне не скажете, кто он?

— Не скажу, — подтвердил Крофорд.

— Я так и думал.

Ковер словно заколыхался, и в комнате вдруг появился волчок. С тихим гудением он медленно вращался вокруг оси, так что было видно, как неровно он разрисован. Волчок вернулся.

Они стояли и смотрели, пока он окончательно не замер на полу.

— Он был там, — сказал Крофорд.

— И вернулся, — добавил Виккерс.

Крофорд закрыл за собой дверь, и Виккерс остался в холодной, залитой резким светом комнате с неподвижным волчком на полу, прислушиваясь к удаляющимся шагам Крофорда.

Глава 25

Когда шаги стихли, Виккерс подошел к телефону, снял трубку, набрал номер и стал ждать соединения. Он слышал,

как на линии переговариваются телефонистки, повторяя его вызов, голоса были слабые.

Энн следовало предупредить. У него было мало времени — их, конечно, подслушивали. Предупредить и заставить сделать то, что он потребует. Она должна была покинуть квартиру и скрыться до того, как они явятся к ней.

Он скажет:

— Энн, можешь ли ты сделать для меня одну вещь? Не задавая вопросов, не спрашивая почему?

Он скажет:

— Ты помнишь, где расспрашивала про плиту? Встретимся там.

И еще он скажет:

— Уходи из квартиры. Уходи и спрячься. Скройся. Сию же минуту. Не через час и даже не через пять минут. Положи трубку и уходи.

Она должна сделать все быстро, без колебаний и споров.

Он не мог ей сказать: «Энн, ты — мутант». Иначе она начнет выяснять, что это значит, как он узнал об этом, и люди Крофорда успеют явиться к ней.

Она должна уйти, слепо подчиняясь ему. Но согласится ли она это сделать?

Он даже вспотел от волнения. При мысли, что она потребует объяснений и не захочет уйти, не узнав причины, его затрясло, и он почувствовал, как струйки холодного пота бегут по спине.

Телефон уже звонил в ее квартире. Он припомнил расположение комнат, аппарат на столике возле дивана — вот она пересекает комнату, вот-вот раздастся ее голос.

А телефон все звонил и звонил.

Ответа не было.

Телефонистка сказала:

— Номер не отвечает.

— Попробуйте позвонить по другому номеру, — попросил он и назвал телефон конторы.

И опять он ждал, прислушиваясь к гудкам.

— И этот номер не отвечает, — сказала телефонистка.
— Спасибо, — поблагодарил Виккерс.
— Повторить вызов?
— Нет, — сказал Виккерс. — Аннулируйте его, пожалуйста.

Следовало поразмыслить и выработать план действий. Прежде всего надо было уяснить положение дел. Раньше было легче — стоило убедить себя, что все — игра воображения, что и сам он, и мир вокруг сошли с ума и, если без раздумий следовать событиям, все уладится.

Теперь промахнуться было нельзя.

Отныне он должен поверить всему, что в этом номере ему поведал Крофорд, каким бы невероятным это ни казалось.

Он должен поверить в это невероятное изменение человеческой природы и в расколотый враждебный мир. Он должен поверить в сказочную страну своего детства, и, если он действительно мутант, сказочная страна становится отличным знаком, по которому он сможет узнать своих собратьев, а они — его.

Он пытался вникнуть в тайный смысл рассказанного Крофордом, связать все воедино, но не мог — существовало множество неизвестных ему побочных явлений и факторов.

Имелся мир мутантов, мужчин и женщин, стоящих на более высокой ступени развития, чем обычные люди. Мутанты были наделены такими свойствами и мыслили такими категориями, о которых обычные мужчины и женщины и не подозревали.

Это был следующий шаг в развитии человека, следующая ступень эволюции. Человеческая раса продолжала развиваться.

— И только Богу известно, — сказал Виккерс в пустоту комнаты, — нужно ли ей это движение вперед.

Маленькое содружество мутантов содействовало развитию человеческой расы, но трудились они втайне, потому что, стоило им открыться миру нормальных людей, как он

восстал бы против них и разорвал только за то, что они не такие, как все.

В чем крылось отличие? Что и как они могли совершить?

Кое-что он знал — вечмобили, вечные бритвенные лезвия, вечные электрические лампочки и искусственные углеводы.

Какой же фактор действовал еще? Должен был существовать еще какой-то фактор.

Вмешательство, как говорил Гортон Фландерс, раскачиваясь в кресле на террасе. Чье-то вмешательство, которое помогало человечеству двигаться вперед и так или иначе уничтожать горькие плоды своего одностороннего развития.

Виккерс знал, что ответ мог дать только Гортон Фландерс. Но где его найти?

— Их трудно схватить, — говорил Крофорд. — Вы звоните у двери и ждете. Вы пишете им и ждете. Вы выслеживаете их и ждете. Но их никогда нет там, где вы думаете, они находятся где-то совсем в другом месте.

«Прежде всего, — подумал Виккерс, — надо смыться отсюда и постараться стать неуловимым.

Во-вторых, надо найти Энн и помочь скрыться и ей.

В-третьих, необходимо отыскать Гортон Фландерса и, если он не захочет говорить, вырвать у него признание».

Он взял волчок, спустился вниз и вернул ключ. Портье вручил ему счет.

— Тут для вас записка, — сказал он, кладя ключ на место. — Ее оставил человек, который был у вас.

Виккерс взял конверт и достал сложенный вчетверо листок бумаги.

— Странно, — сказал портье. — Он ведь только что говорил с вами.

— Да, — ответил Виккерс, — очень странно.

Он прочел записку:

«Не пользуйтесь своим вечмобилем. И молчите, что бы ни случилось».

Это было действительно странно.

Он вел машину навстречу заре. Дорога была пуста, и машина бесшумно летела вперед, словно птица, только на поворотах шуршали на асфальте шины. Рядом с ним, на сиденье, в такт движению покачивался раскрашенный волчок.

Его смущали два момента, только два момента.

Он должен был остановиться в доме Престонов.

И не должен был пользоваться машиной.

И то и другое было абсолютно абсурдным, и он злился на себя. Он до отказа нажал на акселератор, и шорох шин на поворотах превратился в визг.

Следовало остановиться в доме Престонов и испытать волчок. Он чувствовал, что должен поступить именно так, но сколько ни рылся в памяти, причин этого решения не находил. Если волчок способен сработать, он сработает где угодно. И все же какая-то глубокая уверенность подсказывала ему, что место проведения эксперимента не безразлично. Он был убежден, что дом Престонов явно скрывает что-то в себе. Он мог послужить ключевым моментом, если только во всех этих историях с мутантами мог быть ключевой момент.

«У меня мало времени, — говорил он себе. — Зачем крутиться вокруг да около? Нельзя терять ни минуты. Прежде всего надо вернуться в Нью-Йорк, чтобы отыскать и спрятать Энн».

Энн должна была быть тем, другим мутантом, о котором упомянул Крофорд, но и в данном случае, так же как с домом Престонов, его уверенность зиждилась ни на чем. Ведь не было ни оснований, ни доводов считать Энн Картер мутантом.

«Основания, доводы, доказательства, — думал он. — А что еще? Обычные логические рассуждения, с помощью которых человек построил свой мир. Есть ли у человека другая мера, позволяющая отнести систему причин и следствий к детским забавам, посредством которых люди многого

добивались, но которые во многом перестали их удовлетворять? Как отличить истину от лжи, добро от зла, не прибегая к нудному перечислению доказательств? Интуиция? Так это сродни женской непоследовательности. Предчувствие? Так это сродни суеверию.

Ну а в сущности, что представляют собой непоследовательность и суеверие? Долгие годы исследователи занимались внечувственным восприятием, этим шестым чувством, которое человек так и не сумел развить в себе.

А если возможно внечувственное восприятие, то почему не допустить существования других способностей — психокинетического контроля над предметами, предвидения, иного восприятия времени, чем бег стрелок по циферблату, познания и использования неведомых измерений пространственно-временного континуума?

Пять чувств: обоняние, зрение, слух, вкус, осязание. Пять чувств, о которых человек знал с незапамятных времен! Но разве их не может быть больше? Не исключено, что в человеке заложены и другие чувства, которые ждут своего развития. Ведь человек так медленно меняется на своем эволюционном пути. И вряд ли развитие человеческого интеллекта и человеческих чувств остановилось. А если так, то почему бы не появиться шестому чувству, седьмому, восьмому?

Не так ли, спрашивал себя Виккерс, произошло и с мутантами? Неожиданно развились вспомогательные и лишь наполовину осознанные чувства.

Такая мутация логична, и ее следовало ожидать».

Он проносился мимо деревень, крепко спящих в этот предутренний час, мимо ферм, выглядевших особенно голо в рассеянном свете зари.

«Не пользуйтесь своим вечмобилем», — прочел он в записке Крофорда. Бессмыслица. Почему он должен отказываться от машины? Доверившись словам Крофорда? А кто он такой? Враг? Однако порой его поступки говорили об обратном.

И все же не было оснований отказываться от машины. Но и в машине ему было не по себе. Как не было причин останавливаться в доме Престонов, однако он твердо знал, что совершил ошибку, не остановившись там.

Не было доказательств считать Энн мутантом, но он был уверен, что она — мутант.

Он несся навстречу утру. Над встречными речушками поднимался туман. На востоке появились первые лучи солнца, стали попадаться коровы, появились первые редкие автомобили.

Он вдруг понял, что голоден и хочет спать, но ему не хотелось останавливаться. Если уж он совсем станет засыпать, придется передохнуть.

Но вот подкрепиться следовало. В каком-нибудь ближайшем городке он остановится у открытого кафе перекусить. Одна-две чашечки кофе разгонят сон.

Глава 27

Город оказался не маленьким, было много кафе. Утренняя смена рабочих спешила на работу.

Он выбрал чистый на вид ресторан и снизил скорость, отыскивая место для стоянки. Только за квартал от ресторана удалось приткнуться к тротуару.

Он вылез из машины и запер дверцу. Было довольно свежо, как иногда бывает летним утром.

«Сейчас я поем, — решил он. — Не буду спешить, чтобы дать отдохнуть мышцам, и потом еще раз попробую позвонить Энн. Может, поймаю ее. Мне станет спокойнее, если она будет в курсе дела и сумеет скрыться. Лучше вместо встречи там, где продают дома, явиться к ним и все объяснить, вероятно, они смогут ей помочь. Как бы то ни было, он должен говорить с Энн быстро и твердо, чтобы она поверила не споря».

Он спустился вниз по улице и вошел в ресторан. Свободных мест было много, казалось, столиками и не

пользовались. Все посетители сгрудились у стойки. Виккерс тоже сел на один из свободных табуретов вместе со всеми.

Рядом с ним оказался громадного роста рабочий в выцветшей рубаше и топорщащейся робе; склонившись над тарелкой, он шумно ел овсяную кашу, так быстро орудуя ложкой, словно пытался создать непрерывный поток между тарелкой и ртом. По другую сторону от Виккерса сидел мужчина в синих брюках и белой рубашке с тщательно завязанным галстуком. Он был в очках и читал газету. У него был вид бухгалтера — человека, умеющего ловко обращаться с цифрами и гордящегося этим своим умением.

Подошла официантка и протерла тряпкой прилавок перед Виккерсом.

— Что желаете? — безразлично спросила она, слив в одно слово всю фразу.

— Оладьи, — сказал Виккерс, — и кусок ветчины.

— Кофе?

— И кофе, — кивнул Виккерс.

Она принесла еду, и Виккерс начал есть, сначала торопливо, глотая большие куски оладий, обильно политые сиропом, а потом, утолив первый голод, — медленнее.

Человек в робе встал и ушел. Его место заняла худенькая девица, у которой от усталости слипались глаза. «Явно секретарша, — подумал Виккерс, — поспавшая час-другой после целой ночи танцев».

Он почти кончил есть, когда на улице послышались крики и топот бегущих ног.

Девушка, сидевшая рядом, развернулась на табурете и выглянула в окно.

— Все бегут, — сказала она. — Интересно, что там случилось?

В дверях появился человек и крикнул:

— Там нашли вечмобиль!

Люди повскакивали с мест и ринулись к двери. Виккерс медленно последовал за ними.

«Нашли вечмобиль!» — крикнул человек. Единственной такой машиной, которую они могли найти, была машина, оставленная им на улице.

Толпа опрокинула автомобиль на середину улицы и кричала, потрясая кулаками. Кто-то бросил булыжник, и тот с резким звуком ударился о металл — будто пушечный выстрел грохнул в этот ранний утренний час.

Какой-то человек запустил булыжник в стеклянную дверь скобяной лавки и через разбитое стекло открыл дверь. Люди ворвались внутрь и, вооружившись кувалдами и топорами, вернулись на улицу.

Толпа раздвинулась, освободив им место. И кувалды, и топоры заблестели в косых лучах солнца. Брызнули стекла. Улица наполнилась металлическим грохотом.

Виккерс застыл возле двери ресторана, ощущая спазмы в желудке, — происходившее его просто потрясло.

Крофорд написал: «Не пользуйтесь своим вечмобилем». Вот что означало его предупреждение.

Крофорд знал, что произойдет с любым вечмобилем, найденным на улице.

Крофорд знал и предупредил его.

Так друг он или враг?

Виккерс протянул руку и коснулся ладонью кирпичной стены. Прикосновение к этой шероховатой поверхности вернуло его к действительности: озлобленная, свирепая толпа вдребезги разносила его машину.

«Они знают», — подумал он.

Им сказали о мутантах, и они возненавидели их.

Конечно, возненавидели.

Они не могли их не возненавидеть — само существование мутантов низводило людей на вторую ступень, они становились неандертальцами перед лицом завоевателя, вооруженного луком и стрелами.

Он повернулся и пошел назад в ресторан; он шел медленно, готовый тут же броситься бежать, если вдруг кто-то крикнет позади или чья-то рука коснется его плеча.

Человек в очках и с черным галстуком оставил возле тарелки свою газету. Виккерс взял ее, решительно обогнул стойку и толкнул дверь, ведущую в кухню. Там было пусто. Он быстро пересек кухню и вышел через черный ход в переулок.

Он двинулся по переулку, свернул еще в один узенький переулок между двумя зданиями и вышел на другую улицу. Пересек ее, опять свернул в проулок, потом еще в один.

«Они будут защищаться, — сказал ему Крофорд, сидя прошлым вечером в его номере на стуле, скрипящем под его массивным телом, — они будут защищаться теми средствами, которыми располагают».

Вот они и начали защищаться — схватили свои дубинки и бросились в бой.

Он увидел сквер, отыскал там уединенную скамейку, спрятавшуюся в кустарнике, и стал просматривать взятую в ресторане газету.

Добравшись до первой страницы, он нашел то, что искал.

Глава 28

Заголовок гласил: «НАС ИЗГОНЯЮТ!» Потом шел подзаголовок: «РАСКРЫТ ЗАГОВОР СВЕРХЛЮДЕЙ». И дальше: «Раса сверхлюдей среди нас; тайна вечных бритвенных лезвий раскрыта».

И сообщение:

«ВАШИНГТОН (спец. корр.). „Человечество оказалось перед лицом величайшей за все время своего существования опасности — всеобщего превращения в рабов“, — говорится в совместном заявлении ФБР, Объединенного комитета начальников штабов и Вашингтонского отделения Международного экономического бюро.

Совместное заявление было сделано на пресс-конференции президента. Аналогичные заявления последовали в Лондоне, Париже, Мадриде, Риме, Каире.

В заявлении говорится о появлении новой расы людей, называемых мутантами, которые пытаются захватить власть над миром.

В данном случае под мутантом понимается человек, перенесший внезапные резкие изменения исходных наследственных форм.

Изменения эти не касаются физического состояния, поскольку мутанта невозможно отличить от обычных людей, а связаны с развитием особых способностей, которые у обычных людей отсутствуют. (О явлении мутации см. статью на с. 1.)

В заявлении (полный текст приведен в колонке 4) говорится, что мутанты начали кампанию по уничтожению мировой экономической системы, производя такие товары, как вечные бритвенные лезвия, электрические лампочки, вечные автомобили, сборные дома и т. п., продаваемые через так называемые магазины технических новинок.

Многолетние официальные и частные исследования показали, что мутанты ведут организованную кампанию по захвату власти над миром. Настоящее заявление по поводу сложившейся обстановки, говорится далее, составлено после тщательного изучения представленных данных.

Заявление призывает население мира объединиться в борьбе против заговора, не прекращая своей обычной повседневной деятельности и не впадая в панику.

„Это не должно быть причиной страхов, — говорится в заявлении, — тем более что некоторые контрмеры уже приняты“. Однако более конкретного сообщения о контрмерах в заявлении не содержится. На вопросы журналистов по этому поводу официальные круги сообщили, что конкретные меры не подлежат разглашению из соображений безопасности.

„В целях борьбы с мутантами, — говорится в заявлении, — каждый гражданин должен следовать нижеприведенным правилам:

1. Сохранять спокойствие и не поддаваться панике.

2. Воздержаться от использования товаров, производимых мутантами.

3. Отказаться от приобретения любых товаров, производимых мутантами.

4. Немедленно сообщать в ФБР о любых подозрительных обстоятельствах, которые могли бы иметь отношение к сложившейся обстановке“.

(Продолжение см. на с. 11.)»

Виккерс не стал открывать одиннадцатую страницу, а решил просмотреть повнимательнее первую.

Здесь разъяснялось явление мутации и был приведен полный текст заявления. Кроме того, в статье какого-то профессора-биолога обсуждались возможные причины и последствия мутации. Там же было около дюжины сообщений.

Он начал читать:

«НЬЮ-ЙОРК (Ассошиэйтед Пресс). Сегодня по улицам города прошли толпы людей, вооруженных топорами и стальными ломami. Они врывались в помещения магазинов технических новинок, уничтожая имевшиеся там товары и установки. Однако в магазинах продавцов не оказалось. Единственная человеческая жертва к мутантам отношения не имеет.

ВАШИНГТОН (ЮПИ). Сегодня ранним утром разъяренная толпа убила водителя вечмобиля и уничтожила машину.

ЛОНДОН (Интернэшнл Ньюс Сервис). Сегодня правительство приняло решение выставить охрану вокруг жилых кварталов, где находятся сборные дома, изготовленные, как полагают, мутантами.

Владельцы, говорится в решении, приобрели эти дома, ни о чем не подозревая, и никак не связаны с заговорщиками. Охране предписано защищать этих честных граждан и их соседей от необузданной ярости толпы.

СЕН-МАЛО, ФРАНЦИЯ (Рейтер). Сегодня утром на одной улице на фонарном столбе обнаружен труп человека. На шее повешенного найдена табличка с надписью: „Мутант“».

Газета выпала из рук. Виккерс тупо смотрел, как она распласталась на песке.

А утренний поток автомобилей уже заполнял улицу. Возле ограды мальчик играл с мячом. Над лужайкой кружили голуби.

«Все как обычно, — подумал он. — Обычное человеческое утро. Люди спешат на работу, играют дети, воркуют на лужайках голуби».

Однако под видимым спокойствием бушевал поток зверства. Настоящее затаилось за фасадом цивилизации. Оно готовилось вырваться из засады и вцепиться в глотку будущего. Вцепиться в глотку Виккерса, в глотку Энн, в глотку Гортон Фландерса.

Слава богу, пока никак не связали его появление в городе с машиной. Но теперь в любую минуту кто-то сделает это. Кто-то вспомнит, что видел его за рулем этой машины. Кто-то заподозрит его, так как он не бросился вместе с остальными из ресторана, чтобы пополнить толпу, крушившую машину.

Пока он был в безопасности. Но сколько времени это продлится, он не знал.

Как же быть?

Он задумался.

Взять напрокат машину и продолжать путь?

Он не знал, как это лучше сделать...

Но во всех случаях одно было неотложным и требовало немедленных действий.

Следовало разыскать волчок.

Он остался в машине, и теперь за ним надо было вернуться.

Но стоило ли рисковать?

Виккерс не видел в таком риске особого смысла. Более того, это граничило с безумием. Но он знал, что должен попытаться.

А ведь Крофорд советовал ему не пользоваться машиной. Но тогда он не принял записку в расчет, и теперь оставалось только раскаиваться в этом. Вопреки здравому смыслу он оказался не прав. В данном случае логика подвела его, а его инстинкт, его предчувствие, его интуиция, как бы это ни называлось, подсказывали верный путь.

Он вспомнил собственные размышления о возможностях человеческого мозга, о его способности предвидения, которая порой куда сильнее логики и разума. Может быть, это одна из странных особенностей мутантов?

И может, именно это чувство, противоречащее логике и разуму, гнало его на поиски волчка.

Глава 29

Движение было перекрыто, вдоль улицы стояли полицейские, хотя нужда в их присутствии уже отпала — толпа успокоилась. Изуродованная, разбитая машина лежала колесами вверх, словно дохлая корова на кукурузном поле. Выбитые стекла скрипели под ногами любопытствующих зевак.

Виккерс смешался с толпой и пробился к машине. Передняя дверца была сорвана и валялась на мостовой. Почти никаких надежд найти волчок. А если волчок и здесь, то как им завладеть? Может, встав на колени, сделать вид, что интересуюсь щитком управления?

Он несколько раз с нарочито равнодушным видом обошел машину, обмениваясь замечаниями с зеваками. Он кружил до тех пор, пока не подобрался к дверце. Тогда он нагнулся и заглянул внутрь, но волчка в машине не было. Он сидел на корточках, вытянув шею и рассуждая о щитке управления и коробке передач, а сам высматривал злополучную игрушку.

Волчок исчез.

Виккерс встал и вновь смешался с толпой, оглядывая мостовую, — волчок мог выпасть из машины и откатиться в сторону. Он осмотрел водостоки по обеим сторонам улицы, мостовую — волчок как провалился.

Итак, волчок исчез, исчез раньше, чем он успел проверить его удивительные свойства.

Дважды побывал он в сказочной стране — первый раз ребенком, а второй раз юношей, гуляя по заветной долине с девушкой по имени Кэтлин Престон. Вероятно, эта долина могла быть и совсем другой сказочной страной. А потом, когда он снова захотел встретиться с Кэтлин, ему сказали, что она уехала, и он повернулся спиной к двери и неверными шагами пересек террасу.

«Минуточку, — сказал он себе, — а действительно ли я повернулся спиной к двери и неверными шагами пересек террасу?»

Он напряг память и вспомнил тихий голос человека, который сказал, что Кэтлин уехала, а потом добавил:

— Зайди, малыш. Я хочу кое-что показать тебе.

Он вошел в громадный вестибюль с густыми тенями по углам, с картинами по стенам и величественной лестницей, ведущей наверх. Затем кто-то разговаривал с ним.

Что сказал тот человек?

Или что-то произошло?

Как случилось, что этот момент, о котором он должен был помнить всегда, всплыл после стольких лет забвения, как и воспоминание о его детской встрече со сказочной страной?

И так ли все было на самом деле?

«Об этом, — признался он себе, — я судить не могу».

Он повернулся и двинулся вниз по улице мимо полицейского, который, играя дубинкой, с улыбкой поглядывал на толпу.

На пустыре играли дети. Когда-то и он так же самозабвенно играл, наслаждаясь теплыми лучами солнца и

ощущая, как по телу пробегают волны счастья. Не существовало понятия времени — всякая цель ставилась на несколько минут, редко на час. Каждый день был вечностью, и жизни не было конца...

В стороне какой-то малыш возился со своей игрушкой. Вдруг он подбросил ее кверху и снова поймал, холодея от счастья. Солнце расцветило предмет, и у Виккерса перехватило дыхание.

Это был его волчок!

Он сошел с тротуара и с трудом пересек пустырь.

Дети не замечали его или просто не захотели замечать — ведь взрослые либо не существуют для их игр, либо присутствуют в них как дружелюбные объекты.

Виккерс остановился возле малыша с волчком.

— Привет, сынок.

— Привет.

— Что это у тебя?

— Я нашел это, — насторожился малыш.

— Красивая штука, — сказал Виккерс. — Я хотел бы ее купить.

— Я не хочу ее продавать.

— Я дам тебе за нее кучу денег, — сказал Виккерс.

Мальчуган глянул на него с интересом.

— А на велосипед хватит?

Краем глаза Виккерс заметил, что стоящий на тротуаре полицейский посмотрел на него и направился к пустырю.

— Держи, — сказал Виккерс.

Он схватил волчок и бросил смятые деньги на колени мальчугана. Потом выпрямился и бросился бежать в сторону переулка.

— Эй вы! — крикнул полицейский.

Виккерс продолжал бежать.

— Эй вы! Остановитесь, или буду стрелять!

Раздался выстрел, и Виккерс услышал свист пули над головой. Полицейский не мог знать, кто он, но утренняя газета напугала всех.

Он добежал до ближайшего здания и скрылся за углом. Но оставаться в переулке не мог и свернул в узкий проход между двумя зданиями. Уже свернув, он понял, что совершил ошибку — проулок выходил на ту улицу, где лежала его исковерканная машина.

Он увидел открытое подвальное окно и, не успев даже подумать, понял, что это его единственное спасение. Он прикинул расстояние и прыгнул туда. Очутившись в подвале, он ощутил острую боль в спине, видно задел раму, и тут же стукнулся обо что-то головой — темнота взорвалась миллионами звезд. Дыхание перехватило, он растянулся на полу, выронив из рук волчок, который откатился куда-то в сторону.

Наконец ему удалось встать на четвереньки, и он пополз к волчку. Наткнувшись на водопроводную трубу, он с трудом встал на ноги. Спина кровоточила, голова гудела. Но на некоторое время он обрел безопасность.

Он нашел ступеньки и, поднявшись по ним, понял, что находится в помещении позади скобяной лавки. Там громоздились рулоны арматуры, толя, картонные коробки, упакованные дымовые трубы и бухты манильского троса.

Присев позади ящика, он очутился в круге солнечного света, падающего из окна над головой. Снаружи, с улицы, доносились топот бегущих ног и крики. Он снова спустился вниз и прижался к шершавым доскам, сдерживая дыхание и боясь, что оно выдаст его, если кто-то войдет сюда.

Надо было во что бы то ни стало найти выход — если он останется здесь, его найдут. Полиция и жители прочешут квартал. К тому времени они уже будут знать, за кем идет охота. Мальчуган скажет, что нашел волчок неподалеку от машины, кто-то вспомнит, как он ставил машину, вспомнит о нем и официантка ресторана. Из этих отрывочных сведений они поймут, что беглец и был водителем разбитого автомобиля.

Он представил себе, что случится, если его схватят. Он хорошо помнил сообщение из Сен-Мало о повешенном на фонарном столбе.

Но путей к бегству не было. Он не мог выйти на улицу — там его искали. Можно было вернуться в подвал, но это не меняло дела. Можно было пробраться в магазин и притвориться покупателем, зашедшим присмотреть ружье или инструмент, потом выйти на улицу. Однако он сомневался, что это удастся.

Аналогичное поведение ничего не дало. Логика и разум выходили победителями, пока оставались главными факторами, управляющими жизнью человека.

Не существовало никакой возможности бегства и из солнечного уголка позади ящика.

Не существовало никакой возможности бегства, кроме...

Он снова нашел волчок. Волчок был с ним.

Вообще не существовало никакой возможности бегства, никакой, если не сработает... волчок.

Он поставил волчок на пол и, нажав на ручку, придал ему медленное вращение. Потом разогнал быстрыми движениями руки и отпустил. Волчок загудел. Придвинувшись ближе, он неотрывно смотрел на цветные полосы. Они появлялись и исчезали в бесконечности, и он спрашивал себя, куда они уходят. Он так сосредоточил внимание на волчке, что забыл об окружающем.

Волчок не сработал. Виккерс протянул руку и остановил закачавшуюся игрушку.

Потом попробовал еще раз.

Надо было вновь стать восьмилетним мальчуганом. Снова вернуться в детство. Очистить мозг от всех взрослых мыслей, взрослых забот, от зрелости. Вновь превратиться в ребенка.

Он подумал об играх на пляже, о сне под деревом, о податливом песке под босыми ногами. Закрыв глаза, он поймал кусочек своего детства с его красками и запахами.

И снова не отрывал взгляда от полосок, снова весь ушел в их появление и исчезновение.

И опять ничего не вышло. Волчок покачнулся, и он остановил его.

Холодящая мысль пронзила Виккерса — он не мог забыть о времени. Он спешил.

А ведь у ребенка нет понятия времени. Оно для него не существует.

Он заставил себя забыть, что дорога каждая минута, чтобы вновь стать ребенком, только что получившим в подарок новенькую сверкающую игрушку.

И снова запустил волчок.

Он ощутил уют дома и материнскую любовь, увидел разбросанные по полу игрушки и книжки, которые ему читала бабушка, когда приходила в гости. И он смотрел на волчок с наивным восторгом, наблюдая, как исчезают и появляются полоски,

появляются и исчезают, появляются и исчезают...

Он провалился вниз примерно на фут и очутился на вершине холма.

Вокруг на мили расстилалась равнина — обширная страна с лугами, рощами и змейками рек. У его ног, покачиваясь, медленно вращался волчок.

Глава 30

Девственная долина без всяких следов человеческой деятельности простиралась от горизонта до горизонта — земля и небо. И эту нетронутую землю ласкали лишь порывы ветра, пробегавшие по ней из конца в конец.

С высоты холма Виккерс заметил вдали движущиеся темные пятна и понял, что это стада бизонов. В его сторону трусили три волка. Но, увидев человека, они повернули назад и сбежали вниз по склону. В голубом безоблачном небе, выписывая величественные круги, парила одинокая птица. До Виккерса донесся резкий птичий крик.

Волчок не подвел. Теперь в этой безграничной стране волков и бизонов он был в безопасности.

Он поднялся выше на гребень, чтобы еще раз осмотреться вокруг. Ничто не говорило о близости человеческого жилья — он не видел ни дорог, ни струек дыма, поднимающихся к небу.

Он посмотрел на солнце, пытаясь определить, где запад. По его расчетам, была середина утра. Если он ошибся и время клонилось к вечеру, то через несколько часов тьма окутает равнину. А с наступлением темноты ему хотелось бы оказаться в укрытии.

Он думал, что попадет в сказочную страну, но эта страна была отнюдь не сказочной. «Стоило серьезно поразмыслить, — сказал он себе, — и я бы понял, что такой страны нет и место, куда я попал ребенком, конечно, не было сказочной страной». Перед ним лежал новый обширный мир, безлюдный, быть может опасный, но здесь было лучше, чем в складском помещении скобяной лавки в незнакомом городе, где люди охотились за ним, чтобы вздернуть на фонарном столбе.

Он покинул старый, привычный мир и оказался в новом, странном мире, и, если здесь нет людей, ему придется рассчитывать только на себя.

Он уселся, вывернул все карманы и тщательно осмотрел их содержимое. Полпачки сигарет; три коробка спичек, один из которых почти пуст; перочинный нож; носовой платок; бумажник с десятью долларами; несколько центов; ключ от вечмобиля; брелок с ключами от дома, письменного стола и еще от чего-то; авторучка; сложенные пополам листки бумаги для попутных записей — это было все. Огонь, и оружие защиты, да несколько кусочков бесполезного металла — вот все, чем он располагал. И если мир безлюден, этим он должен себя кормить, защищать, строить убежище, а со временем и одевать.

Он закурил, решив осмыслить происшедшее, но смог думать лишь о необходимости беречь сигареты, которых осталось всего полпачки, — новые взять будет негде.

Чужая страна, впрочем не совсем чужая, ведь он находился на Земле, старой привычной Земле, которой пока не коснулась рука человека. Он дышал воздухом Земли, видел ее луга и небо, ее животных. Это был мир древней Земли. С неводеланными почвами, нетронутыми сокровищами.

Эта страна не была чужой, волчок не забросил его в другое измерение, да и, по правде говоря, волчок здесь оказался ни при чем. Волчок не играл никакой роли. Волчок явился средством для концентрации внимания, гипнотизирующей игрушкой, которая позволила мозгу выполнить нужную работу. Волчок помог ему попасть в эту страну, но только его мозг и присущие ему особые способности перебросили его со старой, привычной Земли в этот странный, девственный мир.

Он читал или слышал о чем-то подобном...

Он силился вспомнить.

Статья в газете. Или обрывок разговора. Или передача по телевизору.

И наконец вспомнил — статья одного бостонского ученого, кажется, доктора Олдриджа, в которой говорилось, что один мир опережает нашу планету на секунду, а другой на секунду отстает от нее. И так они следуют один за другим, целая цепочка миров, словно люди, ступающие по снегу след в след, образуя одну непрерывную линию.

Непрерывная цепь миров, следующих один за другим. Кольцо вокруг Солнца.

Он не дочитал тогда статью до конца, что-то отвлекло его, и он отложил газету в сторону. И теперь жалел об этом. Очень может быть, что Олдридж оказался прав. Этот мир мог следовать за старой, привычной Землей и быть следующим звеном бесконечной цепи миров.

Он попробовал представить себе принцип, на котором строилась эта цепочка миров, но не смог — слишком многого он не знал.

«Предположим, я нахожусь на Земле-2, следующей за старой Землей, которую только что покинул, — думал

Виккерс. — Допустим, топография обоих миров достаточно схожа, хотя и неидентична. Небольшие отличия станут заметными, может, только в девятом мире. Значит, Земля-2 почти не должна отличаться от старой Земли. Если там я находился где-то в Иллинойсе, то и здесь должен быть на землях прежнего Иллинойса».

Восьмилетним мальчуганом он побывал в местах, где рос сад и стоял окруженный кустарником домик. Вполне возможно, что и сейчас он находился на той же Земле. Когда-то он гулял по заветной долине, которая тоже могла находиться на этой Земле. Но тогда здесь мог существовать и дом Престонов, похожий на гордый дом с Земли его детства.

«Это — моя надежда, — решил он. — Ничтожная, но единственная, которая у меня есть».

Добраться до дома Престонов, направляясь на северо-запад. Пройти пешком весь тот длинный путь, который он проехал на машине от родного дома. Он понимал, как невелика вероятность найти дом Престонов. Не окажется ли он в ловушке этого пустынного и громадного мира? Но он отогнал сомнения — только эта вероятность таила в себе его единственную надежду.

Он снова посмотрел на солнце: оно поднялось выше, значит, было утро. Теперь он точно знал, где находится запад, — единственное, что ему надо было сейчас знать.

Он вскочил на ноги и быстро зашагал вниз, направляясь на северо-запад, к своей единственной надежде в этом мире.

Глава 31

Задолго до наступления темноты в рощице у ручья он выбрал место для ночлега.

Стянув с себя рубашку, он соорудил из нее и прутьев примитивную вершу, потом, спустившись к заводи, довольно быстро наловчился орудовать ею. Через час на песке бились пять средней величины рыб.

Почистив их перочинным ножом, он с одной спички развел костер и с гордостью подумал, что из него вышел бы неплохой траппер.

Он испек одну рыбину и съел, не испытав удовольствия, — кроме отсутствия соли сказалось и неумение пользоваться первобытным очагом: часть рыбы обуглилась, а часть осталась сырой. Однако он заставил себя доестъ всю рыбину, ибо знал, что впереди его ждут трудные дни.

Между тем наступила ночь, и он придвинулся ближе к костру. Так, сидя, он и заснул.

Проснувшись, он увидел, что огонь почти погас, а ночь стала еще темней. Он снова раздул костер. Огонь не только согревал, но и служил защитой — днем он видел и волков, и медведей, в зарослях промелькнула и гибкая кошачья тень, но он не успел разглядеть, что это был за зверь.

Когда он снова проснулся, на небе занялась заря. Он подбросил сучьев в костер и испек остальную рыбу. Одну рыбину он съел, а остальные сунул в карман. Он знал, что днем у него не будет времени на привал.

Поблизости в кустарнике он нашел толстую прямую палку и проверил, не гнилая ли она. Такая палка могла служить посохом при ходьбе и дубинкой при обороне. Проверив карманы, он убедился, что все на месте. Главное — перочинный нож и спички. Он туго завернул спички в носовой платок и в майку. Если он попадет под дождь или свалится в реку, они останутся сухими. Он сомневался, что сможет развести огонь, высекая искры из камня.

Он пустился в путь до восхода солнца, но шел медленнее, чем накануне, так как понял, главное — умение экономить силы. Глупо было выдохнуться в первые же дни долгого перехода.

В полдень ему пришлось сделать большой круг, обходя огромное стадо бизонов. На ночь он опять остановился в роще. По пути он поймал еще одну рыбину, а в роще обнаружил кусты ежевики, так что на ужин имел и десерт.

Солнце взошло, и он снова пустился в путь. Солнце село.

Опять наступил день, и он снова был в пути. Прошел еще один день, и еще, и еще...

Он ловил рыбу. Собирал ягоды. Однажды наткнулся на только что задранного оленя. Хищник, по-видимому, удрал с приближением человека. Он отрезал себе столько мяса, сколько смог унести. Даже без соли мясо было вкуснее рыбы. Он ел его и сырым, тщательно разжевывая на ходу. Когда запах от мяса стал нестерпимым, пришлось выбросить остатки.

Он потерял всякое ощущение времени. Не знал, сколько прошел, сколько ему осталось пройти до нужного места, и вообще найдет ли его.

Когда прохутились ботинки, он набил их сухой травой и подвязал полосками ткани, которые нарезал из брючин.

Однажды, склонившись над ручьем, чтобы напиться, он увидел отражение странных черт и был поражен, поняв, что видит собственное лицо, заросшее и отмеченное усталостью, лицо человека в лохмотьях.

Дни следовали один за другим. Он продолжал идти на северо-запад. Сначала он обгорел на солнце, потом покрывлся загаром. На бревне он перебрался через широкую и глубокую речку. Он потратил на переправу много времени, бревно едва не перевернулось, но все же достиг другого берега.

Он продолжал свой путь. У него не было иного выбора.

Он шел через пустынную страну без всяких признаков жизни, хотя края эти во всем подходили человеку. Плодородные, поросшие высокими травами луга, вековые рощи вдоль берегов рек.

И наконец однажды, перед самым заходом солнца, он выбрался на перевал и увидел перед собой равнину и реку, излучины которой показались ему знакомыми. Но его внимание привлекла не река, а зеркальный отблеск садящегося солнца — вдали, у горизонта, высились какие-то явно металлические конструкции.

Прикрыв глаза рукой и напрягая зрение, он пытался разглядеть, что это такое, но расстояние было велико и солнце слепило глаза.

Спускаясь по склону и не зная, радоваться ему или бояться, Виккерс не отрывал взгляда от металлических бликов. Они то пропадали из виду, когда он спускался в долину, то появлялись вновь, когда он оказывался на перевале, и он понял, что это не мираж.

Наконец он различил сверкающие металлом здания, а потом и странные предметы, подлетавшие к ним и улетающие прочь. Чувствовалось, что там кипит жизнь.

Это не походило ни на город, ни на поселок. Все было сделано из металла, и совсем отсутствовали какие-либо подъездные пути.

По мере приближения он различал все больше деталей и, остановившись в одной-двух милях от строений, понял, что находится перед ним.

Это был не город, а завод, громадный завод. К нему беспрерывно подлетали странные предметы, они больше походили на летающие вагоны, чем на самолеты. Большинство из них двигались с севера и запада, летели они на небольшой высоте и с небольшой скоростью и направлялись к посадочной площадке, скрытой от Виккерса группой зданий. Существа, сновавшие между зданиями, лишь отдаленно напоминали людей, скорее всего это были какие-то металлические создания, так как они ослепительно сверкали в последних лучах заходящего солнца.

Возле каждого здания высилась башня громадного диаметра с чашей наверху. Все чаши были обращены к солнцу и горели красным огнем.

Он медленно приблизился к зданиям и, только очутившись рядом, понял, как они огромны. Они занимали гигантскую территорию. Создания, сновавшие между зданиями и выполнявшие какую-то работу, оказались самоуправляемыми роботами.

Некоторые машины были знакомы Виккерсу, а некоторые он узнать не мог. Он увидел мчавшийся тягач с грузом строительного леса, потом мимо него со скоростью тридцать миль в час проехал громадный кран с лязгающим ковшом на стреле. Очень многие машины казались верхом механического бреда, и все они двигались на громадных скоростях, словно спешили куда-то.

Он нашел улицу, нет, не улицу, скорее проезд между двумя зданиями и двинулся по нему, стараясь держаться поближе к стене, — машины носились здесь с бешеной скоростью.

Оказавшись возле здания с распахнутыми воротами, он осторожно поднялся по пандусу и заглянул внутрь. Помещение было залито неизвестно откуда льющим светом. Вдоль него тянулись длинные ряды работающих машин. Но шума не было, и это поразило Виккерса. Завод работал, но работал совершенно бесшумно. Царила полная тишина, нарушаемая лишь металлическим позвякиванием пронесившихся снаружи машин.

Он спустился по пандусу и проездами прошел к посадочной площадке, на которую садились и с которой взмывали летающие вагоны.

Он смотрел на приземляющиеся и разгружающиеся машины, на штабеля свеженапиленного строительного леса, который укладывался на тягачи, разбегавшиеся по всем направлениям; здесь же были горы руды, скорее всего железной, которую подбирали другие грузовые машины, похожие, как показалось Виккерсу, на пеликанов.

Разгруженный вагон тут же взлетал, без шума, словно его подхватывал и уносил в воздух порыв ветра.

Летающие вагоны прибывали сплошным потоком и тут же разгружались. Прибывшие материалы сразу же куда-то развозились громадными машинами.

«Эти машины ведут себя как люди», — подумал Виккерс. Это не были автоматы. Автомат предполагает строго чередующиеся, определенные операции, а вагоны приземлялись

достаточно произвольно. Как только вагон садился, одна из грузовых машин подъезжала к нему и разгружала его.

«Они похожи на разумных существ», — подумал Виккерс. И, подумав об этом, понял, что они действительно разумны. Это были машины-роботы. Внешне они совсем не походили на людей, но были наделены разумом и знали, что делать.

Солнце село, а он стоял у угла здания, глядя на башни. Их чаши, только что обращенные в сторону заходящего солнца, теперь медленно поворачивались к востоку, чтобы утром поймать его первые лучи.

«Солнечная энергия», — подумал Виккерс. Где же он слышал о солнечной энергии? Ну конечно, в домах мутантов! Маленький продавец объяснил ему и Энн, что при наличии солнечных батарей им не нужны ни газ, ни электричество.

И здесь работала солнечная энергия. И здесь машины не знали трения, а потому не производили никакого шума, как не подверженные износу вечмоби́ли.

Машины не обращали на него внимания, словно не видели его и не подозревали о его присутствии. Ни одна из них не снизила скорости, обгоняя его; ни одна не свернула, чтобы объехать. Но и ни одна из них не угрожала ему.

Как только солнце село, всю местность вокруг залил свет, но он опять не смог определить, где находится его источник. Наступление ночи не остановило работы. Летающие вагоны, эти громадные угловатые коробчатые конструкции, продолжали прилетать, разгружаться, улетать. Машины увозили их грузы. Длинные ряды станков в зданиях продолжали свой бесшумный труд.

«А летающие вагоны, — спросил он себя, — тоже роботы? Скорее всего — да».

Он снова двинулся вперед, прижимаясь к стенам зданий, чтобы не очутиться посреди дороги.

Он нашел гигантскую погрузочную площадку, где вздымались аккуратные горы ящиков. Одни машины их беспрерывно подвозили, другие заполняли ими летающие вагоны.

Он осторожно выбрался на площадку и осмотрел закрытые ящики, пытаясь определить их содержимое, но, кроме букв и цифр, на них ничего не значилось. Он подумал было, не вскрыть ли один из ящиков, но у него не было ни инструмента, ни уверенности, что ранее равнодушные к его персоне машины не заинтересуются им, если он начнет мешать их работе.

Несколько часов понадобилось ему, чтобы выбраться за пределы гигантского завода. А отойдя подальше и обернувшись, он испытал трепет перед залитой светом отлаженной громадиной.

Ему не надо было спрашивать себя, что производит это предприятие. Он заранее знал ответ. Или бритвенные лезвия, или зажигалки, или лампочки, или дома, или вечмобили. А может, и все эти изделия сразу.

Он был уверен, что перед ним тот самый завод или один из заводов, который тщетно разыскивали Крофорд и Североамериканское исследовательское бюро.

И не было ничего удивительного, что их поиски оставались безуспешными.

Глава 32

Он вышел к реке далеко за полдень. Река эта с ее островами, заросшими деревьями и ползучими растениями, с ее песчаными отмелями, со зловещим шорохомzybучих песков — он был уверен — была река Висконсин в ее нижнем течении, перед слиянием с Миссисипи. А если все обстояло именно так, он знал, куда идти. Отсюда легко было добраться до конечной цели путешествия.

Но тут на него нахлынули сомнения. Найдет ли он нужное место? В этой стране дома Престонов могло и не быть. Ведь он немало прошел, но обнаружил только роботов, здесь царила сложная машинная цивилизация, где не было места человеку. Людям нечего было делать на этом заводе, который не нуждался ни в руках, ни в мозге человека.

В угасающем свете дня он устроил привал на берегу реки и долго сидел без сна, уставившись на серебряное зеркало воды в лунном свете и ощущая свое одиночество. Столь горького и глубокого одиночества он еще, никогда не испытывал.

Наступит утро, и он снова пустится в путь. Он найдет хотя бы место, где должен стоять дом Престонов. Но как он поступит, если там ничего нет?

Он решил не думать об этом и в конце концов заснул.

Утром он спустился к реке и внимательно рассмотрел скалистый южный берег. Да, места явно были знакомы ему.

Он двинулся вниз по течению и вскоре в голубой дымке различил высокую скалу возле места слияния двух рек, а за ней тонкую лиловую цепочку холмов. Он вскарабкался повыше и долго изучал взглядом долину, к которой стремился.

Ночь он провел уже в стороне от реки, а наутро отыскал долину, которая вела к дому Престонов.

Он прошел ее до половины, прежде чем она стала ему совершенно знакомой. Надежда постепенно превращалась в уверенность, что он идет по знакомой земле.

Наконец он нашел ту заветную долину, по которой гулял двадцать лет назад!

«Теперь, — думал он, — теперь, если только на месте дом».

Ему становилось плохо при мысли, что дома не окажется, что, поднявшись по последнему склону, он увидит только место, где должен стоять дом. Рухнет последняя надежда, и он превратится в изгнанника родной Земли.

Он отыскал тропинку и пошел по ней, глядя, как ветер колышет высокие травы, чьи седые венчики походили на буруны штормового моря. Он увидел заросли диких яблонь, они не цвели — стояло лето, но это были те самые яблони, которые он когда-то видел в цвету.

Тропинка обогнула вершину холма. И Виккерс увидел дом. Ноги его ослабели, он остановился и быстро отвел

взгляд в сторону, а потом медленно повернул голову и убедился, что не стал жертвой воображения, — дом действительно стоял на своем месте.

Дом стоял на своем месте.

Он вновь двинулся вверх по тропинке, заметил, что бежит, и заставил себя перейти на шаг. Потом побежал опять и на этот раз не стал останавливаться.

Он добрался до вершины холма, где стоял дом, и замедлил шаг, пытаясь восстановить дыхание. И только теперь подумал, на кого он похож со своей многодневной бородой, в лохмотьях, впитавших всю грязь и пыль долгого путешествия, в разодранной обуви, привязанной к ногам лоскутами от брючин, с остатками брюк, не прикрывавших даже грязных, исхудавших колен.

Он подошел к белой ограде, окружавшей дом, остановился перед калиткой, оперся о нее и стал разглядывать дом. Дом выглядел точно таким, каким он помнил его: чистым, ухоженным, с тщательно подстриженным газоном и цветочными клумбами, со свежевыкрашенными деревянными частями и кирпичом, отшлифованным за долгие годы солнцем, ветром и дождем.

— Кэтлин, — произнес он, с трудом шевеля пересохшими, потрескавшимися губами, — я вернулся.

Он хотел представить себе, как она выглядит после долгих лет разлуки. Не могла же она остаться девушкой семнадцати или восемнадцати лет, какой он знал ее когда-то, теперь она была женщиной примерно одного возраста с ним.

Она увидит его стоящим у калитки и, несмотря на его бороду и лохмотья, на его многодневное путешествие, узнает, распахнет дверь и пойдет по аллее навстречу.

Дверь распахнулась, но солнце било ему в глаза, и он не мог ее разглядеть, пока она не сошла с крыльца.

— Кэтлин, — произнес он.

Но это была не Кэтлин.

Это был человек, которого он никогда не видел, — его почти обнаженное тело блестело на солнце. Приблизившись, он спросил Виккерса:

— Сэр, я чем-нибудь могу вам помочь?

Глава 33

Что-то раздражало в этом сверкающем на утреннем солнце человеке — то ли его манера двигаться, то ли манера говорить. Прежде всего, он был совершенно безволосым. Ни единого волоска не было у него ни на голове, ни на груди. И глаза казались какими-то необычными. Они блестели так же, как и все тело. Кроме того, на лице не было губ.

— Я робот, сэр, — разъяснил сверкающий человек, видя растерянность Виккерса.

— А... — протянул Виккерс.

— Меня зовут Айзекайя.

— Как дела, Айзекайя? — поспешил спросить Виккерс, не зная, что сказать.

— Хорошо, — ответил Айзекайя. — У меня все всегда идет хорошо. Со мной не может случиться ничего плохого. Благодарю вас за внимание, сэр.

— Я надеялся кое-кого встретить здесь, — сказал Виккерс.

— Мисс Кэтлин Престон. Она случайно не дома?

Он заглянул в глаза робота, но они ничего не выражали.

Робот спросил:

— Не желаете ли пройти в дом и подождать?

Робот открыл перед ним калитку, отошел в сторону, и Виккерс двинулся вперед по кирпичной дорожке, отметив про себя, как посветлел за долгие годы кирпич. Дом был в хорошем состоянии. Блестели свежевывмытые стекла и ставни, газон казался прямо-таки выбритым. На клумбах с яркими цветами не было ни единого сорняка, а ограда словно несла вечную охрану вокруг дома: ее ярко-белые столбики походили на деревянных солдат.

Они обошли вокруг дома, робот поднялся по маленькому крылечку черного входа, толкнул дверь и пригласил Веккерса войти.

— Направо, сэр, — сказал Айзекайя. — Присаживайтесь и подождите, пожалуйста. Если вам что-нибудь понадобится — звонок на столе.

— Спасибо, Айзекайя, — поблагодарил Веккерс.

Для прихожей комната была слишком велика. Веселые обои, посреди стены мраморный камин, увенчанный зеркалом. Здесь стояла тишина, такая официальная тишина, которая часто оказывается предвестником решающих событий.

Веккерс сел на стул и застыл в ожидании.

На что он надеялся? Что Кэтлин выскочит из дома и радостно побежит ему навстречу? И это после двадцати лет разлуки, в течение которой она не получила от него ни единой весточки? Он покачал головой. Он принял мечты за реальность. Этого не могло быть. Это противоречило всякой логике.

Хотя некоторые события вопреки той же логике все же произошли. Куда как нелогичнее найти этот дом в этом, ином, мире? Однако он нашел его. И сидел сейчас под его крышей. Не менее нелогичным было найти позабытый волчок и воспользоваться им. Однако благодаря этому волчку он находится здесь, сидит и прислушивается к происходящему в доме.

Из соседней комнаты донеслись тихие голоса, и он заметил, что дверь, ведущая туда из прихожей, слегка приоткрыта.

Других звуков не было, утренняя тишина царила в доме.

Он встал, подошел к окну, потом к мраморному камину.

Кто находился в соседней комнате? Почему он ждал? Кого он увидит за этой дверью и что ему скажут?

Неслышными шагами, почти на цыпочках, он кружил по комнате. Потом остановился возле двери, прижался к ней спиной и, сдерживая дыхание, прислушался.

Теперь он различал слова:

— ...это будет шоком.

Низкий, хриплый голос произнес:

— Шок неизбежен. Как бы мы ни поступали, шок неизбежен. Какие бы мы ни выбирали слова, они все равно будут ранить.

Ему ответил тягучий голос:

— К несчастью, мы можем действовать только так. Жаль, что их невозможно оставлять в телах, данных им от рождения.

Затем снова раздался деловой, уверенный, отчетливо слышимый голос:

— Большинство андроидов реагируют неплохо. Стоит им узнать, кто они такие, как они быстро оправляются от шока.

Мы должны им все объяснять. Кстати говоря, из всех троих он самый подходящий и может справиться с делом и в своем нынешнем теле.

— Мне кажется, — проговорил хриплый голос, — что мы поспешили с Виккерсом.

— Фландерс сказал, что это необходимо. Он считает, что только Виккерсу под силу обуздать Крофорда.

Раздался голос Фландерса:

— Уверен, что он справится. Он поздно взялся за дело, но быстро пошел вперед. Мы не церемонились с ним. Вначале дал промашку клоп, он поймал его и начал размышлять. Затем мы организовали угрозу линчевания. Потом он нашел волчок, который мы подложили ему, и принялся все сопоставлять. Надо подтолкнуть его еще пару раз...

— А девушка, Фландерс? Как ее зовут?

— Энн Картер, — ответил Фландерс. — Мы ее тоже подтолкнули, но не так грубо, как Виккерса.

— Как они воспримут это, — спросил тягучий голос, — когда узнают, что они — андроиды?

Виккерс отшатнулся от двери и медленно побрел прочь, он шел на ощупь, ничего не видя, словно по темной, заставленной мебелью комнате.

Добравшись до двери в вестибюль, он вцепился в притолоку.

«Вещь, — подумал он. — Даже не человек».

— Будь ты проклят, Фландерс! — вырвалось у него.

И он, и Энн — вовсе не мутанты. Они не только не высшие существа, но и не люди. Андроиды!

«Надо удирать, — подумал он. — Удирать, скрыться. Уйти от всех, залечить раны, успокоить свой мозг и подумать, что делать дальше».

Следовало что-то предпринять. Оставить это так было невозможно. Надо подумать и найти ответный ход.

Он пересек вестибюль, приоткрыл парадную дверь и посмотрел, нет ли кого поблизости. Газон был пуст. Нигде никого.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь, спрыгнул с крыльца и кинулся бежать. С ходу перемахнул через ограду и бросился дальше.

Он не оглянулся, пока не достиг опушки, а обернувшись, увидел, что дом по-прежнему безмятежно и гордо высится на холме над долиной.

Глава 34

Итак, он оказался андроидом, искусственным человеком, с телом, созданным из горстки химических веществ силой разума и волшебством техники. Но этой силой и волшебством владели мутанты, ибо мозг обычного человека, уроженца его родной Земли, до этого еще не дорос. Мутанты способны были создать искусственного мужчину, наделив его всеми человеческими качествами. Или искусственную женщину, подобную Энн Картер.

Мутанты могли делать и андроидов, и роботов, и вечмобили, и вечные бритвенные лезвия, и многие другие вещи, стремясь подорвать экономику расы, из которой когда-то вышли сами. Они синтезировали углеводы для приготовления пищи, белки для производства тел своих андроидов,

они умели путешествовать с одной Земли на другую, на любую из Земель, бегущих одна за другой по коридору времени. Они многое умели и делали. Ему даже трудно было себе представить, что они умели еще, как трудно было и предположить, что они замыслили или планировали.

— Вы — мутант, — сообщил ему Крофорд, — недоразвитый мутант. Вы — один из них.

Крофорд считал, что имеет умную машину, которая может разобраться в том, что происходит в вашем мозгу, но машина оказалась глупой, ибо не смогла отличить настоящего человека от искусственного. Не мутант, а мальчик на побегушках при мутантах. И не человек, а искусная копия.

А сколько их, во всем похожих на меня? Сколько таких созданий бродит по земле, выполняя приказы своих хозяев-мутантов? За сколькими следили и на скольких охотились люди Крофорда, не подозревая, что идут по следу искусственных созданий, а не самих мутантов? Вот где крылась разница между нормальным человеком и мутантом: обычный человек ошибался, принимая копию мутанта за самого мутанта.

Мутанты создавали человека, выпускали его на свободу, позволяли ему развиваться и прикрепляли к нему механического шпиона — маленькую искусственную мышь, которую они называли клопом и которую он разбил своим пресс-папье.

Иногда они подталкивали его, но зачем? Они подбивали жителей поселка учинить над ним суд Линча; они подложили ему волчок, чтобы он вспомнил о детстве; они позволили ему передвигаться в вечмобиле, хотя знали, что пользование им связано со смертельным риском.

А что случилось с андроидом после такого шока?

Что случилось с ними после выполнения возложенной на них миссии?

Он сказал Крофорду, что встретится с ним, когда узнает, что происходит. Теперь он кое-что узнал, и это кое-что должно очень заинтересовать Крофорда.

Но существовало что-то еще, что будоражило его мозг и искало выхода. Он что-то знал, но не мог вспомнить, что именно.

Огибая громадные деревья и ступая по мягкому коврику из мха, прелых листьев и цветов, он пошел через лес. Здесь царил странная, мирная тишина.

Следовало разыскать Энн Картер. Сообщить ей, что происходит, и тогда вдвоем они найдут выход.

Он остановился у подножия старого дуба и, глядя снизу на его крону, старался привести мысли в порядок.

Два момента казались ему главными.

Вернуться на родную Землю.

Отыскать Энн Картер.

Глава 35

Виккерс заметил человека лишь после того, как тот заговорил.

— Доброе утро, незнакомец, — услышал Виккерс и обернулся.

Человек стоял в нескольких футах от него — высокий, крепко сложенный мужчина, одетый как фермер или рабочий, только на голове у него была маленькая кепочка с длинным блестящим козырьком и перышком. Несмотря на простоту одежды, в его облике не было ничего деревенского. Перед ним стоял уверенный в себе человек, напомнивший Виккерсу персонаж какой-то книги, но он не мог вспомнить какой.

На плече у человека висел колчан со стрелами, в руке он держал лук. На его поясе болтались два кролика, а на брючине виднелись следы крови.

— Доброе утро, — сухо ответил Виккерс.

В неожиданном появлении этого человека не было ничего приятного.

— Вы один из них? — спросил человек.

— Кого вы имеете в виду?

Человек весело ухмыльнулся.

— Один из тех, кто прибыл сюда по ошибке, — пояснил он. — Прибыл и не знает, где очутился. Я часто спрашиваю себя, что с ними произошло бы, приземлись они до нашего появления здесь или в какой-то пустынной местности.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы знаете, где находитесь? — спросил человек.

— Я думаю, это вторая Земля, — ответил Виккерс.

Человек улыбнулся.

— Вы угадали, — признал он. — Вы сообразительнее других. Многие бродят вокруг, теряются и не верят, когда мы говорим, что они на Земле-два.

— Ясно, — сказал Виккерс. — Это Земля-два. А Земля-три?

— Она подождет, пока не понадобится нам. Бесконечное множество миров ожидает своего часа. Мы можем осваивать их поколение за поколением. Новая Земля для каждого нового поколения, если понадобится, но они говорят, что очередь других миров наступит еще не скоро.

— Они? — переспросил Виккерс. — Кто они?

— Мутанты, — ответил человек. — Те, что живут в Большом доме. Вы разве не видели Большой дом?

Виккерс из осторожности покачал головой.

— Вы, наверно, миновали его, перейдя через хребет. Большой кирпичный дом с белой оградой вокруг и постройками, похожими на амбары, хотя это вовсе не амбары.

— А что?

— Лаборатории, исследовательские лаборатории, — сказал человек. — А в некоторых помещениях слушают.

— А зачем слушать в помещениях? Мне кажется, слушать можно где угодно.

— Они слушают звезды, — разъяснил человек.

— Они слушают... — начал Виккерс и тут же вспомнил Фландерса, который сидел в кресле-качалке на террасе его дома в Клиффвуде и рассуждал о громадных запасах знаний, накопленных в других звездных мирах, и о том, что

необязательно туда лететь на ракетах, что звезд можно достигнуть силой разума и что знания с них можно использовать.

— Телепатия? — спросил Виккерс.

— Конечно, — сказал человек. — Ведь они слушают не сами звезды, а их обитателей. Вам что-нибудь известно о таком идиотском занятии, как слушать звезды?!

— Да, отчасти, — ответил Виккерс.

— Они заимствуют идеи у обитателей звезд. Они не могут разговаривать с ними. Они только слушают. Узнают, о чем те думают, кое-что используют, но многое остается им

непонятным. Если это не так, помогите мне разобраться, мистер...

— Меня зовут Виккерс, Джей Виккерс.

— Очень приятно, рад с вами познакомиться, мистер Виккерс. Мое имя — Эйза Эндрюс.

Он сделал шаг вперед и протянул руку. Виккерс взял ее и крепко, по-дружески пожал.

Теперь он вспомнил, где читал о подобном человеке. Пе-

ред ним был настоящий американский первопроходец, вооруженный длинноствольным ружьем, который взялся за освоение охотничьих угодий Кентукки. Он чувствовал в нем твердость, независимость, доброе расположение духа и спокойную уверенность в себе. И здесь, в лесах Земли-2, появился новый тип первопроходца, сильного, независимого человека, который мог стать другом.

— Это, наверно, те мутанты, которые сделали вечные бритвенные лезвия и прочие штучки из магазинов новинок? — невинно спросил Виккерс.

— Вы быстро соображаете, — сказал Эндрюс. — Можете сходить через пару дней в Большой дом и поговорить с ними.

Он переложил лук в другую руку.

— Послушайте, Виккерс, а вы там никого не оставили? Жену, детей?

— Нет, — ответил Виккерс, — ни единой души.

— Отлично. Иначе бы мы сразу пошли в Большой дом и поговорили с ними, и они доставили бы сюда вашу жену и детишек. Жаль только, что обратной дороги нет, коли попал сюда. Правда, обратно возвращаться и незачем. Я не знаю никого, кто бы захотел вернуться.

Он осмотрел Виккерса с ног до головы и усмехнулся.

— Что-то вы выглядите худоватым, — сказал он. — Плохо питались?

— Рыбой и олениной. И ягодами.

— Хозяйка наготовила еды. Накормим вас до отвала, побреетесь, я велю детишкам нагреть воды, примете ванну, а потом поговорим. Нам многое надо обсудить.

Он пошел вперед, и Виккерс двинулся следом за ним через густые заросли.

Вскоре они оказались на зеленеющем кукурузном поле.

— Здесь я и живу, — сказал Эндрюс. — Вон там, у спуска в долину. Видите дымок?

— У вас отличная кукуруза, — заметил Виккерс.

— Уже на четверть выше колена. А дальше ферма Джека Смита. Если приглядеться, можно увидеть его дом. А там, пониже хребта, — поля Джона Симмонса. У нас есть и другие соседи, но отсюда их не видно.

Они миновали загородку из колючей проволоки и пошли по полю между рядами кукурузы.

— Здесь все иначе, — сказал Эндрюс, — чем на той Земле. Там я работал на фабрике, а жил в помещении, годном разве только для свиней. Потом фабрика закрылась, денег не стало. Я пошел к людям из «Углеводов» и получил у них продукты. Потом домохозяин выгнал нас на улицу, я пошел к этим участливым людям снова и рассказал, что случилось. Я не знал, чем они могут помочь, и, по правде говоря, не надеялся на их помощь, ведь они и так сделали больше, чем я просил. Но кроме них, мне не к кому было обратиться. А дня через два пришел человек и рассказал нам про это место, правда, он не сказал, где оно находилось на самом деле.

Он сказал, что знает место, где нужны поселенцы. Он сказал, что это новые, только открытые территории, и что земля там ничья, и что мне помогут устроиться, и вместо крохотной квартирки в вонючем бараке у меня будет дом. И я сказал, что согласен. Они предупредили, что вернуться оттуда невозможно, а я спросил, какой сумасшедший захочет сюда возвращаться. Я сказал, что мы поедem куда угодно, и вот мы тут.

— Вы ни о чем не жалеете? — спросил Виккерс.

— Это было, — ответил Эндрюс, — самым счастливым событием в нашей жизни. Чистый воздух для детишек, полно еды и места, где жить, и никаких домовладельцев. Никаких долгов и никаких налогов. Совсем как в исторических книгах.

— Исторических книгах?

— Вы должны знать. Про открытие Америки и первопроходцев. Пожалуйста, бери землю. Сколько хочешь. На всех хватит, а уж какая она плодородная: бросишь горсть зерен — и на тебе урожай. Земля для полей, лес для костра и для строительства, а когда пойдешь вечером прогуляться, глянешь на небо, оно чистое-чистое, и звезды сверкают, а воздух такой свежий, что обжигает ноздри.

Эндрюс повернулся и взглянул на Виккерса блестящими глазами.

— Это самое счастливое, что было у меня в жизни, — повторил он, словно боясь, что Виккерс будет возражать.

— А мутанты? — спросил Виккерс. — Они вам не надоедают? Не командуют вами?

— Они только помогают. Одного робота присылают, чтобы помочь в работе, а другой робот ходит к нам девять месяцев в году и учит детишек. Робот-учитель для каждой семьи. Что вы на это скажете? Свой собственный учитель, совсем как семейный воспитатель у богачей на той Земле.

— А они вас не раздражают? Вы не чувствуете, что они выше вас по развитию? Вы не испытываете к ним ненависти за то, что они умнее вас?

— Сэр, — сказал Эндрюс, — не дай бог кто-нибудь из наших услышит ваши слова. Вам не поздоровится. Когда мы попали сюда, они нам все объяснили. Они изложили нам свою док... доктор...

— Доктрину.

— Вот-вот. Они объяснили, как обстоят дела. Они изложили нам правила, их не так много.

— В частности, не иметь огнестрельного оружия, — сказал Виккерс.

— Это одно из правил, — согласился Эндрюс. — А откуда вы знаете?

— Вы охотитесь с луком.

— А если вы не поладите с кем-то или поссоритесь, вы идете в Большой дом, и они разрешают ваши разногласия. Если вы заболаете, вы сообщаете им, и они присылают доктора и все, что нужно. Большинство правил вам только на пользу!

— А как обстоят дела с работой?

— Работой?

— Вы должны зарабатывать деньги?

— Пока нет, — сказал Эндрюс. — Мутанты дают нам все, в чем мы нуждаемся. Мы только должны обрабатывать землю, чтобы иметь пищу. Они называют это... сейчас припомню это слово, да, пасторально-феодалным периодом. Вы когда-нибудь слышали такое слово?

— Но у них есть заводы, — настаивал Виккерс, не обращая внимания на вопрос. — Там, где производят вечные лезвия и прочие вещи. Им нужны люди для работы там?

Они используют роботов. Недавно они начали делать машины — вечные автомобили. Тут есть один завод. Но все делают роботы. Вы знаете, что такое робот?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Еще один вопрос. А как обстоят дела с аборигенами?

— Аборигенами?

Ну, жителями этой Земли. Если они есть.

— Здесь никого нет, — сказал Эндрюс.

— Но ведь во всем остальном эта Земля похожа на другую Землю, — настаивал Виккерс. — Деревья, реки, животные...

— Нет, здесь нет аборигенов, — убеждал Эндрюс. — Ни индейцев, ни других.

«Вот где кроется отличие этой Земли», — подумал Виккерс. Маленькая деталь, которая коренным образом меняет все. Когда-то произошло нечто, что помешало дальнейшему росту человека, какой-то незначительный инцидент. Просто не блеснула очередная искорка разума. А потому здесь никто не высекал искры из камня, не обращал этот камень в орудие, ни в одной грубой душе не зажглось яркой радости, которая спустя некоторое время превратилась в песню, или в картину, или в роман, или в поэму...

— Вот мы и дома, — сказал Эндрюс.

Они миновали изгородь и пересекли лужайку перед домом.

Их встретил веселый гомон, и полдюжины ребятишек скатились с холма вместе со стаей лающих собак. В дверях бревенчатого дома показалась женщина и посмотрела в их сторону, прикрыв ладонью глаза от солнца. Она приветливо помахала им, Эндрюс тоже махнул в ответ, и тут их окружила стайка галдящих ребят и лающих собак.

Глава 36

Его разместили на чердаке над кухней. Он лежал нагишом в постели и слушал, как от ветра погромыхивает кровля над головой. Повернувшись, почувствовал, как шуршит кукурузная шелуха в матрасе, и уткнулся в подушку, набитую гусиным пухом.

Он наслаждался чистотой своего тела. На очаге во дворе ему согрели воды, и он долго плескался в лохани позади дома. Он отмокал в горячей воде и яростно намыливал тело, слушал Эндрюса, который сидел рядом на бревне. Во дворе играли ребятишки, а псы спали, растянувшись на солнце и

время от времени подергиваясь, чтобы отогнать назойливых мух.

Он хорошо поел. Даже дважды, вкус такой пищи он позабыл за время скитаний. Он ел кукурузный хлеб, и сорго, и нежных кроликов, поджаренных в сметане с молодым картофелем и овощами на дымящейся сковороде, и кресс-салат, сорванный в источнике рядом с домом, а на ужин ему дали свежие, только что снесенные яйца.

Эндрюс обкорнал ему ножницами бороду, потом он брился в окружении глазевших на него ребятишек.

В сумерках они с Эндрюсом сидели на ступеньках, тихо беседуя, и Эндрюс сказал, что знает хорошее место для постройки дома — славное место на противоположном склоне холма с источником и ровной площадкой у излучины ручья, годной для поля. Там был лес для постройки дома — высокие стройные деревья, и Эндрюс сказал, что поможет срубить их. А когда бревна будут обтесаны, соседи помогут поставить дом. Джек наварит кукурузы. Джон принесет свою скрипку, и они весело отпразднуют новоселье. А если соседи не справятся с работой, то можно обратиться за помощью в Большой дом, и мутанты пришлют роботов. Но Эндрюс считал, что их помощь не понадобится. Он сказал, что соседи приятные люди, всегда готовы помочь и рады прибытию новых семей.

А когда дом будет выстроен, говорил Эндрюс, Виккерс может познакомиться с дочерьми Симмонса и выбрать какую-то из них: девушки — одна лучше другой. Эндрюс толкнул Виккерса локтем в бок и заговорщически расхохотался, а Джин, жена Эндрюса, которая на минутку присела рядом с ними, смущенно улыбнулась и снова отправилась к детям.

После ужина Эндрюс с гордостью показал ему книги, стоящие на полках в гостиной, и сказал, что читает их, хотя раньше никогда не читал, потому что не было ни желания, ни времени. Виккерс нашел среди авторов Гомера и Шекспира, Монтеня и Джейн Остин, Торо и Стейнбека.

— Вы на самом деле читаете все это? — спросил Виккерс.

Эндрюс утвердительно кивнул.

— Читаю, и многие книги мне нравятся. Иногда туговато идет, но я продолжаю читать. Джин предпочитает Остин. Нам здесь хорошо, — продолжал Эндрюс. — Мы никогда так не жили.

Джин улыбкой подтвердила его слова.

«Да, жить здесь здорово», — признал про себя Виккерс. Идеализированная и воспетая в книгах жизнь американских первопроходцев со всеми ее преимуществами, но без опасностей и трудностей. Здесь процветал своего рода феодализм, и Большой дом, словно замок, с отеческой заботой опекал окрестные земли, которые кормили нашедших здесь счастье переселенцев. Самое время и ему передохнуть и набраться сил. Здесь царил мир. Никто не говорил о войне, чтобы ее начать или предотвратить.

Как сказал Эндрюс, пасторально-феодалная стадия. А какая стадия наступит за ней? Пасторально-феодалная стадия — пауза для отдыха и раздумий, для приведения в порядок мыслей, для возобновления связи человека с Землей, период подготовки к развитию цивилизации, которая была бы совершеннее предыдущей.

Они находились на одной из многих Земель. А сколько их следовало друг за другом? Тысячи, миллионы? И все они были открыты для людей.

Замысел мутантов показался ему ясным как на ладони, во всей своей простоте и жестокости. И он вполне мог угадать.

На одной Земле все складывалось неудачно. Где-то на долгом пути своего развития человек свернул в сторону и пошел по неверному пути. Он был наделен и умом, и талантом, и добротой, но ум и талант обратились в свою противоположность, а доброта — в эгоизм.

Эти славные люди заслуживали спасения. Но спасти их можно было, вырвав из привычного окружения, нарушив сложившиеся связи и представления. Не существовало

иного пути покончить с ненавистью, завистью и злом, укоренившимися в сознании за многие поколения.

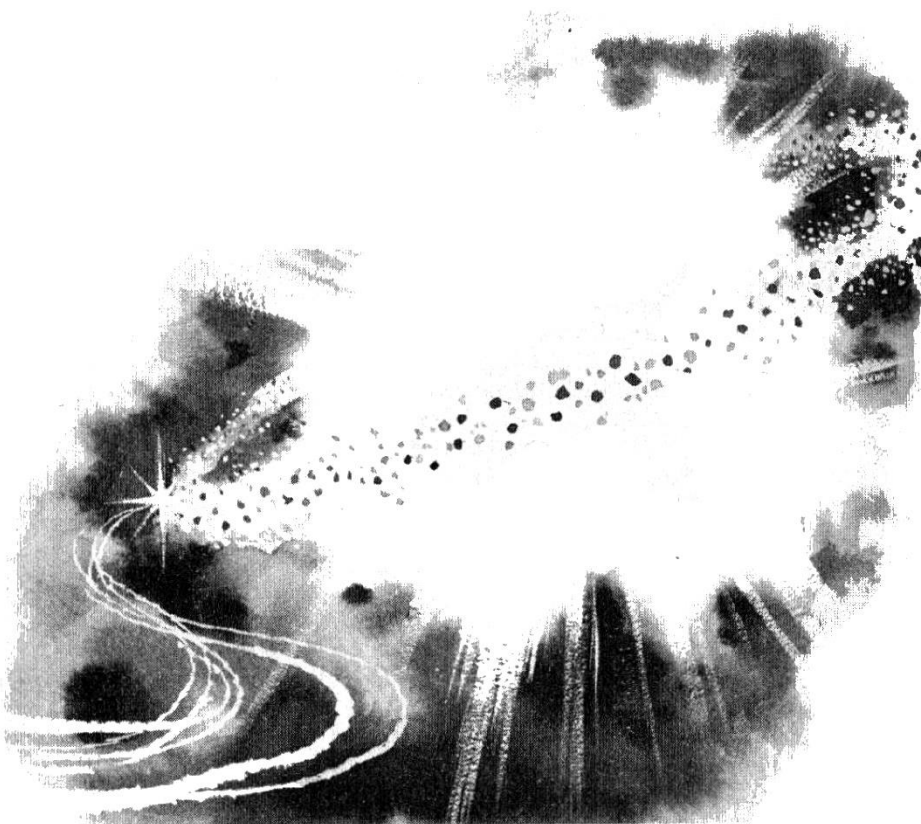
И сделать это можно было, разрушив мир, в котором они жили. Но взамен следовало создать лучший мир.

Для осуществления этой идеи необходима была четкая программа, план действий.

Первым делом следовало разрушить экономическую основу. И ее решили разрушить с помощью вечмобилей, вечных лезвий и синтетических углеводов. Достигнуть уничтожения промышленности решили, пустив в производство и выбросив на рынок предметы, которые невозможно воспроизвести и с которыми нельзя конкурировать. А стоило разрушить промышленность, как война становилась почти невозможной и цель оказывалась наполовину достигнутой. Правда, это было сопряжено с чудовищной безработицей. И людей кормили синтетическими углеводами и завлекали на другие Земли. Не хватит места на Земле-2, можно

использовать Землю-3, а может, и Землю-4, чтобы никто никому не мешал. На новых Землях все начинали сначала, и можно было избежать ошибок и предотвратить опасности, которые в течение веков вели к кровопролитиям на старой Земле.

На новых Землях становились возможными любые формы цивилизации. Можно было экспериментировать, создавая одну цивилизацию на Земле-2, несколько отличную от нее — на Земле-3, совсем иную — на Земле-4. Столетия спустя, сравнив эти цивилизации, обработав все данные и выделив каждую ошибку, можно было внести поправки. Так со временем удастся подойти к наилучшей форме.

На Земле-2 первым шагом стала пасторально-феодалная цивилизация. Здесь создали место для передышки, место для воспитания и размышлений. Кое-что изменится или будет изменено. Сыновья человека, под чьей крышей он нашел приют, построят себе лучший дом и, наверно, пожелают, чтобы их поля обрабатывали роботы, они оставят себе больше досуга, а народ, у которого есть досуг, энергия которого направляется добрыми намерениями, может построить рай и на одной Земле, и на многих Землях.

В газетной статье, которую он прочел однажды утром, — неужели это случилось всего несколько дней назад? — говорилось, что власти обеспокоены массовыми исчезновениями людей. Автор ее писал, что бесследно исчезают целые семьи. Единственное, что между ними было общего, — это крайняя бедность. И именно их, самых обездоленных, лишенных крова, работы, нередко больных, в первую очередь переселяли на новые Земли, следующие за неуютной Землей.

А те, кто останется на старой Земле, освободившись от нежелательного соседства, найдут свой путь и тоже построят лучшую жизнь.

«Прекрасную, — подумал он. — Прекрасную, но как быть с андроидами? Однако начнем сначала».

Мутанты были всегда. Не будь их, человек навсегда остался бы маленьким пугливым животным, скрывающимся в джунглях, лазающим по деревьям, животным трусоватым и незаметным.

В результате мутации на передних конечностях появился большой палец, который противостоял остальным пальцам.

В результате мутаций маленький мозг стал сообразительнее. Одна мутация позволила овладеть огнем. Другая — привела к изобретению колеса. Третья — к луку и стрелам. И так от тысячелетия к тысячелетию. От мутации к мутации росла лестница, по которой взбиралось человечество.

Но существо, которое покорило огонь, не знало, что оно мутант. Не знали этого и изобретатель колеса, и первый лучник.

Во все века существовали мутанты, которые и не подозревали о своих отличиях от остальных, — люди, которым все удавалось лучше, чем другим: великие дельцы, великие государственные деятели, великие писатели, великие художники, они стояли настолько выше других, что на общем фоне казались гигантами.

Может, и не все они, но большинство из них были мутантами. А их превосходство по сравнению с возможностями сводилось к минимуму, так как они ограничивали себя, приспособляясь к социальному и экономическому уровню обычных людей. Их способность приспособливаться и казаться меньше, чем есть на самом деле, также говорила об их превосходстве. И хотя успехи этих людей по меркам обычного человека были велики, превосходство это не было всепобеждающим: они не могли обнаружить своего истинного состояния, так как не были бы поняты.

И вдруг человек осознаёт, что он мутант, и получает неоспоримое свидетельство этого, что происходит тогда?

Предположим, человек обнаруживает в себе способность читать мысли разумных существ, населяющих планеты иных солнечных систем. Такая способность явится бесспорным доказательством мутации. Если, общаясь со звездами, человек почерпнет какую-то ценную информацию, к примеру принцип действия машины, работающей без трения, он больше уже не сможет жить по-старому, оставаясь на своем прежнем месте. Осознав свою сущность, он почувствует необходимость идти своим непроторенным путем.

Или, допустим, человека приведет в ужас услышанное на звездах. И вот, ощутив свое одиночество, такой человек испытывает необходимость поделиться полученной информацией, почерпнутой в глубинах пространства. Он приступит к поискам подобных себе мутантов, которые смогут его понять. Это непросто, но он находит их. Сначала одного, а

потом и других. Пусть не все они могут «беседовать» со звездами, но у них есть иные таланты. Одни окажутся «богами» в электронике, другие постигнут смысл странной связи времени и пространства, допускающей наличие многих миров, следующих один за другим бесконечной и чудесной чередой.

И среди них окажутся женщины. Сообщество мутантов станет расти за счет рождения детей с закрепленными свойствами родителей, так что через несколько десятилетий уже сотни неординарных людей поставят свои способности на службу общему делу.

Используя информацию со звезд и собственные таланты, они смогут получить средства для продолжения своих работ. Сколько используемых повседневно товаров создано расой мутантов на сегодняшний день?

Со временем организация мутантов разрастется, их деятельность станет заметной, и им придется искать надежное убежище, чтобы успешно продолжать свою работу. А что может быть надежнее, чем другой мир?

Лежа на матрасе из кукурузной шелухи и уставясь в темноту, Виккерс восхищался силой своего воображения, хотя, строго говоря, это нельзя было назвать воображением, это было что-то, что он уже знал прежде. Но откуда он мог это знать?

Быть может, секрет крылся в особенности его мозга андроида? Или он узнал все это в какой-то период жизни и напрочь забыл, как забыл свое путешествие восьмилетним мальчишкой в сказочную звездную страну? А может, он обладал наследственной памятью, переходящей к ребенку от родителей подобно инстинкту? Но ведь у андроида не могло быть родителей.

У него не было родителей, он не принадлежал к какой-либо человеческой расе, будучи лишь карикатурой на человека, созданной для определенной цели, которой он пока не знал.

Какую миссию могли возложить на него мутанты? Какие способности использовать?

Он был уязвлен: употребить его для выполнения неизвестных ему задач! И Энн служила для каких-то целей, о которых и не подозревала.

За производством вечмобилей, вечных лезвий, синтетических углеводов крылись грандиозные цели. В планы мутантов входило спасение и новое становление сообщества людей, идущих по неверному пути. Они стремились создать мир или миры, где война не только будет объявлена вне закона, но и станет попросту невозможной, где не будет места страху и неуверенности в завтрашнем дне.

Но какова роль, которую предназначили в этой программе ему, Джею Виккерсу?

В доме, где его приютили, закладывались основы, может несколько примитивные, этой программы. Через два-три поколения потомки этой семьи созреют для машин и прогресса, достойных человека.

Мутанты отнимут у человечества опасные игрушки и припрятуют их, пока его дети не станут настолько мудрыми, чтобы не поранить ими себя или соседа. Они отнимут у малыша игрушки подростка, которые в младенческих руках могут причинить зло, а когда ребенок повзрослеет, они вернут ему эти игрушки, наверняка улучшив их.

И будущая цивилизация, направляемая мутантами, уже не будет механической цивилизацией, это будет цивилизация, построенная на иных социальных и экономических основах, на духовном и художественном началах, и в ней найдется место для машин. Мутанты поддержат пошатнувшегося человека, вернут ему давно утерянное равновесие, и годы, потраченные на эту переделку, не пропадут даром, они сторицей окупятся будущим человечества.

А если это только мечты, ничего не значащий сон наяву? Куда важнее теперь то, что совершит он, андроид по имени Джей Виккерс.

Но прежде чем что-то предпринять, следовало лучше понять происходящее, располагая фактами. Ему нужна была информация, но он не получит ее, если останется на чердаке в доме новых первопроходцев, где так хорошо отдыхать на матрасе из кукурузной шелухи.

Он мог получить нужную информацию лишь в одном месте.

Он бесшумно встал с постели и в темноте стал на ощупь искать свои лохмотья.

Глава 37

Дом стоял с темными окнами, залитый лунным светом, и на его фасаде чернели тени деревьев. Виккерс замер перед калиткой, стараясь вспомнить, как здесь все выглядело тогда. Он вспоминал, как свет луны оттенял белизну колонн, придавая им призрачную красоту, какие слова они говорили друг другу...

Но все умерло и было погребено — осталась лишь горечь сознания, что он только жалкое подобие человека.

Он открыл калитку, прошел по аллее и поднялся по ступеням. Шаги его были так звонки в этой тишине лунной ночи, что, казалось, их слышит весь дом.

Он нашел кнопку звонка, нажал ее указательным пальцем и застыл в ожидании, как в прошлый раз. Но теперь он не ждал Кэтлин, которая бы распахнула дверь ему навстречу.

В холле блеснул свет, и через стекло он увидел человекоподобное создание, которое направлялось к нему. Дверь открылась, он вошел, и поблескивающий робот, неловко склонившись перед ним, произнес:

— Добрый вечер, сэр.

— Вы Айзекайя? — спросил Виккерс.

— Айзекайя, сэр, — подтвердил робот. — Вы видели меня утром.

— Я гулял, — сказал Виккерс.

— Если желаете, я покажу вам вашу комнату.

Робот повернулся и стал подниматься по винтовой лестнице. Виккерс последовал за ним.

— Превосходная ночь, сэр, — произнес робот.

— Да, чудная.

— Вы голодны, сэр?

— Нет, спасибо.

— Я могу принести вам поесть, если вы не ели, — предложил Айзекайя. — Кажется, еще осталась курица.

— Нет, — сказал Виккерс. — Спасибо.

Айзекайя открыл дверь и включил свет, затем отошел в сторону и пригласил Виккерса войти.

— Быть может, — спросил Айзекайя, — вы хотите выпить?

— Чудесная мысль, Айзекайя. Шотландского виски, если можно.

— Минуточку, сэр. Пижамы лежат в третьем ящике сверху. Может, они великоваты, но вам подойдет.

Он нашел почти новые пижамы, уродливые и слишком просторные, но это было лучше, чем ничего.

В уютной комнате стояла широкая кровать, покрытая белым стеганым покрывалом, а на окнах висели белые занавески, колыхавшиеся от ночного ветерка. Он уселся на стул в ожидании Айзекайи и впервые за много дней ощутил усталость. Сейчас он выпьет виски, заберется в постель, а утром шумно сойдет вниз и потребует объяснений.

Дверь открылась.

Но это был не Айзекайя, вошел Гортон Фландерс в малиновом халате и шлепанцах, которые хлопали при каждом его шаге. Он пересек комнату, сел на второй стул и посмотрел на Виккерса с легкой улыбкой.

— Итак, вы вернулись, — начал он.

— Я вернулся, чтобы выслушать вас, — произнес Виккерс. — Можете начинать.

— Почему бы и нет, — согласился Фландерс. — Ради этого я и встал. Как только Айзекайя сообщил мне о вашем возвращении, я понял, что вы хотите поговорить со мной.

— Я не хочу говорить. Я хочу выслушать вас.
— О да, конечно. Говорить действительно должен я.
— И не о запасах знаний на иных мирах, которые вы столь красочно живописали, а о гораздо более земных делах.
— О чем, к примеру?

— К примеру, о том, что я — андроид, как и Энн Картер. О том, кто такая Кэтлин Престон. Существует ли она в действительности или только в моей памяти? Если существует на самом деле, где она сейчас? И наконец, о моей роли во всей этой истории и о ваших намерениях.

Фландерс кивнул.

— Неплохо. Вы умудрились задать именно те вопросы, ответ на которые не принесет вам удовлетворения.

— Должен вам сообщить, — сказал Виккерс, — что на той Земле на мутантов ведется охота, их убивают, магазины технических новинок разбиты и разграблены, обычные люди готовы к борьбе. Я явился сюда, считая, что я — мутант.

— Вы и являетесь мутантом, уверяю вас. Виккерс — особый тип мутанта.

— Мутант-андроид.

— Вы невозможны, — сказал Фландерс. — Отбросьте горечь...

— Да, конечно, я испытываю горечь, — перебил Виккерс. — А как же иначе? Сорок лет я считал себя человеком и вдруг узнаю, что не являюсь им.

— Глупец, — сказал Гортон Фландерс, — вы сами не знаете, кто вы.

Айзекайя, постучав в дверь, вошел с подносом в руках. Он поставил на стол поднос с двумя стаканами, содовой, кубиками льда и пинтой виски.

— А теперь, — продолжил Фландерс более высоким голосом, — мы можем поговорить как разумные существа. Не знаю, чем это объяснить, но человек становится более цивилизованным, как только берет в руки стакан.

Он сунул руку в карман халата, достал пачку сигарет и предложил Виккерсу. Виккерс протянул руку за сигаретой и обратил внимание, что у него дрожат пальцы. До сих пор он не замечал, в каком напряжении находится.

Фландерс щелкнул зажигалкой и дал ему прикурить. Виккерс затянулся.

— Хорошо, — произнес он. — Сигареты кончились у меня на четвертый день.

Он курил, наслаждаясь ароматом табака и ощущая, как спадает нервное возбуждение, и смотрел на готовящего напитка Айзекайю.

— Я слышал ваш утренний разговор, — сказал Виккерс. — Айзекайя впустил меня, и я был свидетелем вашей беседы в соседней комнате.

— Знаю, — сказал Фландерс.

- Так все это было разыграно?
- Абсолютно все, — весело подтвердил Фландерс. — Каждое ранящее слово.
- Вы хотели дать мне понять, что я андроид?
- Именно так.
- Имышь вы подослали?
- Мы решили вывести вас из состояния равновесия, — сказал Фландерс. — Амышь выполняла определенную задачу.
- Она шпионила за мной?
- Еще как! Мышь оказалась превосходным шпионом.
- Меня безмерно возмутило, что вы внушили жителям Клиффвуда, будто я — виновник вашей смерти.
- Следовало вынудить вас уехать оттуда и вернуться в страну вашего детства.
- А откуда вы могли знать, что я поеду туда?
- Друг мой, вы когда-нибудь задумывались о способности предчувствия? Я не говорю о предчувствии, которое позволяет вам сделать верную ставку на бегах или угадать погоду на завтра. Нет, я говорю о предчувствии в полном смысле этого слова. Я говорю о способности интуитивно предвидеть результат воздействия ряда факторов, о способности точно знать, что произойдет, не размышляя о связи этих факторов между собой. Такая способность равнозначна чтению будущего.
- Конечно. Я не мог не задумываться над этим. Особенно в последнее время.
- И сделали выводы?
- Кое-какие. Но...
- Вы, наверно, сочли подобную способность обычным человеческим свойством, не получившим должного развития. Вы решили, что мы подозревали о его существовании, но его развитие происходит очень медленно, и оно находится в резерве, ожидая своего времени.
- Примерно так, но...

— Именно теперь оно нам понадобилось, — прервал его Фландерс. — Таков ответ на ваш вопрос. У нас было предчувствие, что вы туда направитесь.

— Вначале я подозревал Крофорда, но оказалось, что он здесь ни при чем.

Фландерс утвердительно кивнул.

— Крофорд не мог этого сделать. Он слишком нуждается в вас и потому не стал бы вас запугивать. Здесь ваше предчувствие вас подвело.

— Боюсь, что нет.

— Ваши предчувствия неэффективны, — сказал Фландерс, — потому что вы не верите в них. Вы пока остаетесь в мире логики и доверяете логическим рассуждениям, которые были характерны еще для пещерного человека: рассматривать проблему под всеми углами зрения, взвешивать все за и против, словно решается арифметическая задача. Вы не верите вашим предчувствиям, и в этом кроется ваша ошибка.

«Да, именно в этом», — подумал Виккерс. У него было предчувствие, что волчок следует запустить на террасе дома Престонов. Тогда ему не пришлось бы долгие дни идти через пустынную страну второго мира. У него было предчувствие, что он должен прислушаться к совету Крофорда не трогать вечмобиль. Тогда он избавил бы себя от многих неприятностей. Но когда у него появилось предчувствие, что он должен отыскать волчок, он тут же бросился на его поиски.

— Как много вы знаете? — спросил Фландерс.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Немного, — признался он. — Я знаю, что существует организация мутантов. Что она действует несколько лет и что человечество отклонилось от привычного пути, как вы говорили мне однажды вечером в Клиффвуде. Организация ушла в подполье, на эти миры, потому что ее деятельность приняла широкий размах и стала привлекать внимание. У вас есть заводы, которые производят товары, подрывающие

экономику старого мира. Я видел один из них. Там трудятся роботы. Скажите, а на самом деле только роботы?

Фландерс засмеялся:

— Конечно. Мы лишь говорим им, что нам надо.

— А потом эта история со слушанием звезд.

— Мы почерпнули у тамошних обитателей много хороших идей, — сказал Фландерс. — Но не все из нас способны слушать звезды. Только некоторые — это врожденный талант, телепатия. И как я говорил вам в тот вечер, не все можно использовать. Иногда мы имеем только отправную точку и все разрабатываем сами.

— А каковы ваши цели? Что вы намерены сделать?

— Этого я вам сказать не могу. То и дело открывается масса новых, возможностей, появляются новые направления. Мы так близки ко многим великим открытиям. К примеру, бессмертие. Один из слушающих...

— Вы имеете в виду, — перебил Виккерс, — вечную жизнь?

— Почему бы и нет?

«И в самом деле, — подумал Виккерс, — почему бы и нет? Если у вас есть вечные лезвия и вечные лампочки, почему бы и не иметь вечной жизни? Зачем останавливаться на полпути?»

— А андроиды? — спросил он. — Какова роль андроидов вроде меня? Ведь роль андроида не может быть столь ответственной?

— Для андроидов есть свое поле деятельности, — сказал Фландерс. — В частности, ваша работа — Крофорд.

— Что я должен сделать с Крофордом?

— Остановить его.

Виккерс рассмеялся.

— Я? Вы знаете, что стоит за его плечами?

— Я знаю, что стоит за вашими.

— Просветите меня.

— Предчувствие, развитое в самой высшей степени. Такой остроты предчувствия нет ни у одного человеческого

существа. У вас выше всего развитое и менее всего используемое предчувствие.

— Подождите. Вы забываете, что я не человек.

— Вы были им, — сказал Фландерс. — И снова станете. Когда мы взяли вашу жизнь...

— Как взяли мою жизнь?

— Содержимое вашей жизни, — разъяснил Фландерс, — то, что называется душой: мысли, впечатления, реакции, которые присущи Джею Виккерсу, подлинному Джею Виккерсу в возрасте восемнадцати лет. Мы как бы перелили содержимое из одного сосуда в другой. Мы переместили вас из вашего тела в тело андроида, а ваше настоящее тело храним до того времени, когда вы сможете вернуться в него.

Виккерс чуть не вскочил со стула.

Фландерс успокоил его движением руки:

— Сидите. Вы спросите, зачем мы это сделали?

— А вы мне ответите, — сказал Виккерс.

— Конечно отвечу. Когда вам было восемнадцать лет, вы не подозревали о своем даре. И мы не в силах были на это повлиять. Если бы мы сказали вам об этом, это ничего бы не дало, вам следовало осознать себя самостоятельно. Мы считали, что процесс займет пятнадцать лет, он затянулся на двадцать, а вы все еще окончательно не пробудились.

— Я мог бы...

— Да, — сказал Фландерс, — вы могли бы расти в вашем собственном теле, но существовал еще один фактор — наследственная память. В ваших генах запечатлена еще одна мутация, встречающаяся столь же редко, как и телепатия. Нам хотелось, чтобы к моменту появления у Виккерса детей он полностью осознал, что собой представляет и каким даром наделен.

Виккерс вспомнил, как задумался о возможностях наследственной памяти, когда лежал на чердаке дома Эндрюса. Наследственная память, память, переходящая от отца к сыну. Теперь он понял ее механизм. Когда он стал

взрослым и — он не мог подыскать более верного слова — пробудился, наступил момент узнать или вспомнить о ней.

— Итак, — сказал Виккерс, — вы хотите использовать этот мой дар против Крофорда, хотите, чтобы у меня появились дети, наделенные тем же даром?

Фландерс утвердительно кивнул:

— Думаю, мы поняли друг друга.

— Да, — согласился Виккерс. — Прежде всего я должен остановить Крофорда. Это нелегкая задача. А какова будет плата?

— Нам есть чем отплатить вам, — сказал Фландерс. — И думаю, форма оплаты заинтересует вас. Вы спрашивали о Кэтлин Престон. Вас интересовало, существовала ли она, и я могу вам ответить, что существовала. Кстати, сколько вам было лет, когда вы с ней познакомились?

— Восемнадцать.

Фландерс кивнул:

— Прекрасный возраст. — Он глянул на Виккерса. — Не так ли?

— Нам тоже так казалось.

— Вы любили ее, — сказал Фландерс.

— Да, любил.

— И она любила вас?

— Думаю, любила, — сказал Виккерс. — Я не уверен в этом сейчас. Но думаю, что любила.

— Вы можете удостовериться в этом.

— Вы хотите сказать, что она здесь?

— Нет, — ответил Фландерс, — здесь ее нет.

— Но вы...

— Когда вы выполните работу, вы сможете вернуться в свое восемнадцатилетие.

— Такова ваша плата? Значит, вернуться в свое тело и начать все сначала. Снова стать восемнадцатилетним...

— Это вас не привлекает?

— Думаю, нет, — сказал Виккерс. — Поймите, Фландерс, мечты восемнадцатилетнего юноши растаяли. Они были

убиты в теле сорокалетнего андроида. Иметь физически восемнадцать лет еще не все. Грядущие годы и то, что они обещают, и мечты, и любовь идут рядом с тобой по веснам жизни.

— Восемнадцать лет... — напомнил Фландерс. — Восемнадцать лет, и надежда на бессмертие, и семнадцатилетняя Кэтлин.

— Кэтлин?

Фландерс кивнул.

— Так же, как и прежде? — усомнился Виккерс. — Но так не может быть, Фландерс. Я чувствую фальшь. Ведь что-то исчезло, улетучилось.

— Все будет точно так же, — уверенно сказал Фландерс. — Словно и не было всех этих лет.

Глава 38

Все-таки он был мутантом, только в облике андроида, и, как только ему удастся остановить Крофорда, он снова превратится в восемнадцатилетнего мутанта, влюбленного в семнадцатилетнюю мутантку, и у них будет надежда, что бессмертие станет явью при их жизни. А если так произойдет, то они с Кэтлин смогут вечно совершать прогулки по заветной долине, и у них родятся дети-мутанты, наделенные исключительным даром предвидения, и все они проживут такую жизнь, какой могли бы позавидовать все языческие боги старой Земли.

Он откинул одеяло, вылез из постели и подошел к окну. Застыв у окна, он смотрел на залитую лунным светом долину, по которой когда-то гулял, и видел пустынное место, которое навсегда останется пустынным, что бы ни произошло.

Более двадцати лет он лелеял мечту и вот, когда она почти стала явью, понял, как она потускнела с годами: невозможно вернуться в тот день 1956 года, человек не в силах вернуть ушедшее.

Нельзя стереть прожитые годы, их нельзя собрать, сложить в уголок, оставить там и уйти. Их можно упрятать в глубины памяти и забыть там, но наступит день, и воспоминания вернутся. И тогда вам станет ясно, что вы прожили не одну, а две жизни.

Это и тревожило — ведь прошлое забыть нельзя.

Скрипнула дверь, и Виккерс обернулся.

В дверях стоял Айзекайя, его металлопластиковая кожа блестела на свету, проникавшем из коридора.

— Не спится? — спросил он. — Могу вам помочь. Принесу снотворное или...

— Вы действительно можете помочь, — сказал Виккерс. — Я хочу заглянуть в дело.

— Дело, сэр?

— Да, дело. Дело моей семьи. Оно должно быть где-то здесь.

— В архиве, сэр. Я могу его принести. Подождите немного.

— А также дело Престонов, — добавил Виккерс. — Дело семьи Престонов.

— Хорошо, сэр, — сказал Айзекайя. — Подождите.

Виккерс включил свет у изголовья кровати и присел на край постели. Теперь он знал, что делать.

Заветная долина оказалась пустыней. Лунные тени на белизне колонн были мертвым воспоминанием. А аромат роз давно ушедшей ночи унесли ветры пролетевших лет.

«Энн, — сказал он сам себе. — Я веду себя по отношению к тебе как дурак».

— Как ты считаешь, Энн? — спросил он вполголоса. — Мы ругались и ссорились, и хоронили нашу любовь под этой пикировкой, и, если бы не мои мечты о долине, мечты, которые с каждым годом становились все призрачнее, хотя я не знал этого, мы бы давно поняли, как обстоят дела.

«Они забрали у нас обоих, — думал он, — врожденное право прожить нашу собственную жизнь в наших подлинных телах, данных нам при появлении на свет. Они

превратили нас в подобие мужчины и женщины, и мы шли по жизни словно тени, бегущие по стене. А теперь они хотят отнять у нас право на смерть и сознание выполненного долга. И мы должны прожить лживую жизнь — я как андроид, наделенный жизненной силой человека, который все не является мной, и Энн тоже».

— Порвать с ними, — сказал он. — Порвать со всеми их двойными жизнями и состоянием искусственного существа.

Он вернется на ту Землю. Разушет Энн Картер, скажет, что любит ее, любит не призрачной любовью при лунном свете и аромате роз, а настоящей любовью мужчины, утратившего пыл юности. Они уедут вместе и проживут свою собственную жизнь: он будет писать книги, а она — ходить на службу, и они постараются, насколько возможно, забыть, что они мутанты.

Он прислушался к шорохам дома, тихим шорохам ночного дома, которые не слышны днем, когда он наполнен человеческими голосами, и подумал, что при желании этот язык дома можно понять. Дом расскажет вам все, что вы хотите знать, — какое было выражение лица у кого-то, и как было произнесено то или иное слово, и все, что мог сделать или о чем мог думать человек, находящийся наедине с самим собой.

В деле он не найдет всего, что хотел бы узнать, там не окажется всей правды, которую он ищет, но там будут сведения о нем и о бедном фермере и его жене, которые были его отцом и матерью.

Дверь открылась, и появился Айзекайя с папкой под мышкой. Он протянул папку Виккерсу и в ожидании застыл у стены.

Дрожащими пальцами Виккерс открыл папку и на первой же странице увидел:

ВИККЕРС ДЖЕЙ, род. 5 авг. 1937 г., п. ж. 20 июня 1956 г., д. п., в., н. п., скр.

Он не улавливал смысла написанного.

— Айзекайя.
— Да, сэр.
— Что все это значит?
— О чем вы говорите, сэр?
— Вот эти обозначения. — Виккерс ткнул пальцем, — п. ж. и так далее.

Айзекайя наклонился и прочел:

— Джей Виккерс, родился 5 августа 1937 года, перемещение жизни 20 июня 1956 года, дар предвидения, ощущение времени — наследственная память, скрытая мутация. Все это означает, что вы еще не пробудились.

Виккерс глянул ниже — там были имена, вклейка о браке, в результате которого он родился.

ЧАРЛЬЗ ВИККЕРС, род. 10 янв. 1907 г., конт. 8 авг. 1928 г., в., н. п., пр. ж. 6 февр. 1961 г.

И ниже:

САРА ГРЭХЕМ, род. 16 апр. 1910 г., конт. 12 сент. 1927 г., пр., ук. об., в., н. п., пр. ж. 9 марта 1960 г.

Его родители. Он попытался расшифровать:

— Чарльз Виккерс, родился 10 января 1907 года, контужен, нет, тут что-то другое...

— Контакт установлен, сэр, — подсказал Айзекайя.

— Контакт установлен 8 августа 1928 года, пробужденный, в., эл., что это означает?

— Ощущение времени и электроника, сэр, — пояснил Айзекайя.

— Ощущение времени?

— Ощущение времени, сэр. Другие миры. Все заключено во времени, вам это известно?

— Нет, я этого не знаю, — сказал Виккерс.

— Времени не существует, — разъяснил Айзекайя. — В том смысле, как его понимают обычные люди. Нет непрерывного потока времени, а есть отрезки времени, как бы

секунды, следующие одна за другой. Хотя ни секунд, ни похожих соизмеримых отрезков времени нет.

— Знаю, — сказал Виккерс.

И он действительно знал. Он все вспомнил — объяснение этих миров, следующих друг за другом, когда каждый мир заключен в капсулу своего времени, в какой-то странный и произвольный отрезок времени, и эти отрезки времени со своими мирами тянулись в прошлое и настоящее, но как далеко тянулась их цепь, не мог ни знать, ни предполагать никто из живых существ.

Словно кто-то нажал скрытый выключатель, и вся его наследственная память оказалась в его распоряжении, ведь она всегда была в нем, а он не осознавал ее присутствия, как и не осознавал еще в полной мере своего дара предвидения.

— Времени не существует, — продолжал Айзекайя. — Во всяком случае, в понятиях обычного человека. Время состоит из отрезков, и каждый отрезок — одна из фаз столь обширного мира, что человеческая мысль пасует перед ним, отказываясь постигнуть его целиком.

Но само время? Время представало бесконечной средой, тянущейся в прошлое и будущее, хотя не было ни прошлого, ни будущего. Просто существовало бесконечное множество отрезков, протянувшихся в обе стороны, и каждый отрезок был одной из фаз Вселенной.

На исконной Земле человека кто-то задумался о путешествии во времени, о возможности вернуться во вчерашний день или уйти в завтрашний. Теперь он знал, что такое путешествие невозможно, что один и тот же момент времени заключен в своей собственной капсуле, что Земля людей двигалась в одной временной капсуле с самого рождения до самого конца и что она возникла и вернется в небытие в одном и том же отрезке времени.

Вы могли путешествовать во времени, но ни во вчера, ни в завтра. Если вы обладали неким ощущением времени, то могли перейти из одного временного отрезка в другой и

тогда оказывались в другом мире, а не во вчерашнем или завтрашнем дне.

Так произошло, когда он запустил волчок, хотя волчок был ни при чем — он лишь облегчал переход.

Он продолжал чтение.

— Пр. ж. Что такое пр. ж., Айзекайя?

— Приостановленная жизнь, сэр.

— Моих отца и матери?

— Их жизнь приостановлена, сэр. До того момента, как мутанты окончательно разработают бессмертие.

— Но они умерли, Айзекайя. Их тела...

— Их тела андроидов, сэр. Мы должны соблюдать внешнюю видимость. Иначе у обычных людей возникнут подозрения.

В комнате словно взорвалась бомба, и истина явилась Виккерсу в своей неприкрытой наготе.

Приостановлена жизнь. Его мать и отец ожидали в состоянии приостановленной жизни дня, когда они обретут бессмертие.

А он, Джей Виккерс, истинный Джей Виккерс, где был он? Его жизнь не была приостановлена, потому что ее переместили из тела истинного Джея Виккерса в тело андроида, находившегося в этой комнате и державшего в своих руках андроида судьбу своих родителей.

— А Кэтлин Престон? — спросил Виккерс.

Айзекайя отрицательно качнул головой.

— Я ничего не знаю о Кэтлин Престон, — сказал он.

— Но у вас есть дело семьи Престонов?

Айзекайя опять покачал головой.

— У нас нет дела Престонов. Я сверился по генеральному каталогу. О Престопах нигде не упоминается. Нет никаких Престонов.

Итак, принятое им решение оказалось неверным. Перед его внутренним взором встали два родных лица. Он прикрыл глаза и увидел мать, каждую черточку ее лица, вспомнил, в какой ужас привело ее его путешествие в сказочную страну, как ругал его отец и как исчез волчок.

Ведь волчок исчез. И они говорили ему, что у него слишком разыгралось воображение. В конце концов, им, по-видимому, трудно было постоянно присматривать за ним, чтобы предотвратить его посещения других миров. Восемилетний человечек достаточно самостоятелен, чтобы найти себе занятие сразу в нескольких мирах.

Лицо матери и рука отца, с суровой нежностью положенная на плечо, навсегда остаются в памяти человека.

Исполненные доверия, они ждали дня, когда мрак окутает их сознание, но этот мрак будет не концом, а началом жизни, на которую они и не надеялись, когда много лет назад присоединились к маленькой группе мутантов.

Если они так верили в дело мутантов, могла ли быть меньшей его вера?

Имел ли он право отказаться внести свой вклад в создание мира, которому они отдали так много?

А они отдали все, что могли, — свой тяжкий труд, свою негасимую веру, и плоды их жизни должны собрать те, кого они оставили после себя. Он был один из них — и он не мог их предать.

«Каков же будет этот мир?» — спрашивал он себя.

Если мутанты-телепаты раскроют секрет бессмертия, какой мир они создадут?

Предположим, что люди перестанут умирать, но будут ли они жить вечно?

Это уже не будет прежний мир. Мир станет другим, в нем появятся иные ценности и иные стимулы.

Какие факторы будут управлять жизнью вечного мира? Какие стимулы и условия предотвратят его деградацию?

Какие постоянно растущие возможности и интересы уберегут его от тупика скуки?

В чем будут нуждаться люди бессмертного мира?

У них будут неограниченные возможности; и они будут существовать всегда. Потому что можно открыть следующие и предыдущие миры. А если не хватит этих миров, то есть Вселенная со всеми ее солнцами и солнечными системами — коли Земля есть планета, повторяющая себя до бесконечности, то каждое солнце и каждая планета тоже должны бесконечно повторять себя.

Возьмите Вселенную и умножьте ее на неизвестное число, возьмите все миры всех вселенных и умножьте их на бесконечность, и вы получите ответ. Место найдется всем и всегда.

Появится нужда в бесконечных стимулах и возможностях, и каждый мир предложит столько стимулов и возможностей, что даже вечному человеку не удастся исчерпать их полностью.

Но и это не все — в вашем распоряжении будут бесконечное время и бесконечное пространство, появятся новые отрасли техники, и новые области науки, и новые философские учения — и никогда бессмертному человеку не придется скучать от отсутствия дел и мыслей.

Как вы используете бессмертие, если получите его?

Оно поможет вам сохранить силу. И если ваше племя не так велико и невысока рождаемость, оно не остановится в своем развитии — никто не будет умирать.

Бессмертие позволит сохранить таланты и знания. Вы сможете рассчитывать на всю силу, все знания и все таланты каждого члена племени. Ведь, умирая, человек уносит с собой не только настоящие знания, но и будущие.

«Скольких знаний, — подумал Виккерс, — лишилось человечество из-за того, что кто-то умер на десятилетие раньше? Какие-то знания можно восстановить последующими работами других людей, но какие-то будут утрачены

навсегда, какие-то мысли никогда больше не возникнут, как никогда не выкристаллизуются какие-то концепции...»

В обществе бессмертных людей такого не произойдет.

Вы могли черпать знания на звездах, вы обладали наследственной памятью, у вас были технические знания, позволяющие производить вечные вещи, а теперь ко всему этому добавлялось бессмертие.

Такова была доктрина. Но доктрина чего? Бесконечной жизни? Вершины знания? Возможности стать богами?

Вернуться на сотню тысяч лет назад. Выяснить, что за создание человек. Дать ему огонь, колесо, лук и стрелы, домашних животных и культурные растения, племенную организацию и заложить в его мозг понятие о том, что он хозяин Земли. Что скрывалось за всем этим?

Начало цивилизации и зарождение человеческой культуры.

Доктрина мутантов была новой вехой в развитии человечества, как сто тысяч лет назад такими вехами были покорение огня, изобретение колеса, одомашнивание собаки.

Доктрина мутантов не была конечным результатом человеческих усилий, человеческой мысли и знаний; это был новый шаг вперед. Еще один. Еще один шаг в будущее. Человеческий разум был способен еще на многое, но он, Джей Виккерс, не мог представить себе всех масштабов подобного развития, как не мог человек, покоривший огонь и приручивший собаку, представить себе временную структуру последовательных миров.

«Мы еще дикари, — думал он. — И пока сидим в пещере и со страхом вглядываемся через дым костра, охраняющего вход в нее, в безбрежный мрак окружающего мира».

Придет время, и люди рискнут рассеять этот мрак, но время еще не пришло.

Бессмертие окажется инструментом, рабочим инструментом. И оно навсегда останется только простым рабочим инструментом.

Что скрывает мрак за пределами пещеры?

Человеческое неведение своего собственного состояния, смысла своего существования, своих корней и конечных целей.

Извечные как мир вопросы.

Быть может, с помощью такого инструмента, как бессмертие, человеку удастся разрешить их, постичь неуловимые законы Вселенной, живой материи и энергии. И это явится следующим шагом в истории человечества. И у человека не останется ни колебаний, ни сомнений, он поймет себя и навсегда откажется от веры, заменив ее знаниями и твердой уверенностью.

А когда человек поставит смерть вне закона, когда ворота смерти захлопнутся навсегда, человеку понадобится разработать и соответствующую концепцию жизни, если он не хочет превратиться в вечного скитальца галактик.

Виккерсу пришлось напрячь все силы, чтобы прервать ход своих мыслей и вернуться к действительности.

— Айзекайя, — обратился он к роботу, — вы уверены?

— В чем, сэр?

— В том, что Престонов нет?

— Уверен, — ответил Айзекайя.

— Кэтлин Престон существовала, — сказал Виккерс. — Я уверен в ее существовании.

Но откуда он черпал такую уверенность?

Он помнил ее.

Фландерс подтвердил ее существование.

Но его память, как и память Фландерса, могла быть определенным образом сформирована.

Кэтлин Престон могла оказаться привнесенным эмоциональным фактором, дабы привязать его к этому дому, дабы он никогда и нигде не забыл о своих связях с этим домом.

— Айзекайя, — снова обратился к роботу Виккерс, — кто такой Гортон Фландерс?

— Гортон Фландерс, как и вы, — андроид, — ответил Айзекайя.

Итак, они рассчитывали, что он остановит Крофорда. И сделает это с помощью своего дара предвидения.

Но проблему следовало рассмотреть всесторонне. Взвесив все факторы, определив собственные силы, мутантам придется вступить в борьбу с промышленной мощностью многих стран мира. Опираясь на нее, Крофорд и его единомышленники объявили войну мутантам. Кроме того, существовало секретное оружие.

— Отчаяние и секретное оружие, — заявил Крофорд, сидя в номере гостиницы. — Но оно недостаточно эффективно, — добавил он.

Прежде всего следовало выяснить, о каком оружии шла речь. И пока это неизвестно, никаких планов строить нельзя.

Лежа на кровати и глядя в потолок, он перебирал факты, систематизировал их, подвергал анализу. Иногда силы обычных людей и силы мутантов казались ему равными, а иногда он видел неоспоримое превосходство одной из сторон.

Рассуждения завели в тупик.

— Так и должно было быть, — произнес он вслух. — Рассуждение — инструмент обычного человека.

Следовало воспользоваться своим исключительным даром.

Но как?

Он постарался отрешиться от известных ему фактов, изгнать их из своих мыслей и ни о чем не думать. Лежа в постели и глядя во тьму, он физически ощущал, как наперекор желанию они теснятся в его мозгу.

Вдруг с особой отчетливостью проступила мысль о войне. Он остановился на ней. Мысль стала весомой и овладела им.

Война, но война, совершенно отличная от тех войн, которые до сих пор вело человечество.

Невероятно раздражала необходимость думать о чем-то неопределенном.

Появилась новая мысль — бедность.

Он чувствовал, как обе мысли, и о войне, и о бедности, словно койоты, кружат во мраке вокруг костра его разума за границей зоны, освещенной интеллектом.

Он хотел прогнать их, но они не желали уходить. Через некоторое время он привык к ним.

«Существует еще один фактор, — подсказал ему засыпающий мозг. — Недостаток рабочих рук у мутантов. Вот почему они создали роботов и андроидов».

Можно было обойти эту трудность. Можно было взять одну жизнь и разделить ее на несколько. Жизнь одного мутанта — растянуть, удлинить, увеличить. Рабочую силу можно было создать, следовало лишь знать, как это делается.

Мысли совсем замедлили бег, он почти уснул.

«Я остановлю тебя, Крофорд, и получу ответ, я остановлю тебя, я люблю тебя, Энн, я...»

И вдруг, даже не сообразив, спал он или нет, Виккерс встрепенулся и уселся на постели.

Он знал!

Он съежился от прохлады летнего утра, быстро высунул ноги из-под одеяла и ощутил босыми ступнями холод пола.

Виккерс бросился к двери, распахнул ее и выскочил на площадку винтовой лестницы, ведущей в холл.

— Фландерс! — крикнул он. — Фландерс!

Откуда-то появился Айзекайя и стал взбираться по ступеням, спрашивая:

— Что случилось, сэр? Вам что-нибудь надо?

— Мне нужен Гортон Фландерс.

Открылась еще одна дверь, и появился Гортон Фландерс с торчавшими из-под ночной рубахи худыми лодыжками и всклокоченными волосами.

— Что происходит? — спросил он спросонья. — Что за шум?

Виккерс быстро пересек холл, схватил его за плечи и спросил:

— Сколько нас? На сколько частей разделена жизнь Джея Виккерса?

— Может, вы перестанете трясти меня?

— Как только вы мне скажете правду.

— С удовольствием, — сказал Фландерс. — Нас трое. Вы, я и...

— Вы?

— Конечно. Вас это удивляет?

— Но вы намного старше меня.

— С синтетической плотью можно делать чудеса, — промолвил Фландерс. — Тут нечему удивляться.

«Действительно, ничего удивительного», — согласился вдруг про себя Виккерс, словно всегда знал это.

— Кто третий? — спросил он. — Вы сказали, нас трое. Кто он?

— А вот этого я вам сообщить не могу, — ответил Фландерс. — Я и так сказал слишком много.

Виккерс разозлился, схватил Фландерса за ворот ночной рубашки и сдавил его.

— Насилие вам не поможет, — сказал Фландерс. — Не надо насилия. Я вам сказал все это лишь потому, что кризис наступил быстрее, чем мы предполагали. Вы еще не готовы знать все. Недостойны. Мы слишком многим рискуем, заставляя вас развиваться так быстро. Больше я вам ничего не скажу.

— Недостоин! — вскипел Виккерс.

— Не готовы. Вам следовало предоставить больше времени. А сейчас отвечать на ваши вопросы и говорить с вами просто — на просто невозможно. Это повлечет за собой лишние трудности. Снизит вашу эффективность и действенность.

— Но я уже все знаю, — зло сказал Виккерс. — Готов я или не готов, но я знаю, как взяться за Крофорда и его друзей, а это значительно весомее того, что сделали все вы, несмотря

на уйму потраченного времени. Ответ у меня готов, и вы надеялись, что я его найду. Я знаю их секретное оружие и знаю меры защиты. Вы мне сказали, что надо остановить Крофорда, и я могу его остановить.

— Вы уверены?

— Абсолютно уверен, — сказал Виккерс. — Кто третий?

В его мозгу уже зрело подозрение, странное подозрение.

— Я должен знать, — сказал он.

— Именно этого я вам не могу сообщить. Никак не могу, — повторил Фландерс.

Виккерс отпустил ворот ночной рубашки Фландерса, а потом и вовсе уронил руки. То, что начало обретать контуры в его мозгу, разрывало душу, и с каждым мгновением мучения становились все сильнее. Он медленно пошел прочь.

— Да, я уверен, — повторил Виккерс. — Я уверен, что знаю все ответы. Я их знаю, но что это мне дает?

Он вернулся в свою комнату и захлопнул дверь.

Глава 41

В какой-то момент словно вспышка осветила его мозг. Воспоминание о Кэтлин Престон, которое могло быть вымыслом, и запечатленная в его мозгу прогулка по заветной долине долгие годы мешали ему понять, что он давно любит Энн Картер, а она платит ему взаимностью.

Потом он узнал, что его родители находились в состоянии прерванной жизни и ждали возвращения в мир любви и взаимопонимания, которому они так много отдали.

Он не мог их предать.

«Быть может, — сказал он сам себе, — это к лучшему, ибо есть новый фактор — умение делить одну жизнь на несколько частей».

Такой метод был разумен и, по-видимому, приносил свои плоды — ведь у мутантов не хватало рабочих рук и приходилось наилучшим способом использовать имеющиеся средства. Вы передаете роботам то, что им можно доверить.

А жизнь каждого мутанта делите, получая несколько личностей, помещенных в тела андроидов.

Он не был самым собой, он представлял часть другой личности — треть подлинного Джея Виккерса, чье тело ожидало дня, когда в него будет возвращена жизнь.

Энн Картер тоже не была сама собой, а представляла часть другой личности. Быть может, он впервые позволил своему подозрению оформиться: она была частью Джея Виккерса и вместе с Фландерсом разделяла жизнь, бывшую некогда единой.

Три андроида несли в себе некогда единую жизнь — он, Фландерс и еще кто-то. Его не переставал терзать вопрос: кто же все-таки этот третий?

Все трое, они были связаны одной нитью, составляя почти единое целое, и в какой-то день три их жизни вернутся в тело подлинного Джея Виккерса. А когда это произойдет, кто станет новым Джем Виккерсом? Или им никто не станет — быть может, возвращение будет равносильно смерти всех троих и возобновлению сознания прежнего Джея Виккерса? Или все они смещаются и в воскресшем Джем Виккерсе будут сочетаться его черты, черты Фландерса и черты третьего, неизвестного?

А как же его любовь к Энн Картер? Если этим неизвестным человеком была Энн, во что обратится его вдруг вспыхнувшая нежность к ней? Что станет с его нынешней любовью после долгих лет бесплодных мечтаний?

Он понимал, что, если Энн была этим третьим, они не смогут любить друг друга. Нельзя любить самого себя, как другого человека. Невозможно любить какую-то грань самого себя, как невозможно, чтобы эта грань любила вас. Вы не могли любить человека более близкого вам, чем сестра или мать...

Дважды он испытал любовь к женщине, и дважды ее отняли — он оказался в ловушке, и у него не оставалось иного выбора, как выполнить свою задачу. Он сказал Крофорду,

что явится к нему, когда узнает, что происходит, и расскажет все, чтобы найти компромисс, если он возможен.

Теперь он знал — компромисс невозможен.

Если его предвидение было верным.

Фландерс сказал, что дар предвидения — метод более естественный и более зрелый, чем рассуждения. Он, по словам Фландерса, прямее извилистого пути логических рассуждений, которыми человечество пользовалось все время своего становления.

И секретное оружие оказалось старым как мир — войной, развязанной с расчетливым цинизмом.

«Сколько же войн, — подумал он, — может еще пережить человечество?» И понял — ни одной.

Мутанты — залог выживания человеческой расы. У него самого не осталось ни Кэтлин, ни Энн, ни даже надежды на собственную человеческую жизнь, и он должен был приложить все силы, чтобы уберечь человеческую расу от гибели.

Кто-то постучал в дверь.

Войдите, — отозвался Виккерс. — Завтрак будет подан, — сказал Айзекайя, — как только вы закончите свой туалет.

Глава 42

Когда Виккерс спустился вниз, Фландерс уже ждал его в столовой.

— Остальные ушли, — сказал он. — У них дела. А нам надо выработать план действий.

Виккерс ничего не ответил. Он выдвинул стул и сел напротив Фландерса. Фландерс сидел спиной к окну, так что его пышные седые волосы словно ореол блестели на солнце. Одежда по-прежнему выглядела поношенной, да и галстук знавал лучшие дни, но старик был все так же опрятен.

— Я вижу, Айзекайя отыскал вам кое-какие вещи, — сказал Фландерс. — Не знаю, что бы мы делали без него. Он очень заботлив...

— Не только вещи, но и деньги, — добавил Виккерс. — На комод, рядом с рубашкой и брюками, лежала целая пачка. Я не успел пересчитать, но, похоже, в ней несколько тысяч долларов.

— Да, Айзекайя ничего не упускает.

— А зачем мне столько денег?

— Не беспокойтесь, — сказал Фландерс. — У нас их тюки.

— Тюки?!

— Разумеется, мы все время производим их.

— Вы подразумеваете фальшивые деньги?

— О нет, ни в коем случае! — воскликнул Фландерс. — Хотя иногда мы подумывали и об этом. Еще одна стрела для нашего лука.

— Вы хотели наводнить мир фальшивыми деньгами?

— Почему фальшивыми? Мы можем воспроизводить деньги с абсолютной точностью. Бросить в мир сотни миллиардов долларов и посмотреть, что из этого выйдет.

— Замысел ясен, — сказал Виккерс. — Удивлен, что вы не привели его в исполнение.

Фландерс испытующе поглядел на него.

— Мне кажется, наше поведение вас шокирует.

— В какой-то мере, — ответил Виккерс.

Айзекайя принес поднос, на котором стояли стаканы с охлажденным апельсиновым соком, тарелки с яйцами, беконом, гренками с маслом, баночка конфитюра и чашка кофе.

— Доброе утро, сэр, — сказал он Виккерсу.

— Доброе утро, Айзекайя.

— Вы обратили внимание, — спросил робот, — какое сегодня чудесное утро?

— Конечно, — ответил Виккерс.

— Погода стоит исключительная, — сказал робот, — значительно лучше, чем на предыдущей Земле.

Он поставил еду на стол, удалился через качающуюся дверь на кухню и занялся повседневными делами.

— Мы оставались людьми, — сказал Фландерс, — пока было возможно. Но мы делали наше дело и со временем стали наступать кое-кому на ноги. Теперь мы, наверно, станем порезче, ведь и с нами не церемонятся. Окажись Крофорд и его банда помягче, все прошло бы мирно и спокойно, и мы никому не причинили бы зла. Через десять лет все было бы проще. Через двадцать лет это было бы детской забавой. Но сейчас нет ни уверенности, ни простоты. В данный момент речь идет чуть ли не о революции. Имей мы двадцать лет, тот же процесс прошел бы как эволюционный. Будь у нас время, мы бы взяли контроль не только над промышленностью и финансами. Кризис разразился слишком рано.

— Теперь нам нужен контркризис, — сказал Виккерс.

Фландерс, казалось, не слышал его.

— Мы создали множество фиктивных компаний, — продолжал он. — Следовало создать их еще больше, но нам не хватало исполнителей даже для создания фирм. Иначе мы открыли бы громадное количество компаний по производству самых необходимых вещей. Но мы нуждались в наших людях в других местах, в наиболее критических точках. Следовало искать других мутантов, которые могли бы присоединиться к нам.

— Мутантов должно быть много, — сказал Виккерс.

— Их действительно немало, — согласился Фландерс, — но большинство из них настолько вросли в жизнь и дела обычного мира, что не могли порвать с ним. Возьмите, например, мутанта, женатого на обычной женщине. Мы не можем разбивать счастливый брак просто по гуманным соображениям. А если мутантами являются дети? В такой ситуации остается только ожидание. С ними можно вступать в контакт, когда они вырастают и покидают родное гнездо, но не раньше. Возьмите банкира или промышленника, на чьих плечах лежит целая экономическая империя. Скажите ему, что он мутант, и он расхохочется вам в лицо. Он нашел свое место в жизни. Он доволен собой, весь идеализм или

либерализм его юности исчез, подавленный его воинствующим индивидуализмом. Его устраивает созданный им образ жизни, и, что бы вы ни предложили, это не заинтересует его.

— Вы можете расплатиться с ним бессмертием.

— У нас пока его нет.

— Вам следовало бы организовать атаку на них на правительственном уровне.

Фландерс отрицательно покачал головой.

— Не удалось. Мы сделали несколько попыток, но тщетно. Будь у нас тысяча ключевых мест в правительствах, мы бы победили легко и быстро. Но у нас не было тысячи мутантов для правительственных и дипломатических постов. Самыми разными методами мы преодолевали один кризис за другим. Углеводы изменили ситуацию, которая могла обернуться войной. Но мы не были достаточно сильны, и у нас не хватало времени для нормального воплощения хорошо отработанной долгосрочной программы, поэтому мы стали импровизировать. Мы выпустили наши приспособления, чтобы ускорить развал социально-экономической системы, и рано или поздно промышленники должны были восстать против нас.

— Но на другое вы и не рассчитывали? — спросил Виккерс. — Вы вмешались...

— Думаю, что мы должны были это сделать, — сказал Фландерс. — Представьте, Виккерс, что вы оперируете большого раком. Чтобы больной выздоровел, его придется резать. И вы вскроете тело больного без всяких раздумий.

— Несомненно, — подтвердил Виккерс.

— Человеческая раса, — продолжал Фландерс, — и есть наш пациент. У него злокачественный рост отдельных тканей. Мы — хирурги. Пациент будет страдать, потом наступит период выздоровления, и в конце концов он останется в живых, но я сомневаюсь, что человеческая раса переживет еще одну войну.

— Ваши методы довольно жесткие!

— Минуточку! — воскликнул Фландерс. — А вы считаете, что они должны быть иными? Я бы мог согласиться с вами, будь у нас хоть какие-то реальные возможности переговоров. Представьте: являемся мы перед народом, встречаемся с главами правительств и говорим им, что мы — новая мутация человеческой расы и что наши знания и наши способности выше, чем у них, а потому они должны передать все в наши руки. Как вы думаете, какая реакция нас ожидает? Могу вам сказать. Они вышвырнут нас вон и будут не так уж не правы. С какой стати они должны просто так поверить нам? У нас не было иного выхода. Мы могли действовать лишь в подполье. Следовало захватить ключевые позиции. Другого пути мы не видели.

— Ваши слова, — заметил Виккерс, — может, и верны в масштабе народов, но подумали ли вы о личности, об отдельном человеке? О том, кто получает ваши удары прямо в живот?

— Эйза Эндрюс был здесь сегодня утром, — сказал ему Фландерс. — Он рассказал, что вы гостили у него и исчезли, и волновался, не стряслось ли с вами чего. Но это другая история. Хочу только спросить: считаете ли вы Эйзу Эндрюса счастливым человеком?

— Безусловно, я никогда не видел более счастливого человека.

— И однако, — сказал Фландерс, — мы с ним не церемонились. Мы отняли у него работу, которая кормила и одевала его семью, мы отняли у него кров. И когда он обратился к нам за помощью, мы знали, что он один из тех, кто по нашей милости остался без работы, кого выбросили из дома на улицу и кто не знал, будет ли у него и его семьи крыша над головой в ближайшую ночь. Мы были виновниками всех его несчастий, и все же он стал счастливым человеком. Таких людей тысячи, мы не церемонились с ними, а сейчас все они счастливы. Счастливы, потому что мы с ними не церемонились, я подчеркиваю это.

— Но вы не можете отрицать, — возразил Виккерс, — что они дорого заплатили за свое счастье. Я говорю не о потере работы и о подачках им, а о том, что произошло потом. Вы расположились на этой Земле, создав здесь так называемую пасторально-феодалную стадию, но забываете, что те, кто прибыл сюда, лишились доброй части материальных преимуществ человеческой цивилизации.

— Мы отняли у них, — сказал Фландерс, — только нож, которым они могли поранить себя или своего соседа. Все, что мы временно отняли у них, будет им возвращено сторицей и с фантастическими процентами. Ибо мы искренне надеемся, мистер Виккерс, что со временем вся раса получит все, чем мы располагаем сейчас. Поймите, мы не чудовища, а человеческие существа, следующий шаг в эволюции. Мы только на день-другой на шаг-другой впереди остального человечества. Чтобы выжить, человеку надо измениться, мутировать, перерасти свое сегодняшнее состояние. Мы лишь авангард этой мутации выживания. И, будучи первыми, мы были вынуждены начать борьбу. Мы должны бороться все то время, пока остальное человечество не догонит нас. Расценивайте нас не как маленькую группу привилегированных людей, а как все человечество.

— Человечество, — с горечью сказал Виккерс, — располагает весьма скудными сведениями о вашей борьбе за его спасение. Не случайно оно громит ваши магазины, охотится на мутантов и вешает их на фонарях.

— Здесь на сцене и появляетесь вы, — заметил Фландерс. Виккерс утвердительно кивнул головой.

— Вы хотите, чтобы я остановил Крофорда?

— Вы заявили, что способны на это.

— Я вижу пути, — сказал Виккерс.

— Ваши предвидения, друг мой, намного превосходят самые стройные рассуждения.

— Но мне нужна помощь, — произнес Виккерс.

— Все, что пожелаете.

— Надо, чтобы некоторые из ваших первопроходцев, людей типа Эйзы Эндрюса, вернулись обратно в качестве миссионеров.

— Это невозможно, — возразил Фландерс.

— Они тоже ведут борьбу, — сказал Виккерс. — Не могут же они сидеть сложа руки.

— Миссионерская деятельность? Вы хотите, чтобы они вернулись и рассказали всем о других мирах?

— Да, именно так.

— Но им никто не поверит. При тех настроениях, которые царят на Земле, их всех переловят и линчуют.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Есть группа людей, которая поверит им. Это, как они называют себя, фантазеры. Фантазеры бегут от действительности. Они воображают, что живут во времена какого-нибудь Пеписа или еще кого-то, но даже там не находят покоя и ощущения безопасности. Здесь же мы можем гарантировать полную свободу и безопасность. Здесь они могут вернуться к простой, незатейливой жизни без тревог, к которой так стремятся. И как бы фантастично ни звучали наши рассказы, фантазеры поверят им.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Но это не все? Вам требуется еще что-то?

— Безусловно, — сказал Виккерс. — Сможете ли вы удовлетворить спрос на огромное количество углеводов?

— Думаю, сможем. Мы перестроим наши заводы. Сейчас никому не нужны ни наши новинки, ни наши углеводы. Для распространения углеводов придется организовать нечто вроде черного рынка. Если мы вновь окажемся там, Крофорд и его приспешники не дадут нам работать.

— Только вначале, — сказал Виккерс. — Но ненадолго. Пока с ними в борьбу за углеводы не вступят десятки тысяч людей.

— Как только углеводы понадобятся, вы их получите, — пообещал Фландерс.

— Фантазеры нам поверят. Они готовы верить всему, как бы невероятно это ни выглядело. Мы организуем для них некое подобие крестового похода. У вас нет шансов убедить нормальных людей, но большинство беглецов от действительности пожелают расстаться с больным миром. Нужна лишь искра, слово, какое-то обещание подлинного, а не воображаемого бегства. Многие захотят стать жителями второго мира. Как быстро вы сможете перебросить их сюда?

— Как только они явятся к нам.

— Я могу рассчитывать на это?

— Безусловно, — кивнул Фландерс. — Я не знаю, какие у вас планы, но надеюсь, что ваше предвидение не обманет.

— Вы сами утверждали это, — заявил Виккерс.

— Вы знаете замыслы Крофорда?

— Я думаю, он готовит войну. Он говорил о секретном оружии, и я убежден, что речь шла о войне.

— Но война...

— Давайте рассмотрим войну, — предложил Виккерс, — под несколько иным углом зрения, чем обычно смотрят на нее историки. Рассмотрим ее как деловое предприятие. В какой-то мере так оно и есть. Когда страна ведет войну, все трудовые, промышленные и прочие ресурсы мобилизуются для одной цели и контролируются правительством. Роль бизнесмена столь же важна, как и роль военного. Банкир и промышленник имеют тот же вес, что и генерал. Сделаем еще один логический ход и рассмотрим войну в сугубо деловом плане, как средство достижения определенных целей — захватить и удержать контроль над какими-то областями. Во время войны система спроса и предложения прекращает действовать, гражданские товары практически не выпускаются и правительство принимает строгие меры по отношению к нарушителям, которые не прекращают производить...

— ...машины, — продолжил Фландерс, — вечные лампы и бритвенные лезвия.

— Совершенно верно, — подтвердил Виккерс. — Так они выиграют время, а оно для них не менее важно, чем для нас.

Под предлогом войны они могут распространить свой контроль на всю экономику. Война же будет вестись с таким расчетом, чтобы она не переросла во всепоглощающий пожар.

— Это маловероятно, — сказал Фландерс. — Ну а что будете делать вы?

— Я вернусь на старую Землю, но я не знаю, где мой волчок...

— Он вам больше не понадобится. Он необходим только новичкам. Стоит вам захотеть, и вы перейдете в другой мир. Теперь для вас такой переход очень прост.

— А если мне понадобится связаться с вами?

— Эб — нужный вам человек, — сказал Фландерс. — Обратитесь к нему.

— Вы возвратите Эйзу и других?

— Возвратим.

Виккерс встал и протянул Фландерсу руку.

— Но вам совсем не обязательно отбывать сию же минуту, — сказал Фландерс. — Садитесь и выпейте еще чашечку кофе.

Виккерс отрицательно покачал головой:

— Мне не терпится приступить к делу.

— Роботы могут отнести вас в район Нью-Йорка в считанные мгновения, — предложил Фландерс. — Можете вернуться на старую Землю прямо там.

— Мне нужно время, чтобы подумать, — ответил Виккерс. — Надо выработать план, вернее предвидение, как говорите вы. Думаю, будет вернее начать здесь и лишь потом двинуться в Нью-Йорк.

— Купите машину, — посоветовал Фландерс. — Айзекайя вручил вам достаточно наличных денег. Эб в случае нужды даст вам еще. Любой другой вид транспорта может оказаться опасным. Они, надо думать, позаботились расставить массу ловушек для мутантов. И они все время на чеку.

— Я буду осторожен, — заверил Виккерс.

Грязная комната с паутиной по углам из-за отсутствия мебели казалась больше, чем была на самом деле. Со стен свисали обои, обнажая трещины, которые молниями разбегались от потолка до плинтуса.

А когда-то обои радовали глаз яркими красками, на них, как на лугу, расцветали цветы и дрезденские пастушки пасли своих лохматых овечек. Навощенный пол был покрыт толстым слоем пыли, но чувствовалось: достаточно смахнуть ее, как он заблестит.

Виккерс топтался посреди комнаты: двери были там же, что и в той столовой. Только дверь на кухню оказалась распахнутой, а окна были прикрыты ставнями.

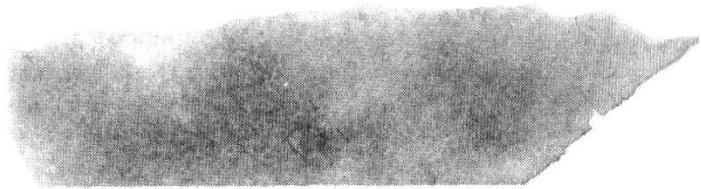
Он обратил внимание, что отпечатки его обуви на пыльном полу были только в центре. Ни один след не вел от дверей.

Рассматривая комнату, он пытался восстановить в памяти ее прежний облик, тот, который она имела не минуту, а двадцать лет назад.

А может, это было воображение — навязанное ему воображение? Бывал ли он в этой комнате раньше? И существовала ли Кэтлин Престон?

Он знал, что семья Виккерсов, бедная фермерская семья, жила не далее чем в миле отсюда. Он подумал о матери в ее потрепанном платье и темном свитере, об отце, о его небольшой полочке книг у кровати, о его привычке носить широкие брюки и защитного цвета рубашку и читать при скудном желтом свете керосиновой лампы, об их сыне, суматошном мальчугане со слишком развитым воображением, который однажды побывал в сказочной стране.

«Маскарад, — подумал он, — жалкий маскарад». Но это была их работа, и они отдали ей себя; они наблюдали, как рос и выросл их сын, и по тому, как он развивался, видели, что он был не чужаком, а одним из них.

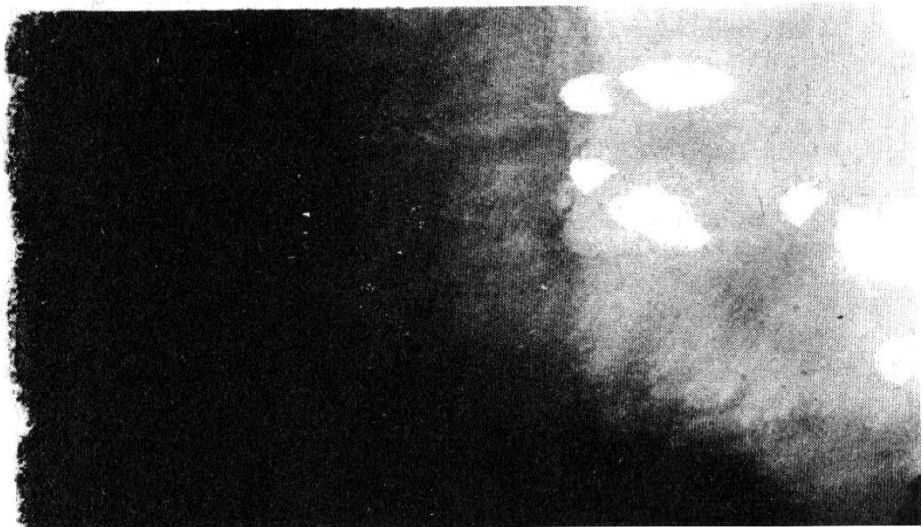

А теперь они, эти двое людей, приспособившиеся к незаметному, будничному существованию простых фермеров, столь далекому от их истинного предназначения, ждали дня, когда займут подобающее место в обществе, от которого отказались ради работы на передовом посту, неподалеку от большого кирпичного дома, гордо высящегося на холме.

Он не мог их предать и не предаст — у него только один путь.

Он пересек столовую и холл, приблизился к закрытой двери, оставляя позади себя цепочку следов.

Он знал, за дверью не было никого — ни Энн, ни Кэтлин, не было даже места для него самого — ничего, кроме трудных обязательств перед жизнью, которую даже не он выбрал.

Изредка его обуревали сомнения. Это случалось тогда, когда он ехал по стране, наслаждаясь внешней стороной жизни, которую наблюдал. Крохотные деревушки, спавшие в летней ночи, с их велосипедами и опрокинутыми тележками, с их тенистыми аллеями, ведущими к дому, первыми красными пятнами ранних яблок в садах. Знакомый рев громадных грузовиков, несущихся по автострадам. Улыбка официантки, подающей чашечку кофе, когда он остановился перекусить в придорожном ресторанчике. Он убеждал себя, что все хорошо в этих маленьких деревеньках, и у шоферов грузовиков, и у веселой девушки. Мир людей был приятным и добрым, и жить в нем было прекрасно. Мутанты с их планами казались чудовищным кошмаром из дешевого воскресного приложения, и иногда ему хотелось остановиться, бросить машину и навсегда окунуться в эту чудесную жизнь. Для такого человека, как он, здесь вполне могло найтись место; казалось, среди этих кукурузных полей и маленьких придорожных деревушек любой человек мог обрести счастье и безопасность.

Но он отдавал себе отчет в том, что все было видимостью. Он пытался скрыться от того, что носилось в воздухе. Когда у него возникло желание бросить машину и уйти, он чувствовал в себе тот же страх, что и фантазеры, когда они мысленно бежали в другие времена и веси. Именно эта необходимость бегства заставляла его думать о том, чтобы бросить машину и искать спокойной жизни в этих кукурузных просторах.

Но даже здесь, в сельскохозяйственном сердце страны, не было подлинного мира и спокойствия. Видимое спокойствие и безопасность существовали, если вы не читали газет, не слушали радио, не беседовали с людьми. Он чувствовал, как признаки беспокойства проступают сквозь внешний фасад благополучия — на каждом пороге, в каждом доме, в каждом ресторанчике.

Судя по газетам, новости были совсем неважными. По радио комментаторы говорили о новом глубоком кризисе,

перед которым стоял мир. Он слушал разговоры людей в холлах гостиниц, где ночевал, и в ресторанах, где ел. Они говорили, качали головами, в их поведении сквозила тревога.

Он слышал:

— Одного не могу понять: почему так быстро изменилось положение? Неделю или две назад, казалось, можно было договориться, а теперь все вернулось к прошлому и стало еще хуже.

Он слышал:

— Я всегда говорил, что всю эту историю с мутантами выдумали красные. Уверен, все идет оттуда.

Он слышал:

— Это невозможно. Вчера война была в тысячах миль от нас, и мы жили спокойно и мирно. А завтра...

А завтра, а завтра, а завтра...

Он слышал:

— Если бы все зависело от меня, я бы договорился с этими мутантами.

Он слышал:

— Я бы не церемонился с ними ни минуты, черт меня подери. Я бы набрал побольше бомб и показал им.

Он слушал их разговоры и признавал, что за ними нет и намека на компромисс и взаимопонимание, в них не чувствовалось никакой надежды на то, что войну можно предотвратить.

— Если не сейчас, — говорили они, — то через пять или десять лет она разразится все равно. Так уж чем раньше, тем лучше. Надо только напасть первыми...

И он ясно понимал, что неумемная ненависть ощущалась даже здесь, в сердце страны, на этих мирных фермах, в маленьких мирных деревеньках, в придорожных ресторанчиках. «И это, — сказал он себе, — не что иное, как крах цивилизации, основанной на ненависти, чудовищном себялюбии и недоверии к каждому, кто говорит на другом языке, ест иную пищу и носит отличную от него одежду».

Это была односторонняя механическая цивилизация грохочущих машин, мир технологии, которая обеспечивала комфорт, но не могла дать человеку ощущения справедливости и безопасности. Это была цивилизация, которая обрабатывала металл, расщепляла атом, создала мощную химию и понастроила сложные и опасные машины. Она сосредоточила свое внимание на технике, совсем забыв о личности, и теперь ничего не стоило нажать кнопку и уничтожить далекий город, не зная и не желая узнать жизни и обычаев, мыслей и надежд, устремлений народа, который ты уничтожал.

Он вел машину, останавливался перекусить и снова садился за руль. Он глядел на кукурузные поля и краснеющие яблоки в садах, слушал шум косилок, вдыхал запах клевера, но стоило ему взглянуть на небо, как он ощущал всю тяжесть нависшей опасности, и он понимал, что Фландерс был прав: в любой момент могла разразиться роковая буря.

Но не только новости о приближающейся войне заполняли колонки ежедневных газет и звучали в пятнадцатиминутных комментариях. Непрестанно говорилось об угрозе со стороны мутантов, и народу постоянно внушалась необходимость быть бдительным по отношению к ним. А еще продолжались бунты, еще линчевали мутантов, еще громили магазины технических новинок.

Но появилось и нечто новое.

По всей стране расползались слухи — и в ресторанах, и в магазинах, и в ночных барах больших городов можно было услышать о существовании другого мира, нового мира, где можно начать жизнь заново, куда можно скрыться от тысячелетий неустроенности нынешнего мира.

Вначале пресса отнеслась к этим слухам недоверчиво, потом появились осторожные статьи со скромными заголовками, а радиокомментаторы, поначалу не менее осторожные, скоро отбросили всякую сдержанность. И через несколько дней сообщения о другом мире и о странных людях с лучистыми глазами, которые разговаривали с кем-то

(всегда с кем-то) и утверждали, что явились оттуда, занимали столько же места, сколько сообщения о войне и мутантах.

В мире ощущалась тревога, какая возникает у человека, когда в тишине ночи вдруг раздается резкий звонок телефона.

Глава 44

Вечерний Клиффвуд был напоен ароматами, в нем ощущалось что-то домашнее, и, проезжая по улицам городка, Виккерс чувствовал, как его сердце наполняется горечью: это было именно то место, где ему хотелось бы осесть и жить, занимаясь писательством, перенося на бумагу рождавшиеся в мозгу мысли.

Его дом вместе с рукописями, с полочкой любимых книг по-прежнему стоял на своем месте, но он уже не принадлежал ему и никогда больше не будет принадлежать. «Отныне все пойдет иначе, — подумал он. — Земля, исконная Земля человека, Земля с большой буквы недолго служила мне домом и уже никогда не будет им».

Он решил прежде всего навестить Эба, а потом заехать в свой бывший дом за рукописью. «Ее можно передать Энн», — подумал он, но тут же засомневался. Он уверял себя, что ему не хочется встречаться с Энн, но на самом деле это было не совсем так. Он хотел встретиться с ней, но знал, что лучше этого не делать, ибо почти смирился с мыслью, что и он, и она были частями одной жизни.

Он остановил машину напротив дома Эба. И, как всегда не без удивления, отметил, как ухожены дом и дворик. Ведь Эб жил один, без жены и детей, а нечасто встретишь холостяка в роли столь рачительного хозяина.

Виккерс рассчитывал на минутку заскочить к Эбу, поставить его в известность о происшедшем, о сложившейся ситуации, договориться о порядке встреч и, в свою очередь, узнать здешние новости.

Захлопнув дверцу машины, он пересек тротуар и открыл калитку во двор, с трудом справившись с защелкой. Лунный свет, пробивавшийся сквозь листву, пятнами ложился на дорожку. Виккерс приблизился к двери и только тут обратил внимание: в доме ни огонька.

Он постучал в дверь, помня по прежним редким визитам — они иногда играли в покер, — что у Эба не было звонка.

Никто не ответил. Он подождал, постучал еще раз и направился к выходу. Быть может, Эб возился в гараже с какой-нибудь срочной работой или выпивал с приятелями в кабачке.

Он решил подождать Эба в машине. Было бы неосторожно ехать в центр, где его могли узнать.

Кто-то спросил:

— Вы ищите Эба?

Виккерс повернулся на голос. У изгороди стоял сосед.

— Да, — ответил Виккерс. — Я хотел повидать его.

Он пытался вспомнить, кто жил рядом с Эбом, кем мог быть этот человек, мог ли он узнать его.

— Я его старый друг, — сказал Виккерс. — Ехал мимо, решил заглянуть, передать привет.

Человек протиснулся через пролом в изгороди и, приблизившись, спросил:

— А вы его хорошо знаете?

— Да не очень, — ответил Виккерс. — Я виделся с ним лет десять — пятнадцать назад. Еще мальчишкой.

— Эба нет в живых, — сказал сосед.

— Как нет в живых?

Сосед сплюнул:

— Он оказался одним из этих паршивых мутантов.

— Да нет, — запротестовал Виккерс. — Быть того не может!

— Он им был. Был тут и еще один, но тот успел смыться. Его, наверно, предупредил Эб.

Злоба и ненависть, звучащие в словах соседа, наполнили Виккерса ужасом.

Толпа убила Эба, как убила бы и его, узнай, что он возвратился в городок. И жители городка очень скоро могут узнать, что он вернулся. Стоит этому человеку приглядеться — теперь он вспомнил его — этот здоровяк заведовал мясным отделом в городском магазине. Его звали... Впрочем, какое значение имело его имя?

— Нет-нет, — сказал человек, — я вас видел где-то.

— Вы ошибаетесь. Я здесь впервые.

— И ваш голос...

Виккерс нанес сильный удар снизу вверх, вложив в него весь свой вес. Удар пришелся прямо в подбородок и прозвучал словно хлопок бича. Человек рухнул наземь.

Виккерс не стал ждать, повернулся и бросился к изгороди. Он чуть не сорвал дверцу автомобиля. Резко нажал на стартер, до отказа выжал акселератор, и машина, швырнув гравий из — под задних колес, рванулась вперед.

Рука его ныла от сильного удара, а в слабом свете приборного щитка он увидел, что из пальцев сочится кровь.

У него было всего несколько минут — от момента, когда мясник очнется, до момента, когда он сообразит, что произошло. Как только он встанет на ноги и доберется до телефона, за Виккерсом начнется охота, и в ночь, визжа на поворотах, рванутся машины, набитые людьми с ружьями, пистоletами и веревками.

Он должен удрать от них. И рассчитывать отныне только на себя.

Эб умер — на него напали внезапно, подло, так что он не имел возможности ускользнуть на другую Землю. Эба убили, или повесили, или затоптали ногами. А Эб был его единственным связным.

Теперь в живых остались только они с Энн.

И Энн, конечно, не подозревала, что она мутант.

Он выскочил на автостраду и понесся, до отказа выжимая акселератор.

Он вспомнил, что милях в десяти к автостраде подходит старая, заброшенная дорога. Там можно было спрятать

машину и выждать момент — он мог и не наступить, — чтобы продолжить свой путь. Или лучше скрыться в холмах и дожидаться, чтобы все утихло? «Нет, — сказал он себе. — Это опасно». И время будет потеряно.

Следовало скорее встретиться с Крофордом и помешать осуществлению его планов. И совершить все в одиночку.

Показалась заброшенная дорога, терявшаяся на середине крутого склона. Он свернул, футов тридцать трясся на выбоинах, а потом выехал на дорогу.

Спрятавшись за деревьями, он смотрел на проносившиеся автомобили, не зная, были ли в них его преследователи.

Затем показался старенький грузовичок, с пыhtеньем взбиравшийся на холм. Виккерс успел заметить, что задний борт у него невысокий. Он выбежал на автостраду, догнал грузовичок, подпрыгнул, ухватился сзади и, с силой оттолкнувшись ногами, перелетел через борт. Он прополз между ящиками, которыми был заполнен кузов, и сжался в уголке, глядя на убегающую назад дорогу.

«Как загнанное животное, — подумал он. — А охотятся за мной люди, считавшиеся некогда моими друзьями».

Миль через десять кто-то остановил грузовичок.

Раздался голос:

— Вы никого не видели на дороге? Какого-нибудь пешехода?

— Никого, — ответил шофер. — Ни единой души.

— Мы ищем мутанта. Он, наверно, бросил свою машину.

— Я думал, мы уже со всеми расправились, — сказал шофер.

— Нет еще. Может, он скрылся в холмах. Тогда его песенка спета.

— Вас будут останавливать еще, — произнес другой голос.

— Мы предупредили в обоих направлениях. Нам обещали перекрыть дорогу.

— Ладно, открою глаза пошире, — сказал шофер.

— У вас есть ружье?

— Нет.

— Будьте осторожней.

Когда грузовик тронулся, Виккерс увидел на дороге двоих людей. В лунном свете поблескивали дула их винтовок.

Он передвинул несколько ящиков, соорудив себе укрытие. Но предосторожности оказались излишними. Грузовик останавливали еще трижды. И каждый раз только луч фонарика скользил по ящикам. Люди не очень усердствовали в поисках, будучи уверенными, что мутанта поймать не так-то просто и он уже давно испарился, как и многие другие мутанты, которых не застигли врасплох.

Но Виккерс не мог себе позволить бегства. Он должен был выполнить свою миссию на этой Земле.

Глава 45

Он знал, что найдет в том магазине сборных домов, но все же пошел туда, ибо считал, что там есть надежда установить контакт. Громадная витрина была разбита, а дом разнесли в щепки, словно над ним прошел смерч.

Но здесь поработала толпа.

Он стоял перед зияющей витриной, разглядывал разбитый дом и вспомнил день, когда они с Энн зашли сюда по пути на автобусную станцию. Он помнил, что на крыше дома был флюгер в виде утки, во дворе красовались солнечные часы, а на дорожке стоял вечмобиль, но вечмобиля нигде не было. Наверно, его выволокли на улицу и разнесли на куски, как это случилось с его машиной в маленьком городке в Иллинойсе.

Он повернулся спиной к витрине и медленно пошел вниз по улице. «Глупо было, — думал он, — идти в этот выставочный зал, но это был мой единственный, хотя почти безнадежный шанс».

Он повернул за угол и увидел, что в пыльном скверике на другой стороне улицы собралось довольно много народа. Слушали человека, стоявшего на скамейке.

Виккерс не спеша пересек улицу и остановился, разглядывая толпу.

— Что произойдет, — спрашивал человек, — когда упадут бомбы? Они призывают вас не бояться. Они призывают вас, отбросив страх, оставаться на своих рабочих местах. Но что будут делать они сами, когда посыплются бомбы? Разве они помогут вам?

Он перевел дух, а толпа застыла в напряженном молчании.

— Они не придут вам на помощь! — продолжал оратор, чеканя каждое слово. — Они не придут вам на помощь, ибо она вам будет уже не нужна. Вы умрете, друзья мои. Умрут десятки тысяч. Умрут в пламени солнца, которое взойдет над городом. Умрете и обратитесь в прах. Вы умрете...

Вдали послышался вой сирен, и толпа гневно заволновалась.

— ...Вы умрете, — продолжал оратор, — но зачем вам умирать, если вас ждет другой мир? Ключ в этот мир — бедность. Бедность — билет в новый мир. Все, что надо сделать, — это бросить работу и отказаться от всего, абсолютно от всего. Туда можно прийти только с пустыми руками.

Вой сирен приблизился, и толпа заволновалась еще больше. Ее грозный гул напоминал шум листвы под порывистым ветром, предвестником грозы.

Оратор поднял руку, стало тише.

— Друзья мои, — сказал он, — вы слышите меня? Вас ждет другой мир. Бедняки пойдут первыми. Бедняки и отчаявшиеся — все те, кому в этом мире нет места. Но вы можете попасть туда только с пустыми руками, без всякого достояния. В этом другом мире нет бомб. Там все можно начать снова. Целый новый мир, во всем похожий на этот, с деревьями, травой, плодородными землями, дичью в лесах и рыбой в реках. Подлинная страна мечты. И мира.

Сирены выли совсем близко.

Виккерс сошел с тротуара и быстро пошел через улицу.

Полицейский автомобиль резко вывернул из-за угла, его занесло, шины завизжали на асфальте, сирена выла, словно в агонии.

И тут у самого тротуара Виккерс споткнулся и растянулся во весь рост на мостовой. Инстинктивно он встал на четвереньки и увидел, что полицейская машина мчится прямо на него. Он понял, что окажется под ее колесами, прежде чем успеет вскочить.

И вдруг чья-то рука схватила его выше локтя, он взлетел над мостовой и рухнул на тротуар.

Из-за угла, визжа шинами, вылетел второй полицейский автомобиль.

Толпа разбегалась в разные стороны.

Та же рука потянула его за локоть, помогла подняться, и тут Виккерс впервые увидел своего спасителя — человека в драном свитере и с ножевым шрамом на щеке.

— Быстрее, быстрее, — сказал человек, и шрам дернулся в такт словам. У него были блестящие зубы и темные бакенбарды.

Он толкнул Виккерса в узкий проход между домами, и Виккерс, пригнувшись, побежал меж двух кирпичных стен.

Позади шумно дышал его спаситель.

— Направо! — крикнул человек. — В дверь!

Виккерс схватился за ручку, и дверь распахнулась в темный коридор.

Человек вбежал следом за ним, захлопнул дверь, и они застыли, шумно и неровно дыша в гнетущей темноте подъезда.

— Еще один не дали закончить, — сказал человек, — полицейские стали быстрее соображать. Не успеешь начать митинг, как...

Не кончив фразы, он взял Виккерса за плечо.

— Идите за мной. Осторожно — ступеньки.

Виккерс пошел за ним, нащупывая ногой ступени. С каждым шагом затхлый воздух подвала становился нестерпимей.

У подножия лестницы человек отодвинул в сторону плотную занавеску, и они очутились в слабоосвещенной комнате.

В одном углу стояло старое, разбитое пианино, в другом — громоздились ящики, а в центре за столом сидели четверо мужчин и две женщины.

Один из мужчин сказал:

— Мы слышали сирены.

Человек со шрамом кивнул головой.

— Чарли только разошелся. Толпа слушала его, затаив дыхание.

— Кто с вами, Джордж? — спросил другой.

— Он убегал, — ответил Джордж. — Его чуть не задавила полицейская машина.

Они с интересом посмотрели на Виккерса.

— Как ваше имя, приятель? — поинтересовался Джордж.

Виккерс назвал себя.

— Он свой человек? — спросил кто-то.

— Свой, — сказал Джордж. — Он убегал.

— Осторожность...

— Он — свой человек, — упрямо повторил Джордж, но Виккерс отметил, что за уверенностью его спасителя скрывается неловкость, — он только сейчас сообразил, какую глупость сделал, приведя его сюда.

— Хотите выпить? — предложил один из мужчин. И пододвинул бутылку к Виккерсу.

Виккерс сел на стул и взял бутылку.

— Меня зовут Салли, — представилась одна из женщин, та, что была по красивей.

— Рад с вами познакомиться, Салли, — отозвался Виккерс.

Он обвел взглядом стол. Остальные не были расположены к знакомству.

Он поднял бутылку и глотнул из нее. Это было какое-то дешевое спиртное. У него перехватило дыхание.

Салли спросила:

— Вы активист?

— Простите?

— Активист или пурист?

— Он активист, — сказал Джордж.

Виккерс видел, что Джордж даже вспотел от сознания совершенной ошибки.

— Не очень-то он похож на активиста, — произнес один из мужчин.

— Я активист, — сказал Виккерс, чувствуя, что от него ждали именно этого ответа.

— Он вроде меня, — проговорила Салли. — Активист из принципа, но пурист в душе. Не так ли? — спросила она Виккерса.

— Да, — ответил Виккерс. — Именно так.

Он отпил еще глоток.

— Какой у вас период? — спросила Салли.

— Мой период? — переспросил Виккерс. — Ах да, мой период!

И вспомнил белое, напряженное лицо миссис Лесли, которая спрашивала его, какой исторический период он считает самым интересным.

— Карл II, — сказал он.

— Что-то вы не спешили с ответом, — подозрительно проговорил один из мужчин.

— Я никак не мог решиться, — ответил Виккерс. — И еле-еле нашел подходящий период.

— Но вы выбрали эпоху Карла II? — заметила Салли.

— Совершенно верно.

— А я, — сказала ему Салли, — ацтеков.

— Но ацтеки...

— Знаю, — согласилась она. — Это не совсем тот выбор. Об ацтеках мало известно. Но зато я могу сама придумывать. Так даже интереснее.

Джордж перебил их:

— Все это глупости. Можно писать дневники и воображать себя кем угодно, когда вам нечего делать. А сейчас у нас есть дело.

— Справедливо, Джордж, — подтвердила вторая женщина.

— Вы, активисты, здесь не правы, — возразила Салли. — У фантазеров главное — умение уйти из своей эпохи и окружения и окунуться в другую эпоху.

— Послушайте, — начал Джордж, — я...

— Я согласна, — сказала Салли, — что мы должны работать для этого другого мира. Мы все время ждали этого. Но мы не должны отказываться...

— Хватит, — прервал крупный мужчина, сидевший на другом конце стола. — Хватит болтать. Здесь не место для разговоров.

Салли обратилась к Виккерсу.

— У нас сегодня вечером встреча. Хотите пойти с нами?

Он колебался. В скудном свете лампы было видно, что все внимательно смотрят на него.

— Конечно, — ответил он. — С удовольствием.

Он взял бутылку, сделал еще глоток и передал ее Джорджу.

— Отсюда никуда, — сказал Джордж. — Пока полицейские не успокоятся.

Он отпил и передал бутылку соседу.

Глава 46

Когда Салли и Виккерс пришли, собрание только началось.

— Джордж тоже будет? — спросил Виккерс. Салли улыбнулась:

— Джордж здесь. Виккерс кивнул.

— Это не в его духе.

— Джордж — боец, — сказала Салли. — Горячий человек. Врожденный организатор. Не знаю, почему он не стал коммунистом.

— А вы? Такие, как вы?

— Мы — пропагандисты, — ответила она. — Мы ходим на митинги. Говорим с народом. Стараемся их заинтересовать. У нас миссионерская работа, мы обращаем их. А после того как мы их подготовим, ими начинают заниматься такие люди, как Джордж.

Дородная матрона, сидевшая за столом, воспользовалась ножом для разрезания бумаг как председательским молотком.

— Простите, — сказала она тягучим голосом. — Простите. Прошу соблюдать порядок.

Виккерс пододвинул стул Салли, затем уселся сам. Люди в комнате притихли.

Помещение, как заметил Виккерс, состояло из двух комнат, гостиной и столовой; застекленные двери, разделявшие их, были раздвинуты, чтобы получилась единая зала.

«Средняя буржуазия, — подумал он. — Достаточно денежная, чтобы не казаться вульгарной, но лишенная элегантности и изысканности истинно богатых людей. На стенах — подлинники, южнофранцузский камин, старинная, хотя и трудно сказать какой эпохи, мебель».

Он мельком оглядел лица, пытаясь определить, кто эти люди. Рядом сидел явно деловой человек. Чуть подальше — мужчина, волосы которого давно требовали стрижки. Он был похож на художника или писателя, скорее всего непризнанного. А вот та загорелая женщина с серо-стальной шевелюрой не иначе любительница верховой езды.

Но все это не имело никакого значения. Здесь собрались богатые люди, жившие в респектабельных домах, где портье носит ливрею, но такое же собрание происходило сейчас и в каком-нибудь старом доме, где никогда не было швейцара. И в деревушках, и в маленьких городишках также собирались люди. Быть может, в доме директора местного банка

или парикмахера. И на каждом таком собрании кто-то восседал на председательском месте и требовал порядка. И на каждом таком собрании сидели люди, похожие на Салли, ждали своего выступления и надеялись обратить других в свою веру.

Председательша произнесла:

— Мисс Стенхоп в списке сегодняшних чтецов стоит первой.

Потом она откинулась в кресле, удовлетворенная тем, что люди успокоились и собрание проходит нормально.

Мисс Стенхоп поднялась, и Виккерс увидел перед собой само воплощение неудовлетворенного женского тела и духа. Ей было лет сорок, широким мужским шагом она подошла к столу. Работа принесла ей финансовую независимость лет пятнадцать назад, и она бежала за призраком, пытаясь укрыться за образом извлеченного из прошлого персонажа.

У нее был чистый и сильный, но слегка жеманный голос, читая, она выпячивала челюсть, словно начинающий оратор, отчего ее шея казалась более худой, чем на самом деле.

— Если вы помните, мой период — гражданская война, Юг, — сказала она и начала читать: «13 октября 1862 года миссис Хемптон прислала мне свою коляску со старым Недом, одним из немногих оставшихся верными слуг. Другие слуги давно сбежали, оставив ее без всякой помощи. В таком положении находятся многие из нас...»

«Бегство от реальности, — подумал Виккерс, — бегство во времена кавалеров и кринолинов, во времена войны, которая сквозь дымку времени стала казаться романтической, а на самом деле сделала столько людей глубоко несчастными, и они хлебнули в той войне и грязи, и крови, и страданий».

Мисс Стенхоп продолжала читать:

— «Там оказалась Изабелла, и я была рада видеть ее, ведь мы не встречались уже много лет, с того дня в Алабаме...»

Да, это было бегство. Но бегство, ставшее идеальным инструментом для пропаганды другого мира, второй мирной Земли, идущей вслед за этой.

«Три недели, — подумал он, — прошло не более трех недель, а они уже успели создать организацию с Джорджами, произносящими речи и устанавливающими связи под страхом смерти, привлекли множество людей для ведения подпольной работы».

Но и теперь, когда им предлагали другой мир и надежду на жизнь, к которой они стремились, люди ностальгически цеплялись за прошлое, пытаясь воскресить его ароматы. Это говорило о сомнениях и отчаянии, они не хотели отбросить мечту из страха, что действительность рассыплется в прах, стоит им коснуться ее.

Мисс Стенхоп продолжала читать:

— «Я целый час сидела у кровати миссис Хемптон и читала ей ее любимую „Ярмарку тщеславия“, которую она не раз прочла сама и которую ей несчетно перечитывали со времени ее болезни».

Но если еще очень многие цеплялись за сладкие мечты, то находились и люди вроде Джорджа, активисты, готовые бороться за осуществление надежд, и с каждым днем росло число их приверженцев, поверивших в новый мир, готовых уйти туда и трудиться там. Они будут произносить речи, исчезать при вое полицейских сирен, отсиживаться в темных подвалах и возвращаться к своей работе, когда полиция уйдет.

«Наше послание в надежных руках», — думал Виккерс.

Мисс Стенхоп продолжала чтение, и председательница сонно кивала головой, по-прежнему твердо держа в руке нож для разрезания бумаг. Одни присутствующие слушали из вежливости, другие — с интересом. Когда чтица закончит, ей зададут вопросы, попросят уточнений и разъяснений, предложат что-то изменить и похвалят за блестящую работу. Потом будут вставать другие, будут читать свои дневники о жизни в другом месте и времени, а все будут сидеть и слушать, и играть ту же роль.

Виккерс видел всю тщету этих жалких потуг обрести надежду. Комната словно прониклась запахом магнолий, ароматом роз, горьковатым духом лет, воскрешенных из книги прошлого. Когда мисс Стенхоп закончила, в комнате стало шумно: все стали задавать вопросы, она отвечала на них. Он тихо встал и незаметно вышел на улицу.

Сверкали звезды. Они о многом напоминали ему.

Завтра он пойдет к Энн Картер.

И напрасно пойдет — ему не следовало с ней встречаться ни при каких обстоятельствах.

Глава 47

Он нажал на кнопку звонка и стал ждать. Но стоило ему услышать ее шаги, как он понял, что должен повернуться и исчезнуть. Он напрасно пришел сюда, он знал, что не должен был этого делать, — все следовало начинать сначала, и

не было никакой необходимости во встрече с Энн, ведь мечты о ней умерли так же, как и мечты о Кэтлин.

И все же он был обязан прийти, именно обязан. Дважды он останавливался у подъезда, поворачивался и уходил. На этот раз он не смог уйти, вошел в дом и теперь стоял у двери, прислушиваясь, как приближаются ее шаги.

Что он скажет ей, когда откроется дверь? Что сделает? Войдет, словно ничего не случилось, словно оба они остались теми же людьми, какими были в их последнюю встречу?

Следует ли сказать ей, что она мутант, более того — андроид, искусственная женщина?

Дверь отворилась, и он увидел перед собой прелестную женщину, такую, какой представлял себе ее всегда. Протянув руку, она втащила его внутрь, захлопнула за ним дверь и привалилась к ней спиной.

— Джей! — выдохнула она. — Джей Виккерс!

Он хотел что-то сказать, но не смог. Стоял, смотрел на нее и думал: «Все неправда. Ложь. Это не может быть правдой».

— Что случилось, Джей? Ты же должен был мне позвонить.

Он непроизвольно протянул к ней руки, и она почти в отчаянии бросилась в его объятия. Они стояли, прижавшись друг к другу, и каждый ощущал, что нашел опору в своем несчастье.

— Вначале я решила, что ты просто-напросто свихнулся, — сказала она. — Ты мне столько наговорил по телефону из этого висконсинского городка, что я решила, будто с тобой неладно и ты заговариваешься. А потом стала вспоминать всякие странные вещи, о которых слышала или читала...

— Спокойно, Энн, — сказал он. — Ты не обязана мне все пересказывать.

— Джей, ты никогда не думал, что ты не совсем человек? Нет ли в тебе чего-то необычного, чего-то нечеловеческого?

— Да, — ответил он. — Я часто так думал.

— Я была уверена в этом. В том, что ты не совсем человек. И это к лучшему. Ведь я тоже не совсем человек.

Он еще сильнее прижал ее к себе. И пока она оставалась в кольце его рук, он чувствовал, что не одинок. Две бедные души, затерянные во враждебном человеческом мире, они могли рассчитывать друг на друга. И хотя между ними не могло быть любви, они должны объединиться против этого мира.

Зазвонил телефон на столе, но они не слышали его.

— Я люблю тебя, Энн, — сказал он, и та часть мозга, которая не была им самим, а оставалась холодным сторонним наблюдателем, напомнила ему, что он не вправе ее любить. Невозможно, аморально и абсурдно любить кого-то, кто ближе сестры, чья жизнь когда-то была частью твоей жизни и снова вскоре станет ею в облике иной личности, которая, может, и не будет подозревать об их существовании.

— Я вспоминаю, — сказала Энн, — но не могу вспомнить. — Казалось, ее мысли витали где-то далеко. — Может, ты поможешь мне?

Он задал вопрос, и губы его похолодели от страха:

— Что ты хочешь вспомнить, Энн?

— Прогулку с кем-то. Я пытаюсь, но не могу припомнить его имя, хотя четко представляю его себе, несмотря на прошедшие годы. От большого кирпичного здания на холме мы спускались в долину. Был ясный весенний день, потому что дикие яблони были в цвету, пели птицы. Я никогда не совершала такой прогулки, но отчетливо помню ее. Приходилось ли тебе, Джей, вспоминать то, чего никогда не происходило на самом деле?

— Не знаю, — ответил Виккерс. — Быть может, воображение. Какая-то ассоциация с прочитанным.

«Вот и все, — подумал он. — Вот оно, подтверждение моих подозрений».

Их было трое, сказал Фландерс, три андроида, разделившие между собой одну человеческую жизнь. И эти трое были он, Фландерс и Энн Картер. Ведь Энн вспоминала о долине в

тех же выражениях, что и он, но он был мужчиной и помнил, что гулял с женщиной по имени Кэтлин Престон, а так как Энн была женщиной, она должна была гулять с мужчиной, имени которого не помнила. А если она и вспомнит имя, оно не будет истинным. Ведь и он гулял с девушкой, которую звали не Кэтлин Престон, а иначе.

— Но это не все, — сказала Энн. — Я знаю, о чем думают другие, я...

— Прошу тебя, Энн, — сказал он.

— Я никогда не пыталась узнать их мысли, а вдруг поняла, что могу их читать. Я делала и делаю это бессознательно. Я наперед знаю, кто о чем будет говорить. Я знаю их возражения прежде, чем они выскажут их. Знаю, что им нравится. Именно поэтому я хорошо веду дела, Джей. Я проникала в человеческие мысли и до того дня, когда впервые заподозрила в себе этот дар. Я сознательно проверяла себя. Джей, я могу читать мысли!

Он сжал ее еще сильнее и подумал: «Энн — телепат, из тех, кто может разговаривать со звездами».

— Кто мы, Джей? — спросила она. — Скажи мне, кто ты?

Телефон продолжал звонить.

— Потом, — сказал он. — Не так уж это плохо. Даже чудесно. Я вернулся, потому что люблю тебя, Энн. Я не хотел возвращаться, но не смог. Потому что не вправе...

— Молчи, — прервала она. — Ты сказал сейчас самые нужные слова. Я молилась, чтобы ты вернулся. Когда я узнала, что что-то не так, я испугалась только одного — что ты не сможешь вернуться, что с тобой произошло самое страшное. Я молилась, понимая, что не должна этого делать, и чувствовала себя лицемеркой, ведь я неверующая...

Телефон звонил все пронзительнее.

— Телефон, — сказала она.

Он отпустил ее, она подошла к дивану, уселась, сняла трубку, а он стоял и рассматривал комнату, пытаясь привести в порядок мысли.

— Тебя, — сказала она.

— Меня?

— Да. Кто-нибудь знает, что ты здесь?

Он покачал головой, но подошел. Уже взяв трубку, он не спешил подать голос, пытаясь сообразить, кто мог позвонить ему сюда.

И вдруг его охватил страх, он покрылся холодным потом, ибо понял, что только один человек мог находиться на другом конце провода.

Голос произнес:

— Говорит неандерталец, Виккерс.

— С дубинкой и прочим? — спросил Джей.

— С дубинкой и прочим, — ответил Крофорд. — Нам следует утрясти одно дельце.

— В вашей конторе?

— На улице вас ждет такси. Виккерс зло засмеялся и спросил:

— Как давно вы ведете меня? Крофорд фыркнул:

— С Чикаго. Страна нашпигована анализаторами.

— Вы узнаете много нового?

— Иногда.

— И по-прежнему верите в ваше секретное оружие?

— Конечно. Но...

— Сознайтесь как другу, — сказал Виккерс.

— Нам следует поговорить со всей откровенностью, Виккерс. Я действительно хочу этого, поторопитесь.

Крофорд повесил трубку.

Виккерс отнял трубку от уха и положил на рычаг.

— Звонил Крофорд, — сказал он Энн. — Он хочет поговорить со мной.

— Все нормально, Джей?

— Да, да, нормально.

— Ты вернешься?

— Вернусь, — сказал Виккерс.

— Ты знаешь, что делать?

— Теперь знаю, — сказал Виккерс. — Знаю.

Крофорд восседал в кресле рядом со столом. Виккерс вздрогнул, увидев кресло, в котором сидел несколько недель назад, когда приходил сюда вместе с Энн.

— Рад вас снова видеть здесь, — сказал Крофорд. — Рад, что мы снова вместе.

— Вас должно радовать, как идут дела, — сказал Виккерс. — Вы более любезны, чем в нашу последнюю встречу.

— Я всегда любезен. Я неизменно любезен, даже когда испуган или зол.

— Что же вы не схватили Энн Картер?

Крофорд покачал головой:

— Нет оснований. Пока.

— Но вы следите за ней.

— Мы следим за всеми вами. Вас осталось не так много.

— Мы можем избавиться от слежки, как только пожелаем.

— Не сомневаюсь, — согласился Крофорд. — Будь я мутантом, я бы тоже предпочел скрыться. Но почему вы здесь?

— Потому что мы выиграли, и вы это знаете лучше других, — сказал Виккерс. Ему хотелось быть уверенным в своих словах хотя бы наполовину.

— Мы можем начать войну, — сказал Крофорд. — Стоит только шевельнуть пальцем...

— Вы этого не сделаете.

— Но вы зашли слишком далеко. Вы прижали нас. У нас нет иного выхода, война — последнее оружие.

— Вы думаете о другом мире.

— Совершенно верно, — сказал Крофорд.

Он сидел и в упор глядел на Виккерса своими заплывшими жиром голубыми глазками.

— А что нам остается делать? — спросил он. — Сидеть сложа руки и ждать, пока ваш каток подомнет нас под себя? Вы выпускаете технические новинки — мы преграждаем вам путь. Хотя допускаю, что наши методы оказались довольно

жесткими. Теперь новая попытка. Вы пытаетесь эксплуатировать идею, создать религию, поднять волну фанатизма. Скажите, Виккерс, что кроется за этими рассказами?

— Чистая правда, — сказал Виккерс.

— Пока все идет как по маслу. Даже слишком хорошо. Нужна война, чтобы покончить с этим.

— Вы считаете, что мы занимаемся подрывной деятельностью?

— А как это еще можно назвать? — Крофорд даже оживился. — Хотя все началось только несколько дней назад, вы добились очень многого. Люди бросают работу, покидают дома, отказываются от денег. «Бедность, — твердят они, — является пропуском в другой мир». Что это за стряпня, Виккерс?

— Что происходит с этими людьми? С теми, кто бросил работу, покинул дом, отказался от денег. Вы пытались узнать, что с ними случилось?

Крофорд наклонился вперед.

— Это-то нас и пугает. Эти люди исчезают. Мы не успеваем с ними встретиться, как они исчезают.

— Они отправляются на другую Землю, — сказал Виккерс.

— Я не ведаю, куда они отправляются, но хорошо знаю, что будет, если это не прекратится. Наши рабочие покидают нас, уже даже не десятками...

— Если вам действительно хочется начать войну, нажмите кнопку.

— Мы не позволим обойти нас, — сказал Крофорд. — И найдем средство вас остановить.

Виккерс встал и склонился над столом.

— С вами покончено, Крофорд. Мы не позволим вашему миру идти по этому пути. Мы...

— Сядьте, — сказал Крофорд.

Мгновение Виккерс разглядывал Крофорда, потом медленно сел.

— И вот еще что, — продолжил Крофорд. — Я говорил об анализаторах в этой комнате. Так вот, анализаторы стоят не

только в этой комнате. Они повсюду. На железнодорожных станциях, на автовокзалах, в холлах гостиниц, в ресторанах...

— Не сомневаюсь. Таким образом вы засекли и меня.

— Я вас предупредил. Не стоит нас недооценивать, хотя мы просто люди. Организованная мировая промышленность может многое и умеет работать быстро.

— Вы сами себя побьете, — сказал Виккерс. — Вам уже известно многое, но вы закрываете на это глаза.

— К примеру?

— Многие ваши банкиры, промышленники и прочие воротилы вашей организации являются теми самыми мутантами, с которыми вы боретесь.

— Я говорил, что стремлюсь к откровенному разговору. Скажите, как вам удалось ввести их в нашу организацию?

— Мы никого никуда не вводили, Крофорд.

— Вы не...

— Давайте начнем сначала, — сказал Виккерс. — Можете ли вы сказать, кто такой мутант?

— Думаю, человек, наделенный некоторыми особыми талантами, лучшим, чем у нас, пониманием вещей.

— Тогда предположите наличие человека-мутанта, не знающего вовсе, что он мутант, и считающего себя обычным человеком. Кем он станет? Врачом, адвокатом, нищим, воров? Однако, кем бы он ни стал, он всегда будет лидером. Выдающимся врачом, удачливым адвокатом, знаменитым редактором или писателем. Но он может оказаться промышленником или банкиром.

Голубые глазки Крофорда смотрели на него не мигая.

— Вы, — сказал Виккерс, — стоите во главе наилучшей в сегодняшнем мире группы мутантов. Люди, с которыми мы не смогли вступить в контакт, потому что они слишком тесно связаны с обычным миром. Что вы можете поделать с этим, Крофорд?

— Я им ничего не скажу.

— Тогда это сделаю я.

— Нет, вы не сможете, — сказал Крофорд, — потому что лично вы — конченный человек. Как вы думаете, почему вы остались в живых? Только потому, что этого хотел я.

— Вы не думаете, что мы придем к компромиссу?

— Не исключено, но маловероятно. Вы были полезны. Теперь вы опасны.

— Вы спускаете на меня своих псов?

— Именно так я и поступлю. Прощайте, мистер Виккерс. Я был рад нашему знакомству.

— Мы еще встретимся.

— В этом я весьма сомневаюсь, — произнес Крофорд.

Глава 49

Спускаясь в лифте, Виккерс быстро перебирал в уме все возможности.

Крофорду понадобится не более получаса, чтобы оповестить всех, что запрет на его безопасность снят, и он станет дичью, которую может пристрелить любой. Иди речь только о нем, все было бы просто, но существовала Энн.

Без всякого сомнения, Энн тоже стала дичью, потому что теперь, когда кости были брошены и карты открыты, Крофорд перешел к игре без правил.

Следовало перехватить Энн. Перехватить, коротко и толково все объяснить, не дав ей возможности задавать вопросы.

Он вышел из лифта вместе с другими пассажирами и заметил, как лифтер бросился вон из кабины к ближайшему телефону.

«Сообщает обо мне», — подумал он. В лифте наверняка стоял анализатор, сигнал которого был понятен лифтеру. Такие анализаторы стояли везде...

Стоило поступить сигналу о присутствии мутанта, как специальная группа начинала охоту за ним. Это был конец — человек не знал о нависшей угрозе. Иначе он бы мог

сосредоточиться и мгновенно исчезнуть, как исчезали мутанты, когда люди Крофорда хотели встретиться с ними.

Как говорил Крофорд? «Мы звоним и ждем».

Теперь никто не звонил в дверь.

В вас стреляли из засады. Наносили удар исподтишка. Люди знали, кто вы, и сообщали всем, что вас следует убить. И у вас не оставалось никаких шансов на спасение — вас никто не мог предупредить.

Так погиб Эб, так погибли и остальные — люди Крофорда не давали своим жертвам ни секунды на размышления.

И только его, Джея Виккерса, засекли, но не трогали. То же самое касалось Энн и, может, еще одного или двух мутантов.

Теперь все изменилось. Теперь и он не лучше загнанной крысы.

Он встал на тротуаре и огляделся.

«Нужно такси, — подумал он, — хотя анализаторы наверняка стоят и там». Анализаторы стояли повсюду. И один из них был в доме Энн, иначе Крофорду не удалось бы так быстро узнать, где он.

Куда бы он ни пошел, повсюду анализаторы будут отмечать его путь.

Он остановил такси, сел в машину и назвал адрес.

Шофер, оглянувшись, с ужасом смотрел на него.

— Спокойно, — сказал Виккерс. — С вами ничего не случится, если будете вести себя тихо.

Шофер не ответил.

Виккерс подвинулся ближе к дверце.

— Ладно, приятель, — наконец сказал шофер. — Я не стану ничего предпринимать.

— Вот и хорошо, — сказал Виккерс. — Поехали.

Он смотрел на убегающие дома, искоса поглядывая на шофера, не подает ли он каких-либо сигналов, но ничего не заметил.

Он опасался, что его могли ждать в квартире Энн. Но решил рискнуть.

Такси остановилось у дома. Виккерс открыл дверцу и вылез наружу. Шофер рванул машину, не дожидаясь денег.

Виккерс кинулся к двери и, миновав лифт, бросился вверх по лестнице.

Подбежав к квартире Энн, он схватился за ручку, повернул ее, но дверь была закрыта на ключ. Он позвонил — никого. Он еще и еще нажал на звонок. Потом отошел к противоположной стене и со всего размаха бросился на дверь. Она едва покачнулась. Он попробовал еще раз. После третьей попытки замок вылетел, и Виккерс растянулся на полу.

— Энн! — крикнул он, вскочив на ноги.

Никакого ответа.

Он обежал комнаты и никого не нашел. На мгновение застыл на месте, а потом выскочил из квартиры и бросился вниз по лестнице.

Когда он оказался на тротуаре, к дому один за другим подкатали три автомобиля. Из них выскочили вооруженные люди.

Он бросился назад, к подъезду, и едва не сшиб женщину с хозяйственной сумкой в руках. Он узнал Энн и успел заметить торчавший из пакета пучок петрушки.

— Джей! — воскликнула она. — Джей, что случилось? Что это за люди?

— Быстрее проникни в мой мозг! Как делала с другими. С теми, чьи мысли читала.

— Но...

— Быстрее!

Он почувствовал, как она схватывает его мысли и ассимилирует их. Что-то ударило в стену над их головами и с визгом улетело вверх.

— Держись! — сказал он. — Мы удираем отсюда.

Он закрыл глаза и сконцентрировал всю свою волю, чтобы осуществить переход. Он ощутил дрожь Энн, потом скользнул куда-то и упал.

Он сильно ударился головой обо что-то твердое, из глаз брызнули искры, что-то задело его руку, потом на него рухнул какой-то предмет.

И тут он услышал шелест ветра в листве деревьев и открыл глаза. Он лежал на спине у подножия серой гранитной скалы. На нем покоилась громадная сумка с провизией, из которой торчал пучок петрушки.

Он сел.

— Энн! — позвал он.

— Я здесь, — ответила она.

— Все в порядке?

— Физически — да, умственно — нет. Что случилось?

— Мы свалились с этой скалы, — сказал Виккерс.

Он поднялся, протянул ей руку и помог встать.

— Но скала... Джей, где мы?

— Мы в другом мире, — ответил Виккерс.

Они стояли и смотрели на расстилающуюся перед ними равнину, пустынную и дикую, в зарослях леса между скалами, с валунами на склонах.

— В другом мире, — повторила она. — Это невероятная история из газет?!

Виккерс кивнул.

— Здесь нет ничего невероятного, Энн. Этот мир существует на самом деле.

— Ну ладно, где бы мы ни были, обед у нас с собой. Помоги собрать провизию.

Виккерс встал на корточки и принялся собирать картошку, высыпавшуюся из пакета. Пакет разорвался, когда они падали со скалы.

Глава 50

Перед ними был Манхэттен в своем первозданном виде, каким он был до прихода белого человека и до возведения прекрасных и чудовищных зданий. Совершенно нетронутый Манхэттен.

— И все же, — сказал Виккерс, — здесь что-то должно быть. Мутанты не могли не устроить здесь промежуточный склад для товаров, переправляемых в Нью-Йорк.

— А если склада нет? — спросила Энн. Он с улыбкой посмотрел на нее.

— Любишь путешествовать?

— До Чикаго?

— За Чикаго, — сказал он. — Хотя мы можем построить плот, если найдем реку, текущую на запад.

— Должны существовать и другие центры мутантов.

— Несомненно, но, может, именно здесь ничего нет. Она кивнула.

— Все так странно.

— Ничего странного, — сказал он. — Только неожиданно для тебя. Будь нас время, я бы все тебе рассказал, но как раз времени у нас в обрез.

— Джей, они стреляли в нас?

Виккерс подтвердил:

— Это специальные агенты.

— Но они же человеческие существа, Джей. Как мы.

— Не как мы, — сказал Виккерс. — И такое положение раздражает их. В наши дни этого достаточно.

Он подбросил несколько веток в костер и повернулся к Энн.

— Пошли, — сказал он. — Пора трогаться в путь.

— Но, Джей, наступает ночь.

— Знаю. Если на острове что-нибудь есть, мы заметим вспышки света. С холма. Если ничего не увидим, вернемся сюда. Утром снова осмотримся.

— Джей, — сказала она, — мне кажется, что мы на пикнике.

— Не вижу связи.

— Ну, костер, еда на воздухе и...

— Сударыня, забудьте об этом, — сказал Виккерс.

Он пошел первым, а она за ним. Ночные птицы грациозно скользили над их головами. Издали донесся лай енота. Вокруг кустов кружили стаи светлячков.

Они забрались на невысокий, но крутой холм и, как только очутились на вершине, увидели огни в дальнем конце острова.

— Вот они, — сказал Виккерс. — Я думал найти их именно там.

— До них далеко. Неужели придется идти пешком?

— Возможно, и нет.

— А как...

— Ты же телепат, — подсказал Виккерс.

Она кивнула.

— Попробуй, поговори с кем-нибудь оттуда, — сказал Виккерс и вспомнил, как Фландерс говорил, раскачиваясь в кресле, что для телепатии расстояние не имеет значения — миля или световой год, разницы почти никакой.

— Ты думаешь, я смогу?

— Не знаю, — ответил Виккерс. — Тебе же не хочется идти пешком?

— Нет, очень далеко.

Они молча смотрели на крошечный островок света в сгущающейся темноте. Он попробовал представить себе расположение зданий. Вон там на древней Земле стоял Рокфеллер-Сентер, а там раскинулся Центральный парк, а дальше, в излучине Ист-Ривер, — старое здание ООН. А здесь были только деревья и трава и ни намека на сталь с бетоном.

— Джей! — шепнула Энн дрожащим от волнения голосом.

— Да?

— Мне кажется, я нащупала кого-то.

— Мужчину или женщину?

— Нет. Вроде робота. Да, он подтверждает, что является роботом. Он обещает прислать кого-нибудь, нет, что-нибудь за нами.

— Энн...

— Он просит нас подождать тут. Они сейчас придут.

— Энн, спроси у них, могут ли они сделать фильм?

— Фильм?

— Конечно. Кино. У них есть камера и пленка?

— Но зачем?..

— Спроси. У меня возникла мысль, как победить Крофорда.

— Джей, ты не вернешься туда!

— Еще как! — сказал Виккерс.

— Джей Виккерс, я не пущу тебя!

— Ты не можешь задерживать меня, — сказал Виккерс. —

А теперь сядем и подождем.

Они уселись рядом.

— Я расскажу тебе одну историю, — сказал Виккерс. — Об одном мальчугане. Его звали Джей Виккерс, и он был очень — очень юн...

Он вдруг остановился.

— Слушаю тебя, — сказала она. — Продолжай.

— В другой раз. Расскажу попозже.

— Почему? Я хочу послушать ее сейчас.

— Только не при этом лунном свете, — произнес Виккерс.

— Не время.

Прежде всего усилием воли он отгородил свои мысли и мозг от еще неумелой Энн и только тогда позволил себе подумать: «А могу ли я сказать ей, что мы ближе друг другу, чем она полагает, что мы вышли из одной жизни и вернемся в одно тело и никогда не сможем любить друг друга?»

Она прижалась к нему, положила голову ему на плечо и стала смотреть в небо.

— Все проясняется, — сказала она. — И не все столь странно выглядит. И все кажется верным. Новым, но верным. Этот другой мир, и все наши способности, и странные воспоминания...

Он обнял ее за плечи, она повернула голову и быстро, не раздумывая, поцеловала его.

— Мы будем счастливы, — сказала она. — Мы оба будем счастливы в этом новом мире.

— Конечно, мы будем счастливы, — согласился Виккерс. Теперь он никогда не сможет ей сказать всей правды. Она узнает обо всем, но не от него.

Глава 51

В трубке слышался женский голос, и Виккерс попросил к телефону Крофорда.

— Мистер Крофорд на заседании, — ответила девушка.

— Скажите, что звонит Виккерс.

— Мистер Крофорд не сможет... Вы сказали, Виккерс? Джей Виккерс?

— Да. Я должен кое-что ему сообщить.

Он ждал, спрашивая себя, сколько у него времени, ведь анализатор в телефонной будке должен был уже подать сигнал о его присутствии. Бригада убийц, наверно, была в пути.

Раздался голос Крофорда:

— Хэлло, Виккерс.

— Отзовите своих псов, — сказал Виккерс. — Из-за них мы с вами теряем время.

В голосе Крофорда слышалась злость:

— Я, кажется, вас предупредил...

— Успокойтесь, — сказал Виккерс. — У вас нет никаких шансов прикончить меня. У ваших людей ничего не выйдет, даже если они загонят меня в угол. А раз вы не можете убрать меня, лучше со мной побеседовать.

— Побеседовать?

— Конечно.

— Послушайте, Виккерс, я не...

— Вы можете, — возразил Виккерс. — История с другим миром пользуется широким успехом. Фантазеры создали ей отличную рекламу, дело приобретает размах, а ваша позиция становится все более и более шаткой. Пора учиться уморазуму.

— Я заседаю со своими заместителями, — сказал Крофорд.

— Прекрасно. Именно с ними мне и хотелось бы побеседовать.

— Виккерс, не стоит, — сказал Крофорд. — Вы ничего от них не добьетесь. Что бы вы ни замыслили, у вас ничего не выйдет. Вас не выпустят живым. И я ничем не смогу вам помочь, если вы будете упорствовать с вашим безумным замыслом.

— Я иду.

— Вы мне нравитесь, Виккерс. Не знаю почему. У меня нет причин...

— Я иду.

— Хорошо, — устало согласился Крофорд. — Вы сами этого пожелали.

Виккерс взял с пола коробку с фильмом и вышел из будки. Кабина лифта была внизу, и он быстро направился прямо к ней, чуть-чуть сгорбившись, словно опасаясь пули в спину.

— Четвертый этаж, — сказал он.

Лифтер не моргнул. Анализатор подал сигнал, но, по-видимому, по отношению к посетителям четвертого этажа у лифтера были специальные распоряжения.

Виккерс открыл дверь Североамериканского исследовательского бюро и увидел Крофорда, который ждал его в приемной.

— Проходите, — сказал Крофорд и двинулся вперед по длинному коридору.

Виккерс последовал за ним. Он взглянул на часы. Все шло лучше, чем он ожидал. У него в запасе оставалось две-три минуты. Разговор с Крофордом оказался недолгим.

Энн позвонит через десять минут. От того, что случится за это время, зависел успех дела.

Крофорд остановился перед дверью в конце коридора.

— Вы знаете, что делаете, Виккерс?

Виккерс утвердительно кивнул.

- Малейший ложный шаг и...
- Присвистнув, Крофорд провел пальцем по горлу.
- Понимаю, — сказал Виккерс.
- Это отчаявшиеся люди. Еще есть время уйти. Я не общил о вашем визите.
- Не надо меня подзадоривать, Крофорд.
- Что это у вас?
- Документальный фильм. С его помощью меня легче поймут. У вас есть кинопроектор?
- Крофорд кивнул.
- Но нет киномеханика.
- Я все сделаю сам, — сказал Виккерс.
- Компромисс?
- Выход.
- Хорошо. Входите.

Шторы были задернуты, в мягком свете Виккерс увидел сидящих за длинным столом людей — их белые лица были повернуты в его сторону.

Утопая в мягком ковре, Виккерс прошел за Крофордом через всю комнату. Некоторые лица были ему знакомы.

Справа от Крофорда сидел крупнейший финансовый магнат, за ним — частый посетитель Белого дома, выполнявший поручения официозного характера. Были там и другие известные ему личности. Многих он не знал, но их внешний вид говорил о том, что это не американцы.

Итак, здесь собрался административный совет Северо-американского исследовательского бюро — люди, ведавшие судьбами обычных людей, которые решили покончить с мутантами.

— Произошло нечто совершенно неожиданное, — сказал Крофорд. — Даже невероятное. К нам явился мутант.

В полной тишине сидевшие вокруг стола посмотрели на Виккерса и вновь повернулись к Крофорду, который продолжал:

— Мистер Виккерс нам всем знаком. Он явился сюда по собственной инициативе с целью, как он сообщил мне,

найти подходящее решение. Он не сказал мне, каков характер решения. Я привел его сюда. Хотите ли вы его выслушать?

— Конечно, — послушались голоса. — Пусть говорит.

Крофорд обратился к Виккерсу:

— Говорите.

Виккерс подошел к столу. «Чем быстрее, тем лучше, — подумал он. — Тогда пойдет хорошо. Только не оступиться. Иначе все пропало. Победа или поражение, промежуточного решения нет, запасного выхода тоже».

Он поставил коробку с фильмом на стол, улыбнулся и сказал:

— Это не адская машина, господа. Это фильм, который я хочу вам показать чуть позже.

Никто не улыбнулся. Они смотрели на него, и их лица не выражали ничего, кроме холодной ненависти.

— Вы хотите начать войну, — сказал он. — Вы собрались, чтобы решить, давать сигнал или нет...

Побелевшие от напряжения лица наклонились вперед.

— Я пришел, — сказал Виккерс, — дабы предотвратить войну.

Он сунул руку в карман, затем быстро вынул и поставил на стол какой-то предмет.

— Это волчок, — пояснил он. — Детская игрушка. Дети играют, вернее, играли с ней.

— Волчок?! — воскликнул кто-то. — Что за абсурд?

Но банкир справа от него мечтательно проговорил:

— У меня был такой же, когда я был мальчуганом. Сейчас их нигде не делают.

Он протянул руку, взял волчок и запустил его прямо на столе. Остальные с интересом смотрели на него.

Виккерс бросил взгляд на часы. Все шло, как он планировал. Если так пойдет и дальше...

— Вы помните волчок, Крофорд? — спросил Виккерс. — Тот, что вы видели тогда в моем номере?

— Помню, — отозвался Крофорд.

— Вы запустили его, и он исчез.
— А потом он вернулся.
— Крофорд, почему вы запустили волчок?
Крофорд нервно облизал губы.
— Почему? По правде говоря, не знаю. Я, наверно, хотел воскресить детство, опять превратиться в мальчишку.
— Вы спросили: «Зачем нужен волчок?»
— А вы ответили: «Чтобы отправиться в сказочную страну», — и я сказал вам, что неделей раньше счел бы вас сумасшедшим, и вы то же самое сказали по поводу нашей с

вами беседы.

— Но перед моим приходом вы запустили волчок. Скажите, Крофорд, почему вы это сделали?

Позади Виккерса открылась дверь. Он повернул голову и увидел, что секретарша зовет Крофорда.

«Вовремя, — подумал он. — Все идет как по маслу».

Энн позвонила и вызвала Крофорда из комнаты. В этом заключался его план — в присутствии Крофорда его бы постигла неудача.

— Мистер Виккерс, — сказал банкир, — меня очень заинтересовала эта история с волчком. Какая связь между волчком и интересующим нас делом?

— Я хочу провести аналогию, — сообщил Виккерс. — Между обычными людьми и мутантами существуют некоторые коренные различия, которые станут понятнее после демонстрации волчка. Но прежде я хочу вам показать

фильм. Затем приступлю к объяснениям. Разрешите начать?

— Конечно, — сказал банкир. — Приступайте.

Виккерс поднялся по ступенькам в кинобудку.

Надо было действовать быстро и наверняка — Энн

не сможет долго удерживать Крофорда у телефона, и минут через пять он вернется.

Трясущимися руками он вставил бобину с пленкой, пропустил пленку между линзами, установил нижнюю бобину. Проверил. Все, кажется, было в порядке.

Он нашел выключатели и повернул их, световой конус вспыхнул над столом, и на экране появился ярко раскрашенный волчок, он вращался, его полосы появлялись и исчезали, появлялись и исчезали.

Послышался голос:

— Перед вами волчок, простая игрушка, но он создает одну из самых удивительных иллюзий...

Слова звучали верно, Виккерс знал это. Роботы-эксперты нашли верные слова, произнесли их с верной интонацией, придав им точный семантический смысл. Слова найдут своих слушателей, заострят их внимание на волчке с самых первых секунд.

Он тихо спустился по ступеням и направился к двери. Если Крофорд вернется, он задержит его на нужное время.

Голос продолжал:

— Теперь, если вы посмотрите внимательно, то увидите, что цветные полосы пересекают тело волчка и исчезают. Ребенок, наблюдающий за цветными полосками, может спросить, куда они бегут, и любой другой...

Он считал секунды. Они тянулись бесконечно.

Голос продолжал:

— Смотрите внимательно, они появляются и исчезают, появляются и исчезают, появляются и исчезают...

За столом уже осталось только три человека, они так внимательно смотрели на экран, что не заметили исчезновения остальных. И только эти трое, по-видимому, не были скрытыми мутантами.

Виккерс тихо открыл дверь, проскользнул в нее и закрыл за собой.

Мягкий, вкрадчивый голос остался за дверью:

— Появляются и исчезают...

Крофорд тяжелым шагом шел по коридору.

Он увидел Виккерса и остановился.

— Что вы тут делаете? Почему вы ушли?

— Позвольте вам задать вопрос, — сказал Виккерс, — на который вы так и не ответили. Почему вы запустили волчок?

— Я сам не могу понять, Виккерс. Как это ни бессмысленно но я тоже однажды побывал в сказочной стране. Точно, как вы, когда был ребенком. Я вспомнил об этом после разговора с вами. Может, именно из-за него. Я вспомнил, как сидел на полу, смотрел на вращающийся волчок и спрашивал себя, куда уходят полоски. Вы знаете, они появляются и исчезают, потом появляются другие и тоже исчезают — и я спрашивал себя, куда они уходят, и так увлекся, что последовал за ними и оказался в сказочной стране, где было много цветов. Я сорвал один цветок и, когда вернулся, обнаружил его у себя в руке и понял, что действительно побывал в сказочной стране. Вы знаете, стояла зима, и цветов нигде не было, но когда я показал цветок матери...

— Достаточно, — с нескрываемой радостью прервал его Виккерс. — Я хотел знать только это.

Крофорд уставился на него.

— Вы не верите мне?

— Верю.

— Что с вами, Виккерс?

— Со мной все в порядке, — ответил Виккерс.

Третьим человеком была не Энн Картер!

Фландерс, он и Крофорд — вот кто делил между собой жизнь, извлеченную из тела Джея Виккерса.

А Энн?

Энн несла в себе жизнь девушки, которая гуляла с ним по долине, девушки, которую он помнил под именем Кэтлин Престон, но которую звали иначе. Ведь Энн помнила и долину, и прогулку с кем-то по этой весенней долине.

Быть может, их было больше, чем одна Энн. Могло быть три Энн, как было три Виккерса, но это уже не имело значения. Может, Энн на самом деле звали Энн Картер, как его звали Джей Виккерс. Может, это означало, что по возвращении трех частей единой жизни в одно тело в нем будет доминировать его собственное сознание, как сознание Энн в ее подлинном теле.

Теперь он мог любить Энн. Ведь оказалось, что она вовсе не часть его самого.

Энн, его Энн вернулась на эту Землю, чтобы позвонить и вызвать Крофорда, который мог заподозрить опасность, увидев вращающийся волчок на экране, а теперь она была уже на той Земле.

Теперь он тоже может возвращаться — Энн ждет его. И они будут счастливы, как сказала она, когда они сидели на Манхэттенском холме, ожидая роботов.

— Ну ладно, — сказал Крофорд. — Пошли в зал.

Виккерс остановил его:

— Нет смысла. Ваших заместителей там нет. Они в другом мире. В том, о котором говорят на всех перекрестках.

Крофорд глянул на него.

— Волчок!

— Верно.

— Мы начнем снова, — сказал Крофорд. — Еще один совет. Еще один...

— Поздно, — прервал его Виккерс. — С этой Землей покончено. Люди покидают ее. А кто останется, не станет вас слушать.

— Я убью вас, Виккерс, — пригрозил Крофорд.

— Нет, не убьете.

Напрягшись, они молча стояли друг против друга.

— Да, — выговорил Крофорд, — не могу. Хотел бы, но не могу. Почему я не могу поднять на вас руку, Виккерс?

Виккерс взял его за локоть.

— Пошли, друг, — тихо сказал он. — Нет, не друг... брат.

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

Глава 1

Инспектор Дрейтон сидел за письменным столом как несокрушимая скала и терпеливо ждал. Он был костляв, а его лицо словно вырубили из сучковатого чурбака. Глаза его, напоминавшие кремневые наконечники стрел, время от времени тускло поблескивали — он был сердит и расстроен. Но Питер Максвелл знал, что такой человек никогда не допустит, чтобы его раздражение вырвалось наружу. Он будет делать свое дело с упорством и бульдожьей хваткой, не обращая внимания ни на что.

Именно такой ситуации Максвелл и надеялся избежать. Но теперь ему стало ясно, что он тешил себя пустыми иллюзиями. Конечно, он с самого начала понимал, что на Земле не могли не встревожиться, когда полтора месяца назад он не появился на станции своего назначения, и, естественно, у него не было никаких шансов вернуться домой тихо и незаметно. И вот сейчас он сидит напротив инспектора, и ему во что бы то ни стало нужно сохранять спокойствие и держать себя в руках. Он сказал:

— Я, право же, не понимаю, почему мое возвращение на Землю могло заинтересовать службу безопасности. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор факультета сверхъестественных явлений Висконсинского университета. Вы ознакомились с моими документами...

— У меня нет никаких сомнений в том, кто вы такой, — сказал Дрейтон. — Может быть, я удивлен, но сомнений у меня нет ни малейших. Странно другое. Профессор Максвелл, не могли бы вы сказать мне поточнее, где вы находились все это время?

— Но я и сам почти ничего не знаю, — ответил Питер Максвелл. — Я был на какой-то планете, однако мне не известны ни ее название, ни местонахождение. Может быть,

до нее не больше светового года, а может быть, она находится далеко за пределами нашей Галактики.

— Но как бы то ни было, — заметил инспектор, — вы не прибыли на станцию назначения, указанную в вашем билете?

— Да, — сказал Максвелл.

— Не могли бы вы мне объяснить, что произошло?

— Только предположительно. Я полагаю, что моя волновая схема отклонилась от заданного направления, а может быть, ее перехватили. Сначала я приписал это неполадкам в передатчике, но потом усомнился. Передатчиками мы пользуемся уже сотни лет, и малейшая возможность ошибки была исключена давным-давно.

— То есть вы полагаете, что вас похитили?

— Если угодно.

— И все-таки не хотите мне ничего сказать?

— Но я же объяснил, что говорить мне, в сущности, нечего.

— А эта планета никак не связана с колесниками?

Максвелл покачал головой:

— Точно сказать не могу, но вряд ли. Во всяком случае, там их не было. И я не заметил никаких признаков того, что они могли бы иметь ко всему этому хотя бы малейшее отношение.

— Профессор Максвелл, а вы когда-нибудь видели колесников?

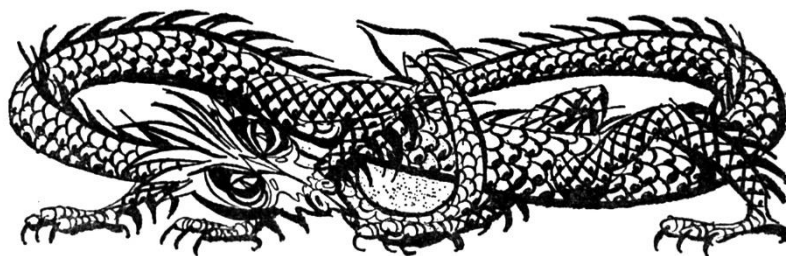
— Всего один раз. Это было несколько лет назад. Кто-то из них стажировался в Институте времени, и я однажды столкнулся с ним в коридоре.

— Так что вы узнали бы колесника, если бы увидели?

— Да, конечно!

— Судя по вашему билету, вы намеревались посетить одну из планет системы Енотовой Шкуры?

— Ходили слухи о драконе, — объяснил Максвелл. — Правда, ничем не подтвержденные. И довольно смутные. Но я подумал, что имело бы смысл установить...

Дрейтон поднял бровь.

— О драконе? — переспросил он.

— Вероятно, человеку, далекому от моей науки, трудно оценить все значение дракона, — сказал Максвелл. — Ведь пока еще не обнаружено ни одного реального подтверждения того, что подобное существо действительно где-нибудь когда-нибудь обитало. А ведь легенды о драконах — одна из характернейших черт фольклора Земли и некоторых других планет. Феи, гоблины, тролли, баньши — их всех мы обнаружили во плоти, но драконы по-прежнему остаются легендой. И любопытно, что у нас на Земле эта легенда бытовала не только среди людей. Легенды о драконе есть и у маленького народца холмов. Мне иногда кажется, что наши сказания о драконах мы заимствовали именно у них. Но все это лишь предания, и нет никаких фактов, подтверждающих...

Он неловко умолк. Какое дело лишенному воображения полицейскому до легенд о драконах?

— Извините, инспектор, — сказал он. — Боюсь, я несколько увлекся.

— Мне приходилось слышать, что в основе этих легенд лежат воспоминания о динозаврах, дошедшие до нас от предков.

— Да, я знаю о таких предположениях, — ответил Максвелл. — Но ведь этого не могло быть. Динозавры вымерли задолго до того, как появились самые отдаленные предки человека.

— Но маленький народец...

— Возможно, — перебил Максвелл, — но маловероятно. Я хорошо знаком с обитателями холмов и разговаривал об этом с ними. Их род, несомненно, гораздо древнее нашего, но нет никаких данных, что их предки уже существовали во времена динозавров. Во всяком случае, никаких воспоминаний об этом у них не сохранилось, хотя их легенды и сказания восходят к событиям давностью в несколько миллионов лет. Они очень долго живут, они почти бессмертны по нашим меркам, хотя, конечно, в свой срок тоже умирают. При подобном положении вещей изустные предания, переходящие от поколения к поколению, как правило, сохраняются...

Дрейтон нетерпеливо отмахнулся от драконов и от маленького народца холмов.

— Вы отправились в систему Енотовой Шкуры, — сказал он, — но не попали туда.

— Совершенно верно. Я оказался на той планете, о которой говорил. На хрустальной планете, заключенной в оболочку.

— Хрустальной?

— Из какого-то камня. Может быть, из кварца. А может быть, и из металла. Я видел там металлы.

Дрейтон мягко спросил:

— А когда вы отправлялись, вы не знали, что окажетесь на этой планете?

— Если вы подозреваете подвох, — ответил Максвелл, — то вы ошибаетесь. Для меня это было полной неожиданностью. В отличие от вас как будто. Ведь вы ждали меня здесь!

— Да, особой неожиданностью ваше прибытие не было, — согласился Дрейтон. — Нам уже известны два таких случая.

— Значит, у вас есть сведения об этой планете?

— О ней — никаких, — сказал Дрейтон, — Нам известно только, что где-то имеется планета с незарегистрированным передатчиком, а также приемником, позывные которого в списках не значатся. Когда здесь, на Висконсинской

станции, оператор принял их уведомление о передаче, он послал им сигнал подождать, пока не освободится какой-нибудь из приемников, а сам связался со мной.

— А остальные двое?

— Тоже поступили сюда. Оба они были посланы на Висконсинскую станцию.

— Но если они вернулись...

— В том-то и дело! — воскликнул Дрейтон. — Они не вернулись. То есть в том смысле, что мы не могли их ни о чем расспросить. В волновой схеме произошли какие-то нарушения, и они восстановились неверно. Перепутались друг с другом. Оба — внеземляне, но клубок получился такой, что нам пришлось повозиться, прежде чем мы установили, кем они могли быть. Да и сейчас еще мы полностью не уверены.

— Они были мертвы?

— Мертвы? Еще бы! Довольно жуткая история. Вам повезло.

Максвелл с трудом подавил дрожь.

— Да, пожалуй, — сказал он.

— Казалось бы, — продолжал Дрейтон, — те, кто берется за передачу материи на расстояние, должны бы прежде научиться делать это как положено. И неизвестно, сколько пассажиров они уже успели неправильно принять!

— Но ведь вы должны были это знать! — возразил Максвелл. — Я хочу сказать, что вам должны быть известны все случаи исчезновения в пути. Любая станция немедленно сообщила бы о том, что ожидаемый пассажир не прибыл.

— Тут-то собака и зарыта! — воскликнул Дрейтон, — Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь исчез. Мы не сомневаемся, что двое внеземлян, которых мы приняли мертвыми, благополучно прибыли на станцию назначения, так как ни единого нарушения в расписании прибытий зарегистрировано не было.

— Но ведь я же отправился в систему Енотовой Шкуры, и оттуда должны были сообщить...

Он умолк, пораженный внезапной мыслью.

Дрейтон медленно кивнул:

— Я так и думал, что вы разберетесь в ситуации. Питер Максвелл благополучно прибыл на станцию Енотовой Шкуры и почти месяц назад вернулся на Землю.

— Это какая-то ошибка, — машинально сказал Максвелл.

Он был не в силах поверить, что на Земле существует еще один Питер Максвелл, во всем ему подобный.

— Нет, это не ошибка, — сказал Дрейтон. — Вы существуете в единственном числе. Примерно через неделю после возвращения Питер Максвелл погиб. Несчастный случай.

Глава 2

В нескольких шагах от крохотного кабинета, где они беседовали с Дрейтоном, за поворотом коридора Максвелл увидел ряд свободных стульев и, поставив чемодан на пол, осторожно опустился на один из них.

Это невозможно, твердил он себе. Сразу два Питера Максвелла — а теперь один, из этих Максвеллов мертв! Как поверить, что хрустальная планета располагает аппаратами, которые способны дублировать систему волн, движущихся со световой скоростью, вернее со скоростью, неизмеримо превосходящей скорость света, поскольку ни в одном уголке Галактики, уже охваченном сетью передатчиков материи, не замечалось ни малейшего разрыва между моментом передачи и моментом приема. Перехват — да, пожалуй! Перехватить волновую схему в пути теоретически еще можно. Но снять с нее копию? Нет!

Две невероятности, думал он. Два события, которые просто не могли произойти. Впрочем, если одно все-таки произошло, то другое было лишь его естественным следствием. Раз с волновой схемы была снята копия, то обязательно должны были возникнуть два Максвелла, один из которых отправился в систему Енотовой Шкуры, а другой — на хрустальную планету. Но если тот, другой, Питер Максвелл действительно отправился в систему Енотовой Шкуры, он

должен еще быть там или только-только собираться вернуться. Ведь он уехал туда на шесть недель и мог задержаться дольше, если того потребуют розыски источника легенд о драконе.

Внезапно Максвелл заметил, что у него дрожат руки, и, стиснув их, он зажал ладони в коленях.

«Держись!» — приказал он себе. Что бы его ни ждало, он должен довести дело до конца! И ведь он ничего, в сущности, не знает. У него нет никаких фактов. Только утверждения инспектора службы безопасности, а к ним следует относиться критически. Ведь это могло быть всего лишь неуклюжей полицейской уловкой, попыткой заставить его сказать лишнее. Но это могло быть и правдой... все-таки могло!

Но если так, он тем более должен держаться. Потому что у него есть дело, которое надо довести до конца, ничего не напортив.

Однако все станет гораздо сложнее, если за ним будут следить. С другой стороны, неизвестно, будут ли за ним следить. А впрочем, так ли уж это важно? Труднее всего будет пробиться к Эндрю Арнольду. Попасть на прием к ректору Планетарного университета не очень-то просто. Он слишком занятой человек, чтобы тратить время на разговоры с заурядным преподавателем, тем более что указанный преподаватель не сможет даже сообщить заранее, о чем, собственно, он намерен беседовать с ректором.

Дрожь в руках унялась, но он все еще не разжимал их. Немного погодя он выберется отсюда, спустится к шоссе и сядет где-нибудь на одной из внутренних скоростных полос. Через час с небольшим он уже будет у себя в университетском городке и скоро узнает, правду ли говорил Дрейтон. И увидит своих друзей — Алле-Опа, Духа, Харлоу Шарпа, Аллена Престопа и всю прочую братию.

И вновь будут буйные ночные пирушки в «Свинье и Свистке», долгие мирные прогулки по тенистым аллеям и катание на лодках по озеру. Будут беседы и споры, и обмен

старинными сказаниями, и неторопливый академический распорядок дня, оставляющий человеку досуг, чтобы жить.

Он поймал себя на том, что с удовольствием думает о предстоящей поездке, потому что шоссе огибало холмы по границе Заповедника гоблинов. Там, конечно, жили не только гоблины, но и прочие существа, с древних времен называемые маленьким народцем, и все они были его друзьями — ну если не все, то очень многие. Тролли порой могли вывести из себя кого угодно, а сколотить настоящую прочную дружбу с такими созданиями, как баньши, было трудновато.

В это время года, подумал он, холмы должны быть великолепны. Он отправился в систему Енотовой Шкуры на исходе лета, и холмы все еще были облачены в темно-зеленые одежды. Но теперь, в середине октября, они, конечно, уже блистают всеми пышными красками осени: винный багрянец дубов, золото кленов и пламенеющий пурпур дикого винограда, как нить, сшивающая все остальные цвета. И воздух будет пахнуть сидром, будет пронизан тем неповторимым пьянящим благоуханием, которое приходит в леса только с умиранием листьев.

Он сидел и вспоминал, как два года назад в такую же осень они с мистером О'Тулом отправились на байдарках вверх по реке в северные леса, надеясь где-нибудь по пути вступить в контакт с лесными духами, о которых повествуют древние легенды оджибвеев. Они плыли по кристально прозрачным протокам, а вечером разжигали костер на опушке темного соснового бора; они ловили рыбу на ужин, и отыскивали лесные цветы на укромных полянках, и рассматривали бесчисленных птиц и зверей, и отлично отдохнули. Но никаких духов они так и не увидели, что, впрочем, было вполне естественно. С маленьким народцем Северной Америки редко кому удавалось вступить в соприкосновение, потому что это были подлинные дети первозданной природы, непохожие на полуцивилизованных, свыкшихся с людьми обитателей холмов Европы.

Сиденье, на котором расположился Максвелл, было повернуто к западу, и сквозь гигантские стеклянные окна он видел реку и обрывы за ней, по которым в старину проходила граница штата Айова, — темно-лиловые громады в венце молочно-голубого осеннего неба. На краю одного из обрывов он различил светлое пятно — это был Институт тавматургии, где преподавали главным образом восьминожки с планет альфы Центавра. Вглядываясь в дальний силуэт здания, Максвелл вспомнил, что много раз обещал себе принять участие в одном из их летних семинаров, но так и не собрался.

Он протянул руку и переставил чемодан, намереваясь встать, но остался сидеть. Он никак не мог отдышаться, а в коленях ощущалась неприятная слабость. То, что он услышал от Дрейтона, потрясло его гораздо больше, чем ему показалось в первый момент, и шок никак не проходил. Спокойнее, спокойнее, сказал он себе. Нельзя так распускаться. Может быть, это неправда, даже наверное неправда. И пока сам во всем не убедился, нервничать нечего.

Максвелл медленно встал, нагнулся, чтобы взять чемодан, но задержался, не решаясь окунуться в шумную суматоху зала ожидания. Люди — земляне и внеземляне — деловито спешили куда-то или стояли небольшими группами. Белобородый старец в чопорном черном костюме — мастиный ученый, судя по его виду, решил Максвелл, — что-то говорил компании студентов, явившихся его проводить. Семейство рептилий расположилось на длинных диванчиках, предназначенных для существ такого типа, то есть не способных сидеть. Двое взрослых, лежавших лицом друг к другу, переговаривались с шипением, характерным для речи рептилий, а дети тем временем ползали по диванчикам и под диванчиками и, играя, свивались в клубки на полу. В небольшой нише бочкообразное существо, лежа на боку, неторопливо перекачивалось от одной стены к другой, что, вероятно, соответствовало манере землян в задумчивости расхаживать взад и вперед по комнате. Два

паукообразных создания, удивительно похожих на фантастические конструкции из тоненьких палочек, расположились друг против друга на полу. Они начертили на плитах что-то вроде игровой доски, расставили на ней странные фигурки и, азартно вереща, принялись двигать их с молниеносной быстротой.

Дрейтон спрашивал о колесниках. Нет ли какой-нибудь связи между хрустальной планетой и колесниками?

Вечно колесники! Настоящая мания — колесники, колесники, колесники, думал Максвелл. И может быть, для этого все-таки есть основания. Ведь о них не известно почти ничего. Они были смутным и неясным фактором, возникшим где-то в глубинах космоса, еще одной движущейся по Вселенной мощной культурой, которая кое-где на дальних границах вступала в отдельные контакты с ширящейся человеческой цивилизацией.

И Максвелл воскресил в памяти первый и единственный случай, когда ему довелось увидеть колесника — студента, который приехал из Института сравнительной анатомии Рио— де-Жанейро на двухнедельный семинар в Институте времени. Он помнил возбуждение, охватившее Висконсинский университетский городок: разговоров было много, однако выяснилось, что увидеть загадочное существо практически невозможно — колесник почти не покидал здания, где проходил семинар. Но однажды, когда Максвелл шел к Харлоу Шарпу, который пригласил его пообедать, ему в коридоре встретился колесник, и это было настоящим потрясением.

Все дело только в колесах, сказал он себе. Ни у какого другого существа в известных пределах Вселенной колес не было. Он вдруг увидел перед собой пухлый пудинг, подвешенный между двумя колесами, ось которых проходила примерно через середину туловища. Колеса были одеты мехом, а обод, как он заметил, заменяли роговые затвердения. Низ пудингообразного тела свисал над осью, точно набитый мешок. Но худшее он обнаружил, подойдя поближе: вздутая

нижняя часть была прозрачной, и внутри что-то непрерывно извивалось и копошилось — казалось, ты видишь огромную банку, наполненную червяками самых ярких расцветок.

И эти извивавшиеся существа в этом обвислом безобразном брюхе действительно были если и не червяками, то во всяком случае какими-то насекомыми, какой-то формой жизни, тождественной земным насекомым. Колесники представляли собой организмы-ульи, и их сообщество слагалось из множества таких ульев, каждый из которых был отдельной колонией насекомых или чего-то, что соответствовало насекомым в представлении землян.

Такие ульевые создания вполне могли дать пищу для тех страшных историй о колесниках, которые возникали где-то на отдаленных границах Вселенной. И если эти жуткие истории не были вымыслом, значит, человек наконец столкнулся с тем гипотетическим врагом, встречи с которым он опасался с того момента, как вышел в космос.

Исследуя Вселенную, человек обнаружил немало странных, а иногда и жутких созданий, но ни одно из них, размышлял Максвелл, не наводило такого ужаса, как это снабженное колесами гнездо насекомых. В самой его идее было что-то тошнотворное.

Земля уже давно стала гигантским галактическим учебным центром, куда десятками тысяч прибывали внеземные существа, чтобы учиться и преподавать в его бесчисленных университетах и институтах. И со временем, подумал Максвелл, в это галактическое содружество, символом которого стала Земля, могли бы войти и колесники, если бы только удалось установить с ними хоть какое-то взаимопонимание. Но до сих пор достичь этого не удавалось.

Почему, с недоумением спросил себя Максвелл, даже мысль о колесниках вызывает непоборимое отвращение, хотя человек и все другие обитатели Вселенной научились отлично ладить друг с другом?

Зал ожидания вдруг представился ему Вселенной в миниатюре. Тут были существа, прибывшие с множества планет самых разных звезд, — и прыгуны, и ползуны, и дергунчики, и катуны. Земля стала плавильной печью галактик, думал он, тем местом, где встречаются существа с тысяч звезд, чтобы знакомиться с чужими культурами, чтобы обмениваться мыслями и идеями.

— Номер пять-шесть-девять-два! — завопил громкоговоритель. — Пассажир номер пять-шесть-девять-два, до вашего отбытия остается пять минут. Кабина тридцать седьмая. Пассажир пять-шесть-девять-два, просим вас немедленно пройти в кабину тридцать семь!

Куда может отправляться пассажир № 5692, прикинул Максвелл. В джунгли второй планеты Головной Боли, в мрачные, открытые всем ветрам ледяные города Горести IV, на безводные планеты Убийственных Солнц или на любую другую из тысячи планет, до которых с того места, где он стоял, можно было добраться в мгновение ока, потому что их объединяла система передатчиков материи. Но сама эта система служит вечным памятником кораблям-разведчикам, которые первыми проложили путь сквозь тьму космического пространства — как пролагают они его и теперь, медленно, с трудом расширяя пределы Вселенной, известной человеку.

Зал ожидания гудел от отчаянных призывов диктора к опоздавшим или неявившимся пассажирам, от жужжания тысяч голосов, разговаривающих на сотнях языков, от шарканья и топота множества ног.

Максвелл поднял чемодан и направился было к выходу, но тотчас снова остановился, пропуская автокар с аквариумом, заполненным мутной жидкостью. В туманной глубине аквариума он разглядел неясные очертания фантастической фигуры; вероятно, это был обитатель какой-нибудь жидкой планеты (жидкой, но отнюдь не водяной!), профессор, прибывший на Землю прочесть курс лекций по философии, а

может быть, на стажировку в тот или иной физический институт.

Когда автокар с аквариумом проехал, Максвелл без дальнейших помех добрался до дверей и вышел на красивую эспланаду, которая террасами спускалась к бегущим полосам шоссе. Он с удовольствием заметил, что около шоссе нет очереди — это случалось не так уж часто.

Максвелл всей грудью вдыхал чистый вкусный воздух, пронизанный холодной осенней свежестью. Он казался особенно приятным после недель, проведенных в мертвой, затхлой атмосфере хрустальной планеты.

Подходя к шоссе, Максвелл увидел огромную афишу. Набранная старинным крупным шрифтом, она торжественно и с достоинством зазывала почтенную публику:

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР, ЭСКВАЙР
из Стрэтфорда-на-Эйвоне (Англия)
прочтет лекцию
«ПИСАЛ ЛИ Я ШЕКСПИРОВСКИЕ ПЬЕСЫ?»
под эгидой Института времени
22 октября в аудитории Музея времени
Начало в 8 часов вечера
Билеты продаются во всех агентствах

— Максвелл! — крикнул кто-то, и он обернулся.

К нему по эспланаде бежал какой-то человек.

Максвелл поставил чемодан, поднял было руку в приветственном жесте, но тут же опустил, увидев, что окликнувший незнаком ему. Тот перешел на рысцу, а потом на быстрый шаг.

— Профессор Максвелл, не так ли? — спросил он. — Я не мог ошибиться.

Максвелл сдержанно кивнул, испытывая некоторую неловкость.

— А я — Монти Черчилл, — объяснил незнакомец, протягивая руку. — Мы познакомились с вами около года назад. У Нэнси Клейтон на ее очередном гала-вечере.

— Как поживаете, Черчилл? — сказал Максвелл холодно.

Потому что теперь он вспомнил этого человека — если не лицо, то фамилию. Как будто юрист. И кажется, специализируется на посредничестве. Один из тех, кто берется за любое дело, лишь бы клиент хорошо заплатил.

— Лучше не бывает! — весело воскликнул Черчилл. — Только что вернулся из поездки. Не слишком долгой. Но все-таки до чего же приятно вернуться домой! Ничего нет на свете лучше дома. Потому-то я вас и окликнул. Несколько недель ни одного знакомого лица, представляете?

— Спасибо, — сказал Максвелл.

— Направляетесь к себе в университетский городок?

— Да. Я как раз шел к шоссе.

— Ну зачем же! — запротестовал Черчилл. — У меня тут автолет. На станционной площадке. Места для двоих вполне хватит. Доберетесь домой гораздо быстрее.

Максвелл молчал, не зная, на что решиться. Черчилл ему не нравился, но он был прав: по воздуху они доберутся туда гораздо быстрее. А это его устраивало — он хотел поскорее выяснить положение вещей.

— Очень любезно с вашей стороны, — наконец ответил он. — Конечно, если я вас не стесню.

Глава 3

Мотор зафыркал и смолк. Через секунду оборвалось тихое гудение сопел, и в наступившей тишине стал слышен пронзительный свист воздуха, ударяющегося о металл.

Максвелл взглянул на соседа. Черчилл сидел словно окаменев — то ли от страха, то ли от изумления. Ведь случилось немыслимое, то, чего никак не могло быть. Автолеты этого типа никогда не ломались.

Внизу под ними вздымались острые зубцы крутых утесов и макушки могучих деревьев, под которыми прятались скалы. Слева вилась серебристая лента реки, омывавшая подножия лесистых холмов.

Время словно застыло и начало растягиваться — казалось, непонятное колдовство превращает каждую секунду в целую минуту. И с удлинением времени пришло спокойное осознание того, что должно было произойти, — так, как будто речь шла не о нем, а о ком-то другом, как будто ситуацию трезво и реалистически оценивал посторонний наблюдатель, подумал Максвелл. Но где-то в дальнем, скрытом уголке его мозга жила мысль о паническом страхе, который вспыхнет чуть позже, когда автолет ринется вниз, на верхушки деревьев и скал, а время обретет обычную скорость.

Подавшись вперед, он осмотрел простиравшуюся внизу местность и вдруг увидел поляну в лесу — крохотный светло-зеленый островок в темном море деревьев.

Он толкнул Черчилла локтем и указал на поляну. Тот посмотрел, кивнул и начал поворачивать штурвал медленно и нерешительно, словно проверяя, будет ли машина слушаться.

Автолет слегка накренился и сделал вираж, по-прежнему продолжая медленно падать, но уже в нужном направлении. На мгновение он, казалось, вышел из-под контроля, затем скользнул вбок, теряя высоту быстрее, чем раньше, но планируя туда, где среди деревьев был виден просвет.

Теперь верхушки деревьев стремительно мчались им навстречу, и Максвелл уже различал осенние краски — сплошная темная масса стала красной, золотой и оранжевой. Длинные багряные копыта взметнулись, чтобы пронзить, золотые клешни злобно тянулись к ним, чтобы сомкнуться в цепкой хватке.

Автолет задел верхние ветки дуба, на миг, словно в нерешительности, повис между небом и землей, а затем нырнул к зеленой лужайке в самой чаще леса.

Лужайка фей, отметил Максвелл. Их бальный зал, а теперь — посадочная площадка.

Он покосился на Черчилла, вцепившегося в рычаги управления, и снова устремил взгляд на несущийся к ним зеленый круг. Он должен, должен быть ровным! Ни кочек, ни рытвин, ни ям! Ведь когда создавалась эта лужайка, почва специально выравнивалась в соответствии с принятыми стандартами.

Автолет ударился о землю, подскочил и угрожающе накренился. Затем вновь коснулся травы и покатил по ней без единого толчка. Деревья в дальнем конце лужайки неслись на них с ужасающей быстротой.

— Держитесь! — крикнул Черчилл, и в тот же момент машина повернула и пошла юзом.

Когда она остановилась, до стены деревьев было не больше пяти шагов. Их обступила мертвая тишина, которая словно надвигалась на них от пестрого леса и скалистых обрывов.

Из безмолвия донесся голос Черчилла:

— Еще немного — и...

Он откинул верх и выбрался наружу. Максвелл последовал за ним.

— Не понимаю, что произошло, — сказал Черчилл, — В эту штуку встроено столько всяких предохранителей, что уму непостижимо! Да, конечно, можно угодить под молнию, или врезаться в гору, или попасть в смерч — но мотор не выходит из строя никогда. Его можно только выключить.

Он вытер лоб рукавом, а потом спросил:

— Вы знали про эту лужайку?

Максвелл покачал головой:

— Нет. Но я знал, что такие лужайки существуют. Когда создавался заповедник, в планах его ландшафта такие лужайки были предусмотрены. Видите ли, феям нужно место для танцев. И, заметив в лесу просвет, я догадался, что это может быть такое.

— Когда вы указали вниз, — сказал Черчилл, — я просто положился на вас. Деваться все равно было некуда — и я рискнул...

Максвелл жестом остановил его.

— Что это? — спросил он, прислушиваясь.

— Как будто топот лошадиных копыт, — отозвался Черчилл. — Но кому могло взбрести в голову прогуливать тут лошадь? Доносится вон оттуда.

Топот явно приближался.

Обойдя автолет, Максвелл и Черчилл увидели тропу, которая круто поднималась к узкому отрогу, увенчанному массивными стенами полуразрушенного средневекового замка.

По тропе осторожно спускалась лошадь. На ее спине прилежал толстячок, который при каждом движении своего скакуна подпрыгивал самым удивительным образом. Выставленные вперед локти нескладного всадника взлетали и падали, точно крылья.

Лошадь тяжело спустилась со склона на лужайку. Она была столь же неизящна, как и ее всадник, — лохматый би-тюг, чьи могучие копыта ударяли по земле с силой парового молота, вырывая куски дерна и отбрасывая их далеко назад. Он держал курс прямо на автолет, словно намеревался опрокинуть его, но в последнюю секунду неуклюже свернул и встал как вкопанный. Бока его вздымались и опадали, точно кузнечные мехи, из дряблых ноздрей вырывалось шумное дыхание.

Всадник грузно слез с его спины и, едва коснувшись ногами земли, разразился гневными восклицаниями.

— Это все они, негодники и паршивцы! — вопил он. — Это все они, мерзкие тролли! Сколько раз я им втолковывал: летит себе помело, и пусть летит, а вы не вмешивайтесь! Так нет! Не слушают! Только и думают, как бы шутку пошутить. Наложат заклятие, и все тут...

— Мистер О'Тул! — закричал Максвелл. — Вы меня еще помните?

Гоблин обернулся и прищурил красные близорукие глаза.

— Да никак профессор! — взвизгнул он. — Наш общий добрый друг! Ах, какой стыд, какой позор! Профессор, я с этих троллей спущу шкуры и растяну на двери, я приколочу их уши к деревьям!

— Заклятие? — спросил Черчилл. — Вы сказали — закли-
тие?

— А что же еще? — негодовал мистер О'Тул. — Что еще может спустить помело с неба на землю?

Он подковылял к Максвеллу и озабоченно уставился на него.

— А это и вправду вы? — спросил он с некоторым беспокойством. — Настоящий? Нас известили, что вы скончались. Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби.

— Нет, это воистину я, и настоящий, — сказал Максвелл, привычно переходя на диалект обитателей холмов. — Это были только слухи.

— Тогда на радостях мы все трое, — вскричал О'Тул, — выпьем по большой кружке доброго октябрьского эля! Варка как раз окончена, и я от всего сердца приглашаю вас, господа, снять первую пробу!

Со склона по тропе к ним бежали полдюжина других гоблинов, и мистер О'Тул властно замахал, поторапливая их.

— Всегда опаздывают! — пожаловался он. — Никогда их нет на месте в нужную минуту. Прийти-то они всегда приходят, но обязательно позже, чем надо бы. Хорошие ребята, как на подбор, и сердца у них добрые, но нет в них подлинной живости, коей отмечены истинные гоблины вроде меня.

Гоблины косолапой рысью высыпали на лужайку и выстроились перед О'Тулом, ожидая распоряжений.

— У меня для вас много работы! — объявил он. — Для начала идите к мосту и скажите этим троллям, чтобы они не смели заклития накладывать. Раз и навсегда пусть прекратят и даже не пробуют. Скажите им, что это последнее

предупреждение. Если они снова примутся за свое, мы разнесем тот мост по камушку и каждый мшистый камень укажем далеко от других, так что вновь тот мост не встанет никогда. И пусть снимут заклятие вот с этого упавшего помела, чтобы оно летало как новое! А вы идите искать фей, расскажите им о повреждении их лужайки, не забыв присовокупить, что во всем повинны эти подлые тролли, и обещайте, что, когда они придут сюда танцевать под полной луной, лужайка будет как новая. Вы позаботьтесь о Доббине: приглядите, чтобы его неуклюжие копыта не причинили лужайке нового ущерба, но, если найдется трава повыше, пусть он ее пощиплет. Бедняге нечасто выпадает случай насладиться таким пастбищем.

Мистер О'Тул повернулся к Максвеллу и Черчиллу, потирая ладони в знак удачно исполненного дела.

— А теперь, господа, — сказал он, — соблаговолите подняться со мной на холм, и мы испробуем, на что годится сладкий октябрьский эль. Однако прошу вас из сострадания ко мне идти помедленнее — мое брюхо что-то очень выросло, и я весьма страдаю от одышки.

— Ведите нас, старый друг, — сказал Максвелл. — Мы охотно подладим свой шаг к вашему. Давненько не пили мы вместе октябрьского эля.

— Да-да, разумеется, — сказал Черчилл растерянно.

Они начали подниматься по тропе. Впереди на фоне светлого неба четко вырисовывался силуэт развалин.

— Я должен заранее извиниться за состояние замка, — сказал мистер О'Тул. — Он полон сквозняков, способствующих насморкам, гайморитам и всяким другим мучительным недугам. Ветер рыскает по нему как хочет, и всюду стоит запах сырости и плесени. Я так и не постиг, почему вы, люди, уж раз вы начали строить для нас замки, не могли сделать их уютными и непроницаемыми для ветра и дождя. Если мы некогда и обитали в руинах, это еще не значит, что нас не влекут удобства и комфорт. Ведь мы жили в них потому, что бедная Европа не могла предложить нам ничего более подходящего. — Он умолк, отдышался и продолжал: — Я прекрасно помню, как две тысячи лет назад и более мы жили в новехоньких замках, хотя, конечно, и убогих, ибо невежественные люди в те века не умели строить лучше — и мастерства они не знали, и инструментов у них нужных не было, а уж о машинах и говорить не приходится. Да и вообще худосочный был народ. А нам приходилось скрываться по углам и закоулкам замков, ибо непросвещенные люди той поры страшились и чурались нас и пытались в своем невежестве обороняться от нас могучими чарами и заклинаниями.

А впрочем, — добавил он не без самодовольства, — они же были всего только людьми, и колдовство у них хромало. Нам были не страшны даже самые замысловатые их чары.

— Две тысячи лет? Не хотите ли вы сказать... — начал было Черчилл и замолчал, заметив, что Максвелл покачал головой.

Мистер О'Тул остановился и бросил на Черчилла уничтожающий взгляд.

— Я помню, — заявил он, — как из того болотистого бора, который вы теперь называете Центральной Европой, весьма бесцеремонно явились варвары и рукоятками своих грубых железных мечей начали стучаться в ворота самого Рима. Мы слышали об этом в лесных чащах, где обитали тогда, и среди

нас еще жили те — теперь давно умершие, — кто узнал про Фермопилы всего через несколько недель после того, как пали Леонид и его воины.

— Простите, — сказал Максвелл. — Но не все настолько хорошо знакомы с маленьким народцем...

— Будьте добры, — перебил О'Тул, — познакомьте его в таком случае!

— Это правда, — сказал Максвелл, обращаясь к Черчиллу. — Или во всяком случае вполне может быть правдой. Они не бессмертны и в конце концов умирают. Но живут так долго, что нам и представить трудно. Рождения у них редкость, иначе на Земле не хватило бы для них места. Но они доживают до невероятного возраста.

— А все потому, — сказал мистер О'Тул, — что мы проникаем в самое сердце природы и не транжирим драгоценную силу духа на мелочные заботы, о которые вдребезги разбиваются жизнь и надежды людей. Однако это слишком печальные темы, чтобы тратить на них столь великолепный осенний день. Так обратим же наши мысли со всем рвением к пенному элю, который ждет нас на вершине!

Он умолк и вновь начал взбираться по тропе — заметно быстрее, чем раньше.

Сверху им навстречу опрометью бежал крохотный гоблин — пестрая рубаха, которая была ему велика, билась на ветру.

— Эль! — верещал он. — Эль!

Он остановился перед ними, едва не упав.

— Ну и что эль? — пропыхтел мистер О'Тул. — Или ты хочешь покаяться, что осмелился его попробовать?

— Он скис! — простонал маленький гоблин. — Весь этот заклятый чан скис!

— Но ведь эль не может скиснуть! — возразил Максвелл, понимая, какая произошла трагедия.

Мистер О'Тул запрыгал на тропе, пылая яростью. Его лицо из коричневого стало багровым и тут же полиловело. Он хрипел и задыхался.

— Нет, может! Если его сглазить! Проклятие, о, проклятие!

Он повернулся и заспешил вниз по тропе в сопровождении маленького гоблина.

— Только дайте мне добраться до этих гнусных троллей! — вопил мистер О'Тул. — Только дайте мне наложить лапы на их жадные глотки! Я их выкопаю из-под земли вот этими самыми руками и повешу на солнце сушиться! Я спущу с них шкуры! Я их так проучу, что они вовек не забудут!..

Его угрозы все больше сливались в нечленораздельный рев, пока он быстро удалялся вниз по тропе, спеша к мосту, под которым обитали тролли.

Два человека с восхищением смотрели ему вслед, дивясь такому всеокрушающему гневу.

— Ну, — сказал Черчилл, — вот мы и лишились возможности испить сладкого октябрьского эля.

Глава 4

Когда Максвелл на одной из более медленных полос шоссе доехал до окраины университетского городка, часы на консерватории начали отбивать шесть. Из аэропорта Черчилл поехал другим путем, и Максвелл был этим очень доволен — не только потому, что юрист был ему чем-то неприятен, но и потому, что он испытывал потребность побыть одному. Ему хотелось ехать медленно, откинув щиток, в тишине, ни с кем не разговаривая и только впитывая атмосферу всех этих зданий и аллей, и чувствовать, что он вернулся домой, в единственное место в мире, которое по настоящему любил.

Сумерки спускались на городок благодатной дымкой, смягчая очертания зданий, превращая их в романтические гравюры из старинных книг. В аллеях группами стояли студенты с портфелями и негромко переговаривались. Некоторые держали книги под мышкой. На скамье сидел седой старик и смотрел, как в траве резвятся белки. По дорожке

неторопливо ползли двое внеземлян-рептилий, поглощенные беседой. Студент-человек бодро шагал по боковой аллее, насвистывая на ходу, и его свист будил эхо в тихих двориках. Поравнявшись с рептилиями, он поднял руку в почтительном приветствии. И всюду высились древние величественные вязаы, с незапамятных времен осеняющие все новые и новые поколения студентов.

И вот тут-то огромные куранты начали отбивать шесть часов. Густой звон разнесся вокруг, и Максвеллу вдруг почудилось, что университетский городок дружески здоровается с ним. Часы были его другом, и не только его, но всех, до кого доносился их бой. Это был голос городка. По ночам, когда он лежал в постели и засыпал, было слышно, как они бьют, отсчитывая время. И не просто отсчитывая время, но, подобно стражу, возвещая, что все спокойно.

Впереди, в сумраке, возникла громада Института времени — гигантские параллелепипеды из пластмассы и стекла, сияющие огнями. К их подножию прижалось здание музея. Поперек его фасада протянулось бьющееся на ветру белое полотнище. В сгущающихся сумерках Максвелл сумел разобрать только одно слово: «ШЕКСПИР».

Он улыбнулся при мысли о том, как должен бурлить сейчас факультет английской литературы. Старик Ченери и вся компания не простили обиды, когда два-три года назад институт докопался, что автором пьес был все-таки не граф Оксфорд. И это появление стрэтфордца во плоти будет горстью соли, высыпанной на еще не зажившую рану.

Вдали, на западной окраине городка, на вершине холма высились административные корпуса, словно вписанные тушью в гаснущий багрянец над горизонтом.

Полоса шоссе двигалась мимо Института времени и его кубообразного музея с трепещущим полотнищем плаката. Часы закончили отбивать время, и последние отголоски замерли во мгле.

Шесть часов! Через две-три минуты он сойдет с полосы и направится к «Гербу Уинстонов», который был его домом

уже четыре года... нет, впрочем, уже не четыре, а пять! Максвелл сунул руку в правый карман куртки и нащупал кольцо с ключами.

Впервые после того, как он покинул Висконсинскую передаточную станцию, он вспомнил о другом Питере Максвелле. Конечно, история, которую рассказал ему инспектор Дрейтон, могла быть правдой, хотя он сильно в этом сомневался. Служба безопасности могла вполне пустить в ход именно такой прием, чтобы выведать у человека всю подноготную. Однако если это ложь, то почему из системы Енотовой Шкуры не поступило сообщения о том, что он не прибыл? Впрочем, и это ему известно только со слов инспектора Дрейтона, и про другие два таких же случая — тоже. Если можно усомниться в одном утверждении Дрейтона, то с какой стати принимать на веру остальные? Если хрустальная планета перехватывала и других путешественников, он, пока был там, ничего об этом не слышал. Однако, сказал себе Максвелл, это тоже ничего не означает: хозяева хрустальной планеты, несомненно, сообщали ему только то, что считали нужным.

Тут он сообразил, что тревожит его не столько разговор с Дрейтоном, сколько слова О'Тула: «Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби». Если бы не скисший эль, он, конечно, обсудил бы со старым гоблином события этих недель, но им так и не представилась возможность поговорить по душам.

Впрочем, пока можно об этом не думать. Как только он доберется домой, то сразу же позвонит кому-нибудь из своих друзей и узнает правду. Но кому позвонить? Харлоу Шарпу в Институт времени? Или Даллесу Грегу, декану его факультета? Или, может быть, Ксигму Маону Тайру, старому эриданцу с белоснежным мехом и задумчивыми лиловыми глазами, который целую жизнь провел в крохотном кабинете, разрабатывая методы анализа структуры мифов? Или Аллену Престону, близкому приятелю, юристу? Пожалуй,

начать следует с Престопа — ведь если Дрейтон не солгал, ситуация может осложниться именно в юридическом плане.

Максвелл сердито одернул себя. Он, кажется, поверил! Во всяком случае, вот-вот поверит! Если так пойдет дальше, он убедит себя, что все это — чистая правда!

«Герб Уинстонов» был уже совсем близко. Максвелл поднялся с сиденья, взял чемодан и перешел на внешнюю, еле ползущую полосу. Напротив «Герба Уинстонов» он спрыгнул на тротуар.

Ни на широкой каменной лестнице, ни в вестибюле никого не было. Пошарив в кармане, он вытащил ключи и зажал в пальцах тот, который открывал дверь его квартиры. Лифт уже ждал, и он нажал кнопку седьмого этажа.

Ключ сразу вошел в замок и легко в нем повернулся. Дверь открылась, и Максвелл вошел в темную комнату. Дверь за его спиной автоматически закрылась, щелкнув замком, и он протянул руку к выключателю.

Но так и застыл с поднятой рукой. Что-то было не так. Какое-то чувство... ощущение... может быть, запах? Да, именно — запах! Слабый нежный аромат незнакомых духов.

Максвелл ударил кулаком по кнопке. Вспыхнул свет.

Комната стала другой. Не та мебель, и пронзительно-яркие картины на стенах. У него не было и никогда не будет таких картин!

Позади него снова щелкнул замок, и он стремительно обернулся. Дверь распахнулась, и в комнату вошел саблезубый тигр.

При виде Максвелла огромный кот припал к полу и заворчал, обнажив шестидюймовые кинжалы клыков.

Максвелл осторожно попятился. Тигр медленно пополз вперед, по-прежнему ворча. Максвелл шагнул назад, почувствовал удар по лодыжке, попытался удержаться на ногах и понял, что падает. Он же видел этот пуфик! Мог бы, кажется, вспомнить... но не вспомнил, споткнулся о него и сейчас здорово шлепнется. Он попытался расслабиться, ожидая удара о жесткий пол, но вместо этого его спина погрузилась

во что-то мягкое, и он сообразил, что приземлился на кушетку, которая стояла за пуфиком.

Тигр в изящном прыжке повис в воздухе, прижав уши, полуоткрыв пасть и вытянув массивные лапы вперед, словно таран. Максвелл вскинул руки, загораживая грудь, но лапы отбросили их в сторону, как пушинки, и придавили его к кушетке. Огромная кошачья морда со сверкающими клыками придвинулась к самому лицу. Медленно, почти ласково тигр опустил голову и длинным розовым языком, шершавым как терка, облизал щеки Максвелла.

Гигантский кот замурлыкал.

— Сильвестр! — донеслось из-за двери, — Сильвестр, немедленно прекрати!

Тигр еще раз ободрал языком лицо Максвелла и присел на задние лапы. Ухмыляясь и поставив уши торчком, он рассматривал Максвелла с дружеским и даже восторженным интересом.

Максвелл приподнялся и сел, откинувшись на спинку кушетки.

— Кто вы, собственно, такой? — спросила стоявшая в дверях девушка.

— Видите ли, я...

— Однако вы не из робких, — заметила она.

Сильвестр замурлыкал громче.

— Извините, мисс, — сказал Максвелл, — но я здесь живу. Во всяком случае, жил раньше. Это ведь квартира двадцать один?

— Да, конечно, — кивнула она. — Я сняла ее ровно неделю назад.

— Я мог бы догадаться, — сказал Максвелл, пожимая плечами, — Ведь мебель другая!

— Я потребовала, чтобы хозяин вышвырнул прежнюю, — объяснила она. — Это было что-то чудовищное.

— Погодите, — перебил Максвелл. — Старый зеленый диван, довольно потертый...

— И бар орехового дерева, — подхватила девушка. — И гнуснейший морской пейзаж, и...

— Достаточно, — устало сказал Максвелл. — Вы вышвырнули отсюда мои вещи.

— Не понимаю... Хозяин сказал, что прежний жилец умер. Несчастный случай, если не ошибаюсь.

Максвелл медленно поднялся на ноги. Тигр последовал его примеру, подошел поближе и начал нежно тереться головой о его колени.

— Сильвестр, перестань! — скомандовала девушка.

Сильвестр продолжал свое занятие.

— Не сердитесь на него, — сказала она. — Он ведь просто большой котенок.

— Биомех?

Девушка кивнула:

— Поразительная умница. Он ходит со мной повсюду. И всегда ведет себя прилично. Не понимаю, что на него нашло. Наверное, вы ему понравились.

Говоря это, она смотрела на тигренка, но тут внезапно бросила на Максвелла внимательный взгляд:

— Вам нехорошо?

Максвелл покачал головой.

— Вы что-то очень побледнели.

— Небольшое потрясение, — объяснил он, — Наверное, в этом все дело. Я сказал вам правду. До недавнего времени я действительно жил здесь. Произошла какая-то путаница...

— Сядьте, — приказала она. — Хотите выпить чего-нибудь?

— Если можно. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор...

— Погодите! Максвелл, вы сказали? Питер Максвелл... Ведь так звали...

— Да, я знаю, — сказал Максвелл. — Так звали того человека, который умер.

Он осторожно опустился на кушетку.

— Я принесу вам чего-нибудь, — сказала девушка.

Сильвестр подобрался поближе и ласково положил массивную голову Максвеллу на колени. Максвелл почесал его за ухом, и Сильвестр, громко замурыкав, чуть-чуть повернулся, показывая Максвеллу, где надо чесать.

Девушка вернулась с рюмкой и села рядом.

— Но я все-таки не понимаю... Если вы тот, кто...

— Все это очень запутанно, — заметил Максвелл.

— Должна сказать, что держитесь вы неплохо. Немного ошеломлены, но не сокрушены.

— По правде говоря, — признался Максвелл, — на самом деле я не был застигнут врасплох. Меня поставили об этом в известность, но я не поверил. То есть не позволил себе поверить. — Он поднес рюмку к губам, — А вы не будете пить?

— Если вам лучше, — сказала она, — я пойду налью и себе.

— Я прекрасно себя чувствую, — ответил Максвелл. — И как — нибудь все это переживу.

Он посмотрел на свою собеседницу и только теперь увидел ее по-настоящему — стройная, подтянутая, коротко подстриженные темные волосы, длинные ресницы и глаза, которые ему улыбались.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Кэрл Хэмптон. Я историк, работаю в Институте времени.

— Мисс Хэмптон, — сказал он, — приношу вам свои извинения. Я уезжал — вообще с Земли. И только что вернулся. У меня был ключ, он подошел к замку, а когда я уезжал, эта квартира была моей...

— Не нужно ничего объяснять, — перебила она.

— Мы выпьем, — сказал он. — А потом я встану и уйду. Если только...

— Что?

— Если только вы не согласитесь пообедать со мной. Чтобы я мог хоть чем-то отплатить вам за чуткость. Ведь вы могли бы выбежать с воплями...

— А не подстроено ли все это? — спросила она подозрительно. — Вдруг вы...

— Ни в коем случае, — сказал он. — У меня не хватило бы сообразительности. И к тому же откуда бы я взял ключ?

Она поглядела на него, а потом сказала:

— Это было глупо с моей стороны. Но нам придется взять с собой Сильвестра. Он ни за что не останется один.

— Да я никогда и не согласился бы бросить его одного! — заявил Максвелл, — Мы с ним друзья до гроба.

— Это обойдется вам в бифштекс, — предупредила она. — Он всегда голоден, а ест только хорошие бифштексы. Большие. И с кровью.

Глава 5

В «Свинье и Свистке» было темно, шумно и чадно. Между тесно составленными столиками оставались лишь узенькие проходы. Мерцали дрожащие огоньки свечей. Низкий зал был заполнен разноголосым гулом, точно все посетители говорили разом, перебивая друг друга.

Максвелл прищурился, стараясь высмотреть свободный столик. Пожалуй, подумал он, им следовало бы пойти в другое место. Но ему хотелось поужинать именно тут, потому что этот кабачок был облюбован студентами и преподавателями его факультета и здесь он чувствовал себя как дома.

— Пожалуй, нам лучше пойти куда-нибудь еще, — сказал он, обернувшись к Кэрл Хэмптон.

— Сейчас к нам кто-нибудь подойдет и укажет столик, — ответила она. — Наверное, большой наплыв — официанты совсем сбились с ног... Сильвестр! Немедленно прекрати! Извините его, пожалуйста, — добавила она умоляюще, обращаясь к людям, сидевшим за столиком, возле которого они стояли. — Он такой невоспитанный! И совершенно не умеет вести себя за столом. Хватает все, что увидит...

Сильвестр облизывался с довольным видом.

— Пустяки, мисс, — сказал обездоленный бородач. — Я, собственно говоря, и не собирался его есть. Просто у меня привычка заказывать бифштексы.

— Пит! Пит Максвелл! — закричал кто-то в дальнем конце зала.

Прищурившись, Максвелл разглядел в полумраке, что ему машет руками какой-то человек, вскочивший из-за столика в углу. Он узнал его. Это был Алле-Оп, а рядом с ним маячила белая фигура Духа.

— Встретили друзей? — спросила Кэрол.

— Да. По-видимому, они приглашают нас за свой столик. Вы не возражаете?

— Это неандерталец? — спросила она.

— Вы его знаете?

— Видела несколько раз. Но мне хотелось бы с ним познакомиться. А рядом сидит Дух?

— Они неразлучны, — объяснил Максвелл.

— Ну так идемте же!

— Мы можем просто поздороваться, а потом отправиться куда-нибудь еще.

— Ни в коем случае! — воскликнула Кэрол. — По-моему, здесь очень интересно.

— Вы не бывали тут раньше?

— Не осмеливалась, — ответила она.

— Тогда следуйте за мной, — сказал он и начал медленно пробираться между столиками. Девушка и тигренок шли за ним по пятам.

Алле-Оп выскочил навстречу Максвеллу, бурно заключил его в объятия, потом взял за плечи, отодвинул и начал всматриваться ему в лицо.

— Ты в самом деле старина Пит? — спросил он. — Ты нас не морочишь?

— Да, я Пит, — ответил Максвелл, — А кем еще я могу быть, по-твоему?

— В таком случае, — сказал Оп, — кого мы хоронили три недели назад, в четверг? И я, и Дух, оба были там.

И ты нам должен двадцать монет — ровно столько стоил венок, который мы прислали.

— Давайте сядем, — предложил Максвелл.

— Опасаешься скандала? — осведомился Оп, — Но ведь это место для скандалов и создано: каждый час по расписанию завязываются кулачные бои, а в промежутках кто-нибудь влезает на стол и раздражается речью.

— Оп, — сказал Максвелл, — со мной дама, так что ты укротись и оцивилизуйся. Мисс Кэрол Хэмптон, эта стоеросовая дубина зовется Алле-Оп.

— Счастлив познакомиться с вами, мисс Хэмптон, — сказал Алле-Оп, — Но кого я вижу! Саблезубый тигр, с места мне не сойти! Помнится, был случай, когда я в буран укрылся в пещере, где уже сидела такая вот киска, а при мне никакого оружия, кроме тупого кремневого ножа. Понимаете, палица у меня сломалась, когда я повстречал медведя, и...

— Доскажешь как-нибудь в другой раз, — перебил Максвелл. — Может быть, мы все-таки сядем? Нам очень хочется есть и вовсе не хочется, чтобы нас вышвырнули отсюда.

— Пит, — сказал Алле-Оп, — быть вышвырнутым из этой забегаловки — весьма большая честь. Ты можешь считать свое общественное положение упроченным только после того, как тебя вышвырнут отсюда.

Однако, продолжая ворчать себе под нос, он все-таки направился к своему столику и галантно подвинул стул Кэрол. Сильвестр устроился между ней и Максвеллом, положил подбородок на стол и недоброжелательно уставился на Алле-Опа.

— Этой киске я не нравлюсь, — объявил Оп. — Возможно, она знает, сколько ее предков я поистреблял в добром старом каменном веке.

— Сильвестр всего лишь биомех, — объяснила Кэрол, — и ничего знать не может.

— Ни за что не поверю, — сказал Оп. — Эта животное — никакой не биомех. У него в глазах самая что ни на есть типичная саблезубая подлость.

— Пожалуйста, Оп, уймись на минутку, — прервал его Максвелл, — Мисс Хэмптон, позвольте представить вам Духа, моего старого друга.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, мистер Дух, — сказала Кэрл.

— Только не «мистер», а просто Дух, — поправил тот, — Я ведь дух, и больше ничего. И самое ужасное заключается в том, что я не знаю, чей я, собственно, дух. Очень рад познакомиться с вами. Так уютно сидеть за столиком вчетвером. В цифре «четыре» есть что-то милое и уравновешенное.

— Ну, — объявил Оп, — теперь, когда мы перезнакомились, давайте перейдем к делу. Выпьем! Ужасно противно пить в одиночку. Конечно, я люблю Духа за многие его превосходные качества, но не перевариваю непьющих.

— Ты же знаешь, что я не могу пить, — вздохнул Дух. — И есть не могу. И курить. Возможности духов весьма и весьма ограничены, но мне хотелось бы, чтобы ты перестал указывать на это всем, с кем мы знакомимся.

Оп повернулся к Кэрл:

— Вы, кажется, удивлены, что варвар-неандерталец способен изъясняться так красноречиво и свободно, как я?

— Не удивлена, а потрясена, — поправила Кэрл.

— Оп, — сообщил ей Максвелл, — за последние двадцать лет вобрал в себя такое количество знаний, какое обыкновенному человеку и не снилось. Начал с программы детского сада в буквальном смысле слова, а сейчас работает над докторской диссертацией. А главное, он и дальше собирается продолжать в том же духе. Его можно назвать одним из самых выдающихся наших студентов.

Оп поднял руку и замахал официанту.

— Сюда! — крикнул он. — Здесь есть люди, которые хотели бы благодетельствовать вас заказом. Все они умирают от жажды.

— Больше всего меня в нем восхищает, — заметил Дух, — его застенчивость и скромность.

— Я продолжаю учиться, — сказал Оп, — не столько из стремления к знаниям, сколько ради удовольствия наблюдать ошарашенное выражение на лицах педантов преподавателей и дураков студентов. Впрочем, — повернулся он к Максвеллу, — я отнюдь не утверждаю, что все преподаватели — обязательно педанты.

— Спасибо! — сказал Максвелл.

— Есть люди, — продолжал Оп, — которые, по-видимому, убеждены, что *Homo sapiens neanderthalensis* — глупая скотина, и ничего больше. Ведь что ни говори, а он вымер, он не смог выдержать борьбы за существование, в чем усматривается прямое доказательство его безнадёжной второсортности. Боюсь, я и дальше буду посвящать мою жизнь опровержению...

Рядом с Опом возник официант.

— А, это опять вы! — сказал он. — Можно было сразу догадаться, как только вы принялись на меня орать. Вы невоспитаны, Оп.

— С нами тут сидит человек, — сообщил ему Оп, пропуская мимо ушей оскорбительное утверждение, — который вернулся из страны теней. По-моему, достойнее всего будет отпраздновать его воскресение дружеской вакханалией.

— Насколько я понял, вы хотели бы чего-нибудь выпить?

— Так почему же вы сразу не принесли бутылку хорошего пойла, ведро льда и четыре... нет, три рюмки? — осведомился Оп. — Дух, знаете ли, не пьёт.

— Я знаю, — сказал официант.

— То есть если мисс Хэмптон не предпочитает какую-нибудь модную болтушку, — уточнил Оп.

— Кто я такая, чтобы вставлять палки в колеса? — спросила Кэрол. — Что пьете вы?

— Кукурузное виски, — ответил Оп. — Наш с Питом вкус в этом отношении ниже всякой критики.

— Ну так кукурузное виски, — решила Кэрол.

— Насколько я понял, — сказал официант, — когда я приволоку сюда бутылку, у вас будет чем за нее заплатить. Я помню, как однажды...

— Если я обману ваши ожидания, — объявил Оп, — мы обратимся к старине Питу.

— К Питу? — переспросил официант и, посмотрев на Максвелла, воскликнул: — Профессор! А я слышал, что вы...

— Я вам уже битый час об этом толкую, — перебил Оп. — Потому-то мы и празднуем. Он восстал из гроба.

— Но я не понимаю...

— И незачем, — сказал Оп. — Несите-ка выпивку, больше от вас ничего не требуется.

Официант убежал.

— А теперь, — сказал Дух, обращаясь к Максвеллу, — пожалуйста, объясните нам, что вы такое. По-видимому, вы не дух, или же процесс их изготовления значительно улучшился с той поры, когда человек, которого представляю я, сбросил брентную оболочку.

— Насколько можно судить, — начал Максвелл, — перед вами результат раздвоения личности. Один из меня, насколько я понял, стал жертвой несчастного случая и умер.

— Но это же невозможно! — возразила Кэрл. — Психическое раздвоение личности — это понятно, но чтобы физически...

— Ни на земле, ни в небесах нет ничего невозможного, — объявил Дух.

— Цитатка-то заезженная! — заметил Оп. — И к тому же ты ее переврал.

Он принялся энергично скрести короткими пальцами волосатую грудь.

— Не смотрите на меня с таким ужасом, — сказал он Кэрл. — Зуд, и больше ничего. Я дитя природы и потому чешусь. Но я отнюдь не наг. На мне надеты шорты.

— Его выучили ходить на двух ногах, — заметил Максвелл, — но только-только.

— Вернемся к раздвоению вашей личности, — сказала Кэрол. — Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, произошло?

— Я отправился на одну из планет системы Енотовой Шкуры, и в пути моя волновая схема каким-то образом сдублировалась, так что я прибыл одновременно в два разных места.

— Вы хотите сказать, что возникло два Питера Максвелла?

— Вот именно.

— На твоём месте, — сказал Оп, — я подал бы на них в суд. Этим транспортникам даже убийство с рук сойдет! Ты можешь вытрясти из них хорошее возмещение. Вызовешь свидетелями меня и Духа. Мы ведь были на твоих похоронах! И вообще, — добавил он, — нам с Духом тоже следует предъявить иск. За причинение морального ущерба. Наш лучший друг лежит в гробу бледный и неподвижный, а мы совсем убиты горем.

— Нет, правда, мы очень горевали, — сказал Дух.

— Я знаю, — ответил Максвелл.

— Послушайте, — сказала Кэрол. — По-моему, вы все трое относитесь к случившемуся как-то слишком уж легкомысленно. Один из трех друзей...

— Чего вы от нас хотите? — осведомился Оп, — Чтобы мы запели «Аллилуйя»? Или таращили глаза, дивясь неслыханному чуду? Мы потеряли приятеля, а теперь он вернулся...

— Но ведь их было двое, и один...

— Для нас он всегда был один, — сказал Оп. — И пожалуй, так лучше. Нетрудно представить, какие недоразумения возникли бы, если бы его было двое.

Кэрол повернулась к Максвеллу:

— А что скажете вы?

Он покачал головой:

— Я начну всерьез думать об этом только дня через два. А пока, наверное, я просто не могу. По правде говоря, при одной мысли об этом меня охватывает какое-то оцепенение.

Но сейчас я сижу здесь с хорошенькой девушкой, с двумя старыми друзьями и большим симпатичнейшим котиком и знаю, что нам предстоит разделаться с бутылкой виски, а потом хорошенько поужинать.

Он весело ей улыбнулся. Кэрол пожала плечами.

— Таких сумасшедших я еще не видела, — сказала она, — И знаете, мне это нравится.

— Мне тоже, — объявил Оп. — Что ни говорите, а эта ваша цивилизация куда приятнее давних эпох. В моей жизни не было дня счастливей того, когда экспедиция из Института времени утащила меня сюда как раз в тот момент, когда несколько моих любящих соплеменников решили подзакусить мною. Впрочем, у меня к ним нет никаких претензий. Зима выдалась долгая и суровая, снег был очень глубоким, и дичь совсем исчезла. К тому же кое-кто из племени имел на меня зуб — и не без оснований, не буду вас обманывать. Меня уже собирались тюкнуть по затылку и, так сказать, бросить в общий котел...

— Каннибализм! — с ужасом произнесла Кэрол.

— Естественно, — утешил ее Оп. — В те безыскусственные первобытные деньки в подобной ситуации не было ничего особенного. Но, разумеется, вам этого не понять. Ведь вы ни разу не испытали настоящего голода, верно? Такого, чтобы кишки сводило, чтобы совсем иссохнуть... — Он умолк и обвел глазами зал. — Наиболее утешительный аспект этой культуры, — продолжал он, — заключается в изобилии пищи. В старину у нас была чересполосица: ухлопаем мастодонта и едим, пока нас не начнет рвать, после чего опять едим и...

— На мой взгляд, — предостерегающе сказал Дух, — эта тема не слишком подходит для разговора за столом.

Оп поглядел на Кэрол.

— Во всяком случае, вы должны признать, — объявил он, — что я прямодушен. Когда я имею в виду рвоту, я так и говорю: «нас рвало», а не «мы срыгивали».

Подошел официант и почти швырнул на стол бутылку и ведерко со льдом.

— Горячее сейчас закажете? — спросил он.

— Мы еще не решили, будем ли мы питаться в этой по-дозрительной харчевне. Одно дело тут нализаться, и совсем другое...

— В таком случае, сэр... — Официант положил перед ними счет.

Оп порылся в карманах и вытащил деньги. Максвелл придвинул бутылку и ведерко поближе и начал раскладывать лед в рюмки.

— Но мы поужинаем тут? — спросила Кэрол. — Если Сильвестр не получит бифштекса, который вы ему обещали, я ничего не гарантирую. И ведь как терпеливо и благонаравно он ведет себя, несмотря на все эти аппетитные запахи!

— Ведь он уже скушал один бифштекс! — напомнил Максвелл. — Сколько еще он способен их сожрать?

— Неограниченное количество, — ответил Оп. — В старину такое чудовище в один присест уминало лося. Я вам когда-нибудь рассказывал...

— Думаю, что да, — поспешно сказал Дух.

— Но бифштекс был пережаренный! — запротестовала Кэрол. — А он любит их с кровью. И к тому же совсем крохотный!

— Оп, — попросил Максвелл, — верни официанта. У тебя отлично получается. Твой голос словно создан для этого.

Оп взмахнул могучей рукой и взревел. Потом подождал немного и снова взревел, но опять безрезультатно.

— Он меня игнорирует, — проворчал Оп. — А может быть, это вовсе и не наш официант. Я их, макак, не различаю. Они для меня все на одно лицо.

— Не нравится мне сегодняшняя публика, — сказал Дух. — Я поглядываю по сторонам. Что-то назревает.

— А чем они плохи? — спросил Максвелл.

— Слишком много слизняков из английской литературы. Обычно они сюда не заходят. Завсегдатаи здесь временщики и сверхъестественники.

— Ты думаешь, из-за Шекспира?

— Возможно, — согласился Дух.

Максвелл передал рюмку Кэрол, а другую подвинул через стол Опу.

— Как-то неудобно, что вы остаетесь ни при чем, — сказала Кэрол, обращаясь к Духу, — Ну понюхайте хотя бы!

— Пусть вас это не тревожит, — вмешался Оп. — Этот субъект напивается до розовых слонов одним лунным светом. Он может танцевать на радуге. У него перед вами масса преимуществ. Например, он бессмертен. Духа ведь ничем не убьешь.

— Ну, не знаю, — сказал Дух.

— Я не понимаю одного... — сказала Кэрол. — Вы не рассердитесь?

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Вы сказали, что не знаете, чей вы дух. Вы пошутили или это правда?

— Это правда, — ответил Дух. — И поверьте, весьма неприятная. Я чувствую себя крайне неловко. Но что поделаешь — забыл! Из Англии — это я, во всяком случае, знаю твердо. Но фамилию вспомнить никак не могу. У меня есть подозрение, что и остальные духи...

— У нас тут нет других духов, — сказал Максвелл. — Контакты с духами, беседы, интервью — это сколько угодно, но ни один дух, кроме тебя, не захотел жить среди нас. Почему ты это сделал, Дух? Пришел к нам, я имею в виду.

— Он прирожденный аферист, — заметил Оп, — Всегда высматривает, где чем можно поживиться.

— Ну, положим! — возразил Максвелл. — Что, собственно, мы можем дать духу?

— Вы даете мне, — сказал Дух, — ощущение реальности.

— Какова бы ни была причина, я очень рад, что ты пришел к нам, — сказал Максвелл.

— Вы трое — уже давние друзья, — задумчиво произнесла Кэрол.

— И вас это удивляет? — спросил Оп.

— Да, пожалуй... Я сама не очень понимаю, что, собственно, имела в виду.

В противоположном конце зала послышалась какая-то возня. Кэрол и Максвелл обернулись на шум, но не смогли разобрать, что там происходит.

Внезапно на один из столиков вспрыгнул человек и запел:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал,
Не давал проходу юбкам,
Громко песенки орал...

Раздались возмущенные вопли и свист. Кто-то бросил чем-то в певца, но промахнулся. Часть посетителей подхватила песню:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал...

Какой-то могучий бас оглушительно взревел:

— К черту Билла Шекспира!

И зал словно взорвался. На пол полетели стулья, люди вскакивали на столы, пронзительно вопили, сталкивали и стаскивали друг друга вниз. Замелькали кулаки. В воздух взвились различные предметы.

Максвелл вскочил и толкнул Кэрол себе за спину. Оп с оглушительным боевым кличем перепрыгнул через стол и опрокинул ногой ведро. Ледяные кубики разлетелись во все стороны.

— Я посбиваю их как кегли, — крикнул он Максвеллу, — а ты знай оттаскивай!

Максвелл заметил кулак, взметнувшийся у него над ухом, увернулся и нанес удар в пустоту, примерно в том направлении, откуда появился кулак. Над его плечом промелькнула ручища Опа, завершавшаяся могучим кулаком, который врезался в чью-то физиономию, и кто-то покатился по полу за их столиком.

В затылок Максвелла угодил какой-то тяжелый предмет, летевший со значительной скоростью, и он свалился. Вокруг топталось множество ног. Кто-то наступил ему на руку. Кто-то упал на него. Где-то высоко раздавались дикие зазывания Опа.

Максвелл извернулся, сбросил упавшее на него тело и, пошатываясь, поднялся с пола. В его локоть впились сильные пальцы.

— Давай-ка выбираться отсюда, — сказал Оп, — Это может скверно кончиться.

Кэрол откинулась назад, обеими руками едва удерживая за голову Сильвестра. Тигренок стоял на задних лапах, молотя передними по воздуху. Он утробно рычал, и его длинные клыки поблескивали в полутьме.

— Если мы сейчас же не вытащим его отсюда, — сказал Оп, — котик сам раздобудет себе бифштекс.

Он стремительно нагнулся, схватил тигренка поперек живота, поднял и прижал к груди.

— Позаботься о девушке! — скомандовал Оп, — Тут где-то есть другой выход. И не забудь бутылку! Она нам еще понадобится.

Максвелл взял бутылку за горлышко.

Духа нигде не было видно.

Глава 6

— Я трус, — признался Дух. — Я не скрываю, что стоит завязаться драке, и я превращаюсь в зайца.

— А ведь ты единственный парень в мире, которого никто и пальцем тронуть не может, — заметил Оп.

Они сидели вокруг квадратного шаткого стола, который Оп однажды в припадке хозяйственной энергии собственноручно сколотил из нетесаных досок. Кэрол отодвинула тарелку.

— Я умирала от голода, — сказала она, — но не в силах больше проглотить ни кусочка.

— И не только вы, — отозвался Оп. — Взгляните-ка на нашу кисоньку.

Сильвестр лежал, свернувшись возле очага. Обрубок хвоста был плотно прижат к заду, пушистые лапы прикрывали нос, усы ритмично подрагивали от спокойного дыхания.

— В первый раз вижу, чтобы саблезубый наелся до отвала, — сказал Оп.

Он взял бутылку и встряхнул ее. Она была пуста. Неандерталец встал, направился в угол, нагнулся, приподнял дверцу в полу и пошарил под ней. Он вытащил стеклянную банку и отставил ее в сторону. Потом достал еще одну и поставил ее рядом с первой. Наконец он с торжествующим видом извлек из темной дыры бутылку.

Убрав банки на прежнее место, Оп опустил дверцу, вернулся к столу, откупорил бутылку и начал разливать ее содержимое по стаканам.

— Вы, ребята, конечно, пьете без льда, — сказал он, — Чего зря разбавлять хороший напиток! А к тому же льда у меня все равно нет. — Он указал на дверцу в полу. — Мой тайник. Я всегда держу там бутылку-другую. На случай, если я, например, сломаю ногу, а медик запретит мне пить...

— Из-за какой-то там сломанной ноги? — усомнился Дух.

— Ну, не из-за ноги, так из-за чего-нибудь другого, — сказал Оп.

Они с удовольствием прихлебывали виски, Дух смотрел на огонь, а ветер снаружи шуршал по стенам хижины.

— В жизни я так вкусно не ужинала, — вздохнула Кэрол. — Я никогда еще не жарила себе сама бифштекс на палочке прямо над огнем.

Оп удовлетворенно рыгнул:

— Так мы жарили мясо в каменном веке. Или ели его сырым, как вон тот саблезубый. У нас ведь не было ни плит, ни духовок, ни прочих ваших выдумок.

— У меня такое ощущение, — сказал Максвелл, — что лучше не спрашивать, откуда взялась эта вырезка. Ведь все мясные лавки наверняка были закрыты.

— Были-то были, — согласился Оп. — Но есть тут один магазинчик, и на задней двери висел там вот этот простенький замок...

— Когда-нибудь, — сказал Дух, — ты наживешь крупную неприятность.

Оп покачал головой:

— Не думаю. Во всяком случае, не в этот раз. Жизненно важная потребность... Нет, пожалуй, не то. Когда человек голоден, он имеет право на любую пищу, которую отыщет. Такой закон был в первобытные времена. Уж конечно, суд и сейчас примет его во внимание. Кроме того, я завтра заеду туда и объясню, что произошло. Кстати, — повернулся он к Максвеллу, — у тебя есть деньги?

— Сколько хочешь, — ответил тот. — Мне были выписаны командировочные для поездки в Енотовую Шкуру, и я не израсходовал из них ни гроша.

— Значит, на планете, куда вы попали, с вами обращались как с гостем? — заметила Кэрол.

— Примерно. Я так до конца и не разобрался, в каких отношениях я находился с местными обитателями.

— Они были приятными людьми?

— Приятными-то приятными, но вот людьми ли — не знаю. — Он повернулся к Опу: — Сколько тебе нужно?

— Сотни должно хватить. Мясо, взломанная дверь и, конечно, оскорбленные чувства нашего друга — мясника.

Максвелл достал бумажник, вытащил несколько банкнотов и протянул их Опу.

— Спасибо, — сказал неандерталец. — За мной должок.

— Нет, — возразил Максвелл. — Сегодня угощаю я. Ведь я пригласил Кэрол поужинать, хотя из этого ничего не вышло.

Сильвестр у очага зевнул, потянулся и снова уснул — уже на спине, задрав все четыре лапы кверху.

— Вы здесь в гостях, мисс Хэмптон? — спросил Дух.

— Нет, — с удивлением ответила Кэрол. — Я здесь работаю. А почему вы подумали...

— Из-за вашего тигра. Вы сказали, что это биомех, и я, естественно, подумал, что вы сотрудница Биомеханического института.

— А! — сказала Кэрол. — Нью-йоркского или венского?

— Есть еще азиатский центр в Улан-Баторе, если мне не изменяет память.

— А вы там бывали?

— Нет. Только слышал.

— А ведь он мог бы побывать, если б захотел, — сказал Оп. — Он ведь способен переноситься куда угодно в мгновение ока. Вот почему сверхъестественники терпят его штучки. Они рассчитывают в конце концов докопаться до этих его свойств. Только старина Дух стреляный воробей и ничего им не говорит.

— На самом деле его молчание объясняется тем, что ему платят транспортники, — вмешался Максвелл. — Им нужно, чтобы он держал язык за зубами. Если он расскажет о способе своего передвижения, им придется закрыть лавочку. Люди смогут переноситься по желанию куда захотят, не обращая внимания на расстояние, будь то хоть миля, хоть целый миллион световых лет.

— А до чего он тактичен! — подхватил Оп. — Ведь кло-нил— то он к тому, что такой саблезубый стоит больших денег, если вы не специалист по биомеханике и сами смастерить его не могли.

— Понимаю! — сказала Кэрол. — Это верно. Они стоят безумных денег, которых у меня нет. Мой отец преподавал в нью-йоркском Биомеханическом институте, и Сильвестра

изготовили студенты его семинара, а потом подарили ему, когда он уходил на пенсию.

— А я все равно не верю, что эта киса биомеханического происхождения. Слишком уж у нее блестят глаза, когда она смотрит на меня, — заметил Оп.

— Дело в том, — объяснила Кэрол, — что в настоящее время они уже не столько «мех», сколько «био». Термин «биомеханический» родился в те дни, когда чрезвычайно сложный электронный мозг и нервная система помещались в особого рода протоплазму. Но теперь механическими в них остались только органы, которые в природе изнашиваются особенно быстро, — сердце, почки, легкие и прочее в том же роде. Собственно говоря, в настоящее время биомеханические институты просто создают те или иные живые организмы... Но вы это, конечно, знаете.

— Ходят разговоры, — сказал Максвелл, — что где-то под замком содержится группа сверхлюдей. Вы что-нибудь об этом слышали?

— Да. Но всегда ходят какие-нибудь странные слухи.

— А самый лучший поймал недавно я, — вмешался Оп, — Конфетка! Мне шепнули, что сверхъестественники установили контакт с Сатаной! Так как же, Пит?

— Ну, возможно, кто-то и предпринял такую попытку, — сказал Максвелл, — Ведь это просто напрашивалось.

— Неужели вы считаете, что Сатана и в самом деле существует? — удивилась Кэрол.

— Двести лет назад, — ответил Максвелл, — люди точно таким же тоном спрашивали, неужели существуют гоблины, тролли и феи.

— И духи, — вставил Дух.

— Кажется, вы говорите серьезно! — воскликнула Кэрол.

— Нет конечно, — ответил Максвелл. — Но я не склонен априорно отрицать даже существование Сатаны.

— Это удивительный век! — заявил Оп. — Что, несомненно, вы слышали от меня и раньше. Вы покончили с суевериями и бабушкиными сказками. Вы отыскиваете в них

зерно истины. Однако мои соплеменники знали про троллей, гоблинов и прочих. Легенды о них, как известно, всегда основывались на фактах. Только позже, когда человек вышел из пеленок дикарской простоты, если вам угодно называть это так, он отмел факты, не позволяя себе поверить в то, что, как он знал, было правдой. Поэтому он принялся приукрашивать факты и упрятал их в сказки, легенды и мифы. А когда люди размножились, все эти существа начали старательно от них прятаться. И хорошо сделали: в свое время они вовсе не были такими милыми, какими вы считаете их теперь.

— А Сатана? — спросил Дух.

— Не знаю, — ответил Оп, — Возможно, но точно сказать не могу. Тогда уже были все те, кого вы теперь разыскивали, выманили на свет и поселили в заповедниках. Но их разновидностей было куда больше. Некоторые были жуткими, и все — вредными.

— По-видимому, вы не питали к ним большой симпатии, — заметила Кэрол.

— Да, мисс. Не питал.

— На мой взгляд, — сказал Дух, — этим вопросом стоило бы заняться Институту времени. По-видимому, существовало много разных типов этих... можно назвать их приматами?

— Да, пожалуй, можно, — согласился Максвелл.

— ...Приматов совсем иного склада, чем обезьяны и человек.

— Еще бы не другого! — с чувством произнес Оп. — Гнусные вонючки, и больше ничего.

— Я уверена, что когда-нибудь Институт времени возьмется за разрешение и этого вопроса, — сказала Кэрол.

— Еще бы! — ответил Оп. — Я им только об этом и твержу и прилагаю надлежащие описания.

— У Института времени слишком много задач, — напомнил им Максвелл, — В самых различных и одинаково интересных областях. Им же надо охватить все прошлое!

— При полном отсутствии денег, — добавила Кэрол.

— Мы слышим голос лояльного сотрудника Института времени, — объявил Максвелл.

— Но это же правда! — воскликнула девушка. — Исследования, которые проводит наш институт, могли бы принести столько пользы другим наукам! На писаную историю полагаться нельзя. Во многих случаях оказывается, что все было совсем не так. Пристрастия, предубеждения или просто тупые суждения, навеки мумифицированные на страницах книг и документов! Но разве другие институты выделяют на такие исследования необходимые средства? Я могу вам ответить: нет и нет! Ну, есть, конечно, исключения. Юридический факультет всегда идет нам навстречу, но таких мало. Остальные боятся. Они не хотят рисковать благополучием своих уютных мирков. Возьмите, например, эту историю с Шекспиром. Казалось бы, факультет английской литературы должен был обрадоваться, узнав, кто был настоящим автором этих пьес. В конце концов, вопрос о том, кто их автор, дебатировался несколько столетий. Но когда Институт времени дал на него точный ответ, они только вышли из себя.

— А теперь, — сказал Максвелл, — институт тащит сюда Шекспира читать лекцию о том, писал он их или нет. Не кажется ли вам, что это не слишком тактично?

— Ах, дело совсем в другом! — вспыхнула Кэрол. — В том, что Институт времени вынужден превращать историю в аттракцион, чтобы пополнить свою кассу. И так всегда. Всевозможные планы, цель которых одна — раздобыть деньги. И так уж у нас репутация балаганных клоунов. Неужели вы думаете, что декану Шарпу нравится...

— Я хорошо знаю Харлоу Шарпа, — сказал Максвелл. — Поверьте, он извлекает из этого массу удовольствия.

— Какое кощунство! — воскликнул Оп с притворным ужасом. — Или ты не знаешь, что за разглашение священных тайн тебя могут распять?

— Вы смеетесь надо мной! — сказала Кэрол. — Вы смеетесь над всеми и над всем. И вы тоже, Питер Максвелл.

— Я приношу извинения от их имени, — вмешался Дух, — поскольку у них не хватает ума извиниться самим. Только прожив с ними бок о бок десять — пятнадцать лет, начинаешь понимать, что они, в сущности, совсем безвредны.

— И все равно наступит день, когда Институт времени получит все необходимые средства, — сказала Кэрол. — Тогда он сможет привести в исполнение задуманные проекты, а остальные факультеты могут убираться ко всем чертям. Когда состоится продажа-

Внезапно она умолкла и словно окаменела. Казалось, только колоссальным усилием воли она удержалась от того, чтобы зажать себе ладонью рот.

— Какая продажа? — спросил Максвелл.

— По-моему, я знаю, — сказал Оп. — До меня дошел слух, собственно говоря слушок, и я не обратил на него внимания. Хотя, если на то пошло, как раз такие мерзкие, тихие слушки и оказываются на поверку правдой. Когда слух грозен, повсеместен и...

— Оп, нельзя ли без речей? — перебил Дух. — Просто скажи нам, что ты слышал.

— О, это невероятно! — объявил Оп. — Вы не поверите. Как бы ни старались.

— Да перестаньте же! — вскричала Кэрол.

Все трое вопросительно посмотрели на нее.

— Я сказала лишнее. Слишком увлеклась и... Пожалуй-ста, забудьте об этом. Я даже не знаю, действительно ли предполагается что-то подобное.

— Разумеется! — сказал Максвелл. — Ведь вы провели вечер в дурном обществе, вынуждены были терпеть грубости и...

— Нет, — сказала Кэрол, покачав головой, — Моя болтовня бессмысленна. Да я и не имела права болтать об этом. Мне остается только рассказать вам все и положиться на вашу порядочность. И я совершенно уверена, что это не

пустые слухи. Институту времени предлагают продать Артефакт.

В хижине воцарилась напряженная тишина — Максвелл и его друзья замерли, почти не дыша. Кэрол удивленно переводила взгляд с одного на другого, не понимая, что с ними.

Наконец Дух сделал легкое движение, и в безмолвии им всем показалось, что его белый саван зашуршал так, словно был материален.

— Ведь вам неизвестно, — сказал он, — как нам всем троим дорог Артефакт.

— Вы нас как громом поразили, — объявил Оп.

— Артефакт! — вполголоса произнес Максвелл. — Артефакт. Величайшая загадка, единственный предмет в мире, ставящий всех в тупик...

— Таинственный камень! — сказал Оп.

— Не камень, — поправил его Дух.

— Значит, вы могли бы объяснить мне, что это такое? — спросила Кэрол.

Но все дело как раз в том, что Дух не может ответить на ее вопрос, и никто другой тоже, подумал Максвелл. Около десяти лет назад экспедиция Института времени, отправившаяся в юрский период, обнаружила Артефакт на вершине холма, и он был доставлен в настоящее ценой невероятных усилий и затрат. Его масса потребовала для переброски во времени такой энергии, какой еще ни разу не приходилось применять, — для осуществления этой операции пришлось отправить в прошлое портативный ядерный генератор, который пересылался по частям и был смонтирован на месте. Затем перед экспедицией встала задача возвращения генератора в настоящее, поскольку простая порядочность не позволяла оставлять в прошлом подобные предметы — даже в столь отдаленном, как юрский период.

— Я не могу вам этого объяснить, — сказал Дух. — И никто не может.

Дух говорил чистую правду. Пока еще никому не удалось установить хотя бы приблизительно, что такое Артефакт. Этот массивный брус из какого-то материала, который не был ни металлом, ни камнем, хотя вначале его определили как камень, а затем как металл, ставил в тупик всех исследователей. Он был длиной шесть футов и четыре высотой и представлял собой сгусток сплошной черноты, не поглощавшей энергии и не испускавшей ее. Свет и другие излучения отражались от его поверхности, на которой никакие режущие инструменты не могли оставить ни малейшего следа — даже лазерный луч оказывался бессильным. Неуязвимый и непроницаемый Артефакт упрямо хранил свою тайну. Он лежал на пьедестале в первом зале Музея времени — единственный предмет в мире, для которого не было найдено хотя бы гипотетически правдоподобного объяснения.

— Но если так, — сказала Кэрол, — то почему вы расстроились?

— А потому, — ответил Оп, — что Питу кажется, будто эта штука в далекую старину была предметом поклонения обитателей холмов. Если эти паршивцы вообще способны чему-то поклоняться.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрол. — Нет, правда.

Я ведь не знала. Наверное, если сообщить в институт...

— Это же только предположение, — возразил Максвелл, — У меня нет фактов, на которые можно было бы сослаться. Просто кое-какие ощущения, оставшиеся после разговоров с обитателями холмов. Но даже и маленький народец ничего не знает. Это ведь было так давно.

Так давно! Почти двести миллионов лет назад.

Глава 7

— Ваш Оп меня просто ошеломил, — заметила Кэрол. — И этот домик, который он соорудил на краю света!

— Он оскорбился бы, если бы услышал, что вы назвали его жилище домиком, — сказал Максвелл. — Это хижина, и

он ею гордится! Переход из пещеры прямо в дом был бы для него слишком тяжел. Он чувствовал бы— себя очень неудобно.

— Из пещеры? Он и в самом деле жил в пещере?

— Я должен вам сообщить кое-что про моего старого друга Опа, — сказал Максвелл. — Он записной врун. И его рассказам далеко не всегда можно верить. Эта история про каннибализм, например...

— У меня сразу стало легче на душе. Чтобы люди ели друг друга... Брр!

— О, каннибализм в свое время существовал. Это известно точно. Но вот должен ли был Оп попасть в котел — дело совсем другого рода. Вообще-то, если речь идет об общих сведениях, на его слова можно полагаться. Сомнительны только описания его собственных приключений.

— Странно! — сказала Кэрл, — Я не раз видела его в институте, и он показался мне интересным, но я никак не думала, что познакомлюсь с ним. Да если говорить честно, у меня и не было такого желания. Есть люди, от которых я предпочитаю держаться подальше, и он казался мне именно таким. Я воображала, что он груб и неотесан...

— Он такой и есть! — вставил Максвелл.

— Но и удивительно обаятельный, — возразила Кэрл.

В темной глубине неба холодно мерцали ясные осенние звезды. Шоссе, совсем пустое, вилось вдоль самого гребня холма. Далеко внизу широким веером сияли огни университетского городка. Ветер, срывавшийся с гребня, приносил слабый запах палых листьев.

— И огонь в очаге — такая прелесть! — вздохнула Кэрл. — Питер, почему мы обходимся без огня? Ведь построить очаг, наверное, совсем несложно.

— Несколько сот лет назад, — сказал Максвелл, — в каждом доме, или почти в каждом, был по меньшей мере один очаг. А иногда и несколько. Разумеется, эта тяга к открытому огню была атавизмом. Воспоминанием о той эпохе,

когда огонь был источником тепла и защитником. Но в конце концов мы переросли это чувство.

— Не думаю. Мы просто ушли в сторону. Повернулись спиной к какой-то части нашего прошлого. А потребность в огне все еще живет в нас. Возможно, чисто психологическая. Я убедилась в этом сегодня. Огонь был таким завораживающим и уютным! Возможно, это первобытная черта, но должно же в нас сохраниться что-то первобытное.

— Он не может жить без огня, — сказал Максвелл, — Именно отсутствие огня ошеломило его больше всего, когда экспедиция доставила его сюда. Первое время с ним, конечно, обходились как с пленником — держали не то чтобы взаперти, но под строгим присмотром. Но когда он стал, так сказать, сам себе хозяином, он подыскал подходящее место за пределами городка и выстроил там хижину. Прimitивную, как ему и хотелось. И конечно, с очагом. И с огородом. Вам непременно следует посмотреть его огород. Идея, что пищу можно выращивать, была для него абсолютно новой. В его времена никто и представить себе не мог ничего подобного. Гвозди, пилы, молотки и доски тоже были ему в новинку, как и все остальное. Но он проявил поразительную психологическую гибкость и с легкостью освоил как новые инструменты, так и новые идеи. Его ничто не могло ошеломирить. Свою хижину он строил, пользуясь пилой, молотком, гвоздями, досками и всем прочим. И все-таки, мне кажется, больше всего его потряс огород — возможность выращивать пищу, вместо того чтобы охотиться за ней. Вероятно, вы заметили, что он и сейчас еще внутренне не может до конца привыкнуть к изобилию и доступности еды.

— И напитков! — добавила Кэрл.

Максвелл засмеялся:

— Есть одно новшество, с которым он мгновенно освоился. Это почти его конек. Он даже поставил у себя в сарае аппарат и гонит гнуснейший самогон. Удивительно ядовитое пойло.

— Но гостям он его не дает, — сказала Кэрол. — Мы же пили виски.

— Самогон он бережет для самых близких друзей. Банки, которые он достал из подполья...

— Я еще подумала, зачем он там их прячет. Они показались мне совсем пустыми.

— Обе до краев полны прозрачным самогоном.

— Вы сказали, что прежде он находился на положении пленника. А теперь? Какое отношение он имеет к Институту времени?

— Он считается подопечным вашего Института. Впрочем, это его ни к чему не обязывает. Но он ни за что не расстанется с Институтom. Он ему предан даже больше, чем вы.

— А Дух? Он живет в общежитии факультета сверхъестественных явлений? На положении подопечного?

— Ну нет! Дух — бродячая кошка. Он странствует повсюду, где захочет. У него есть друзья во всех уголках планеты. Насколько мне известно, он ведет большую работу в гималайском Институте сравнительной истории религий. Однако он довольно часто выбирается сюда. Они с Опом сразу же стали закадычными друзьями, едва только факультет сверхъестественных явлений установил контакт с Духом.

— Пит, вы называете его Духом. Но что он такое на самом деле?

— Дух, а что же еще?

— Но что такое дух?

— Не знаю. И никто не знает, насколько мне известно.

— Но вы же сверхъестественник!

— Да, конечно. Но я всегда работал с маленьким народцем, специализируясь по гоблинам, хотя меня интересуют и все остальные. Даже баньши, хотя трудно вообразить более коварных и скрытных существ.

— Но, значит, имеются и специалисты по духам? Что они говорят?

— Вероятно, довольно многое. Написаны тонны книг о привидениях, призраках и прочем, но у меня никогда не хватало на них времени. Я знаю, что в давние века считалось, будто всякий человек после смерти становится духом, но теперь, насколько мне известно, эта теория отвергнута. Духи возникают благодаря каким-то особым обстоятельствам, но каким именно, я не имею ни малейшего представления.

— Знаете, — сказала Кэрол, — его лицо хотя и потустороннее, в то же время на редкость притягательно. Мне было ужасно трудно удержаться и не разглядывать его все время. Просто клочок сумрака в складках савана, хотя, конечно, это вовсе не саван. И порой — намек на глаза. Крохотные огоньки, которые кажутся глазами. Или это только мое воображение?

— Нет, мне тоже иногда мерещится что-то такое.

— Пожалуйста, — попросила Кэрол, — возьмите этого дурака за шиворот и оттащите немного назад. Он, того и гляди, свалится на скоростную полосу. Ну просто ничего не соображает! И засыпает где угодно и когда угодно. Ни о чем другом, кроме еды и сна, он вообще думать не способен.

Максвелл нагнулся и сдвинул Сильвестра на прежнее место. Сильвестр сонно заворчал.

Откинувшись на спинку сиденья, Максвелл посмотрел вверх.

— Поглядите на звезды, — сказал он. — Нигде нет такого неба, как на Земле. Я рад, что вернулся.

— Но что вы намерены делать дальше?

— Провожу вас домой, заберу чемодан и вернусь к Опу. Он откроет одну из своих банок, и мы будем попивать его зелье и разговаривать до зари. Потом я улягусь в постель, которую он завел для гостей, а он свернется на куче листьев...

— Я видела эти листья в углу, и мне было ужасно любопытно узнать, зачем они там. Но я не спросила.

— Он спит на них. На кровати ему неудобно. Ведь, в конце-то концов, в течение многих лет куча листьев была для него верхом роскоши.

— Ну вот, вы снова надо мной смеетесь.

— Вовсе нет, — сказал Максвелл, — я говорю чистую правду.

— Но я же спрашивала вас вовсе не о том, что вы будете делать сегодня вечером, а вообще. Вы ведь мертвы. Или вы забыли?

— Я буду объяснять, — сказал Максвелл. — Без конца объяснять. Где бы я ни оказался, найдутся люди, которые захотят узнать, что произошло. А может быть, даже будет проведено официальное расследование. Я искренне надеюсь, что обойдется без этого, но правила есть правила.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрол, — и все-таки я рада. Как удачно, что вас было двое.

— Если транспортники сумеют разобраться в этой механике, — заметил Максвелл, — они откроют для себя золотую жилу. Все мы будем хранить где-нибудь свою копию на черный день.,

— Это ничего не даст, — возразила Кэрол. — То есть для каждого данного индивида. Тот, другой, Питер Максвелл был самостоятельной личностью и... нет, я запуталась. Час слишком поздний, чтобы разбираться в подобных сложностях, но я убеждена, что ваша идея неосуществима.

— Да, — согласился Максвелл, — пожалуй, так. Это была глупая мысль.

— А вечер был приятный, — сказала Кэрол. — Спасибо. Я получила большое удовольствие.

— А Сильвестр получил большой бифштекс.

— Да, конечно. Он вас не забудет. Он любит тех, кто угощает его бифштексами. Удивительный обжора!

— Я хотел спросить вас вот о чем, — сказал Максвелл. — Вы нам не сказали, кто предложил купить Артефакт.

— Не знаю. Мне известно только, что такое предложение было сделано. И насколько я поняла, условия достаточно

выгодные, чтобы серьезно заинтересовать Институт времени. Я случайно услышала отрывок разговора, не предназначавшегося для моих ушей. А от этого что-нибудь зависит?

— Возможно, — сказал Максвелл.

— Я теперь вспоминаю, что одно имя упоминалось, но не покупателя, как мне кажется. Просто кого-то, кто имеет к этому отношение. Я только сейчас вспомнила — кто-то по фамилии Черчилл. Это вам что-нибудь говорит?

Глава 8

Когда Максвелл вернулся, таща свой чемодан, Оп сидел перед очагом и подрезал ногти на ногах большим складным ножом.

Неандерталец указал лезвием на кровать:

— Брось-ка его туда, а сам садись рядом со мной.

Я только что подложил в огонь парочку поленьев, и того, что в банке, хватит на двоих. К тому же у меня припрятаны еще две.

— А где Дух? — осведомился Максвелл.

— Исчез. Я не знаю, куда он отправился. Он мне никогда этого не говорит. Но он скоро вернется. Он никогда надолго не пропадает.

Максвелл положил чемодан на кровать, вернулся к очагу и сел, прислонившись к шершавым камням.

— Сегодня ты валял дурака даже лучше, чем это у тебя обычно получается, — сказал он. — Ради чего?

— Ради ее больших глаз, — ответил Оп, ухмыляясь, — Девушку с такими глазами нельзя не шокировать. Извини, Пит, я никак не мог удержаться.

— Все эти разговоры о каннибализме и рвоте, — продолжал Максвелл. — Не слишком ли ты перегнул палку?

— Ну, я, пожалуй, и вправду немного увлекся, — признал Оп, — Но ведь публика как раз этого и ждет от дикого неандертальца!

— А она далеко не глупа, — заметил Максвелл. — Она проболталась об этой истории с Артефактом на редкость ловко.

— Ловко?

— Разумеется. Неужто ты думаешь, что она и в самом деле проговорила нечаянно?

— Я об этом вообще не думал, — сказал Оп. — Может быть, и нарочно. Но в таком случае зачем ей это, как ты думаешь?

— Скажем, она не хочет, чтобы его продавали. И она решила, что если упомянуть об этом в присутствии болтуна вроде тебя, наутро новость станет известна всему городку. Она рассчитывает, что такие разговоры могут сорвать продажу.

— Ты же знаешь, Пит, что я вовсе не болтун.

— Я-то знаю. Но вспомни, как ты себя сегодня вел.

Оп сложил нож, сунул его в карман и, взяв банку, протянул ее Максвеллу. Максвелл сделал большой глоток. Огненная жидкость полоснула по горлу, как бритва, и он закашлялся.

«Ну хоть бы раз выпить эту дрянь, не поперхнувшись!» — подумал он.

Кое-как проглотив самогон, он еще несколько секунд никак не мог отдышаться.

— Забористая штука, — сказал Оп. — Давненько у меня не получалось такой удачной партии. Ты видел — чистый, как слеза!

Максвелл, не в силах произнести ни слова, только кивнул.

Оп, в свою очередь, взял банку, поднес ее к губам, запрокинул голову — и уровень самогона в банке сразу понизился на дюйм с лишним. Потом он нежно прижал ее к волосатой груди и выдохнул воздух с такой силой, что огонь в очаге заплясал. Свободной рукой он погладил банку.

— Первокласное пойло, — сказал он, утер рот рукой и некоторое время молча смотрел на пламя.

— Вот тебя она, несомненно, не могла принять за болтуна, — сказал он наконец. — Я заметил, что сегодня вечером ты сам выделял лихие пируэты вокруг да около правды.

— Возможно, потому что я сам не знаю, какова эта правда, — задумчиво произнес Максвелл, — и как мне с ней поступить. У тебя есть настроение слушать?

— Сколько угодно, — сказал Оп. — То есть если тебе этого хочется. А так можешь мне ничего не говорить.

Я имею в виду — по долгу дружбы. Если ты мне ничего не скажешь, мы все равно останемся друзьями. Ты же знаешь. Мы вообще можем об этом не говорить. У нас найдется немало других тем.

Максвелл покачал головой:

— Нет, Оп. Мне необходимо с кем-то обсудить все это. Но довериться я могу только тебе. В одиночку мне не справиться.

— Ну-ка, отхлебни еще, — сказал Оп, протягивая ему банку, — а потом начинай, если хочешь. Я одного не могу понять: как транспортники допустили такую промашку. И я не верю, будто они ее допустили. Я бы сказал, что тут кроется что-то совсем другое.

— И ты не ошибся бы, — ответил Максвелл. — Где-то есть планета, и, по-моему, не так уж далеко. Странствующая планета, не связанная ни с каким солнцем. Хотя, насколько я понял, она в любой момент может присоединиться к той системе, какая ей приглянется.

— Это довольно-таки сложно! Орбиты законных местных планет спутаются в клубок.

— Не обязательно, — возразил Максвелл. — Она ведь может выбрать орбиту в другой плоскости. И тогда ее присутствие практически на них не отразится.

Он взял банку, зажмурил глаза и сделал могучий глоток. Отняв банку ото рта, он снова прислонился к грубым камням. В трубе мяукал ветер, какие-то тоскливые звуки раздавались снаружи, за дощатыми стенами. Головешка в очаге

рассыпалась каскадом раскаленных угольков. Пламя заплясало, и по всей комнате побежали неверные тени.

Оп забрал банку из рук Максвелла, но пить не стал, а зажал ее между коленями.

— Иными словами, эта планета перехватила и сдублировала твою волновую схему, так что вас стало двое, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Дедуктивный метод. Наиболее логичное объяснение того, что произошло. Мне известно, что вас было двое. С тем, другим, который вернулся раньше тебя, я разговаривал. И он был — ты. Он сказал, что на планетах Енотовой Шкуры никаких следов дракона не оказалось, что все это были пустые слухи, а потому он вернулся раньше, чем предполагал.

— Так вот в чем дело! — заметил Максвелл, — Я никак не мог понять, почему он вернулся до срока.

— Передо мной стоит дилемма, — сказал Оп, — должен ли я предаваться радости или горю? Наверное, и радости, и горю понемножку, оставив место для смиренного удивления перед неисповедимыми путями человеческих судеб. Тот, другой, был ты. И вот он умер — и я потерял друга, ибо он был человеком и личностью, а человеческая личность кончается со смертью. Но вот тут сидишь ты. И если прежде я потерял друга, то теперь я вновь его обрел, потому что ты такой же настоящий Питер Максвелл, как и тот.

— Мне сказали, что это был несчастный случай.

— Ну, не знаю, — заметил Оп. — Я над этим довольно много размышлял. И я вовсе не уверен, что это действительно был несчастный случай, — особенно после того, как ты вернулся. Он сходил с шоссе, споткнулся, упал и ударился затылком...

— Но ведь никто не спотыкается, сходя с шоссе. Разве что калеки или люди мертвецки пьяные. Наружная полоса еле ползет.

— Конечно, — сказал Оп. — И так же рассуждала полиция. Но других объяснений не нашлось, а полиции, как тебе

известно, требуется какое-нибудь объяснение, чтобы закрыть дело. Случилось это в пустынном месте. Примерно на полпути отсюда до заповедника гоблинов. Свидетелей не было. Очевидно, все произошло, когда шоссе было пустынно. Возможно, ночью. Его нашли около десяти часов утра. С шести часов на шоссе было уже много людей, но, вероятно, — все они сидели на внутренних скоростных полосах и не видели обочины. Труп мог пролежать очень долго, прежде чем его заметили.

— По-твоему, это не был несчастный случай? Так что же — убийство?

— Не знаю. Мне приходила в голову эта мысль. Одна странность так и осталась необъясненной. В том месте, где обнаружили тело, стоял какой-то необычный запах. Никому не знакомый. Может быть, кто-то знал, что вас двое. И по какой-то причине это его не устраивало.

— Но кто же мог знать, что нас двое?

— Обитатели той планеты. Если на ней были обитатели...

— Были, — сказал Максвелл, — Это поразительное место...

И пока он говорил, оно вновь возникло перед ним как наяву. Хрустальная планета — во всяком случае, такой она показалась ему при первом знакомстве. Огромная, простирающаяся во все стороны хрустальная равнина, а над ней хрустальное небо, к которому с равнины поднимались хрустальные колонны, чьи вершины терялись в млечной голубизне неба, — колонны, возносящиеся ввысь, чтобы удерживать небеса на месте. И совершенно безлюдное место, рождавшее сравнение с пустым бальным залом гигантских размеров, с убраным и натертым полом, ожидающим музыки и танцоров, которые не пришли и уже никогда не придут, и пустой зал во веки веков сияет сказочным блеском, никого не радуя своим изяществом.

Бальный зал, но бальный зал без стен, простирающийся вдаль, — не к горизонту — горизонта там, казалось, не было вовсе, — а туда, где небо, это странное матово-стеклянное небо, смыкалось с хрустальным полом.

Он стоял, ошеломленный этой невероятной колоссальностью — не безграничного неба (ибо небо отнюдь не было безграничным) и не огромных просторов (ибо просторы не были огромными), но колоссальностью именно замкнутого помещения, словно он вошел в дом великана, и заблудился, и ищет дверь, не представляя себе, где она может находиться.

Место, не имевшее никаких отличительных черт, потому что каждая колонна была точной копией соседней, а в небе (если это было небо) не виднелось ни облачка, и каждый фут, каждая миля были подобны любому другому футу, любой другой миле этих абсолютно ровных хрустальных плит, которые тянулись во всех направлениях.

Ему хотелось закричать, спросить, есть ли здесь кто-нибудь, но он боялся закричать — возможно, из страха (хотя тогда он этого не осознавал, а понял только потом), что от звука его голоса холодное сверкающее великолепие вокруг может рассыпаться облаком мерцающего инея, ибо там царил тишина, не нарушаемая ни единым шорохом. Это было безмолвное, холодное и пустынное место, все его великолепие и вся его белизна терялись в этой пустынности.

Медленно, осторожно, опасаясь, что движение его ног может обратить весь этот мир в пыль, он повернулся и углом глаза уловил... нет, не движение, а лишь намек на движение, словно там что-то было, но унеслось с быстротой, не воспринимаемой глазом. Он остановился, чувствуя, что по коже забегали мурашки, замороженный ощущением чужеродности, более страшной, чем реальная опасность, пугаясь этой чужеродности, столь непохожей, столь далекой от всего нормального, что при взгляде на нее, казалось, можно было сойти с ума прежде, чем успеешь закрыть глаза.

Ничего не случилось, и он снова пошевелился, осторожно поворачиваясь дюйм за дюймом, и вдруг увидел, что за спиной у него все это время было какое-то сооружение... Машина? Прибор? Аппарат?

И внезапно он понял. Перед ним находилось неведомое приспособление, которое притянуло его сюда, — эквивалент передатчика и приемника материи в этом невозможном хрустальном мире.

Одно он знал твердо — эта планета не принадлежала к системе Енотовой Шкуры. Об этом месте он никогда даже не слышал. Нигде во всей известной Вселенной не было ничего, даже отдаленно похожего на то, что он видел сейчас. Что-то произошло, и его швырнуло не на ту планету, на которую он отправился, а в какой-то забытый уголок Вселенной, куда человек, быть может, проникнет не ранее чем через миллион лет, — так далеко от Земли, что мозг отказывался принять подобное расстояние.

Он снова уловил какое-то неясное мерцание, как будто на хрустальном фоне мелькали живые тени. И внезапно это мерцание превратилось в непрерывно меняющиеся фигуры, и он увидел, что их здесь много, этих движущихся фигур, непонятных, отдельно существующих и, казалось, таивших в своем мерцании какую-то индивидуальность. Словно призраки неведомых существ, подумал он с ужасом.

— И я отнесся к ним как к реальности, — сказал он Опу, — Я принял их на веру. Другого выхода у меня не было. Иначе я остался бы один на этой хрустальной равнине. Человек прошлого века, возможно, не смог бы воспринять их как реальность. Он постарался бы вычеркнуть их из своего сознания как плод расстроенного воображения. Но я слишком много часов провел в обществе Духа, чтобы пугаться привидений. Я слишком долго работал со сверхъестественными явлениями, чтобы меня могла смущать мысль о существах и силах, неизвестных человеку. И странно, но утешительно одно — они почувствовали, что я их воспринимаю.

— Так, значит, это была планета с привидениями? — спросил Оп.

Максвелл кивнул:

— Можно посмотреть на это и так, но скажи мне, что такое привидение?

— Призрак, — сказал Оп, — дух.

— Но что ты подразумеваешь под этими словами? Дай мне определение.

— Я пошутил, — виновато сказал Оп, — и пошутил глупо. Мы не знаем, что такое привидение. Даже Дух не знает точно, что он такое. Он просто знает, что он существует. А уж кому это знать, как не ему? Он много над этим размышлял. По— всякому анализировал. Общался с другими духами. Но объяснения так и не отыскал. Поэтому приходится вернуться к сверхъестественному...

— То есть к необъясненному, — сказал Максвелл.

— Какие-то мутанты? — предположил Оп.

— Так считал Коллинз, — сказал Максвелл. — Но у него не нашлось ни сторонников, ни последователей.

Я тоже не соглашался с ним — но до того, как побывал на хрустальной планете. Теперь я уже ни в чем не уверен. Что происходит, когда раса разумных существ достигает конца своего развития, когда она как раса минует пору детства и зрелости и вступает в пору глубокой старости? Раса, подобно человеку умирающая от дряхлости. Что она тогда предпринимает? Разумеется, она может просто умереть. Это было бы наиболее логично. Но предположим, что-то мешает ей умереть. Предположим, ей надо во что бы то ни стало остаться в живых и она не может позволить себе умереть.

— Если призрачное состояние — это действительно мутация, — сказал Оп, — и если они знали, что это мутация, и если они достигли таких высот знаний, что могли контролировать мутации... — Он умолк и посмотрел на Максвелла. — По-твоему, произошло что-то в этом роде?

— Пожалуй, — сказал Максвелл. — Я все больше и больше склоняюсь к этой мысли.

— Выпей, — сказал Оп, протягивая банку. — Тебе это будет полезно. А потом дай и мне отхлебнуть.

Максвелл взял банку, но пить не стал. Оп протянул руку к дровам, могучими пальцами ухватил полено и бросил его

в огонь. Столб искр унесся в трубу. Снаружи за стенами сто-
нал ветер.

Максвелл поднес банку к губам. Самогон хлынул в
глотку, как поток лавы. Он закашлялся. «Ну хоть бы раз вы-
пить эту дрянь, не поперхнувшись!» И протянул банку Опу.
Оп поднял ее, но пить не стал и посмотрел на Максвелла:

— Ты сказал — что-то, ради чего необходимо жить. Что-
то не позволяет им умереть, заставляет их существовать в
любой форме, в какой это для них возможно.

— Вот именно, — сказал Максвелл. — Сведения. Знания.
Планета, нафаршированная знаниями, настоящий склад
знаний. И думаю, не более десятой доли дублирует то, что
известно нам. А все остальное — новое для нас, неведомое.
Такое, что нам и не снилось. Знания, каких нам еще мил-
лион лет не приобрести, если мы вообще до них доберемся.
Вся эта информация, насколько я понимаю, зафиксирована
на атомарном уровне таким образом, что каждый атом ста-
новится носителем частички информации. Хранится она в
железных листах вроде книжных страниц, сложенных ги-
гантскими стопками и кипами, причем каждый слой атомов
— да, они расположены слоями — содержит какой-то опре-
деленный раздел. Прочитываешь первый слой и принима-
ешься за второй. И опять это похоже на страницы книги:
каждый слой атомов — страница, положенная на другие та-
кие же страницы. Каждый металлический лист... Нет, не
спрашивай, я даже примерно не могу сказать, сколько слоев
атомов содержит каждый лист. Вероятно, сотни тысяч.

Оп поспешно поднял банку, сделал огромный глоток,
расплескав самогон по волосатой груди, и шумно вздохнул.

— Они не могут бросить эти знания на произвол судьбы,
— сказал Максвелл. — Они должны передать их кому-то, кто
сможет ими воспользоваться. Они должны жить, пока не пе-
редадут их. Вот тут-то им и понадобился я! Они поручили
мне продать их запас знаний.

— Продать?! Кучка призраков, дышащих на ладан? Что
им может понадобиться? Какую цену они просят?

Максвелл поднял руку и вытер внезапно вспотевший лоб.

— Не знаю, — сказал он.

— Не знаешь? Но как же ты можешь продавать товар, не зная, чего он стоит, не зная, какую, цену просить?

— Они сказали, что еще свяжутся со мной. Они сказали, чтобы я узнал, кого это может заинтересовать. И тогда они сообщат мне цену.

— Хорошенький способ заключать сделки! — возмутился Оп.

— Да, конечно, — согласился Максвелл.

— И у тебя нет даже примерного представления о цене?

— Ни малейшего. Я попытался объяснить им положение, а они не могли понять. Или, может быть, не хотели. И сколько я с тех пор ни ломал над этим голову, я так и не пришел ни к какому выводу. Все, конечно, сводится к вопросу, в чем, собственно, может нуждаться подобная братия. И хоть убей, я не могу догадаться.

— Во всяком случае, — заметил Оп, — они знали, где искать покупателей. И что же ты собираешься предпринять?

— Я попробую поговорить с Арнольдом.

— Ты умеешь выбирать крепкие орешки! — сказал Оп,

— Видишь ли, я могу говорить только с самим Арнольдом. Такой вопрос нельзя пускать по инстанциям. Все необходимо сохранить в строжайшей тайне. Ведь на первый взгляд подобное предложение кажется смехотворным. Если про него проведает репортеры или просто любители сплетен, университет немедленно откажется от каких бы то ни было переговоров. Ведь если он, несмотря на огласку, все-таки что-то предпримет, а сделка сорвется — что не исключено, так как я действую вслепую, — хохотать над ним будут по всей Вселенной до самых дальних ее пределов. Расплачиваться же придется Арнольду и мне, и...

— Арнольд — чиновник, Пит, и больше ничего. Ты это знаешь не хуже меня. Он — администратор. Его интересует лишь деловая сторона. От того, что он носит звание ректора,

суть не меняется — он коммерческий директор, и только. На науку ему в высшей степени наплевать. И он не рискнет своей карьерой даже ради трех планет, какими бы знаниями они ни были наспигованы.

— Ректор университета и должен быть администратором...

— Случись это в другое время, — печально добавил Оп, — у тебя еще могли бы быть какие-то шансы. Но в настоящий момент Арнольд и без того танцует на канате. Когда он перевел ректорат из Нью-Йорка в этот заштатный городишко...

— Знаменитый своими замечательными научными традициями, — перебил Максвелл.

— Университетскую политику меньше всего заботят традиции — научные или какие бы то ни было другие, — объявил Оп.

— Пусть так, но я все равно должен поговорить с Арнольдом. Конечно, я предпочел бы иметь дело с кем-нибудь другим. Однако нравится он мне или не нравится, выбора у меня нет.

— Но ты мог бы вообще отказаться!

— От роли посредника? Ну нет, Оп! И никто на моем месте не отказался бы. Тогда бы они нашли еще кого-нибудь и могли довериться человеку, который не справился бы с такой задачей. Я вовсе не хочу сказать, что сам обязательно с ней справлюсь, но, во всяком случае, я приложу все усилия. А кроме того, ведь речь идет не только о нас, но и о них.

— Ты проникся к ним симпатией?

— Не знаю, можно ли тут говорить о симпатии. Скорее, о восхищении. Или о жалости. Они ведь делают все, что в их силах! Они так долго искали, кому бы передать накопленные знания.

— Передать? По-моему, ты говорил о продаже!

— Только потому, что они в чем-то нуждаются. Если бы я знал, в чем именно! Это облегчило бы дело для всех заинтересованных сторон.

— Один маленький вопрос — ты с ними разговаривал? Каким образом?

— С помощью таблиц. Я тебе о них уже рассказывал — о металлических листах, содержащих информацию. Они говорили со мной посредством таблиц, а я отвечал им тем же способом.

— Но как же ты читал?..

— Они дали мне приспособление для этого. Что-то вроде защитных очков, только очень больших. Довольно-таки объемистая штука. Наверное, в ней скрыто множество всяких механизмов. В этих очках я свободно читал таблицы. Не письмена, а крохотные закорючки в металле. Это трудно объяснить. Но когда глядишь на них сквозь очки, становится ясно, что они означают. Потом я обнаружил, что фокусировку можно менять по желанию и читать разные слои. Но вначале они просто писали... если тут подходит слово «писать». Ну, как дети пишут вопросы и ответы на грифельных досках. А когда я отвечал, еще одно приспособление, прикрепленное к моим очкам, непосредственно воспроизводило мои мысли.

— Машина-переводчик! — воскликнул Оп.

— Да, пожалуй. Двустороннего действия.

— Мы пытались сконструировать такой прибор, — сказал Оп. — Говоря «мы», я имею в виду объединенные усилия лучших инженерных умов не только Земли, но и всего того, что в шутку именуется «известной частью Вселенной».

— Да, я знаю.

— А у этих ребят он есть. У твоих призраков.

— У них еще много всякой всячины, — ответил Максвелл, — Я и миллионной части не видел. Я познакомился лишь с некоторыми образчиками, которые выбрал наугад. Только чтобы убедиться в истинности их утверждений.

— Но одного я так и не могу понять, — сказал Оп. — Ты все время говоришь о планете. А как насчет звезды?

— Планета заключена в искусственную оболочку. Какая-то звезда там есть, насколько я понял, но с поверхности она

не видна. Дело в том, что звезда для них не обязательна. Если не ошибаюсь, ты знаком с гипотезой пульсирующей вселенной?

— Типа «уйди-уйди»? — спросил Оп, — Та, которая взрывается, а потом снова взрывается, и так далее?

— Правильно, — сказал Максвелл. — И теперь мы можем больше уже не ломать над ней головы. Она соответствует действительности. Хрустальная планета — это частица вселенной, существовавшей до того, как возникла наша Вселенная. Видишь ли, они успели своевременно во всем разобратся. Они знали, что наступит момент, когда вся энергия исчезнет и мертвая материя начнет медленно собираться в новое космическое яйцо, которое затем взорвется, породив новую вселенную. Они знали, что приближается смертный час их вселенной, который станет смертным часом и для них, если они не найдут какого-то выхода. И они создали планетарный проект. Они засасывали энергию и накопили гигантские ее запасы... Не спрашивай меня, как и откуда они ее извлекли и каким способом хранили. Но в любом случае она находилась в самом веществе их планеты, и потому, когда вся остальная вселенная сгинула в черноте и смерти, они по-прежнему располагали энергией. Они одели планету в оболочку, преобразили ее. Они сконструировали двигатели, которые превратили их планету в независимое тело, несущееся в пространстве, послушно подчиняясь их воле. И до того, как мертвая материя их вселенной начала стягиваться в одну точку, они покинули свою звезду, превратившуюся в черный мертвый уголь, и отправились в самостоятельное путешествие, которое длится до сих пор, — обитатели прежнего мира на планете-космолете. Они видели, как погибала их вселенная, предшествовавшая нашей. Они оставались одни в пространстве, в котором не было ни единого намека на жизнь, ни единой вспышки света, ни единого всплеска энергии. Вероятно — точно я не знаю, — они наблюдали образование нового космического яйца. Они могли находиться в неизмеримой дали от него, но все-таки

видеть его. А в этом случае они видели и взрыв, положивший начало Вселенной, в которой теперь обитаем мы, — ослепительную вспышку, когда энергия вновь ринулась в пространство. Они видели, как зарделись первые звезды, они видели, как складывались галактики. А когда галактики окончательно сформировались, они отправились в эту новую Вселенную. Они могли посещать любые галактики, обращаться по орбите любой приглянувшейся им звезды, а потом лететь дальше. Они были межгалактическими бродягами. Но теперь их конец недалек. Планета, я думаю, еще на полном ходу, так как машины, снабжающие ее энергией, работают по-прежнему. Наверное, для планеты тоже существует свой предел, но до него еще далеко. Однако сами они как раса утратили жизнеспособность, хотя хранят в своем архиве мудрость двух вселенных.

— Пятьдесят миллиардов лет! — пробормотал Оп, — Пятьдесят миллиардов лет познания мира!

— По меньшей мере, — уточнил Максвелл, — Вполне возможно, что срок этот гораздо больше.

Они умолкли, пытаясь охватить мыслью эти пятьдесят миллиардов лет. Огонь в очаге потрескивал, словно что-то шептал. Издалека донесся бой курантов консерватории, отсчитывающих время.

Глава 9

Максвелл проснулся оттого, что Оп тряс его за плечо.

— Тут тебя желают видеть!

Сбросив одеяло, Максвелл спустил ноги с кровати и начал нащупывать брюки. Оп сунул их ему в руки.

— А кто?

— Назвался Лонгфелло. Отвратительный надутый тип. Он ждет снаружи. Явно боится войти в хижину, чтобы не подхватить инфекцию.

— Ну так пусть убирается к черту! — объявил Максвелл и потянулся за одеялом.

— Нет-нет, — запротестовал Оп. — Я выше оскорблений. Чихать я на него хотел.

Максвелл влез в брюки, сунул ноги в ботинки и притопнул.

— А кто он такой?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Оп.

Максвелл побрел в угол к скамье у стены, налил из ведра воды в таз и ополоснул лицо.

— Который час? — спросил он.

— Начало восьмого.

— Что-то мистер Лонгфелло торопится меня увидеть!

— Он там меряет двор шагами. Изнывает от нетерпения. Лонгфелло и правда изнывал.

Едва завидев Максвелла в дверях, он бросился к нему, протянув руки.

— Профессор Максвелл! — воскликнул он, — Как я рад, что отыскал вас. Это было нелегко. Но мне сказали, что я, возможно, найду вас здесь. — Он посмотрел на хижину, и его длинный нос чуть-чуть сморщился. — И я рискнул.

— Оп, — спокойно сказал Максвелл, — мой старый и близкий друг.

— Может быть, прогуляемся немного? — предложил Лонгфелло, — Удивительно приятное утро! Вы уже позавтракали? Ах, да! Конечно же нет!

— Если бы вы сказали, кто вы такой, это значительно упростило бы дело, — заметил Максвелл.

— Я работаю в ректорате. Стивен Лонгфелло, к вашим услугам. Личный секретарь ректора.

— Вы-то мне и нужны! — сказал Максвелл, — Мне необходимо встретиться с ректором, и как можно скорее.

Лонгфелло покачал головой:

— Могу сразу же сказать, что это невозможно.

Они неторопливо пошли по тропинке, ведущей к шоссе. С могучего каштана на тропинку медленно слетали листья, отливавшие червонным золотом. Дальше на фоне голубого

утреннего неба багряным факелом пылал клен. И высоко над ним к югу уносился треугольник утиной стаи.

— Невозможно? — повторил Максвелл, — Это звучит как окончательный приговор. Словно вы обдумали мою просьбу заранее.

— Если вы хотите что-нибудь сообщить доктору Арнольду, — холодно проинформировал его Лонгфелло, — вам следует обратиться в соответствующие инстанции. Неужели вы не понимаете, что ректор чрезвычайно занят и...

— О, я это понимаю! И понимаю, что такое инстанции. Отсрочки, оттяжки, проволочки, пока твое дело не станет известно всем и каждому!

— Профессор Максвелл, — сказал Лонгфелло, — я буду говорить с вами откровенно. Вы человек настойчивый и, мне кажется, довольно упрямый, а с людьми такого типа церемонии ни к чему. Ректор вас не примет. Он ни в коем случае не может вас принять.

— По-видимому, из-за того, что нас было двое? И один из нас умер?

— Все утренние газеты будут этим полны. Гигантские заголовки: человек воскрес из мертвых! Может быть, вы слушали вчера радио или смотрели какую-нибудь телевизионную программу?

— Нет.

— Ну, так вы — сенсация дня. И должен признаться, положение создалось весьма неприятное.

— Попросту говоря, назревает скандал?

— Если угодно. А у ректората довольно хлопот и без того, чтобы вмешиваться в историю вроде вашей. У нас уже на руках Шекспир и все, что отсюда вытекает. Тут мы не могли остаться в стороне, но обременять себя еще и вами мы не станем.

— Неужели у ректората нет ничего важнее Шекспира и меня? — спросил Максвелл. — А возрождение дуэлей в Гейдельберге? И спор о том, этично ли допускать некоторых внеземных студентов в футбольные команды, и...

— Но поймите же! Важно то, что происходит именно в этом городке! — простонал Лонгфелло.

— Потому что сюда перевели ректорат? Хотя Оксфорд, Гарвард и десяток других...

— Если хотите знать мое мнение, — сухо сказал Лонгфелло, — то я считаю, что попечительский совет поступил несколько необдуманно. Это создало для ректората множество трудностей.

— А что произойдет, если я поднимусь на вершину холма, войду в здание ректората и начну стучать кулаком по письменным столам? — спросил Максвелл.

— Вы это сами прекрасно знаете. Вас вышвырнут вон.

— А если я приведу с собой полки журналистов и телевизионных операторов, которые будут ждать моего возвращения у дверей?

— В этом случае вас, вероятно, не вышвырнут. И возможно, вы даже прорветесь к ректору. Но могу вас заверить, что при подобных обстоятельствах вы заведомо ничего не добьетесь.

— Следовательно, — сказал Максвелл, — я заранее обречен на неудачу, что бы я ни пытался предпринять.

— Собственно говоря, — сообщил ему Лонгфелло, — я пришел к вам сегодня совсем для другого. Мне было поручено передать вам приятное известие.

— Не сомневаюсь! Так какую же косточку вы собирались мне бросить, чтобы я тихо исчез со сцены?

— Вовсе не косточку! — обиженно заявил Лонгфелло, — Я уполномочен предложить вам пост декана в экспериментальном институте, который наш университет организует на Готике Четыре.

— А, на планете с колдуньями и магами?

— Перед специалистом в вашей области этот пост открывает огромные возможности, — убедительно сказал Лонгфелло. — Планета, где магические свойства развивались без помех со стороны разумных существ иного типа, как это произошло на Земле...

— И расстояние в сто пятьдесят миллионов световых лет, — заметил Максвелл. — Далековато и наверняка нудно. Однако оплачивается эта миссия, вероятно, неплохо?

— Весьма и весьма, — ответил Лонгфелло.

— Нет, спасибо, — сказал Максвелл. — Моя работа здесь меня вполне удовлетворяет.

— Работа?

— Ну конечно. Разрешите напомнить вам, что я профессор факультета сверхъестественных явлений.

Лонгфелло покачал головой.

— Уже нет, — объявил он. — Простите, но я должен вам напомнить, что вы скончались более трех недель назад. А открывающиеся вакансии заполняются немедленно.

— То есть мое место уже занято?

— Ну разумеется, — сказал Лонгфелло. — В настоящее время вы безработный.

Глава 10

Официант принес омлет с грудинкой, налил кофе и удалился, оставив Максвелла одного. За огромным окном голубым зеркалом простиралось озеро Мендота, и холмы на дальнем берегу терялись в лиловой дымке. По стволу кряжистого дуба у самого окна пробежала белка и вдруг замерла, уставившись глазами — бусинами на человека за столиком. Красно-бурый дубовый лист оторвался от ветки и, неторопливо покачиваясь, спланировал на землю. По каменистому откосу у воды шли рука об руку юноша и девушка, укутанные утренней озерной тишиной.

Куда воспитаннее и цивилизованнее было бы принять приглашение Лонгфелло и позавтракать с ним, подумал Максвелл. Но в ту минуту он чувствовал, что сыт секретарем ректора по горло, и ему хотелось только одного: наедине с самим собой оценить положение и кое о чем поразмыслить — хотя, возможно, времени на размышления у него уже не оставалось.

Он оказался прав — шансов увидиться с ректором у него почти не было, и не только потому, что тот был чрезвычайно занят, а его подчиненные настаивали на строжайшем соблюдении всех тонкостей священной бюрократической процедуры, но еще и потому, что по не вполне понятной причине ситуация с раздвоившимся Питером Максвеллом запахла скандалом, от которого Арнольд жаждал держаться как можно дальше. Глядя в выпученные беличьи глазки, Максвелл прикидывал, не могла ли на позицию ректора повлиять беседа с инспектором Дрейтоном. Может быть, служба безопасности взялась за Арнольда? Это казалось маловероятным, но все же возможным. Как бы то ни было, о нервном состоянии Арнольда можно было судить по той поспешности, с какой ему был предложен пост на Готике IV. Ректорат не только не хотел иметь ничего общего с этим вторым Питером Максвеллом, но и предпочел бы убрать его с Земли на захолустную планету, где он вскоре был бы всеми забыт.

После смерти того, другого, Питера Максвелла его место на факультете, естественно, не могло оставаться незаполненным — студенты должны учиться, и кто-то должен вести его курс. Тем не менее для него можно было бы подыскать что-нибудь и здесь. А если этого не сделали и сразу же предложили ему пост на Готике IV, следовательно, на Земле он мешает.

И все-таки странно! Ведь о том, что существовали два Питера Максвелла, ректорату стало известно лишь накануне, а до тех пор никакой проблемы вообще не было.

А это значит, решил Максвелл, что кто-то уже успел побывать в ректорате — кто-то, стремящийся избавиться от него, опасаящийся, что он помешает... Но чему? Ответ напрашивался сам собой, и самая эта легкость вызвала у Максвелла инстинктивное ощущение, что он ошибается. Однако, сколько он ни раздумывал, ответ был только один: кто-то еще знает о сокровищах библиотеки хрустальной планеты и пытается ими завладеть.

Во всяком случае, ему известно одно имя — Черчилл. Кэрол сказала, что к переговорам о продаже Артефакта, которые ведет Институт времени, имеет отношение какой-то Черчилл... А вдруг Артефакт и есть цена, за которую можно получить библиотеку хрустальной планеты? Конечно, слишком полагаться на это нельзя, и тем не менее... Ведь никому не известно, что такое Артефакт.

И если подумать, Черчилл — самый подходящий человек для устройства подобных сделок. Конечно, только как подставное лицо, по поручению кого-то, кто не может выступить открыто. Ведь Черчилл профессиональный посредник и знает все ходы и выходы. У него есть связи, и за долгие годы он, наверное, обзавелся источниками информации в самых разных влиятельных учреждениях.

Но в этом случае задача Максвелла очень усложняется. Ему теперь надо остерегаться не только огласки, неизбежной, если бы он обратился в обычные инстанции, — возникла опасность, что его сведения попадут во враждебные руки и будут обращены против него.

Белка соскочила со ствола и теперь деловито сновала по спускающейся к озеру лужайке, шурша опавшими листьями в надежде отыскать желудь, которого не углядела раньше. Юноша и девушка скрылись из виду, и поднявшийся легкий ветерок морщил зеркальную поверхность озера.

Зал был почти пуст — те, кто начал завтракать раньше, уже закончили и ушли. С верхнего этажа доносились звуки голосов и шарканье подошв — это студенты собирались в клубе, где они обычно проводили свободное от занятий время.

Это здание было одним из самых старых в городке и, по мнению Максвелла, превосходным. Уже более пятисот лет оно служило уютным местом встреч и занятий для многих поколений, и множество чудесных традиций превратило его в родной дом для бесчисленных тысяч студентов. Тут они находили тишину и покой для размышлений и занятий, и уютные уголки для дружеской беседы, и комнаты для

бильярда и шахмат, и столовые, и залы для собраний, и укромные маленькие читальни, где стенами служили полки с книгами.

Максвелл отодвинул стул от столика, но остался сидеть — ему не хотелось вставать и уходить, так как он понимал, что, покинув этот тихий приют, будет вынужден сразу же погрузиться в водоворот трудных проблем. За окном золотое осеннее утро нежилось в лучах солнца, которое поднималось все выше и пригревало все сильнее, обещая день, полный золотых метелей опадающих листьев, голубой дымки на дальних холмах, торжественного великолепия хризантем на садовых клумбах, приглашенного сияния зла-тоцвета и астр в лугах и на пустырях.

За спиной послышался торопливый топоток множества ног в тяжелой обуви, и, повернувшись, он увидел, что владе-лец этих ног быстро приближается к нему по красным плиткам пола.

Больше всего это существо напоминало гигантского сухопутного краба — членистые ноги, нелепо наклоненное туловище, длинные гротескные выросты (по-видимому, органы чувств) над непропорционально маленькой головой. Он был землисто-белого цвета. Три черных глаза-шарика подрагивали на концах длинных стебельков.

Существо остановилось перед столиком, и три стебелька сошлись, направив глаза на Максвелла. Оно заговорило высоким писклявым голосом, и кожа на горле под крохотной головкой быстро запульсировала.

— Сообщено мне, что вы есть профессор Максвелл.

— Вас не обманули, — сказал Максвелл. — Я действительно Питер Максвелл.

— Я есть обитатель мира, вами названного Наконечник Копья Двадцать семь. Имя, мною имеемое, вам интересно не есть. Я являюсь к вам с поручением лица, меня нанимающего. Возможно, вам оно известно под наименованием мисс Нэнси Клейтон.

— Еще бы! — сказал Максвелл и подумал, насколько это в духе Нэнси — нанять в качестве посыльного столь явно неземное существо.

— Я тружусь на свое образование, — объяснил Краб. — Я выполняю работу, какую нахожу.

— Весьма похвально, — заметил Максвелл.

— Я прохожу курс математики времени, — сообщил Краб. — Я специализируюсь на конфигурации линий Вселенной. Я лихорадочно этим увлечен.

По виду Краба было трудно поверить, что он способен на увлечение, и тем более лихорадочное.

— Но чем объясняется подобный интерес? — спросил Максвелл. — Какими-то особенностями вашей родной планеты? Вашими культурными традициями?

— О, весьма и весьма! Абсолютно новая идея есть. На моей планете нет представления о времени, никакого восприятия такого явления, как время. Очень есть потрясен узнать о нем. И заинтересован. Но я чрезмерно уклоняюсь. Я есть здесь с поручением. Мисс Клейтон желает знать, способны ли вы посетить ее прием вечером данного дня. У нее в восемь по часам.

— Пожалуй, я приду, — сказал Максвелл, — Передайте ей, что я всегда стараюсь не пропускать ее приемов.

— Чрезмерно рад! — объявил Краб. — Она столь хочет получить вас там. Вы есть говоримы о.

— Ах так! — сказал Максвелл.

— Вас тяжело находить. Я бегаю быстро и тяжело. Я спрашиваю во многих местах. И вот — победоносен.

— Мне очень жаль, что я причинил вам столько беспокойства, — сказал Максвелл, опуская руку в карман и извлекая кредитку.

Существо протянуло одну из передних ног, ухватило кредитку клешней, сложило ее несколько раз и засунуло в маленькую сумку на груди.

— Вы добры более ожидания, — пропищало оно, — Еще одно сведение. Причина приема — представление гостям

картины, недавно приобретенной. Картины, очень долго утраченной и исчезнувшей. Кисти Альберта Ламберта, эс-квайра. Большой триумф для мисс Клейтон.

— Не сомневаюсь, — сказал Максвелл. — Мисс Клейтон — специалистка по триумфам.

— Она, как наниматель, любезна, — с упреком возразил Краб.

— Конечно, конечно, — успокоил его Максвелл.

Существо быстро переставило ноги и галопом выбежало из зала. Максвелл услышал, как оно протопало по лестнице, ведущей к выходу на улицу. Потом он встал и тоже направился к дверям. Если прием посвящен картине, подумал он, полезно будет поднабраться сведений о художнике. И усмехнулся — уж наверное, почти все, кого Нэнси пригласила, займутся сегодня тем же.

Ламберт! Фамилия показалась ему знакомой. Что-то он о нем читал... возможно, очень давно. Статью в каком-нибудь журнале, коротая свободный час?

Глава 11

Максвелл открыл книгу.

«Альберт Ламберт, — гласила первая страница, — родился в Чикаго (штат Иллинойс) 11 января 1973 года. Славу ему принесли картины, исполненные причудливого символизма и гротеска, однако его первые работы никак не позволяли предугадать последующий взлет его таланта. Хотя они были достаточно профессиональны и свидетельствовали о глубоком проникновении в тему, их нельзя назвать выдающимися. Период гротеска в его творчестве начался после того, как ему исполнилось пятьдесят лет, причем его талант развивался не постепенно, а достиг расцвета буквально за один день, словно художник работал в этом направлении тайно и не показывал картин в новой манере до тех пор, пока полностью не удовлетворился тем, что создал. Однако никаких фактических подтверждений подобной гипотезы

не найдено; наоборот, существуют данные, свидетельствующие, что она не...»

Максвелл бросил читать, открыл книгу на цветных репродукциях, быстро перелистал образчики раннего творчества художника. И вдруг на какой-то странице картины стали совсем иными — тематика, колорит и даже, подумал Максвелл, сама манера. Перед ним словно были произведения двух художников: один давал выход интеллектуальной потребности в упорядоченном самовыражении, а другой был весь захвачен, поглощен, одержим каким-то потрясшим его переживанием, от которого пытался освободиться, перенеся его на холст.

Скупая, темная, грозная красота рвалась со страницы, и Максвеллу показалось, что в сумрачной тишине читальни он слышит шорох черных крыльев. Немыслимые существа взмывали над немислимым ландшафтом, и все же Максвеллу почудилось, что и этот ландшафт, и эти существа не были простой фантазией, прихотливой причудой намеренно затуманенного сознания, а четко укладывались в рамки какой-то неслыханной гармонии, опирающейся на логику и мироощущение, чуждые всему тому, с чем ему приходилось сталкиваться до сих пор. Форма, цвет, подход к теме и ее интерпретация не были просто искажением человеческих представлений; наоборот, зритель немедленно проникался убеждением, что они были вполне реалистическим воспроизведением чего-то, что лежит за пределами человеческих представлений. «Причудливый символизм и гротеск», — говорилось в предисловии... Может быть, сказал себе Максвелл, но в таком случае символизм этот возник в результате и на основе самого тщательного изучения природы.

Он открыл следующую репродукцию и вновь увидел такой же полнейший уход от всего человеческого — иные существа в иной ситуации на фоне иного ландшафта, но несущие в себе столь же ошеломляющее ощущение реальности; нет, все это не было плодом воображения художника, все это

он когда— то видел, а теперь изгонял из сознания и памяти. Вот так, подумал Максвелл, человек яростно намыливает руки куском едкого и грубого мыла и снова, и снова трет их, пытаясь с помощью физических средств избавиться от следов психической травмы. Возможно, художник созерцал эту сцену не непосредственно, а через зрительный аппарат давно исчезнувшей и никому теперь не известной расы.

Максвелл сидел, заворуженно глядя на страницу книги, не в силах оторваться от нее, захваченный в плен жуткой и зловещей красотой, скрытым и ужасным смыслом, которого он не мог постичь. Краб сказал, что время было неизвестно его расе, что этот универсальный фактор никак не воздействовал на культуру его планеты, а вот здесь, в этих цветных репродукциях, крылось что-то неизвестное людям, не грезившееся им даже во сне.

Максвелл протянул руку, чтобы закрыть книгу, но вдруг заколебался, словно по какой-то причине книгу закрывать не следовало, словно ему почему-то было необходимо еще пристальнее взглянуть на репродукцию.

И в этот момент он осознал, что в ней прячется нечто загадочное, ускользающее и притягательное.

Он положил руки на колени и продолжал смотреть на репродукцию, потом медленно перевернул страницу и, взглянув на третью репродукцию, внезапно поймал то, что раньше от него ускользало, — особые мазки создавали эффект неуловимого движения, туманной нечеткости, словно мгновение назад здесь что-то мерцало и сразу же исчезло, оставаясь за гранью зрения, но где-то совсем рядом.

Приоткрыв рот, Максвелл вглядывался в загадочное мерцание — разумеется, это был оптический обман, рожденный виртуозным мастерством художника. Но пусть даже оптический обман — все равно он был томительно знаком тому, кто побывал на хрустальной планете и видел ее прозрачных обитателей.

И глубокая тишина сумрачной читальни зазвенела вопросом, на который не было ответа: откуда Альберт Ламберт мог узнать про обитателей хрустальной планеты?

Глава 12

— Мне сообщили о твоём возвращении, — заявил Аллен Престон. — И я просто не мог поверить. Однако источник, из которого я получил эти сведения, настолько надежен, что я попытался связаться с тобой. Ситуация мне не слишком нравится, Пит. Как юрист, должен сказать, что ты очутился в очень незавидном положении.

Максвелл опустил в кресло перед столом Престона.

— Да, пожалуй, — согласился он, — Начать хотя бы с того, что я лишился работы. Можно ли в подобном случае добиться восстановления?

— В подобном случае? — переспросил Престон. — А как, собственно, обстоит дело? Никто этого ясно не представляет. Разговоров много, но никому ничего толком не известно. Я сам...

Максвелл криво усмехнулся:

— Да, конечно. Ты был рад составить определенное мнение. Ведь ты ошеломлен, растерян и опасаясь за свой раскусок. И сейчас ты задаешь себе вопрос, действительно ли я Питер Максвелл.

— А ты действительно Питер Максвелл? — спросил Престон.

— Я в этом уверен. Но если ты сомневаешься, я на тебя не обижусь... и ни на кого другого. Нас, несомненно, было двое. Что-то произошло с моей волновой схемой. Один из нас отправился в систему Енотовой Шкуры, другой — куда — то еще. Тот, кто отправился в Енотовую Шкуру, вернулся на Землю и умер. А я вернулся вчера.

— И обнаружил, что умер?

Максвелл кивнул:

— Моя квартира сдана, все мое имущество исчезло. Университет заявил, что на мое место взят другой преподаватель, и я остался без работы. Вот потому я и спрашиваю, можно ли добиться восстановления.

Престон откинулся на спинку стула и задумчиво косил глаза на Максвелла.

— С точки зрения закона, — сказал он, — позиция университета, бесспорно, неуязвима. Ты же мертв, понимаешь? И у них по отношению к тебе нет никаких обязательств. Во всяком случае, до тех пор, пока твои права не будут подтверждены.

— После нескончаемых судебных разбирательств?

— Боюсь, что да. Дать точный ответ на твой вопрос я пока не могу. Ведь это беспрецедентно. О, разумеется, известны случаи неверного установления личности, когда умершего ошибочно опознавали как кого-то другого, кто на самом деле был жив. Но ведь тут никакой ошибки не произошло. Человек, который бесспорно был Питером Максвеллом, столь же бесспорно мертв, а прецедента установления личности при подобных обстоятельствах не существует. Этот прецедент должны будем создать мы путем кропотливейших юридических исследований, на которые, возможно, потребуются годы. По правде говоря, я еще толком не представляю себе, с чего следует начать. Безусловно, какая-нибудь зацепка отыщется и все можно будет уладить, но это потребует сложнейшей работы и предварительной подготовки. В первую очередь необходимо будет установить юридически, кто ты такой.

— Кто я такой? Но ради всего святого, Аллен! Мы же это знаем.

— Мы, но не закон. Для закона ты в настоящем своем положении не существуешь. Юридически ты никто. Абсолютно никто. Все твои документы отправлены в архив и, несомненно, уже подшиты...

— Но все мои документы при мне, — спокойно сказал Максвелл. — Вот в этом кармане.

Престон с недоумением уставился на него:

— Ах да! Конечно, они должны быть при тебе. Ну и клубок!

Он встал и прошелся по кабинету, качая головой. Потом вернулся к столу и снова сел.

— Дай я подумаю, — сказал он. — Мне нужно немножко времени, чтобы разобраться... Я что-нибудь откопаю. Мы должны отыскать какую-нибудь зацепку. И сделать нам нужно очень много. Вот хотя бы твое завещание...

— Мое завещание? Я о нем начисто забыл. Ни разу даже не вспомнил.

— Оно рассматривается в нотариате. Но я добьюсь отсрочки.

— Я завещал все брату, который служит в Корпусе исследователей космоса. Я мог бы связаться с ним, хотя, вероятно, это будет очень нелегко. Он ведь из одной экспедиции почти немедленно отправляется в следующую. Но важно другое: затруднений в этом отношении у нас не будет. Как только он узнает, что произошло...

— К сожалению, — сказал Престон, — решает не он, а суд. Конечно, все должно уладиться, но времени на это, возможно, потребуется много. А до тех пор ты не имеешь никаких прав на свое имущество. У тебя нет ничего, кроме одежды, которая сейчас на тебе, и содержимого твоих карманов.

— Университет предложил мне пост декана экспериментального института на Готике Четыре. Но я не намерен соглашаться.

— А как у тебя с деньгами?

— Пока все в порядке. Оп пригласил меня пожить у него. И на ближайшее время денег мне хватит. Ну, а в случае необходимости я могу подыскать временную работу. Если понадобится, Харлоу Шарп мне, конечно, поможет. В крайнем случае возьмет в экспедицию. Это должно быть интересно.

— Но разве в такие экспедиции берут людей без диплома Института времени?

— В качестве подсобных рабочих берут. Но для чего-либо более ответственного диплом, я полагаю, необходим.

— Прежде чем я начну действовать, — сказал Престон, — мне нужно точно знать, что именно произошло. Во всех подробностях.

— Я напишу для тебя полное изложение событий. И заверю у нотариуса. Все, что тебе будет угодно.

— Мне кажется, — заметил Престон, — мы можем предъявить иск транспортному управлению. Это по их вине ты оказался в таком положении.

— Не сейчас, — уклончиво ответил Максвелл. — Этим можно заняться и позже.

— Ну, пиши изложение событий, — сказал Престон. — А я пока подумаю и пороюсь в кодексах. Тогда уж начнем. Ты видел газеты? Смотрел телепередачи?

Максвелл покачал головой:

— У меня не было времени.

— Репортеры неистовствуют, — сказал Престон, — Просто чудо, что они тебя еще не разыскали. Уж конечно, они охотятся за тобой. Пока ведь у них нет ничего, кроме предположений. Вчера вечером тебя видели в «Свинье и Свистке». Там тебя опознало множество людей — во всяком случае, так они утверждают. В настоящий момент считается, что ты воскрес из мертвых. На твоём месте я постарался бы не попадаться репортерам. Но если они тебя найдут, не говори им ничего. Абсолютно ничего.

— Можешь быть спокоен, — сказал Максвелл.

Они умолкли и в наступившей тишине некоторое время смотрели друг на друга.

— Какой клубок! — задумчиво произнес Престон. — Какой потрясающий клубок! Нет, Пит, я чувствую, что возиться с ним будет одно удовольствие.

— Кстати, — сказал Максвелл. — Нэнси Клейтон пригласила меня на свой сегодняшний вечер. Я все думаю, нет ли

тут какой-нибудь связи... хотя почему же? Она и раньше меня иногда приглашала.

— Но ты же знаменитость! — улыбнулся Престон. — И значит, чудесная находка для Нэнси.

— Ну, не знаю, — сказал Максвелл. — Она от кого-то услышала, что я вернулся. И конечно, в ней заговорило любопытство.

— Да, — сухо согласился Престон, — В ней, конечно, заговорило любопытство.

Глава 13

Максвелл почти не сомневался, что возле хижины Опа его подстерегают репортеры, но там никого не было. По-видимому, они еще не проникли, где он теперь живет.

Хижину окутывала сонная предвечерняя тишина, и осеннее солнце щедро золотило старые доски, из которых она была сколочена.

Две-три пчелы лениво жужжали над клумбой с астрами у двери, а над склоном, в туманной дымке уходившим к шоссе, порхали желтые бабочки.

Максвелл приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Хижина была пуста. Оп где-то бродил, и Духа тоже не было видно. В очаге алела куча раскаленных углей.

Максвелл закрыл дверь и сел на скамью у стены.

Вдали на западе голубым стеклом поблескивало одно из четырех озер, между которыми стоял городок. Пожухлая осока и вянущая трава придавали ландшафту желто-бурый колорит. Там и сям маленькими островками пламенели купы деревьев.

Теплота и спокойствие, думал Максвелл. Край, где можно тихо грезить. Ничем не похожий на мрачные яростные пейзажи, которые столько лет назад писал Ламберт.

Он не понимал, почему эти ландшафты репейником вцепились в его сознание. И еще он не понимал, откуда художник мог узнать, как мерцают призрачные обитатели

хрустальной планеты. Это не было случайным совпадением; человек не способен вообразить подобное. Рассудок говорил ему, что Ламберт должен был что-то знать об этих людях-призраках. И тот же рассудок говорил, что это невозможно.

Ну, а все остальные существа, все эти гротескные чудища, которых Ламберт разбросал по холсту яростной, безумной кистью? Как объяснить их? Откуда они взялись? Или они были просто лоскутами безумной фантазии, кровоточащими, вырванными из странно и мучительно бредящего сознания? Были ли обитатели хрустальной планеты единственными реальными созданиями из всех тех, кого рисовал Ламберт? Это казалось маловероятным. Где-то, когда-то, каким-то образом Ламберт видел и этих, остальных. А ландшафты? Были ли они только плодом воображения, фоном, подкреплявшим впечатление, которое создавали фантастические существа? Или же такой была хрустальная планета в неизмеримо давнюю эпоху, когда ее еще не заключили в оболочку, навеки укрывшую ее от остальной Вселенной? Но нет, решил он, это невозможно! Ведь планету покрыли оболочкой еще до того, как возникла нынешняя Вселенная. Десять миллиардов лет назад, если не все пятьдесят.

Максвелл беспокойно нахмурился. Во всем этом не было смысла. Ни малейшего. А у него и без картин Ламберта хватает хлопот. Он потерял место, на его имущество наложен арест, юридически он просто не существует.

Но все это не так уж важно, во всяком случае сейчас. Главное — сокровищница знаний на хрустальной планете. Она должна принадлежать университету — свод знаний, несомненно превосходящий все, что удалось накопить всем разумным существам известной части Вселенной. Конечно, что-то будет лишь повторением старых открытий, но он был убежден, что металлические листы хранят много такого, о чем нынешняя Вселенная еще и не помышляла. Та ничтожная крупица, с которой он успел ознакомиться, подкрепляла это убеждение.

И вдруг ему показалось, что он вновь сгибается над столиком вроде журнального, на который он положил стопку металлических листов, сняв их с полки, а на глаза у него надето приспособление для чтения... или перевода... А, не в названии дело!

Один металлический лист говорил о сознании не как о метафизическом или философском понятии, а как о механизме; однако он не сумел разобраться в терминологии, не смог постичь совершенно новых понятий. Он прилагал отчаянные усилия, так как уловил, что перед ним труд о еще никем не открытой области восприятия, но потом, отчаявшись, отложил этот лист. И другой лист, по-видимому руководство по применению определенных математических принципов к социальным наукам; правда, о сути некоторых из упомянутых наук он мог только догадываться, шаря среди идей и понятий на ощупь и наугад, точно слепец, ловящий порхающих бабочек.

А свод истории? Не одной Вселенной, но двух! И историческая биология, повествующая о формах жизни, настолько фантастических в самой своей основе и функциях, что в их реальность невозможно было поверить. А тот удивительно тонкий лист, такой тонкий, что гнулся и сворачивался в руке, как бумажный, — его содержание было ему абсолютно недоступно, и он даже не сумел уловить, о чем идет речь. Тогда он взял лист потолще, намного толще, и познакомился с мыслями и философией существ и культур, давно уже рассыпавшихся в прах, и испытал невыразимый ужас, отвращение, гнев и растерянность, к которым примешивалось робкое изумление перед полнейшей нечеловечностью этих философий.

Все это — и больше, несравненно больше, в триллионы раз больше — ожидало ученых там, на хрустальной планете.

Нет, он должен, он обязан выполнить возложенное на него поручение. Он должен добиться, чтобы библиотеку хрустальной планеты получила Земля, и сделать это следует как можно быстрее, хотя никаких сроков ему поставлено не

было. Ведь если он потерпит неудачу, обитатели планеты, несомненно, предложат свой товар кому-нибудь еще в другом секторе Галактики, а может быть, и вообще в другой галактике.

Пожалуй, решил Максвелл, их интересует Артефакт, хотя полной уверенности в этом нет. Однако кто-то хочет его приобрести, причем в сделке замешан Черчилл, а потому такое предположение похоже на правду. И все-таки вдруг это не так? Артефакт мог понадобиться кому-нибудь еще совсем по иной причине — например, кто-то сумел разгадать его назначение... Максвелл попробовал представить себе, в чем может заключаться это назначение, но вскоре зашел в тупик.

Стайка дроздов стремительно упала с неба, пронеслась над самой крышей хижины и повернула в сторону шоссе. Максвелл следил за тем, как черные птички опустились на пожелтевший бурьян у болотца за шоссе, изящно покачиваясь на сгибающихся стеблях. До заката они будут кормиться тут, а потом улетят в какую-нибудь укромную лесную чащу, где переночуют, чтобы завтра отправиться дальше на юг.

Максвелл встал и потянулся. Мирное спокойствие золотистого дня совсем его разнежило. Хорошо бы вздремнуть немножко, подумал он. А потом придет Оп и разбудит его, и у них будет время перекусить и поговорить, прежде чем он отправится к Нэнси.

Он открыл дверь, вошел в хижину и сел на кровать. Тут ему пришло в голову, что не худо бы проверить, найдется ли у него на вечер чистая рубашка и пара носков. Вытащив чемодан, он положил его на кровать, отпер, откинул крышку и вынул брюки, чтобы добраться до рубашек под ними. Рубашки он нашел, а кроме них — маленький аппарат, прикрепленный к большим очкам.

Максвелл сразу узнал этот аппарат и даже рот раскрыл от изумления. Автоматический переводчик, с помощью которого он читал на хрустальной планете металлические листы! Он поднял аппарат и взвесил его на ладони. Вот лента,

охватывающая голову, с генератором энергии сзади, и очки, которые нужно опустить на глаза, когда аппарат надет.

Наверное, он случайно сунул его в чемодан, хотя как это могло произойти? Но что же теперь делать? А впрочем, это, пожалуй, и неплохо. Аппарат еще может пригодиться в будущем, в качестве доказательства, что он действительно побывал на этой планете. Правда, насколько это доказательство весомо? По виду — ничего особенного. Однако если заглянуть в механизм, напомнил он себе, эта штука не покажется такой уж обыкновенной...

Раздался легкий стук, и Максвелл, вздрогнув, начал напряженно прислушиваться. Поднялся ветер, и ветка ударяет по крыше? Но ветки обычно стучат совсем не так.

Стук оборвался, а затем раздался снова, но теперь он стал прерывистым, словно сигнал: три быстрых удара, пауза, еще два быстрых удара, и снова пауза, а потом все сначала.

Кто-то стучал в дверь.

Максвелл вскочил, но остановился в нерешительности. Возможно, репортерам наконец удалось его выследить. Но вдруг они только предполагают, что он должен быть здесь? В таком случае лучше не откликаться. Но даже один репортер стучал бы куда громче и увереннее. А этот стук был тихим, почти робким, словно тот, кто был за дверью, чего-то опасался или стеснялся. Ну, а если это все-таки репортеры, молча выжидать нет никакого смысла: дверь отперта, и, не получив ответа, они наверняка толкнут ее и войдут без приглашения.

Стук на мгновение замер, затем раздался снова. Максвелл на цыпочках подошел к двери и распахнул ее. Снаружи стоял Краб, белея в лучах заходящего солнца, точно привидение. Под одной из своих конечностей, которая в настоящий момент, по-видимому, играла роль руки, а не ноги, он держал пакет.

— Да входите же! Пока вас тут никто не увидел, — нетерпеливо сказал Максвелл.

Краб вошел, а Максвелл, закрывая дверь, удивился, с какой стати он велел, чтобы это существо вошло в хижину.

— Вам не нужны опасения, — заявил Краб, — касательно жнецов новостей. Я был осторожен, и я глядел. За мной никто не следил. У меня такой нелепый вид, что за мной никогда не следят. Никто никогда не полагает, что я могу действовать сообразно цели.

— Очень выгодная особенность, — заметил Максвелл. — По— моему, это называется защитной окраской.

— Я появляюсь вновь по указанию мисс Нэнси Клейтон, — продолжал Краб. — Она знает, что вы ездили в путешествие без багажа и не имели случая сделать покупку или стирку. Без желания причинить обиду — это мне указано сказать с отменным чувством — она желает прислать вам костюм для ношения.

Он вынул из-под конечности сверток и протянул его Максвеллу.

— Очень любезно со стороны Нэнси.

— Она — заботливое лицо. Она поручила мне сказать далее.

— Валяйте!

— Колесный экипаж прибудет отвезти вас к ее дому.

— Зачем? — удивился Максвелл, — Шоссе проходит совсем рядом с ним.

— Еще одно извинение, — твердо объявил Краб, — но она считает, что нужно так. Очень много типов разных существ снуют там и сям, чтобы узнать место, где вы есть.

— Кстати, — сказал Максвелл, — а откуда его узнала мисс Клейтон?

— Поистине сие мне неведомо, — ответил Краб.

— Ну хорошо. Поблагодарите от меня мисс Клейтон, пожалуйста.

— С восторгом и удовольствием, — сказал Краб.

— Я подвезу вас к черному ходу, — объяснил шофер, — Перед парадным кишмя кишат репортеры. Потом они разойдутся, но сейчас рыщут там стаями. Мисс Клейтон думает, что вы, возможно, предпочтете с ними не встречаться.

— Спасибо, — сказал Максвелл. — Вы очень любезны.

Нэнси, подумал он, как обычно, все предусмотрела, присваивая себе привилегию организовывать жизнь других людей.

Ее дом стоял на невысоком обрыве над самым озером. Слева от дороги, в лучах недавно взошедшей луны, поблескивала вода. Фасад дома был озарен множеством огней, но задняя его сторона была погружена во мрак.

Машина свернула с подъездной аллеи и начала медленно взбираться по узкой крутой дороге, окаймленной могучими дубами. Вспугнутая птица с криком стремительно пронеслась у самых фар, отчаянно взмахивая крыльями. Откуда-то навстречу машине выбежали два разъяренных пса и помчались по бокам, точно конвой.

Шофер усмехнулся:

— Если бы вы шли пешком, они сожрали бы вас заживо.

— Но с каких это пор Нэнси охраняет собачья свора? — спросил Максвелл.

— Мисс Клейтон тут ни при чем, — ответил шофер. — Они охраняют совсем не ее.

У Максвелла на языке вертелся новый вопрос, но он не стал его задавать.

Машина свернула под аркаду и остановилась.

— Вот в эту дверь, — сказал шофер. — Стучать не надо. Пройдете прямо через холл мимо винтовой лестницы. Гости в большом зале.

Максвелл хотел было открыть дверцу машины, но в нерешительности опустил руку."

— О собаках не думайте, — сказал шофер. — Они знают эту машину. И тех, кто из нее выходит, в жизни не тронут.

Впрочем, собак нигде не было видно, и Максвелл, быстро поднявшись по трем ступенькам на крыльцо, распахнул дверь.

Холл был погружен в темноту. Только на винтовую лестницу падал отблеск света — по-видимому, на втором этаже горела лампочка. Кругом же царила полная тьма. Откуда-то доносились приглушенные звуки музыки и голоса.

Максвелл постоял несколько секунд не двигаясь и, когда глаза привыкли к темноте, различил, что холл простирается и за винтовую лестницу. Вероятно, там дверь или коридор...

Странно! Если уж Нэнси распорядилась, чтобы шофер высадил его у задней двери, то почему она не поручила кому-нибудь встретить его здесь? И во всяком случае, она могла бы сказать, чтобы свет не гасили, — тогда он сам отыскал бы дорогу.

Да, странно и довольно глупо — приехать на званый вечер и ошупью отыскивать путь к остальным гостям. Не лучше ли будет просто повернуться и уйти? Вернуться к Опу... Но тут Максвелл вспомнил о собаках. Они, конечно, рыщут вокруг дома; а судя по виду, ничего хорошего от них ждать не приходится.

Что-то тут не так! Это совсем не похоже на Нэнси! Она никогда не поставила бы его в подобное положение. Да, тут что-то совсем не так.

Максвелл осторожно прошел по холлу, протянув вперед руки. Хотя видел он теперь гораздо лучше, холл по-прежнему оставался темной пещерой, где глаз не различал подробностей.

Он обогнул винтовую лестницу, и холл показался ему еще темнее, потому что проблески света остались за спиной. Внезапно кто-то спросил:

— Профессор Максвелл? Это вы, профессор Максвелл?

Максвелл замер на одной ноге, потом медленно и бесшумно опустил на пол другую, уже поднятую для шага, и застыл, чувствуя, что весь покрывается гусиной кожей.

— Профессор Максвелл! — повторил голос. — Я знаю, что вы в холле.

Собственно говоря, это не был голос в прямом смысле слова. Максвелл готов был поклясться, что тишину холла не нарушил ни единый звук, и все же он ясно слышал эти слова... может быть, они раздавались у него не в ушах, а в каком-то уголке мозга.

Его охватил безотчетный ужас, и он попытался отогнать его, но ужас не исчезал — он затаился рядом во мраке, готовый вновь захлестнуть его черной волной.

Максвелл попробовал заговорить, но не смог. Голос произнес:

— Я поджидал вас здесь, профессор. Мне необходимо вступить с вами в контакт. Это столь же в ваших интересах, сколько в моих.

— Где вы? — спросил Максвелл.

— Я за дверью слева от вас.

— Я не вижу никакой двери.

Здравый смысл настойчиво твердил Максвеллу: беги, немедленно беги. Поскорее выберись отсюда!

Но он не мог бежать. У него не было сил. Да и куда? Назад под аркаду нельзя — там ждут собаки. Вперед по темному холлу?. Опрокидывая все на пути, поднимая оглушительный грохот, чтобы все гости сбежались и обнаружили его — растрепанного, в синяках, дрожащего от страха? Он знал, что стоит ему побежать и им сразу же овладеет паника.

Чтобы его увидели в подобном состоянии? Нет! Хватит и того, что он проник в дом украдкой, с черного хода.

Если бы это был просто голос — какой угодно, но голос, — он не нагонял бы такого ужаса. Но он производил такое жуткое впечатление — ни намек на интонацию, монотонный, механический, словно скрежещущий!

Ни один человек так говорить не может, решил Максвелл. Где-то рядом в темноте прятался внеземлянин.

— Тут есть дверь, — произнес этот пустой, жесткий голос, — Сделайте шаг влево и толкните ее.

Положение становится просто смешным, подумал Максвелл. Либо он войдет в эту дверь, либо опрометью бросится прочь. Конечно, можно было бы спокойно уйти, но он знал, что стоит ему повернуться спиной к невидимой двери, и он побежит — против воли, гонимый ужасом, маячившим позади.

Максвелл сделал шаг влево, нащупал дверь и толкнул ее. В комнате было темно, но в окна просачивался свет фонаря снаружи и падал на пудингообразное существо в центре комнаты — оплывший живот слабо флуоресцировал, словно клубок светящихся обитателей морского дна копошился в круглом аквариуме.

— Да, — сказала существо, — вы совершенно правы. Я принадлежу к тем жителям Вселенной, которых вы именуете колесниками. На время моего визита здесь я обзавелся наименованием, которое легко воспринимается вашим сознанием. Вы можете называть меня «мистер Мармадьюк». Несомненно, вы понимаете, что это лишь удобства ради, так как я не ношу подобного имени. Собственно говоря, у нас нет имен. Они излишни. Наше индивидуальное различие достигается иными способами.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мармадьюк, — сказал Максвелл, произнося слова медленно и отдельно, потому что губы у него тоже вдруг стали холодными и непослушными, как и все тело.

— А я с вами, профессор.

— Как вы узнали, кто я такой? — спросил Максвелл. — Вы, по-видимому, были абсолютно в этом уверены. Значит, вам было известно, что я пройду через холл?

— Разумеется, — ответил колесник.

Теперь Максвелл мог лучше разглядеть своего странного собеседника — пухлое тело, висящее между двумя колесами, копошащаяся масса в нижней прозрачной его части.

— Вы один из гостей Нэнси? — спросил он.

— Да, — ответил мистер Мармадьюк, — Да, разумеется. Если не ошибаюсь, почетный гость, ради которого она и устроила это собрание.

— Но в таком случае вам следовало бы быть в зале с остальными приглашенными.

— Я сослался на усталость, — объяснил мистер Мармадьюк. — Легкое уклонение от истины, признаюсь, ибо я никогда не устаю. И вот я удалился отдохнуть...

— И дожидаться меня?

— Вот именно, — сказал мистер Мармадьюк.

Нэнси, подумал Максвелл. Нет! Нэнси, конечно, тут ни при чем. Она слишком легкомысленна, слишком поглощена своими зваными вечерами и совершенно не способна на интриги.

— Мы могли бы обсудить одну тему, — сказал мистер Мармадьюк. — Ко взаимной выгоде, как я полагаю. Вы, если не ошибаюсь, ищете покупателя для некоего движимого имущества. Не исключено, что это движимое имущество может представлять некоторый интерес для меня.

Максвелл отступил на шаг, стараясь найти какой-нибудь ответ. Но ему ничего не приходило в голову. А ведь он мог бы знать! Мог бы догадаться или хотя бы заподозрить!

— Вы не отвечаете, — сказал мистер Мармадьюк, — Но я не мог ошибиться. Вы действительно посредник по этой продаже и здесь нет никакого недоразумения?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, я посредник.

Он знал, что запыряться нет смысла. Каким-то образом это существо на колесах проведало про хрустальную планету и про сокровищницу накопленных там знаний. И возможно, ему известна назначенная цена. Уж не этот ли колесник пытается купить Артефакт?

— В таком случае, — сказал мистер Мармадьюк, — нам следует немедленно приступить к переговорам и обсудить условия. Не забыв при этом упомянуть и причитающиеся вам комиссионные.

— Боюсь, в настоящее время это невозможно, — сказал Максвелл. — Я не знаю условий продажи. Видите ли, сначала я должен был найти потенциального покупателя, а уж потом...

— Это не составит ни малейшего затруднения, — объявил колесник. — Ибо у меня есть сведения, которыми не располагаете вы. Мне известны условия продажи.

— И вы готовы заплатить требуемую цену?

— О, безусловно, — сказал колесник. — На это просто потребуется некоторое время — весьма незначительное. Необходимо завершить некую коммерческую операцию. По ее заключении мы с вами сможем довести наше дело до конца без хлопот и шума. Единственное, что еще следовало бы установить, как мне представляется, — это размеры комиссионных, которые вы заслужили, безусловно.

— Я полагаю, — растерянно произнес Максвелл, — что они должны быть неплохими.

— Мы намерены, — заявил мистер Мармадьюк, — назначить вас... библиотекарем, что ли — при том движимом имуществе, которое мы приобретаем. Предстоит большая работа по разбору и каталогизации указанного имущества. Для этого нам необходимо существо, подобное вам, и мне представляется, что ваши обязанности будут для вас весьма интересными. А что до жалованья... Профессор Максвелл, мы покорно просим вас самого назвать цифру, а также и остальные условия, на которых вы согласитесь занять эту должность.

— Мне нужно все это обдумать.

— О, разумеется, разумеется! — произнес мистер Мармадьюк, — В делах такого рода небольшое размышление бывает полезным. Вы найдете нас склонными к самой неограниченной щедрости.

— Вы меня не поняли, — сказал Максвелл. — Мне нужно будет подумать о самой продаже. Сочту ли я возможным ее устроить.

— Быть может, вы сомневаетесь в том, достойны ли мы приобрести указанное движимое имущество?

— И это тоже, — сказал Максвелл.

— Профессор Максвелл, — сказал колесник, — для вас будет несравненно лучше, если вы отбросите свои сомнения. Поверьте, вам не следует испытывать по отношению к нам какие— либо сомнения, ибо мы полны решимости получить то, что вы можете предложить. А потому вы должны охотно и добровольно вести переговоры с нами.

— Хочу я того или нет? — осведомился Максвелл.

— Вы не имеете представления о том, какое положение мы занимаем, — сказал колесник. — Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса. И вы не можете знать, что лежит за этими пределами.

В этих словах, в том, как они были произнесены, было что-то такое, от чего по спине Максвелла пробежала холодная дрожь, словно в комнату ворвался ледяной вихрь, примчавшийся из неведомых глубин Вселенной.

«Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса», — сказал мистер Мармадюк. Но что лежит за этими пределами? Никто ничего не знал — известно было только, что в некоторых областях по ту сторону зыбкой границы, за которую еще не проникли разведчики человечества, колесники создали империю. И из-за этой границы до освоенной части Вселенной доходили жуткие истории, какие всегда рождаются на дальних границах, питаемые воображением человека, стремящегося разгадать то неизвестное, что таится чуть дальше впереди.

Контакты с колесниками были редкими и мимолетными, и о них не было известно почти ничего, а это само по себе уже не обещало ничего хорошего. Никто не протягивал дружеских рук, не делал жестов благожелательности и доброй воли — ни колесники, ни люди, ни друзья и союзники людей. В огромном секторе космического пространства пролегла безмолвная угрюмая граница, которую не пересекала ни та, ни другая сторона.

— Мне было бы легче принять решение, — сказал Максвелл, — если бы мои сведения были более подробными, если бы мы могли узнать о вас больше...

— Вы знаете, что мы — таракашки, — заявил мистер Мармадюк, и слова эти буквально брызгали желчью. — Ваша нетерпимость...

— Вовсе нет, — негодуя перебил Максвелл. — И мы не считаем вас таракашками. Мы знаем, что вы — ульевые конгломераты. Мы знаем, что каждый из вас является колонией существ, сходных с теми, которых мы здесь, на Земле, называем насекомыми, и это, разумеется, составляет значительное различие между нами, и все же вы отличаетесь от нас не больше, чем многие другие существа с иных звезд. Слово «нетерпимость» мне не нравится, мистер Мармадюк, так как оно подразумевает «терпимость», а это оскорбительно и для вас, и для меня, и для любого другого существа во Вселенной.

Он заметил, что трясется от гнева, и удивился, почему одно какое-то слово могло его так взбесить. Его не вывела из себя даже мысль о том, что знания хрустальной планеты вот— вот достанутся колесникам, и вдруг он пришел в ярость от одного слова.

Возможно, подумал он, это произошло потому, что там, где множество самых разных рас должно жить в мире и согласии друг с другом, и «нетерпимость» и «терпимость» стали одинаково грязными ругательствами.

— Вы ведете спор убедительно и любезно, — сказал мистер Мармадюк. — И возможно, вы не нетерпимы...

— Если бы нетерпимость и существовала, — не дал ему окончить Максвелл, — не понимаю, почему вы приходите в такое негодование. Ведь проявление такого чувства бросает тень не на того, против кого оно направлено, а на того, кто его испытывает, поскольку он демонстрирует не только невоспитанность, но и глубокое невежество. Нет ничего глупее нетерпимости.

— В таком случае, что же вызывает у вас колебания? — спросил колесник.

— Мне необходимо узнать, как вы думаете распорядиться своим приобретением. Я хотел бы выяснить, какова ваша цель. Я еще очень многое должен был бы о вас узнать.

— Чтобы получить право судить?

— Но как можно судить в подобных ситуациях? — с горечью сказал Максвелл.

— Мы слишком много говорим, — объявил мистер Мармадюк, — И без всякого смысла. Я вижу, что у вас нет намерения устроить нам это приобретение.

— Вот именно, — ответил Максвелл. — По крайней мере в настоящий момент.

— В таком случае, — сказал мистер Мармадюк, — нам придется искать иной путь. Своим отказом вы причините нам значительные хлопоты и потерю времени, и мы будем вам весьма неблагодарны.

— Мне почему-то кажется, — сообщил ему Максвелл, — что я как-нибудь стерплю вашу неблагодарность.

— Быть на стороне победителя, милостивый государь, — угрожающе произнес мистер Мармадюк, — это немалое преимущество.

Мимо Максвелла промелькнуло что-то большое и быстрое. Краем глаза он уловил блеск оскаленных зубов и стремительный взлет песочно-коричневого тела.

— Сильвестр, не надо! — вскрикнул Максвелл, — Не трогай его, Сильвестр!

Мистер Мармадюк не растерялся. Его колеса бешено закрутились, и, ловко обогнув прыгнувшего Сильвестра, он ринулся к двери. Когти Сильвестра царапнули половицы, и он извернулся спиралью. Максвелл кинулся в сторону от мчавшегося прямо на него колесника, но колесо все-таки задело его плечо, и он отлетел к стене. Мистер Мармадюк молнией выскочил за дверь. За ним метнулось длинное гибкое тело — казалось, Сильвестр летит по воздуху, не касаясь земли.

— Сильвестр, не надо! — вопил Максвелл, бросаясь вслед за тигренком.

В холле он резко повернул и отчаянно засеменял, стараясь сохранить равновесие. Впереди по холлу быстро катил колесник, но Сильвестр настигал его. Максвелл не стал больше расходовать силы и время на бесполезные крики и поспешил за ними.

В дальнем конце холла мистер Мармадюк круто свернул влево, и Сильвестр, совсем уже было схвативший его, не сумел проделать поворот столь же быстро и ловко и потерял несколько драгоценных секунд. Максвелл, успев оценить обстановку, обогнул угол на полном ходу и увидел перед собой освещенный коридор и мраморные ступени, ведущие вниз, в зал, где множество людей стояли, разбившись на небольшие группы, с бокалами в руках.

Мистер Мармадюк стремительно приближался к лестнице. Сильвестр опережал Максвелла на один прыжок, отставая от колесника прыжка на три.

Максвелл хотел было крикнуть, но у него перехватило дыхание, да и в любом случае его вопль вряд ли что-нибудь изменил бы, так как события развивались с невероятной быстротой.

Колесник соскочил на первую ступеньку, и Максвелл прыгнул, протягивая вперед руки. Он упал на спину тигренка и крепко обхватил его шею. Они вместе растянулись на полу, и краем глаза Максвелл увидел, что колесник на второй ступеньке подскочил высоко в воздух и начал угрожающе крениться набок.

Тут раздались испуганный женский визг, растерянные крики мужчин и звон бьющихся бокалов.

На этот раз, угрюмо подумал Максвелл, Нэнси получила сенсацию, на которую, наверное, не рассчитывала.

Он лежал у стены над лестницей. Сильвестр, уютно устроившись у него на груди, примеривался нежно облизать ему лицо.

— Сильвестр, — сказал Максвелл. — Вот ты и добился своего. Ты подложил нам колоссальную свинью.

Сильвестр лизнул его и хрипло замурыкал.

Максвелл спихнул тигренка на пол и сел, прислонившись к стене. Мистер Мармадюк валялся на боку у нижней ступеньки лестницы. Оба его колеса крутились как бешеные, и он неуклюже вращался вокруг своей оси.

По лестнице взбежала Кэрол и, уперев руки в бока, уставилась на Максвелла и тигренка.

— Хорошая парочка, нечего сказать! — вскричала она и задохнулась от гнева.

— Мы не нарочно, — сказал Максвелл.

— Почетный гость! — Она чуть не плакала от злости. — Почетный гость, а вы двое гоняетесь за ним по коридорам, словно онмышь какая-нибудь!

— По-видимому, мы не причинили ему большого вреда, — заметил Максвелл, — Я вижу, он цел и невредим. Хотя меня не удивило бы, если бы его брюхо лопнуло и эти милые жучки разлетелись бы по всему полу.

— Что подумает Нэнси? — негодуяспросила Кэрол.

— Думаю, она будет в восторге, — ответил Максвелл. — На ее званных вечерах не случалось ничего интересного с тех пор, как огнедышащая амфибия из системы Крапивы подожгла новогоднюю елку.

— Вы это придумали! — заявила Кэрол, — Этого не было.

— Чтоб мне провалиться! Я сам был тогда здесь, видел все своими глазами и помогал гасить пожар.

Тем временем мистера Мармадюка окружили гости и принялись поднимать его. По залу засновали маленькие роботы, собирая осколки и вытирая лужицы коктейлей.

Максвелл встал на ноги, а Сильвестр, подобравшись к нему, стал тереться головой о его колени.

Откуда-то появилась Нэнси и заговорила с мистером Мармадюком. Гости, окружив их кольцом, внимательно слушали.

— На вашем месте, — посоветовала Кэрол, — я бы испарилась отсюда как можно незаметнее. Не думаю, чтобы вас тут теперь встретили с распростертыми объятиями.

Он начал спускаться по лестнице, а Сильвестр с царственным видом шагал рядом. Нэнси обернулась, увидела Максвелла и поспешила к нему навстречу.

— Пит! — воскликнула она. — Так, значит, это все-таки правда! Ты действительно вернулся.

— Да, конечно, — растерянно согласился Максвелл.

— Я читала в газетах, но не могла поверить. Я думала, что это какой-нибудь трюк или розыгрыш.

— Но ты же меня пригласила... — сказал Максвелл.

— Пригласила? Тебя?

Она не шутила. Это было ясно.

— Значит, ты не посылала Краба...

— Какого краба?

— Ну, существо, которое больше всего похоже на краба — переростка.

Нэнси покачала головой, и, вглядываясь в ее лицо, Максвелл вдруг почти со страхом обнаружил, что она начинает стареть. В уголках глаз и рта лучились морщинки, которые не могла спрятать никакая косметика.

— Существо, похожее на краба, — повторил он, — Оно сказала, что работает у тебя посыльным и что ты приглашаешь меня на этот вечер. Оно сказала, что за мной будет прислан автомобиль. Оно даже принесло мне костюм, сказав, что...

— Пит, — перебила Нэнси. — Пожалуйста, поверь мне. Я ничего этого не делала. Я тебя не приглашала. Но я очень рада, что ты пришел.

Приблизившись к нему почти вплотную, она взяла его под руку и сказала, еле сдерживая смех:

— И мне было бы очень интересно узнать, что у тебя произошло с мистером Мармадюком.

— Мне очень жаль... — начал Максвелл.

— И напрасно. Разумеется, он мой гость, а с гостями следует обходиться любезно, но, в сущности, он ужасен, Пит. Скучный педант, сноб и...

— Тсс! — предостерег ее Максвелл.

Мистер Мармадюк, высвободившись из кольца гостей, катил к ним через зал. Нэнси повернулась навстречу колеснику.

— Вы правда не пострадали? — спросила она, — Нет, правда?

— Я отнюдь не пострадал, — сказал мистер Мармадюк.

Он подкатил к Максвеллу, и из верхушки его округлого туловища возникла рука — гибкая, пружинообразная, больше напоминавшая щупальце, чем руку, — с клешней из трех пальцев. Мистер Мармадюк обвил этой рукой плечи Максвелла, и тот почувствовал инстинктивное желание сбросить ее, отодвинуться, но подавил этот импульс и заставил себя остаться на месте.

— Благодарю вас, сэр, — сказал мистер Мармадюк. — Я весьма вам благодарен. Возможно, вы спасли мою жизнь. В момент моего падения я увидел, как вы прыгнули на этого зверя. Весьма героический поступок.

Сильвестр крепче прижался к боку Максвелла, поднял голову и оскалился.

— Он не причинил бы вам вреда, сэр, — вмешалась Кэрол. — Он ласков, как котенок. Если бы вы не побежали, он не стал бы за вами гнаться. Он по глупости вообразил, что вы с ним играете. Сильвестр очень любит играть.

Сильвестр зевнул, продемонстрировав все зубы.

— Эта игра, — сказал мистер Мармадюк, — не доставляет мне удовольствия.

— Когда я увидел, что вы упали, — переменял тему Максвелл, — я испугался за вас. Мне показалось, что вы вот-вот разорветесь.

— О, это был напрасный испуг, — заявил мистер Мармадюк, — Я чрезвычайно упруг. Это тело сотворено из

превосходного материала, весьма крепкого и обладающего исключительной эластичностью.

Он снял руку с плеча Максвелла, и она взвилась в воздух, точно промасленный канат, изогнулась и втянулась в тело, на поверхности которого Максвелл не сумел различить ничего, что указывало бы, где именно она скрылась.

— Очень прошу вас извинить меня, — сказал мистер Мармадюк. — Мне нужно кое-кого увидеть. — И, повернув, он быстро покатил прочь.

Нэнси вздрогнула.

— У меня от него мурашки бегают! — пожаловалась она. — Хотя нельзя отрицать, что он — настоящее украшение вечера. Далеко не всякой хозяйке салона удастся заполучить колесника. Тебе я могу признаться, Пит, что пустила в ход все свои связи, чтобы он остановился у меня. А теперь я жалею — в нем есть что-то скользкое.

— А ты не знаешь, зачем он здесь? То есть здесь, на Земле?

— Нет. У меня сложилось впечатление, что он — обыкновенный турист. Хотя я как-то не могу вообразить, чтобы подобные существа путешествовали для удовольствия.

— Согласен.

— Пит, ну расскажи же мне о себе! Газеты утверждают...

Максвелл ухмыльнулся:

— Как же, знаю! Что я воскрес из мертвых!

— Но на самом деле ты не воскресал? Я понимаю, что это невозможно. Так кого же мы похоронили? Все, слышишь, все были на похоронах, и никто из нас не усомнился, что это ты. Но ведь это не мог быть ты. Так что же...

— Нэнси, — перебил Максвелл, — я вернулся только вчера. Я узнал, что скончался, что мою комнату сдали, что мое место на факультете занято и...

— Но это же невозможно! — повторила Нэнси. — Подобные вещи в действительности не случаются. И я не понимаю, что, собственно, произошло.

— Мне самому это не вполне понятно, — признался Максвелл. — Позже мне, возможно, удастся выяснить подробности.

— Но как бы то ни было, ты теперь тут, и все в порядке, — сказала Нэнси, — А если ты не хочешь говорить об этом, я скажу всем, чтобы тебя не расспрашивали.

— Я очень благодарен тебе за такую предусмотрительность, — сказал Максвелл, — но из этого ничего не выйдет.

— Репортеров можешь не опасаться, — продолжала Нэнси, — репортеров тут нет. Прежде я их приглашала — специально отобранных, тех, кому, мне казалось, я могу доверять. Но репортерам доверять невозможно, как я убедилась на горьком опыте. Так что они тебе не грозят.

— Насколько я понял, у тебя есть картина...

— А, так ты знаешь про картину! Пойдем посмотрим на нее. Это жемчужина моей коллекции. Только подумай — подлинный Ламберт! И к тому же прежде неизвестный. Потом я расскажу тебе, как была найдена эта картина, но во что она мне обошлась, я тебе не скажу. Ни тебе и никому другому. Мне стыдно об этом даже думать.

— Так много или так мало?

— Так много, — ответила Нэнси. — И ведь необходима величайшая осторожность. Очень легко попасть впросак! Я начала вести переговоры о покупке только после того, как ее увидел эксперт. Вернее, два эксперта. Один проверил заключение другого, хотя, возможно, тут я несколько перегнула палку.

— Но в том, что это Ламберт, сомнений нет?

— Ни малейших. Даже мне было ясно с самого начала. Ни один другой художник не писал так, как Ламберт. Но ведь его все-таки можно скопировать, и я хотела удостовериться.

— Что тебе известно о Ламберте? — спросил Максвелл. — Больше, чем нам всем? Что-то, чего нет в справочниках?

— Ничего. То есть не очень много. И не о нем самом. А почему ты так подумал?

— Потому что ты в таком ажиотаже.

— Ну вот! Как будто мало найти неизвестного Ламберта! У меня есть две другие его картины, но эта — особенная, потому что была потеряна. Собственно говоря, я не знаю, насколько тут подходит слово «потеряна». Вернее сказать, она никогда не значилась ни в одном каталоге. Не существует никаких упоминаний, что он ее писал, во всяком случае сохранившихся. А ведь она принадлежит к его так называемым гротескам! Как-то трудно вообразить, чтобы хоть один из них пропал бесследно, или был совершенно забыт, или... ну, что еще могло с ним произойти? Другое дело, если бы речь шла о картине раннего периода.

Они прошли через зал, лавируя между кучками гостей.

— Вот она, — сказала Нэнси, когда они проложили путь через толпу, собравшуюся у стены, на которой висела картина.

Максвелл поднял голову и взглянул на стену.

Картина несколько отличалась от цветных репродукций, которые он видел утром в библиотеке. Это, сказал он себе, объясняется тем, что она больше, а краски ярче и чище... и тут же обнаружил, что этим все не исчерпывается. Иными были ландшафт и населявшие его существа. Ландшафт казался более земным — гряда серых холмов, бурый кустарник, разлапистые, похожие на папоротники деревья. По склону дальнего холма спускалась группа созданий, которые могли быть гномами; под деревом, прислонившись к стволу, сидело существо, похожее на гоблина, — оно, по-видимому, спало, нахлобучив на глаза подобие шляпы. А на переднем плане — жуткие ухмыляющиеся твари с безобразными телами и мордами, при взгляде на которых кровь стыла в жилах.

На плоской вершине дальнего холма, у подножия которого толпилось множество разнообразных существ, лежало что-то маленькое и черное, четко выделяясь на фоне серого неба.

Максвелл ахнул, быстро шагнул вперед и замер, боясь выдать свое волнение. Неужели еще никто этого не

заметил? Впрочем, возможно, кто-то и заметил, но не придал открытию никакой важности или решил, что ошибся.

Но Максвелл знал, что не ошибается. Никаких сомнений у него не возникло. Маленькое черное пятно на дальней вершине было Артефактом!

Глава 15

Максвелл нашел укромный уголок позади внушительной мраморной вазы с каким-то пышно цветущим растением и сел на один из стоявших там стульев.

Из-за вазы он наблюдал, как толпа гостей в зале постепенно начала редеть. А те, кто пока не собирался уходить, несколько приуныли. И если кто-нибудь еще вздумает спросить, что с ним произошло, решил Максвелл, он даст ему в челюсть, и дело с концом.

Накануне он сказал Кэрол, что в ближайшее время ему придется объяснять, объяснять и снова объяснять. Именно это он и делал весь вечер — с некоторыми отклонениями от истины, — и никто ему не верил. Его собеседники глядели на него пустыми глазами и соображали, пьян он или просто их разыгрывает.

Хотя настоящей жертвой розыгрыша, подумал Максвелл, был он сам. Его пригласили на этот вечер, но приглашение исходило не от Нэнси Клейтон. Нэнси не посылала ему костюма и не поручала шоферу заехать за ним, а потом посадить у задней двери, чтобы он прошел через холл мимо двери, за которой поджидал колесник. И десять против одного, что собаки не принадлежат Нэнси, хотя он и забыл спросить о них.

Кто-то, не щадя усилий и хлопот, чрезвычайно сложным способом обеспечил колеснику возможность переговорить с ним. Все это настолько отдавало дешевой мелодрамой и было настолько пропитано атмосферой плащей и кинжалов, что становилось смешно. Но только... только ему почему-то не хотелось смеяться.

Сжимая бокал в ладонях, Максвелл слушал гул идущего к концу вечера. Сквозь густую листву над мрамором вазы он видел почти весь зал, но колесника нигде не было, хотя раньше мистер Мармадюк все время кружил среди гостей.

Максвелл рассеянно переложил бокал из одной руки в другую и понял, что не будет пить, что и так уже выпил больше, чем следовало бы, — не потому, что опьянел, а потому, что пить здесь было не место. Это удовольствие следует приберегать для небольшой дружеской компании в чьей-нибудь привычной уютной комнате, а не среди шумной толпы незнакомых и малознакомых людей в большом и безликом зале... Внезапно он почувствовал, что очень устал. Сейчас он встанет, попрощается с Нэнси, если сумеет ее найти, и тихонько побредет к хижине Опа.

А завтра? Завтра ему предстоит многое сделать. Но сейчас он об этом думать не будет. Он все отложит на завтра.

Поднеся бокал к краю мраморной вазы, Максвелл вылил коктейль на корни растения.

— Ваше здоровье! — сказал он, потом осторожно, стараясь не потерять равновесия, нагнулся и поставил бокал на пол.

— Сильвестр! — раздался голос за его спиной, — Ты видишь, что тут происходит?

Максвелл обернулся и встретился взглядом с Кэрол, которая стояла по ту сторону вазы, положив руку на голову Сильвестра.

— Входите, входите, — приветливо сказал он. — Это мой тайник. Если вы оба будете вести себя смирно...

— Я весь вечер пыталась поговорить с вами с глазу на глаз, — заявила Кэрол. — Но где там! Я хочу знать, зачем вам с Сильвестром понадобилось охотиться на колесника.

Она забралась за вазу и остановилась, ожидая его ответа.

— Я был удивлен даже больше вас, — сообщил ей Максвелл, — У меня буквально дух захватило. Я никак не ожидал увидеть Сильвестра. Мне и в голову не приходило...

— Меня часто приглашают на званые вечера, — холодно сказала Кэрол. — Не ради меня самой, поскольку вас это, по-

видимому, удивило, а ради Сильвестра. Он служит прекрасной темой для светской болтовни.

— Очко в вашу пользу, — заметил Максвелл. — Меня так вовсе не пригласили.

— И тем не менее вы тут!

— Но не спрашивайте, как я сюда попал. Мне будет трудно отыскать правдоподобное объяснение.

— Сильвестр всегда был очень благовоспитанным котенком, — обвиняющим тоном сказала Кэрол. — Возможно, он любит поесть, но он джентльмен.

— Понимаю! В моем дурном обществе...

Кэрол обогнула вазу и села рядом с ним:

— Вы собираетесь ответить на мой вопрос?

Он покачал головой:

— Трудно. Все было как-то запутанно.

— По-моему, я никогда не встречала человека, который так умеет вывести собеседника из себя, как вы. И вообще, это непорядочно.

— Кстати, — сказал он, — вы ведь видели картину?

— Конечно! Она же — гвоздь вечера. Вместе с этим забавным колесником.

— А ничего странного вы не заметили?

— Странного?

— Да. На картине.

— По-моему, нет.

— На одном из холмов нарисован крохотный кубик. Черный, на самой его вершине. Он похож на Артефакт.

— Я не обратила внимания... Я особенно ее не разглядывала.

— Но гномов-то вы разглядели?

— Да. Во всяком случае, кого-то на них похожего.

— А существа на переднем плане? Они ведь совсем другие.

— Другие? По сравнению с кем?

— С теми, каких обычно писал Ламберт.

— Вот не знала, — заметила Кэрол, — что вы специалист по Ламберту.

— А я и не специалист. Просто сегодня утром, когда я узнал про этот званый вечер и про картину, которой обзавелась Нэнси, я пошел в библиотеку и взял альбом с репродукциями.

— Но даже если они и другие, так что? — спросила Кэрол, — Художник же имеет право писать все, что ему вздумается.

— Совершенно верно. Но речь не об этом. Ведь на картине изображена Земля. То есть если это действительно Артефакт, в чем я не сомневаюсь, значит, на ней должна быть изображена Земля. Но не наша Земля, не та, которую мы знаем, а Земля, какой она была в юрский период.

— По-вашему, на других его картинах изображена не Земля? Но этого не может быть! Ламберт жил в эпоху, когда ничего другого художник писать не мог. Ведь в космос еще никто не летал — то есть в глубокий космос, а не только на Луну и на Марс.

— Нет, в космос летали, — возразил Максвелл. — На крыльях фантазии. Тогда существовали и путешествия в космосе, и путешествия во времени — силой воображения. Ни один художник никогда не был ограничен железными рамками «сейчас» и «здесь». Все так и считали, что Ламберт пишет страну Фантазию. Но теперь я начинаю задумываться, а не писал ли он реальные ландшафты и реальных существ — просто то, где бывал и что видел.

— Но если вы правы, — возразила Кэрол, — то как он туда попадал? Конечно, Артефакт на его картине объяснить трудно, однако...

— Нет, я имел в виду то, о чем постоянно твердит Оп, — сказал Максвелл, — Он принес из своих неандертальских дней воспоминания о гоблинах, троллях и прочих обитателях холмов. Но он говорил, что были и какие-то «другие». И они были несравненно хуже: злокозненные, безжалостные, и неандертальцы смертельно боялись их.

— И вы думаете, что на картине есть и они? Те, кого вспоминал Оп?

— Да, мне пришло в голову как раз это, — признался Максвелл, — Может быть, Нэнси не будет возражать, если я завтра приведу Опа взглянуть на картину.

— Наверное, не будет, — сказала Кэрол. — Но это и необязательно. Я сфотографировала картину.

— Как же...

— Конечно, я знаю, что так делать не полагается. Но я попросила разрешения у Нэнси, и она сказала, что ничего не имеет против. А что другое она могла бы ответить? И я снимала картину не для того, чтобы продавать снимки, а только для собственного удовольствия. Ну, как плату за то, что я привела Сильвестра, чтобы ее гости могли на него посмотреть. Нэнси хорошо разбирается в подобных тонкостях, и у нее не хватило духу сказать мне «нет». Если вы хотите, чтобы я показала снимки Опу...

— Вы говорите серьезно?

— Конечно. И пожалуйста, не осуждайте меня за то, что я сфотографировала картину. Надо же сводить счеты!

— Счеты? С Нэнси?

— Ну, не специально с ней, но со всеми теми, кто приглашает меня на званые вечера. Со всеми ними без исключения. Ведь их интересую вовсе не я. На самом-то деле они приглашают Сильвестра. Словно он ученый медведь или фокусник! Ну и, чтобы заполучить его, они вынуждены приглашать меня. Но я знаю, почему они меня приглашают, и они знают, что я знаю, но все равно приглашают!

— По-моему, я понимаю, — сочувственно сказал Максвелл.

— А по-моему, они просто расписываются в снобизме и чванстве.

— Вполне согласен.

— Если мы намерены показать снимки Опу, — сказала Кэрол, — нам, пожалуй, пора идти. Все равно веселье

засыхает на корню. Так вы решительно не хотите рассказать мне, что у вас произошло с колесником?

— Потом, — уклончиво сказал он. — Не сейчас. Возможно, позже.

Они вышли из-за вазы и пошли через зал к дверям, лавируя между поредевшими группами гостей.

— Надо бы разыскать Нэнси, — заметила Кэрол, — и попроститься.

— Как-нибудь в другой раз, — предложил Максвелл. — Мы напишем или позвоним ей. Объясним, что не сумели ее найти, поблагодарим за удивительно приятный вечер, скажем, что было необыкновенно интересно, что ее приемов мы никогда не пропускаем, что картина нам необыкновенно понравилась и что она поистине гениальна, раз сумела ее приобрести...

— Вам не следует паясничать, — посоветовала Кэрол. — Вы утрируете, и у вас ничего не получается.

— Я тоже так думаю, — признался Максвелл, — но продолжаю пробовать — а вдруг?

Они закрыли за собой парадную дверь и начали спускаться по широким полукруглым ступеням, которые заканчивались у самого шоссе.

— Профессор Максвелл! — крикнул кто-то.

Максвелл оглянулся. К ним по лестнице сбегал Черчилл.

— Можно вас на минутку, Максвелл? — сказал он.

— Да. Что вам угодно, Черчилл?

— Поговорить с вами. И наедине, с разрешения вашей дамы.

— Я подожду вас у шоссе, — сказала Кэрол Максвеллу.

— Не нужно, — возразил Максвелл. — Я разделаюсь с ним в два счета.

— Нет, — твердо сказала Кэрол. — Я подожду. Не надо бурных эмоций.

Максвелл остановился, и Черчилл, слегка запыхавшись, ухватил его за локоть.

— Я весь вечер искал случая подойти к вам. Но вы ни на минуту не оставались в одиночестве.

— Что вам нужно? — резко спросил Максвелл.

— Колесник! — сказал Черчилл. — Пожалуйста, забудьте о вашей с ним беседе. Он не знает наших обычаев. Я не знал о его намерениях. Более того, я его прямо предупреждал...

— То есть вы знали, что колесник устроил засаду?

— Я отговаривал его! — возмущенно заявил Черчилл. — Я прямо сказал, чтобы он оставил вас в покое! Мне очень жаль, профессор Максвелл! Поверьте, я сделал все, что было в моих силах!

Максвелл вцепился правой рукой в рубашку Черчилла, собрал ее в комок и подтянул юриста к себе.

— А, так, значит, это вы прислужник колесника! — крикнул он, — Его ширма! Это вы ведете переговоры о покупке Артефакта, чтобы его заполучил колесник!

— Я поступаю так, как нахожу нужным! — злобно ответил Черчилл. — Моя профессия — служить посредником в делах, которые люди не хотят или не могут вести сами.

— Колесник к людям не относится, — возразил Максвелл, — Только Богу известно, что такое колесник. Во-первых, он — гнездо насекомых, а во-вторых, а в-третьих, а в-четвертых... мы этого не знаем!

— Он не нарушает никаких законов, — сказал Черчилл. — Он имеет право покупать все, что ему угодно.

— А вы имеете право пособничать ему, — прошипел Максвелл. — Имеете право состоять у него на жалованье. Но осторожней выбирайте способы это жалованье отрабатывать! И не попадайтесь на моей дороге!

Резким движением он оттолкнул Черчилла. Тот зашатался, потерял равновесие и покатился по широким ступеням. Кое— как задержав свое падение, он не встал и продолжал лежать, раскинув руки.

— Надо было сбросить вас с лестницы, чтобы вы сломали свою поганую шею! — крикнул Максвелл.

Оглянувшись, он обнаружил, что у дверей собралось довольно много людей, которые смотрят на него. Смотрят и переговариваются между собой.

Он повернулся на каблуках и зашагал вниз по ступеням.

Внизу Кэрол мертвой хваткой вцепилась в разъяренного тигренка.

— Я думала, он вот-вот вырвется и растерзает этого субъекта в клочья, — задыхаясь, пробормотала она и посмотрела на Максвелла с плохо скрываемым отвращением, — Неужели вы ни с кем не можете разойтись мирно?

Глава 16

Максвелл спрыгнул с шоссе в том месте, где начиналась лощина Гончих Псов, и несколько минут простоял, вглядываясь в скалистые утесы и резкие очертания осенних обрывов. Дальше в лощине, за желто-красной завесой листвы, он увидел крутой каменистый склон холма Кошачья Берлога, на вершине которого, как ему было известно, стоял, уходя высоко в небо, замок гоблинов, где проживал некий О'Тул. А внизу, в чаще, прятался обомшелый каменный мост, обиталище троллей.

Час был еще ранний: Максвелл отправился в путь задолго до рассвета. На траве и кустах, до которых еще не добралось солнце, поблескивала ледяная роса. Воздух оставлял во рту винный привкус, а голубизна неба была такой нежной и светлой, что оно словно вообще не имело цвета. И все это: и небо, и воздух, и скалы, и лес — было пронизано ощущением непонятного ожидания.

Максвелл прошел по горбатому пешеходному мостику, перекинутому через шоссе, и зашагал по тропинке, убежавшей в лощину.

Вокруг него сомкнулись деревья — он шел теперь по затавившей дыхание волшебной стране. Максвелл вдруг заметил, что старается ступать медленно и осторожно, опасаясь нарушить лесное безмолвие резким движением или шумом.

С балдахина ветвей над ним, неторопливо кружа, слетали листья — трепещущие разноцветные крылышки — и устилали землю мягким ковром. Тропку перед ним торопливым клубочком перебежала мышь, и опавшие листья даже не зашуршали под ее лапками. Вдали стрекотала голубая сойка, но деревья приглушали и смягчали ее пронзительный голос.

Тропка разделилась на две — левая продолжала виться по ложнине, правая свернула к обрыву. Максвелл пошел по правой. Ему предстоял долгий и утомительный подъем, но он не торопился и намерен был устраивать частые передышки. В такой день, подумал он, просто грех спешить, экономя время, которое можно провести здесь, среди красок и тишины.

Крутая тропинка петляла, огибая огромные, припавшие к земле валуны в бахроме седых лишайников. Ее со всех сторон обступали древесные стволы — грубая темная кора вековых дубов оттенялась атласной белизной берез в мелких коричневых пятнышках там, где тонкая кора скрутилась в трубочку, но все еще лънула к родному дереву, трепеща на ветру. Над грудой валежника поднималась пирамида ариземы, осыпанная багряными ягодами, и лиловые листья обвисли, как рваная мантия.

Максвелл не спеша поднялся по склону, часто останавливаясь, чтобы оглядеться и вдохнуть аромат осени, окутывавший все вокруг. Вскоре он дошел до лужайки, на которую опустил автолет Черчилла, когда тролли наложили на него заклятие. Отсюда тропа вела прямо к замку гоблинов.

Он постоял на лужайке, переводя дух, а потом пошел дальше. На огороженном жердями пастбище Доббин — или другой, очень похожий на него конь — общипывал редкие пучки скудной травы. Над башенками замка кружили голуби, а в остальном он казался вымершим.

Внезапно благостная тишина утра была нарушена оглушительными воплями, и из распахнутых ворот замка вывалилась орава троллей, которые двигались довольно

странным строем. Они шли тремя вереницами, и каждая тянула канат — совсем как волжские бурлаки в старину, решил Максвелл, вспомнив картину, которую ему как-то довелось увидеть. Тролли выбрались на подъемный мост, и Максвелл увидел, что все три каната привязаны к большому обтесанному камню — тролли волочили его за собой, и он, подпрыгивая на мосту, глухо гремел.

Старый Доббин дико ржал и бегал по кругу, вскидывая задом.

Тролли тяжелой рысцой спускались по тропе — темно-коричневые, морщинистые, злобные лица, длинные сверкающие клыки, спутанные гривы волос, дыблящиеся больше обычного, — а позади них, поднимая клубы пыли, грузно полз камень.

Из ворот замка выплеснулась кипящая волна гоблинов, которые размахивали дубинками, мотыгами, вилами — короче говоря, всем, что подвернулось им под руку.

Максвелл поспешно посторонился, пропуская троллей. Они бежали молча, решительно, всем весом налегая на канаты, а за ними, испуская пронзительные воинственные кличи, мчалась орда гоблинов. Впереди, тяжело переваливаясь, неся мистер О'Тул; лицо и шея у него посинели от гнева, а в руке была зажата скалка.

В том месте, где Максвелл сошел с тропы, она круто уходила вниз по каменистому склону к лужайке фей. Камень, который волокли тролли, над самым спуском ударился о выступ скалы и подпрыгнул высоко в воздух. Канаты провисли, и камень, еще раз подпрыгнув, стремительно покатился по склону.

Какой-то тролль оглянулся и отчаянно завопил, предупреждая остальных. Бросив канаты, тролли кинулись врассыпную. Камень, набирая скорость, промчался мимо, обрушился на лужайку, опять подскочил, оставив огромную вмятину, и скользнул по траве к деревьям. Поперек бального зала фей протянулась безобразная полоса вывороченного дерна, а камень ударился о ствол могучего дуба в дальнем конце лужайки и наконец остановился.

Гоблины, оглушительно крича, кинулись в лес за разбежавшимися похитителями камня. Преследуемые вопили от страха, преследователи — от ярости, по холму раскатывалось эхо и треск кустов, ломающихся под тяжестью множества тел.

Максвелл перешел через тропу и направился к огороженному пастбищу. Старый Доббин уже успокоился и стоял, положив морду на верхнюю жердь, словно ему нужна была подпорка. Конь с любопытством наблюдал за тем, что происходило у подножия холма.

Максвелл положил ладонь на шею Доббина, погладил коня и ласково потянул его за ухо. Доббин скосил на него кроткий глаз и задвигал верхней губой.

— Надеюсь, — сказал Максвелл, — они не заставят тебя волочить этот камень назад в замок. Подъем тут крутой и длинный.

Доббин лениво дернул ухом.

— Ну, насколько я знаю О'Тула, тебе этого делать не придется. Если ему удастся переловить троллей, камень потащат они.

Шум у подножия холма тем временем стих, и вскоре, пыхтя и отдуваясь, на тропу вышел мистер О'Тул и начал

взбираться по склону. Скалку он нес на плече. Лицо у него все еще отливало синевой, но уже не от бешенства, а от усталости. Он свернул с тропы к пастбищу, и Максвелл поспешил ему навстречу.

— Приношу глубочайшие извинения, — произнес мистер О'Тул настолько величественно, насколько позволяла отдышка, — Я заметил вас и обрадован вашим присутствием, но меня отвлекло весьма важное и весьма неотложное дело. Вы, я подозреваю, присутствовали при этой гнуснейшей подлости.

Максвелл кивнул.

— Они забрали мой сажальный камень, — гневно объявил мистер О'Тул, — со злобным и коварным намерением обречь меня на пешее хождение.

— Пешее? — переспросил Максвелл.

— Вы, как я вижу, слабо постигаете смысл случившегося. Мой сажальный камень, на который я должен взбираться, чтобы сесть на спину Доббина. Без сажального камня верховой езде приходит конец, и я обречен ходить пешком с большими страданиями и отдышкой.

— Ах вот что! — сказал Максвелл. — Как вы совершенно справедливо заметили, сперва я не постиг смысла случившегося.

— Эти подлые тролли! — Мистер О'Тул в ярости заскрежетал зубами. — Ни перед чем не останавливаются, негодяи! Сначала сажальный камень, а потом и замок — кусочек за кусочком, камушек за камушком, пока не останется ничего, кроме голой скалы, на которой он некогда высился. При подобных обстоятельствах необходимо со стремительной решимостью подавить зародыш их намерений.

Максвелл посмотрел вниз.

— И чем же это кончилось? — спросил он.

— Мы обратили их в паническое бегство, — удовлетворенно сказал гоблин, — Они разбежались как цыплята. Мы выкурим их из-под скал и из тайников в чаще, а потом взнуздаем точно мулов, на которых они разительно похожи,

и они, потрудившись хорошенько, втащат сажальный камень туда, откуда забрали.

— Они сводят с вами счеты за то, что вы срыли их мост.

Мистер О'Тул в раздражении отколол лихое коленце.

— Вы ошибаетесь! — вскричал он. — Из великого и незаслуженного сострадания мы не стали его срывать. Обошлись двумя камушками, двумя крохотными камушками и большим шумом. И тогда они сняли чары с помела, а также со сладкого октябрьского эля, и мы, будучи простыми душами, приверженными к доброте и незлобivosti, спустили им все остальное.

— Они сняли чары с эля? Но ведь некоторые химические изменения необратимы и...

Мистер О'Тул смерил Максвелла презрительным взглядом.

— Вы, — сказал он, — лепечете на ученом жаргоне, пригодном только для чепухи и заблуждений. Мне непостижимо ваше пристрастие к этой вашей науке, когда, будь у вас охота учиться и попроси вы нас, вам открылась бы магия. Хотя должен признать, что расколдованный эль небезупречен. В его вкусе ощущается намек на затхлость. Впрочем, и такой эль все же лучше, чем ничего. Если вы согласны составить мне компанию, мы могли бы его испробовать.

— За весь день, — ответил Максвелл, — не было сказано ничего приятнее!

— Так удалимся же, — воскликнул мистер О'Тул, — под сень сводов, где гуляют сквозняки — и все по вашей милости, по милости смешных людишек, которые воображают, будто мы обожаем развалины. Так удалимся же туда и угостимся большими кружками пенного напитка!

В большом зале замка, где отчаянно дуло, мистер О'Тул вытащил втулку из огромной бочки, покоившейся на больших козлах, наполнил до краев большие кружки и отнес их на дощатый стол возле большого каменного очага, в котором еле теплилось дымное пламя.

— А главное кощунство в том, — произнес мистер О'Тул, поднося кружку к губам, — что это возмутительное похищение сажального камня было совершено как раз тогда, когда мы приступили к поминовению.

— К поминовению? — переспросил Максвелл, — Мне очень грустно это слышать. Я не знал...

— Нет-нет, никто из наших! — поспешно сказал О'Тул. — За возможным исключением меня самого, все племя гоблинов пребывает в свински прекрасном здравии. Мы поминали баньши.

— Но ведь баньши не умер!

— Да, но он умирает. И как это печально! Он — последний представитель великого и благородного племени в этом заповеднике, а тех, кто еще сохранился в других уголках мира, можно пересчитать по пальцам на одной руке, и пальцев более чем хватит.

Гоблин поднял кружку и, почти засунув в нее физиономию, принялся пить долго и с наслаждением. Когда он поставил кружку на стол, оказалось, что на его бакенбарды налипла пена, но он не стал ее вытирать.

— Мы вымираем весьма ощутимо, — сказал он, погрузнев, — Планета изменилась. Все мы, весь маленький народец и те, кто не так уж мал, спускаемся в долину, где тени густы и непроницаемы, мы уходим от всего живого, и нам настает конец. И содрогаешься: так это горько, ибо мы были доблестным племенем, несмотря на многие наши недостатки. Даже тролли, пока не выродились, все еще сохраняли в целости некоторые слабые добродетели, хотя я и заявляю громко, что ныне никакая добродетель им не свойственна вовсе. Ибо кража сажального камня — это самая низкая подлость, ясно показывающая, что они лишены какого бы то ни было благородства духа.

Он вновь поднес кружку к губам и осушил ее до дна двумя-тремя большими глотками. Затем со стуком поставил ее на стол и поглядел на еще полную кружку Максвелла.

— Пейте же, — сказал мистер О'Тул, — Пейте до дна, и я их снова наполню, чтобы получше промочить глотку.

— Наливайте себе, — сказал Максвелл. — Разве можно пить эль так, как пьете его вы? Его следует хорошенько распробовать и посмаковать.

Мистер О'Тул пожал плечами:

— Наверное, я жадная свинья. Но это же расколдованный эль, и смаковать его не стоит.

Тем не менее гoblin встал и вперевалку направился к бочке. Максвелл поднес кружку к губам и отхлебнул. О'Тул сказал правду — в эле чувствовалась затхлость, отдававшая привкусом паленых листьев.

— Ну? — спросил гoblin.

— Его вкус необычен, но пить его можно.

— Придет день, и мост этих троллей я срою до основания, — внезапно взъярился мистер О'Тул, — Разберу камень за камнем, соскребая мох самым тщательным образом, чтобы разрушить чары, а потом молотом раздроблю камни на мельчайшие кусочки, а кусочки подниму на самый высокий утес и разбросаю их вдаль и вширь, дабы за всю вечность не удалось бы их собрать. Вот только, — добавил он, понурившись, — какой это будет тяжкий труд! Но соблазн велик. Этот эль был самым бархатным, самым сладким, какой только удавалось нам сварить. А теперь взгляните — свинское пойло! Да и свиньи им побрезгуют! Но был бы великий грех вылить даже такие мерзкие помои, если им наименование «эль».

Он схватил кружку и рывком поднес к губам. Его кадык запрыгал, и он поставил кружку, только когда выпил ее до дна.

— А если я причину слишком большие повреждения этому гнуснейшему из мостов, — сказал он, — а эти трусливые тролли начнут хныкать перед властями, вы, люди, призовете меня к ответу, потребуете, чтобы я объяснил свои мысли. А как стерпеть подобное? В том, чтобы жить по

правилам, нет благородства, и радости тоже нет — скверным был день, когда возник человеческий род.

— Друг мой! — сказал Максвелл ошеломленно. — Прежде вы мне ничего подобного не говорили.

— Ни вам и ни одному другому человеку, — ответил гоблин, — И ни перед одним человеком в мире, кроме вас, не мог бы я выразить свои чувства. Но может быть, я предался излишней словоохотливости.

— Вы прекрасно знаете, — сказал Максвелл, — что наш разговор останется между нами.

— Конечно, — согласился мистер О'Тул. — Об этом я не тревожусь. Вы ведь почти один из нас. Вы настолько близки к гоблину, насколько это дано человеку.

— Для меня ваши слова — большая честь, — заверил его Максвелл.

— Мы — древнее племя, — сказал мистер О'Тул. — Много древнее, думается мне, чем может помыслить человеческий разум. Но может быть, вы все-таки выпьете этот мерзейший и ужаснейший напиток и наполните заново свою кружку?

Максвелл покачал головой:

— Но себе налейте. Я же буду попивать свой эль не торопясь, а не глотать его единым духом.

Мистер О'Тул совершил еще одно паломничество к бочке, вернулся с полной до краев кружкой, брякнул ее на стол и расположился за ним со всем возможным удобством.

— Столько долгих лет миновало, — сказал он, скорбно покачивая головой, — Столько долгих, невероятно долгих лет, а потом явился щуплый грязный примат и все нам испортил.

— Давным-давно... — задумчиво произнес Максвелл. — А как давно? Еще в юрском периоде?

— Вы говорите загадками. Мне это обозначение неизвестно. Но нас было много и самых разных. А теперь нас мало, и далеко не все из прежних дотянули до этих пор. Мы вымираем медленно, но неумолимо. И скоро займется день,

который не увидит никого из нас. Тогда все это будет принадлежать только вам, людям.

— Вы расстроены, — осторожно сказал Максвелл. — Вы же знаете, что мы вовсе этого не хотим. Мы приложили столько усилий...

— С любовью приложили? — перебил гoblin.

— Да. Я даже скажу — с большой любовью.

По щекам гоблина поползли слезы, и он принялся утирать их волосатой мозолистой лапой.

— Не надо принимать меня во внимание, — сказал он. — Я погружен в глубокое расстройство. Это из-за баньши.

— Разве баньши ваш друг? — с некоторым удивлением спросил Максвелл.

— Нет, он мне не друг! — решительно объявил мистер О'Тул. — Он стоит по одну сторону ограды, а я — по другую. Старинный враг, и все-таки один из наших. Один из истинно древних. Он выдержал дольше других. И упорнее сопротивляется смерти. Другие все мертвы. И в подобные дни старые раздоры отправляются на свалку. Мы не можем сидеть с ним, как того требует совесть, но в возмещение мы воздаем ему посильную честь поминовения. И тут эти ползучие тролли без капли чести на всю компанию...

— Как? Никто... Никто здесь, в заповеднике, не захотел сидеть с баньши в час его смерти?

Мистер О'Тул устало покачал головой:

— Ни единый из нас. Это против закона, в нарушение древнего обычая. У меня не получится вам объяснить... он за оградой.

— Но он же совсем один!

— В терновнике, — сказал гoblin, — В терновом кусте возле хижины, которая служила ему обиталищем.

— В терновом кусте?

— Колючки терновника, — сказал гoblin, — таят волшебство, в его древесине... — Он всхлипнул, поспешно схватил кружку и поднес ее к губам. Его кадык задержался.

Максвелл сунул руку в карман и достал фотографию картины Ламберта, которая висела на стене зала Нэнси Клейтон.

— Мистер О'Тул, — сказал он, — я хочу показать вам вот это.

Гоблин поставил кружку.

— Ну так показывайте! — проворчал он. — Сколько реверансов, когда у вас есть дело.

Он взял фотографию и начал внимательно ее разглядывать.

— Тролли! — сказал он, — Ну конечно! Но тех, других, я не узнаю. Словно бы я должен их узнать, но не могу. Есть сказания, древние-древние сказания...

— Оп видел эту картину. Вы ведь знаете Опа?

— Дюжий варвар, который утверждает, будто он ваш друг.

— Он правда мой друг. И он вспомнил этих. Они — древние, из незапамятных времен.

— Но какие чары помогли получить их изображение?

— Этого я не знаю. Снимок сделан с картины, которую написал человек много лет назад.

— Но как он...

— Не знаю, — сказал Максвелл. — По-моему, он побывал там.

Мистер О'Тул заглянул в свою кружку и убедился, что она пуста. Пошатываясь, он пошел к бочке и наполнил ее. Потом вернулся к столу, взял фотографию и снова внимательно посмотрел на нее, хотя и довольно смутным взглядом.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Среди нас были и другие. Много разных, которых больше нет. Мы здесь — жалкое охвостье некогда великого населения планеты. — Он перебросил фотографию через стол Максвеллу. — Может быть, баньши скажет. Его годы уходят в тьму времен.

— Но ведь баньши умирает.

— Да, умирает, — вздохнул мистер О'Тул. — И черен этот день, и горек этот день для него, потому что никто не сидит с ним.

Он поднял кружку.

— Пейте, — сказал он, — Пейте до дна. Если выпить сколько нужно, может быть, станет не так плохо.

Глава 17

Максвелл обогнул полуразвалившуюся хижину и увидел терновник у входа. В нем было что-то странное — словно облако мрака расположилось поперек него, и казалось, будто видишь массивный ствол, от которого отходят короткие веточки с колючками. Если О'Тул сказал правду, подумал Максвелл, это темное облако и есть умиравший баньши.

Он медленно приблизился к терновнику и остановился в трех шагах от него. Черное облако беспокойно заколыхалось, словно клубы дыма на легком ветру.

— Ты баньши? — спросил Максвелл у терновника.

— Если ты хочешь говорить со мной, — сказал баньши, — ты опоздал.

— Я пришел не говорить, — ответил Максвелл. — Я пришел сидеть с тобой.

— Тогда садись, — сказал баньши. — Это будет недолго.

Максвелл сел на землю и подтянул колени к груди, а ладонями уперся в сухую, пожухлую траву. Внизу осенняя долина уходила к дальнему горизонту, к холмам на северном берегу реки, совсем непохожим на холмы этого, южного берега, — отлогие и симметричные, они ровной чередой поднимались к небу, как ступени огромной лестницы.

Над гребнем позади него захлопали крылья, и стайка дроздов стремительно пронеслась сквозь легкий голубой туман, который висел над узким оврагом, круто уходящим вниз. Но когда стих этот недолгий шум крыльев, вновь наступила мягкая, ласковая тишина, одевавшая холмы спокойствием.

— Другие не пришли, — сказал баньши, — Сначала я думал, что они все-таки придут. На мгновение я поверил, что они могут забыть и прийти. Теперь среди нас не должно быть различий. Мы едины в том, что потерпели поражение, и низведены на один уровень. Но старые условности еще живы. Древние обычаи сохраняют силу.

— Я был у гоблинов, — сказал Максвелл. — Они устроили поминовение по тебе. О'Тул горюет и пьет, чтобы притупить горе.

— Ты не принадлежишь к моему народу, — сказал баньши. — Ты явился сюда незванным. Но ты говоришь, что пришел сидеть со мной. Почему ты так поступил?

Максвелл солгал. Ничего другого ему не оставалось. Он не мог сказать умирающему, что пришел, чтобы получить сведения.

— Я работал с твоим народом, — произнес он наконец, — И принимаю близко к сердцу все, что его касается.

— Ты Максвелл, — сказал баньши. — Я слышал про тебя.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Максвелл. — Могу ли я тебе чем-нибудь помочь? Может быть, ты чего-нибудь хочешь?

— Нет, — сказал баньши. — У меня больше нет ни желаний, ни потребностей. Я почти ничего не чувствую.

В том-то и дело, что я ничего не чувствую. Мы умираем не так, как вы. Это не физиологический процесс. Энергия истекает из меня, и в конце концов ее не останется вовсе. Как мигающий язычок пламени, который дрожит и гаснет.

— Мне очень жаль, — сказал Максвелл. — Но может быть, разговаривая, ты ускоряешь...

— Да, немного, но мне все равно. И я ни о чем не жалею. И ничего не оплакиваю. Я почти последний из нас. Если считать со мной, то нас всего трое, а меня считать уже не стоит. Из тысяч и тысяч нас осталось всего трое, а меня считать уже не стоит. Из тысяч и тысяч нас осталось всего двое.

— Но ведь есть же гоблины, и тролли, и феи...

— Ты не понимаешь, — сказал баньши. — Тебе не говорили. А ты не догадался спросить. Те, кого ты назвал, — более поздние; они пришли после нас, когда юность планеты уже миновала. А мы были колонистами. Ты же, наверное, знаешь это.

— У меня возникли такие подозрения, — ответил Максвелл. — За последние несколько часов.

— А ты должен был бы знать, — сказал баньши, — Ты ведь побывал на старшей планете.

— Откуда ты знаешь? — ахнул Максвелл.

— А как ты дышишь? — спросил баньши, — Как ты видишь? Для меня держать связь с древней планетой так же естественно, как для тебя дышать и видеть. Мне не сообщают. Я знаю и так.

Так вот, значит, что! Источником сведений, которыми располагал колесник, был баньши. А о том, что баньши может знать то, что не известно больше никому, вероятнее всего, догадался Черчилл, и он же сообщил об этом колеснику.

— А остальные? Тролли и...

— Нет, — сказал баньши. — Путь был открыт только для нас, для баньши. Это была наша работа, единственное наше назначение. Мы были звеньями между старшей планетой и Землей. Мы были связными. Когда старшая планета начала колонизировать необитаемые миры, необходимо было создать средство связи. Мы все были специалистами, хотя эти специальности теперь утратили смысл, а самих специалистов почти не осталось. Первые были специалистами. А те, кто появился позже, были просто поселенцами, задача которых сводилась лишь к тому, чтобы освоить новые земли.

— Ты говоришь про троллей и гоблинов?

— Про троллей, и гоблинов, и всех прочих. Они, бесспорно, обладали способностями, но не специализированными. Мы были инженерами, они — рабочий класс. Нас разделяла пропасть. Вот почему они не захотели прийти сидеть со мной. Древняя пропасть существует по-прежнему.

— Ты утомляешься, — сказал Максвелл. — Тебе следует поберечь силы.

— Это не имеет значения. Энергия истекает из меня, и когда она иссякнет совсем, то с ней иссякнет жизнь. Мое умирание не материально, не телесно, поскольку у меня никогда не было настоящего тела. Я представлял собой сгусток энергии. Впрочем, это не имеет значения. Ведь старшая планета умирает. Ты ее видел и знаешь.

— Да, я знаю, — сказал Максвелл.

— Все было бы совсем иначе, если бы не люди. Когда мы явились сюда, здесь и млекопитающих почти не было, не говоря уж о приматах. Мы могли бы воспрепятствовать развитию приматов. Мы могли бы уничтожить их еще в зародыше. Вопрос о таких мерах ставился, так как эта планета казалась многообещающей, и нам было трудно смириться с мыслью, что мы должны отказаться от нее. Но существует древний закон: разум слишком редко встречается во Вселенной, чтобы кто-нибудь имел право становиться на пути его развития. Нет ничего драгоценней — и когда мы с большой неохотой отступили с его дороги, мы признали всю его драгоценность.

— Но вы остались здесь! — заметил Максвелл. — Может быть, вы не преградили ему путь, но вы остались.

— Было уже поздно, — ответил баньши, — Нам некуда было уйти. Старшая планета умирала уже тогда. Возвращаться не имело смысла. А эта планета, как ни странно, стала для нас родной.

— Вы должны ненавидеть нас, людей.

— Одно время мы вас и ненавидели. Вероятно, следы этого сохраняются и теперь. Со временем ненависть перегорает. И только тлеет, хотя и не исчезает. А может быть, ненавидя, мы немного гордились вами. Иначе почему старшая планета предложила вам свои знания?

— Но вы предложили их и колеснику!

— Колеснику?.. А, да! Но мы ничего ему не предлагали. Где-то в глубоком космосе этот колесник, по-видимому,

прослышал о существовании старшей планеты и о том, что она располагает чем-то, что хотела бы продать. Он пришел ко мне и задал только один вопрос: «Какова цена этого движимого имущества?» Я не знаю, имеет ли он представление, что именно продается. Он сказал просто — «движимое имущество».

— И ты открыл ему, что обусловленная цена — это Артефакт?

— Конечно. Потому что тогда мне еще не сообщили о тебе. Позже меня действительно поставили в известность, что по истечении определенного времени я должен буду сообщить цену тебе.

— И конечно, ты как раз собирался это сделать, — заметил Максвелл.

— Да, — сказал баньши, — я как раз собирался это сделать. И вот теперь сделал. Вопрос исчерпан.

— Ты можешь сказать мне еще одно? Что такое Артефакт?

— Этого я не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу, — сказал баньши.

Преданы! — подумал Максвелл. Человечество предано этим умирающим существом — ведь баньши, что бы он ни говорил, вовсе не собирался сообщать ему цену. Бесчисленные тысячелетия баньши ненавидел человечество неутолимой холодной ненавистью. И теперь, уходя в небытие, он, издеваясь, рассказал пришедшему к нему человеку обо всем, чтобы тот узнал, как было предано человечество, чтобы люди знали, чего они лишились.

— И ты сообщил колеснику про меня! — воскликнул Максвелл, — Вот почему Черчилл оказался на станции, когда я вернулся на Землю. Он говорил, что и сам только что вернулся из деловой поездки, но, конечно, он никуда не ездил. — Максвелл гневно вскочил на ноги, — А тот я, который умер?

Он угрожающе шагнул к терновнику, но терновник был пуст. Темное облако, колыхавшееся среди его веток, исчезло. Они четким узором рисовались на фоне закатного неба.

Исчез, подумал Максвелл. Не умер, но исчез. Субстанция стихийного существа распалась на составные элементы — невообразимые узы, соединявшие их в странное подобие живого существа, наконец настолько ослабели, что оно иссякло, рассеялось в воздухе и в солнечном свете, как щепотка пыли на ветру.

С живым баньши ладить было трудно. Но и мертвый он не стал ближе и доступнее. Еще несколько минут назад Максвелл испытывал к нему сострадание, какое вызывает в человеке все умирающее. Но теперь он понял, что сострадание было неуместно: баньши умер, безмолвно смеясь над человечеством.

Оставалась одна надежда — уговорить Институт времени отложить продажу Артефакта, пока он не переговорит с Арнольдом, не расскажет ему всего, не убедит в правдивости своего рассказа, который, как прекрасно понимал Максвелл, выглядел теперь даже еще более фантастичным, чем прежде.

Он повернулся и начал спускаться в овраг. На опушке он остановился и посмотрел на вершину холма. Терновник на фоне неба казался крепким и материальным, его корни цепко держались за почву.

Проходя мимо лужайки фей, Максвелл обнаружил, что там угрюмо трудятся тролли — они заравнивали взрыхленную землю и укладывали новый дерн взамен вырванного катившимся камнем. самого камня нигде не было видно.

Глава 18

Максвелл проехал почти половину пути до Висконсинского университетского городка, когда возле него внезапно возник Дух и опустился на соседнее сиденье.

— Я с поручением от Опа, — начал он сразу же. — Тебе нельзя возвращаться в хижину. Газетчики напали на твой след. Когда они явились с расспросами, Оп принялся действовать, на мой взгляд, довольно необдуманно. Он накинулся на них с кулаками, но они все равно болтаются в окрестностях хижины, подстерегая тебя.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Максвелл. — Хотя теперь, пожалуй, это не имеет значения.

— События развиваются не слишком удачно? — спросил Дух.

— Они вообще не развиваются, — ответил Максвелл и после некоторого колебания добавил: — Вероятно, Оп ввел тебя в курс дела?

— Мы с Опом — одно, — сказал Дух. — Да, конечно, он мне все рассказал. Он, очевидно, полагал, что ты не станешь возражать. Но в любом случае можешь быть совершенно спокоен...

— Я просто хотел знать, нужно ли мне излагать все сначала, — объяснил Максвелл. — Значит, тебе известно, что я отправился в заповедник показать там фотографии картины Ламберта.

— Да, — сказал Дух. — Той, которая находится у Нэнси Клейтон.

— У меня такое ощущение, — продолжал Максвелл, — что я узнал больше, чем рассчитывал. Во всяком случае, я узнал одно обстоятельство, которое отнюдь не облегчает дела. Цену, назначенную хрустальной планетой, колеснику сообщил баньши. Ему было поручено назвать ее мне, но он предпочел колесника. Он утверждал, что колесник явился к нему до того, как он узнал про меня, но мне что-то не верится. Баньши умирал, когда рассказывал мне все это, но отсюда вовсе не следует, что он говорил правду. Баньши никогда нельзя доверять.

— Баньши умирает?

— Уже умер. Я сидел с ним до конца. Фотографию картины я показывать ему не стал. У меня не хватило духа допрашивать его в такую минуту.

— И все-таки он рассказал тебе о колеснике?

— Только для того, чтобы я понял, как он ненавидел человеческий род с самого начала его восхождения по эволюционной лестнице. И еще: чтобы я понял, что ему в конце концов удалось расквитаться с нами. Ему явно хотелось сказать, что и гоблины, и все остальные тоже нас ненавидят, но на это он все-таки не решился. Зная, наверное, что я все равно не поверю. Правда, еще перед этим, в разговоре с О'Тулом я понял, что отголоски какой-то неприязни, возможно, и существуют. Да, пожалуй, неприязни, но никак не ненависти. Однако из слов баньши следовало, что Артефакт действительно собираются продать и что Артефакт — это и есть цена, назначенная хрустальной планетой. Я так и подзревал с самого начала. А вчера колесник это подтвердил. Впрочем, абсолютной уверенности у меня все-таки нет, хотя бы потому, что и сам колесник, по-видимому, не слишком хорошо знает, как обстоит дело. Иначе зачем ему понадобилось подстергать меня и предлагать работу? Получилось, что он хочет от меня откупиться, словно знает, что я каким-то образом могу сорвать сделку, которой он добивается.

— Итак, перспектива выглядит довольно безнадежной, — заметил Дух. — Друг мой, мне очень жаль. Не могли бы мы как-нибудь помочь? Оп, и я, и, может быть, даже та девушка, которая столь доблестно пила с тобой и Опом. Та, с тигренком.

— Несмотря на эту безнадежность, — ответил Максвелл, — я могу еще кое-что предпринять: пойти к Харлоу Шарпу в Институт времени и убедить его отложить продажу, а потом ворваться в административный корпус и загнать Арнольда в угол. Если мне удастся убедить Арнольда предложить Харлоу для финансирования его программ столько же, сколько предлагает колесник, тот, конечно, предпочтет с колесником дела не иметь.

— Я знаю, что ты не пожалеешь усилий, — заметил Дух, — Но, боюсь, кроме неприятностей это ничего не принесет. Не со стороны Харлоу Шарпа, так как он твой друг... но ректор Арнольд не друг никому. И ему вряд ли понравится, если его загонят в угол.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Максвелл, — Я думаю, что ты прав. Но убедиться в этом можно, только попробовав. А вдруг в Арнольде проснется что-то человеческое и он на минуту забудет, что он — официальное лицо и бюрократ!

— Я должен тебя предупредить, — сказал Дух, — что Харлоу Шарп, возможно, не найдет для тебя свободной минуты — ни для тебя и ни для кого другого. У него сейчас слишком много своих забот. Утром прибыл Шекспир...

— Шекспир! — возопил Максвелл. — А я совсем забыл про него. Да-да, он же читает лекцию завтра вечером. Вот уж невезенье так невезенье! Надо же было притащить его сюда именно сегодня!

— По-видимому, — продолжал Дух, — сладить с Вильямом Шекспиром оказалось не так-то просто. Он пожелал немедленно начать знакомство с новым веком, о котором ему столько нарасказали. Временщики еле-еле смогли убедить его хотя бы сменить елизаветинский костюм на нашу нынешнюю одежду. Он согласился только после того, как они категорически заявили, что иначе не выпустят его из института. А теперь они трясутся от страха, как бы с ним чего-нибудь не приключилось. Им нужно как-то держать его в руках и в то же время гладить по шерстке. Все билеты распроданы — и на приставные стулья, и на право стоять в проходах, и они больше всего опасаются, что лекция сорвется.

— Откуда тебе все это известно? — поинтересовался Максвелл, — По-моему, ты узнаешь самые свежие сплетни раньше всех.

— Ну, я не сижу на одном месте, — скромно ответил Дух.

— Что ж, хорошего тут мало, — сказал Максвелл. — Но придется рискнуть. У меня почти не остается времени. Если Харлоу вообще способен кого-то видеть, то меня он примет.

— Просто не верится, — грустно сказал Дух, — что путь тебе могло преградить столь ужасное стечение обстоятельств. Неужели из-за бюрократической тупости университет и Земля навеки лишатся свода знаний двух вселенных?

— Все дело в колеснике, — проворчал Максвелл, — Если бы не его предложение, все можно было бы сделать спокойно, не торопясь. Будь у меня больше времени, я без труда добился бы своего. Поговорил бы с Харлоу, по инстанциям добрался бы до Арнольда. И вообще я мог бы просто убедить Харлоу — библиотеку хрустальной планеты купил бы непосредственно Институт времени, обойдясь без санкции университета. Но у нас нет времени. Дух, ты что-нибудь знаешь о колесниках? Такое, чего не знаем мы?

— Не думаю. Только одно: возможно, они и есть те гипотетические враги, которых мы всегда опасались встретить в космосе. Их поведение свидетельствует о том, что они действительно враги — во всяком случае потенциальные. Их побуждения, нравы, этика, самое их мироощущение должны кардинально отличаться от наших. Возможно, у нас с ними меньше общего, чем с осами или пауками. Хотя они и умны... что хуже всего. Они настолько разобрались в наших взглядах, настолько усвоили наши обычаи, что могут общаться с нами и вести с нами дела... как это следует из операции, которую они предприняли, чтобы заполучить Артефакт. Друг мой, меня больше всего пугает их ум, их гибкость. Думаю, что в подобной ситуации люди не смогли бы в такой степени приспособиться к обстоятельствам и использовать их.

— Да, ты прав, — ответил Максвелл. — Потому-то мы и не должны допустить, чтобы библиотека хрустальной планеты досталась им. Одному Богу известно, что она таит в себе. Я провел там некоторое время, но ознакомился лишь с ничтожной долей ничтожнейшей доли ее сокровищ. И многое на сотню световых лет превосходило мое понимание. Хотя отсюда вовсе не следует, что, располагая временем, которого у меня не было, а также знаниями, которых у меня нет

и самое существование которых мне неизвестно, другие люди не сумеют в этом разобраться. Мне кажется, эта задача человечеству по силам. И колесникам тоже. Гигантские области науки, пока совершенно от нас скрытые. И возможно, именно они должны сыграть решающую роль в нашем споре с колесниками. Если человечество и колесники когда-нибудь столкнутся, возможно, библиотека хрустальной планеты решит вопрос о нашей победе или поражении.

И ведь если колесники будут знать, что она находится у нас, они, скорее всего, не пойдут на такое столкновение. Другими словами, судьба этой библиотеки определит, миру быть или войне.

Максвелл съехал на сиденье, ощутив сквозь тепло мягкого осеннего дня порыв ледяного ветра, который прилетел не с этих багряно-золотых холмов и не с обнимающего их лазурного неба, а откуда-то из неведомого.

— Ты разговаривал с баньши перед его смертью, — сказал Дух. — Он упоминал про Артефакт. А он не намекнул, что это может быть такое? Знай мы, что такое Артефакт, мы могли бы...

— Нет, Дух. Он ничего не сказал. Но у меня сложилось впечатление... вернее, мелькнула смутная мысль, слишком неопределенная, чтобы ее можно было назвать впечатлением... И не в тот момент, а позже. Странная догадка, не подкрепленная никакими фактами. Я думаю, что Артефакт — это нечто из другой вселенной, той, в которой возникла хрустальная планета. Нечто драгоценное, сохранявшееся миллиарды и миллиарды лет со времен той вселенной. И еще одно: баньши и другие древние, которых помнит Оп, были обитателями той вселенной, и между ними и жителями хрустальной планеты существует какая-то связь, формы жизни, которые зародились, развились и эволюционировали в прошлой вселенной, а потом явились на Землю и другие планеты как колонисты, пытаясь создать новую цивилизацию, которая пошла бы по пути, начатому хрустальной планетой. Но что-то случилось. Все эти попытки

колонизировать новые планеты потерпели неудачу — у нас на Земле из-за появления человека, а в других местах, возможно, по другим причинам. И мне кажется, о некоторых из этих причин я догадываюсь. Возможно, расы тоже стареют и сами собой вымирают, уступая место чему-то новому. Может быть, у каждой расы есть свой срок и древние существа несут в себе свой смертный приговор. Наверное, существует какой-то принцип, о котором мы не задумывались, потому что еще очень молоды, — какой-то естественный процесс, расчищающий путь для непрерывной эволюции, чтобы ей ничто не мешало.

— Звучит логично, — заметил Дух, — То— есть что все эти колонии вымерли. Если бы где-нибудь в нашей Вселенной была уцелевшая колония, хрустальная планета передала бы свои знания ей, а не предлагала бы их нам и колесникам, то есть существам, ей чуждым.

— Меня смущает одно, — сказал Максвелл. — Зачем нужен Артефакт обитателям хрустальной планеты, которые так близки к полному вымиранию, что уже почти стали теньями? Какая им от него будет польза? Для чего он им?

— Ответить на это можно, только зная, что он такое, — задумчиво произнес Дух. — Ты уверен, что не мог бы догадаться? Что не видел и не слышал ничего такого, что...

— Нет, — сказал Максвелл. — Ничего.

Глава 19

Вид у Харлоу Шарпа был измученный.

— Прости, что я заставил тебя так долго ждать, — сказал он Максвеллу. — Это был безумный день.

— Я рад, что меня вообще сюда впустили, — сказал Максвелл. — Эта твоя церберша в приемной сначала была склонна указать мне на дверь.

— Я тебя ждал, — объяснил Шарп, — По моим расчетам, ты должен был рано или поздно объявиться. Я наслышался очень странных историй.

— И большинство из них соответствует истине, — сказал Максвелл. — Но я пришел сюда не потому. Считаю, что это деловое посещение, а не дружеский визит. Я не отниму у тебя много времени.

— Отлично, — сказал Шарп, — Ну, так чем же я могу тебе быть полезен?

— Ты продаешь Артефакт?

Шарп кивнул:

— Мне очень жаль, Пит. Я знаю, он интересуется тобой и еще кое-кого. Однако он пролежал в музее уже много лет и остается бесполезной диковинкой, на которую gazeют гости университета и туристы. А нашему институту нужны деньги. Уж тебе-то это известно, фондов не хватает, а другие факультеты и институты уделяют нам жалкие крохи на составленные ими программы, и...

— Харлоу, я все это знаю. И полагаю, что ты имеешь право его продать. Когда вы доставили Артефакт сюда, университет, помнится, не заинтересовался им. И все расходы по доставке легли на вас, и...

— Нам приходится экономить, кланчить, занимать, — сказал Шарп. — Мы разрабатывали программу за программой — полезные, нужные программы, которые стоили бы, позволив собрать новые сведения, получить новые знания, — и они никого не привлекли! Только подумай! Можно раскопать все прошлое — и никому это не интересно. Пожалуй, кое-кто опасается, что мы камня на камне не оставим от некоторых излюбленных теоретиков, которые кого-то кормят и поят. Вот нам и приходится всякими путями добывать средства для своих исследований. Думаешь, мне нравятся номера, к которым мы прибегаем, вроде этого представления с Шекспиром и всего прочего? Никакой пользы это нам не принесло. Только поставило нас в униженное положение, не говоря уж о неприятностях и хлопотах. Ты себе представить не можешь, Пит, что это такое. Возьми, к примеру, хоть Шекспира. Он где-то разгуливает как турист, а я сижу здесь и обгрызаю ногти чуть ли не до

локтей, воображая все, что с ним может приключиться. А ты понимаешь, какая поднимется буча, если такого человека, как Шекспир, не вернуть в его эпоху? Человека, который...

Максвелл перебил его, пытаясь возвратиться к своему делу:

— Я не спорю с тобой, Харлоу. И я пришел не для того...

— И вдруг, — продолжал Шарп, не слушая, — вдруг подворачивается возможность продать Артефакт. И за сумму, которой от университетских сквалыг не дожدهшься и в сто лет. Пойми же, что значит для нас эта продажа! Мы получим возможность заняться настоящими исследованиями, которых не вели из-за недостатка средств. Конечно, я знаю, что такое колесники. Когда Черчилл явился нас прошупывать, мне сразу стало ясно, что он представляет какое-то неизвестное лицо. Но это меня не устраивало. Никаких неизвестных лиц! Я взял Черчилла за горло — наотрез отказался разговаривать с ним до тех пор, пока не узнаю, для кого он служит ширмой. А когда он мне сказал, мне стало тошно, но я все-таки начал переговоры, так как знал, что другого такого шанса пополнить наши фонды нам не представится. Я бы хоть с самим дьяволом вступил в сделку, чтобы получить такие деньги.

— Харлоу, — сказал Максвелл, — я прошу тебя только об одном: пока ничего не решай окончательно. Дай мне немного времени...

— А зачем тебе время?

— Мне нужен Артефакт.

— Артефакт? Но зачем?

— Я могу выменять его на планету, — сказал Максвелл, — На планету, хранящую знания не одной, а двух вселенных. Знания, накопленные за пятьдесят миллиардов лет.

Шарп наклонился вперед, но тут же вновь откинулся на спинку кресла.

— Ты говоришь серьезно, Пит? Ты меня не разыгрываешь? Я слышал странные вещи — что ты раздвоился и один из вас был убит. А ты прятался от репортеров, возможно и

от полиции. Кроме того, у тебя вышел какой-то скандал с администрацией.

— Харлоу, я могу тебе все объяснить, но вряд ли это нужно. Ты, вероятно, мне не поверишь. Но я говорю правду. Я могу купить планету...

— Ты? Для себя?

— Нет, не для себя. Для университета. Вот почему мне нужно время — добиться приема у Арнольда...

— И получить его согласие? Пит, можешь и не надеяться. Ты ведь не поладил с Лонгфелло, а парадом тут командует он. Даже если бы ты был официально уполномочен...

— Ну да же! Да! Можешь мне поверить. Я разговаривал с обитателями планеты, я видел их библиотеку...

Шарп покачал головой.

— Мы с тобой друзья давно, очень давно, — сказал он. — Я готов для тебя сделать что угодно. Но только не это. Я не могу так подвести свой институт. К тому же, боюсь, ты все равно опоздал.

— Как — опоздал?

— Условленная сумма была заплачена сегодня. Завтра утром колесник заберет Артефакт. Он хотел забрать его немедленно, но возникли затруднения с перевозкой.

Максвелл молчал, оглушенный этой новостью.

— Вот так, — сказал Шарп. — От меня теперь уже ничего не зависит.

Максвелл встал, но тут же снова сел.

— Харлоу, а если мне удастся увидеться с Арнольдом сегодня вечером? Если мне удастся убедить его и он заплатит вам столько же...

— Не говори глупостей, — перебил Шарп, — Он грохнется в обморок, когда ты назовешь ему цифру.

— Так много?

— Так много, — ответил Шарп.

Максвелл медленно встал.

— Я должен сказать тебе еще кое-что, — продолжал Шарп. — Каким-то образом ты нагнал страху на колесника.

Сегодня утром ко мне явился Черчилл и с пеной у рта потребовал, чтобы я завершил продажу сейчас же. Жаль, что ты не пришел ко мне раньше. Может быть, мы что-нибудь и придумали бы, хотя я не представляю себе — что.

Максвелл пошел к двери, в нерешительности остановился, а потом вернулся к столу, за которым сидел Шарп.

— Еще один вопрос... Относительно путешествий во времени. У Нэнси Клейтон есть картина Ламберта...

— Да, я слышал.

— На заднем плане там написан холм с камнем на вершине. Я готов поклясться, что этот камень — Артефакт. А Оп говорит, что он помнит существ, изображенных на картине, — видел их в своем каменном веке. И ведь ты действительно нашел Артефакт на холме в юрский период. Откуда Ламберт мог знать, что он лежал на этой вершине? Артефакт же был найден через несколько веков после его смерти. Мне кажется, Ламберт видел Артефакт и тех существ, которых изобразил на своей картине. Мне кажется, он побывал в мезозое. Ведь шли какие-то толки про Симонсона, верно?

— Я вижу, куда ты клонишь, — сказал Шарп. — Что ж, это, пожалуй, могло быть. Симонсон работал над проблемами путешествия во времени в двадцать первом веке и утверждая, что чего-то добился, хотя у него не ладилось с контролем. Существует легенда, что он потерял во времени одного путешественника, а то и двух — послал их в прошлое и не сумел вернуть. Но вопрос о том, действительно ли у него что-нибудь получилось, так и остался нерешенным. Его заметки, те, что находятся у нас, очень скупы. Никаких работ он не публиковал. Свои исследования вел втайне, так как верил, что на путешествиях во времени можно нажать сказочное богатство — заключать контракты с научными экспедициями, любителями охоты и так далее, и тому подобное. Рассчитывал даже побывать в доисторической Южной Африке и обчистить кимберлийские алмазные поля. Поэтому свою работу он хранил в глубочайшем секрете, и никто ничего о ней толком не знает.

— Но ведь это все-таки могло произойти? — требовательно спросил Максвелл, — Эпоха совпадает, Симонсон и Ламберт были современниками, а стиль Ламберта претерпел внезапное изменение... словно с ним что-то произошло. И это могло быть путешествие во времени!

— Да, конечно, — сказал Шарп, — Но не думаю.

Глава 20

Когда Максвелл вышел из Института времени, в небе уже загорались звезды и дул холодный ночной ветер. Гигантские вязы сгустками мрака вставали на фоне ярко освещенных окон зданий напротив.

Максвелл зябко поежился, поднял воротник куртки, застегнул у горла и быстро сбежал по ступенькам на тротуар. Вокруг не было ни души.

Максвелл вдруг почувствовал сильный голод и вспомнил, что не ел с самого утра. Он усмехнулся, подумав, что аппетит у него разыгрался именно тогда, когда рухнула последняя надежда. И ведь он не только голоден, но и остался без крова — возвращаться к Опу нельзя, там его ждут репортеры. А впрочем, теперь у него нет причины их избегать! Если он расскажет свою историю, это уже не принесет ни вреда, ни пользы. И все-таки мысль о встрече с репортерами была ему неприятна: он представил себе недоверие на их лицах, вопросы, которые они будут задавать, и снисходительный, насмешливый тон, который почти наверняка прозвучит в их статьях.

Он все еще стоял на тротуаре, не зная, в какую сторону пойти. Ему никак не удавалось припомнить кафе или ресторан, где он заведомо не встретит никого из знакомых. Он чувствовал, что сегодня не вынесет расспросов.

Позади него послышался шорох, и, оглянувшись, он увидел Духа.

— А, это ты! — сказал Максвелл.

— Я уже давно тебя жду, — ответил Дух, — Ты что-то долго там пробыл.

— Сначала Шарп был занят, а потом мы никак не могли закончить наш разговор.

— Ты чего-нибудь добился?

— Ничего. Артефакт уже продан и оплачен. Колесник заберет его завтра утром. Боюсь, это конец. Я мог бы попробовать добраться сегодня до Арнольда, но что толку? То есть мой разговор с ним уже ничего не даст.

— Оп занял для нас столик. Ты, наверное, голоден.

— Как волк, — ответил Максвелл.

— Ну, так идем.

Они свернули в переулок и принялись петлять по узким проулкам и проходным дворам.

— Уютный подвальчик, где мы никого не встретим, — объяснил Дух, — Но готовят там сносно и подают дешевое виски. Оп особенно подчеркнул последнее обстоятельство.

Еще через несколько минут они спустились по железной лестнице, и Максвелл толкнул подвальную дверь. Они очутились в тускло освещенном зале, из глубины которого веяло запахом стряпни.

— Тут у них заведен семейный стиль, — сказал Дух, — Брякают на стол все разом, и каждый сам за собой ухаживает. Опу это очень нравится.

Из-за столика у стены поднялась массивная фигура неандертальца. Он помахал им. Поглядев по сторонам, Максвелл убедился, что занято не больше трех-четырех столиков.

— Сюда! — оглушительно позвал Оп. — Хочу вас кое с кем познакомить.

Максвелл в сопровождении Духа направился к нему. В полутьме он различил лицо Кэрл, а рядом — еще чье-то. Бородатое и как будто хорошо знакомое.

— Наш сегодняшний гость, — объявил Оп. — Достославный Вильям Шекспир.

Шекспир встал и протянул Максвеллу руку. Над бородой блеснула белозубая улыбка.

— Почитаю себя счастливым, что судьба свела меня со столь веселыми молодцами, — сказал он.

— Бард подумывает остаться здесь, — сообщил Оп, — Ему у нас понравилось.

— А почему вы зовете меня бардом? — спросил Шекспир.

— Извините, — сказал Оп. — Мы уж так привыкли...

— Остаться здесь... — задумчиво произнес Максвелл и покосился на Опа. — А Харлоу знает, что он тут?

— По-моему, нет, — ответил Оп, — Мы уж постарались.

— Я сорвался с поводка, — сказал Шекспир, ухмыляясь и очень довольный собой, — Но в этом мне была оказана помощь, за которую сердечно благодарю.

— Помощь! — воскликнул Максвелл. — Еще бы! Неужели, шуты гороховые, вы так и не научитесь...

— Не надо, Пит! — вмешалась Кэрол. — Я считаю, что Оп поступил благородно. Человек явился сюда из другой эпохи, и ему только хотелось посмотреть, как живут люди теперь, а...

— Может быть, сядем? — предложил Дух Максвеллу. — Судя по твоему виду, тебе не мешает выпить.

Максвелл сел рядом с Шекспиром, а Дух опустил на стул напротив. Оп протянул Максвеллу бутылку.

— Валяй! — сказал он, — Не церемонься, пожалуйста. И не жди рюмки. Мы тут в дружеском кругу.

Максвелл поднес бутылку к губам и запрокинул голову. Шекспир смотрел на него с восхищением и, когда тот закончил пить, произнес:

— Дивлюсь вашей доблести. Я сделал только один глоток, и меня прожгло насквозь.

— Со временем привыкнете, — утешил его Максвелл.

— Но вот этот эль, — продолжал Шекспир, погладив бутылку с пивом, — этот эль — добрый напиток, веселящий язык и приятный животу.

Из-за стула Шекспира выскользнул Сильвестр, протиснулся между ножками и положил голову на колени Максвеллу. Максвелл почесал тигренка за ухом.

— Он опять к вам пристаёт? — спросила Кэрол.

— Мы с Сильвестром друзья навек, — объявил Максвелл.

— Мы с ним сражались бок о бок. Вчера и он, и я, если вы помните, восстали против колесника и повергли его в прах.

— У вас веселое лицо, — сказал Шекспир, обращаясь к Максвеллу, — Так, значит, дело, которое вас так задержало, было завершено к вашему удовольствию?

— Наоборот, — ответил Максвелл, — И если мое лицо кажется веселым, то лишь потому, что я нахожусь в таком приятном обществе.

— Другими словами, Харлоу тебе отказал! — взорвался Оп. — Не согласился дать тебе день-другой!

— Он ничего не мог поделать, — объяснил Максвелл, — Он уже получил обещанные деньги, и завтра колесник увезет Артефакт.

— У нас есть возможность заставить его пойти на попятную! — грозно и загадочно проговорил Оп.

— Ничего не выйдет, — возразил Максвелл. — От него это уже не зависит. Продажа состоялась. Он не захочет вернуть деньги, а главное — нарушить свое слово. А если я правильно тебя понял, ему достаточно отменить лекцию и выкупить билеты.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Оп. — Мы ведь не знали, что у них там все решено, и рассчитывали укрепить свои позиции.

— Вы сделали все, что смогли, — ответил Максвелл. — Спасибо.

— Мы прикинули, что нам нужно выиграть день-другой, чтобы всей компанией пробиться к Арнольду и втолковать ему что к чему. Но раз теперь надеяться больше не на что, то... отхлебни еще глоток и передай мне бутылку.

Максвелл так и сделал. Шекспир допил пиво и с громким стуком поставил бутылку на стол. Кэрол отобрала виски у Опа и наполнила свою рюмку.

— Вы поступайте как хотите, — объявила она, — но я отказываюсь совсем одикариваться и буду пить из рюмки.

— Пива! — завопил Оп, — Еще пива для нашего благородного гостя.

— Восьма вам благодарен, сударь, — сказал Шекспир.

— Как ты отыскал этот притон? — спросил Максвелл.

— Мне известны все задворки сего ученого града, — сообщил Оп.

— Нам требовалось как раз что-то в этом роде, — заметил Дух. — Временщики скоро устроят облаву на нашего друга. А Харлоу сказал тебе, что он исчез?

— Нет, — ответил Максвелл. — Но он как будто нервничал. И даже упомянул, что тревожится, но ведь по его лицу ни о чем догадаться нельзя. Он из тех, кто усядется на край кратера действующего вулкана и даже глазом не моргнет... Да, а как репортеры? Все еще рыщут вокруг хижины?

Оп мотнул головой:

— Нет. Но они вернутся. Нам придется подыскать тебе другой ночлег.

— Я, пожалуй, уже могу с ними встретиться, — сказал Максвелл. — Ведь рано или поздно все равно нужно будет рассказать всю историю.

— Они раздерут вас в клочья, — заметила Кэрл. — А Оп говорит, что вы остались без работы и Лонгфелло зол на вас. Плохая пресса в такой момент вас вообще погубит.

— Все это пустяки, — ответил Максвелл, — Вопрос в том, что мне им сказать, а о чем умолчать.

— Выложи им все, — посоветовал Оп. — Со всеми подробностями. Пусть Галактика узнает, чего она лишилась.

— Нет, — сказал Максвелл. — Харлоу — мой друг. И я не хочу причинять ему неприятности.

Подошел официант и поставил на столик бутылку пива.

— Одна бутылка?! — вознегодовал Оп. — Это что еще вы придумали? Тащите-ка сюда ящик! Нашего друга замучила жажда.

— Но вы же не предупредили! — обиженно огрызнулся официант. — Откуда мне было знать! — И он пошел за пивом.

— Ваше
гостеприим-
ство превышает
всех похвал,
— сказал
Шекспир, —
Но не лишний
ли я? Вас, ка-
жется, гнетут
заботы.

— Это
правда, — от-
ветил Дух, —
Но вы никак
не лишний.
Мы очень
рады вашему
обществу.

— Оп ска-
зал что-то о
том, будто вы
намерены со-
всем остаться
здесь. Это
верно? —
спросил
Максвелл.

— Мои зубы пришли в негодность, — сказал Шекспир. —
Они шатаются и порой очень болят. Мне рассказывали, что
тут много искуснейших мастеров, которые могут вырвать их
без малейшей боли и изготовить на их место новые.

— Да, конечно, — подтвердил Дух.

— Дома меня ждет сварливая жена, — сказал Шекспир, —
и нет у меня желания возвращаться к ней. К тому же ваш
эль, который вы зовете пивом, поистине дивен на вкус, и я
слышал, что вы заключили мир с гоблинами и феями, а это

— великое чудо. И я сижу за одним столом с духом, что превосходит всякое человеческое понимание, хотя и мнится, что тут где-то кроется самый корень истины.

Подошел официант с охапкой бутылок и сердито брякнул их на стол.

— Вот! — сказал он неприязненно. — Пока, наверное, обойдетесь. Повар говорит, что горячее сейчас будет готово.

— Так, значит, вы не собираетесь читать эту лекцию? — спросил Максвелл у Шекспира.

— Коли я ее прочту, — ответил Шекспир, — они мигом отошлют меня домой.

— Всенепременно, — вставил Оп, — Уж если они его заграбастают, то больше не выпустят.

— Но как же вы будете жить? — спросил Максвелл. — Ведь для того, что вы знаете и умеете, в этом мире вряд ли найдется применение.

— Что-нибудь да придумаю, — сказал Шекспир. — В тяжкие минуты ум человеческий удивительно проясняется.

Официант подкатил к столику тележку с дымящимися блюдами и начал расставлять их на столе.

— Сильвестр! — крикнула Кэрол.

Потому что Сильвестр вскочил, положил передние лапы на стол и схватил два самых сочных куска ростбифа. Услышав голос Кэрол, Сильвестр стремительно скрылся под столом вместе со своей добычей.

— Котик проголодался, — сказал Шекспир. — Он находит себе пропитание где может.

— Когда дело касается еды, — пожаловалась Кэрол, — он забывает о хороших манерах.

Из-под стола донеслось довольное урчание.

— Досточтимый Шекспир, — сказал Дух. — Вы прибыли сюда из Англии, из городка на реке Эйвон.

— Край, радующий глаз, — вздохнул Шекспир, — Но полный всякого отребья. Разбойники, воры, убийцы — кого там только нет!

— А я вспоминаю лебедей на реке, — пробормотал Дух. — Ивы по берегам, и...

— Что-что? — вскрикнул Оп, — Как это ты вспоминаешь?

Дух медленно поднялся из-за стола, и в этом движении было что-то, что заставило всех поглядеть на него. Он поднял руку — но это была не рука, а рукав одеяния... если это было одеянием.

— Нет-нет, я вспоминаю, — сказал он глухим голосом, доносившимся словно откуда-то издалека. — После всех этих лет я наконец вспоминаю. Либо я забыл, либо не знал. Но теперь...

— Почтенный Дух, — сказал Шекспир, — что с вами? Какой странный недуг вас внезапно поразил?

— Теперь я знаю, кто я такой! — торжественно сказал Дух.
— Я знаю, чей я дух.

— Ну и слава Богу, — заметил Оп, — Перестанешь теперь хныкать об утраченном наследии предков.

— Но чей же вы дух, если позволено будет спросить? — сказал Шекспир.

— Твой! — взвизгнул Дух. — Теперь я знаю! Теперь я знаю! Я дух Вильяма Шекспира.

На мгновение наступила тишина, а потом из горла Шекспира вырвался глухой вопль ужаса. Одним рывком он вскочил со стула, перемахнул через стол и кинулся к двери. Стол с грохотом опрокинулся на Максвелла, и тот упал навзничь вместе со стулом. Край столешницы прижал его к полу, а лицо накрыла миска с соусом. Он обеими руками принялся стирать соус. Откуда-то доносились яростные крики Опа.

Кое-как протерев глаза, Максвелл выбрался из-под стола и поднялся на ноги. С его лица и волос капал соус.

На полу среди перевернутых тарелок восседала Кэрол. Вокруг перекачивались бутылки с пивом. В дверях кухни, уперев пухлые руки в бока, стояла могучая повариха. Сильвестр, скорчившись над ростбифом, торопливо рвал его на части и проглатывал кусок за куском.

Оп, прихрамывая, возвращался от входной двери.

— Исчезли без следа, — сказал он. — И тот, и другой.

Он протянул руку Кэрол, помогая ей подняться.

— Не дух, а идиот! — сказал он злобно. — Не мог промолчать. Даже если он и знал...

— Но он же не знал! — воскликнула Кэрол. — Он только сейчас понял. Благодаря этой встрече. Может быть, какие-то слова Шекспира пробудили в нем воспоминания... Он же только об этом и думал все эти годы, и, конечно, от неожиданности...

— Последняя соломинка! — объявил Оп, — Шекспира теперь не разыщешь. Так и будет бегать без остановки.

— Наверное, Дух отправился за ним, — предположил Максвелл, — Чтобы догнать его, успокоить и привести назад к нам.

— Успокоить? — переспросил Оп, — Это как же? Да если Шекспир увидит, что Дух за ним гонится, он побьет все мировые рекорды и в спринте, и в марафоне.

Глава 21

Они уныло сидели вокруг дощатого стола в хижине Опа. Сильвестр лежал на спине у очага, уютно сложив передние лапы на груди, а задние задрал кверху. На морде застыло выражение глуповатого блаженства.

Оп подтолкнул стеклянную банку к Кэрол. Она понюхала содержимое и сморщила нос.

— Пахнет керосином, — сказала она. — И вкус, насколько помню, абсолютно керосиновый.

Зажав банку в ладонях, она сделала большой глоток и протянула ее Максвеллу со словами:

— А знаете, и к керосину можно привыкнуть!

— Это хороший самогон! — обиженно сказал Оп, — Впрочем, — признал он после некоторого раздумья, — ему, пожалуй, следовало бы дать немножечко созреть. Только он расходуется быстрее, чем я успеваю его гнать.

Максвелл угрюмо отхлебнул из банки. Едкая жидкость обожгла горло, фейерверком вспыхнула в желудке, но и это не помогло. Он остался трезвым и мрачным. Бывают моменты, подумал он, когда напиться невозможно, сколько чего ни пей. А как хорошо было бы сейчас напиться до беспамятства и не приходить в себя дня два! Может быть, когда он протрезвеет, у него будет не так скверно на душе.

— Одного не могу понять, — говорил Оп. — Почему старина Билл так перепугался своего духа? А тут сомневаться не приходится. Он прямо-таки полиловел. Но ведь до этого они с Духом так хорошо ладили. Ну, конечно, сперва он немного нервничал — но чего и ждать от человека из

шестнадцатого столетия? Однако, едва мы ему все объяснили, он даже обрадовался. И воспринял Духа с гораздо большей легкостью, чем мог бы его воспринять, например, человек двадцатого столетия. Ведь в шестнадцатом веке верили в духов, и поэтому встреча с духом не могла произвести впечатления чего-то сверхъестественного. И он был совершенно спокоен, пока Дух не заявил, что он — его дух. Но уж тогда...

— Его очень заинтересовали наши взаимоотношения с маленьким народцем, — сказала Кэрол. — Он взял с нас слово, что мы его свозим в заповедник и познакомим с ними. Он всегда в них верил, как и в духов.

Максвелл приложился к банке и пододвинул ее Опу, утирая губы тыльной стороной руки.

— Одно дело чувствовать себя легко и свободно в обществе первого попавшегося духа, — сказал он, — и совсем другое — нарваться на духа, который оказывается твоим собственным. Человек внутренне не способен понять и принять свою смерть. Даже зная, что духи — это...

— Ради Бога, не начинайте сначала! — взмолилась Кэрол. Оп ухмыльнулся:

— Ну, во всяком случае, он вылетел оттуда стрелой. Точно ему к хвосту привязали шутиху. Он даже щеколду не откинул, а пробил дверь насквозь.

— Я ничего не видел, — отозвался Максвелл. — У меня на физиономии лежала миска с соусом.

— Ну, радости эта заварушка никому не принесла, — философски заявил Оп, — кроме вон того саблезубого. Он сожрал целый ростбиф. С кровью, как ему нравится.

— Он никогда не теряется, — сказала Кэрол. — И из всего умеет извлечь выгоду.

Максвелл пристально посмотрел на нее:

— Я давно уже хочу спросить вас, каким образом вы-то очутились в нашей компании. Мне казалось, что после истории с колесником вы навсегда отрясли наш прах со своих ног.

— Она беспокоилась о тебе, — хихикнул Оп. — А кроме того, она любопытна как не знаю кто.

— И еще одно, — продолжал Максвелл. — Как вообще вы оказались замешанной в это? Вспомним, с чего все началось. Вы предупредили нас про Артефакт... что его продают.

— Я вас не предупреждала! Я просто проговорила. А потом...

— Вы нас предупредили, — категорическим тоном повторил Максвелл. — И совершенно сознательно. Что вы знаете про Артефакт? Вы должны о нем что-то знать, иначе его пропажа вас не встревожила бы.

— Что верно, то верно! — сказал Оп, — Ну-ка, сестренка, выкладывайте все начистоту.

— Два нахальных грубияна...

— Не надо превращать это в комедию, — попросил Максвелл. — Ведь речь идет о важном деле.

— Ну хорошо. Как я вам говорила, я случайно услышала о том, что его собираются продать. И меня это встревожило. И очень не понравилось. То есть с точки зрения закона в этой продаже нет ничего такого. Насколько мне известно, Артефакт принадлежит Институту времени и может быть продан по усмотрению его администрации. Но мне казалось, что Артефакт нельзя продавать даже за миллиарды. Потому что я действительно о нем кое-что знаю — чего не знает никто другой и о чем я боялась кому-нибудь сказать. А когда я заговорила с нашими сотрудниками о всем значении Артефакта, то увидела, что это их совершенно не трогает. И вот, когда позавчера вечером я поняла, как вы им интересуетесь...

— Вы подумали, что мы сможем помочь.

— Я не знаю, что я подумала. Но Оп и вы были первыми, кого Артефакт заинтересовал. Однако я не могла говорить с вами откровенно. Взять и просто сказать. Во-первых, мне вообще не полагалось этого знать, а во-вторых, лояльность по отношению к институту требовала, чтобы я молчала. И я совсем запуталась.

— Вы работали с Артефактом? И в результате...

— Нет, — сказала Кэрол, — Я с ним не работала. Но как-то раз я остановилась посмотреть на него... Ну, как любой турист. Потому что я проходила через внутренний дворик, а Артефакт интересный и таинственный предмет. И тут я увидела... или мне показалось... Я не знаю. У меня нет полной уверенности. Но тогда я не усомнилась. Я была абсолютно уверена, что видела то, чего никто прежде не замечал... Или, быть может, кто-то и заметил, но...

Кэрол умолкла и посмотрела сначала на Максвелла, потом на Опа, однако оба молчали, ожидая, что она скажет дальше.

— Но я не уверена, — сказала она, — Теперь я не уверена. Возможно, мне показалось.

— Говорите, — сказал Оп, — Расскажите все как было.

Кэрол кивнула:

— Это длилось одно мгновение. И сразу исчезло, но тогда я не сомневалась, что действительно видела его. Был ясный солнечный день, и на Артефакт падал солнечный луч. Вероятно, никому прежде не случалось видеть Артефакт в тот момент, когда солнечный луч падал на него именно под таким углом. Не знаю. Разгадка, возможно, кроется именно в этом. Но как бы то ни было, у меня создалось впечатление, что я вижу что-то внутри Артефакта. А точнее сказать — не внутри. Казалось, что Артефакт был чем-то, что сложили и спрессовали в брусок, но заметить это удалось только при определенном освещении. Я как будто различила глаз... и в тот момент я почувствовала, что он живой и смотрит на меня, и...

— Но как же так! — воскликнул Оп. — Артефакт похож на камень. На слиток металла.

— Станный металл! — возразил Максвелл. — Металл, который ничто не берет, который...

— Но не забывайте, что мне могло просто почудиться, — напомнила Кэрол.

— Правды мы уже никогда не узнаем, — сказал Максвелл, — Колесник завтра утром заберет Артефакт...

— И купит за него хрустальную планету, — докончил Оп. — По-моему, мы зря сидим здесь сложа руки. Эх, если бы мы не упустили Шекспира...

— Ничего хорошего из этого не вышло бы! — отрезал Максвелл. — И вообще, похищение Шекспира...

— Мы его не похищали! — оскорбился Оп. — Он пошел с нами по доброй воле. Можно даже сказать, с радостью. Он только и думал, как бы избавиться от сопровождающего, которого к нему приставили временщики. И вообще инициатором был он. А мы только немножко поспособствовали.

— Хорошенько стукнув сопровождающего по голове?

— Да никогда в жизни! Все было чинно и благородно. Мы просто отвлекли его внимание с помощью небольшого дивертисмента, так сказать.

— Ну ладно, — перебил Максвелл. — В любом случае, план был дурацкий. Тут речь идет о слишком больших деньгах. Вы могли бы похитить хоть дюжину Шекспиров, но Харлоу все равно продал бы Артефакт.

— Неужели мы ничего не можем сделать? — вздохнула Кэрл. — Например, стащить Арнольда с постели...

— Арнольд мог бы спасти Артефакт, только возместив Харлоу сумму, которую он получил от колесника. Вы способны представить себе это?

— Нет, не способны, — отозвался Оп и, взяв банку, опрокинул остатки ее содержимого в рот. Потом он направился к своему тайнику, вытащил очередную полную банку, с трудом отвинтил крышку и протянул Кэрл. — Устроимся же поудобнее и налижемся как следует. Завтра утром явятся репортеры, и мне нужно набраться сил, чтобы повышвыривать их отсюда.

— погоди! — остановил его Максвелл. — У меня наклевывается идея.

Кэрл и Оп в молчании ждали, чтобы идея проклюнулась.

— Аппарат-переводчик! — воскликнул Максвелл. — Тот, с помощью которого я читал на хрустальной планете металлические листы. Я нашел его у себя в чемодане.

— Ну и что? — спросил Оп.

— Что, если Артефакт просто содержит какие-то записи?

— Но Кэрол говорит...

— Я знаю, что говорит Кэрол! Но она же не уверена. Ей только кажется, что она видела смотрящий на нее глаз. А это маловероятно.

— Правильно, — сказала Кэрол. — Ручаться я не могу. А в словах Пита есть своя логика. Если он прав, эти записи должны быть очень важными и подробными. Может быть, они дают ключ к целому миру неведомых прежде знаний. Вдруг хрустальная планета оставила Артефакт на Земле, рассчитывая, что никто не станет искать его здесь! Что-то вроде тайного архива!

— Пусть даже так, — перебил Оп, — Но что это дает нам? Музей заперт, и Харлоу не станет открывать его для нас.

— Это я могу устроить! — заявила Кэрол. — Я позвоню сторожу и скажу, что мне необходимо поработать там. Или что мне надо забрать оттуда материал. У меня есть разрешение работать в музее в любое время.

— И вылетите с работы, — заметил Оп.

Кэрол пожала плечами:

— Найду что-нибудь другое. Зато если нам удастся...

— Но какой смысл? — спросил Максвелл. — Один шанс на миллион. Или даже меньше. По правде говоря, мне очень хотелось бы проверить, но...

— А если окажется, что это и в самом деле что-то очень важное? — сказала Кэрол. — Тогда мы могли бы пойти к Шарпу, объяснить ему и, возможно...

— Не думаю, — ответил Максвелл, — Вряд ли нам удастся обнаружить что-то настолько важное, чтобы Харлоу вернул деньги.

— Ну, во всяком случае, не будем терять зря время на обсуждения и предложения, — объявил Оп, — Надо действовать!

Максвелл посмотрел на Кэрл.

— По-моему, он прав, Пит, — сказала она. — По-моему, рискнуть стоит.

Оп взял со стола банку с самогоном и тщательно завинтил крышку.

Глава 22

Их окружало прошлое — в витринах, в шкафах, на подставках, утраченное, забытое, неизвестное прошлое, отнятое у времени полевыми экспедициями, которые обследовали скрытые уголки истории человечества. Творения художников и искусных ремесленников, какие никому и не снились, пока люди не вернулись в прошлое и не обнаружили их там: новенькие гончарные изделия, прежде доходившие из глубины веков только в черепках, флаконы из Древнего Египта, полные притираний и душистых мазей, совсем еще свежих, доисторические железные орудия, выхваченные чуть ли не прямо из кузнечного горна, свитки из Александрийской библиотеки, которые должны были сгореть, но не сгорели, потому что были посланы люди спасти их за мгновение до того, как их поглотило бы пламя пожара, уничтожившего библиотеку, прославленные ткани Элама, секрет которых был утрачен в незапамятные времена, — все это и неисчислимое множество других экспонатов, бесценная сокровищница предметов (многие из которых сами по себе были бесценными сокровищами), добытых из недр времени.

Какой же это «Музей времени»? — подумал Максвелл. Нет, это скорее «Музей безвременья», место, где сходились все эпохи, где исчезали все хронологические различия, где постепенно собирались все мечты человечества, претворенные в явь, — и при этом совершенно новые, сверкающие, созданные только накануне. Тут не приходилось по древним

разрозненным обломкам угадывать гипотетическое целое, тут можно было брать в руки и применять орудия, инструменты и приспособления, которые человек создавал и использовал на всем протяжении своего развития.

Стоя возле пьедестала с Артефактом, Максвелл прислушивался к замирающим шагам сторожа, отправившегося в очередной обход здания. Кэрол удалось-таки провести их в музей, хотя вначале он опасался, что ее план неосуществим. Она позвонила сторожу и сказала, что ей и двум ее сотрудникам необходимо взглянуть на Артефакт в последний раз перед тем, как его увезут, и сторож встретил их у маленькой калитки, вделанной в величественные массивные двери, которые широко распахивались в часы, когда музей бывал открыт для посетителей.

— Только вы недолго, — ворчливо предупредил сторож, — Не знаю, может, вас и вообще пускать не стоило.

Но Кэрол заверила его, что все будет в порядке — он может ни о чем не беспокоиться, и сторож удалился, шаркая подметками и что-то бормоча себе под нос.

Над черным брусом Артефакта горели яркие лампы.

Максвелл нырнул под бархатный канат, отгораживавший пьедестал, вскарабкался к самому Артефакту и скорчился рядом с ним, нащупывая в кармане аппарат-переводчик.

Дурацкая догадка, сказал он себе. Да и никакая это не догадка, а просто нелепая идея, порожденная отчаянием. Он только зря потратит время и поставит себя в глупое положение. Ну, а если это маловероятное предположение даже в какой-то мере и подтвердится, все равно изменить он уже ничего не сможет. Завтра колесник заберет Артефакт и вступит во владение библиотекой хрустальной планеты, а человечество навсегда лишится доступа к знаниям, тщательно и трудолюбиво копившимся пятьдесят миллиардов лет в двух вселенных, — к знаниям, которые должны были бы принадлежать Объединенным университетам Земли и могли бы достаться им, а теперь навеки станут собственностью

загадочной культуры, которая, возможно, окажется тем потенциальным галактическим врагом, которого Земля всегда опасалась встретить в космосе.

Ему не хватило времени! Еще какой-нибудь день или два — и он воспрепятствовал бы этой сделке, он нашел бы людей, которые его выслушали бы и приняли меры. Но обстоятельства все время складывались против него, а теперь уже поздно.

Максвелл надел на голову аппарат-переводчик, но очки никак не желали опускаться на место.

— Дайте я помогу, — сказала Кэрол, и он почувствовал, как ее легкие пальцы растягивают ремни, прилаживают застежки.

Покосившись вниз, он увидел Сильвестра. Тигренок сидел у самого пьедестала и скалил зубы на Опа. Перехватив взгляд Максвелла, неандерталец сказал:

— Эта тигра чувствует, что я ее естественный враг. В один прекрасный день она соберется с духом и прыгнет на меня.

— Не говорите глупостей! — сердито огрызнулась Кэрол. — Он же просто шаловливый котенок.

— Это как посмотреть, — отозвался Оп.

Максвелл еще раз подергал очки и надвинул их на глаза. И поглядел на Артефакт.

В этом слитке черноты было что-то. Линии, очертания... непонятные формы. Артефакт перестал быть просто сгустком непроницаемой тьмы, отражающим любые попытки проникнуть в него извне, ничего не приемлющим и ничего не открывающим, словно был вещью в себе, инородным телом во Вселенной.

Максвелл завертел головой, стараясь найти наиболее удобный угол зрения, чтобы разобраться в том, что увидел. Во всяком случае, это не записи... Нет, это что-то совсем другое! Он нащупал винт фокусировки и попробовал изменить настройку.

— В чем дело? — спросила Кэрол.

— Не понимаю...

В то же мгновение он понял. И увидел. В уголке бруса виднелась лапа, покрытая радужной пленкой... или кожей... или чешуей, с когтями, сверкающими как алмазы. И эта лапа... шевелилась и дергалась, словно стараясь высвободиться и дотянуться до него.

Максвелл вздрогнул, инстинктивно отпрянул и вдруг почувствовал, что падает. Он попытался извернуться так, чтобы не удариться затылком. Его плечо задело бархатный канат, и стойки с грохотом опрокинулись на пол. Однако канат успел спружинить, и Максвелл упал на бок, чуть не сбав ключицу, но зато не ударился головой о каменный пол. Он рывком поднял очки на лоб.

Артефакт над ним стремительно изменялся. Из сгустка тьмы возникало что-то, свивалось и билось в судорожном стремлении вырваться на свободу. Что-то живое, полное буйной энергии, ослепительно прекрасное.

Изящная, вытянутая вперед голова, зубчатый гребень, сбегающий от лба по шее и спине. Могучая грудь, продолговатое туловище с полусложенными крыльями, красиво изогнутые передние лапы с алмазными когтями. Сказочное создание сверкало и переливалось всеми цветами радуги в ярком свете ламп, нацеленных на Артефакт, — вернее, на то место, где раньше был Артефакт.

И каждая сияющая чешуйка была зеркальцем, отражающим пучки бронзовых, золотых, оранжевых и голубых лучей.

Дракон, подумал Максвелл. Дракон, возникший из черноты Артефакта! Дракон, наконец обретший свободу после миллионов лет заключения в сгустке мрака.

Дракон! После стольких лет поисков, размышлений, неудач он все-таки увидел живого дракона! И совсем не такого, каким он рисовался его воображению, не прозаическое создание из плоти и чешуи, но великолепнейший символ. Символ дней расцвета хрустальной планеты, а может быть, и всей той вселенной, которая канула в небытие, уступая место новой, нашей Вселенной, — древний, легендарный

современник тех странных необыкновенных рас, захиревшими, жалкими потомками которых были гоблины, тролли, феи и баньши. Существо, название которого передавалось от отца к сыну тысячами и тысячами поколений, но которого до этой минуты не видел ни один человек.

Возле одной из упавших стоек замер Оп, с ужасом и удивлением глядя вверх, — его кривые ноги были полусогнуты, точно он окаменел, готовясь к прыжку, окорокообразные руки свисали по бокам, пальцы были искривлены как когти. Сильвестр припал к полу, разинув пасть, ощерив клыки. На его ногах под густым мехом вздулись узлы мышц. Он был готов нападать и защищаться.

На плечо Максвелла легла ладонь, и он резко повернулся.

— Это дракон? — спросила Кэрол.

Ее голос был странным: точно она боялась этого слова, точно лишь с большим трудом заставила себя произнести его. Она глядела не на Максвелла, а вверх — на дракона, который, по-видимому, уже закончил свою трансформацию.

Дракон дернул длинным гибким хвостом, и Оп неуклюже припал к полу, увертываясь от удара.

Сильвестр яростно зашипел и пополз вперед.

— Сильвестр! Не смей! — крикнул Максвелл.

Оп поспешно кинулся вперед на четвереньках и ухватил Сильвестра за заднюю лапу.

— Да скажите ему что-нибудь! — потребовал Максвелл, поворачиваясь к Кэрол, — Если этот идиот сцепится с ним, произойдет черт знает что!

— Сильвестр не тронет Опа, можете не опасаться!

— При чем тут Оп? Я говорю о драконе. Если он прыгнет на дракона...

Из темноты донесся разъяренный вопль и топот бегущих ног.

— Что вы тут затеяли? — загремел сторож, выбегая на свет.

Дракон повернулся на пьедестале и соскользнул с него навстречу сторожу.

— Берегись! — рывкнул Оп, железной хваткой держа за лапу Сильвестра.

Дракон двигался осторожной, почти семенящей походкой, вопросительно наклонив голову. Он взмахнул хвостом и смел на пол полдюжины чаш и кувшинов. Раздался оглушительный грохот, блестящие черепки брызнули во все стороны.

— Эй, прекратите! — крикнул сторож и, по-видимому, только тут заметил дракона.

Он взвизгнул и кинулся наутек. Дракон неторопливо затрусил за ним, с любопытством вытягивая шею. Его продвижение по залам музея сопровождалось грохотом и звоном.

— Если мы не уберем его отсюда, — заявил Максвелл, — тут скоро не останется ни одного целого экспоната. При таких темпах ему на это потребуется не больше пятнадцати минут. Он сотрет весь музей в порошок. И ради всего святого, Оп, не выпусти Сильвестра. Нам только не хватает боя тигра с драконом!

Он поднялся с пола, снял с головы аппарат и сунул в карман.

— Можно открыть двери, — предложила Кэрол, — и выгнать его наружу. Я знаю, как отпираются большие двери.

— Оп, а ты умеешь пасти драконов? — осведомился Максвелл.

Дракон тем временем добрался до последнего зала и повернул назад.

— Оп! — попросила Кэрол. — Помогите мне. Тут нужна сила.

— А тигр как же?

— Предоставьте его мне, — распорядился Максвелл. — Может быть, он возьмет себя в руки. И вообще послушается меня.

Приближение дракона было отмечено сильным треском и грохотом. Максвелл застонал. Шарп убьет его за это. И

будет прав: хоть они и друзья, но музей разгромлен, а Артефакт преобразился в буйствующее многотонное чудовище!

Максвелл осторожно направился туда, откуда донесся очередной взрыв. Сильвестр следовал за ним, припадая к полу. В темноте Максвелл с трудом различил дракона, плывающего среди стендов.

— Хороший, хороший дракошечка, умница! — сказал Максвелл. — Легче на поворотах, старина!

Это прозвучало довольно глупо и неубедительно. Но как вообще полагается разговаривать с драконами?

Сильвестр испустил хриплое рычание.

— Хоть ты-то не суйся! — сердито сказал Максвелл, — И без тебя все так скверно, что дальше некуда.

А где сейчас сторож? — подумал он. Наверное, звонит в полицию, так что гроза может разразиться с минуты на минуту.

Позади раздалось поскрипывание открывающихся створок огромной двери. Хоть бы дракон подождал, когда они совсем откроются! Тогда его, возможно, удастся выгнать из музея. Да, но дальше-то что? Максвелл содрогнулся при мысли о том, что гигантское чудовище начнет резвиться на улицах городка и в академических двориках. Может быть, все-таки лучше оставить его взаперти?

Он замер в нерешительности, взвешивая минусы запертого дракона и минусы дракона на свободе. Музей и так разнесен вдребезги, а потому довершение этого разгрома, пожалуй, все-таки предпочтительнее того, что может натворить дракон в городке.

Створки продолжали поскрипывать, расходясь. Дракон, до тех пор передвигавшийся легкой рысцой, вдруг припустил галопом в их сторону.

Максвелл стремительно повернулся, вопя:

— Двери! Закройте двери! — И еле успел отскочить с пути мчавшегося дракона.

Створки остались полуоткрытыми, а Кэрол и Оп метнулись в разные стороны при виде надвигавшегося чудовища, которому явно хотелось погулять.

По залам музея прокатился громовой рык, и Сильвестр помчался вдогонку за убегающим драконом.

Прижавшись к стене, Кэрол кричала:

— Сильвестр, прекрати! Не смей, Сильвестр! Не смей!

На бегу дракон нервно хлестал гибким хвостом. Разлетались витрины и столы, волчками крутились статуи. Дракон стремился к свободе, оставляя позади себя хаос и разрушение.

Максвелл со стоном бросился за Сильвестром и драконом, хотя сам не понимал, что он, собственно, собирается сделать. Меньше всего ему хотелось хватать дракона за хвост.

Дракон достиг дверей и прыгнул — прыгнул высоко в воздух, разворачивая крылья, которые захлопали, как паруса под ветром.

Максвелл резко остановился в дверях, чуть не потеряв равновесие. На нижней ступеньке крыльца Сильвестр, также с трудом затормозив, тянулся всем телом вверх, негодуя на улетавшего дракона. Это было ошеломляющее зрелище. Лунный свет играл на поднимающихся и опускающихся крыльях, алыми, золотыми и голубыми огнями вспыхивал на тысячах полированных чешуек, и казалось, что в небе дрожит многоцветная радуга.

Из дверей выскочили Кэрол с Опом и тоже задрали головы.

— Как красиво! — сказала Кэрол.

— Да, — отозвался Максвелл.

И только тут он полностью осознал смысл случившегося: Артефакт больше не существует, и колесник лишился покупки. Но и он уже не мог предоставить хрустальной платенете требуемую цену. Цепь событий, начавшаяся с дублирования его волновой схемы, когда он направлялся в систему Енотовой Шкуры, оборвалась. И если бы не эта летящая в

небе радуга, можно было бы считать, что вообще ничего не произошло.

Дракон взмывал все выше, описывая круги, и уже казался просто разноцветным пятном.

— Вот так! — уныло сказал Оп. — Что нам теперь делать?

— Это я во всем виновата, — пробормотала Кэрол.

— Виноватых тут нет, — возразил Оп. — Неумолимый ход событий — и все.

— Ну, во всяком случае, мы сорвали Харлоу его сделку! — заметил Максвелл.

— Что да, то да, — сказал голос позади них. — Не будет ли кто-нибудь любезен объяснить мне, что здесь происходит?

Они обернулись.

В дверях музея стоял Харлоу Шарп. В зале теперь горели все лампы, и его фигура выделялась в светлом прямоугольнике дверей четким черным силуэтом.

— Музей разгромлен, — сказал Шарп, — Артефакт исчез, а тут я вижу вас двоих, как я мог бы предугадать заранее. Мисс Хэмптон, я удивлен. Я никак не ожидал найти вас в таком дурном обществе. Впрочем, этот ваш бешеный кот...

— Пожалуйста, не вмешивайте сюда Сильвестра! — воскликнула она. — Он тут ни при чем!

— Так как же, Пит? — спросил Шарп.

Максвелл помотал головой:

— Мне трудно объяснить...

— Я так и предполагал, — сказал Шарп, — Когда ты разговаривал со мной сегодня вечером, ты уже имел в виду все это?

— Нет. Непредвиденная случайность.

— Дорогостоящая случайность! — заметил Шарп, — Может быть, тебе будет интересно узнать, что ты приостановил работу Института времени лет на сто, если не больше. Правда, если вы просто унесли Артефакт и где-то припрятали, это еще можно исправить. В таком случае даю вам, мой друг, ровно пять секунд на то, чтобы вы его мне вернули.

Максвелл судорожно глотнул.

— Я его не уносил, Харлоу. Я к нему даже не прикасался. Я сам не понимаю, что произошло. Он превратился в дракона.

— В кого? В кого?

— В дракона. Пойми же, Харлоу...

— Ага! — воскликнул Шарп, — Ты ведь всегда бредил драконами. И в систему Енотовой Шкуры отправился подыскать себе дракона. И вот теперь ты им обзавелся! Надеюсь, не заваливающим каким-нибудь?

— Он очень красивый, — сказала Кэрол. — Золотой и сияющий.

— Чудесно. Нет, просто замечательно. Мы все можем разбогатеть, таская его по ярмаркам. Организуем цирк и сделаем дракона гвоздем программы. Я уже вижу анонс — большими такими буквами: «ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ ДРАКОН».

— Но его же здесь нет, — объяснила Кэрол. — Он взял да улетел.

— Оп! А вы почему молчите? — поинтересовался Шарп, — Что с вами приключилось? Обычно вы гораздо разговорчивее. Что произошло?

— Я глубоко огорчен, — пробормотал Оп.

Шарп отвернулся от неандертальца и посмотрел на Максвелла.

— Пит, — сказал он, — возможно, ты все-таки понимаешь, что ты натворил. Сторож позвонил мне и хотел вызвать полицию. Но я велел ему подождать, пока сам не посмотрю, что произошло. Правда, ничего подобного я все-таки не ожидал. Артефакт исчез, и, значит, я не могу вручить его покупателю и должен буду вернуть деньги — и какие деньги! — к тому же чуть ли не половина экспонатов разбита вдребезги...

— Их разбил дракон, — объяснил Максвелл. — Прежде чем мы успели его выпустить.

— Ах, так вы его выпустили? Он не сам удрал, а вы его просто выпустили!

— Но он же громил музей. Мы совсем растерялись, ну и...

— Пит, скажи мне, только честно. А был ли дракон?

— Да, был. Его заключили в Артефакт. Но возможно, что Артефакт — это и был он. Не спрашивай меня, как это было сделано. Скорее всего, с помощью чар...

— Ах, чар!

— Но чары существуют, Харлоу. Я не знаю принципа их действия. Хотя я много лет занимался их изучением, мне так и не удалось узнать ничего конкретного.

— Мне кажется, — сказал Харлоу, — здесь кое-кого не хватает. Еще одной личности, без которой не обходится ни один такой скандал. Оп, скажите, будьте так добры, где Дух, ваш ближайший и дражайший друг?

Оп покачал головой:

— Разве за ним уследишь? Постоянно куда-нибудь исчезает.

— И это еще не все, — продолжал Шарп. — Есть еще одно обстоятельство, которое нам следует прояснить. Пропал Шекспир. Не мог ли бы кто-нибудь из вас пролить свет на это исчезновение?

— Он некоторое время был с нами, — сказал Оп. — Мы как раз собрались поужинать, но он вдруг перепугался и удрал. Это случилось в тот момент, когда Дух припомнил, что он — дух Шекспира. Вы же знаете, как он все эти годы мучился оттого, что не знал, чей он дух.

Медленно, постепенно Шарп опустился на верхнюю ступеньку и медленно, постепенно обвел их взглядом.

— Ничего, — сказал он, — ну ничего вы не упустили, начав губить Харлоу Шарпа. Вы прекрасно справились со своей задачей.

— Мы не собирались вас губить, — возразил Оп. — Мы питаем к вам самые добрые чувства. Но просто все пошло кривь и вкось да так и не остановилось.

— Я имею полное право, — сказал Шарп, — подать на вас в суд для взыскания всех убытков музея. Я должен был бы потребовать судебного постановления — и, будьте спокойны, я его добился бы! — и оно обязало бы вас всех работать на Институт времени до скончания ваших дней. Но вы, все трое вместе взятые, не способны отработать и миллионной доли того, во что обошлись институту ваши сегодняшние развлечения. Поэтому мне нет никакого смысла обращаться в суд. Хотя, полагаю, без полиции обойтись будет нельзя. Я обязан поставить ее в известность. Так что, боюсь, вам всем придется ответить на порядочное число вопросов.

— Если бы кто-нибудь из вас только согласился меня выслушать! — возопил Максвелл, — Я мог бы все объяснить. Только этого я и добивался с момента моего возвращения на Землю — найти кого-то, кто бы меня выслушал. Я ведь пытался объяснить тебе ситуацию, когда мы говорили вечером...

— В таком случае, — заявил Шарп, — можешь начать объяснения немедленно. Признаюсь, мне будет любопытно их послушать. Пойдемте в мой служебный кабинет, где нам будет уютнее разговаривать. Это ведь близко — через дорогу. Или это вам неудобно? Возможно, вам еще осталось сделать два— три завершающих штриха, чтобы окончательно разорить Институт времени?

— Да нет, пожалуй, — сказал Оп. — Насколько могу судить, мы уже сделали все, что было в наших силах.

Глава 23

В приемной Шарпа им навстречу поднялся инспектор Дрейтон.

— Хорошо, что вы наконец пришли, доктор Шарп, — сказал он, — Произошло нечто...

Тут инспектор увидел Максвелла и на мгновение умолк.

— А, это вы! — воскликнул он. — Рад вас видеть. Вы таки заставили меня погоняться за вами!

Максвелл скорчил гримасу:

— К сожалению, не могу сказать, инспектор, что наша радость взаимна.

Уж если он мог без кого-нибудь спокойно обойтись в настоящую минуту — это, конечно, без инспектора Дрейтона.

— А кто вы, собственно, такой? — резко спросил Шарп. — По какому праву вы сюда врываетесь?

— Я инспектор службы безопасности. Моя фамилия Дрейтон. Позавчера у меня была короткая беседа с профессором Максвеллом относительно его возвращения на Землю, но, боюсь, осталось еще несколько вопросов, которые...

— В таком случае, — заявил Шарп, — будьте добры встать в очередь. У меня тоже есть к доктору Максвеллу кое-какое дело, и, боюсь, оно важнее вашего.

— Вы меня не поняли, — терпеливо сказал Дрейтон. — Я пришел сюда не для разговора с вашим другом. Его появление с вами — это всего лишь приятный сюрприз. А ваша помощь мне нужна в связи с совсем другим делом, возникшим довольно неожиданно. Видите ли, я узнал, что профессор Максвелл был в числе гостей на последнем приеме мисс Клейтон, а потому я отправился к ней...

— Ничего не понимаю! — перебил Шарп, — Ну при чем тут Нэнси Клейтон?

— Право, не знаю, Харлоу, — сказала Нэнси Клейтон, выходя из его кабинета, — Я всегда стараюсь избегать историй. Я просто люблю, когда у меня бывают друзья, и, по-моему, в этом нет ничего плохого!

— Нэнси, пожалуйста, погоди! — взмолился Шарп, — Объясни сначала, что, собственно, происходит. Зачем ты пришла сюда? И зачем пришел инспектор Дрейтон? И...

— Из-за Ламберта, — сказала Нэнси.

— Из-за художника, который написал эту твою картину?

— У меня их три! — с гордостью сообщила Нэнси.

— Но Ламберт умер пятьсот с лишним лет назад!

— Я и сама так думала, — ответила Нэнси. — Но сегодня вечером он пришел ко мне. Говорит, что заблудился.

Из кабинета, вежливо отодвинув Нэнси в сторону, вышел мужчина — высокий, крепкий, белобрысый, с лицом, изборозженным глубокими морщинами.

— Господа! — сказал он, — Кажется, речь идет обо мне? В таком случае не разрешите ли и мне принять участие в вашей беседе?

Его произношение производило странное впечатление, но он улыбнулся всем такой веселой и добродушной улыбкой, что они почувствовали к нему невольную симпатию.

— Вы — Альберт Ламберт? — спросил Максвелл.

— Не кто иной, — ответил Ламберт. — Вероятно, неприятности приключаются со множеством людей. Однако для каждого в подобном случае вопрос ставится просто: как найти выход из положения?

— Почтеннейший! — воскликнул Шарп, — Вот над этим — то я и ломаю голову, совсем как вы.

— Разве ты не понимаешь, что Ламберт его уже нашел? — спросил Максвелл у Шарпа. — Он явился именно туда, где ему могут помочь.

— На вашем месте, молодой человек, — вмешался Дрейтон, — я был бы потише. В тот раз вы меня провели, но теперь вам от меня так просто не отделаться. Сначала вы ответите на некоторые вопросы.

— Инспектор, — попросил Шарп, — ну пожалуйста, не вмешивайтесь. И без вас голова идет крутом. Артефакт исчез, музей разгромлен, Шекспир пропал.

— Но мне-то, — вразумительно сказал Ламберт, — мне-то нужно всего лишь одно: вернуться домой. В мой две тысячи двадцать третий год.

— Погодите минутку, — потребовал Шарп. — Вы лезете без очереди. Я не...

— Харлоу, — перебил Максвелл, — я же тебе уже объяснял. Не далее как сегодня вечером. Я еще спросил тебя про Симонсона. Не мог же ты забыть!

— Симонсон? Ах, да! — Шарп посмотрел на Ламберта, — Вы — тот художник, который нарисовал картину с Артефактом?

— С каким Артефактом?

— Большим черным камнем на вершине холма.

Ламберт покачал головой:

— Нет, я ее не писал. Но, наверное, еще напишу. Вернее, не могу не написать. Мисс Клейтон показала ее мне, и кисть несомненно моя. И хотя не мне об этом говорить, но вещь получилась недурная.

— Значит, вы действительно видели Артефакт в юрском периоде?

— Когда-когда?

— Двести миллионов лет назад.

— Так давно? — удивился Ламберт. — Впрочем, я так и полагал. Там ведь были динозавры.

— Но как же вы не знали? Вы ведь путешествовали во времени.

— Беда в том, — объяснил Ламберт, — что реле времени закапризничало. Я больше не способен попадать в то время, в которое хочу.

Шарп сжал ладонями виски. Потом отнял руки от головы и проговорил:

— Давайте по порядку. Не торопясь. Сначала одно, потом другое, пока во всем не разберемся.

— Я ведь объяснил вам, — сказал Ламберт, — что хочу одного, самого простого. Я хочу вернуться домой.

— А где ваша машина времени? — спросил Шарп. — Где вы ее оставили? Мы могли бы ее наладить.

— Я ее нигде не оставлял. Я вообще не могу ее оставить. Она всегда со мной. Она у меня в голове.

— В голове?! — взвыл Шарп. — Машина времени в голове? Но это невозможно!

Максвелл посмотрел на Шарпа и ухмыльнулся.

— Когда мы разговаривали про это сегодня вечером, — сказал он, — ты упомянул, что Симонсон не публиковал

никаких сведений о своей машине времени. И вот теперь выясняется...

— Да, я тебе это сказал, — согласился Шарп. — Но кто в здравом уме и твердой памяти мог бы заподозрить, что машина времени вживляется в мозг объекта опыта? Это какой— то новый принцип. Мы прошли мимо него. — Он повернулся к Ламберту: — Вы не знаете, как она действует?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил тот. — Мне известно только, что с тех пор, как эту штучку засунули мне в череп — весьма сложная была операция, должен вам сказать! — я получил способность путешествовать во времени. Мне нужно было просто подумать о том, куда я хочу попасть, используя определенные несложные координаты, — и я оказывался там. Но что-то разладилось. Что бы я ни думал, меня бросает вперед и назад, точно бильбоке, из эпохи в эпоху, причем совсем не в те, в которые я хотел бы попасть.

— А ведь в этом есть свои преимущества, — задумчиво произнес Шарп, ни к кому не обращаясь, — Возможность независимых действий и малый объем аппарата... несравненно меньший, чем тот, которым пользуемся мы. Иначе ведь нельзя было бы вживить его в мозг и... Ламберт, а что вам все-таки про него известно?

— Я же вам уже сказал: ничего. Меня совершенно не интересовало, как он работает. Просто Симонсон — мой друг, и...

— Но почему вы очутились здесь? Именно здесь?

В данном месте и в данное время?

— Чистейшая случайность. Но, попав сюда, я решил, что этот городок выглядит куда цивилизованнее, чем многие из тех мест, куда меня заносило, и начал наводить справки, чтобы сориентироваться. По-видимому, я еще никогда не забирался так далеко в будущее, поскольку почти сразу узнал, что вы тут уже начали путешествовать во времени и у вас есть Институт времени. Потом я прослышал про свою картину у мисс Клейтон и рассудил, что она может

отнестись ко мне благожелательно, а потому отправился к ней в надежде, что она поможет мне связаться с теми, кто мог бы оказать мне большую любезность, отправив меня домой. А пока я беседовал с ней, пришел инспектор Дрейтон...

— Мистер Ламберт, — сказала Нэнси. — Прежде чем вы будете продолжать, я хотела бы задать вам вопрос. Почему вы, когда были в юрской... в юрском... ну, там, где, как сказал Харлоу, вы были и написали эту свою картину...

— Вы забыли, — прервал ее Ламберт, — что я еще ничего не написал. Правда, у меня есть эскизы, и я надеюсь...

— Ну хорошо. Так почему, когда вы начнете ее писать, вы не введете в нее динозавров? На ней динозавров нет, а вы только что сказали, что поняли, в какую древнюю эпоху попали, когда увидели там динозавров.

— Я не написал динозавров по самой простой причине, — ответил Ламберт, — Там не было их.

— Но вы же сказали...

— Поймите, — начал терпеливо объяснять художник, — я пишу только то, что я вижу. Я никогда ничего не опускаю. Я никогда ничего не ввожу. А динозавров там не было, потому что другие создания, которые есть на картине, их разогнали. И я не написал ни динозавров, ни прочих.

— Прочих? — переспросил Максвелл. — О ком вы говорите? Что это были за прочие?

— Ну, те, на колесах, — ответил Ламберт.

Он умолк и обвел взглядом ошеломленные лица:

— Я сказал какую-то неловкость?

— Нет-нет, что вы! — успокоила его Кэрл. — Продолжайте, мистер Ламберт. Расскажите нам про этих... на колесах.

— Вы, наверное, мне не поверите, — сказал Ламберт. — И я не смогу вам объяснить, что они такое. Может быть, рабы. Рабочий скот. Носильщики. Сервы. По-видимому, они были не машинами, а живыми существами, но передвигались не с помощью ног, а с помощью колес и представляли собой что-то вроде гнезда насекомых. Ну, пчелиный рой или

муравейник. Общественные насекомые, по-видимому. Разумеется, я не жду, чтобы вы мне поверили, но даю вам честное слово...

Откуда-то издали донесся глухой нарастающий звук, словно от быстро катящихся колес. Все замерли, прислушиваясь, и поняли, что колеса катятся по коридору. Звук все приближался, становясь все громче и громче. Внезапно он раздался у самой двери, затих на повороте, и на пороге кабинета возник колесник.

— Вот один из них! — взвизгнул Ламберт, — Что он тут делает?

— Мистер Мармадюк, — сказал Максвелл, — я рад снова увидеться с вами.

— Нет, — сказал колесник, — не мистер Мармадюк. Так называемого мистера Мармадюка вы больше не увидите. Он в большой немилости. Он совершил непростительную ошибку.

Сильвестр двинулся было вперед, но Оп быстро схватил его за загривок и не выпустил, как ни старался тигренок вернуться.

— Гуманоид, известный под именем Харлоу Шарп, заключил условие о продаже. Кто из вас Харлоу Шарп?

— Это я, — сказал Шарп.

— В таком случае, сэр, я должен спросить вас: как вы думаете выполнить указанное условие?

— Я ничего не могу сделать, — ответил Шарп. — Артефакт исчез и не может быть вам вручен. Ваши деньги, разумеется, будут вам немедленно возвращены.

— Этого, мистер Шарп, окажется недостаточно, — сказал колесник. — Далеко, далеко не достаточно. Мы возбудим против вас преследование по закону. Мы пустим против вас в ход все, чем располагаем. Мы сделаем все, чтобы ввергнуть вас в разорение и...

— Ах ты, самоходная тачка! — вдруг взорвался Шарп. — На какой это закон вы думаете ссылаться? Галактический

закон не распространяется на таких тварей! И если вы воображаете, что можете являться сюда и угрожать мне...

В проеме двери из ничего возник Дух.

— Явился наконец! — взревел Оп сердито. — Где тебя носило всю ночь? Куда ты девал Шекспира?

— Бард в безопасном месте, — ответил Дух, — но у меня другие известия. — Рукав его одеяния взметнулся, указывая на колесника, — Его сородичи ворвались в заповедник гоблинов и ловят дракона!

Так, значит, они с самого начала охотились именно за драконом, несколько нелогично подумал Максвелл. Значит, колесники всегда знали, что в Артефакте скрыт дракон? И сам себе ответил: да, конечно, знали! Ведь это они сами или их предки жили на Земле в юрский период. В юрский период — на Земле? А в какие времена на разных других планетах? Ламберт назвал их сервами, носильщиками, рабочим скотом. Были ли они биологическими роботами, которых создали эти древние существа? А может быть, одомашненными животными, приспособленными с помощью генетической обработки к выполнению определенных функций?

И вот теперь эти бывшие рабы, создав собственную империю, пробуют завладеть тем, что с некоторым правом могут считать своим. Потому что больше нигде во всем мире, исключая разрозненные, вымирающие остатки бывших поселений, не осталось иных следов гигантского замысла освоить новую юную Вселенную, о которой мечтала хрустальная планета.

И может быть, подумал Максвелл, это наследие и должно принадлежать им. Ибо осуществление этого замысла опиралось на их труд. И не пытался ли умиравший баньши, томимый сознанием давней вины, не пытался ли он искупить прошлое, когда обманул хрустальную планету, чтобы помочь этим бывшим рабам? Или он полагал, что лучше отдать это наследие не чужакам, а существам, которые сыграли свою роль — пусть небольшую, пусть чисто служебную

— в подготовке к осуществлению великого замысла, который так и не удалось привести в исполнение?

— То есть пока вы стоите и угрожаете мне, — сказал Шарп колеснику, — ваши бандиты...

— Уж он ничего не упустит, — вставил Оп.

— Дракон, — сказал Дух, — отправился в единственное родное и близкое место, какое ему удалось отыскать на этой планете. Он полетел туда, где живет маленький народец, в надежде увидеть вновь своих сородичей, парящих в лунном свете над речной долиной. И тут на него с воздуха напали колесники, пытаясь прижать к земле, чтобы там схватить. Дракон доблестно отбивает их атаки, но...

— Колесники не умеют летать, — перебил его Шарп, — И вы сказали, что их там много. Этого не может быть. Мистер Мармадьюк был единственным...

— Возможно, и считается, что они не могут летать, — возразил Дух. — Но вот летают же! А почему их много, я не знаю. Может быть, они все время были здесь и прятались, а может быть, пополнение к ним прибывает с передаточных станций.

— Ну, этому мы можем положить конец! — воскликнул Максвелл. — Надо поставить в известность транспортников, и...

Шарп покачал головой:

— Нет. Транспортная система не принадлежит Земле. Это межгалактическая организация. Мы не имеем права вмешиваться...

— Мистер Мармадьюк, — сказал инспектор Дрейтон самым официальным своим тоном, — или как бы вы там себя ни называли, судя по всему, я должен вас арестовать.

— Прекратите словоизлияния! — воскликнул Дух. — Маленькому народу нужна помощь.

Максвелл схватил стул.

— Довольно дурачиться! — сказал он и, занеся стул над головой, обратился к колеснику: — Ну-ка, выкладывайте все начистоту, иначе я вас в лепешку расшибу!

Внезапно из груди колесника высунулись наконечники сопел и раздалось пронзительное шипение. В лицо людям ударила невыносимая вонь, смрад, который бил по желудку, как тяжелый кулак, вызывая мучительную тошноту.

Максвелл почувствовал, что падает, — тело перестало ему повиноваться и словно связалось в узлы, парализованное зловонием, которое выбрасывал колесник. Он хватал себя за горло, задыхаясь, жадно глотая воздух, но воздуха не было, был только густой удушливый смрад.

Над головой раздался ужасающий визг, и, перекатившись на бок, он увидел Сильвестра: вцепившись передними лапами в верхнюю часть тела колесника, тигренок рвал когтями мощных задних лап пухлое прозрачное брюхо, в котором извивалась отвратительная масса белесых насекомых. Колеса колесника отчаянно вращались, но с ними что-то произошло: одно колесо вертелось в одну сторону, а другое — в противоположную, в результате чего колесник волчком крутился на месте, а Сильвестр висел на нем, терзая его брюхо. Максвеллу вдруг показалось, что они танцуют нелепый стремительный вальс.

Чья-то рука ухватила Максвелла за локоть и бесцеремонно поволокла по полу. Его тело стукнулось о порог, и он наконец глотнул более или менее чистого воздуха.

Максвелл перекатился на живот, встал на четвереньки и с трудом поднялся на ноги. Потом кулаками протер слезящиеся глаза. Вонь достигла и коридора, но туг все-таки можно было кое-как дышать.

Шарп сидел, привалившись к стене, судорожно кашлял и тер глаза. Кэрл скорчилась в углу. Оп, согнувшись в три погибели, тащил из отравленной комнаты бесчувственную Нэнси, а оттуда по-прежнему доносился свирепый визг саблезубого тигра, расправлявшегося с врагом.

Максвелл, пошатываясь, побрел к Кэрл, поднял ее, вскинул на плечо, как мешок, повернулся и заковылял по коридору к выходу.

Шагов через двадцать он остановился и оглянулся.

В этот момент из двери приемной выскочил колесник. Он наконец стряхнул с себя Сильвестра, и оба колеса вращались теперь в одну сторону. Он двигался по коридору, выписывая фантастические вензеля, прихрамывая — если только существо на колесах способно прихрамывать, — натываясь на стены. Из огромной прорехи в животе на пол сыпались какие-то маленькие белые крупинки.

Шагах в десяти от Максвелла колесник упал, потому что одно из колес, ударившись о стену, прогнулось. Медленно, с каким-то странным достоинством колесник перевернулся, и из его живота хлынул поток насекомых, образовавших на полу порядочную кучу.

По коридору крался Сильвестр. Он припадал на брюхо, вытягивал морду и осторожными шажками подбирался к своей жертве. За тигренком шел Оп, а за неандертальцем все остальные.

— Вы могли бы спустить меня на пол, — сказала Кэрол.

Максвелл бережно поставил ее на ноги. Она прислонилась к стене и негодуя заявила:

— По-моему, трудно придумать более нелепый способ переноски. Тащить женщину как узел с тряпьем! Где ваша галантность?

— Прошу прощения, — сказал Максвелл. — Мне, конечно, следовало оставить вас на полу.

Сильвестр остановился и, вытянув шею, обнюхал колесника. Он наморщил нос, и на его морде было написано брезгливое недоумение. Колесник не подавал никаких признаков жизни. Сильвестр удовлетворенно попятился, присел на задние лапы и принялся умываться. На полу возле неподвижного колесника копошилась куча насекомых. Около десятка их ползло к выходу.

Шарп быстро прошел мимо колесника.

— Идемте, — сказал он. — Надо выбраться отсюда.

В коридоре все еще висела отвратительная вонь.

— Но что произошло? — жалобно спросила Нэнси, — Почему мистер Мармадюк...

— Горстка жуков-вонючек, и ничего больше! — объяснил ей Оп. — Нет, вы подумайте! Галактическая раса жуков-вонючек! И они нагнали на нас страху!

Инспектор Дрейтон встал поперек коридора.

— Боюсь, — сказал он внушительно, — что вам всем придется пойти со мной. Мне понадобятся ваши показания.

— Показания? — злобно повторил Шарп, — Да вы с ума сошли! Какие там показания, когда дракон на воле и...

— Но ведь убит внеземлянин! — возразил Дрейтон, — И не простой внеземлянин, а представитель наших возможных врагов. Это может привести к самым непредвиденным последствиям.

— Да запишите просто: «Убит диким зверем», — посоветовал Оп.

— Оп, как вы смеете! — вспыхнула Кэрл. — Сильвестр совсем не дикий. Он ласков, как котенок. И он вовсе не зверь!

— А где Дух? — спросил Максвелл, оглядываясь.

— Смылся, — ответил Оп, — Его обычная манера, когда дело начинает пахнуть керосином. Трус он, и больше ничего.

— Но он же сказал...

— Правильно, — отозвался Оп, — И мы напрасно тратим время. О'Тулу нужна помощь.

Глава 24

Мистер О'Тул ждал их у шоссе.

— Я знал, что вы не преминете прибыть, — приветствовал он людей, едва те сошли с полосы. — Дух сказал, что разыщет вас и оповестит. А нам безотлагательно потребен кто-то, кто сумеет вразумить троллей, которые попрятались в мосту, бессмысленно бормочут и не слушают никаких доводов.

— Но при чем тут тролли? — спросил Максвелл. — Хоть раз в жизни не могли бы вы забыть про них?

— Тролли, — возразил мистер О'Тул, — как они ни подлы, одни лишь способны оказать нам помощь. Они ведь единственные, кто, не вкусив плодов цивилизации с ее множеством удобств, сохранили сноровку в колдовстве былых времен, и специализируются они на самых черных, самых вредных чарах. Феи, естественно, также хранят заветы старины, но их волшебство направлено лишь на все доброе, а доброта — это не то, в чем мы нуждаемся сейчас.

— Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, происходит? — спросил Шарп, — Дух испарился, ничего толком не сказав.

— С удовольствием, — ответил гoblin. — Но прежде отправимся в путь не мешкая, и я поведаю вам все обстоятельства на ходу. У нас не осталось времени, чтобы терять его зря, а тролли упрямы, и потребуется много их убеждать, чтобы они согласились помочь нам. Они засели в обомшелых камнях своего дурацкого моста и хихикают как умалишенные. Хотя как ни горька такая правда, но этим грязным троллям лишаться-то нечего!

Они начали гуськом подниматься вверх по узкому оврагу, разделявшему две гряды холмов. Небо на востоке посветлело, но на тропинке, вьющейся среди кустов под густыми деревьями, было совсем темно. Там и сям уже звучал щебет просыпающихся птиц, а где-то на холме верещал енот.

— К нам прилетел Дракон, — рассказывал О'Тул, — В единственное место на Земле, где он еще мог найти близких себе, а колесники — которые в древние времена назывались совсем по-другому — напали на него, как метлы, летящие боевым строем. Нельзя позволить, чтобы они принудили его спуститься на землю, ибо тогда они без труда изловят его и утащат к себе. И поистине он сражается доблестно и отражает их натиск, но он начинает уставать, и нам надо торопиться, если мы хотим поспособствовать ему в тяжкую минуту.

— И вы рассчитываете, — сказал Максвелл, — что тролли сумеют остановить колесников в воздухе, как они остановили автолет?

— Вы догадливы, друг мой. Именно это я и замыслил. Но поганцы тролли задумали погреть здесь руки.

— Я никогда не слышал, что колесники умеют летать, — сказал Шарп. — Все, которых я видел, только катались по твердой земле.

— Умений их не перечесать, — ответил О'Тул, — Они способны сотворять из своих тел разные приспособления, которые ни назвать, ни вообразить невозможно. Трубки, чтобы выбрасывать гнусный газ, пистолеты, чтобы поражать врагов смертоносными громами, реактивные двигатели для метел, что движутся с дивной быстротой. И всегда они замышляют только подлости и зло. Сколько веков ни прошло, а они, все еще полные злобы и мести, затаились в глубинах Вселенной, лелея и вынашивая в своих смрадных умах планы, как стать тем, чем им никогда не стать, ибо они всегда были только слугами и слугами они останутся.

— Но к чему нам возиться с троллями? — растерянно спросил Дрейтон, — Я мог бы вызвать орудия и самолеты...

— Не валяйте дурака, — сердито ответил Шарп. — Мы их пальцем тронуть не можем. Нам необходимо обойтись без инцидента. Люди не могут вмешиваться в дело, которое обитатели холмов и их прежние слуги должны разрешить между собой.

— Но ведь тигр уже убил...

— Тигр. А не человек. Мы можем...

— Сильвестр только защищал нас! — вмешалась Кэрол.

— Нельзя ли идти не так быстро? — взмолилась Нэнси. — Я не привыкла...

— Обопритесь на мою руку, — предложил Ламберт, — Тропа тут действительно очень крута.

— Знаешь, Пит, — радостно сказала Нэнси, — мистер Ламберт согласился погостить у меня год-другой и написать для

меня несколько картин. Как мило с его стороны, не правда ли?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, конечно.

Тропа, которая до сих пор вилась вверх по склону, круто пошла вниз, к оврагу, усыпанному огромными камнями, в полусвете раннего утра напоминавшими приготовившихся к прыжку горбатых зверей. Через овраг был переброшен мост, казалось доставленный сюда прямо с одной из дорог средневековья. Поглядев на него, Максвелл усомнился, действительно ли его построили всего несколько десятилетий назад, когда создавался заповедник.

И неужели, подумал он, прошло всего двое суток с того момента, как он вернулся на Землю и попал прямо в кабинет инспектора Дрейтона? За этот срок произошло столько событий, что они, казалось, никак не могли вместиться в сорок восемь часов. И столько произошло — и продолжает происходить — самого невероятного! Но от исхода этих событий, возможно, зависели судьба человечества и союз дружбы, который человек создал среди звезд.

Он попытался вызвать в своей душе ненависть к колесникам, но ненависти не было. Они были слишком чужды людям, слишком от них далеки, чтобы внушать ненависть. Они представлялись некоей абстракцией зла, а не злыми ожесточенными существами, хотя, как он прекрасно понимал, это не делало их менее опасными. Например, тот, дружкой, Питер

Максвелл: его, конечно, убили колесники — ведь там, где его нашли, в воздухе чувствовался странный, отвратительный запах, — и теперь, после тех нескольких минут в кабине Шарпа, Максвелл легко представил себе, что это был за запах.

А убили его колесники потому, что, по их сведениям, первым на Землю должен был вернуться Максвелл, попавший на хрустальную планету, и, убив его, они рассчитывали помешать ему сорвать переговоры, которые они вели о покупке Артефакта. Когда же появился второй Максвелл, они

уже не рискнули прибегнуть к такому опасному средству вторично, а потому мистер Мармадюк попытался подкупить его.

И тут Максвелл вспомнил, какую роль сыграл во всем этом Монти Черчилл, и обещал себе по завершении нынешнего утра, каким бы ни оказался его исход, отыскать его и свести с ним счета по всем статьям.

Тем временем они приблизились к мосту, прошли под ним и остановились.

— Эй вы! Ничтожные тролли! — завопил мистер О'Тул, обращаясь к безмолвным камням. — Нас много пришло сюда побеседовать с вами!

— Ну-ка, замолчите! — сказал Максвелл, обращаясь к О'Тулу, — И вообще не вмешивайтесь. Вы же не ладите с троллями.

— А кто, — возмущенно спросил О'Тул, — поладить с ними может? Упрямыцы без чести они, и разум со здравым смыслом равно им чужд!

— Замолчите, и ни слова больше, — повторил Максвелл.

Все умолкли, и вокруг воцарилась глубокая тишина нарождающегося утра, а потом из-под дальнего конца моста донесся пискливый голос.

— Кто тут? — спросил голос. — Если вы пришли помыкать нами, мы не поддадимся! Крикун О'Тул все эти годы помыкал нами и поносил нас, и больше мы терпеть не будем.

— Меня зовут Максвелл, — ответил Максвелл невидимому парламентарю. — И я пришел не помыкать вами, я пришел просить о помощи.

— Максвелл? Добрый друг О'Тула?

— Добрый друг всех вас. И каждого из вас. Я сидел с умирающим баньши, заменяя тех, кто не захотел прийти к нему в последние минуты.

— И все равно ты пьешь с О'Тулом, да-да! И разговариваешь с ним, да! И веришь его напраслине.

О'Тул выскочил вперед, подпрыгивая от ярости.

— Вот это я вам в глотки вобью! — взвизгнул он, — Дайте мне только наложить лапы на их мерзкие шеи...

Он внезапно умолк, потому что Шарп ухватил его сзади за штаны и поднял, не обращая внимания на бессвязные гневные вопли.

— Валяй! — сказал Шарп Максвеллу. — А если этот бахвальщик еще посмеет рот раскрыть, я окуну его в первую попавшуюся лужу.

Сильвестр подобрался к Шарпу, вытянул морду и начал изящно обнюхивать болтавшегося в воздухе О'Тула. Гоблин замахал руками, как ветряная мельница.

— Отгоните его! — взвизгнул он.

— Он думает, что тымышь, — объяснил Оп, — И взвешивает, стоишь ли ты хлопот.

Шарп попятился и пнул Сильвестра под ребра. Сильвестр с рычанием отскочил.

— Харлоу Шарп! — закричала Кэрол, кидаясь к нему, — Если вы позволите себе еще хоть раз ударить Сильвестра, я... я...

— Да заткнитесь же! — вне себя от бешенства крикнул Максвелл, — Все заткнитесь! Дракон там бьется из последних сил, а вы тут затеваете свары!

Все замолчали и отошли в сторону. Максвелл выдержал паузу, а потом обратился к троллям.

— Мне неизвестно, что произошло раньше, — сказал он. — Я не знаю причины вашей ссоры. Но нам нужна ваша помощь, и вы должны нам помочь. Я обещаю, что все будет честно и справедливо, но если вы не поведете себя разумно, мы проверим, что останется от вашего моста после того, как в него заложат два заряда взрывчатки.

Из-под моста донесся тихий пискливый голосок:

— Но ведь мы только всего и хотели, мы только всего и просили, чтобы крикун О'Тул сварил нам бочонок сладкого октябрьского эля.

— Это правда? — спросил Максвелл, оглядываясь на гоблина.

Шарп поставил О'Тула на землю, чтобы тот мог ответить.

— Это же будет неслыханное нарушение всех правил! — возопил О'Тул. — Вот что это такое! С незапамятных времен только мы, гоблины, варим радующий сердце эль. И сами его выпиваем. Мы не можем сварить больше, чем мы можем выпить. А если сварить его для троллей, тогда и феи потребуют...

— Но ты же знаешь, — перебил его Оп, — что феи не пьют эля. Они ничего не пьют, кроме молока. И эльфы тоже.

— Из-за вас нас всех умучит жажда! — вопил О'Тул. — Неизмеримый тяжкий труд мы тратим, чтобы сварить его столько, сколько нужно нам! И время, и размышления, и усилия.

— Если вопрос только в производительности, — вмешался Шарп, — то ведь мы могли бы вам помочь.

Мистер О'Тул в бешенстве запрыгал на месте.

— А жучки?! — неистовствовал он, — А что будет с жучками? Вы не допустите их в эль, пока он будет бродить, я знаю. Уж эти мне гнусные правила санитарии и гигиены! А чтобы октябрьский эль удался на славу, в него должны падать жучки и всякая другая пакость, не то душистости в нем той не будет!

— Мы набросаем в него жучков, — пообещал Оп. — Наберем целое ведро и высыплем в чан.

О'Тул захлебнулся от ярости. Его лицо побагровело.

— Невежество! — визжал он. — Жуков ведрами в него не сыплют. Жуки сами падают в него с дивной избирательностью и...

Его речь завершилась булькающим визгом и воплем Кэрл:

— Сильвестр! Не смей!

О'Тул, болтая руками и ногами, свешивался из пасти Сильвестра, который задрал голову так, что ноги гоблина не могли дотянуться до земли.

Оп с хохотом повалился на пожухлую траву, колотя по ней кулаками.

— Он думает, что О'Тул — это мышка! — вопил неандерталец, — Вы посмотрите на эту кисоньку! Она поймала мышку!

Сильвестр держал О'Тула очень осторожно, рняя только его самолюбие. Он почти не сжимал зубов, и в то же время огромные клыки не позволяли гоблину вырваться.

Шарп занес ногу для пинка.

— Нет! — крикнула Кэрол. — Только посмейте!

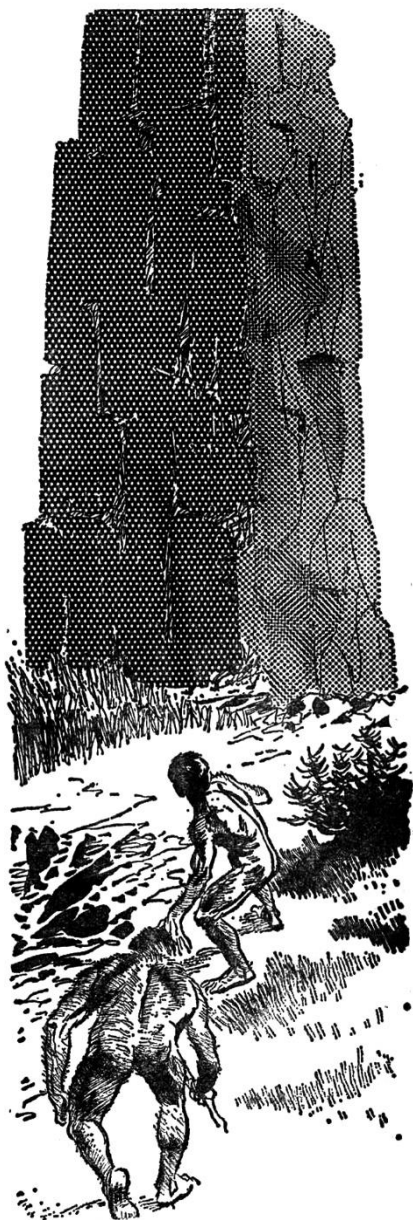
Шарп в нерешительности застыл на одной ноге.

— Оставь, Харлоу, — сказал Максвелл. — Пусть себе играет с О'Тулом. Он ведь так отличился сегодня у тебя в кабинете, что заслужил награду.

— Хорошо! — в отчаянии завопил О'Тул. — Мы сварим им бочонок эля! Два бочонка!

— Три! — пискнул голос из-под моста.

— Ладно, три, — согласился гоблин.

— И без вранья? — спросил Максвелл.
— Мы, гоблины, никогда не врем, — заявил О'Тул.
— Ладно, Харлоу, — сказал Максвелл. — Дай ему хорошего пинка.

Шарп снова занес ногу. Сильвестр отпустил О'Тула и попятился.

Из-под моста хлынул поток троллей — возбужденно вопя, они кинулись на холм.

Люди начали взбираться по склону вслед за троллями.

Кэрл, которая шла впереди Максвелла, споткнулась и упала. Он помог ей подняться, но она вырвала руку и повернулась к нему, пылая гневом:

— Не смейте ко мне прикасаться! И разговаривать со мной не смейте! Вы велели Харлоу дать Сильвестру хорошего пинка! И накричали на меня! Сказали, чтобы я заткнулась!

Она повернулась и бросилась вверх по склону почти бегом. Максвелл несколько секунд ошеломленно смотрел ей вслед, а потом начал карабкаться прямо на обрыв, цепляясь за кусты и камни.

С вершины холма донеслись радостные вопли, и Максвелл увидел, как с неба, бешено вращая колесами, скатился большой черный шар и под треск ломающихся веток исчез в лесу справа от него. Он остановился, задрал голову и увидел, что над вершинами деревьев два других черных шара мчатся прямо навстречу друг другу. Они не свернули в сторону, не снизили скорость, а, столкнувшись, взорвались. Максвелл проводил взглядом кувыркающиеся в воздухе обломки. Через секунду они обрушились на лес.

Вверху на обрыве все еще слышались радостные крики, и вдали, у вершины холма, вздымающегося по ту сторону оврага, что-то, скрытое от его взгляда, тяжело ударилось о землю.

Максвелл полез дальше. Вокруг никого не было.

Вот и кончилось, сказал он себе. Тролли сделали свое дело, и дракон может теперь опуститься на землю. Максвелл

усмехнулся. Столько лет он разыскивал дракона, и вот наконец дракон, но так ли все просто? Что такое дракон и почему он был заключен в Артефакте, или превращен в Артефакт, или что там с ним сделали?

Странно, что Артефакт сопротивлялся любым воздействиям, не давая проникнуть в себя, пока он не надел переводящий аппарат и не посмотрел на черный брус сквозь очки. Так что же высвободило дракона из Артефакта? Несомненно, переводящий аппарат как-то повлиял, но как — это оставалось тайной. Впрочем, тайной, известной обитателям хрустальной планеты в числе многих и многих других, еще скрытых от жителей новой Вселенной. Да, но случайно ли переводящий аппарат попал в его чемодан? Не положили ли его туда для того, чтобы он вызвал то превращение, которое вызвал? И вообще, действительно ли это был переводящий аппарат или совсем иной прибор, которому придали тот же внешний вид?

Максвелл вспомнил, что одно время он раздумывал, не был ли Артефакт богом маленького народца или тех неведомых существ, которые на заре земной истории вступали в общение с маленьким народцем. Так, может быть, он и не ошибся? Не был ли дракон богом из каких-то невообразимо древних времен?

Он снова начал карабкаться на обрыв, но уже не торопясь, потому что спешить больше было некуда. Впервые после того, как он возвратился с хрустальной планеты, его оставило ощущение, что нельзя терять ни минуты.

Максвелл уже достиг подножия холма, когда вдруг услышал музыку — такую тихую и приглушенную, что он даже усомнился, не чудится ли она ему.

Он остановился и прислушался. Да, это, несомненно, была музыка.

Из-за горизонта показался краешек солнца, ослепительный сноп лучей озарил вершины деревьев на склоне над ним, и они заиграли всеми яркими красками осени. Но склон под ним все еще был погружен в сумрак.

Максвелл стоял и слушал — музыка была похожа на звон серебряной воды, бегущей по счастливым камням. Неземная музыка. Музыка фей. Да-да. Слева от него, на лужайке фей, играл оркестр.

Оркестр фей! Феи, танцующие на лужайке! Он никогда еще этого не видел, и вот теперь ему представился случай! Максвелл свернул влево и начал бесшумно пробираться к лужайке.

«Пожалуйста! — шептал он про себя. — Ну, пожалуйста, не исчезайте! Не надо меня бояться. Пожалуйста, оставайтесь и дайте посмотреть на вас!»

Он подкрался уже совсем близко. Вон за этим валуном! А музыка все не смолкала.

Максвелл на четвереньках пополз вокруг валуна, стараясь не дышать.

И вот — он увидел!

Оркестранты сидели рядом на бревне у опушки и играли, а утренние лучи солнца блестели на их радужных крыльях и сверкающих инструментах. Но на лужайке фей не было. Там танцевала только одна пара, которую Максвелл никак не ожидал увидеть здесь. Две чистые и простые души, каким только и дано танцевать под музыку фей.

Лицом друг к другу, двигаясь в такт волшебной музыки, на лужайке плясали Дух и Вильям Шекспир.

Глава 25

Дракон расположился на зубчатой стене замка, и солнце озаряло его разноцветное тело. Далеко внизу, в долине, река Висконсин, синяя, как уже забытое летнее небо, струила свои воды в пламенеющей лесной чаще. Со двора замка доносились звуки веселой пирушки — гоблины и тролли, на время забыв вражду, пили октябрьский эль, стуча огромными кружками по столам, которые ради торжественного случая были вынесены из зала, и распевали древние песни,

сложенные в те далекие времена, когда такого существа, как Человек, не было еще и в помине.

Максвелл сидел на ушедшем в землю валуне и смотрел на долину. В десяти шагах от него, там, где обрыв круто уходил на сто с лишним футов вниз, рос старый кедр — искривленный ветрами, пронесившимися по этой долине несчетное количество лет. Его кора была серебристо-серой, хвоя — светло— зеленой и душистой. Ее бодрящий аромат доносился даже до того места, где сидел Максвелл.

Вот все и кончилось благополучно, сказал он себе. Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотеку, но зато вон там, на стене замка, лежит дракон, а возможно, именно он и был настоящей ценой. Но если и нет, колесники все равно проиграли, а это, пожалуй, даже еще важнее.

Все получилось отлично. Даже лучше, чем он мог надеяться. Если не считать того, что теперь все на него злы. Кэрл — потому что он велел Харлоу пнуть Сильвестра, а ее попросил заткнуться. О'Тул — потому что он оставил его в пасти Сильвестра и тем принудил уступить троллям. Харлоу наверняка еще не простил ему сорванную продажу Артефакта и разгром музея. Но может быть, заполучив назад Шекспира, он немного отойдет. И конечно, Дрейтон, который, наверное, еще намеревается снять с него допрос, и Лонгфелло в ректорате, который ни при каких обстоятельствах не проникнется к нему симпатией.

Иногда, думал Максвелл, любить что-то, бороться за что-то — это дорогое удовольствие. Возможно, истинную мудрость жизни постигли только люди типа Нэнси Клейтон — пустоголовой Нэнси, у которой гостят знаменитости и которая устраивает сказочные приемы.

Он почувствовал мягкий толчок в спину и обернулся. Сильвестр немедленно облизал его щеки жестким, шершавым языком.

— Не смей! — сказал Максвелл. — У тебя не язык, а терка.

Сильвестр довольно замурлыкал и устроился рядом с Максвеллом, тесно к нему прижавшись. И они стали вместе смотреть на долину.

— Тебе легко живется, — сообщил Максвелл тигренку, — Нет у тебя никаких забот. Живешь себе и в ус не дуешь.

Под чьей-то подошвой хрустнули камешки. Чей-то голос сказал:

— Вы присвоили моего тигра. Можно, я сяду рядом и тоже им попользуюсь?

— Ну конечно, садитесь! — отозвался Максвелл. — Я сейчас подвинусь. Мне казалось, что вы больше не хотите со мной разговаривать.

— Там, внизу, вы вели себя гнусно, — сказала Кэрл, — и очень мне не понравились. Но, вероятно, у вас не было выбора.

На кедр опустилось темное облако.

Кэрол ахнула и прижалась к Максвеллу. Он крепко обнял ее.

— Все в порядке, — сказал он, — Это только баньши.

— Но у него же нет тела! Нет лица! Только бесформенное облако...

— В этом нет ничего странного, — сказал ей баньши. — Так мы созданы, те двое из нас, которые еще остались. Большие грязные полотенца, колышущиеся в небе. И не бойтесь — человек, который сидит рядом с вами, — наш друг.

— Но третий не был ни моим другом, ни другом всего человечества, — сказал Максвелл. — Он продал нас колесникам.

— И все-таки ты сидел с ним, когда остальные не захотели прийти.

— Да. Это долг, который следует отдавать даже злейшему врагу.

— Значит, — сказал баньши, — ты способен что-то понять. Колесники ведь были одними из нас и, может быть, еще остаются одними из нас. Древние узы рвутся нелегко.

— Мне кажется, я понимаю, — сказал Максвелл. — Что я могу сделать для тебя?

— Я явился для того, чтобы сообщить тебе, что место, которое вы называете хрустальной планетой, извещено обо всем, — сказал баньши.

— Им нужен дракон? — спросил Максвелл. — Тебе придется дать нам их координаты.

— Координаты будут даны транспортному центру. Вам надо будет отправиться туда — и тебе, и многим другим, — чтобы доставить на Землю библиотеку. Но дракон останется на Земле, здесь, в заповеднике гоблинов.

— Я не понимаю, — сказал Максвелл, — Им же нужен был...

— Артефакт, — докончил баньши, — Чтобы освободить дракона. Он слишком долго оставался в заключении.

— С юрского периода, — добавил Максвелл. — Я согласен: это слишком большой срок.

— Но так произошло против нашей воли, — сказал баньши. — Вы завладели им прежде, чем мы успели вернуть ему свободу, и мы думали, что он пропал бесследно. Артефакт должен был обеспечить ему безопасность, пока колония на Земле не утвердилась бы настолько, что могла бы его оберегать.

— Оберегать? Почему его нужно было оберегать?

— Потому что, — ответил баньши, — он последний в своем роде и очень дорог всем нам. Он последний из... из... я не знаю, как это выразить... У вас есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— Да, — сказала Кэрол. — Вот одно из них сидит здесь с нами.

— Предметы забавы, — продолжал баньши, — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которые были вашими спутниками с первых дней вашей истории. А дракон — то же самое для обитателей хрустальной планеты. Их последний четвероногий друг. Они состарились, они скоро исчезнут.

И они не могут бросить своего четвероногого друга на произвол судьбы. Они хотят отдать его в заботливые и любящие руки.

— Гоблины будут о нем хорошо заботиться, — сказала Кэрол, — И тролли, и феи, и все остальные обитатели холмов. Они будут им гордиться. Они его совсем избалуют.

— И люди тоже?

— И люди тоже, — подтвердила она.

Они не уловили, как он исчез. Только его уже не было. И даже грязное полотенце не колыхалось в небе. Кедр был пуст.

Четвероногий друг, подумал Максвелл. Не Бог, а домашний зверь. И все-таки вряд ли это так просто. Когда люди научились конструировать биомеханические организмы, кого они создали в первую очередь? Не других людей — во всяком случае, вначале, — не рабочий скот, не роботов,

предназначенных для одной какой-нибудь функции. Они создали четвероногих друзей.

Кэрл потерлась о его плечо:

— О чем вы думаете, Пит?

— О приглашении. О том, чтобы пригласить вас пообедать со мной. Один раз вы уже согласились, но все получилось как-то нескладно. Может, попробуете еще раз?

— В «Свинье и Свистке»?

— Если хотите.

— Без Опа и без Духа. Без любителей скандалов.

— Но, конечно, с Сильвестром.

— Нет, — сказала Кэрл. — Только вы и я. А Сильвестр останется дома. Ему пора привыкать к тому, что он уже не маленький.

Они поднялись с валуна и направились к замку.

Сильвестр поглядел на дракона, разлегшегося на зубчатой стене, и зарычал.

Дракон опустил голову на гибкой шее и посмотрел тигренку прямо в глаза. И показал ему длинный раздвоенный язык.

ДЕТИ НАШИХ ДЕТЕЙ

Глава 1

Бентли Прайс, фотограф Глобал Ньюс Сервис, положил на сковородку кусок мяса, поставил регулятор жаровни в позицию «нагрев» и опустился в кресло-качалку с банкой пива в руке. Внезапно в воздухе, под ветвями древнего дуба, появилась дверь, и из нее начали выходить люди.

Бентли полагал, что с годами утратил всякую способность удивляться. Горький опыт приучил его не видеть в неожиданном ничего сколько-нибудь необычного. Он добросовестно выполнял свою работу: снимал сцены происшествий и удалялся, порой в большой спешке, ибо опасался конкурентов из Ассошиэйтед Пресс и ЮПИ; к тому же Бентли считал, что, хотя художественные редакторы в целом ребята неплохие, лучше — и разумнее — не будить в них зверя.

Однако сейчас Прайс откровенно изумился, поскольку на его глазах происходило то, что отнюдь не легко вообразить или вывести из предшествующего опыта. Он замер в кресле, стиснув в кулаке банку с пивом, и оторопело уставился на незваных гостей, а те валили через дверь нескончаемым потоком. Впрочем, черная дыра с нечеткими очертаниями вряд ли подходила под определение «дверь»; вдобавок она отличалась довольно внушительными размерами — пришельцы выходили из нее по четверо, а то и по пятеро в ряд.

Судя по наружности, это были обыкновенные люди; недоумение вызывала разве что одежда: они словно возвращались домой с маскарада. Будь они все молоды, Бентли предположил бы, что имеет честь наблюдать студентов какого-нибудь колледжа, однако среди новоприбывших хватало и пожилых, и стариков.

Одним из первых на лужайку возле дуба ступил высокий и худой мужчина, худоба которого, как ни странно,

придавала ему известное изящество. Его голову венчала шапка густых, седых со стальным отливом волос, а шею он вытягивал точь-в-точь как индюк. Наряд мужчины составляли серая юбка, что едва доставала до шишковатых колен, и красный плед, перекинутый через плечо и перехваченный в талии ремнем, который также удерживал юбку; в общем, подытожил про себя Бентли, ни дать ни взять шотландский горец.

Мужчину сопровождала молодая женщина в белом платье, из-под которого виднелись сандалии. Иссиня-черные волосы женщины, собранные в хвост, ниспадали до пояса. А она симпатичная, подумал Бентли. Незнакомка была красива той красотой, какая встречается крайне редко; кожа ее лица будто светилась изнутри и не уступала белизной платью.

Парочка приблизилась к креслу, в котором восседал Бентли.

— Заключаю, — произнес мужчина, — что вы хозяин. — Его слова прозвучали как-то странно, хотя все вроде бы было понятно.

— Вы имеете в виду, что я владею этой лавочкой? — отозвался Бентли.

— Вполне возможно, — ответил пришелец, — Я не до конца освоился с языком вашего времени, но вы меня, похоже, понимаете.

— Разумеется, — подтвердил Бентли, — но о каком таком времени вы толкуете? У вас что, свой язык на каждый день?

— Ни в коем случае, — возразил мужчина, — Так или иначе, мы просим извинения за свое вторжение. Мы не причиним вреда вашей собственности.

— Слушайте, приятель, — сказал Бентли, — я тут не хозяин. Я всего лишь, ну, что ли, замещаю его, пока он в отлучке. Велите своим не ходить по клумбам, ладно? Если цветы окажутся помятыми, супруга Джо просто чокнется от злости. Она от них без ума.

Между тем гостей становилось все больше, они заполнили весь двор, а некоторые уже перебрались к соседям Бентли. Последние беспомощно глазели по сторонам в тщетных попытках уловить смысл происходящего.

— Мне кажется, о цветах можно не беспокоиться, — проговорила девушка, одарив Бентли улыбкой, — Мы прибыли сюда с добрыми намерениями и знаем, как себя вести.

— Мы рассчитываем на ваше снисхождение, — прибавил мужчина, — и надеемся, что вы не откажете в помощи беженцам.

Бентли присмотрелся к толпе и решил, что беженцев в ней нет. Он разбирался в таких вещах: ведь ему довелось фотографировать в разных частях света сотни и тысячи беженцев. Те, как правило, ходили в рванье, обвешанные уцелевшими пожитками, а эти люди, несмотря на диковинность их нарядов, были одеты с иголки; что касается пожитков, то каждый второй пришелец имел при себе портфель наподобие атташе-кейса. В частности, таковым обладал собеседник Бентли.

— Не похожи вы на беженцев, — заявил фотограф, высказывая свои сомнения вслух, — Откуда бежите?

— Из будущего, — ответил мужчина, — Мы молим вас о милости. Поверьте, нам пришлось выбирать между жизнью и смертью.

Ошеломленный услышанным, Бентли хотел было промыть мозговые извилины пивом, но передумал, поставил банку на траву и медленно встал.

— Знаете, мистер, — проговорил он, — если вы затеяли какую-то хитрую игру, то обратились не по адресу. Я не собираюсь снимать всякую чушь.

— Игру? — переспросил мужчина; чувствовалось, что он и впрямь озадачен, — Прошу прощения, сэр. Я не совсем вас понял.

Бентли взглянул на «дверь». Из нее по-прежнему, по четверо-пятеро в ряд, выходили люди, и процессии, казалось, не предвидится конца. Черная дыра ничуть не

изменилась, очертания ее оставались столь же размытыми; за ней можно было различить деревья, кустарники и теннисную площадку во дворе соседнего дома. Интересно, подумалось ему, сколько очкариков ломало голову над этой затеей? Каким образом они создали дыру и откуда, черт побери, взялась столь многочисленная толпа?

— Мы прибыли, — сказал мужчина, — из будущего, которое наступит через пятьсот лет. Мы бежим от смертельной угрозы и уповаем на ваше милосердие и содействие.

— Мистер, — произнес Бентли, — вы ведь не дурите меня, верно? Иначе, попавшись на вашу удочку, я лишусь работы.

— Мы предполагали, что встретим недоверие, — отозвался мужчина. — К сожалению, у нас нет доказательств, поэтому, если можете, поверьте нам на слово.

— Хорошо, вы меня убедили, — буркнул Бентли. — Так и быть, пощелкаю. Но если...

— Вы понимаете, что намерены сфотографировать нас?

— Ну да. Я же фотограф-профессионал.

— Мы пришли не затем, чтобы фотографироваться. Если у вас есть какие-то сомнения, пожалуйста, не стесняйтесь. Мы не обидимся.

— Значит, фотографии вам не нужны, — хмыкнул Бентли. — Все как всегда. Тот, кто попадает в переделку, терпеть не может, чтобы его снимали.

— Нет, мы не возражаем, — ответил мужчина. — Снимайте сколько хотите.

— Не возражаете? — ошарашенно справился Бентли.

— Ни чуточки.

Бентли круто развернулся и кинулся к задней двери дома. По дороге он задел ногой банку, и та взвилась в воздух, разбрызгивая вокруг пиво.

На кухонном столе, за которым Бентли работал, до того как решил перекусить, лежали три фотоаппарата. Прайс схватил один из них и двинулся было на двор, но вдруг вспомнил о Молли. Пожалуй, надо сообщить ей о том, что тут творится. Если эти паяцы на самом деле из будущего,

они наверняка заинтересуют Молли. Не то чтобы он верит им, хотя бы одному слову, но все равно лучше подстраховаться. Бентли снял трубку стоявшего в кухне телефона и набрал номер, костеря себя за то, что попусту тратит время. Скорее всего, Молли нет дома. Сегодня воскресенье, к тому же денек выдался на редкость удачный, так что вряд ли он ее застанет.

— Алло, — прозвучал в трубке женский голос.

— Молли, это Бентли. Ты знаешь, где я живу?

— В Вирджинии. Бесплатно наслаждаешься всеми удобствами, пока Джо в отлучке.

— С чего ты взяла? Я присматриваю за домом! Ну, цветочки Эдны...

— Ха!

— Я звоню вот по какому поводу, — продолжал Бентли. — Не хочешь заглянуть ко мне?

— Нет, — отрезала Молли, — Если собираешься соблазнять меня, вывози на природу.

— Не собираюсь я никого соблазнять! — воскликнул Бентли. Тут у меня на заднем дворе полно людей, которые утверждают, что они из будущего, каковое наступит через пятьсот лет.

— Бред какой-то, — пробормотала Молли.

— Я тоже так думаю. Но тогда откуда они взялись? Их, должно быть, не меньше тысячи. Даже если они не из будущего, представляешь, какую можно отгрохать статью? Так что давай жми сюда и побеседуй с ними. Тебя напечатают во всех утренних газетах.

— Бентли, ты серьезно?

— Серьезнее некуда. Я трезв как стеклышко и стремлюсь заполучить тебя сюда не для того...

— Ладно, — проговорила Молли, — Я приеду. А ты позвони-ка в редакцию. Воскресный выпуск готовит Мэннинг. Будь с ним поаккуратнее, он зол как черт. Возможно, он пошлет кого-нибудь еще. Или это все-таки шутка?

— Не шутка, — вздохнул Бентли. — Я не настолько спятил, чтобы шутить шуточки, которые могут стоить мне работы.

— До скорого. — Молли положила трубку.

Бентли принялся было набирать номер редакции, но обернулся на звук открывшейся двери. На пороге стоял его недавний собеседник.

— Прошу прощения, — проговорил мужчина, — однако дело не терпит отлагательств. Ребятишкам нужно в туалет. Вы не против, если...

— Вот там, — Бентли ткнул пальцем в направлении ванной. — А второй наверху.

Мэннинг отозвался после полудюжины гудков.

— Я нашел шикарную тему для статьи, — сообщил Бентли.

— Где?

— В доме Джо. Ну, где я живу.

— Молодец. Пиши.

— Я не репортер, — возразил Бентли, — и писать статьи в мои обязанности не входит. Мое дело фотографировать. А статья будет и впрямь шикарная, жалко ее портить, и...

— Хорошо, — сказал Мэннинг устало, — Поищу, кого можно подослать. Но учти: сегодня воскресенье и у нас запарка. Если выяснится, что тема — пшик, ты уж не обессудь.

— На заднем дворе моего дома собралась толпа. Они явились из воздуха и уверяют, что пришли из будущего.

— Откуда?! — взревел Мэннинг.

— Из будущего, которое наступит через пятьсот лет.

— Бентли, ты пьян...

— Только не надо угрожать мне, — перебил Бентли, — Я передал, что знаю, остальное меня не касается, — Он повесил трубку и взял фотоаппарат.

Сквозь кухонную дверь двигались сплошной чередой дети. Их сопровождало несколько взрослых.

— Госпожа, — заметил Бентли, обращаясь к одной из женщин, — Наверху есть другой туалет. Вы бы разделили их пополам.

Глава 2

Стив Уилсон, пресс-секретарь Белого Дома, направлялся к выходу, весь в мыслях о предстоящем свидании с Джуди Грей, своей помощницей, когда зазвонил телефон. Уилсон нехотя снял трубку.

— Это Мэннинг, — сообщил голос на другом конце провода.

— Слушаю тебя, Том.

— Ты не включал радио?

— Нет. А с какой стати мне его включать?

— Происходит нечто непонятное. Нечто такое, о чем тебе, на мой взгляд, следовало бы знать. Похоже, к нам вторглись.

— Как вторглись?!

— Да нет, не то. Представь себе: из воздуха появляются ка-кие-то люди, которые говорят, что они из будущего.

— Том, если ты меня разыгрываешь...

— Признаться, — отозвался Мэннинг, — я тебя понимаю. Когда мне позвонил Бентли...

— Бентли Прайс, твой пьяница фотограф?

— Он самый, только совершенно трезвый. Дело-то ведь было с утра. К нему поехала Молли и кое-кто еще. Ассошиэйтед Пресс взяло след...

— Где творится эта чертовщина?

— В частности, за рекой, неподалеку от Фоллз-Черч.

— В частности?

— Ну да. У нас имеются также сообщения из Бостона, Чикаго и Миннеаполиса. АП утверждает, что то же самое и в Денвере.

— Спасибо, Том. Я тебе весьма признателен. — Уилсон повесил трубку, двумя шагами пересек кабинет и включил радио.

— ...Известно на данный момент, — произнес диктор. — Пришельцы появляются из того, что один наблюдатель окрестил «дыркой в ландшафте». Они выходят по пятеро и даже по шестеро в ряд, шеренга за шеренгой, точно армия на марше. У нас в Вирджинии они объявились за рекой. Наши корреспонденты передают о похожих случаях из Бостона, Миннеаполиса, Чикаго, Денвера, Нового Орлеана, Лос-Анджелеса и окрестностей Нью-Йорка. Как правило, «дверь» возникает не в самом городе, а поблизости от него. Вот поступило очередное сообщение, на сей раз — из Атланты. — Поставленный голос диктора на последних словах едва заметно дрогнул. — Никто не знает, кто они такие, откуда явились и посредством чего перемещаются в пространстве. Они просто проникают в наш мир. Их уже тысячи, но поток не прекращается. Можно сказать, что мы столкнулись с вторжением, но не военного характера. Пришельцы как будто настроены дружелюбно, никого не трогают и никому не докучают. По неподтвержденным сведениям, они из будущего, но это, как вы понимаете, вряд ли возможно...

Уилсон убрал звук, вернулся к телефону и набрал номер. Ему ответил коммутатор Белого Дома.

— Делла? Это Стив. Где президент?

— Отдыхает.

— Попросите кого-нибудь разбудить его. Пускай включит радио. Я сейчас буду.

— А в чем дело, Стив? Что...

Уилсон нажал на рычаг и тут же набрал другой номер. Через какое-то время в трубке раздался голос Джуди:

— Что-нибудь случилось, Стив? Я только-только закончила упаковывать припасы для пикника. Или ты не...

— Пикник отменяется, милая. Срочная работа.

— В воскресенье?!

— А почему нет? У нас возникли проблемы. Я заскочу за тобой. Будь готова.

— Черт! — воскликнула Джуди, — А я-то думала завалить тебя на травку, под деревья...

— Я сойду с ума, воображая, что потерял, — пообещал Стив.

— Ладно, буду ждать у дома.

Уилсон вновь прибавил громкость.

— ...беглецы из будущего. Они убегают от того, что грозит им гибелью, и выбрали для бегства наше с вами настоящее. Разумеется, путешествия во времени невозможны, однако откуда все-таки взялись эти люди...

Глава 3

Сэмьюэл Дж. Хендерсон стоял у окна, глядя на залитую солнцем клумбу с розами. Почему, черт побери, подумал он, неприятности чаще всего случаются по воскресеньям, когда все разъезжаются кто куда и никого не найдешь? Именно в воскресенье забурлил Китай, опять-таки в воскресенье произошел переворот в Чили, и вот, на тебе, пожалуйста, — снова тот же день.

Раздался сигнал вызова. Президент отвернулся от окна, сел за стол и нажал кнопку на селекторе.

— Министр обороны на связи, — сообщила секретарша.

— Спасибо, Ким, — поблагодарил Хендерсон и снял трубку, — Джим, говорит Сэм. Вы слышали?

— Да, мистер президент, по радио, но не все.

— Я в таком же положении. Но сомневаться, по-видимому, не приходится. Нужно что-то предпринять, и поскорее. Необходимо овладеть ситуацией.

— Понятно. Мы должны позаботиться о них. Разместить. Накормить.

— Джим, кроме вооруженных сил, никто не способен осуществить такое достаточно быстро. Нельзя допустить, чтобы наши гости разбежались. Нужно держать их под контролем — по крайней мере пока мы не поймем, что к чему.

— Объявить мобилизацию гвардии?

— Пожалуй, да, — согласился президент. — Используйте все свои возможности. Помнится, у вас есть несгораемые времянки. Как насчет транспортировки и питания?

— Возможно, мы сумеем обеспечить их всем необходимым на несколько дней, максимум на неделю. Все зависит от того, сколько их в общей сложности. Но, так или иначе, нам понадобится помощь. Я думаю обратиться в министерство сельского хозяйства и социальной политики. Надеюсь, они помогут людьми и припасами.

— От вас требуются решительные действия. Не переусердствуйте, но и не миндальничайте. Если что, мы вас прикроем. Нам необходимо время, чтобы выработать план, и задача армии — предоставить правительству этот срок. Я переговорю с другими министрами. Возможно, кабинет соберется в полном составе сегодня вечером или даже днем. Кстати, вы первый, кто позвонил. Остальные пока молчат.

— А ЦРУ и ФБР?

— Очевидно, они не бездельничают, но меня еще не уведомили. Вероятно, скоро прорежутся.

— Мистер президент, как по-вашему...

— Джим, я ничего не знаю, за исключением того, что сказал. Когда начнете операцию, свяжитесь со мной.

— Так точно, сэр, — отпартовал министр.

— До встречи, Джим.

Вновь прозвучал сигнал селектора.

— Пришел Стив, — сказала секретарша.

— Пригласите.

Дверь распахнулась, и в проеме показалась фигура Уилсона. Хендерсон указал на кресло.

— Садитесь, Стив. Ну, какие новости?

— Сообщений все больше, сэр. «Двери» появились на всей территории Соединенных Штатов, в Европе, Канаде, кое-где в Южной Америке, в России, Сингапуре, Маниле. Из Китая и Африки пока ничего не поступало. До сих пор — никаких объяснений. Прямо фантастика! Невозможно

поверить, так и подмывает заявить, что такое немислимо. Но факт остается фактом, нидуа не денешся.

Президент снял очки, положил их на стол, потом при-
нялся вертеть в пальцах.

— Я разговаривал с Сэндбергом. Армия займется разме-
щением и прочим. Как погода?

— Если я ничего не путаю, — отозвался Уилсон, — утром
обещали, что всюду, кроме северо-востока тихоокеанского
побережья, будет солнечно. А на побережье, как всегда,
дождь.

— Я попытался связаться с государственным секретарем,
— продолжал президент, — но конечно же безуспешно. Уи-
льямс в Бернинг-Три. Я поручил известить его. Черт возьми,
почему обязательно в воскресенье? Пресса, должно быть,
уже в сборе?

— Зал заполняется. Через час они начнут колотить в
дверь. Мне придется впустить их, но какое-то время они по-
терпят.

А вот часам к шести, самое позднее, понадобится текст
заявления.

— Скажите им, что мы не бездействуем. Положение изу-
чается. Скажите, что решено использовать армейские под-
разделения, причем сделайте особый упор на то, что войска
отправляются на помощь. Не подавлять, а помогать. Воз-
можно, будет объявлена мобилизация Национальной гвар-
дии. Это решать Джиму.

— Сэр, вероятно, в ближайшие час-два ситуация прояс-
нится?

— Как знать, как знать. У вас есть какие-нибудь сообра-
жения, Стив?

Пресс-секретарь покачал головой.

— Ну ладно. Я ожидаю звонков от министров. Хорошень-
кое дельце: сидим тут в полной неизвестности!

— Сэр, вам, скорее всего, придется выступить по телеви-
дению. Население будет ждать.

— Да, наверно.

— Я договарюсь с телевизионщиками.

— Пожалуй, стоит связаться с Лондоном и Москвой, а также с Пекином и Парижем. Проблема общая, так что принимать меры надо сообща. Поручу Уильямсу, как только он появится. И нужно позвонить в ООН, Хью, узнать, что думает он.

— Что передать прессе, сэр?

— Пока ничего. В крайнем случае, обрисуйте положение телевидению. Кстати, вы не знаете, сколько у нас гостей?

— По оценке ЮПИ, они прибывают со скоростью двенадцать тысяч в час. При том, что на нашей территории может находиться до сотни «дверей»...

— Господи боже! — воскликнул президент, — По миллиону в час! Мир не выдержит такого нашествия, он и так перенаселен! У нас не найдется ни где разместить их, ни чем накормить. Как по-вашему, зачем они явились к нам? Если они из будущего, то должны располагать историческими сведениями, должны представлять, к чему приведет их появление.

— Может статья, их гонит отчаяние, — предположил Уилсон, — Им наверняка известно, что наши возможности невелики. Вероятно, они выбирали между жизнью и смертью.

— Дети наших детей, — произнес президент, — грядущее поколение. Если они на самом деле из будущего, значит, у нас просят помощи наши собственные потомки. Мы не можем повернуться к ним спиной.

— Надеюсь, все испытывают похожие чувства, — сказал Уилсон. — Но если поток скоро не иссякнет, нам грозит экономический кризис, а где кризис, там недовольство. Мы рассуждаем о проблеме «отцов и детей», и на тебе! Правда, тут уже скорее деды и правнуки.

— Здесь необходима поддержка церквей, — проговорил президент, — если они, конечно, согласятся. Если нет, неприятностей не избежать. Стоит одному кликуше завести свою волынку, и все пропало.

— Вы имеете в виду Биллингса, сэр? — Уилсон усмехнулся. — Если не возражаете, я попробую связаться с ним. Мы вместе учились в колледже. Побеседую с ним, хотя вряд ли от того будет толк.

— Попробуйте убедить его, — сказал президент. — Если он откажется внимать логическим доводам, пригрозите ему силой. Признаться, более всего меня тревожат обыватели. Как же, у них отбирают кусок хлеба, чтобы накормить черт знает кого! Придется действовать решительно. Профсоюзы могут испугаться притока рабочей силы, но там заправляют разумные люди, которые разбираются в экономике и слышат не только себя.

Президента прервал сигнал селектора. Хендерсон нажал кнопку.

— На связи госсекретарь Уильямс, сэр.

Уилсон поднялся, чтобы идти. Президент потянулся за трубкой.

— Будьте поблизости, — велел он.

— Я так и собирался, сэр, — отозвался Уилсон.

Глава 4

На аппарате Джуди горели все до единого световые индикаторы. Девушка что-то тихо говорила в микрофон. Листок блокнота покрывали записи. Когда вошел Уилсон, Джуди прекратила разговор. Огни индикаторов продолжали мерцать.

— В зале полно народу, — сказала девушка. — Поступило срочное сообщение от Тома Мэннинга. Он утверждает, что дело первостепенной важности. Позвонить ему?

— Сам позвоню, — ответил Уилсон, усаживаясь за стол, и набрал номер, — Том, это Стив. Джуди передала мне, что ты меня искал.

— Да, — отозвался Мэннинг. — Молли кое-что раскопала. Похоже, у нас в Вирджинии находится один из предводителей всей этой шайки. Доказательств, естественно, никаких,

но он хочет поговорить с президентом. Заявляет, что может все объяснить. Вернее, даже настаивает на объяснении.

— Он говорил с Молли?

— Да, но ничего конкретного не сказал. Так, ходил вокруг да около.

— Именно с президентом?

— И никак иначе. Его зовут Мейнард Гейл. С ним еще дочь, Элис.

— Пускай Молли привезет их сюда, но не с парадного крыльца. Я предупрежу охрану. Посмотрим, что он скажет.

— Стив...

— Да?

— Поскольку Молли нашла этого парня, она требует себе исключительных прав на интервью.

— Нет, — отрезал Уилсон.

— Послушай, Стив, — в голосе Мэннинга послышались просительные нотки. — Иначе она не соглашается. Черт побери, Стив, ее требование справедливо. В конце концов, ты обязан нам! Если бы не Бентли и Молли...

— Ты просишь меня, чтобы я собственными руками выкопал себе могилу? «Таймс», «Пост» и все остальные сожрут меня с потрохами!

— Не преувеличивай, — фыркнул Мэннинг. — Ну что тебе стоит? Нам всего-то и нужно, что право на первое интервью с Гейлом.

— Я объявлю, что его нашло Глобал, — отозвался Уилсон, — Не сомневайся, вам воздадут по заслугам.

— А как насчет интервью?

— Он же сейчас у вас, верно? Вот и берите интервью, а потом везите его сюда. Вы хозяева положения. Не скажу, чтобы я был в восторге, но, как ты понимаешь, поделать ничего не могу.

— Он отказывается говорить до встречи с президентом. Пообещай, что затем передашь его нам.

— Я не буду ничего обещать. Между прочим, он не вещь, чтобы передавать его из рук в руки. Кстати, ты уверен, что он тот, за кого себя выдает?

— Разве тут можно быть уверенный? — ответил вопросом на вопрос Мэннинг. — Однако он знает, что происходит, поскольку сам в том участвует, знает то, что необходимо знать нам. Тебе не придется тянуть его за язык. Тебе предстоит слушать и составлять мнение.

— Том, повторяю, я не могу что-либо обещать. Тебе это прекрасно известно. Меня удивляет твоя просьба.

— Позвони мне, когда соберешься с мыслями, — сказал Мэннинг.

— Подожди, Том.

— Что?

— Сдается мне, ты идешь по тонкому льду. Пытаешься придержать жизненно важную информацию.

— У нас нет никакой информации.

— Пускай будет источник жизненно важной информации. За твои действия я могу привлечь тебя к ответственности. Кроме того, ты удерживаешь этого человека против его воли.

— Никто его не удерживает. Он сам цепляется за нас. Решил почему-то, что мы единственные, кто может доставить его в Белый Дом.

— Значит, вы препятствуете ему, отказываете в необходимой помощи, при том что он — я могу лишь догадываться, — по всей вероятности, посол.

— Стив, не дави на меня. Мы с тобой слишком давно дружим...

— Послушай, Том, я не собираюсь идти у тебя на поводу. Дружба дружбой, но через час на мой стол ляжет прокурорский ордер.

— Ну и что?

— Потолкуй со своим юристом. Жду твоего звонка. — Уилсон швырнул трубку на аппарат и встал.

— Что ему нужно? — справилась Джуди.

— Попробовал шантажировать меня.
— Ты был с ним груб.
— Разрази меня гром, Джуди, что делать, если иначе не получается?! Должность не позволяет.

— Стив, пресса волнуется.

— Запускай.

Корреспонденты, толпившиеся снаружи, гурьбой ввалились в кабинет и расселись на привычные места. Джуди закрыла дверь.

— Что вы нам скажете, Стив? — спросил репортер АП.

— Официального заявления пока нет, — ответил Уилсон, — и в ближайшее время не предвидится. Пожалуй, могу сказать только, что дам вам знать сразу, как узнаю что-нибудь сам. Менее получаса назад президент, подобно вам, находился в неведении. Он выступит позднее, когда будет набрано достаточное количество фактов. Мне поручено передать, что вооруженные силы получили приказ позаботиться о пришельцах, разместить их, накормить и все такое прочее. Действовать приходится в чрезвычайных условиях. Вероятно, к вечеру правительство выработает план.

— Известно, кто такие эти пришельцы? — справился корреспондент «Вашингтон пост».

— Нет, — отозвался Уилсон, — Пока ничего конкретного. Ни кто они, ни откуда, ни с какой целью прибыли к нам.

— Вы не верите, что они из будущего?

— Я не говорил, что не верю, Джон. Мы не принадлежим к числу воинствующих невежд. Просто до сих пор нет доказательств ни за, ни против.

— Мистер Уилсон, — подал голос представитель «Нью-Йорк Таймс», — предпринимались ли попытки установить контакт? Имели ли место переговоры?

— На данный момент нет.

— Можно ли сделать вывод, что такую попытку вот-вот предпримут?

— Я бы не стал торопиться с выводами. Правительство накапливает сведения, но не забудьте, что все началось

какой-нибудь час тому назад. У нас просто не было времени на что-либо серьезное. Надеюсь, все это понимают.

— Но вы предполагаете, что переговоры состоятся?

— Могу лишь повторить, что правительство накапливает сведения. Возможно, нам удастся вступить в контакт, но прошу отметить, что таково мое личное мнение. Я полагаю, это было бы вполне логично с точки зрения того, как развиваются события. Может статься, кому-то из представителей прессы посчастливилось больше нашего. Вы наверняка опередили нас.

— Мы пытались разговорить их, — признал корреспондент ЮПИ, — но они отмалчиваются. Создается впечатление, что им приказано говорить как можно меньше. Они лишь твердят, что явились из будущего, которое отстоит от нас на пятьсот лет, что просят прощения за беспокойство во и что для них речь идет о жизни и смерти. Ничего иного от них не добиться. Скажите, Стив, президент выступит по телевидению?

— Полагаю, что да, но во сколько — неизвестно. Как только час будет определен, я извещу вас.

— Мистер Уилсон, связывался ли президент с Москвой и Лондоном или с другими государствами? — поинтересовался журналист «Таймс».

— Он намеревался посоветоваться с госсекретарем.

— Намеревался или намеревается?

— По-видимому, разговор уже состоялся. Мне кажется, более обстоятельно на ваш вопрос я смогу ответить примерно через час. Можете не волноваться, я ничего от вас не скрою.

— Мистер пресс-секретарь, — настала очередь «Чикаго трибюн», — правительство, вероятно, осознает, что прирост населения со скоростью два с половиной миллиона человек в час...

— По моим сведениям, — перебил Уилсон, — около миллиона в час.

— Над земной сушей открылось до двухсот отверстий, туннелей или как их там называть, — продолжал корреспондент. — Даже если основываться на вашей цифре, это означает, что менее чем за двое суток прирост населения составит миллиард с хвостиком. Мой вопрос таков: сможет ли мир прокормить столько людей?

— Правительство весьма озабочено проблемой, которая вас интересует. Я ответил на ваш вопрос?

— Отчасти, сэр. Какие меры оно планирует?

— Здесь необходимо обсуждение, — проронил Уилсон.

— То есть вы не ответите?

— В настоящий момент я не могу ответить.

— Позвольте, — вмешался репортер «Лос-Анджелес Таймс». — В мире, который расположен в пятистах годах в будущем, должны существовать передовые наука и технология. Рассматривала ли администрация...

— Нет, — сказал Уилсон, — Пока нет.

— Мистер Уилсон, — произнес, вставая, корреспондент «Нью-Йорк Таймс», — вы не слишком нас порадовали. Будем надеяться, что позже мы получим ответ на свои вопросы.

— Да, будем надеяться, — согласился Уилсон, поднялся из-за стола и стоял так, наблюдая, как журналисты выходят в приемную.

Глава 5

У армии возникли затруднения. Лейтенант Эндрю Шелби связался с майором Марселем Бернсом.

— Сэр, я не могу удержать этих людей. Их похищают.

— Какого черта, Энди? Что значит похищают?

— Ну, не то чтобы и впрямь похищают, сэр. Местные забирают их по домам. Тут есть такой здоровенный домина, так в него набилось человек двадцать. Я разыскал хозяина и сказал ему, что мне поручено отвести пришельцев в полном составе туда, где их ждут кров и пища. А этот тип

посоветовал мне не беспокоиться о тех, кто очутился под крышей его дома. Мол, если вас заботят кров и пища, то все в порядке. Они мои гости, я накормлю их и размещу со всеми удобствами. И он не одинок, сэр. То же самое творится в других домах, что вверх, что вниз по улице. В общем, демонстрируют радушие. Полбеда, когда бы только местные, но ведь приезжают за много миль, чтобы залучить кого-нибудь к себе. Короче говоря, пришельцы рассеялись по всей округе, и я ничего не могу поделать.

— А что там с дверью? Ну, с туннелем?

— По-прежнему выходят, как будто на параде. Валом валят. Я пытаюсь собрать их в одном месте, а они разбегаются, уходят, уезжают кто куда.

— Но хоть кто-то у тебя остался?

— Так точно, сэр. Скоро начнем погрузку.

— И что они за люди?

— Обыкновенные, сэр. На мой взгляд, такие же, как мы, разве что говорят по-чуждому. Правда, одежда у них странная. Одни в робах до пят, другие в лосинах, третьи — ну, словом, как на маскараде. Но все вежливые и не доставляют ровным счетом никакого беспокойства. Однако от количества просто голова кругом вдет. В том, что они разбредаются, их вины нет. Тут виноваты местные. Они дружелюбны, сэр, но их слишком уж много.

— Ладно, — проговорил майор со вздохом. — Делай что можешь.

Глава 6

Лампочки на аппарате Джуди мигали не переставая. В приемной толпились ожидающие новостей журналисты. Уилсон встал из-за стола и подошел к стрекочущим телетайпам. Агентство Глобал Ньюс передавало:

«Вашингтон (ГН). Миллионы пришельцев, утверждающих, что они из будущего, которое наступит через пятьсот

лет, появились в мире сегодня днем, выйдя из более чем 200 “временных туннелей”.

Отмечается почти повсеместное нежелание принять их версию случившегося, однако официальные власти, похоже, начинают склоняться именно к такой точке зрения, если не в Вашингтоне, то в столицах других государств. Помимо утверждения, что они явились из будущего, пришельцы, как правило, не дают сколько-нибудь полезной информации. Ожидается, что в ближайшие часы наши сведения о них значительно пополнятся. Пока, в суматохе прибытия, трудно определить, кто возглавляет пришельцев, однако можно предположить, что в скором времени руководители будут найдены. Туннели замечены над каждым из континентов Земли.

По неподтвержденным данным, скорость прибытия неизвестных составляет около двух миллионов человек в час. При такой скорости...»

— Стив, — позвала Джуди, — тебя. Том Мэннинг.

Уилсон вернулся за стол.

— Ну что, подготовил ордер? — справился Мэннинг.

— Еще нет. Решил дать тебе время одуматься.

— Значит так: выписывай на здоровье. Наши юристы говорят, что тебе с нами не справиться.

— Вряд ли он мне понадобится.

— Здесь ты угадал. Молли уже выехала, с ней Гейл и его дочь. Они будут у вас минут через двадцать, смотря как движение. Тут становится неуютно. Куча зевак, да вдобавок подкатали армейские грузовики.

— Том, — проговорил Уилсон, — я хочу сказать тебе, что знаю, почему ты пытался подловить меня.

— Стив, послушай...

— Да, Том?

— Гейл слегка разоткровенничался перед Молли. Попросил ее передать одну вещь. Мол, это нельзя откладывать.

— Ну и?..

— Он предлагает установить у каждого из туннелей артиллерийское орудие, зарядить их разрывными снарядами и в случае чего палить прямой наводкой. Причем не обращающая внимания на людей. Палить, и все.

— Ты не знаешь зачем?

— Он не пожелал объяснить. Сказал, что мы пойдем сами. По его словам, разрывные снаряды уничтожат туннель. Все усвоил?

— Да вроде бы.

— Я пока не стану распространяться об этом, — закончил Мэннинг, — но лишь пока.

Уилсон нажал на рычаг, затем снял трубку президентского телефона.

— Ким, когда меня могут принять? — спросил он.

— Он сейчас разговаривает. У него люди, к тому же постоянно идут звонки. Что у вас такое, Стив?

— Сверхсрочное дело. Мне необходимо увидеть президента.

— Тогда подходите. Я попробую провести вас.

— Джуди, — сказал Уилсон, — скоро придет Молли Кимболл с двумя пришельцами.

— Я позвоню охранникам.

— Разумеется, через задние ворота. Если я не вернусь до тех пор, отправь их к Ким.

Глава 7

Министр обороны Сэндберг и государственный секретарь Уильямс сидели на кушетке напротив президентского стола. Генеральный прокурор Рейли Дуглас расположился в кресле. Все трое кивнули Уилсону, когда тот вошел в кабинет.

— Стив, — проговорил президент, — мне доложили, что у тебя что-то срочное.

— Так и есть, мистер президент, — ответил Уилсон, делая вид, что не заметил укоризны в голосе Хендерсона. — Молли

Кимболл везет сюда пришельца, который объявил себя старшим той группы, что высадилась в Вирджинии. Я думал, сэр, вы захотите с ним встретиться.

— Садитесь, Стив, — предложил президент. — Что вы знаете об этом человеке? Действительно ли он старший? Или самозванец?

— Трудно сказать, — отозвался Уилсон. — Вероятно, он предъявит какие-то доказательства своего положения.

— Так или иначе, — вмешался государственный секретарь, — мы должны выслушать его. Господи, наконец хоть кто-то вызвался объяснить, что происходит.

Уилсон уселся в кресло рядом с генеральным прокурором.

— Старший или нет, он просил передать такую вещь, причем заявил, что дело не терпит отлагательств. Он предложил разместить перед туннелями артиллерийские орудия, заряженные разрывными снарядами.

— Выходит, существует какая-то опасность? — спросил министр обороны.

— Не знаю, — покачал головой Уилсон. — Он, похоже, избегал конкретики. Сказал только, что, мол, в случае чего следует стрелять по туннелю прямой наводкой, даже если там будут люди. Стрелять, не обращая на них внимания. Разрывные снаряды уничтожат туннель.

— Что может случиться? — недоумевал Сэндберг.

— Понятия не имею. Я пересказал вам то, что узнал от Тома Мэннинга, а его озадачила Молли, которая говорила со старшим. На мой взгляд, это всего-навсего мера предосторожности. Впрочем, он будет здесь через несколько минут и сам все расскажет.

— Как по-вашему, следует нам принять его? — поинтересовался президент.

— Мне кажется, у нас нет иного выхода, — ответил Уильямс, — Тут уже не до протокола — какой протокол в подобной ситуации?! Даже если он не тот, за кого себя выдает, мы наверняка узнаем что-то полезное. Разумеется, мы примем

его не как посла или официального представителя пришельцев, а как частное лицо. Так мы ничем не рискуем.

— Да, мы должны принять его, — мрачно согласился Сэндберг.

— Мне не нравится, что он едет с прессой, — подал голос генеральный прокурор. — Корреспонденты — сторона заинтересованная. Они могут подсунуть нам «подсадную утку».

— Я знаю Тома Мэннинга, — возразил Уилсон, — и знаю Молли. Я ручаюсь за них. Возможно, стоило бы опасаться обмана, если бы тот человек сразу раскрыл свои карты. Но он заявил, что будет говорить только с президентом.

— Поступок гражданина-патриота, — хмыкнул генеральный прокурор.

— Если вы имеете в виду Мэннинга и Молли, — бросил Уилсон, — я разделяю вашу точку зрения. Впрочем, наши мнения могут разниться.

— Во всяком случае, — сказал государственный секретарь, — поскольку мы решили отнестись к нему как к частному лицу, наша беседа с ним ни к чему нас не обяжет.

— Я бы хотел узнать поподробнее насчет уничтожения туннелей, — прибавил министр обороны, — Откровенно говоря, мне стало как-то не по себе. Хорошо, из них пока выходят люди. А как нам быть, если вдруг оттуда вылезет нечто иное?

— Например? — спросил Дуглас.

— А черт его знает, — откликнулся Сэндберг.

— Насколько серьезны ваши возражения, Рейли? — осведомился президент у генерального прокурора.

— Не слишком, — ответил тот, — Так, исконная неприязнь юристов к несоблюдению правил.

— Что ж, — подытожил президент, — тогда мы примем его, — Он посмотрел на Уилсона. — Вам известно, как его зовут?

— Мейнард Гейл. С ним дочь по имени Элис.

Президент кивнул.

— Господа, вы выкроите время, чтобы присутствовать на встрече? — Получив утвердительный ответ, Хендерсон повернулся к пресс-секретарю: — Вы тоже, Стив. В конце концов, он ваш протеже.

Глава 8

Деревня страдала от голода, но внезапно голод кончился. Среди ночи совершилось чудо. В небе над деревней образовалась дыра, из которой потоком хлынула пшеница. Первым увидел, что творится, деревенский дурачок, хромой и бездомный попрошайка, который бродил в темноте между домами. Изнывая от голода, не в силах заснуть, он ковылял по улице, высматривая, где можно стащить хоть крупицу съестного, поднял голову и увидел в лунном свете поток пшеницы. Перепугавшись до полусмерти, он было рванулся прочь, но голод остановил его. Дурачок не ведал, что такое падает с неба, однако на всякий случай решил попробовать на зуб. Преодолевая страх, он подползал все ближе, рассмотрел наконец зерна, кинулся вперед и рухнул на кучу, что выросла посреди улицы. Он запихивал зерна в рот, давился, кашлял, судорожно глотал — и хватал следующую горсть. В итоге переполненный желудок, непривычный к столь обильному угощению, взбунтовался; дурачок съехал с кучи и стал кататься по земле. Тело его сотрясали приступы рвоты.

Подоспевшие сельчане отпихнули дурачка в сторону, чтобы не мешал насыщаться. Их всех переполошил крестьянин, вышедший из дому, дабы облегчиться. Им было недосуг уделять внимание жалкому дурачку-хромоножке, который и вообще не из этой деревни. Шляются тут всякие приبلудные!

Деревня пробудилась. Люди выбегали на улицу с корзинами и горшками, торопливо насыпали пшеницу, но ее было столько, что хватило бы на целый город. Старейшины стали держать совет. Они велели вырыть ямы, куда потом

принялись сыпать зерно. Конечно, с пшеницей так не обращаются, но ее следовало спрятать, пока не появились соседи, жители окрестных сел. Иного способа укрыть зерно от любопытных глаз как будто не существовало. Засуха истощила почву, начисто лишила ее влаги, поэтому в земле пшенице ничто не угрожало — так что пока пойдет в ямы, а там поглядим.

Однако поток не иссякал, а сухая земля не позволяла вырыть ямы достаточной глубины, и куча зерна росла быстрее, чем ее растаскивали.

Утром в деревню приехали солдаты. Они отогнали крестьян и стали грузить пшеницу на машины.

Да, то было чудо; как иначе объяснить, что небеса разверзлись и одарили страждущих питанием? Но теперь для сельчан значимость чуда уменьшилась — ведь пища, оказывается, предназначалась не одним им, а всему миру.

Глава 9

— Я полагаю, — проговорил Мейнард Гейл, — вы хотели бы выяснить наверняка, кто мы такие и откуда прибыли.

— Пожалуй, начать лучше именно с этого, — согласился президент.

— Мы, — произнес Гейл, — обыкновенные люди из две тысячи четырехста девяносто восьмого года от Рождества Христова, который наступит через без малого пятьсот лет. Нас с вами разделяет примерно такой же промежуток времени, который отъединяет ваше настоящее от эпохи Христофора Колумба. Мы попали к вам посредством, как вы их называете, временных туннелей. Должен сказать, название вполне подходящее. Мы перемещаемся во времени, каким образом — я даже не стану пытаться объяснить. Вернее, я не смог бы этого сделать при всем желании. Я не разбираюсь в принципах перехода, разве что самую малость. Поэтому мое объяснение вряд ли чем-либо вам поможет.

— Вы сказали, — вмешался государственный секретарь, — что перемещаетесь из будущего в наше настоящее. Могу я узнать, сколько вас всего?

— Если все пройдет по плану, мистер Уильямс, то никто из нас не останется в будущем.

— То есть к нам пожалует все население планеты? Вы намереваетесь целиком и полностью обезлюдить две тысячи четыреста девяносто восьмой год?

— Вы совершенно правы, сэр.

— Но сколько же вас?

— Около двух миллиардов, плюс-минус несколько тысяч. Как видите, наше население меньше вашего. Позже я изложу причины...

— Но почему? — не выдержал генеральный прокурор, — Почему вы покидаете свое время? Вы должны понимать, что мировая экономика не выдержит такого бремени. Возможно, в Соединенных Штатах и ряде других наиболее развитых государств все сложится, на ограниченный срок, не так уж плохо. Мы можем разместить вас и накормить, но, признаться, действуем едва ли не на пределе возможностей. Что же говорить про бедные страны! Они не протянут и недели!

— Мы сознавали свою ответственность, — произнес Мейнард Гейл, — и приняли известные меры, чтобы облегчить ситуацию. Над территориями Индии, Китая, некоторых африканских и южноамериканских стран из туннелей высыпается пшеница и иные съестные припасы, что должно хотя бы немного снизить напряженность. Мы знаем, что этого недостаточно, знаем, чем грозит вашей экономике наше появление. Поверьте, решение далось нам непросто.

— Надеюсь, что так, — язвительно заметил президент.

— Думается, — продолжал Гейл, — вы не раз задавались вопросом, обитают ли во Вселенной иные разумные существа, по крайней мере, не пропускали, вероятно, публикаций на эту тему. Почти во всех авторы приходят к выводу: да, обитают. Отсюда вытекает следующий вопрос: если так,

почему никто не ищет нас, то бишь людей, почему никто к нам не летит? Ответ известен — космос неизмеримо велик, расстояния между звездами громадные, наша Солнечная система находится в галактическом закутке, вдалеке от сердца Галактики, где, по идее, должна была развиться разумная жизнь. Кроме того, в упомянутых публикациях часто обсуждается, как будут выглядеть те, кто, может статься, соберется когда-нибудь навестить нас. Здесь мнения авторов в значительной степени расходятся, но большинство все же склоняется к тому, что раса, сумевшая выйти в космос, должна достичь того уровня социального и, если хотите, этического развития, когда она перестанет угрожать соседям и всем остальным. Примем эту гипотезу за истинную. Значит, у нее, как и у всякой истинной гипотезы, существуют исключения. Так вот, мы, в свое время, стали жертвами как раз такого исключения.

— Иными словами, — сказал Сэндберг, — к вам прилетели инопланетяне, и контакт оказался неудачным для человечества. Именно поэтому вы предложили установить перед туннелями пушки?

— Вы их не разместили? Судя по вашему тону...

— Нам было некогда.

— Сэр, умоляю вас! Мы опасаемся, что кому-то из наших врагов удастся миновать все преграды и проникнуть в туннели! Мы оставили сильные заслоны, отрядили в них наиболее надежных, приказав им, если произойдет самое худшее, немедленно уничтожить туннели, но всего предугадать невозможно...

— Однако ваше предостережение было весьма неопределенным. Откуда нам...

— Вы поймете, — перебил Гейл, — поймете сразу. У вас не возникнет ни малейшего сомнения. Представьте, что эта тварь движется так быстро, что кажется всего лишь размытым пятном. Представьте, что у нее острые клыки, когти и длинный хвост с ядовитыми шипами. Только не думайте, что они похожи на медведей, или тигров, или слонов...

— Выходит, они сражаются лишь клыками и когтями...

— Сэр, иное оружие им ни к чему. Они необыкновенно быстры и наделены умопомрачительной силой. Их снедает

жажда крови. Они убивают из удовольствия. Разорвите кого-нибудь из них на части, и он все равно попытается прикончить вас. Они подкапываются под укрепления и разрушают самые крепкие стены...

— Что-то не верится, — заметил генеральный прокурор.

— Вы правы, — отозвался Гейл. — Тем не менее я говорю чистую правду. Мы отражали их атаки чуть ли не двадцать лет, но конец неотвратно надвигался. По совести сказать, мы начали предчувствовать его уже через несколько лет после того, как эти твари появились на Земле. Мы знали, что

у нас остается единственный шанс — отступить, а отступать нам было некуда, кроме как в прошлое. Все наши попытки удержать их оказались тщетными. Поверьте, господа: пятьсот лет спустя человечество погибнет.

— Так или иначе, они не могут последовать за вами сквозь время, — проговорил президент.

— Если вы разумеете, что среди них нет ученых, способных повторить наши достижения, я с готовностью согласусь с вами. Они слеплены из другого теста.

— В вашем рассказе имеется одно досадное упущение, — проронил государственный секретарь. — Вы описываете инопланетян как жестоких зверей, пускай разумных, но зверей. Однако чтобы построить звездолеты, на которых они прилетели на Землю, им необходимы были, скажем так, манипуляторы, как то: руки, щупальца или что-либо в этом роде.

— Так и есть.

— Но вы сказали...

— Прошу прощения, — прервал Гейл, — К сожалению, сразу всего не расскажешь. У тех, о ком мы говорим, одни конечности снабжены когтями, другие — кистями вроде человеческих; помимо того, они наделены щупальцами. Я бы выразился так: они — причуда эволюции. В своем развитии они каким-то образом, неизвестно для чего, миновали все стадии взаимообмена, характерные для обитателей Земли. Под взаимообменом я имею в виду отмирание одного признака и замену его неким иным. Инопланетяне приобретали новые органы и способности, не утрачивая при этом ничего из уже имевшегося. В результате каждый из них сделался ходячий эволюционным анахронизмом.

На мой взгляд, они, когда бы захотели, без труда создали бы самое грозное оружие, какое только можно представить. Мы часто гадали, почему этого не произошло. Наши психологи предложили такую версию. По их мнению, инопланетяне, прилетевшие на Землю, — раса воинов, обретающих славу в убийстве врага. Вероятно, они и в космос вышли

лишь затем, чтобы отыскать очередные жертвы. Убийство для них — вещь сугубо личная, вопрос совести, как когда-то религия для человечества. Поэтому убивать надо самому, без помощи механических приспособлений, клыками, когтями и хвостом с ядовитыми шипами. Возможно, они воспринимают механические орудия убийства так, как, скажем, какой-нибудь прославленный мечник древности относился к огнестрельному оружию, то есть с презрением, ибо такое оружие достойно разве что труса. Скорее всего, инопланетянам время от времени необходимо подтверждать свое мужество, или зверство, а единственный способ сделать это — убить врага в схватке один на один. Мне кажется, их общество организовано по иерархическому принципу: чем больше ты убил, тем выше твое положение. После битвы они съедают павших, если не всех, то столько, сколько могут, то ли соблюдая ритуал, то ли утоляя разыгравшийся аппетит. Наверняка мы, разумеется, не знаем. Признаться, нам вообще мало что известно. Вы понимаете, ни о каких переговорах не могло быть и речи. Мы фотографировали их, анатомировали трупы, но затраченные усилия не принесли сколько-нибудь значительной пользы. Инопланетяне не организуют кампаний. Они сражаются, судя по всему, без всякой стратегии. При желании они уничтожили бы нас давным-давно. Их тактика такова: внезапный набег — и отступление. Они не предпринимают попыток удержать захваченную территорию, не рыщут в поисках добычи, а просто убивают, и ничего другого им, похоже, не нужно. Порой у нас складывалось впечатление, что они намеренно не спешат покончить с нами: ведь иначе, погибни человечество, как бы они стали утолять свою жажду крови?

Уилсон посмотрел на девушку, что сидела рядом с Гейлом, и заметил на ее лице тень страха.

— Двадцать лет, — протянул Сэндберг. — Если я правильно понял, вы противостояли этим тварям на протяжении двадцати лет?

— Сейчас обстоятельства изменились к лучшему, — ответил Гейл и тут же поправился: — Вернее, они изменились перед тем, как мы ушли. У нас появилось оружие. Поначалу же нас застали врасплох. К тому времени, когда прилетел чужой звездолет, мир на Земле не нарушался больше ста лет, а от оружия не осталось и следа. Развязав войну на уничтожение, они бы легко справились с нами, но, как я уже сказал, преследовали иные цели. Мы получили возможность разработать средства защиты. Мы создали оружие, причем некоторые виды его весьма эффективны, однако выяснилось, что оно не годится, равно как и ваше, за исключением, пожалуй, ядерного; но какое здоровое общество откажется... — Гейл помолчал, затем продолжил: — Мы убили множество инопланетян, но это ничуть не улучшило положения. Они словно не уменьшались в числе, скорее даже наоборот. Насколько нам известно, посадку на Земле совершил лишь один звездолет. И хоть он достаточно велик, все же на его борту не могло поместиться столько тварей, сколько рассыпалось по поверхности планеты. Мы предположили — иного объяснения не возникало, — что инопланетяне чрезвычайно плодовиты и достигают зрелости в необычайно короткие сроки. Похоже, они не избегают смерти, к примеру не прячутся и не бегут без оглядки. Должно быть, подобное поведение запрещено воинским уставом. По-видимому, они придерживаются того мнения, что нет ничего слаще, чем пасть на поле боя. Кроме того, они не ведают жалости и разят не разбирая. Убейте сотню, но один уцелевший учинит в ваших рядах такой разгром, что победа окажется пирровой. Думается, мы, изнывая от страха, вели жизнь, подобную той, какой жили американские первопроходцы, которым ежеминутно грозило нападение индейцев. Если бы мы остались в своем времени, то постепенно пали бы все до единого. Да, нас сохраняли, так сказать консервировали, но тем не менее потихоньку искореняли. Вот почему мы пришли к вам.

Я убежден, что человечество не в состоянии ужиться с теми, кто выгнал нас из дома. Они непримиримы. Традиционный образ ласки в курятнике по сравнению с ними — лишь бледная копия.

— Что ж, — проговорил президент, — то, что мы услышали, позволяет, на мой взгляд, отдать приказ о размещении перед туннелями орудий.

— У нас нет конкретных доказательств, — буркнул генеральный прокурор.

— Я предпочту обойтись без них, — заявил Сэндберг, — Мне как-то не хочется, чтобы они появились.

Президент потянулся к телефону.

— Можете воспользоваться моим аппаратом, — сказал он министру обороны, — Ким соединит вас с кем нужно.

— А после Джима, — прибавил госсекретарь, — с вашего разрешения, позвоню я. Надо поставить в известность другие страны.

Глава 10

Мисс Эмма Гарсайд выключила радио и уселась на стул, прямо, будто проглотила аршин, преисполненная едва ли не благоговения перед собственной мудростью. Ее осенила идея. Прежде такое случалось крайне редко — точнее, никогда; ибо, несмотря на то что мисс Эмма была женщиной гордой, она как на людях, так и в мыслях предпочитала не высовываться, вела себя застенчиво и робко. Свою гордость она демонстрировала, да и то не всегда, лишь мисс Кларабелле Смайт, ближайшей подруге. Сознание того, что ей есть чем гордиться, доставляло мисс Эмме огромное удовольствие; впрочем, вспоминая конокрада и человека, повешенного за поистине гнусное преступление, она испытывала нечто вроде угрызений совести и потому в разговорах со своей милой Кларабеллой старалась не упоминать ни того ни другого.

В окна комнаты, что выходили на запад, лился яркий солнечный свет. Лучи солнца освещали потертый коврик, на котором спал, свернувшись в клубочек, старый кот. В саду позади дома, ничем не примечательного здания на столь же малопримечательной улице, закричал дрозд, готовясь, должно быть, атаковать кусты малины, но мисс Эмма не обратила на крик птицы никакого внимания.

Да, подумалось ей, пришлось потратить кучу денег, перевернуть груды бумаг, изрядно попутешествовать, однако дело того стоило. Никто в городке — это можно было утверждать наверняка — не знает истории своей семьи так, как она; недаром она проследила генеалогические корни вплоть до революции и даже дальше, до дней английского владычества и первых поселений колонистов на побережье. От конокрада и повешенного, а также от остальных сомнительных личностей никуда, конечно, не деться, зато сколько оказалось в роду достойных сквайров и крепких йоменов! Кроме того, из пелены времен проступали очертания древнего родового замка. Правда, что касается замка, тут мисс Эмму терзали порой сомнения.

И вот, мысленно воскликнула она, и вот! Она изучила историю семьи, насколько позволяли архивы. Но теперь, теперь у нее появилась возможность — посмеет ли она? — двинуться в будущее. Она знала всех своих предков, а сегодня выяснилось, что у нее есть шанс познакомиться с потомками. Если эти люди действительно из будущего, если на радио ничего не напутали, то успех обеспечен. Нужно браться за работу, и браться самой, поскольку архивов будущего, разумеется, не существует. Ей придется побывать у пришельцев, тех, что заполонили Новую Англию; она будет задавать вопросы и, вероятно, узнает желаемое далеко не сразу. Скажите, душечка, в вашем роду были Гарсайды, Ламберты или Лоуренсы? Ах, вам кажется, но вы не уверены? А кто может знать? Да, душечка, крайне важно, вы не поверите, как важно!

Мисс Эмма сидела на стуле, предаваясь раздумьям и ощущая внутри себя некое шевеление; то было чувство принадлежности к семье, которое погнало ее в прошлое, а ныне звало в грядущее. Кот по-прежнему сладко спал на коврике, а в саду заливался дрозд.

Глава 11

— Итак, — произнес президент, — нам известно, что Земля через пятьсот лет подвергнется нападению из космоса. Люди той эпохи, не в силах справиться с нашествием, решили отступить в прошлое. — Он откинулся на спинку кресла. — Я правильно изложил суть вашего рассказа?

— Совершенно верно, сэр, — кивнул Гейл.

— Однако теперь, когда вы здесь — пускай не все, но большая часть, а остальные понемногу подходят, — что вы намерены делать? Или вам было некогда разрабатывать план действий?

— Почему же? — возразил Гейл. — Планы у нас есть, только нам не осуществить их без вашей помощи.

— Мне хотелось бы понять, — подал голос генеральный прокурор, — что привело вас именно к нам. Почему вы выбрали наше время?

— Потому, — ответил Гейл, — что вы обладаете необходимой технологией и ресурсами. Мы провели тщательное историческое исследование и установили, что ваша эпоха, плюс-минус десять лет, более всего подходит для претворения в жизнь наших стремлений.

— О какой технологии идет речь?

— О той, что требуется для постройки машины времени. Мы снабдим вас чертежами, спецификациями и рабочей силой. Нам понадобятся только материалы и ваша добрая воля...

— Но зачем вам машины времени?

— Мы не намерены оставаться здесь, — пояснил Гейл. — Это было бы нечестно. Мы вовсе не желаем подорвать вашу

экономику, которая и без того уже испытывает трудности. Если бы не ситуация в будущем, я надеюсь, вы понимаете, что мы бы никогда не ушли оттуда.

— Куда же вы направитесь? — спросил президент.

— В прошлое, точнее, в средний миоцен.

— Миоцен?

— Так называется один из геологических периодов. Он начался приблизительно двадцать пять миллионов лет назад и продолжался около двадцати миллионов лет.

— А почему туда? Почему именно на двадцать пять миллионов лет? Почему не на десять, не на пятьдесят и не на сто?

— По ряду причин, — отозвался Гейл. — Мы постарались всесторонне исследовать вопрос. Во-первых, в миоцене на Земле появилась трава. Это, на мой взгляд, главная причина. Палеонтологи считают, что трава стала произрастать в начале периода. Их вывод основывается на изучении зубов травоядных животных той поры. Трава содержит абразивные минеральные вещества, которые стачивают зубы. Отсюда следует, что появление у животных зубов, которые растут на протяжении всей жизни, связано с употреблением в пищу травы. Кроме того, имеются сведения, что в эпоху миоцена засушливый климат привел к вымиранию лесов, на смену которым пришли травяные прерии, обеспечивавшие кормом громадные стада травоядных. По мнению палеонтологов, все это произошло на заре миоцена, двадцать пять миллионов лет тому назад. Однако, приняв во внимание, что палеонтологи могли ошибиться — впрочем, вероятность ошибки чрезвычайно мала, — мы выбрали в качестве временной координаты цифру в двадцать миллионов лет.

— Раз вы направляетесь туда, к чему было задерживаться у нас? — осведомился генеральный прокурор. — Я полагаю, туннели времени, которые вы использовали, дотянулись бы и до миоцена.

— Вы правы, сэр. Нам просто не хватило времени. Мы торопились покинуть свой год.

— При чем здесь время?

— Мы не могли уйти в миоцен без приспособлений и инструментов, без запасов семян и сельскохозяйственных животных. Разумеется, все это имелось у нас в наличии, однако, чтобы обеспечить транспортировку всего вышеперечисленного, потребовалось бы несколько недель. И потом, не забывайте о пропускной способности. Каждый инструмент или мешок семян, каждая голова скота замедлили бы прохождение людей. Если бы на нас не наседали инопланетяне, если бы мы могли как следует подготовиться, то отправились бы напрямиком в миоцен. Но увы! Чудовища сообразили, что мы что-то замыслиаем, и нам стало ясно: разобравшись, что к чему, они атакуют входы в туннели. Поэтому мы были вынуждены действовать поспешно, ибо основную задачу видели в том, чтобы спасти как можно больше людей. Так что мы прибыли к вам с пустыми руками.

— И рассчитываете, что мы снабдим вас всем необходимым?

— Рейли, — вмешался президент, — мне кажется, вы перегибаете палку. Ситуация сложилась совершенно непредвиденная, подобного поворота событий мы, естественно, не ожидали, а потому нужно проявить снисходительность и разумность. Мы ведь помогали и помогаем менее развитым государствам.

Да, конечно, это вопрос внешней политики, но такова и традиционная черта американского характера: протягивать руку помощи. Люди, которые выходят из временных туннелей на нашей территории, являются, по всей видимости, коренными американцами, то есть нашими согражданами, нашими потомками, и, на мой взгляд, было бы несправедливо отказать им в том, чем пользуются жители других стран.

— Если нас не обманывают, — буркнул генеральный прокурор.

— Сейчас выясним, — сказал президент, — Мистер Гейл вряд ли полагает, что мы станем действовать очертя голову. Кстати, мистер Гейл, ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос. По вашим словам, вы намереваетесь переселиться в прошлое. Что же, переселение пойдет вслепую, наобум? Что случится, если, очутившись в миоцене, вы обнаружите, что ваши палеонтологи ошиблись относительно травы или что возникли иные затруднения, которых никто не предполагал?

— Сюда мы прибыли наобум, — проговорил Гейл. — Вернее, не совсем. Мы знали из достоверных исторических источников, что нас ждет. Но когда речь заходит о временном промежутке протяженностью в миллионы лет, источники не годятся. Тем не менее мы как будто нашли выход. Наши физики и другие ученые разработали теоретические принципы связи через временной туннель. Мы надеемся, что сумеем послать в прошлое разведывательный отряд, который изучит положение дел и сообщит, можно ли начинать переселение.

Я не объяснил следующего: к сожалению, мы можем путешествовать во времени лишь в одном направлении. Мы способны уйти в прошлое, но не в состоянии эмигрировать в будущее. Поэтому разведчики, если они установят, что избранная нами эпоха не пригодна для проживания, не смогут вернуться. Мы опасаемся, что в поисках подходящего места и времени потеряем несколько отрядов. Это только возможность, но с ней приходится считаться. Наши люди, господа, сознают свою ответственность и готовы к любой участи. Мы оставили в будущем арьергард, который охраняет входы в туннели. Скорее всего, никто из них уже не присоединится к нам. Рано или поздно туннели нужно будет уничтожить, вне зависимости от того, все ли успели преодолеть их.

Я отнюдь не пытаюсь вызвать у вас сочувствие, вовсе не стремлюсь разжалобить. Моя цель — показать, что мы не страшимся опасностей. Мы не станем требовать от вас

невозможного и будем признательны за все, что вы сочтете необходимым сделать.

— Я искренне расположен к вам, — заявил государственный секретарь, — и, несмотря на природный скептицизм, склонен верить всему вами сказанному, однако не могу отделаться от ощущения некоторой несообразности происходящего. Ваше появление у нас станет историческим фактом, то бишь частью истории, которая, несомненно, дойдет до будущего. Значит, вы должны знать, чем все кончится. Правильно?

— Нет, — возразил Гейл, — Мы ничего не знаем. В нашей истории такого факта нет, поскольку он, как ни странно звучит, пока не имел места...

— Как же так? — воскликнул Уильямс, — Почему?

— Вы затронули вопрос, в котором я не разбираюсь. Тут переплетаются физические и философские принципы, причем образом, которого я не постигаю. Наши ученые многократно пытались свести концы с концами. Сначала мы спрашивали себя, вправе ли мы изменять историю; ведь, отправляясь в прошлое, мы как целое становимся фактором, который будет в известной степени определять ход событий. Мы размышляли над тем, чем обернется присовокупление названного фактора, какое влияние он окажет на существующую историю. Но позже ученые пришли к выводу, что влияние будет практически нулевым. Я понимаю ваше недоумение и повторяю, что сам не в состоянии разобраться в сути проблемы. Человечество проходило путем, на который мы ступили, но двигалось вперед, в грядущее, и на этом пути ничего подобного тому, что происходит сейчас, не случалось. В будущем на человечество напали пришельцы из космоса. Мы сбежали от них в прошлое, событие произошло, история изменилась, и теперь все будет иначе. Да, история изменилась, но не наша, не та история, которая доходит до момента нашего бегства. Изменилась ваша история. В силу нашего поступка вы оказались на ином пути. Мы не знаем,

приведет ли он к нападению инопланетян; вполне вероятно, что приведет...

— Чушь какая-то! — воскликнул Дуглас.

— Поверьте мне, — проговорил Гейл, — все не так просто. Эту теорию разрабатывали выдающиеся ученые.

— Так или иначе, — сказал президент, — в настоящий момент принять какое-либо решение не представляется возможным. Мне кажется, лучше всего относиться к происходящему как к данности. Что сделано, то сделано; нужно привыкать к переменам. Меня интересует вот что...

— Я к вашим услугам, сэр, — откликнулся Гейл.

— Зачем уходить в прошлое настолько глубоко, на двадцать миллионов лет?

— Для того, чтобы следы нашей цивилизации никак не повлияли на будущую историю человечества. Возможно, мы там не задержимся. Наши историки утверждают, что человек, учитывая уровень технологических достижений, проведет на Земле не более миллиона лет; скорее же всего, гораздо меньше. В течение этого промежутка все мы покинем Землю. Если бы нас в нашем времени оставили в покое, мы бы за несколько веков наверняка вышли в космос. Так что, обосновавшись в прошлом, мы, через ряд тысячелетий, построим звездолеты и, вероятно, улетим с планеты. Обретя возможность покинуть Землю, человек вряд ли станет медлить. Пройдет какой-нибудь миллион лет — и он покинет ее навсегда.

— Но ваше присутствие здесь, у нас, связано с использованием природных ресурсов, — произнес Уильямс. — То есть след сохранится. Вам потребуются уголь и железо, нефть и газ...

— Толика железа, — поправил Гейл. — Толика, которой никто не заметит. В нашем времени ощущалась постоянная нехватка материалов, поэтому мы приспособились обходиться малым. Ископаемое же топливо нам ни к чему.

— А энергия?

— Мы подчинили себе ядерный синтез. Наша экономность покажется вам удивительной. Вещи, которые мы изготавливаем, практически вечны. Не десять лет, не двадцать, а века. Фактор износа в нашей экономике больше не является определяющим. В результате производство в две тысячи четыреста девяносто восьмом году составило менее одного процента от вашего сегодняшнего уровня.

— Немыслимо, — пробормотал Сэндберг.

— По вашим меркам да, — согласился Гейл, — но не по нашим. Нам пришлось изменить образ жизни. У нас не было выбора. Хищническое разбазаривание природных ресурсов на протяжении столетий оставило нас в нищете. Мы были вынуждены искать способы выжить.

— Если ваши рассуждения относительно того, что человек пробудет на Земле не более миллиона лет, обоснованы, — сказал президент, — я не совсем понимаю, зачем вам углубляться в прошлое. Уйдите миллионов на пять, куда уж дальше.

— Мы окажемся в непосредственной близости к предкам человечества, — объяснил Гейл. — Хотя человек, каким мы его себе представляем, появился не ранее двух миллионов лет назад, первые приматы бродили по поверхности планеты примерно семьдесят миллионов лет. Мы все равно так или иначе столкнемся с ними, этого не избежать, но, возможно, встреча не будет иметь сколько-нибудь значимых последствий; уйти же глубже нельзя из-за динозавров, общение с которыми вряд ли будет особенно приятным. По совести говоря, дело не только в динозаврах. Предки австралопитеков вышли на арену истории не позднее пятнадцати миллионов лет назад. Цифры, разумеется, весьма приблизительные. Большинство наших антропологов считает, что мы будем в безопасности, проникнув в прошлое на десять миллионов лет. Но мы хотим подстраховаться; вдобавок, нам ничто не препятствует. Вот откуда взялись двадцать миллионов. И потом, нужно же оставить место для вас.

— Для нас! — воскликнул Дуглас, вскакивая.

— Минутку, Рейли, — жестом остановил его президент, — Давайте дослушаем.

— На ваш взгляд, предложение вполне разумное, — продолжал Гейл. — Посудите сами: через пятьсот лет произойдет вторжение из космоса. Да, благодаря нам вы очутились на ином пути развития, и никакого нашествия может и не быть, но, по вычислениям наших ученых, вероятность того, что оно состоится, очень высока. Так зачем же вам двигаться к нему? Почему не присоединиться к нам? В вашем распоряжении пятьсот лет. Используйте их для подготовки, чтобы не бежать, как мы, в спешке и суматохе, но уйти постепенно, за несколько лет. Почему бы не бросить нынешнюю Землю и не начать все заново? Человечество пойдет нехоженой дорогой. Новые земли...

— Бред! — крикнул Дуглас, — Если мы, ваши предки, удалимся в прошлое, ваше будущее не наступит!

— Вы забыли, что он нам объяснял, — вмешался Уильямс, — про иной путь.

— Я умываю руки! — заявил Дуглас, усаживаясь на место, — С меня достаточно.

— Мы не можем отправиться с вами, — сказал Сэндберг, — Нас слишком много, и...

— Не с нами. Как мы. Вместе нас действительно будет чересчур много. Вы и так страдаете от перенаселенности. Вот ваш шанс! Вы можете сократить численность населения до куда более приемлемых масштабов. Мы уходим на двадцать миллионов лет. Половина вас может переселиться в прошлое на девятнадцать миллионов лет, остальные — на восемнадцать. Каждую из групп будет отделять от другой по миллиону лет, что исключит возможность вмешательства в дела друг друга.

— Но как же быть с вашими принципами? — справился Уильямс. — Мы наверняка оставим в прошлом заметный след. Мы пользуемся углем, железом...

— Не оставите, если примете нашу философию и технологию.

— Вы согласны поделиться с нами своими секретами? Ядерный синтез...

— Если вы присоединитесь к нам, — сказал Гейл, — мы будем настаивать на этом.

— Кажется, — произнес президент, вставая, — мы достигли той точки, где следует на время прекратить разговор. Вам предстоит многое сделать. Благодарим вас, мистер Гейл, что вы приехали к нам и привезли с собой вашу прелестную дочь. Надеюсь, вы не возражаете против продолжения беседы несколько погодя?

— Ни в коем случае, — отозвался Гейл, — Я буду только рад. Кроме того, вам надо поговорить с другими, кому известно значительно больше моего. Они сообщат вам все необходимые сведения.

— Я приглашаю вас быть моими гостями, — продолжал президент.

— Здесь, в Белом Доме? — подала голос Элис Гейл. Девушка, судя по всему, чем-то взволнованная, стиснула руки.

— Да, милая, в Белом Доме, — ответил с улыбкой президент, — Вы окажете нам большую честь.

— Извините горячность моей дочери, — проговорил Гейл. — Дело в том, что Белый Дом интересует ее, так сказать, с профессиональной точки зрения. Она изучала его, прочла все, что можно, о его архитектуре и истории.

— Приятно слышать, — заметил президент, завершая встречу.

Глава 12

Люди по-прежнему выходили из горловины туннеля, но теперь их встречал полицейский кордон. Одни полицейские разделяли поток на две части, направляя кого направо, кого налево, чтобы движение не застопорилось и не возникла пробка, другие оттесняли толпу зевак. Усиленный мегафоном голос определял, кому и куда надлежит идти, а когда он умолкал, слышалось бормотание радиоприемника,

доносившееся из машины, припаркованной на обочине. Машин было не перечесть: на тротуаре, на газонах, на лужайках перед домами — явный вызов праву частной собственности. По улице громыхали военные грузовики и автобусы. В них сажали пришельцев, и они уезжали, а на смену подкачивали новые. Однако они не поспевали; людей все прибавлялось, и приходилось отводить вновь прибывших в сторону, чтобы освободить место следующим.

Лейтенант Эндрю Шелби говорил по радиотелефону с майором Марселем Бернсом:

— Сэр, наши усилия ни к чему не приводят. Господи боже, никогда не видел такой толпы. Было бы проще, если бы мы сумели отогнать зевак, но они сопротивляются, а нам не хватает народу, чтобы справиться с ними. Мы перекрыли движение гражданского транспорта и постоянно передаем по радио призыв не мешать, но они все лезут. Дороги забиты машинами. Даже не хочу думать, что будет, когда стемнеет. Как насчет техников, которые вроде бы должны установить прожектора?

— Они выехали, — ответил майор. — Держись, Энди, не подкачай. Нам нужно забрать оттуда всех.

— Добавьте автобусов, — попросил лейтенант.

— Пошлю, как только раздобуду, — пообещал Бернс, — Да, скоро должен прибыть оружейный расчет.

— Зачем нам пушка? Что мы с ней будем делать?

— Не знаю. Мне было сказано лишь то, что я тебе передал.

Глава 13

— Неужели вы верите ему? — удивился Дуглас, — Но это же сущая нелепица! Ни дать ни взять научно-фантастический роман. Говорю вам, нас пытаются одурачить!

— Значит, все те, кто вышел из туннелей, — нелепица? — спросил Уильямс, — Какое иное объяснение вы можете предложить? Рассказ Гейла и впрямь пахнет фантастикой,

но вполне достоверно объясняет ситуацию. Признаться, мне...

— Да кто он такой?! — продолжал горячиться генеральный прокурор. — Представитель вашингтонской общины, общественный деятель! Нет чтобы хотя бы мелкий правительственный чиновник...

— Возможно, у них не существует правительства как такового, — предположил Уильямс. — За пять столетий мало ли какие могли произойти перемены.

— Стив, — поинтересовался президент, — а что думаете вы? Ведь это вы его нам подсунули.

— Совершенно зря, — пробормотал Дуглас.

— За истинность его истории я ручаться, естественно, не могу, — отозвался Уилсон.

— Что сказала Молли? — справился Сэндберг.

— Почти ничего. Я уверен, он не обмолвился перед ней ни словом о том, что поведал нам, однако она сумела вызвать у Гейла и его дочери, на что похож мир, в котором они живут, то есть жили. Говорит, что удовлетворена.

— Глобал Ньюс не пыталось подсуетиться? — спросил Дуглас.

— Разумеется, пыталось. Любое агентство новостей поступило бы точно так же; да что агентство — любой репортер, который не зря ест свой хлеб. На то они, в конце концов, и журналисты. Но Мэннинг не особенно нажимал. Он знал, как и я...

— Что к вам не подъедешь? — закончил Дуглас.

— Рейли! — одернул прокурора президент.

— Что мне сообщить прессе? — спросил Уилсон.

— Ничего, — быстро ответил Дуглас. — Ровным счетом ничего.

— Им известно, что я был у президента и что происходит нечто необычное. Они не будут довольны молчанием.

— Им не положено знать.

— Напротив, положено, — возразил Уилсон, — Нельзя рассматривать прессу как противника. Журналисты просто

выполняют свою работу. Общественность должна быть в курсе происходящего. Пресса поддерживает нас, но нам не следует злоупотреблять доверием. Нужно что-то сообщить им, лучше всего — правду.

— Я бы сказал им, — проговорил Уильямс, — что полученные сведения позволяют предположить, что эти люди действительно явились из будущего, но необходимо время, чтобы все тщательно проверить. Пока мы не можем сделать официального заявления, поскольку продолжаем изучать обстановку.

— Репортеры наверняка захотят узнать, что привело к нам гостей, — заметил Сэндберг, — Стиву надо будет что-то ответить. Не годится отпускать его безоружным. Кроме того, вскоре посыплются вопросы относительно пушек перед туннелями.

— Правда напугает население до полусмерти, — откликнулся Уильямс. — От нас тут же потребуют открыть огонь, чтобы уничтожить туннели.

— Почему бы не сказать, — предложил президент, — что в будущем случилась грандиозная катастрофа и люди, дабы спасти себя, решили уйти к нам? Что касается пушек, нам вряд ли удастся отмолчаться, но врать тоже не хочется. Скажите, что это обычная мера предосторожности.

— Но только если спросят, — прибавил Сэндберг.

— Хорошо, — произнес Уилсон, — но ведь тем дело не ограничится. Будут вопросы, связывались ли мы с другими государствами и с ООН и когда ожидается официальное заявление.

— Сообщите, что связывались, — сказал Уильямс, — И... получили совет установить орудия.

— Стив, — проговорил президент, — вам придется выкручиваться самому. Выручайте: нам и без того худо. Ссылайтесь на то, что все прояснится позднее.

«Сообщение Молли Кимболл. Вашингтон (ГН). Люди, которые выходят из туннелей, являются беженцами из будущего.

Это подтвердил сегодня Мейнард Гейл, один из них. Он, однако, отказался открыть причину, по которой они бегут из будущего, что наступит, по его словам, через пятьсот лет. Он утверждает, что изложит обстоятельства случившегося лишь федеральным властям. В настоящий момент Гейл пытается связаться с кем-либо из членов правительства. Он заявляет, что у себя в будущем исполнял обязанности представителя вашингтонской общины и что ему было поручено вести переговоры с нашей администрацией от лица всех пришельцев.

Он охотно согласился, при условии, что мы будем избегать вопросов, связанных с причинами бегства, описать мир, в котором живет — вернее, жил. В этом мире не существует деления на государства, а война превратилась в понятие, смысл которого давно забылся.

Общество будущего организовано весьма просто, что вызвано экологическими проблемами, которые накапливаются у нас сегодня. Оно уже не подходит под определение «индустриальное». Производство в нем составляет менее одного процента от наших нынешних показателей. То, что производится, не подвержено старению. Гейл утверждает, что философия старения вот-вот отомрет и у нас, поскольку возникнет необходимость снизить потребление природных ресурсов в связи с истощением их запасов, о чем годами предупреждали население планеты экономисты и экологи.

Поскольку в будущем почти не осталось ни угля, ни иных ископаемых видов топлива, сограждане Гейла пользуются энергией ядерного синтеза. Именно эта энергия удерживает хрупкую экономическую структуру общества от крушения.

Мир, отстоящий от нашего на пятьсот лет, полностью компьютеризован; значительная часть населения

проживает в «высотных» городах. Такой город образуют пять или шесть башен, причем отдельные из них достигают в высоту одной мили. «Расползание» городков прекратилось, поэтому освободилось пространство для сельскохозяйственных угодий. Города в большинстве своем возводятся из металлических отходов, которые у нас валяются на свалках; их жизнеобеспечением ведают компьютеры. По словам Гейла, богатство как таковое утратило ведущую роль. Люди будущего не знают ни миллиардеров, ни той нищеты, от которой ныне страдают миллионы. Судя по всему, за пятьсот лет изменился не только образ жизни, но и жизненные ценности. Жизнь стала проще и спокойнее; трудоголиков в будущем, похоже, совсем немного...»

Глава 15

В парке Лафайетта собралась толпа, тихая и добропорядочная, как все толпы, что стекались сюда на протяжении многих лет, чтобы посмотреть на Белый Дом. Люди ничего не требовали и не ждали, просто как бы демонстрировали свое участие в национальном кризисе. Над толпой восседал на жеребце Энди Джексон¹; конь и всадник позеленели от времени, там и сям их украшали пятна голубинового помета.

Никто из собравшихся не знал, в чем суть кризиса, даже не подозревал, что тот в самом разгаре. Люди не имели ни малейшего понятия, что происходит и чем это может грозить лично им; правда, отдельные личности порой погружались в размышления, а затем принимались делиться результатами — иногда проявляя чрезмерную настойчивость — с теми, кто стоял рядом.

На Белый Дом обрушился шквал телефонных звонков. Звонили конгрессмены, лидеры партий, которые лезли с предложениями и советами, бизнесмены и промышленники, поддававшиеся внезапной панике, и помешанные, что требовали немедленных действий.

Подъехал грузовик телестудии. Операторы принялись за дело. Они снимали толпу в парке Лафайетта, сверкающий на солнце фасад Белого Дома, а за кадром звучал голос комментатора.

Вдоль по улице бродили туристы, слегка изумленные тем, что им довелось оказаться участниками исторических событий; белки выныривали из-за ограды Белого Дома, усаживались на тротуар и выпрашивали угощение, сложив на груди передние лапки.

Глава 16

Элис Гейл стояла у окна, глядя на Пенсильвания-авеню и на толпу в парке. Девушка дрожала — не от холода, а от восторга, — не смея поверить собственному счастью. Неужели она и вправду здесь, в Вашингтоне двадцатого столетия, там, где творилась мировая история, где жили легендарные люди? Неужели ей отвели ту самую комнату, в которой когда-то спали коронованные особы?

Коронованные особы, повторила она про себя. Какое неуклюжее, почти средневековое выражение! Впрочем, в нем ощущается некое своеобразие, некое изящество, которого не знал ее мир.

По дороге в Белый Дом Элис заметила краем глаза монумент Вашингтону. Из окна она рассмотрела его во всех подробностях, равно как и памятник Линкольну: мраморный президент в мраморном кресле, руки на подлокотниках, на украшенном бакенбардами лице то самое выражение, печаль и сочувствие, которое заставляло почтительно умолкать тысячи людей, что поднимались по лестнице, дабы взглянуть ему в глаза.

Спальня отца Элис находилась напротив через коридор. Гейла поместили в комнате Линкольна с ее массивным викторианским ложем и обтянутыми бархатом креслами. Сам Линкольн не спал там ни разу, подумала вдруг Элис.

История возрождается, мелькнула у нее мысль, воскресает из небытия. Она поистине бесценна. Такое не забывается, сколько бы лет ни прошло. Что ж, будет о чем вспомнить в миоцене. Интересно, а на что похож миоцен? Девушка невольно содрогнулась. Попадут ли они туда, помогут ли им люди того времени, в каком они очутились?

Но что бы ни случилось, теперь она может при случае сказать: «Я однажды спала в королевской спальне».

Элис отвернулась от окна и оглядела, с прежним изумлением, обстановку комнаты: огромную кровать под балдахином, застеленную бело-розовым покрывалом, книжный шкаф-секретер красного дерева, что стоял в простенке между окнами, мягкий ворсистый ковер на полу.

Она сознавала, что с ее стороны эгоистично предаваться наслаждениям, когда другие в этот самый миг не знают, куда податься, гадают, примут ли их, накормят ли и разместят, но как ни старалась, так и не смогла ощутить угрызений совести.

Глава 17

— Терри, — сказал президент в трубку, — это Сэм Хендерсон.

— Рад слышать, мистер президент, — отозвался на другом конце провода Терренс Робертс. — Чем могу служить?

— Ты можешь мне помочь, вот только не знаю, захочешь ли, — Президент усмехнулся, — Тебе известно, что происходит?

— Нечто странное, — ответил профсоюзный лидер, — Множество предположений, самых разных. Вы там у себя в Вашингтоне до чего-нибудь докопались?

— Кое до чего, — сказал президент. — По-видимому, эти люди действительно из будущего. Им грозила гибель, а единственная возможность спастись заключалась в уходе в прошлое. Подробности мы пока не знаем.

— Мистер президент, путешествие во времени?..

— Разумеется, звучит крайне неправдоподобно. Я еще не разговаривал с физиками, только собираюсь; вероятнее всего, они заявят, что подобное невозможно. Но один из тех, кто вышел из туннеля, поклялся, что дело обстоит именно так. Если бы существовало иное разумное объяснение происходящему, я бы, наверное, не стал торопиться с выводами. Однако обстоятельства вынуждают меня принять эту версию, по крайней мере — в качестве рабочей гипотезы.

— И что, они все переселятся к нам? Сколько их?

— Около двух миллиардов.

— Мистер президент, мы же не сможем прокормить их!

— Вот на эту тему я и хотел поговорить с тобой, Терри. Они как будто не намерены оставаться у нас. Планируют уйти еще дальше в прошлое, примерно на двадцать миллионов лет. Однако, чтобы осуществить задуманное, необходимо построить временные туннели; кроме того, им требуется оборудование...

— Мы не умеем строить временных туннелей.

— Они нам покажут как.

— Эта затея выльется в кругленькую сумму. Неизвестно, что обойдется дороже — рабочая сила или материалы. Они согласны заплатить?

— Не знаю. Как-то не спрашивал. Мне кажется, вряд ли. Но так или иначе мы должны помочь им. Нельзя, чтобы они оставались здесь. Нам вполне хватает своего населения.

— Сдается мне, мистер президент, — произнес Робертс, — я догадываюсь, о чем вы собираетесь попросить меня.

— Не только тебя, Терри, — проговорил президент с улыбкой. — Я обращусь к промышленникам и ко всем согражданам, однако для начала мне надо узнать, на чью поддержку я могу рассчитывать. Не желаешь подъехать? Мы бы обсудили все в узком кругу.

— Конечно, хотя я не уверен, что окажусь особенно полезным. Назначайте время, и я буду в срок. А пока суд да дело — переговорю с ребятами, посоветуюсь. Что у вас на уме?

— На данный момент ничего определенного. Потому-то и не мешало бы обменяться мнениями и выработать общую позицию. Разумеется, при сложившихся обстоятельствах мы не в силах выполнить то, к чему нас призывают. Правительство не может нести расходы в одиночку, поскольку тратиться придется не на одни туннели. Я даже не представляю, насколько велики будут расходы. Прикинь сам: нужно снабдить ресурсами целую цивилизацию. Налогоплательщики наверняка взбунтуются. Посему нам остается уповать на поддержку со стороны. Мы надеемся на профсоюзы, надеемся на промышленников. Ситуация чрезвычайная и требует адекватных действий. Я не знаю, как долго мы сможем...

— Речь идет не только о США, — прервал Робертс, — но обо всем мире.

— Верно. Другим тоже придется предпринять соответствующие шаги. Если бы у нас было время, мы бы, возможно, организовали международную кампанию, но времени, к сожалению, нет. По крайней мере, начинать надо самим.

— Вы не пытались связаться с другими государствами?

— Я говорил с Москвой и Лондоном, — ответил президент, — с остальными еще не успел. Но конкретных мер мы не рассматривали. Нужно сначала определиться с собственным мнением, а затем уже выслушивать иные точки зрения. Чтобы было чем обмениваться, надо сперва накопить. Но затягивать нельзя ни в коем случае. Мы должны приступить к активным действиям в ближайшие часы.

— Что касается временных туннелей... Точно ли найдутся люди, которые объяснят принципы их устройства? Объяснение должно быть достаточно простым, чтобы наши ученые и специалисты могли понять его и подготовить необходимые технические средства. Черт побери, мистер президент, это же чистое безумие! Американцы строят временные туннели! То ли сон наяву, то ли неудачная шутка.

— Боюсь, ни то ни другое, — отозвался президент. — Мы попали в переплет, Терри, и пока неизвестно, сумеем ли выбраться. Пройдет, очевидно, день или два, прежде чем мы узнаем всю правду о случившемся. Я прошу тебя подумать. Поразмысли на досуге, прикинь свои возможности. Да, приезжать не спеши. Нам необходимо предварительно решить кое-какие вопросы. Как только положение прояснится, я тебе позвоню.

— Договорились, мистер президент, — сказал Робертс. — Жду вашего звонка.

Президент повесил трубку и вызвал Ким.

— Попросите ко мне Стива, — велел он секретарше, откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову и уставился в потолок.

Всего лишь пять часов тому назад он собирался вздремнуть, воспользоваться свободным от дел воскресным полднем. Такие дни выдавались крайне редко, и Сэм Хендерсон стремился насладиться ими, насколько представлялось возможным. Надо же: стоило ему закрыть глаза, как мир перевернулся вверх тормашками. Господи, воскликнул он мысленно, что мне делать? Как поступить? Где она, мудрость правителя? Человеку свойственно совершать ошибки, тем более — в подобной ситуации, однако президент чувствовал, что сейчас ошибка была бы непозволительной роскошью.

В кабинет вошел Стив Уилсон. Президент выпрямился.

— Вы провели пресс-конференцию, Стив?

— Нет, сэр. Они стучат в дверь, но я пока держусь. Мне нечего им сказать. Я надеялся, что...

— Хорошо, — перебил президент, — Ваши надежды оправдались. Расскажите им все, за исключением двух вещей. Не объясняйте, почему мы размещаем перед туннелями орудия. Версия прежняя: мера предосторожности. И не упоминайте о предложении Гейла отправиться в прошлое заодно с ними.

— Значит, причину бегства из будущего открывать не следует? Ни слова об инопланетянах?

Президент утвердительно кивнул.

— Можете намекнуть, что тут нет полной ясности, а потому — никаких комментариев.

— Репортерам это не понравится, — проговорил Уилсон, — но, думаю, я с ними справлюсь. А как насчет телевидения? Я предупредил, что вы выступите вечером с обращением...

— Скажем, в десять. Или поздно?

— Мне кажется, как раз.

— Ну что ж... Скажите им, что все займет минут десять—пятнадцать.

— Я набросаю текст.

— У вас и без того достаточно забот, Стив. Я попрошу Брэда и Фрэнка.

— Корреспонденты захотят узнать, беседовали ли вы с руководителями других государств.

— Я разговаривал со Стерлингом в Лондоне и Менковым в Москве. Менков сообщил, что встречался с тамошним представителем пришельцев, который исполняет те же функции, что Гейл здесь. По словам же Стерлинга, к нему пока никто не обращался. Можете прибавить, что до конца дня я попробую связаться с некоторыми другими.

— А что с заседанием кабинета? Такой вопрос будет обязательно.

— Члены кабинета обсуждают положение дел вот уже несколько часов подряд. Кстати говоря, просто удивительно, что вы не застали у меня никого из них. Кроме того, я намереваюсь выслушать сенаторов и конгрессменов. Что-нибудь еще, Стив?

— Вопросов будет не перечесть, но все предугадать невозможно. Выкручусь. В конце концов, где наша не пропадала.

— Стив, что вы думаете о Гейле? Какое у вас сложилось мнение о нем?

— Трудно сказать, — ответил Уилсон. — Однако мне представляется, что обманывать ему ни к чему. На мой взгляд, он говорит правду — или то, что считает правдой. Так или иначе, возникла серьезная проблема, люди в беде, и мы

должны им помочь. Вероятно, они что-то скрывают, вероятно, Гейл утаил кое-какие детали, но в целом, как ни парадоксально, я ему верю.

— Дай бог, чтобы вы оказались правы, — сказал президент, — В противном случае мы сядем в глубокую лужу.

Глава 18

Автомобиль свернул к видневшемуся за деревьями величественному зданию, проехал по дорожке между цветочными клумбами и остановился у крыльца. Водитель выскочил из машины и распахнул заднюю дверцу. Из салона выбрался, опираясь на трость, тучный старик. Водитель протянул руку, чтобы помочь, но старик отпихнул ее.

— Я вполне способен обойтись без этого, — пробурчал он, пошатнулся, однако устоял на ногах, — Ждите меня здесь. Возможно, я задержусь, но вы ждите меня здесь.

— Конечно, сенатор, — отозвался водитель. — Сэр, прошу прощения, но лестница несколько крутовата.

— Ждите здесь, — повторил сенатор Эндрю Оукс. — Ваше дело — вертеть баранку, а не заботиться обо мне. В тот день, когда я не смогу подняться по лестнице, мне придется освободить свое место. Но пока, — криво усмехнулся он, — час еще не пробил. Возможно, через годик-другой, возможно, раньше. Все зависит от того, как я буду себя чувствовать.

Сенатор подковылял к лестнице, налегая всем весом на трость, взобрался на первую ступеньку, передохнул, затем шагнул на следующую. Преодолевав ступеньку за ступенькой, он свирепо глядел по сторонам, как бы бросая вызов тем, кто, может статься, наблюдал за ним. Однако поблизости никого не было, не считая водителя, который уселся за руль и нарочито отвернулся.

Когда сенатор достиг площадки, входная дверь отворилась.

— Рад приветствовать вас, сенатор, — проговорил Грант Веллингтон, — но, право же, вам не стоило утруждать себя. Я бы охотно приехал к вам.

— Хороший денек для прогулки, — выдохнул сенатор. — К тому же вы сказали, что будете один.

— Совершенно верно, — подтвердил Веллингтон, — Семья в Новой Англии, а у прислуги выходной. Нам никто не мешает.

— Хорошо, — одобрил сенатор. — А у меня суший кавардак. Приходят, уходят, постоянные звонки. В общем, сумасшедший дом. — Он направился внутрь.

— Направо, — произнес Веллингтон, закрывая дверь.

Сенатор прошел в кабинет, пол которого устилал ворсистый ковер, и опустился в огромное зачехленное кресло, стоявшее у камина. Он положил трость рядом с собой и окинул оценивающим взглядом заставленные книгами шкафы, массивный письменный стол, картины на стенах и прочие предметы обстановки.

— Вы неплохо устроились, Грант, — сказал он. — Думается, даже слишком неплохо.

— То есть вы опасаетесь, что я уклонюсь от борьбы, дабы не запачкать руки?

— Что-то вроде этого. Но я помню ваши подвиги на деловом поприще. — Оукс махнул рукой, — Давняя привычка: не доверять человеку, который владеет подлинником Ренуара.

— Вам что-нибудь налить, сенатор?

— Пожалуй, самое время ополоснуть горло бурбоном, — ответил Оукс. — Отличная штука, чисто американская. Помнится, вы предпочитаете виски?

— С вами, — сказал Веллингтон, — я выпью бурбон.

— Вы знаете, что происходит?

— Так, поглядываю телевизор.

— Он может споткнуться, — заметил сенатор, — Споткнуться и полететь.

— Вы про Хендерсона?

— Про него тоже. Ситуация препаршивейшая.

Веллингтон передал сенатору стакан и вернулся к бару, чтобы приготовить свою порцию. Оукс поудобнее устроился в кресле, повертел стакан в пальцах, пригубил и одобрительно хмыкнул.

— Для того, кто пьет виски, — буркнул он, — у вас отличный вкус.

— Я прошел вашу школу, — отозвался Веллингтон, усаживаясь на кушетку.

— Сдается мне, — продолжал сенатор, — ему сейчас приходится ох как несладко. Он вряд ли справится. Нужно принять столько решений, и каких!

— Я ему не завидую, — проговорил Веллингтон.

— Ничего более неприятного случиться просто не могло, особенно с учетом того, что выборы почти на носу. Он, разумеется, помнит, и это отнюдь не прибавляет ему уверенности. Он должен что-то предпринять — он, и никто иной.

— Если вы понимаете, что мое дело — сторона, я согласен с вами целиком и полностью, — отозвался Веллингтон, — Не пытайтесь лукавить, сенатор, у вас получается не очень-то ловко.

— Что же, прикажете напрямую сообщать человеку, что ему надлежит заткнуться и не высовываться?

— Если они действительно из будущего...

— Ну конечно! Откуда же еще?

— Тогда какие-либо претензии предъявлять бесполезно. Они — наши потомки. Они ведут себя как детишки, которые попали в переделку и спешат спрятаться под родительское крылышко.

— Не знаю, не знаю, — пробормотал сенатор. — Впрочем, меня беспокоят не столько они, сколько старина Сэм в Белом Доме. Ему предстоит принимать решения и наделать кучу ошибок, что для нас весьма важно. Одни ошибки нам пригодятся, другие нет. Возможно, он сделает что-то такое, что мы поддержим, — не следует быть чересчур пристрастными. Но главное в том, чтобы не подставить себя. Вам, как и мне, прекрасно известно, что на выборах следующего года

многие будут голосовать против старины Сэма, то бишь, скорее всего, за вас. Некоторые торопыги полагают, что настало время выйти на публику, привлечь к себе внимание, однако уверяю вас, Грант: избиратели запомнят не того, кто был первым, а того, кто оказался прав.

— Я тронут вашей заботой, — произнес Веллингтон, — но мне кажется, вы приехали не по адресу. Я не собираюсь баллотироваться. Я не уверен даже, сохранится ли пост.

— Если не возражаете, — сказал сенатор, протягивая хозяину пустой стакан, — я был бы не прочь повторить.

Веллингтон исполнил его просьбу, и сенатор продолжил:

— Что касается поста президента, тут надо все хорошенько обдумать. Пока это не проявилось, но поверьте старику: время от времени непременно возникает избыток свободных должностей, к которым необходимо внимательно присмотреться, чтобы не дать маху. Ну да, пришельцы из будущего — наши потомки, и все такое прочее. Вы принадлежите к тем, кто может гордиться историей своего рода, а потому ход ваших мыслей вполне естествен. Но другие, кому нечем гордиться и кто составляет большинство населения США, плевать хотели на всяких там потомков, тем более что появление последних наверняка добавит нам проблем. Людям не до потомков из будущего, они едва справляются со своими собственными отпрысками.

На данный момент количество пришельцев равняется нескольким миллионам, и поток не ослабевает; можно, конечно, воздевать руки к небу и восклицать, как мы, мол, выдержим такое нашествие, но все это детские игрушки. Подождите, вот начнут ощущаться экономические последствия, и тогда... Нехватка продуктов питания, рост цен, дефицит жилья и рабочих мест, недостаток потребительских товаров и тому подобное - в скором времени взвоят не только экономисты, но и обыватели, граждане прекрасной страны, и наступит срок расплаты. Именно тогда человек вроде вас должен будет определить, к чему он стремится, и взвесить все самым тщательным образом.

— Господи боже! — проговорил Веллингтон. — Наши потомки бегут из будущего, а мы с вами стараемся выработать план безопасных политических действий...

— Политика, — заявил сенатор, — штука весьма сложная и насквозь пропитанная практичностью. Тем, кто занимается ею, следует держать себя в узде и не поддаваться эмоциям. Запомните, Грант: ни в коем случае не поддавайтесь эмоциям. О, вы можете сколько угодно играть на публику, привлекая голоса избирателей, но обязательно просчитывайте все на три-четыре хода вперед. Кажитесь эмоциональным, но не позволяйте эмоциям овладевать вами.

— Знаете, сенатор, от ваших рассуждений остается довольно неприятный осадок.

— Разумеется, — согласился сенатор. — Вы думаете, я не знаю? Выход простой: не забивайте себе голову ерундой. Конечно же, весьма лестно иметь образ великого государственного деятеля и гуманиста, однако государственные деятели вырастают из грязных политиканов. Пускай вас изберут, а уж потом... Но если вы будете чураться грязи, вас не изберут никогда. — Он поставил стакан на стол рядом с креслом, нашарил трость и тяжело поднялся. — Вот мой совет. Прежде чем соберетесь что-либо сказать, проконсультируйтесь у меня. Надеюсь, вы не станете отрицать, что я обладаю политическим нюхом и редко ошибаюсь? На Капитолийский холм новости стекаются со всех сторон. Я знаю все, что затевает администрация, так что времени на принятие решения нам всегда хватит.

Глава 19

Пресс-конференция прошла успешно. Уилсон договорился с телевизионщиками относительно выступления президента. Часы на стене показывали шесть пополудни. Телетайпы продолжали стрекотать.

— Ну и денек, — заметил Уилсон, обращаясь к Джуди. — Пора закрывать лавочку.

— А ты?

— Пожалуй, немного задержусь. Возьми мою машину. Я доберусь на такси. — Он сунул руку в карман, извлек ключи и передал их девушке.

— Когда освободишься, загляни на огонек. Я буду ждать.

— А если я освобожусь поздно?

— Переночуешь у меня. Кстати, в прошлый раз ты забыл свою зубную щетку.

— А пижама?

— Когда это ты спал в пижаме?

— Ладно, — устало усмехнулся Стив, — Зубная щетка есть, а без пижамы обойдусь.

— Пожалуй, — проговорила Джуди, — я все-таки исполню, что задумала.

— Что именно?

— Напряги память. Я же тебе говорила.

— Ах, это...

— То-то. Такого у меня еще не было.

— Ты потеряла всякий стыд. Ну поезжай.

— Корреспондентов поят кофе и кормят сандвичами. Будешь паинькой, и тебе достанется.

Джуди направилась к выходу. Стив смотрел ей вслед. Она шагала уверенно и в то же время словно парила над полом, как будто была бесплотным духом, пытавшимся притвориться существом из плоти и крови. Уилсон никак не мог догадаться, каким образом ей это удастся.

Он сложил разбросанные по столу бумаги в стопку и сдвинул их в сторону, затем откинулся на спинку кресла и прислушался. Где-то зазвонил телефон. В отдалении прошестели чьи-то шаги. В приемной кто-то печатал на машинке, от стены доносилось неумолчное стрекотание теле-тайпов.

Безумие, мысленно воскликнул Уилсон. Чушь собачья, полнейший бред! Ни один человек в здравом рассудке не поверит ни единому слову Гейла. Временные туннели и пришельцы из космоса — чем не готовый сюжет

телепостановки? Может, все, что случилось, — обман чувств, массовая истерия? Может, утром, с восходом солнца, все вернется на свои места?

Уилсон поднялся. На аппарате Джуди мерцали два индикатора. Он не стал их выключать, вышел в коридор и двинулся к двери, что вела в сад. На улице было прохладно, деревья отбрасывали на лужайку длинные тени. Цветочные клумбы — розы, гелиотропы, герань, никотианы, водосбор и маргаритки — поражали богатством красок. Стив остановился, глядя на возвышавшийся за деревьями белораморный монумент Вашингтона.

Позади слышался шорох. Он обернулся. В двух шагах от него стояла женщина в белом платье до пят.

— Мисс Гейл, — произнес Уилсон с некоторым удивлением. — Какой приятный сюрприз!

— Надеюсь, я не сделала ничего плохого, — проговорила девушка. — Меня никто не останавливал. Мне можно находиться здесь?

— Конечно. Как гостя...

— Я должна была увидеть сад! Я столько про него читала!

— Значит, вы не были в нем?

— Нет, была, — ответила она с запинкой, — Но у нас все иначе, все не так.

— Естественно. Времена меняются, и природа — вместе с ними.

— Да, вы правы.

— Что-нибудь случилось?

— Нет-нет. — Элис вновь запнулась. — Вы не понимаете. Я вам объясню. Вряд ли это кому-то повредит.

— Объясните что? Относительно сада?

— Да. В мое время, пятьсот лет спустя, никакого сада не существует, равно как и Белого Дома.

Уилсон ошеломленно воззрился на нее.

— Видите, — сказала она, — вы не верите. И не поверите. У нас нет деления на государства. Не то чтобы мы живем в едином государстве, но близко к этому. Нет ни наций, ни

Белого Дома. Остались лишь развалины: обломки стен, ржавые куски изгороди. Нет ни сада, ни цветочных клумб. Теперь понимаете? Понимаете, что я чувствую?

— Но почему? Каким образом?

— Не бойтесь, здание простоит еще столетие или даже больше. Вдобавок, ничего подобного может и не произойти. Вы ведь ступили на иной путь развития.

Подумать только! Какая-то девушка, худенькая и стройная, в скромном платье до пят, перехваченном в талии пояском, рассуждает об ином пути развития и о будущем, в котором разрушен Белый Дом! Уилсон помотал головой.

— Что вам известно? — спросил он. — Ну, касательно пути развития? Ваш отец объяснял нам, но за хлопотами...

— Чтобы разобраться досконально, необходимо изучить математические уравнения, — ответила Элис. — По-моему, из наших знают, что к чему, лишь несколько человек. Но в принципе все просто. Теория основана на причинно-следственном методе; изменяя причину, вернее множество причин, как поступили мы, перейдя к вам...

— Все равно не верится, — сказал Уилсон, махнув рукой. — Я не про путь развития, а про все вообще. Сегодня утром я проснулся с мыслью, что еду на пикник. Вы знаете, что такое пикник?

— Нет, не знаю. Так что мы с вами квиты.

— Как-нибудь я приглашу вас.

— С удовольствием. Это интересно?

Глава 20

Бентли Прайс явился домой слегка озадаченный, но довольный собой: он миновал армейский кордон, вынудил автомобиль уступить ему дорогу и продрался сквозь толпу беженцев и зевак, которые по-прежнему торчали у туннеля, несмотря на все усилия полиции. Подход к дому преграждала машина, в силу чего Бентли пришлось идти кругным путем; мимоходом он сломал розовый куст.

Наступила ночь; Бентли настолько вымотался за день, что сейчас ему хотелось лишь одного: рухнуть в постель, однако прежде нужно припрятать камеры и прочее оборудование. Не годится оставлять их в автомобиле, когда вокруг так много народу. Замки на дверцах не остановят того, кто вознамерится совершить кражу. Бентли повесил на шею все три камеры и принялся вытаскивать из салона тяжелую сумку, как вдруг его взгляд упал на цветочную клумбу Эдны.

Посреди нее стояла пушка, колеса которой глубоко вдавились в землю. Рядом сутился оружейный расчет. Пушку освещал яркий прожектор, висевший на дереве. В том, что цветы пострадали, сомневаться не приходилось.

Бентли ринулся к орудию, оттолкнул ошарашенного солдата и этаким бентамским петушком наскочил на молодого человека с полосками на погонах.

— Как вы посмели! — воскликнул он. — Воспользоваться отсутствием хозяина...

— Вы хозяин, сэр? — перебил командир расчета.

— Нет, мне поручено следить за домом. Я...

— Прошу прощения, сэр, — сказал офицер, — мы всего-навсего исполняли приказ.

— Вам что, приказали установить свою машину на клумбе Эдны? — взвился Бентли, — Наверно, так и было, да? Прямо посередке, ни фута ни вправо ни влево, посреди клумбы, которой бедная женщина отдала едва ли не всю жизнь!

— Нет, сэр, вы ошибаетесь, — возразил офицер, — Нам приказали навести орудие на туннель, причем так, чтобы на пути снаряда не было никаких препятствий.

— Чушь какая-то! — фыркнул Бентли, — Зачем понадобилось наводить пушку на туннель, из которого появляются беженцы?

— Не знаю, — ответил офицер, — Мне никто не потрудился объяснить. Я получил приказ и должен его выполнять, клумба или не клумба, владелец или посторонний.

— У меня такое впечатление, — проговорил Бентли, — что в вас сохранилось кое-что от джентльмена, каким вам

положено быть. Ведь офицеры всегда джентльмены, не правда ли? Так вот, ни один джентльмен не затащит пушку на цветочную клумбу, как ни один офицер не наведет ее на толпу беженцев, и...

Ночную тишину распорол пронзительный визг. Бентли резко обернулся и увидел, что в туннеле происходит нечто странное. Люди уже не выходили из него, как прежде, по четверо и пятеро в ряд, нет, они бежали, расталкивали и топтали друг друга, а за ними мчался монстр, чудовищность которого поистине превосходила воображение. Бентли заметил громадные клыки, острые когти на концах массивных лап, слюну, что капала из пасти, ощутил неопиcуемый ужас — и по привычке схватился за камеру.

В глазок объектива стало видно, что чудищ на самом деле Два; одно подобралось уже к выходу из туннеля, другое следовало по пятам. Бентли разглядел, как взлетают в воздух, точно куклы, людские тела, взлетают и падают прямо под ноги кошмарным тварям. Кроме того, он рассмотрел извивающиеся щупальца, и у него мелькнула мысль, что он видит перед собой причуду эволюции, помесь животного с осьминогом.

Послышались слова команды, пушка изрыгнула пламя, которое озарило близлежащие сады и дворы домов, раздался оглушительный грохот. Бентли повалился на землю, но, падая, успел углядеть краешком глаза много любопытного. Туннель мгновенно исчез, будто испарился, со звуком, который казался продолжением раската артиллерийского залпа, однако в действительности превосходил его по всем параметрам. Лужайку устилали трупы людей, поверх которых валялось чудище, дымившееся, словно на сковородке. Вторая же тварь уцелела; она набросилась на пушку, а беженцы и зеваки с воплями кинулись в разные стороны.

Бентли кое-как поднялся на ноги и огляделся. Артиллеристы погибли, все до единого, не на что даже было смотреть, пушка оказалась перевернутой. Из ее дула тоненькой струйкой вился дымок. С улицы донесся все тот же

пронзительный визг, и фотограф различил движение; нечто большое и темное стремительно скрылось за углом дома, разрушив напоследок изгородь.

Прайс рванулся к дому, вбежал на кухню, схватил телефон и набрал номер едва ли не вслепую, молясь, чтобы линия была свободна.

— Глобал Ньюс, — произнес хриплый голос. — Мэннинг слушает.

— Том, это Бентли.

— Да, Бентли. Что случилось? Ты где?

— Дома. Ну, у Джо. У меня есть новости.

— Ты пил?

— Так, заглянул кой-куда, пропустил пару стаканчиков. Воскресенье все-таки. Все приличные заведения закрыты. Ну вот, а когда приехал домой, обнаружил во дворе, прямо на клумбе Эдны, пушку...

— Это уже не новость, — бросил Мэннинг, — Мы узнали о приказе около двух часов назад. Мера предосторожности, так нам было сказано.

— Я знаю, для чего.

— Да что ты говоришь!

— Правда! Из туннеля выскочило чудище и...

— Чудище? Какое такое чудище?

— Мне трудно его описать, — ответил Бентли, — Я толком не разглядел. Их было два. Одного пристрелили, а второй удрал. Разодрал в клочья орудийный расчет, перевернул пушку и удрал под вопли толпы. Я видел, как он проскочил сквозь изгородь...

— Ну-ка, — прервал Мэннинг, — прекрати тарыхтеть. Сбавь обороты и говори членораздельно. Ты видел, что одно чудовище погибло, а другому удалось убежать...

— То-то и оно! Артиллеристы мертвы, и, верно, не только они. Туннель исчез, а на лужайке перед домом валяетсядохлая тварь...

— Расскажи поподробнее, какая она из себя.

— Не могу. Зато я ее сфотографировал.

— Мертвую?

— Нет, живую. — В голосе Бентли прозвучали снисходительные нотки. — Стану я тратить пленку на мертвечину, когда рядом носится живая копия!

— Слушай меня, Бентли. Слушай внимательно. Ты в состоянии вести машину?

— Разумеется. Сюда-то я доехал, и ничего.

— Ладно. Я пошлю кого-нибудь на место происшествия. А ты лети в редакцию вместе с фотографиями. И еще, Бентли...

— Что?

— Тебе не привиделось? Чудовище было на самом деле?

— С чего ему было привидеться? — хмыкнул Бентли, — С пары-то стаканов?

Глава 21

В поисках кофе с сэндвичами Стив Уилсон добрался до собственной приемной. Там находилось с десяток репортеров.

— Что нового, Стив? — справился Карл Эндерс из АП.

— Пока все тихо, — ответил Уилсон. — Если бы происходило что-нибудь важное, думаю, мне бы сообщили.

— А вы нам?

— А я вам, — подтвердил Уилсон. — Черт возьми, вам прекрасно известно, что мы не водим вас за нос.

— Да? А как насчет пушек?

— Это всего лишь обыкновенная мера предосторожности. У вас остались сэндвичи или вы все умяли?

— Вон там, Стив, — показал Джон Гейтс из «Вашингтон пост», — в углу.

Уилсон положил на тарелку два сэндвича и налил себе чашку кофе. Гейтс, развалившийся на кушетке, подвинулся и жестом пригласил его сесть рядом. Уилсон принял приглашение; тарелку и чашку он поставил на столик перед

кушеткой. Эндерс уселся в кресло. Генри Хант, корреспондент «Нью-Йорк Таймс», устроился на кушетке с другого бока.

— Ваш рабочий день затянулся, Стив, — сказал он.

Уилсон впился зубами в сэндвич.

— Черствый, — бросил он.

— Что происходит сейчас? — спросил Эндерс.

— Понятия не имею. Ничего не могу сказать, поскольку сам не знаю.

— Но говорить-то вы умеете? — фыркнул Гейтс.

— Умею, — подтвердил Уилсон, — однако сказать мне нечего. Вам ведь известны правила игры. Если я случайно обмолвлюсь о чем-то представляющем интерес, то это не для публики.

— Конечно, конечно, — поспешил заверить Эндерс. — Но войдите в наше положение, Стив. Вы же знаете, каково нам.

— Знаю.

— Меня беспокоит вот что, — проговорил Хант. — Каким образом власти намереваются выходить из ситуации? Прецедента не существует. Ничего подобного раньше не случилось. Как правило, кризис нарастает постепенно, за его развитием можно наблюдать. А тут раз — и на тебе, без всякого предупреждения.

— И правда, — присоединился к коллеге Эндерс, — как собирается действовать президент?

— Когда от проблемы никуда не денешься, приходится ее решать, — произнес Уилсон. — Приходится определять, в чем ее суть. В случаях, похожих на наш, трудно преодолеть скептицизм, который замедляет принятие решения. Нужно переговорить с множеством людей, выслушать их мнение и вынести собственное суждение. В общем, голова кругом, поневоле начнешь молиться. Я, естественно, не имею в виду...

— Вы описываете нам действия президента? — поинтересовался Эндерс.

— Я лишь отвечаю на ваш гипотетический вопрос.

— Скажите, Стив, что думаете вы, вы, а не президент? — спросил Гейтс.,

— Я пока не определился, — ответил Уилсон, — Слишком много всего сразу. Некоторое время назад я спрашивал себя, не стали ли мы жертвами внушения, которое развеется к утру. Разумеется, не развеется. Но такие мысли успокаивают. Мало-помалу я убедил себя, что эти люди действительно из будущего. Впрочем, так или нет, они пришли к нам, и от них не отмахнешься. Мне кажется, откуда они, не суть важно.

— Вы лично сомневаетесь?

— В том, что они из будущего? Нет, навряд ли. Их объяснение представляется вполне разумным. И потом — зачем им лгать? Что они выиграют?

— Тем не менее вы...

— Минуточку. Я вовсе не хочу, чтобы вы превратно истолковали мои слова. Не забывайте, мы разговариваем как друзья, просто сидим и беседуем.

Дверь в приемную распахнулась. Уилсон обернулся на звук. На пороге стоял Брэд Рейнолдс, бледный и весь какой-то поникший.

— Стив, — сказал он. — Стив, мне надо поговорить с тобой.

— Что стряслось? — любопытствовал Хант.

Из-за двери донесся сигнал телетайпа; пришло сообщение.

Уилсон вскочил, задев коленом стол. Чашка опрокинулась, кофе закапал на ковер.

Он быстро пересек комнату и схватил Рейнолдса за руку.

— Чудовище! — воскликнул тот, — Оно убежало. Только что Глобал Ньюс передало по радио.

— Господи боже! — вырвалось у Уилсона. Он оглянулся на репортеров и понял, что те слышали.

— Какое такое чудовище? — крикнул Эндерс, — Вы не упоминали ни про каких чудовищ.

— Потом, — бросил Уилсон, вытолкнув Рейнолдса из приемной и захлопнул дверь, — Вы же с Фрэнком работали над текстом выступления президента. Откуда...

— Радио, — объяснил Рейнолдс, — Передали по радио. Как быть с выступлением? Президент не может умолчать о случившемся, но произошло-то все буквально час назад.

— Разберемся, — проговорил Уилсон, — Хендерсон знает?

— Фрэнк пошел к нему.

— Что конкретно случилось? И где?

— В Вирджинии. Два чудовища выскочили из туннеля. Одно застрелили, а второе сбежало, прикончив оружейный расчет...

— Ты хочешь сказать, что оно скрылось в неизвестном направлении?

Рейнолдс мрачно кивнул.

Глава 22

Том Мэннинг вставил в пишущую машинку чистый лист бумаги и стал печатать:

«Чудовище на воле.

Вашингтон, округ Колумбия (Глобал). Сегодня на Земле появилось инопланетное чудовище. Никто не знает, где оно находится. Оно вырвалось из временного туннеля в Вирджинии и сбежало, разорвав на кусочки расчет орудия, установленного перед входом в туннель для предотвращения подобного поворота событий. Второе чудовище погибло, когда в него угодила единственная выпущенная из пушки снаряд.

По неподтвержденным сведениям, кроме артиллеристов погибло еще несколько человек.

Свидетели утверждают, что чудовище огромное и движется необычайно быстро. Наружности его никто не рассмотрел. «Оно промчалось мимо на сумасшедшей скорости, где уж тут что разглядеть», — заявил один свидетель. Чудовище

исчезло через какие-то секунды после того, как покинуло туннель. Трудно даже предположить, где оно сейчас».

— Мистер Мэннинг, — произнес чей-то голос.

Мэннинг поднял голову. У стола стоял посыльный.

— Фотографии мистера Прайса, — сообщил юноша. Мэннинг взял снимки, бросил взгляд на верхний, и у него перехватило дыхание.

— Господи Иисусе! — воскликнул он, — Вы только посмотрите!

Такую фотографию оторвал бы с руками пресс-агент какой-нибудь киностудии, выпускающей фильмы ужасов. Правда, изображение было начисто лишено той неправдоподобности, которой грешат рекламы подобных фильмов. Существо на снимке готовилось, по-видимому, напасть на орудийный расчет; чувствовалось, что движется оно поистине стремительно. Бентли удалось запечатлеть тварь во всей ее красе — оскаленная пасть, сверкающие когти занесенной для удара лапы, извивающиеся щупальца вокруг толстой шеи, ненависть во взгляде, вздыбленная шерсть на загривке. Существо буквально источало злобу. Это был зверь, но не обыкновенный зверь. В нем было что-то такое, от чего бросало в дрожь; оно внушало не трепет, а чужеродный, беспричинный, панический ужас.

Мэннинг разложил фотографии на столе, словно колоду карт. Все они способны были испугать кого угодно. Две из них зафиксировали — в меньшей, нежели хотелось Мэннингу, степени — гору трупов на месте выхода из туннеля и тушу чудовища поверх раздавленных человеческих тел.

— Чертов Прайс, — пробормотал Мэннинг, — Не удосужился, видите ли, снять, как это чучело нападает на пушку!

Глава 23

— Мы не можем отменить ваше выступление, — сказал Уилсон, обращаясь к президенту. — Ситуация и без того напряженная. Но если вы откажетесь выступить, она станет

гораздо хуже. Нужно лишь прибавить параграф или два, в самом начале. Например, что события в Вирджинии произошли совсем недавно, поэтому вы пока воздерживаетесь от комментариев. Заодно уверите граждан, что тварь будет найдена, отловлена и уничтожена, что мы уже выследили ее...

— Увы, — вздохнул президент, — Мы не имеем ни малейшего представления, где она может быть. Никаких сообщений, хотя прошло достаточно времени. Вы помните слова Гейла относительно того, что они передвигаются очень быстро? За ночь это существо вполне способно добраться до гор Западной Вирджинии, где его ни за что не отыщешь.

— Тем более вам надо выступить, — заявил Фрэнк Говард, коллега Брэда Рейнолдса по работе над текстом, — Страна вот-вот начнет сходиться с ума от страха, и мы должны успокоить население.

— Знаете, Фрэнк, — отозвался президент, — я не испытываю большого желания успокаивать страну. Поймите же наконец, вопрос вовсе не политический, а куда более серьезный! Я не ведаю, насколько велика опасность, но то, что она существует, неоспоримо. Я попросил Гейла поделиться с нами своими соображениями. Так или иначе, ему известно больше нашего.

— Сэр, вы почему-то отказываетесь понять вот что: страна хочет услышать вас, — сказал Уилсон. — Люди хотят, чтобы их ободрили, по крайней мере уверили, что власть не бездействует. Ваше появление на телеэкране послужит доказательством того, что еще не все потеряно. Народу нужно подтверждение, что правительство работает...

Селектор на столе президента издал звуковой сигнал.

— Да? — проговорил Хендерсон.

— Срочное сообщение для мистера Уилсона, сэр. Вы позволите?

Президент снял трубку и протянул ее Уилсону.

— Это Генри, — сообщил голос Ханта. — Прошу прощения за назойливость, но мне показалось, вам нужно знать. АП утверждает, что в Висконсине пропал еще один туннель.

— Просто пропал? Не как в Вирджинии? Никто не провалился?

— По всей видимости, нет. В сообщении сказано «пропал». Исчез без следа.

— Спасибо, Генри, спасибо, что позвонил.

Уилсон вернул трубку президенту и сказал:

— Исчез второй туннель. Я полагаю, его уничтожил заградительный отряд. Помните, Гейл упоминал, что они оставили заслоны на крайний случай?

— Да, помню, — отозвался президент, — Вероятно, инопланетяне наступают. Неприятно, черт возьми. Какое требуется мужество, чтобы совершить подобное! Должно быть, у тех, кто защищал туннель в Вирджинии, не было возможности взорвать его.

— Выступление, сэр, — произнес Рейнолдс. — Времени осталось в обрез.

— Ну что ж, вы меня убедили. Только никаких фраз насчет того, что мы почти поймали чудовище.

— Вам придется объяснить людям, что оно такое, — сказал Уилсон, — Наверное, следует признать, что гости из будущего бегут от таких вот тварей.

— Начнется шум, — заметил Рейнолдс, — дескать, надо закрыть туннели.

— Пускай шумят, — ответил президент, — Иного способа, кроме стрельбы прямой наводкой, мы не знаем. А стрелять без причины в беженцев — наших собственных потомков — я не позволю.

— Артиллерия вряд ли понадобится, — проговорил Говард. — Раз пропал один туннель, значит, будут пропадать и другие. Возможно, они все исчезнут через несколько часов.

— Надеюсь, что нет, — возразил президент. — Что бы ни случилось в дальнейшем, какие бы трудности нас ни ожидали, я уповаю на то, что спасутся все — или почти все.

— Пришел мистер Гейл, — сказала, выглядывая из-за двери, Ким.

— Пригласите его.

Гейл вошел торопливым шагом, споткнулся, однако устоял на ногах. Он остановился у президентского стола. Лицо его выдавало душевные муки.

— Мне очень жаль, сэр, — начал он. — От имени моих товарищей и от своего собственного приношу вам искренние соболезнования. Мы полагали, что приняли все меры...

— Садитесь, мистер Гейл, — предложил президент, — Вы можете нам помочь. Мы рассчитываем на вашу помощь.

— Очевидно, вы имеете в виду инопланетянина, — проговорил Гейл, усаживаясь на краешек кресла, — Вы хотите побольше узнать о нем. Я бы рассказал вам днем, если бы не все остальное, и потом, мне...

— Мистер Гейл, я верю тому, что вы сделали все от вас зависящее, чтобы обеспечить защиту туннелей. Нам необходима ваша помощь. Мы должны знать особенности этого существа, его образ жизни. Иначе нам его не поймать.

— По счастью, оно одно, — заметил Рейнолдс. — Когда мы...

— К сожалению, — прервал Гейл, — я вынужден огорчить вас. Инопланетяне бисексуальны.

— Что означает...

— Самое худшее, — закончил Гейл. — Молодняк вылупляется из яиц. Любой взрослый откладывает оплодотворенные яйца, причем в громадных количествах. Вылупившись, молодняк не требует заботы, вернее, не получает ее, и...

— Значит, — подытожил президент, — надо поймать его, пока оно не отложило яйца.

— Боюсь, что вы опоздали, — сказал Гейл, — Из того, что нам известно об инопланетянах, я делаю вывод, что вырвавшееся на волю существо примется откладывать яйца уже через несколько часов после того, как покинуло туннель. Оно почувствует серьезность положения. Вы должны привыкнуть к мысли, что инопланетяне — не просто звери. Если

бы они были только зверями! Они разумны; да, они проявляют ритуальную — так нам кажется — жестокость, но отсюда вовсе не следует, что эти твари глупы. Тот, о ком мы говорим, знает, что, кроме него, здесь нет никого, следовательно, будущее вида зависит от него, и ни от кого другого. И проблема заключается в том, что упомянутое существо сознает этот факт как на духовном, так и на телесном уровне. Оно мобилизует резервы организма и примется откладывать яйца — столько, сколько сможет. Вдобавок, понимая, что вскоре на него начнут охотиться, а следовательно, в опасности окажутся и кладки, оно постарается отложить яйца в разных местах, весьма удаленных друг от друга. Оно станет искать укромные уголки, в которых и спрячет яйца, и добраться до последних будет крайне трудно. Оно сражается не за себя, но за вид как таковой.

— Иными словами, — нарушил установившееся напряженное молчание президент, — вы считаете, что нам его не перехватить.

— Полагаю, да, — ответил Гейл. — Возможно, оно уже отложило яйца и наверняка отложит еще. Вероятно, мне надо было обнадежить вас хотя бы для того, чтобы извиниться таким образом за наше преступное небрежение. Однако я счел за лучшее сказать правду. Мне очень жаль, сэр.

— Должно быть, оно направляется к горам, — заметил президент. — Насколько я помню, горы находятся именно к западу оттуда.

— Оно прекрасно ориентируется на местности, — подтвердил Гейл. — География ведь ничуть не изменилась за пятьсот лет.

— Что ж, тогда нужно преградить ему путь, а если не удастся — эвакуировать население прилегающих районов, — произнес президент.

— Сэр, я знаю, что у вас на уме, — подал голос Уилсон. — Вы хотите применить ядерное оружие. Умоляю вас, сэр, подумайте еще раз! Ситуация далеко не безвыходная! Чем обернется взрыв атомной бомбы...

— Стив, вы торопитесь с выводами. Я согласен с вами — ситуация далеко не безвыходная.

— Господа, — вмешался Гейл, — позвольте мне предостеречь вас. Не стоит недооценивать врага. Он разумен и жесток, он привык убивать и будет бороться до конца. Сейчас, при сложившихся обстоятельствах, он, скорее всего, попытается уклониться от схватки, предпочтет сражению бегство, дабы обеспечить выживание вида. Но загоните его в угол — и он нападет первым. Он не боится смерти.

— Мы поняли, — проговорил президент, — Но вот что меня заботит...

— Я вас слушаю, сэр, — отозвался Гейл.

— Вы сказали, что готовы предоставить нам спецификации и чертежи для строительства туннелей.

— Да.

— Я имею в виду следующее, — продолжал президент. — Если мы собираемся что-либо предпринять, нам надлежит действовать быстро. В случае промедления может возникнуть социально-экономический кризис, а уж о политическом я и не говорю. Надеюсь, вы понимаете, мистер Гейл. Появление же чудовища сократило отпущенное нам на размышление время до минимума. Поэтому мне представляется, что необходимо немедленно передать документы и организовать встречу ученых.

— Мистер президент, — проговорил Рейнолдс, — до вашего выступления осталось меньше двух часов.

— Да-да, — откликнулся президент, — Прошу прощения, что задержал вас, Брэд. Стив, подождите минутку.

— Спасибо, сэр, — сказал Говард и последовал за Рейнолдсом к выходу.

— О чем бишь мы? — спросил президент. — Ах да, я говорил, что нужно разобраться с туннелями. Я распоряжусь, чтобы наши специалисты вошли в контакт с вашими...

— Значит ли это, сэр, что вы поможете нам?

— Очевидно, да, мистер Гейл, хотя в настоящий момент я не могу ничего утверждать с полной ответственностью. Но

мне кажется, что выбора у нас нет. Оставить вас у себя мы не в состоянии, поскольку мир и без того изнемогает от перенаселенности и подобный шаг приведет к развалу экономики. Для начала мы переговорим с нашими физиками и выясним суть вопроса: какие понадобятся материалы и средства производства, сколько потребуется рабочих рук и так далее. Не зная всего этого, мы не сможем приступить к выработке плана. И потом, нужно подобрать места для строительства.

— Тут можно не беспокоиться, сэр, — сказал Гейл. — Наши геологи провели теоретическое исследование поверхности планеты в эпоху миоцена. Ведь, отправляясь наугад, запросто можно было бы выйти из туннеля прямо в океан или в жерло вулкана. Нет, мы составили карты подходящих участков, на которые следует опираться в работе. Конечно, ошибки не исключаются, но их вероятность достаточно мала.

— Хорошо, — ответил президент, — вы меня убедили. Теперь же...

— Люди, с которыми вы хотите побеседовать, — прервал Гейл, — были в числе первых, кто вышел из туннелей. Что касается нашего туннеля, ученые, по всей видимости, находятся там, куда свозят беженцев из Вирджинии.

— То есть в Форт-Майере, — проговорил президент, — либо в одном из палаточных городков.

— Я могу перечислить вам имена, — продолжал Гейл, — но мне все равно придется сопровождать того, кто поедет разыскивать их, потому что без меня они откажутся сотрудничать. Поймите нас правильно, сэр. Мы не можем допустить, чтобы информация попала в руки людей, которые не являются законной властью.

— Мне не хотелось бы вас отпускать, — президент нахмурился, — даже на короткий срок. Нет, вы ни в коем случае не пленник и вольны приходить и уходить по собственному желанию. Но может случиться, что нам срочно понадобится ваш совет. Сведения, которыми мы располагаем, крайне

скудны. Вы по мере сил просвещаете нас, однако возможно всякое...

— Понимаю, — сказал Гейл, — Тогда, если не возражаете, поедет Элис. Нужно будет только дать ей записку от меня на официальном бланке Белого Дома.

— Чудесно, — согласился президент. — Стив, вы не откажетесь прогуляться?

— Нет, сэр. Но мою машину забрала Джуди.

— Возьмите государственную, вместе с водителем. Пожалуй, вам не помешает сопровождающий из ЦРУ. Достаточно глупая мера предосторожности, но кто знает... — Президент провел ладонью по лицу. — Будем уповать на Бога, мистер Гейл, чтобы Он не обошел нас Своей милостью. Нам предстоит выдержать много такого, что способно разрушить и проверенную временем дружбу. Надеюсь, у вас крепкая спина и толстая шкура.

— Думаю, да, — отозвался Гейл.

Глава 24

Генеральный прокурор принимал своего старого друга. В Гарварде они были соседями по комнате и с тех пор не теряли один другого из виду. Рейли Дуглас знал, что назначением на столь высокий пост и всем, что с этим связано, обязан Клинтону Чепмену, человеку, который руководил крупнейшим промышленным комплексом и постоянно вносил в партийную кассу весьма кругленькие суммы.

— Извини, что отвлекаю, — сказал Чепмен, — но много времени я у тебя не отниму.

— Я рад, что ты зашел, — ответил Дуглас, — Признаюсь сразу: я отказался сходить с ума заодно со всеми. Не то чтобы я не верю, тут деваться некуда; просто к чему такая спешка? Президент проглотил историю о путешествии во времени и даже не поморщился, тогда как, на мой взгляд, ему следовало все хорошенько взвесить.

— Я согласен с тобой, — проговорил Чепмен, — целиком и полностью. Я созвонился утром кое с кем из физиков. Тебе, должно быть, известно, что на нас работает немало выдающихся ученых. Так вот, я созвонился с некоторыми из них, мы провели нечто вроде экспресс-анализа вероятности существования временных туннелей...

— И тебе сказали, что подобного не может быть.

— Ты ошибаешься, — возразил Чепмен, — Никто из физиков не сумел объяснить суть процесса, но они сообщили — я, откровенно говоря, удивился, — что, оказывается, изучение направленности движения времени и того, почему оно движется именно так, а не иначе, ведется уже добрый десяток лет. Они запутали меня своими терминами, которых я никогда раньше не слышал; например, все твердили про векторы времени и пограничные условия. Насколько я разобрался, векторы времени можно рассматривать с различных точек зрения: статистической, биологической, термодинамической и прочих, чьи названия вылетели у меня из головы. Физики рассуждали о принципе запаздывания волны и роли случайности, потом затеяли спор об уравнениях симметричного поля, и мне пришлось вернуть их на землю. Короче, вывод таков: с позиций современной науки путешествия во времени невозможны, однако природа материи никоим образом им не препятствует. Ворота, так сказать, приотворены, нужно лишь надавить на них плечом, и тогда невозможное станет возможным.

— То есть через сто или двести лет...

— Совершенно верно, — кивнул Чепмен. — Физики попробовали было посвятить меня в подробности, но я не выдержал, поскольку мне не хватает базовых знаний. Они говорят на своем собственном языке, который для людей вроде нас с тобой непонятнее иностранного.

— Значит, возможно, — произнес Дуглас. — Выходит, беженцы не обманывали. Никакое иное объяснение не годится. Тем не менее я лично верю с трудом.

— Скажи мне, пожалуйста, — попросил Клинтон Чепмен, — что конкретно намерено предпринять правительство? Да, я знаю, что собираются построить новые туннели, чтобы отправить пришельцев дальше в прошлое. Но они представляют, во что это обойдется? Сколько займет времени? Или...

— Ничего они не представляют, — перебил Дуглас, — ничегошеньки. У них нет ни единой цифры, ни единого параметра для расчетов. Но, так или иначе, нужно что-то делать. Людям из будущего здесь не место. Мы не вынесем такого бремени, а потому должны каким-то образом избавиться от них.

— Сдается мне, — проговорил Чепмен, — денег потребуется море. А уж какой поднимется шум! Налогоплательщики сегодня цепляются за каждый цент, а налоги неминуемо возрастут.

— На что ты намекаешь, Клинт?

— Я? Да так, хочу предложить сделку.

— Очередную? — усмехнулся Дуглас. — Ты завязанный игрок, Клинт.

— Как я уже сказал, денег потребуется море.

— Проект будет финансироваться из бюджета.

— Разумеется. Из чего следует, что на выборах в будущем году мы наверняка потерпим поражение. Тебе известно, что я не скупился на пожертвования. И крайне редко делал их ради сиюминутной выгоды. Пойми, я не прошу вознаграждения. Нет, мой план в случае успеха обещает обернуться громадной прибылью — не только для партии, но и для всей страны.

— Очень благородно с твоей стороны, — отозвался Дуглас, не совсем довольный оборотом, который начал принимать разговор.

— Мне, конечно же, потребуются расчеты, — продолжал Чепмен, — но в целом я готов взяться за постройку туннелей, если их будут строить и если стоимость строительства не превысит мои возможности.

— В обмен на?..

— В обмен на эксклюзивную лицензию на постройку и использование туннелей.

— Не знаю, не знаю. — Дуглас нахмурился. — Не уверен, что это законно. К тому же следует учитывать международный аспект...

— Если ты пораскинешь мозгами, — прервал Чепмен, — то точно что-нибудь придумаешь. Ты же знаток законов, Рейли!

— Вероятно, я прослушал. Зачем тебе лицензия? К чему Клинтону Чепмену туннели?

— Пришельцы уйдут, а туннели останутся. Найдется немало людей, которых заинтересует идея путешествия во времени. Новый вид туризма, Рейли! Попадешь туда, куда раньше забирался разве что во сне!

— Бред!

— Не такой уж и бред. Вообрази себя на месте охотника, который получил возможность отправиться на охоту в доисторическую эпоху. Университеты начнут посылать экспедиции для изучения мест обитания динозавров. Историки продадут черту душу, только бы узнать, что произошло на самом деле под стенами Трои...

— А церковь, — докончил Дуглас язвительно, — потребует билеты в партер на спектакль под названием «Распятие Христа».

— Почему бы нет? — хмыкнул Чепмен, — Разумеется, такое дело нельзя пускать на самотек. Необходимы правила пользования, нужна система безопасности, предохраняющая историю от вмешательства...

— У тебя ничего не получится, — заявил Дуглас. — Нам сказали, что путешествия во времени возможны в единственном направлении, в прошлое. Попав туда, ты уже не вернешься. Путь будет закрыт.

— Не согласен, — возразил Чепмен, — Похоже, наши с тобой источники сведений сильно расходятся во мнениях. Мои физики утверждают, что, обретя способность перемещаться во времени, можно двигаться по нему в обоих

направлениях. Они полагают, что иначе не может быть, поскольку трудно представить, чтобы движение осуществлялось лишь в одну сторону. Если ты очутился в прошлом, ничто не мешает тебе перепрыгнуть в будущее, все зависит от твоего желания. Так что, по-моему, твои доводы не выдерживают критики.

— Клинт, я не...

— Поразмысли на досуге, Рейли. Посмотри, как развивается ситуация, прикинь свои возможности. Разумеется, если дело выгорит, то можешь рассчитывать на мою благодарность.

Глава 25

— Объясните мне, пожалуйста, что же такое пикник, — попросила Элис Гейл, — Помните, высказали...

— Стив приглашал вас на пикник? — перебил агент ЦРУ, — Смотрите не попадитесь на удочку.

— Но я даже не знаю, что такое пикник, мистер Блэк, — ответила девушка.

— Все очень просто, — сказал Уилсон, — Отправляетесь в парк или в лес и обедаете на природе.

— Ой, мы тоже так делаем, — воскликнула Элис, — только не называем такую прогулку пикником. Кажется, мы ее вообще никак не называем. Во всяком случае, я не слышала, чтобы ее как-то называли.

Машина медленно продвигалась к воротам. Водитель сидел за рулем неестественно прямо, словно ему было не по себе.

У ворот пришлось остановиться: к машине подошел человек в военной форме.

— Что происходит? — удивился Уилсон, — Меня никто не предупредил.

— Вояки, — хмыкнул Блэк, пожимая плечами. — Белый Дом оцеплен со всех сторон. В парке поставили минометов и прочей дребедени. Куда ни сунься, везде армия.

— Президент знает?

— Вряд ли. Скорее всего, ему не позаботились сообщить.

Солдат шагнул назад, ворота распахнулись, машина выехала на улицу и покатила к мосту.

— Где народ? — спросил Уилсон, глядя в окошко. — Вечер воскресенья, туристический сезон в самом разгаре, а на улицах ни единой живой души.

— Вы слышали новости? — справился Блэк.

— Разумеется.

— Все попрятались. Закрылись в домах. Опасаются, что на них нападет чудовище.

— У нас очень много мест для пикников, — сказала Элис Гейл. — Парки, дикая природа — гораздо больше, чем у вас. Тут всюду люди. Но мне даже нравится: я каждую минуту узнаю что-то новое.

— Вы наслаждаетесь новизной, — заметил Уилсон.

— Вы правы, наслаждаюсь. Впрочем, меня преследует чувство вины. Нам с отцом следовало бы быть с нашими соотечественниками. Но... Да, я рассказывала о том, как мы жили. Нам досталось хорошее время, конечно, если не считать инопланетян, вернее, того периода, когда они стали нападать на нас. Это началось лишь в последние годы. Мы не то чтобы не обращали на них внимания, нет; мы говорили про них, никогда не забывали о том, что они существуют. Что касается меня, они вошли в мою жизнь буквально с первых дней. Порой они изводили нас настолько, что мы принимались оглядываться через плечо; они следовали за нами по пятам. Мы говорили о них, изучали...

— Изучали? — переспросил Уилсон, — Каким образом? Кто именно?

— Биологи, — ответила девушка, — Время от времени в руки ученых попадало тело инопланетянина. Да, биологи, а также психологи и психиатры, равно как и эволюционисты...

— Эволюционисты?

— Ну да, эволюционисты. Ведь инопланетяне, такие, какими мы их знаем, возникли в результате весьма любопытной эволюции. Они как будто могут контролировать процесс собственного развития, даже управлять им. Мне кажется, мой отец говорил вам об этом. За всю свою долгую историю они не утратили ни единого физического признака, который появлялся у них на той или иной стадии эволюции и обещал оказаться полезным для выживания вида. Они не шли на компромиссы с природой, не приобретали одно взамен другого, а сохраняли то, что им было нужно, и одновременно вносили в организм необходимые «усовершенствования». Их можно назвать приспособленцами, в смысле — существами с высокой степенью адаптации к природным условиям. На любое изменение окружающей среды они реагируют практически мгновенно...

— Такое впечатление, — проговорил Блэк, — что вы — не лично вы, а ваш народ — восхищается этими тварями.

— Мы ненавидим и боимся их, — произнесла Элис, покачав головой, — Иначе с какой стати нам было убегать? Однако я согласна с вами: мы испытываем перед ними нечто вроде благоговения, которое стараемся скрыть всеми правдами и неправдами.

— Вон Линкольн, — подал голос Уилсон, — Вы, разумеется, знаете, кто он такой?

— Конечно. Моего отца поселили в спальне Линкольна.

Впереди показался мемориал — мраморный старик в мраморном кресле на фоне ночного неба. Автомобиль проехал мимо, и вскоре памятник исчез из виду.

— Будь у нас время, — сказал Уилсон, — мы могли бы на досуге осмотреть его. Или вы уже видели... Ах да, в ваше время Белый Дом...

— Мемориал тоже, — отозвалась девушка, — Осталась только часть, меньше половины. Камни все рассыпались.

— Что такое? — не понял Блэк.

— В том времени, из которого пришли наши гости, — пояснил Уилсон, — Вашингтона не существует. Белый Дом разрушен.

— Не может быть! Почему? Война?

— Нет, не война, — ответила Элис. — Мне трудно объяснить, потому что я плохо понимаю сама. Пожалуй, наиболее точным определением будет «экономический коллапс». Кстати, заодно с экономикой, на мой взгляд, погибла и этика. Галопирующая инфляция достигла немыслимых высот, в обществе распространился цинизм, вера в правительство была подорвана, что привело к его падению, нехватка природных ресурсов стала ощущаться все острее, а пропасть между богатыми и бедными расширилась настолько, что вышла за пределы разумного. В один прекрасный день все рухнуло. Я имею в виду не только это государство, но и остальные мировые державы. Экономика была уничтожена, правительства пали, улицы заполнили беснующиеся толпы, которые принялись крушить все подряд. Извините, я не умею рассказывать так, чтобы меня было интересно слушать.

— Значит, вот что нас ждет? — проговорил Блэк.

— Не думаю, — отозвался Уилсон, — Вполне возможно, нам удастся избежать подобной участи. Мы теперь на ином пути развития.

— Вы что, сговорились? — буркнул Блэк, — Несете оба какую-то ерунду...

— Простите, пожалуйста, мистер Блэк, — сказала девушка.

— Не обращайтесь внимания, — фыркнул Блэк, — Просто высокие материи не для меня. Я всего-навсего образованный полицейский. Стив вам подтвердит.

Глава 26

Преподобный доктор Энгус Виндзор был хорошим человеком, отличался милосердием и склонностью творить

добро. Он являлся пастором церкви, которая основывалась на благополучии прихожан, имела длительную историю и была отмечена некоторым изяществом, что, впрочем, не мешало ему отправляться туда, где процветала нужда, то бишь за пределы прихода. Преподобного Виндзора видели в гетто и на демонстрациях, рядом с теми, кто падал под ударами полицейских дубинок. Узнав, что та или иная семья страдает от недостатка пищи, он однажды появлялся на пороге с сумкой продуктов, а перед тем как уйти, ухитрялся обнаружить в своих карманах несколько долларов, без которых вполне мог обойтись. Он регулярно навещал заключенных в тюрьмах и стариков в домах призрения, где хорошо знали его величественную походку, покатые плечи, длинные седые волосы и смиренное выражение лица. Отдельные влиятельные члены интеграции упрекали преподобного доктора в том, что он не избегает славы, наоборот, стремится к ней, что недостойно служителя церкви, однако Энгус Виндзор, похоже, игнорировал замечания подобного рода; по слухам, он как-то сказал своему закадычному другу, что это до смешного малая цена за привилегию творить добро. Хотя, что он имел в виду — славу или критику, — осталось неясным.

Поэтому журналисты ничуть не удивились, встретив доктора Виндзора поблизости от того места, где находился выход из туннеля, уничтоженного орудийным залпом. Они тут же окружили старика.

— Что вы здесь делаете, доктор Виндзор? — спросил один.

— Я пришел, — ответил преподобный Энгус, — чтобы предложить страждущим утешение и оделить их толикой благодати, которая дарована мне. Военные не хотели меня пускать, но я убедил их. А как сюда попали вы?

— Некоторым удалось уговорить охрану, другие вынуждены были бросить машины и идти пешком.

— А за меня заступился Господь, — произнес доктор.

— Как это?

— Он внушил солдатам уважение к сану, и они пропустили меня. Но прошу прощения — меня ждут страждущие, — Он указал на многочисленную толпу беженцев.

Мертвое чудище валялось посреди лужайки брюхом вверх, выставив на всеобщее обозрение свои когтистые лапы; щупальца, подобно змеям, стлались по земле. Большую часть трупов уже убрали, а тех, кто остался, накрыли одеялами. Чуть в стороне лежала на боку пушка.

— Скоро прибудет команда, которая заберет эту тварь, — сказал кто-то из репортеров, — Армейские спецы желают как следует рассмотреть ее.

Прожектора, укрепленные на деревьях, заливали оцепленный участок призрачным светом. В темноте заходилась в кашле переносной двигатель. Грузовики подкатывали один за другим, забирали часть людей и исчезали в ночи. Время от времени слышались усиленные мегафоном команды.

Доктор Виндзор, ведомый чутьем, что выработалось у него за годы службы на благо общества, направился к группе беженцев, в которой было больше всего народу, на перекресток, освещенный тусклым уличным фонарем. Беженцы в массе своей толпились на мостовой; лишь кое-кто предпочел усесться на бордюр или расположиться на лужайке. Доктор подступил к стайке женщин: он всегда начинал именно с женщин, поскольку они, как правило, оказывались восприимчивее к его проповедям, нежели мужчины.

— Я пришел, — заговорил священник, стараясь, чтобы его слова прозвучали не слишком напыщенно, — предложить вам утешение Господа. В такое время всем нам надлежит обратиться к Нему.

Женщины недоуменно уставились на доктора Энгуса, некоторые сделали шаг назад.

— Вы видите перед собой преподобного Виндзора, — продолжал доктор. — Я прибыл из Вашингтона. Я иду туда, где нужен. Я откликаюсь на зов. Прошу вас, присоединитесь ко мне в молитве.

— Пожалуйста, уходите, — произнесла, выступив вперед, высокая и статная пожилая женщина.

— То есть как? — всплеснул руками Виндзор. — Я лишь...

— Мы знаем, чего вы хотели, — прервала женщина, — и благодарим вас за заботу. Мы знаем, что вас вела доброта.

— Вы не можете прогнать меня, — преподобный Энгус оправился от неожиданности, — не можете отвечать за всех, отнимать у них...

— Друг мой, — сказал на ухо священнику какой-то мужчина, стискивая его локоть, — умерьте свой пыл.

— Но эта женщина...

— Знаю. Я слышал ваши слова. Она говорит за всех нас.

— Не понимаю.

— Вам и не нужно понимать. Пожалуйста, уходите.

— Вы отвергаете мою помощь?

— Нет, сэр, дело не в вас. Мы отвергаем догмы, которых придерживаетесь вы.

— То есть христианство?

— Не только христианство. Логическая революция, которая произошла около ста лет тому назад, покончила со всеми религиями. Наше неверие не уступает крепостью вашей вере, однако мы не навязываем вам своих убеждений. Будьте любезны, поступите по-добрососедски.

— Немыслимо, — пробормотал преподобный доктор, — Не верю собственным ушам! Никогда не поверю! Тут какая-то ошибка! Я лишь намеревался присоединиться к вашим молитвам.

— Священник, мы давно не молимся.

Доктор Виндзор развернулся и побрел как слепой туда, где его поджидали газетчики. Пребывая в расстроенных чувствах, он то и дело ошеломленно качал головой. Невероятно! Нет, не может быть! Недопустимо! Кошунственно! После стольких лет борьбы и поисков истины, после того, как мир приобрел множество святых, — нет-нет, об этом не может быть и речи!

Генерал Дэниел Фут, командир военной базы Форт-Майер, ожидал их в своем кабинете, где кроме него находились еще трое.

— Вам не следовало приезжать одним, — сказал он Уилсону, — Я так и заявил президенту, но он меня не послушал. Я предложил выслать конвой, однако он отказался; мол, не стоит привлекать лишнего внимания.

— Мы добрались живыми и здоровыми, — проговорил Уилсон.

— Времена нынче беспокойные, — заметил генерал.

— Генерал Фут, позвольте представить вам мисс Элис Гейл. Ее отец — тот человек, который сообщил нам все, что мы знаем.

— Рад познакомиться, мисс Гейл, — сказал генерал. — Эти трое джентльменов кое-что рассказали мне о вашем отце. А, мистер Блэк, хорошо, что хоть вы сопровождаете их.

— Спасибо на добром слове, сэр.

— Теперь моя очередь, — заявила Элис, — Доктор Хардвик, точнее, доктор Николас Хардвик. Мистер Уилсон, мистер Блэк. Доктор Хардвик — Альберт Эйнштейн нашего времени.

— Не перехвали меня, милая, — улыбнулся крупный, нескладный, похожий на медведя мужчина. — Иначе вполне может случиться, что я сяду в лужу. Господа, мне очень приятно приветствовать вас. Вы были вправе повернуться к нам спиной, однако предпочли протянуть руку помощи, за что вам огромное спасибо. Должно быть, ваш президент — необыкновенный человек.

— Мы тоже так считаем, — сказал Уилсон.

— Доктор Уильям Каммингс, — продолжала Элис. — Доктор Хардвик живет с нами в одном городе, а доктор Каммингс прибыл из района Денвера. Наши руководители, в том числе мой отец, сочли, что им обоим необходимо присутствовать на встрече с вашими учеными.

— Рад, очень рад, — проговорил Каммингс, лысый карлик с морщинистым личиком, — Поверьте, мы искренне сожалеем о том, что произошло в туннеле.

— И наконец, — закончила Элис, — доктор Эбнер Осборн, старинный друг нашей семьи.

— Мои коллеги — физики, — сообщил Осборн, обнимая девушку за плечи, — я же принадлежу к менее выдающейся разновидности ученых, то бишь к геологам. Элис, как поживает твой отец? Я искал его у туннеля, но так и не нашел.

Генерал потянул Уилсона за рукав. Пресс-секретарь подчинился.

— Что вам известно о чудовище? — справился Фут.

— Ничего нового. Мы предположили, что оно направляется к горам.

— Полагаю, вы правы. Мы получили ряд сообщений. Так, скорее слухи, а не сообщения. Все с запада: Харперс-Ферри, Страсбург, Люрей. Навряд ли им можно верить. Кто способен перемещаться с такой скоростью? Вы уверены, что на волю вырвалось лишь одно чудовище?

— Кому быть уверенным, как не вам? — ответил вопросом на вопрос Уилсон. — Там были ваши люди. В сообщении утверждалось, что чудищ было двое: одно погибло, а другому удалось бежать.

— Да-да, я знаю, — пробормотал Фут, — Мы перевезли мертвую тварь на базу.

Интересно, подумалось Уилсону, что беспокоит генерала? Он прямо места себе не находит. Может, он знает то, что еще не дошло до Белого Дома?

— К чему вы клоните, генерал?

— Ни к чему, ровным счетом ни к чему.

Сукин сын, мысленно выругался Уилсон. Пытается вызвать, что творится в Белом Доме, чтобы потом было о чем рассказывать в офицерском клубе!

— Мне кажется, — заметил Уилсон, — пора ехать.

В машине все разместились следующим образом: Блэк сел впереди, рядом с водителем, Элис и двое физиков — сзади, а Уилсон и Осборн устроились на откидных сиденьях.

— Вам, вероятно, нелегко понять, зачем на встречу пригласили геолога? — спросил Осборн.

— Да, — признался Уилсон, — но отсюда не следует, что мы вам не рады.

— Дело в том, — пояснил Осборн, — что в ходе разговора могут возникнуть вопросы относительно миоцена.

— То есть относительно нашего переселения туда. Относительно ухода в прошлое вслед за вами.

— Это единственный способ разрешения проблемы.

— Иными словами, вы убеждены, что за первым чудовищем прорвутся и другие? Что в конце концов их окажется столько, что мы вынуждены будем спастись бегством?

— Разумеется нет, — отозвался геолог. — Мы надеялись, что не прорвется вообще никто, приняли, как нам казалось, все меры предосторожности. Не могу представить, что случилось. Я не думаю, что это чудовище...

— Всего лишь не думаете?

— Увы... Они чертовски умны. Кто знает, на что их хватит. Пожалуй, вам нужно побеседовать с нашими биологами.

— Тогда зачем нам уходить в прошлое?

— Вы приближаетесь к опасной точке, — ответил Осборн. — Все признаки налицо. Да, я знаю, что вы перешли на иной путь развития и пойдете другой дорогой. Однако вполне возможно, что переход совершился слишком поздно. Наверно, вам следует обратиться к нашим историкам...

— Вы говорите об экономическом коллапсе. Элис упоминала, что в вашем времени Вашингтона не существует, равно как и, очевидно, Нью-Йорка, Чикаго и всех прочих городов.

— Понимаете, — сказал Осборн, — у вас нарушено равновесие. Боюсь, его уже не восстановить. Ваша экономика в

кризисе, а социальные противоречия с каждым днем становятся все острее.

— Так что же, бегство в миоцен исправит положение?

— Вы все начнете заново.

— Не уверен, — произнес Уилсон.

— Президент уже должен выступать, — вмешался в разговор Блэк. — Не возражаете, если я включу радио? — Не дожидаясь ответа, он повернул рукоятку приемника.

— ...мало что могу вам сказать, поэтому мое выступление будет коротким, — раздался из динамика голос президента, — Мы по-прежнему занимаемся изучением поступающих сведений, поэтому мне представляется преждевременным говорить о каких-то выводах. Я сообщу вам только факты, ничего не скрывая. Все, что знаем мы, сейчас станет известно вам. Итак, факты таковы.

В будущем, которое наступит через пятьсот лет, на наших потомков напали пришельцы из космоса. Борьба продолжалась около двадцати лет, однако инопланетяне явно одерживали верх. Наши потомки решили отступить, пока еще существует сама возможность отступления. По счастью, они открыли способ путешествовать во времени, а потому смогли отступить в прошлое. Вот как они попали к нам. Они не намерены оставаться здесь и планируют уйти глубже в прошлое — так скоро, как только сумеют. Однако им требуется наша помощь. Они просят нас помочь с постройкой временных туннелей и, кроме того, снабдить их всем необходимым для того, чтобы обосноваться на новом месте. По причинам экономического характера, что, надеюсь, понимает каждый из вас, мы, а также другие государства не можем отказать им. Я думаю, мы не отказали бы в любом случае, ведь они — дети наших детей, наша собственная плоть и кровь. В данный момент правительство рассматривает методы оказания помощи. Мы столкнулись с множеством проблем, которые нужно разрешить. Мы их разрешим и приложим все усилия, чтобы помочь попавшим в беду. Всем нам придется чем-то пожертвовать. Я не сомневаюсь, что у вас

возник целый ряд вопросов. Обещаю вам, вы получите на них ответы, но позднее, ибо обстоятельства вынуждают нас к незамедлительным действиям. Трудно поверить, что все началось каких-нибудь несколько часов назад. Воскресенье выдалось хлопотным, не правда ли?

Президент говорил ровно, размеренно, как и подобает руководителю страны; однако, подумалось Уилсону, он наверняка испытывает нечто вроде отчаяния. Тем не менее Хендерсон — опытный, сведущий политик. Он все еще способен завладеть вниманием аудитории и убедить ее в собственной правоте. Уилсон ощутил прилив гордости за президента.

— Всем вам известно, — продолжал Хендерсон, — что из туннеля в Вирджинии вырвались двое инопланетян. Один погиб на месте, другому удалось бежать. Скажу вам честно: мы не знаем, где он скрывается, но всячески стараемся выяснить это, а когда найдем его, обязательно уничтожим. Мы обнаружим его — возможно, не сразу, но обнаружим. Я настоятельно прошу вас не придавать чрезмерного значения тому, что по планете разгуливает инопланетянин. Его поиски — одна из многих проблем, с которыми мы столкнулись, и далеко не самая важная. С вашей поддержкой, на которую, я знаю, мы вправе рассчитывать, нам не страшны никакие трудности.

Хендерсон сделал паузу. «Неужели все?» — подумал Уилсон и тут же упрекнул себя за поспешность; ведь президент не пожелал согражданам доброй ночи.

— Мне остается сказать вам следующее. По всей вероятности, вы примете мои слова в штыки, но я надеюсь, что по зрелом размышлении вы поймете: иначе было нельзя, того требовала ситуация. Только что я подписал указ о введении на территории страны чрезвычайного положения. Согласно этому указу, объявляется запрет на банковские и торговые операции, что означает, что деятельность банков и других финансовых организаций приостанавливается вплоть до дальнейших распоряжений. Цены и заработная плата будут

заморожены. Разумеется, подобное положение дел ненормально и долго не просуществует. ЧП будет отменено, когда конгресс и прочие ветви власти выработают свод правил для той ситуации, в которой мы оказались. Надеюсь, вы потерпите те несколько дней, в течение которых будет действовать ЧП. Поверьте мне: это решение принято не сгоряча и далось нелегко.

Уилсон медленно выдохнул, лишь теперь сообразив, что затаил дыхание. Да, мелькнула у него мысль, хорошенькая заварится каша! Корреспонденты изведут своими приставами: «Черт побери, Стив, почему вы нам не сказали? Зачем вам понадобилось водить нас за нос?» И ведь никто из них не поверит, что пресс-секретарь Белого Дома сам ни о чем не подозревал. В конце концов, могли бы и догадаться: подобный шаг вытекал из логики развития событий. Да и он тоже хорош — упустить из виду такую возможность. Интересно, президент с кем-нибудь советовался? Вряд ли, подумал Уилсон. Слишком мало прошло времени, и потом, надо было разбираться с другими проблемами.

Президент пожелал гражданам США спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер президент, — откликнулся Уилсон и удивился выражению лиц спутников.

Глава 28

В комнате для пресс-конференций было темно, лишь тускло светились лампочки притулившихся у стены телеэкранов. Уилсон прошел в свой кабинет и уселся за стол. Он потянулся было к выключателю настольной лампы, но вдруг передумал. В свете не было необходимости, а темнота исцеляла. Он откинулся на спинку кресла; впервые за весь день делать было нечего, однако он ощущал внутри себя грызущее беспокойство — именно от того, что срочных дел не предвиделось.

Президент, должно быть, давно уже в постели. Он обычно ложится спать довольно рано, а сейчас почти

полночь; к тому же ему не удалось подремать днем. Сэмьюэл Хендерсон стареет, подумал Уилсон, и такие встряски не для него. Стив вспомнил, каким усталым выглядел президент, когда приветствовал троих ученых из будущего.

— Вы слышали мое выступление, Стив? — спросил президент, когда ученые ушли.

— Да, в машине.

— И что вы думаете? Как отреагирует население?

— Поначалу плохо. Но затем, пораскинув мозгами, люди поймут, что к чему. Правда, Уолл-Стрит ударится в панику.

— Ничего, разберемся, — отмахнулся Хендерсон.

— Мистер президент, вы ложились бы спать. Денек выдался еще тот. Да, звонил Сэндберг, спрашивал, можно ли ему подъехать.

Интересно, во сколько он лег на самом деле?

Где-то, в одном из тайных помещений Белого Дома, беседовали ученые, снаружи продолжали выходить из своих туннелей люди из будущего, в горах к западу от Вашингтона рыскал во мраке инопланетный монстр. Все-таки верится с трудом. Все произошло настолько быстро, что рассудок отказывается принять случившееся как данность. Несколько часов спустя над миром взойдет заря нового дня, который будет во многих отношениях выдающимся, уникальным в истории человечества.

Из-под двери, что вела в приемную, пробивался свет. Должно быть, кто-то из корреспондентов дожидается новостей. Стука машинок не слышно — впрочем, какая работа среди ночи? Уилсон внезапно вспомнил, что так и не успел съесть свои сандвичи. Он как раз откусил кусочек, когда прибежал Брэд Рейнолдс. При мысли о сандвичах Стив почувствовал, что проголодался. Интересно, репортеры умяли все до последнего или хоть что-то оставили? Голод голодом, однако Уилсону не хотелось выходить на свет, тем более — с кем-либо заговаривать.

Так или иначе, подумалось ему, надо посмотреть, что там на телетайпах. Он выждал какое-то мгновение,

поднялся, пересек кабинет и подошел к аппаратам. Начнем с АП, старого доброго АП, которое никогда не гонится за сенсациями и которому можно доверять.

Сзади аппарата громоздились целые ярды рулонной бумаги с текстами сообщений. А вот, похоже, начало нового.

«Вашингтон (АП). Правительство намерено организовать поиски чудовища, из-за которого был уничтожен временной туннель в Вирджинии. Находятся свидетели, которые якобы видели инопланетянина, однако их показания не подтверждаются. Скорее всего, мы имеем дело с игрой чересчур разгулявшегося воображения. В район предполагаемого местонахождения чудовища перебрасываются армейские подразделения, отряды федеральной и местной полиции, но вряд ли они приступят к поискам до утра...»

Уилсон принялся бегло просматривать предыдущие сообщения.

«Лондон, Великобритания (АП). Заседание кабинета на Даунинг-Стрит продолжалось всю ночь и не закончилось с наступлением рассвета...

Нью-Дели, Индия (АП). В течение последних десяти часов поток людей и пшеницы из туннелей не ослабевал ни на секунду- Обе проблемы...

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк (АП). По поступающим сведениям, к утру можно ожидать демонстраций протеста не только в Гарлеме, но и в других кварталах. Горожане опасаются, что нашествие из будущего приведет к уменьшению продуктовых пособий и сокращению прочих социальных благ. В полиции отменены все отпуска, полицейские готовятся к переходу на 24-часовой рабочий день...

Вашингтон, округ Колумбия (АП). Президентское решение о запрете на банковские операции и замораживании заработной платы и цен вызвало неоднозначную реакцию...»

Москва, Мадрид, Сингапур, Брисбен, Богота, Каир, Киев... Ба, а это что?

«Нэшвилл, штат Теннесси (АП). Преподобный Джейк Биллингс, известный евангелист, призвал к крестовому

походу с целью “возвращения людей из будущего в объятия Христа”.

Он выступил со своим обращением после того, как узнал, что группа беженцев из недавно закрывшегося туннеля в Фоллз-Черче, штат Вирджиния, отвергла благословение преподобного доктора Энгуса Виндзора, знаменитого ва-шингтонского проповедника, заявив, что они отрицают не только христианство, но и остальные религии».

«Они пришли к нам за помощью, — сказал преподобный Биллингс, — но помощь, которую они ищут, не та, какую им следует оказать. Вместо того чтобы помочь им углубиться в прошлое, мы должны вернуть их к вере в Христа. Они бегут из будущего, спасая свои жизни, но уже утратили то, что неизмеримо важнее. Я не знаю, что побудило их отвернуться от Христа, зато знаю, что наша обязанность — вернуть их на дорогу, которой следуют души праведников. Я призываю всех христиан присоединиться к моим молитвам».

Уилсон дочитал до конца, вновь уселся за стол, включил свет, поднял телефонную трубку и набрал номер коммутатора.

— Джейн? Да, я узнал ваш голос. Это Стив Уилсон. Пожалуйста, соедините меня с преподобным Джейком Биллингсом. Он живет в Нэшвилле. Да, Джейн, мне известно, который час. Я знаю, что Биллингс спит. Значит, нам придется разбудить его. Спасибо, Джейн. Большое спасибо.

Он откинулся на спинку кресла и мысленно выругался. Обещал ведь президенту связаться с Биллингсом, обещал и забыл! Но кто мог предполагать, что произойдет что-либо в таком роде?

Виндзор, подумалось ему, старый дурак, остопоп несчастный. Какого черта его туда понесло? Вляпался по самые уши, а потом пошел трезвонить направо и налево... Господи боже, этого нам и не хватало. Теперь виндзоры и биллингсы по всей стране примутся заламывать руки в благочестивом ужасе и призывать к крестовому походу. Да уж, без

крестового похода нам никак не обойтись. Будто и без того мало неприятностей!

Телефон тихонько тренькнул. Уилсон снял трубку.

— Преподобный мистер Биллингс на связи, сэр, — сказала Джейн.

— Алло, — проговорил Уилсон, — Это преподобный Биллингс?

— Да благослови вас Господь, — ответил низкий, исполненный важности голос, — Чем могу служить?

— Джейк, это Стив Уилсон.

— Уилсон? Ах да, пресс-секретарь. Как я не догадался сразу... Мне не сообщили, кто именно звонит, просто предупредили, что звонок из Белого Дома.

Вот жулик, воскликнул про себя Уилсон. Наверняка ожидал, что с ним захочет поговорить президент!

— Давненько мы с тобой не виделись, Джейк.

— Да, — согласился Биллингс. — Сколько лет прошло? Десять?

— Почти пятнадцать.

— Неужели? — удивился священник, — Как летят годы...

— Я звоню по поводу объявленного тобой крестового похода.

— Похода? А, ты про мой замысел вернуть людей из будущего на стезю Господа нашего, Иисуса Христа! Я рад, что ты позвонил. Нам необходима поддержка. Какое счастье, что они пришли к нам! Стоит мне представить, что через какие-то пятьсот лет человечество отринет веру отцов и дедов, веру, которая вдохновляла людей на протяжении столетий, как я прихожу в отчаяние. Я искренне рад, что ты с нами, очень, очень рад...

— Я не с тобой, Джейк.,

— Не со мной? Что ты хочешь сказать?

— То, что сказал; я не с тобой. Пожалуйста, откажись от своей дурацкой затеи.

— Но я не могу...

— Можешь. Нам хватает хлопот и без твоего идиотского похода. Ты, если будешь настаивать на своем, окажешь стране медвежью услугу. Нам бы разобраться с теми проблемами, что уже существуют, а новые и вовсе ни к чему. Сейчас не та ситуация, чтобы позволить преподобному Джейку Биллингсу демонстрировать, какой он благочестивый. Речь идет о выборе между жизнью и смертью, не только для беженцев, но и для всех нас.

— Мне кажется, Стив, ты несколько утрируешь положение дел.

— Возможно, — отозвался Уилсон, — просто меня сильно беспокоят твои планы. Пойми, Джейк, налицо серьезный кризис. Мы должны отправить беженцев в прошлое, прежде чем рухнет наша экономика. Пораскинь мозгами: нам придется вставлять палки в колеса все подряд — промышленники, профсоюзы, борцы за социальную справедливость, политики, которые воспользуются случаем, чтобы упрочить свои позиции. Так что твоя палка будет явно лишней. Кстати, какая тебе, собственно, разница? Ты столкнулся не с настоящим, а с будущим, которое в обычных условиях находилось бы вне пределов твоей досягаемости. Да, беженцы очутились в настоящем, однако отказ от веры, который они исповедуют, произошел через много лет после нашей с тобой смерти.

— Неисповедимы пути Господни, — провозгласил Биллингс.

— Послушай, Джейк, — сказал Уилсон, — ты же не на кафедре! Прибереги свои высокопарные речи для кого-нибудь другого. Со мной бесполезно и пытаться. Разве ты забыл?

— Стив, ты звонишь от президента?

— Если ты разумеешь, просил ли он меня позвонить тебе, ответ отрицательный. Вполне возможно, он еще не знает, что ты учудил. Но учти: когда его поставят в известность, тебе несдобровать. Мы с ним разговаривали насчет тебя сегодня днем. Он опасался, что ты так или иначе во что-то ввяжешься, однако такого исхода, по-моему, не предвидел.

Я вызвался позвонить тебе, но на меня навалилось столько дел, что не было ни единой свободной минуты.

— Я вижу, куда ты клонишь, — проговорил Биллингс, — и даже как будто понимаю, что тревожит тебя. Но мы смотрим на вещи с разных точек зрения. Для меня мысль о том, что человечество отринет Господа, равносильна мученической смерти. Она противоречит всему, чему меня учили, всему, чем я жил и во что верил.

— Не переживай, Джейк, — посоветовал Уилсон, — Зараза не распространится, ведь будущее заканчивается через пятьсот лет.

— Но они уходят в прошлое...

— Надеюсь, — с горечью в голосе произнес Уилсон. — Они уйдут, если им не помешают такие люди, как ты.

— Если они уйдут, — возразил Биллингс, — то начнут все заново. Мы дадим им то, без чего невозможно начать. Они понесут в новое время, на новые земли свою лишенную божественной благодати культуру, выйдут когда-нибудь в космос, передадут свое неверие жителям других планет... Нет, Стив, этого не должно случиться.

— Ты волен считать, как тебе нравится, но не навязывай своего мнения окружающим. Мне, откровенно говоря, наплевать на то, что заботит тебя, и я не одинок. Неужели ты не замечаешь истоков безверия в настоящем? Скорее всего, замечаешь и потому затеял весь этот сыр-бор. Ты, верно, спрашиваешь себя, что тебе нужно сделать, чтобы предотвратить эпидемию атеизма.

— Наверное, ты прав, — ответил Биллингс. — Я как-то не задумывался. Тем не менее мои убеждения запрещают мне оставаться сторонним наблюдателем.

— Иными словами, ты намерен продолжать? И тебя не смущают последствия? Значит, расшевелишь народ, оседлаешь белого коня — и вперед?

— Я должен, Стив. Моя совесть...

— Ты не передумаешь? Может, я позвоню попозже?

Доказывать не имело смысла. Благочестивый безумец отказывался внять голосу разума. Да, подумалось Уилсону, Биллингс ничуть не изменился со студенческой поры. Уже тогда можно было смело биться об заклад, что он, что бы ему ни говорили, не услышит никого, кроме себя.

— Позвони, если хочешь, — отозвался Биллингс. — Но я не передумую. Я знаю, что мне делать. Ты не переубедишь меня.

— Спокойной ночи, Джейк. Извини, что разбудил.

— Ты меня не разбудил. Я не собирался сегодня ложиться спать. Рад был побеседовать с тобой, Стив.

Уилсон повесил трубку. Возможно, если бы он действовал иначе, не давил бы на Биллингса, ему удалось бы чего-то добиться. Нет, поправил он себя, любая попытка была заранее обречена на провал. Биллингс никогда не отличался рассудительностью. Пожалуй, свяжись он с преподобным отцом днем, сразу после разговора с президентом, он сумел бы умерить пыл Биллингса. Впрочем, нет, не сумел бы. Биллингс безнадежен.

Он посмотрел на часы. Почти два. Уилсон снова снял трубку и набрал номер Джуди. На другом конце послышался сонный голос девушки.

— Я разбудил тебя?

— Нет, я дожидалась, когда ты приедешь. Почему ты задержался, Стив?

— Пришлось ехать в Форт-Майер за учеными и везти их сюда. Они сейчас в лапах наших академиков. У меня ничего не получится, Джуди.

— То есть ты не приедешь?

— Мне велено оставаться поблизости. Ситуация меняется каждые пять минут.

— Ты же к утру будешь валиться с ног.

— Прикорну на кушетке в приемной.

— Давай я приеду, посторожу, чтобы тебя никто не украл.

— Не надо, мало ли что. Ложись. Если хочешь, можешь слегка опоздать. Я разрешаю.

— Стив...

— Да?

— Все идет наперекосяк?

— Пока трудно сказать.

— Я видела выступление президента. Ну и передрыга! Такого еще не бывало.

— Все когда-то случается впервые.

— Я боюсь, Стив.

— Я тоже, — ответил Уилсон. — Утром все станет иначе, все и вся, и мы в том числе.

— У меня такое ощущение, — проговорила Джуди, — будто земля уходит из-под ног. Я беспокоюсь за мать и сестру в Огайо. Мы с мамой так давно не виделись.

— Позвони ей. Возможно, почувствуешь себя лучше.

— Я пыталась несколько раз, но линия постоянно занята. Все словно с ума посходили, звонят и звонят. Как в выходной. Люди обезумели.

— Я только что говорил с другим городом.

— Естественно, ты же в Белом Доме. Для тебя освободят любую линию.

— Ничего, позвонишь завтра. Я думаю, завтра все придет в норму.

— Стив, ты точно не сможешь приехать? Ты мне нужен.

— Извини, Джуди, никак. Не знаю почему, но я чувствую, что вот-вот понадобится.

— Тогда до завтра.

— Постарайся заснуть.

— И ты. Перестань ломать голову и ложись спать, иначе завтра ты будешь хорош.

Уилсон пожелал Джуди доброй ночи и повесил трубку. Интересно, подумалось ему, и чего я здесь торчу? Ведь сейчас в том нет ни малейшей необходимости. Вот именно, сейчас. А в следующий миг может начаться черт-те что.

«Поспать, что ли?» — спросил он себя, но обнаружил, что этого ему совершенно не хочется. Слишком велико напряжение, какой уж тут сон. В сон будет клонить потом, когда

исчезнет всякая возможность сомкнуть глаза. Усталость наверняка потребует свое. Но теперь он чересчур взбудоражен, чтобы спать.

Уилсон вышел из кабинета и направился на улицу, на лужайку перед зданием. Тихая ночь предвещала суматоху наступающего дня. Город отдыхал. Вдалеке зафырчал автомобильный двигатель, но поблизости не было видно ни единой машины. Колонны парадного входа тускло мерцали в ночной темноте, посеребренные лучами усыпавших небо звезд. Неожиданно безоблачный небосвод прочертил красный огонек. Откуда-то донесся рокот двигателей. Из мрака под деревьями выступила черная фигура.

— Все в порядке, сэр? — спросил голос.

— Да, — сказал Уилсон. — Просто решил подышать свежим воздухом.

Он разглядел, что говорит с солдатом из оцепления. На шее у того висел карабин.

— Вы особенно не разгуливайте, — посоветовал солдат. — Нас здесь много, не ровен час, кого-то нервишки подведут.

— Не буду, — пообещал Уилсон, — Пойду прямо к себе.

Он прислушался к тишине, ощутил спокойствие ночи, однако ему почудилось, что он улавливает вдобавок нарастающее исподволь напряжение.

Глава 29

Элмера Эллиса разбудил непонятный звук. Фермер уселся на постели, стараясь собраться с мыслями. На столике рядом с кроватью громко тикал будильник. Жена Эллиса, Мэри, приподнялась на локте и сонно спросила:

— Что случилось, Элмер?

— Кто-то забрался в курятник, — ответил Элмер, сопоставив наконец все возможности.

Звук повторился: да, сомневаться не приходилось — в курятнике испуганно верещали цыплята. Элмер откинул одеяло и вскочил так быстро, что ушиб пятки о холодный пол.

Он нащупал брюки, натянул их на себя, влез в башмаки и рванулся к двери, позабыв завязать шнурки. Переполох в курятнике продолжался.

— Где Тайг? — справилась Мэри.

— Чертова псина, — прорычал Элмер, — Верно, гоняется за опоссумом!

Он ринулся в кухню, сорвал со стены ружье, сунул в карман пригоршню патронов из ягдташа, что висел под колышками для ружья, нашарил еще два и заложил их в патронник. Сзади слышалось шлепанье босых ног.

— Возьми фонарь, Элмер. Без него ты ничего не увидишь.

Он выхватил у жены фонарь и устремился во двор. Снаружи было темно, хоть глаз выколи, и Эллис осветил фонарем ступеньки крыльца, чтобы ненароком не споткнуться. Судя по шуму, в курятнике по-прежнему царил кавардак; Тайг не показывался.

Странно, очень странно. В запале он обвинил собаку в том, что она гоняется за опоссумом, но в глубине души сознавал, что погорячился. Тайг не таков, чтобы самовольно удрать на охоту. Он слишком стар и без ума от своего места под крыльцом.

— Тайг, — позвал Элмер вполголоса.

Пес заскулил: оказывается, он прятался под крыльцом.

— Что за черт? — пробормотал Эллис. — Ты чего, приятель?

Внезапно ему стало страшно, как никогда раньше. Даже в тот раз, когда угодил в переделку во Вьетнаме, он испугался не так сильно. Нет, то был иной страх: он словно ощутил прикосновение чьей-то холодной руки, которая вцепилась в него и не желала отпускать. Собака заскулила вновь.

— Вылезай, приятель, — сказал Элмер, — Ну, вылезай.

Тайг не послушался.

— Ну ладно, обойдусь без тебя.

Светя фонарем, Эллис пересек двор и подошел к двери курятника. Он прислушался: цыплята будто спятили. Фермер выругался сквозь зубы. Давно надо было починить его,

заложить все дыры — нет, дождался, пока заберется лиса. Однако что же это за лиса, которая не боится ни света, ни звука человеческого голоса? Наверно, ласка или норка, а может, енот.

Элмер в нерешительности топтался у двери. Так или иначе, отступать поздно. Какой же он мужчина, если повернется и уйдет? И чего он так перепугался? А, из-за Тайга. Пес не захотел вылезти из-под крыльца, скулил от страха и разил своей трусостью хозяина.

— Чертова псина, — повторил Эллис.

Он откинул защелку, распахнул дверь настежь, взял ружье в правую руку, а левой поднял фонарь на уровень груди и посветил в темноту. Сначала ему в глаза бросились перья, что кружились в воздухе. Потом он увидел мечущихся цыплят, а среди них...

Элмер Эллис уронил фонарь, закричал дурным голосом и выпалил из ружья, разрядил сперва один ствол, а затем другой, почти одновременно, так что грохот выстрелов слился воедино.

И тут твари накинулись на него, десятками, сотнями, слабо различимые в свете упавшего на землю фонаря — крохотные чудища, какие могут привидеться разве что в кошмарном сне. Едва осознавая, что делает, он перехватил ружье за дуло и принялся орудовать им, как дубиной, круша все и вся вокруг себя.

В лодыжку ему впились острые зубы, что-то тяжелое ударило в грудь, когти располосовали левую ногу от бедра до колена. Элмер понял, что падает, сообразил, что приближается последний час. Он опустился на колени. Один звереныш укусил его за руку. Он попытался оторвать мерзавца, но второй в этот миг вонзил когти ему в спину, и он рухнул навзничь, кое-как прикрыл голову рукой и подтянул колени, чтобы уберечь живот.

Неожиданно все закончилось. Никто больше не кусал Элмера, не старался разорвать его на кусочки. Твари сгнули во мраке.

Приподняв голову, Элмер заметил в луче света того, который двигался позади, и лишь теперь рассмотрел как следует, кто побывал у него в курятнике. Зрелище исторгло из груди фермера истошный вопль. Немного оправившись, он огляделся по сторонам, затем попробовал встать, но не устоял на ногах. Тогда он пополз к дому, цепляясь пальцами за землю. Рука и нога были мокрыми от крови, спина болела все сильнее. В кухне горел свет. Тайг выбрался из-под крыльца и, поскуливая, подковылял к хозяину. Мэри сбежала по ступенькам вниз.

— Звони шерифу! — крикнул Элмер, преодолевая боль, — Звони!

Жена хотела было помочь ему подняться, но он оттолкнул ее.

— Звони шерифу! Он должен знать!

— Ты же весь в крови!

— Со мной все в порядке, — отрезал Эллис. — Они удрали. Мы должны предупредить соседей. Ты не видела их... и слава богу...

— Я не могу бросить тебя здесь. Тебе нужен врач.

— Сначала шериф, доктор подождет.

Мэри побежала обратно в дом. Элмер преодолел ползком несколько футов и замер. Тайг осторожно подобрался к нему и начал облизывать лицо.

Глава 30

Когда все расселись, доктор Сэмьюэл Айвз объявил заседание открытым.

— Наша встреча, — произнес он, — знаменует собой величайшее событие в истории человечества. Многие годы мы в большинстве своем размышляли над проблемой необратимости времени. Двое, доктор Эсбери Брукс и ваш покорный слуга, посвятили исследованиям не один десяток лет. Думаю, доктор Брукс не обидится на меня, если я скажу, что мы с ним не добились, несмотря на все наши старания,

сколько-нибудь значительных успехов. Профаны могут оспорить ценность исследований природы времени, поскольку время для них — категория скорее философская, нежели физическая, однако всем присутствующим здесь известно, что под термином «время» понимается некоторая совокупность законов физики. Если мы на самом деле стремимся постичь суть понятий, которыми пользуемся как в повседневной жизни, так и в научной работе, нам следует спросить себя, каковы физические предпосылки расширения Вселенной, теории информации, а также термодинамического, электромагнитного, биологического и статистического векторов времени. При описании любого физического феномена мы прибегаем к переменной времени, параметру первого, самого элементарного уровня. Нас всех интересовал и интересует вопрос, существует ли нечто, что можно определить как универсальное время, или же протяженность времени ограничена. Кое-кто полагает, что в последней гипотезе содержится по крайней мере крупица истины, что фактор времени во Вселенной возник едва ли не по чистой случайности в момент зарождения мироздания и проявляет себя именно с тех пор. Все мы, как мне кажется, сознаем, что наши рассуждения о природе времени упираются в проблему направления временного потока, и, вполне возможно, потому-то нам так трудно сформулировать основанную на явлениях действительности теорию того, что мы характеризуем словом «время». — Он взглянул на ученых из будущего. — Прошу прощения за столь длинное предисловие. Вы знаете намного больше нашего, а потому оно могло произвести на вас впечатление детского лепета. Однако я счел необходимым обрисовать вам то положение, в котором находится наша наука. Теперь ваша очередь, господа. Мы все внимание. Кто из вас начнет?

Хардвик и Каммингс переглянулись, затем первый откашлялся и проговорил:

— Пожалуй, я. Позвольте поблагодарить вас за ту готовность, с которой вы согласились встретиться с нами в столь

поздний час. Боюсь, мы разочаруем вас, ибо о фундаментальных законах природы вообще и времени в частности нам известно сравнительно мало. Мы задавали себе отдельные вопросы из числа тех, о которых упоминалось выше, но так и не нашли ответов...

— Но вы перемещаетесь во времени, — перебил Брукс, — Значит, вы должны что-то знать о нем. По меньшей мере основополагающие принципы...

— Мы установили, что наша Вселенная — не единственная, — пустился в объяснения Хардвик. — По нашим расчетам, в одном и том же пространстве сосуществуют как минимум две вселенные, причем они настолько отличаются друг от друга, что при обычных условиях «перегородка» между ними непроницаема. Я не стану сейчас вдаваться в подробности того, каким образом мы обнаружили другую вселенную и что мы о ней знаем. Скажу только, что это, судя по всему, не антиматерия, поэтому опасаться взрыва не приходится. Кстати, предположить возможность существования параллельной вселенной нас вынудило изучение некоторых достаточно странных частиц. Не то чтобы они принадлежали к иному миру, нет, просто порой они подчинялись действию физических законов, противоречивших нашим. Итак, две несхожие между собой вселенные, разделенные почти непреодолимой преградой, через которую проникают разве что частицы, причем чтобы заметить их, требуется не усидчивость, а слепая случайность, благоприятное стечение обстоятельств. Нам повезло: случай открыл для нас параллельную вселенную и позволил кое-что узнать о ее строении. Я частенько спрашиваю себя, не стоит ли подвергнуть тщательному изучению удачу, или случай, называйте как хотите, с тем, дабы точнее определить ее параметры. Так вот, мы кое-что узнали о параллельном мире, кое-что удивительное и одновременно обескураживающее. Нам стало известно, что время там движется в направлении, противоположном нашему. То есть развитие все равно идет от прошлого к будущему, но при сопоставлении с нашим

миром как бы переворачивается с ног на голову, и для нас время там течет из будущего в прошлое.

— Я что-то не пойму, — вмешался Айвз, — Проблема, по всей видимости, необычайно сложная, однако вы за двадцать лет...

— Вы преувеличиваете наши заслуги, — заметил Каммингс, — Да, мы разработали теорию перемещений во времени, но сведения, которые только что изложил доктор Хардвик, попали в наше распоряжение задолго до начала работы над проектом. На вашем прежнем пути вы бы узнали о существовании параллельной вселенной менее чем через сто лет. Обратный вектор времени исследовался нами на протяжении едва ли не четырех веков. Насущнее всего была задача использования обратного хода времени для перемещений в нем. Лично мы всего-навсего довершили то, что начали предки. На мой взгляд, теория, если бы в ней возникла необходимость, могла быть создана еще до вторжения инопланетян. Однако нас ничто к этому не побуждало, если не считать, разумеется, научного любопытства. К тому же в нормальных условиях такой способ путешествий во времени, когда ты можешь уйти лишь в прошлое без всякой надежды на возвращение, не слишком привлекателен.

— Когда было принято решение о бегстве в прошлое, — продолжал Хардвик, — мы взялись за работу. История науки знает немало примеров, когда непосвященные пытались обвинить ученых-теоретиков в пустой трате средств. Зачем нам теория? — спрашивали они. Какой от нее толк? Что мы с ней будем делать? Мне кажется, наша ситуация может послужить превосходной иллюстрацией практической ценности теоретических исследований. Вы понимаете, изучение параллельной вселенной с ее обратным ходом времени было чисто теоретическим, никто и не предполагал, что средства и усилия когда-либо окупятся. Тем не менее они окупились. Человечеству, благодаря теории, представился шанс спастись от смертельной угрозы.

— Насколько мне удалось разобраться, — сказал Брукс, — вы попали к нам благодаря тому, что воспользовались обратным вектором времени параллельной вселенной. Ваши туннели — нечто вроде ловушек, правильно? Вы входите в обратный поток у себя, а выходите у нас. Однако, чтобы достичь этого, вам нужно было ускорить течение времени и вдобавок добиться над ним контроля.

— Да, нам пришлось изрядно помучиться, — признал Хардвик. — Теорию разработать было несложно, а вот применить! Правда, как потом выяснилось, все было очень просто.

— То есть вы полагаете, что мы справимся?

— Мы уверены, — ответил Хардвик. — Вот почему мы выбрали именно ваше время. Мы искали период, обитатели которого способны воспринять и понять нашу теорию, а также изготовить необходимое оборудование. Кроме того, естественно, учитывались и другие факторы, например наличие в обществе такого интеллектуального и морального климата, при котором нам не откажут в помощи, равно как и достаточно развитая экономика: ведь откуда иначе возьмутся те инструменты и приспособления, какие наверняка понадобятся нам в миоцене? Вероятно, наши рассуждения кажутся вам несколько эгоистичными. У нас есть лишь одно оправдание. Если бы мы не ушли в прошлое, к вам или в иное время, история человечества как вида оборвалась бы пятьсот лет спустя от вашего сегодня. Теперь же вы перешли на иной путь развития — этот феномен мы, с вашего разрешения, обсудим позднее, — и вполне возможно, хотя и нельзя утверждать с полной уверенностью, что нам удастся избежать вторжения из космоса.

— Доктор Осборн до сих пор не принимал участия в разговоре, — заметил Айвз. — Вы не хотите что-либо добавить?

— Увы, господа, вы обсуждаете то, что находится вне пределов моей компетенции, — отозвался Осборн, покачав головой. — Я не физик, а геолог, причем со склонностью к палеонтологии. Меня взяли, так сказать, за компанию. Может

статься, я присоединюсь к вам позднее, в случае, если кто-то пожелает подробнее узнать про место нашего назначения, миоцен.

— Что касается меня, — заявил Брукс, — я бы хотел послушать вас прямо сейчас. До меня доходили слухи, что якобы нам предложили отправиться в прошлое вместе с вами. Очевидно, это привлечет романтиков, которых среди нас немало. Многие люди переживают из-за того, что им выпало родиться не в эпоху географических открытий. Тем более в прошлом сами собой исчезнут в значительной мере существующие ныне ограничения. Пожалуйста, расскажите нам, что вы рассчитываете найти в миоцене.

— Что ж, если никто не против, — сказал Осборн, — я охотно удовлетворю ваше любопытство. Вы, конечно, отдадите себе отчет, что мы вынуждены исходить из ряда гипотетических допущений, хотя в достоверности отдельных фактов ничуть не сомневаемся. Основная причина, по которой мы выбрали миоцен, состоит в следующем: в ту эпоху на Земле появилась трава. На том, почему мы так считаем, я, пожалуй, останавливаться не буду. Или все же стоит? Ну, во-первых, именно тогда травоядные приобрели зубы, пригодные для поедания травы. Их численность стала быстро возрастать. Климат сделался немного более засушливым, однако наши выкладки показывают, что на развитие сельского хозяйства дождевой влаги хватит. Во-вторых, лесные чащобы в известной степени потеснились, уступили место травянистым равнинам, на которых стали пастись огромные стада животных. Некоторых из этих животных мы знаем, но я уверен, что нам попадутся и те, о ком мы даже не подозревали. К примеру, нас встретят стада ореодонтов, возможно дальних родственников современных верблюдов, размерами с овцу. Верблюды, кстати, в миоцене будут тоже, впрочем, поменьше тех, что живут сегодня. Еще мы можем рассчитывать на встречу с табунами маленьких, вроде пони, лошадок, с носорогами и даже со слонами, которые на заре миоцена переселились в Северную Америку из Азии,

перейдя по перешейку, что составляет ныне дно Берингова пролива. Одно из самых опасных животных той эпохи — гигантская свинья ростом с быка и с бивнями длиной в четыре фута каждый. Помимо травоядных в миоцене хватает и плотоядных, как псовых, так и кошачьих. Например, весьма вероятно встреча с предками саблезубых тигров. Разумеется, мой отчет далеко не полон. Я намеренно опускаю многие факты. Суть же в том, что миоцен является, с нашей точки зрения, периодом ускоренной эволюции, когда, скажем, та же фауна приобрела новые виды и подвиды, причем отчетливо просматривается тенденция к увеличению размеров животных.

Может быть, мы столкнемся с ходячими пережитками олигоцена и даже эоцена, я не знаю. Может быть, нам будут угрожать некоторые млекопитающие, ядовитые змеи и насекомые. Тут у нас слишком мало сведений, на которые можно опереться.

— Однако вы полагаете, — подытожил Брукс, — что миоцен годится для заселения и человек выживет.

— Совершенно верно, — согласился Осборн, — Леса прошлых эпох сменяются прериями, то есть появляются пространства под пашни. Деревьев же, несмотря на сокращение площадей лесных массивов, остается в избытке. Появляется, опять-таки, трава для домашнего скота. Интенсивность проливных дождей, характерных для ранних геологических периодов, заметно снижается. Иными словами, человек сможет жить, что называется, с земли. Изобилие дичи, орехов, ягод, плодов, корней, отличная рыбалка! Климат вызывает у нас определенные сомнения, однако мы предполагаем, что он будет ровнее вашего нынешнего. По нашим расчетам, летом будет жарко, но зимой менее холодно. Правда, гарантировать такое нельзя.

— Короче говоря, — сказал Брукс, — вы твердо намерены уйти.

— А что нам остается? — тихо спросил Осборн.

Стив Уилсон вошел в свой кабинет. Настольная лампа, которую он оставил включенной, отбрасывала на потолок круг света. У стены стрекотали телетайпы. Почти три, подумал он, надо ложиться и постараться заснуть. В конце концов, у него четыре часа или около того свободного времени. Когда Уилсон приблизился к столу, из кресла ему навстречу поднялась Элис Гейл. На ней было все то же белое платье. Интересно, подумалось Уилсону, ей что, больше нечего надеть? Скорее всего, ответил он сам себе. Люди из будущего, похоже, решили не обременять себя багажом.

— Мистер Уилсон, — проговорила девушка, — мы ждали вас, надеялись, что вы вернетесь. Папа хочет поговорить с вами.

— К вашим услугам, — отозвался Уилсон. — Доброе утро, мистер Гейл, — прибавил он.

— Мне, признаться, не по себе, — сказал Гейл, выступая из мрака и кладя на стол свой портфель. — Я не знаю, как поступить. Возможно, вы подскажете мне, что следует предпринять. На мой взгляд, вы разбираетесь в таких вещах.

Уилсон внутренне напрягся. Он почувствовал, что Гейл пришел к нему с чем-то серьезным, и понял, что наверняка окажется в затруднительном положении.

— Мы сознаем, — продолжал Гейл, — что наше появление привело к почти катастрофическим последствиям, а потому постарались хоть как-то поправить положение. Туда, где, как нам было известно, станет ощущаться нехватка продовольствия, мы направили пшеницу и другие продукты. Мы готовы на любую работу, ибо у нас множество незанятых рабочих рук. Однако строительство туннелей, а также изготовление инструментов, необходимых нам для переселения в миоцен, требует огромных расходов. — Он пододвинул портфель ближе к лампе и раскрыл его. Уилсон увидел маленькие кожаные мешочки. Гейл взял один из них, развязал и

высыпал на стол груды ограненных камней, засверкавших на свету. — Вот. Это бриллианты.

— Почему? — выдавил Уилсон, судорожно сглотнув. — Почему бриллианты? И почему я?

— Они обладают достаточной ценностью и удобны для транспортировки, — объяснил Гейл, — Мы знаем, что, если их выбросить на рынок все сразу, цена резко упадет. Но если продавать постепенно, небольшими партиями, они обернутся значительной прибылью, в особенности при условии, что вы скроете источник их происхождения. Мы проявили при отборе сугубую осторожность, всячески стремились к тому, чтобы избежать парадоксов. Нам не составило бы труда забрать из будущего знаменитые самоцветы, которые существуют и в вашем настоящем. Однако мы поступили иначе: все камни, которые вы видите перед собой, найдены и обработаны в будущем. Все они неизвестны вам.

— Уберите их, — пробормотал Уилсон, — Господи боже, да вы представляете, что случится, если кто-нибудь вдруг узнает, каково содержание вашего портфеля? Миллиарды долларов...

— Вы правы, — совершенно спокойно подтвердил Гейл, — Здесь камней на общую сумму, по вашим ценам, около триллиона долларов. В наше время они стоили гораздо дешевле.

Мы не так ценим подобные предметы в отличие от вас, — Он неторопливо собрал бриллианты, сложил их в мешочек, сунул в портфель и защелкнул замок.

— Мне жаль себя, — произнес Уилсон, — Как было хорошо, когда я ничего не знал.

— Но мы должны были открыться вам, — возразила Элис, — Неужели вы не понимаете? Вы единственный, с кем мы достаточно близко знакомы, единственный, кому мы можем доверять. Подскажите же, как нам поступить.

— Давайте для начала сядем, — предложил Уилсон, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. — Громко говорить не следует, мало ли кто может зайти ко мне.

Все трое уселись в кресла, которые составили в ряд.

— Объясните мне толком, что к чему, — сказал Уилсон.

— Мы полагали, — проговорил Гейл, — что доходы от продажи этих камней в какой-то мере компенсируют затраты, связанные с нашим пребыванием здесь. Камни предназначаются не какому-то отдельному народу или государству, а всем народам и государствам Земли. Возможно, следует создать специальный фонд, а когда все камни будут проданы, распределить вырученные средства в зависимости от расходов, понесенных той или иной страной.

— В таком случае...

— Я догадываюсь, о чем вы хотите спросить. Почему мы не разделили бриллианты по количеству государств? По двум причинам. Во-первых, чем больше людей вовлечено в осуществление замысла, тем вероятнее, что новость просочится в газеты. Успех возможен, лишь если мы сократим количество посвященных до минимума. С нашей стороны о плане знают всего шесть человек. С вашей — пока только вы. Во-вторых, дело в том, кому можно доверять. Из истории нам известно, что доверия заслуживают два правительства — американское и английское. Мы тщательно все взвесили и остановили свой выбор на Соединенных Штатах. Кстати, первоначально предлагалось обратиться в ООН. Но, скажу откровенно, эта организация кажется нам ненадежной. Мне поручили передать бриллианты президенту США. Однако, увидев, сколько проблем приходится ему решать, как он волей-неволей зависит от мнений других, я отказался от намеченного плана.

— Я знаю лишь одно, — буркнул Уилсон, — Вы не можете постоянно таскать с собой свой портфель. Пока он при вас, вам необходима охрана. Вообще же его нужно поместить в безопасное место, например в Форт-Нокс², если правительство согласится.

— Вы разумеете, мистер Уилсон, что ко мне приставят охрану? По совести говоря, я не в восторге от такого предложения.

— Боже мой! — воскликнул Уилсон. — Прямо голова кругом идет, — Он снял телефонную трубку, набрал номер. — Джейн, вы все еще на дежурстве? Не знаете, президент лег?

— Да, примерно час назад.

— Хорошо, — одобрил Уилсон. — Давно пора.

— Что-нибудь срочное, Стив? Он распорядился, если что-нибудь срочное, разбудить его.

— Нет-нет, не настолько. Джейн, вы можете найти Джерри Блэка?

— Попробую. Кажется, он где-то здесь.

В комнате установилась тишина, которую нарушало только стрекотание телетайпов. Гейл и Элис сидели неподвижно. Из-под двери, что вела в приемную, по-прежнему пробивался свет.

— Простите, что доставили вам столько хлопот, — сказала девушка Уилсону, — Но мы были в полной растерянности...

— Все в порядке, — успокаивающе отозвался Уилсон.

— Для нас это очень важно, — продолжала Элис. — Важно знать, что мы пришли не как нищие, не за подаванием. Мы заплатили за причиненные вам неудобства.

В коридоре слышались шаги, дверь распахнулась, и в кабинет вошел Джерри Блэк.

— Что стряслось, Стив? — справился он.

— Мне нужны двое крепких парней.

— Один есть, другого найдем.

— Я хочу попросить тебя об одолжении, от собственного имени, а утром ты получишь бумагу за подписью президента.

— О'кей, Стив, для президента я сделаю все.

— Да, это для него.

— Ну, выкладывай.

— У мистера Гейла есть портфель. Что внутри, я тебе не скажу, да ты и сам не захочешь знать. Твоя задача — проследить, чтобы к этому портфелю никто не прикасался до тех пор, пока мы не решим, как с ним быть.

— Договорились. Ты уверен, что нужны двое?

- Думаю, так будет надежнее.
- Ладно, — сказал Блэк, — Разреши, я позвоню.

Глава 32

Когда Инек Рейвен уселся за машинку, в небе занимался серый рассвет. За окном виднелись зеленые вирджинские холмы, из листвы деревьев и кустарников доносилось щебетание просыпавшихся птиц. Пальцы Инека на мгновение застыли в воздухе над машинкой, а потом опустились на клавиши и запорхали по ним, не останавливаясь ни на миг. Инек не тратил времени на раздумья, ибо поставил себе за правило, которого придерживался много лет, обдумывать все перед тем, как приниматься за работу. Он составлял в уме набросок статьи, оттачивал формулировки, чтобы читателям впоследствии не пришлось доискиваться до смысла, мысленно воздвигал стройные, логически безупречные конструкции, нанизывал фразы одну на другую. Сейчас он печатал следующее:

«Сегодня произошло событие, которое грозит обернуться величайшим в истории кризисом. Необычность ситуации подчеркивается тем, что кризис, если его не удастся избежать, возникнет не по тем причинам, к которым мы привыкли. Впрочем, по зрелом размышлении нетрудно прийти к выводу, что он проистекает из обстоятельств, о которых уже давно рассуждают на всех углах, а именно — из перенаселенности и связанных с ней экономических проблем. Однако еще вчера утром никто не мог предположить, что кризис надвигается, что все произойдет за один-единственный день. Ситуация, в которой оказался мир, настоятельно требует разрешения, причем не после продолжительного изучения, а в течение максимум нескольких недель. Грубая реальность такова, что тех, кто обратился к нам за помощью, мы сможем прокормить на протяжении крайне ограниченного периода. Они признают, что предвидели трудности, которые вызовет их прибытие, а потому

готовы поделиться с нами своими знаниями, чтобы хоть как-то сгладить нежелательные последствия. Мы также можем воспользоваться их инструментами. Положение дел, таким образом, требует добровольного содействия каждого из нас. Это не пустые слова, не политическая риторика; нет, они продиктованы здравым смыслом.

В первую очередь от нас требуется терпение, желание принести известные жертвы и готовность вытерпеть определенные неудобства. Возможно, в мире станет меньше продовольствия, да и качество его ухудшится. Возможно, кому-то придется отложить покупку новой машины. Возможно, мы вынуждены будем отказаться от мысли обменять старую газонокосилку на новую, хотя старая вот-вот сломается окончательно. Экономическая энергия и ресурсы управления, которые при нормальных условиях были бы направлены на производство и распределение товаров и услуг, пойдут на то, чтобы отправить наших потомков дальше в прошлое, снабдив их предварительно инструментами и приспособлениями, без каковых они не выживут. Может статься, Детройту поручат прекратить выпуск автомобилей и заняться плугами и прочим сельскохозяйственным оборудованием. Может статься, мы с вами — добровольно или по распоряжению правительства — ограничим собственные потребности. Президент Хендерсон поступил мудро, объявив о запрете на банковские и торговые операции и о замораживании цен и заработной платы, однако он не сделал пока следующего шага — не издал указа против накопления. Сейчас не то время, чтобы соблюдать бюрократические проволочки, поэтому необходимо срочно лимитировать потребление продовольственных и других жизненно важных товаров. Вполне понятно, почему мистер Хендерсон медлит: он исходит из политических соображений. Тем не менее именно от столь непопулярных действий администрации зависит, выстоим мы или нет.

Едва ли нужно указывать, что примеру нашего президента должны последовать руководители других стран.

Очевидно, Великобритания, Россия, Франция, Германия, Япония, Китай и, вероятно, прочие государства предпримут те или иные меры до того, как эта статья будет напечатана. Но ситуация предполагает согласованные действия всего мирового сообщества, а не только крупнейших держав. Проблема, с которой мы столкнулись, имеет общемировое значение, поэтому временные ограничения экономического характера должны распространяться на весь мир.

Появление людей из будущего неминуемо приведет к разбросу мнений в интеллектуальной среде, причем некоторые из них наверняка будут покоиться на весьма шатких основаниях. Отличная иллюстрация сему — публичная истерика преподобного Джейка Биллингса, одного из наиболее ярких представителей наших евангелистов, которого потрясло открытие, что люди из будущего отвергают религию, считают ненужной, не признают ее ценности. Разумеется, для церковников это катастрофа, но в настоящий момент отношение наших потомков к религии не является предметом первостепенной важности. Мы вправе предположить, что подобных недоразумений будет еще немало, однако следует сказать сразу: они могут и должны подождать. Привлечение к ним внимания будет лишь содействовать расслоению общества, процессу, которого и так не миновать в связи с решением насущных задач.

Чтобы правильно оценить сложившуюся ситуацию, нам не хватает ни времени, ни достоверных фактов. Кое-что мы знаем, но гораздо больше остается за пределами наших знаний и станет доступно нам только через какой-то более или менее протяженный срок. Вероятно, отдельные сведения окажутся, мягко говоря, сомнительными — не по чьему-то злому умыслу, а просто в силу того, что не было возможности разобраться в них и определить, какие сильнее похожи на истину.

Разумеется, изучать положение дел, вникая в малейшие подробности, некогда; мир должен действовать, и незамедлительно. Тот факт, что ставка неизмеримо велика, требует

от общества всяческой поддержки правительства. Буря критики, отказ соглашаться с позицией властей приведут к тому, что принятие срочных мер задержится, то есть поставят человечество на грань кризиса, о котором говорилось выше. Возможно, люди, находящиеся в Белом Доме, Уайт-холле или Кремле, во многом ошибаются, но не стоит думать, будто они злонамеренны или глупы. Нет, они всего-навсего делают то, что искренне полагают нужным.

Меня могут спросить: а как же демократическая форма правления? Ведь демократия подразумевает участие народа в управлении государством, вынесение спорных вопросов на суд общества, принятие решений, не идущих вразрез с волей населения той или иной страны. Но сегодня мы не в состоянии позволить себе такую роскошь. Да, на месте руководителей государства мы поступили бы иначе, вот так и так, не стали бы наступать кое-кому на любимые мозоли, обошлись бы без нарушений понятий справедливости и частной собственности. Однако терпение означает в том числе если не молчаливое согласие с действиями властей, то хотя бы не чрезмерно громкие возражения.

Катастрофа угрожает не отдельной стране, отдельной политической партии или деятелю, не одному народу или региону, но всему миру. Я не рискну даже предположить, что может произойти. Я понимаю, что ряд мер мне лично не понравится, что многое, на мой взгляд, будет претворено в жизнь совсем не так, как следовало бы. В прошлом я неоднократно высказывал мнение, не соответствовавшее точке зрения администрации президента, да и теперь, возможно, когда все кончится, не удержусь от того, чтобы не указать на вопиющие просчеты, которые, вне всякого сомнения, будут иметь место. Но, начиная с сегодняшнего дня, я в качестве моей жертвы на алтарь терпения ввожу наисуровейшую цензуру на собственные если не мысли, то печатные материалы. Я вступаю в партию тех, кто обязуется держать рот на замке, и призываю всех вас присоединиться ко мне».

Он кое-как взобрался на дерево, примостился на ветке, затем повис на ней, непонятно, с какой стати, и тут подул ветер, и он отчаянно вцепился в сук, сознавая, что в любой момент силы могут покинуть его и тогда он упадет на землю. Он посмотрел вниз и ужаснулся: земли не было. Откуда-то донесся голос, взывавший к нему, однако он целиком сосредоточился на том, чтобы удержаться, а потому никак не мог разобрать слов. Ветер задувал резкими порывами. «Стив, — твердил голос, — Стив, просыпайтесь». Он приоткрыл глаза и обнаружил, что никакого дерева нет и в помине. Над ним склонилось чье-то причудливо искаженное лицо.

— Просыпайтесь, Стив, — повторил голос Генри Ханта. — Президент спрашивал о вас.

Уилсон потер кулаком глаза. Неведомое лицо приобрело человеческое выражение и оказалось лицом Ханта. Корреспондент «Таймс» выпрямился. Уилсон спустил ноги на пол и сел. В окна приемной струился солнечный свет.

— Который час? — справился он.

— Почти восемь.

— А вы-то спали? — спросил Уилсон, искоса поглядев на Ханта.

— Нет. Я провел пару часиков дома, но так и не смог заснуть. В голове сплошной кавардак. Поэтому вернулся сюда. — Хант поднял с пола пиджак. — Ваш?

— Надо бы умыться, — проговорил Уилсон, утвердительно кивнув. — И причесаться, — Он поднялся, взял у репортера пиджак и сунул его под мышку, — Какие новости?

— Ничего неожиданного, — отозвался Хант, — Стенания по поводу запрета на банковские операции. Как же вы умолчали, Стив?

— Я знать не знал. Президент ни словом не обмолвился.

— Да, — протянул Хант, — мы могли бы догадаться сами. Представляете, что бы началось, если бы биржи не закрылись?

— Что там с чудовищем?

— Только слухи. Если верить им, второй инопланетянин прорвался из туннеля в Африке, где-то в Конго. Не думаю, что там его можно отловить.

— В Конго не одни джунгли, Генри.

— Там, где был туннель, одни.

Уилсон направился в ванную. Когда он возвратился, Хант вручил ему чашечку кофе.

— Спасибо, — поблагодарил пресс-секретарь, пригубил горячий напиток и невольно содрогнулся. — Не знаю, хватит ли у меня сил на весь день. Как по-вашему, что планирует президент?

Хант молча покачал головой.

— Джуди не приехала?

— Еще нет, Стив.

— Спасибо, что разбудили меня, — сказал Уилсон, ставя полупустую чашку на кофейный столик. — До встречи, Генри.

Он прошел в свой кабинет. Лампа, которую он забыл выключить, по-прежнему тускло освещала стол. Из коридора доносился топот. Уилсон поправил пиджак и двинулся дальше. В кабинете президента помимо него самого находились еще двое: генерал Дэниел Фут и один из беженцев, облаченный в комбинезон.

— Доброе утро, мистер президент, — поздоровался Уилсон.

— Доброе утро, Стив. Вам удалось поспать?

— Так, серединка на половинку.

— С генералом Футом вы знакомы, — продолжал президент. — А это Айзек Вулф. Доктор Вулф биолог. Он сообщил мне достаточно тревожные сведения. Пожалуй, вам следует их знать.

Вулф отличался внушительным телосложением: широкие плечи, массивный торс, крепкие короткие ноги. Необычайно крупную голову венчала шапка густых, с проседью, волос. Он шагнул вперед и пожал руку Уилсона.

— Мне очень жаль, что я выступаю в роли недоброго вестника, — сказал он.

— Прошлой ночью, — проговорил президент, — ближе к утру, фермера, который живет неподалеку от Харперс-Ферри, разбудил шум из курятника. Он поспешил туда узнать, в чем дело, и натолкнулся на целый выводок диковинных зверей размерами примерно с полугодовалого кабана. Он выстрелил в них из ружья, и они удрали, все, кроме одного, которого пуля разорвала почти надвое, фермеру здорово досталось, сейчас он в больнице. Утверждают, что он изрядно пострадал, но жить будет. Из его рассказа явствует, что в курятнике нашли приют детеныши нашего инопланетянина.

— Но это невозможно! — воскликнул Уилсон. — Прошло лишь несколько...

— Доктор Вулф прибыл ко мне вчера вечером, — перебил Фуг, — вскоре после того, как чудовищу удалось бежать. Откровенно говоря, я не поверил ему, но, когда получил рапорт офицера, возглавлявшего поисковую партию в Западной Вирджинии, рапорт, в котором упоминался эпизод в курятнике, велел разыскать доктора и предложил отправиться вместе со мной в Белый Дом. Извините, доктор, что не повел вас сразу.

— Невозможно, — повторил Уилсон.

— Увы, — возразил Вулф, — к сожалению, возможно. Вам еще не доводилось иметь дело с подобными существами. Их процесс эволюции разительно не соответствует тому, к которому вы привыкли. Они реагируют на изменение среды с умопомрачительной скоростью. Кое-что нам было известно раньше, остальное мы домыслили и сделали следующий вывод: в условиях опасности метаболизм чудовища убыстряется до невероятности. Потратив около часа на

откладывание яиц, инопланетянин тут же может устремиться на охоту. Что хуже всего, подобная реакция передается молодняку, ибо и родитель, и детеныши находятся в кризисной ситуации. Родитель, естественно, сознает угрозу, его отпрыски — вряд ли, однако зародыш в яйце каким-то образом, суть которого я, например, не постигаю, воспринимает ощущение срочности действий. Он словно получает приказ: быстро вылупиться, быстро вырасти, спрятаться в укромном месте и быстро достичь половой зрелости. Я бы охарактеризовал это как генетическую реакцию на угрозу выживанию вида. Сила, побуждающая инопланетян к ускоренному развитию, неведома земным формам жизни. Они обладают врожденной способностью подстраиваться под среду.

Уилсон тяжело опустился в кресло и посмотрел на президента.

— Журналисты пронюхали? — спросил он после паузы.

— Нет, — ответил президент, — пока нет. Жена фермера позвонила шерифу, а тот как раз беседовал с армейской поисковой партией. Офицер, который командовал ею, немедленно объявил все, что относится к происшедшему, совершенно секретным. Вот почему я пригласил вас, Стив. Мы не можем держать репортеров на голодном пайке, рано или поздно они все узнают. В горах, может статься, рыскают сотни маленьких чудовищ. Их в конце концов заметят, и сообщения пойдут одно за другим, а все их под сукно не положишь, да и вряд ли это нужно.

— Проблема в том, — сказал Уилсон, — как открыть правду и не напугать население до полусмерти.

— Если мы постараемся сохранить все в тайне, — заметил президент, — нам перестанут доверять, начнут подозревать нас в двуличии. И потом, речь ведь идет об общественной безопасности.

— Через несколько дней, — вмешался Фут, — чудовищ в горах будет полным-полно, хоть пруд пруди. Возможно, они рассеются. Мы отловим кого-то, но наверняка далеко не

всех. Единственный способ справиться с ними — привлечь к поискам население.

— Да, они рассеются, — подтвердил Вулф, — обеспечивая таким образом выживание вида. Кроме того, они передвигаются чрезвычайно быстро. День спустя они могут очутиться в Новой Англии или в Джорджии. Поначалу они будут держаться гористых местностей, поскольку там есть где спрятаться, но постепенно выйдут на равнину.

— Как по-вашему, — поинтересовался Уилсон, — сколько пройдет времени, прежде чем они примутся откладывать яйца?

— Кто знает, — развел руками Вулф.

— Ну хотя бы приблизительно.

— Неделя, две — не знаю.

— Сколько яиц в кладке?

— Около двух десятков. Точнее сказать трудно, поскольку мы редко находили кладки.

— А когда они начнут убивать?

— Сразу же, в том-то и беда. Чтобы расти, они должны есть. Они будут убивать всех подряд: диких животных, домашних, людей. На первых порах человеческих жертв будет немного, ибо они понимают, что, убивая людей, привлекают к себе внимание. Воинственность не помешает им сообразить, что для войны на уничтожение их слишком мало. Они вовсе не глупы.

— Что ж, — произнес президент, — придется направить в горы дополнительные воинские подразделения, заодно использовать для разведки с воздуха самолеты и вертолеты. Я недавно говорил с Сэндбергом, он скоро подъедет. Ему и карты в руки. Возможно, понадобится отозвать ряд частей из-за границы. Ведь нужно не только ловить чудовищ, но и разбивать лагеря для беженцев.

— Мы не хотели бы оставаться в стороне, — сказал Вулф, — Нас десятки тысяч. Дайте нам оружие, и мы присоединимся к вашим войскам. Мы знаем, что это за твари, к тому же они проникли сюда по нашей вине. Мы обязаны...

— Вы пригодитесь нам позднее, — возразил президент. — Сейчас же мы должны полагаться исключительно на собственные силы, поскольку воспользоваться вашим предложением не представляется пока возможным.

— Как быть с теми, кто живет в горах? — справился Уилсон. — Эвакуировать?

— Не думаю, Стив, — покачал головой президент, — Нам и без того хватает хлопот с беженцами. Вдобавок я склонен считать, что молодняк какое-то время воздержится от чрезмерно агрессивных действий. Скорее всего, они постараются не показываться на глаза. Конечно, возможно всякое, но тут уж ничего не поделаешь.

— Полагаю, вы правы, сэр, — сказал Вулф, — Они сознают, что значительно уступают в численности людям. На мой взгляд, в настоящий момент они не представляют серьезной опасности. Им надо вырасти и набрать вес. Мне кажется, они догадываются, что против них готовятся применить оружие куда более смертоносное, чем то, которое было у нас. Мы так долго жили в мире, что почти полностью утратили воинские навыки.

— Вам предстоит нелегкий день, мистер президент, — проговорил Фут. — С вашего разрешения...

Президент вышел из-за стола и попрощался за руку с генералом и доктором Вулфом.

— Спасибо, что приехали, — сказал он, — Ваше сообщение, доктор, пришлось весьма кстати.

— Провести пресс-конференцию сейчас? — спросил Уилсон, вставая, — Или подождать конца вашего разговора с министром обороны?

— Пожалуй, сейчас, — отозвался президент после минутного раздумья, — Пускай они узнают от нас первых. Военная секретность долго не продержится. У меня назначена встреча с сенаторами и конгрессменами. Будет лучше, если им станет известно загодя.

— Еще одно, мистер президент, — сказал Уилсон, — Вы спали, и я решил не будить вас. Мне принесли портфель с бриллиантами...

— Бриллиантами? При чем здесь бриллианты?

— Дело довольно щекотливое, сэр. Помните портфель Гейла?

— А, значит, бриллианты в нем?

— Он набит ими! Гейл развязал один мешочек и высыпал на стол целую кучу камней. Он утверждает, что в других мешочках то же самое, и я ему верю. Беженцы предлагают бриллианты нам в уплату за помощь в отправлении в миоцен.

— Хотел бы я посмотреть на ваше лицо, когда вы увидели камни, — проговорил президент, — Как вы поступили?.

— Приставил к Гейлу Джерри Блэка, чтобы тот охранял его и портфель.

— Разумно, — одобрил президент. — Пожалуй, я свяжусь с министром финансов относительно помещения камней на временное хранение, а также побеседую с Рейли Дугласом, насколько законна такая сделка. Вы не пытались уточнить стоимость бриллиантов?

— Гейл сказал, что по нашим ценам они стоят приблизительно триллион долларов. Разумеется, если выбрасывать их на рынок постепенно, не сбивая цену. Вообще-то эти камни предназначены не конкретно нам, а всему миру. Гейл хочет, чтобы они только хранились у нас. Мол, мы — единственная страна, которой можно доверять.

— Представляете, какой поднимется шум, если кто-то обмолвится хоть словечком?

— По-моему, — ответил Уилсон, — главное для нас — понять, что беженцы стремятся отплатить нам за гостеприимство.

— Конечно, конечно, — пробормотал президент, — но слушаем, что скажет Рейли.

С раннего утра в парке Лафайетта, напротив Белого Дома, собралась многочисленная толпа. Как и накануне, в воскресенье, она хранила настороженное молчание и лишь внимательно наблюдала. Однако кое-где над головами виднелись самодельные лозунги с надписями вроде: «Назад, в миоцен!», «Давайте ваших саблезубых!», «К черту из этого вшивого мира!». Газетчик, пробравшись сквозь толпу, остановился перед молодым человеком с кустистыми бакенбардами, который держал плакат: «Назад, в миоцен!».

— Будьте любезны, — попросил он, — объясните, что происходит.

— Приятель, — откликнулся юноша, — вы что, читать не умеете?

— Я не понимаю, чего вы добиваетесь, — продолжал репортер. — Вы ведь чего-то добиваетесь, правда?

— Хватит, надобивались, — отрезал юноша. — Сколько раз пытались, и все одно и то же. — Он ткнул пальцем в направлении Белого Дома. — Президент не слышит. Никто не слышит.

— Мы ничего не добиваемся, — вступила в разговор соседка юноши. — Мы просто изъявляем свое желание: уйти в миоцен.

— Или в эоцен, — прибавила другая девушка, — Или в палеоцен. Мы хотим уйти отсюда, покинуть наш насквозь прогнивший мир и начать все заново, хотим вернуться в прошлое и создать общество, которое устраивало бы нас. Много лет подряд мы старались хоть что-то изменить и не достигли ровным счетом ничего. А раз изменить не получается, значит, нужно уходить. Но общество не соглашается отпустить нас, держит мертвой хваткой, вцепилось и не отпускает.

— Короче, — заявил юноша, — мы нашли способ избавиться от него. Если люди из будущего могут путешествовать во времени, почему нельзя нам? Мало кто расстроится,

если мы уйдем. Наоборот, все обрадуются, что нас больше нет под боком.

— Полагаю, — заметил репортер, — что вы представляете собой некое движение. По крайней мере, так вас называли раньше. Не могли бы вы сказать, сколько человек...

— Пожалуйста, — ответила первая девушка, — Нас сейчас пятнадцать или двадцать. Но напишите о нас, дайте выступить по телевидению — и к нам примкнут тысячи! Люди поспешат сюда из Чикаго и Нью-Йорка, Бостона и Лос-Анджелеса. Нас станет так много, что этот город лопнет с натуги. Поймите, наконец-то нам представилась реальная возможность уйти!

— Да, я понимаю, — проговорил журналист. — Но что вы собираетесь предпринять? Взять штурмом Белый Дом?

— Если вы имеете в виду, что никто не обращает на нас внимания, — сказал юноша, — то с вами трудно спорить. Однако через двадцать четыре часа все переменится, а через сорок восемь уже не будет отбоя от интервьюеров.

— Но временные туннели пока только проектируются! Возможно, их так никогда и не построят. Ведь потребуется столько материалов и рабочих рук...

— А наши руки не рабочие, мистер? Если нас попросят помочь, мы не откажемся. Пускай дают нам лопаты или гаечные ключи и говорят, что делать. Мы будем работать до упаду. Мы готовы на все, лишь бы убраться отсюда. Нам не нужны ни деньги, ни выходные — только отпустите.

— Так и напишите, — сказала вторая девушка. — Мол, вот что они хотят.

— Мы не намерены учинять беспорядков, — гнул свое юноша, — Нам и без того плохо. Наша цель — сообщить всем о своем желании, а другого способа у нас нет.

— Мы охотно уйдем и с пустыми руками, — добавила первая девушка, — Да, нам пригодились бы мотыги и топоры, горшки и кастрюли, но мы вполне можем обойтись и без них.

— Доисторические люди пользовались каменными орудиями, — проговорил юноша, — а чем мы хуже их?

— Чего их слушать? — буркнул коренастый индивидуум с сигарой во рту, — Только и знают, что трепать языками. Видел я таких! Никакой миоцен им не нужен, был бы повод побазарить!

— Вы ошибаетесь, — заявил юноша с плакатом. — Мы действительно хотим уйти. Чего ради нам оставаться с олухами вроде вас?

Коренастый мужчина протянул руку к плакату, но тут одна из девушек пихнула его под ребра, и он промахнулся. Юноша огрел его плакатом по голове. Стоявший рядом человек ударил юношу в челюсть. Началась драка, в которую не замедлила вмешаться полиция.

Глава 35

Джуди сидела за столом, то и дело черкая что-то в блокноте для записей. На ее аппарате весело мерцали огоньки индикаторов.

— Ты спала? — спросил Уилсон.

— Так, чуть-чуть, — ответила она, взглянув на него, — Мне было страшно. Все очень плохо, Стив?

— Не очень, но плохо, — признался он, — Мы не справляемся. Если бы у нас было в запасе хоть какое-то время!

— Но им ты этого не скажешь, верно? — Джуди махнула рукой в сторону двери в приемную.

— Нет, им не скажу, — усмехнулся Уилсон.

— Они спрашивали, когда ты к ним выйдешь.

— Скоро.

— Стив, я хочу... Ну... В общем, я возвращаюсь домой, в Огайо.

— Но ты нужна мне здесь.

— Возьмешь девицу из секретариата. Пройдет пара дней, и ты перестанешь замечать разницу.

— Я не о том.

— Знаю. Я нужна тебе как сожительница. Сколько мы так прожили, полгода? Чертов город, он способен загрязнить и опошлить что угодно! Где-нибудь в другом месте у нас, глядишь, и получилось бы, но не тут.

— Джуди, — воскликнул он, — какой бес в тебя вселился? Из-за того, что я не смог приехать вчера...

— Отчасти да, но не только. Я понимаю, что ты должен был оставаться в Белом Доме, но столько всего произошло, навалилось разом, что я испугалась, а утешить меня оказалось некому. Я попыталась позвонить маме: естественно, линия была занята. Бедненькая перепуганная девчушка спешит спрятаться под мамочкино крылышко! Но все вдруг изменилось, Стив. Я превратилась из вашингтонской красотки в провинциалку из Огайо, а причиной всему страх. И ты не посмеешь утверждать, что бояться было нечего.

— Не посмею, — согласился он. — Я и сам испугался, да и все остальные — тоже.

— Что с нами будет, Стив?

— Будь я проклят, если знаю! Но мы говорим о другом.

— Чудовища рыскают по горам, — проговорила Джуди, — прибавились тысячи голодных ртов, люди вот-вот вцепятся ДРУГ другу в глотки...

— Мы говорили о твоём отъезде в Огайо. Я не собираюсь спрашивать, всерьез ты или нет; знаю, что всерьез. Тебе повезло, что ты нашла место, где укрыться. Большинство из нас в гораздо худшем положении. Я бы попросил тебя остаться, но это будет нечестно, где-то даже эгоистично. Но если бы ты передумала, я был бы очень рад.

— Я заказала билет на самолет. Как ни удивительно, дозвонилась с первого раза. Страна в панике, Стив. Поневоле начнешь ощущать себя беспомощной.

— Тебе не понравится в Огайо, вот увидишь. Если уж в Вашингтоне страшно, то в Огайо и подавно.

— Я все равно уеду, Стив. Самолет в шесть пятнадцать сегодня вечером.

— Что бы я ни сказал?

— Что бы ты ни сказал.

— Тогда зови журналистов. У меня есть для них новости.

Глава 36

Сенатор Эндрю Оукс слегка приподнялся из кресла, в котором словно утонул.

— Я не уверен, мистер президент, что разумно отзываться домой все войска, — заявил он. — Кто же будет поддерживать порядок на базах? Кроме того, мне представляется, что мы действуем с излишней поспешностью. Стоило каким-то там чудовищам забраться в вирджинский курятник, как мы тут же отзываем войска. Куда вы так торопитесь? И потом, надо ли было рассказывать об этом событии газетчикам? Они же переполюшат всю страну.

— Сенатор, — заметил конгрессмен Нельсон Эйбл, — мне кажется, вы что-то путаете. Нас пригласили сюда не за тем, чтобы обсуждать, необходимо ли отзываться войска, но чтобы сообщить, что они отозваны по такой-то причине.

— Тем не менее, — возразил сенатор, — я убежден, что президенту Хендерсону следует знать наше мнение. Он вправе не согласиться с ним, но должен, я думаю, его знать.

— Не горячись, Энди, — посоветовал президент. — Вам известно, как часто я прислушивался к вам и находил в ваших выступлениях что-либо полезное для себя, хотя соглашался далеко не всегда. Вернее, почти никогда.

— Разумеется, мне это известно, — буркнул Оукс, — но я все равно хочу высказать свою точку зрения на происходящее. Какая глупость — отзываться войска! Собрать всю армию воедино для охоты на выводок зверенышей-куродавов!

— Помнится, — проговорил сенатор Брайан Диксон, — нам дали понять, что детеныши быстро вырастут. Нужно покончить с ними, пока их не развелось столько, что некуда станет деваться.

— Откуда мы знаем, что они и впрямь вырастут и расплодятся? — упорствовал Оукс. — Вы предлагаете верить на

слово людям из будущего, которые сбежали к нам, поскольку не справились с ними. А не справились они потому, что отвыкли воевать. У них нет ни армии, ни оружия, ни...

— Минуточку, сенатор, — перебил конгрессмен Эйбл. — Не забудьте, что вы не на Капитолийском холме, где публика с таким восторгом встречает ваши воинственные речи, а читатели газет от них просто млеют. Мы-то свои, и вы нас не проймете.

— Господа, — сказал президент, — на мой взгляд, мы несколько отвлеклись. Несмотря на возражения сенатора, к которому я отношусь с большим уважением, войска все-таки будут отозваны. Я распорядился об этом потому, что министр обороны и председатель комитета начальников штабов заявили в один голос: необходимы подкрепления. Разговор с ними состоялся утром. Мы сошлись на том, что не можем позволить, чтобы что-то пошло наперекосяк. Возможно, мы собираемся палить из пушки по воробьям, но лучше так, нежели наблюдать за развитием событий со стороны. Некоторые из вас, вероятно, считают, что беженцы из будущего сообщили нам весьма скудные сведения, однако я склонен полагать, что они предупредили нас обо всем известном им самим. Они изучали чудовищ на протяжении двадцати лет. Члены нашей Академии наук уверили меня, что способности, приписываемые инопланетянам, конечно, необычны, но ничуть не противоречат законам биологии. Так что, смею надеяться, вы не станете упрекать нас в безответственности решений. В силу обстоятельств мы действовали быстрее, чем принято, однако на более взвешенные действия у нас просто не было времени.

Оукс откинулся на спинку кресла и что-то пробормотал себе под нос.

— Сэр, вы не получали новой информации об инопланетянине, сбежавшем из туннеля в Конго? — спросил конгрессмен Уэйн Смит.

— Нет, — ответил президент, — Откровенно говоря, мы сомневаемся в достоверности этого сообщения.

— С просьбой о помощи они не обращались?

— Нет. По официальным каналам таких просьб не поступало.

— А как обстоит дело с туннелями, сэр? Газеты и радио противоречат друг другу. Я знаю, некоторые закрылись — но что именно там случилось?

— Нам известно немногим больше вашего, Уэйн. Закрылся вирджинский туннель, закрылись два других, один в Висконсине, второй в Техасе, оба — без нашего участия. Мне представляется, их уничтожили те, кого оставили на страже; по-видимому, на них наседали чудовища или же произошла какая-то поломка. Все остальные туннели на территории Соединенных Штатов в исправности.

— Вам не кажется, что те два туннеля, о которых вы упомянули, закрылись из-за того, что по ним прошли все, кто мог? Ведь должен же когда-то наступить конец этому потоку беженцев!

— Мы знаем, что висконсинский туннель закрылся по причине нападения инопланетян. Во всяком случае, так утверждали последние, кто вышел из него. Что касается Техаса, предполагать можно что угодно. Но относительно вашего вопроса... Да, я рассчитываю, что скоро туннели начнут закрываться, поскольку выполняют свою функцию.

— Мистер президент, какова практическая сторона постройки туннелей? — поинтересовался сенатор Диксон, — Сможем ли мы построить их?

— Мне сказали, что да, — ответил президент, — Наши физики и технические специалисты сейчас совещаются с учеными беженцев. Люди из будущего определили места строительства, то бишь строительные площадки. Хорошо уже то, что нам не придется строить столько туннелей, сколько понадобилось им, чтобы попасть сюда. С уходом в миоцен не существует никакой спешки. Многочисленность туннелей из будущего в наше настоящее объясняется тем, что беженцам, если они не хотели погибнуть, требовалось свое время покинуть как можно скорее. Кроме того, насколько я понял,

нет ни малейшей необходимости строить туннели в малых странах. Один туннель будет обслуживать территорию в несколько сотен миль вокруг. Ведь доставка людей к туннелям обойдется гораздо дешевле, чем строительство. Единственная серьезная трудность заключается в том, что мы должны построить туннели и отправить беженцев в прошлое раньше, нежели они лишат нас продовольствия и крыши над головой.

— Значит, строительство туннелей не превосходит наши возможности? Нужны лишь время, деньги и рабочая сила?

— Верно, Брайан. С рабочей силой проблем, я думаю, не возникнет. Беженцы, а их десятки тысяч, готовы трудиться там, где им укажут, а около часа назад Терри Робертс извещил меня, что профсоюзы не будут возражать против привлечения их к осуществлению, как он выразился, «федерального проекта». Терри заверил меня в поддержке профсоюзов, причем до такой степени, что они согласны даже нарушить собственные правила. Так что с рабочей силой мы разберемся. С деньгами сложнее. Промышленность не изъявляет особого желания сотрудничать; кроме того, чтобы начать производство элементов конструкции туннелей, нужно перепрофилировать заводские линии. Перепрофилирование же и в обычных условиях — процесс затяжной и дорогой. Тот факт, что мы должны произвести его в чрезвычайно сжатые сроки, увеличивает стоимость операции настолько, что она выходит за все мыслимые пределы. Вдобавок элементы конструкции тоже недешевы. Плюс ко всему, мы действуем не в одиночку, а заодно с целым миром. На нас, равно как и на Германию, Россию, Великобританию, Францию, Японию и Китай, то есть на промышленно развитые государства, ляжет основное бремя; нам придется изготавливать детали туннелей не только для себя, но и для других. Между тем их общее количество хоть и уступает прежнему, все равно достаточно велико. Численность населения в будущем уменьшилась по сравнению с нашей, однако не в таких масштабах, чтобы все беженцы поместились

в два или три туннеля. Если мы сосредоточим в одном районе слишком много людей, новая цивилизация в прошлом, возможно, так и не будет создана. К сожалению, изготовлением элементов конструкции проблема промышленности не исчерпывается, поскольку мы должны еще снабдить переселенцев различными инструментами, а также скотом и семенами, что позволит им как следует обосноваться в миоцене. Производство же упомянутых инструментов неминуемо отвлечет на себя значительную часть мощностей.

— Вы говорили с кем-либо из промышленников?

— Пока не успел. Но министерство торговли по моей просьбе пытается установить, какой реакции можно ожидать. Я полагаю, все будет в порядке. Скорее всего, промышленники уже разобрались в ситуации.

— Мистер президент, — вновь вынырнул из своего кресла Оукс, — в какую, по-вашему, сумму обойдется весь проект? Хотя бы приблизительно.

— Не знаю, — ответил Хендерсон.

— Так или иначе, сумма будет кругленькой, не правда ли?

— Очевидно.

— Возможно, она превысит расходы на оборону, из-за которых все прямо с ума сходят.

— Вы ждете от меня утвердительного ответа, — проговорил президент. — Что ж, эта сумма и в самом деле, вероятнее всего, намного превысит расходы на оборону. Может статься, мы потратим на строительство туннелей больше, чем на войну. Может статься, экономика не выдержит такого напряжения. Но что еще нам остается? Перестрелять всех беженцев? Чем не решение проблемы? Вам оно нравится?

Оукс пробурчал что-то неразборчивое.

— Мне вот что пришло в голову, — произнес Эйбл. — Несмотря на все затраты, мы, кажется, получим кое-какую прибыль. Технология будущего, несомненно, опережает нашу, например в отношении источников энергии. На то,

чтобы овладеть тем же ядерным синтезом, у нас уйдут десятилетия. Если они поделятся с нами своими достижениями, мы существенно продвинемся вперед. Я считаю, что в знак благодарности...

— Эта затея обречена на провал! — прошипел Оукс, — Господа, вы ведете страну к пропасти! Ядерный синтез! Да понимаете ли вы, что его применение в промышленности в мгновение ока уничтожит такие отрасли, как газовая, нефтяная и угольная?

— Та же участь уготована медицине, — невозмутимо заметил Эйбл, — Врачи будущего научились излечивать рак.

— Конгрессмен Эйбл прав, — сказал сенатор Диксон. — Переняв научные и технологические, а также, возможно, социально-политические достижения людей будущего, все то, чего человечество добилось — или добьется — в течение ближайших пятисот лет, мы окажемся в значительно лучшем положении. Однако кому будут принадлежать новые знания? Человеку, способному поглощать информацию не важно какими средствами? Или правительствам? Или всему миру? Если последнее, то как ими станут распоряжаться? Да, господа, проблем не перечесть.

— Мне кажется, — проговорил Смит, — что все они не насущны, за исключением двух. Во-первых, нам надо каким-то образом избавиться от инопланетных чудовищ, а во-вторых, предпринять все усилия для отправки беженцев в миоцен. Вы согласны со мной, мистер президент?

— Целиком и полностью.

— Ничего, — пробурчал Оукс, — русский посол задаст вам жару.

— Откуда вы знаете о том, что я жду посла, Энди?

— Все очень просто, мистер президент. Чем дольше человек сидит на Холмез, тем больше он знает, в том числе и то, что ему не положено знать.

— Понятия не имею, что ему нужно, — сказал президент, — Мы поддерживаем контакт с руководителями всех государств. Я говорил по телефону с некоторыми из них, в

частности с Менковым. Очевидно, послу поручили передать то, о чем не скажешь по телефону.

— Может быть, может быть, — хмыкнул Оукс, — Однако, когда русские проявляют к чему-либо повышенный интерес, мне всегда становится не по себе.

Глава 37

Что-то затаилось в зарослях лещины на краю кукурузного поля — нечто живое и неуловимое, не желавшее покидать своего убежища. Сержант Гордон Кларк был уверен, что глаза его не обманывают, почему — он и сам не знал, однако пребывал в полной, или почти полной, уверенности, что так оно и есть. Возможно, в нем говорило чутье старого вояки, сотни раз проникавшего на вражескую территорию и сумевшего остаться в живых, несмотря на все опасности. Так или иначе, он знал, что в орешнике кто-то прячется.

Сержант лежал на небольшом бугорке, что возвышался над полем; он не шевелился и, казалось, даже не дышал. Дуло гранатомета, установленного на трухлявом бревне, было нацелено на заросли. Должно быть, собака, сказал себе Кларк, точно, собака или ребенок; но беспокойство не ослабевало.

Чтобы остаться незамеченным, сержант соорудил себе укрытие из веток сумаха. Он слышал журчание горного ручья, что протекал сразу за полем; оттуда, где располагалась ферма, доносилось бестолковое квохтанье курицы. Других членов поисковой партии поблизости не наблюдалось. Они должны были находиться рядом, однако ничто не выдавало их присутствия. Все они были солдатами регулярной армии и знали свое дело. Они скользили по лесам как тени, не производя шума, не задевая ненароком ни куста, ни дерева.

Сержант угрюмо усмехнулся. У него отличные ребята. Он сам их обучал. Правда, капитан считает иначе, ну и пусть его. Не кто иной, как сержант Гордон Фэрфилд Кларк, вбивал в тупые солдатские головы основы воинских навыков.

Солдаты, разумеется, отвечали ему ненавистью, но другого он и не ждал. Ведь из ненависти зачастую возникает уважение. А страх или уважение — какая разница? В прошлом попадались такие умники, которые носились с фантазией прострелить сержанту голову. Возможностей у них было предостаточно, тем не менее дальше разговоров дело не шло. Они в конце концов соображали, что пропадут без него — конечно, не без сержанта Кларка собственной персоной, а без ненависти к нему. Для мужчины нет ничего лучше здоровой ненависти.

Интересно, что привиделось фермеру, подумал сержант. Он весь дрожал, когда рассказывал, что углядел в орешнике какую-то тварь. По его словам, она будто явилась из кошмарного сна. Да, помнится, он и впрямь весь дрожал...

Существо, которое пряталось в орешнике, вдруг выскочило наружу так быстро, что Кларк едва успел проследить его движение, выскочило — и замерло на лужайке между зарослями лещины и кукурузным полем.

Сержант стиснул зубы, кое-как совладал с приступом тошноты, повел дулом гранатомета, прицелился и хотел нажать курок. Внезапно чудовище пропало. В перекрестье прицела остались лишь кусты на краю поля. Кларк не шелохнулся, только убрал палец со спускового крючка.

Тварь не трогалась с места, это он готов был подтвердить под присягой. Она просто взяла и исчезла. Не могла же она в самом деле переместиться куда-то за долю секунды? Когда она выскользнула из зарослей, ее движения слились в серое пятно, а сейчас не было и пятна. Сержант Кларк поднял голову, затем встал на колени, вытер ладонью лицо и с изумлением обнаружил на руке влагу, то был холодный пот.

Глава 38

Федор Морозов был хорошим дипломатом и порядочным человеком — ведь одно вовсе не исключает другое, — а потому готовился исполнить порученное ему дело с тяжелым

сердцем. Вдобавок он неплохо знал американцев и был убежден, что у него ничего не выйдет. Да, они попадут в неловкое положение, ибо грешки, которые за ними водятся, станут очевидны всему миру; при не столь драматичных обстоятельствах он и сам ничуть не возражал бы щелкнуть Америку по носу. Но теперь ни американцам, ни кому другому не до дипломатических игр, и кто может предугадать, чем обернется его миссия?

Президент ожидал Морозова; рядом с ним, что было вполне естественно, стоял государственный секретарь. Президент был сама доброжелательность, однако, как заметил Морозов, Торнтон Уильямс выглядел озадаченным, хоть и старался этого не показать. После обмена рукопожатиями все уселись, и президент сказал:

— Мы всегда рады вам, господин посол, будь то по причине или без причины. Итак, чем мы можем служить?

— Мое правительство, — ответил Морозов, — поручило мне вступить в переговоры с вами относительно проблемы безопасности, которая затрагивает на деле всех и каждого. Разумеется, переговоры будут настолько неофициальными, насколько позволяют занимаемые нами должности, — Он сделал паузу. Американцы молчали, явно желая выслушать все до конца. — Я имею в виду инопланетянина, который сбежал из временного туннеля в Конго. Вопрос о том, нужно его ловить или нет, как мне кажется, не стоит. Поскольку Конго не имеет армейских или полицейских сил надлежащей численности, мое правительство предлагает направить туда экспедиционный корпус. Оно намерено также связаться по этому поводу с Великобританией и Францией, а также, вероятно, с некоторыми другими государствами.

— Господин посол, — отозвался Уильямс, — вряд ли ваше правительство чувствует себя обязанным испрашивать нашего согласия на осуществление столь своевременной, добрососедской акции. Я полагаю, вы можете гарантировать, что ваши солдаты покинут Конго сразу же после поминки чудовища?

- Конечно.
- Тогда мне непонятен смысл вашего визита.
- Нам известно о наличии чудовища — вернее, чудовищ — и на территории Соединенных Штатов. Поэтому мы предлагаем вам то же самое, что предложили Конго.
- Вы хотите сказать, — проговорил президент с улыбкой, — что готовы предоставить в наше распоряжение свои воинские подразделения для охоты на инопланетянина?
- Мне представляется, что слово, которое вы использовали — «готовы», — не совсем точно отражает ситуацию, — заметил Морозов. — До тех пор, пока вы не сможете гарантировать, что справитесь собственными силами, мы будем настаивать на своем предложении. Это бедствие не внутринациональное, а международного масштаба. Чудовищ необходимо уничтожить. Если вы не способны на такое, значит, вам следует принять любую предложенную помощь.
- Вам наверняка известно, что мы отзываем части из-за рубежей США, — сказал Уильямс.
- Известно, господин секретарь, — подтвердил Морозов, — однако как скоро они возвратятся? По оценкам наших военных специалистов, переброска войск займет у вас минимум тридцать дней. Кроме того, даже с учетом ожидаемого пополнения неясно, сумеете ли вы охватить «зараженную» территорию.
- Мы благодарим вас за заботу, господин посол, — проговорил президент.
- Позиция моего правительства следующая, — заявил Морозов, — Ваше стремление полагаться на собственные силы может привести к губительной задержке. Если же вы примете наше предложение, мы обещаем провести операцию в самые сжатые сроки и привлечь к ней достаточное количество людей, тем более что и другие страны не откажут вам в помощи, если вы согласитесь...
- Господин посол, — перебил президент, — я думаю, вы отдаете себе отчет, что подобное предложение для нас неприемлемо. Для вас не будет откровением, если я скажу, что

ваше правительство, желая в действительности помочь нам, избрало бы иной подход. Я не сомневаюсь, что цель, которую вы преследуете, — запугать нас. Могу вас уверить: вы просчитались. Нам не страшно.

— Я искренне рад, — отозвался Морозов с непоколебимым спокойствием в голосе. — Мы просто сочли необходимым соблюсти правила приличия.

— То есть, — сказал Уильямс, — теперь вы обратитесь в ООН и попытаетесь запугать нас на публике.

— Господа, — возразил посол, — вы почему-то неверно истолковываете все мои слова. Да, в прошлом между нашими государствами существовали определенные разногласия, а порой возникали серьезные трения. Но сегодня мир должен действовать как единое целое. Только поэтому мы предлагаем вам свою помощь. Мы создаем, что скорейшее уничтожение инопланетян — в интересах всего мирового сообщества, и потому вы обязаны принять помощь. Нам не хотелось бы ставить ООН в известность о том, что вы пренебрегли своим долгом.

— Можно представить, что вы там наговорите, — язвительно бросил Уильямс.

— Если вы примете наше предложение, мы вполне удовлетворимся этим. Возможно, вы сочтете целесообразным привлечь помимо российских войска, скажем, Канады, Великобритании и Франции. В таком случае содержание нашей беседы останется в тайне. Разумеется, журналисты знают о моем визите и примутся расспрашивать меня, но я скажу им, что мы всего-навсего продолжаем обсуждать ситуацию с беженцами. Подобный ответ будет, как мне представляется, логичным и должен успокоить репортеров.

— Вы ждете нашего решения немедленно? — спросил президент.

— Ни в коем случае, — откликнулся посол. — Мы понимаем, что вам нужно все тщательно взвесить. К тому же Совет Безопасности ООН соберется лишь завтра днем.

— Если мы обратимся с просьбой о направлении войск к дружественным нам государствам и обойдем при этом вашу страну, вы, я полагаю, ощутите себя оскорбленными в лучших чувствах?

— Не могу утверждать наверняка, но скорее всего — да.

— Мне кажется, — заметил государственный секретарь, — мы имеем дело с низкими интригами на правительственном уровне. Господин посол, мы знакомы с вами на протяжении ряда лет, и, признаюсь откровенно, я всегда относился к вам с большим уважением. Вы пробыли у нас три, вернее, почти четыре года и должны были бы хоть немного разбираться в характере американцев. Возможно, вы не одобряете действий своего руководства.

— Я передал вам то, что мне поручили передать, — проговорил, вставая, Федор Морозов. — Благодарю вас. Разрешите откланяться.

Глава 39

В Нью-Йорке, Чикаго и Атланте произошли столкновения демонстрантов с полицией. Люди несли плакаты с надписями: «Их никто не звал», «Нам и так мало», «Мы отказываемся голодать». Митингующие вооружались, кто чем: камнями, палками, расплюснутыми консервными банками, которые использовались в качестве метательных снарядов, пластиковыми пакетами с человеческими экскрементами. В гетто стоял сплошной крик и торжествовало насилие. Были жертвы, раненые и убитые; пламя костров перекидывалось на жилые дома, а пожарные машины не могли добраться до места из-за преграждавших улицы баррикад. Повсюду шли грабежи.

В маленьких городках по всей стране тоже было неспокойно. Мужчины с угрюмыми лицами собирались в кучки на перекрестках, в кафе и парикмахерских, перед магазинами и говорили, говорили... Они повторяли друг другу: «Нет, сосед, что-то тут не так. Уж больно смахивает на

небывальщину. Вот раньше, когда каждый знал, что происходит, такого не случалось. А сегодня разве кто скажет? Все перепуталось, сосед, порядочному человеку не за что держаться...» Они обменивались язвительными замечаниями: «Ну конечно, как всегда, опять нам отдуваться за них. Вы слышали, что сказал президент? Дети наших детей! Ну да, так и сказал. Интересно, мы что, должны из кожи вылезти? Налоги и без того подскочили, куда уж выше-то? А эти туннели? Бешеные деньги, сосед, просто бешеные. Налоги на все, что покупается, на все, что человек делает и чем владеет. Нет, тут как ни пыжься, все равно без штанов останешься...» Они рассуждали как заправские святоши: «Тот священник из Нэшвилла попал в самую точку. Раз ты потерял веру, значит, потерял все ценное, что у тебя было. Для чего тебе тогда жить? Какая это жизнь, без Библии? Неужто и вправду через пятьсот лет люди отвернутся от Бога? Правда, правда, а во всем виновато зло, которое разъедает исподволь наш мир. В больших городах живут одни греховодники. Тут, у нас, от Бога не отвернешься. Верно, сосед? Он все время с тобой, ты чувствуешь его в дуновении ветра, видишь его в предрассветном небе, ощущаешь в тишине вечера. Знаете, сосед, а мне жаль тех людей из будущего. Честное слово, жаль. Они не понимают, что потеряли...»

Митинги и демонстрации сурово осуждались: «Надо было перестрелять их! Чего с ними цацкаться? Подумаешь, люди! Да они в жизни палец о палец не ударили! Попрошайничают с утра до вечера. Где это видано, чтобы человек, который на деле ищет работу, не нашел ее? Мы тут надрываемся, горбатимся, понимаешь, не за шиш, но не бунтуем, не поджигаем дома и не тянем руки за подаванием...» Молодежь из парка Лафайетта убоивалась, как правило, одобрения: «Если они хотят уйти в свой миоцен, с какой стати нам их держать? Пускай себе идут, скучать не будем. Обойдемся, эка невидаль...» Местный банкир заявил с подкупающей прямоотой: «Помяните мое слово, нам здорово повезет, если эти пришельцы не погубят всю страну. Да-да, всю

страну, а может, и весь мир. Доллар превратится в ничто, цены подскочат...» Постепенно люди начали высказывать то, что тревожило их сильнее всего: «Вы подождите, скоро выяснится, что тут не обошлось без комми. Не отмахивайтесь, сосед, я грязных комми за милую душу. Не знаю, как они ухитрились, но готов побиться об заклад, что кашу заварили русские...»

Был организован марш на Вашингтон. В нем участвовали те, кого презрительно именовали «отбросами общества» — представители контркультуры. Они добирались до города на попутках, автобусами, пешком. Некоторые умудрились проникнуть в Вашингтон еще до темноты и присоединились к тем, кто митинговал под плакатами «Назад, в миоцен!» и «Давайте ваших саблезубых!». Другие достигли цели уже под покровом ночи или заночевали на дороге, чтобы продолжить путь с первыми лучами солнца; кто устроился в стоге сена, кто — на парковой скамейке; юнцы пожирали гамбургеры, выискивали знакомых, вели оживленные дискуссии у костров.

На улицах Вашингтона появились группы молодых людей, окружавшие юношей, что изнемогали под тяжестью громадных крестов, то и дело спотыкались, падали, но всякий раз вставали и плелись дальше. Нашлись такие, кто водрузил себе на голову терновые венцы, и теперь по их лицам стекали струйки крови. В середине дня произошло столкновение в парке Лафайетта; негодующая толпа, среди которой изобиловали сторонники ухода в миоцен, вмешалась в ритуал распинания добровольцев. Полиции удалось очистить парк примерно через пятнадцать минут усиленной работы дубинками, после чего были подобраны и погружены в грузовик четыре грубых деревянных креста. «Ребята спятили, — проговорил один офицер. — Провались они пропадом вместе со своими заморочками!»

Сенатор Эндрю Оукс позвонил Гранту Веллингтону.

— Время настало, — проговорил он заговорщическим тоном, — Ложитесь на дно. Не произносите ни слова. Постарайтесь изобразить, будто вам все равно. Ситуация крайне неопределенная. Никто не знает, что случится в следующий миг. Русский посол поутру заявился в Белый Дом, а это что-нибудь да значит. В общем, творится какая-то чертовщина!

— Ты что-либо выяснил, Рейли? — спросил, поздоровавшись, Клинтон Чепмен.

— Ничего, за исключением того, что путешествия во времени возможны и что существуют чертежи туннелей, — ответил Дуглас.

— Ты видел их?

— Нет. Все совершенно секретно. Ученые, которые говорили с беженцами, как в рот воды набрали.

— Но тебе...

— Что мне, Клинт? Да, я генеральный прокурор, но сейчас мой пышный титул не производит никакого впечатления. Говорю тебе, все совершенно секретно. Чертежи видели только академики, даже военных к ним не подпустили. Сомневаюсь, чтобы...

— Однако они не могут молчать до бесконечности! Что можно построить без чертежей?

— Пожалуйста, строй, но принципов действия тебе никто не объяснит. Понимаешь?

— Какая, черт побери, разница?

— На мой взгляд, немалая, — отозвался Дуглас. — Лично я не стал бы строить то, в чем не разбираюсь.

— Ты же сам сказал: речь идет о путешествиях во времени!

— Да, — подтвердил Дуглас.

— Так чего ты морочишь мне голову? — рассердился Чепмен.

— Перемещение возможно только в одном направлении...

— А должно быть в обоих, — возразил Чепмен. — Я верю своим физикам.

— На строительство уйдет уйма денег, — проговорил Дуглас.

— Я связался кое с кем из тех, кому могу доверять, — отозвался Чепмен, — Они заинтересовались моим предложением, потому что понимают, какие могут быть последствия. Выполни то, о чем я тебя прошу, а средства найдутся.

Джуди Грей поднялась на борт самолета и отыскивала свое кресло. Она взглянула в иллюминатор на тягачи и заправщики, глаза ее наполнились слезами, и она быстро провела ладонью по лицу. «Сукин сын! — прошептала она, стискивая зубы. — Чертов сукин сын!»

Глава 40

— Стив, — проговорил в телефонную трубку Том Мэннинг, — до меня дошли кое-какие слухи.

— Растрезвонь о них, Том, — ответил Уилсон, — Растрезвонь о них по всему свету во славу Глобал Ньюс!

— Надеюсь, ты исчерпал запас своих плоских шуточек и мы можем перейти к делу?

— Если ты хочешь добиться от меня подтверждения этих слухов, то я вынужден буду тебя разочаровать.

— Стив, ты что, не знаешь меня?

— То-то и оно, что знаю.

— Ну ладно, — буркнул Мэннинг, — начнем сначала. Президент пригласил к себе утром русского посла...

— Президент его не приглашал. Он явился по собственной инициативе. Насколько мне известно, посол уже сделал заявление для прессы.

— Да, мы знаем, что сказал посол и что добавил ты на сегодняшнем брифинге, который, между прочим, ради такой ерунды не стоило и собирать. Однако ни один человек в здравом уме не купится на твои уловки.

— Извини, Том, но я сообщил все, что знаю.

— О'кей, — произнес Мэннинг, — Поверю тебе на слово, так и быть. Вполне возможно, тебя ни о чем не предупредили. Тогда слушай: по зданию ООН распространяются всякие сплетни. Наш человек в Нью-Йорке решил позвонить мне, а я велел ему подождать, пока не переговорю с тобой.

— Том, я не имею ни малейшего представления, куда ты клонишь. Посол, по-моему, рассказал все, что, очевидно, можно было рассказать. В свете того, что с Москвой вчера и сегодня велись переговоры, его заявление кажется вполне правдоподобным. Президент в разговоре со мной тоже ни о чем таком не упоминал. Так что...

— Слушай, — повторил Мэннинг, — Вот что мне сообщили: в беседе с Уильямсом и президентом Морозов предложил использовать русскую армию для поисков чудовищ; его предложение было отвергнуто...

— Том, твоему источнику можно доверять? Ты уверен?

— Лично я — нет. Я передаю тебе то, что узнал наш человек в Нью-Йорке.

— Кто там у тебя, Макс Хейл?

— Один из лучших репортеров, — заявил Мэннинг. — На него можно положиться.

— Согласен. Я помню его по Чикаго.

— Далее собеседник Хейла сказал, что о нашем отказе будет объявлено на заседании Совета Безопасности. Скорее всего, от нас потребуют, чтобы мы приняли помощь русских — ну и, наверно, других.

— Старая история, — пробормотал Уилсон.

— Это еще не все. Если мы откажемся принять предложение, а впоследствии выяснится, что чудовищ не удалось уничтожить, тогда Россия призовет к ядерной бомбардировке районов, где скрываются инопланетяне, под видом того, что мир не может допустить...

— Подожди минуточку, — перебил Уилсон. — Ты сказал, что придержал эту информацию?

— Да. Надеюсь, мне не придется распространять ее. Вот почему я звоню. Хейл ведь там не один, мало ли кто мог услышать. Если она попадет на телетайпы, нам конец.

— Я уверен, что это ложь, — проговорил Уилсон, — В такой момент... Нет, невозможно! Все понимают, что теперь не время играть в политические игры. Вернее, должны понимать. Том, я просто не могу поверить.

— Ты вправду ничего не знаешь? Ни вот столечко?

— Честное слово.

— Не хотел бы я оказаться на твоём месте, Стив, — сказал Мэннинг, — Даже за миллион долларов.

— Том, ты потерпишь, пока мы проверим?

— Разумеется. Однако за других не ручаюсь. Если что, я дам тебе знать.

— Спасибо, Том. Как-нибудь...

— Как-нибудь, когда все закончится, — прервал Мэннинг, — мы с тобой заберемся в такой бар, где нас никто не найдет, и посидим от души.

— Выпивка моя, — ответил Уилсон, — до последнего стакана.

Повесив трубку, он ссутулился в кресле. Надо же! Ну почему что-то обязательно должно случиться на ночь глядя? Впрочем, бывают такие дни, которые, кажется, никогда не кончаются, все тянутся и тянутся, ползут улитками. Вчера и сегодня слились в одни кошмарные сутки, утратили, похоже, всякое подобие реальности. Джуди улетела, по улицам маршируют чокнутые подростки, бизнесмены жалуются, что им не дают делать деньги, свихнувшиеся проповедники призывают к крестовому походу, в горах шныряют инопланетяне, а будущее по-прежнему избавляется от своих обитателей.

Веки Уилсона сами собой сомкнулись, он вздрогнул и открыл глаза. Надо будет поспать, да, не забыть бы... Возможно, Джуди была права. Отойти в сторону, сунуть голову под крыло. Хотя, если по-честному, еще неизвестно, отчего она сбежала. Он скучал по ней, скучал чуть ли не весь день,

с того мгновения, когда узнал, что она собралась улетать. Может, следовало быть понастойчивее и тогда она бы осталась? Но, во-первых, у него не было времени, а потом, он не знал, как подступиться к ней, чтобы вышло изящно, поскольку иначе и не стоило что-либо затевать. Ну да ладно, она все равно вряд ли стала бы его слушать.

Уилсон вновь снял трубку.

— Ким, ты до сих пор на месте? Мне необходимо видеть президента. Дело весьма срочное.

— Наверное, придется подождать, Стив. Он на заседании кабинета.

Глава 41

— Оно было у меня на прицеле, сэр, и вдруг словно испарилось, — докладывал сержант Гордон Фэрфилд Кларк полковнику Юджину Доусону. — Исчезло, и все. Пропало. Я уверен, что оно не сдвинулось с места, потому что за секунду до этого видел, как оно выскочило из кустов. Такое серое пятно, сэр, знаете, как рисуют в мультфильмах, только живое. А потом оно взяло и сгнуло.

— Оно заметило вас, сержант, — сказал полковник.

— Не думаю, сэр. Я хорошо замаскировался и не шевелился, пока оно было на виду, только передвинул на пару дюймов дуло гранатомета.

— Не вас, так кого-нибудь из солдат.

— Сэр, они все прошли мою выучку. Их никто не увидит и не услышит.

— Тем не менее оно что-то увидело или услышало, что-то такое, что спугнуло его. Вы уверены, что оно исчезло, сержант?

— На все сто, сэр.

Полковник сидел на стволе поваленного дерева. Он нагнулся, подобрал с земли тоненькую веточку и принялся ломать ее. Сержант примостился на корточках рядом с гранатометом, который использовал сейчас как подпорку.

— Сержант, — проговорил Доусон, — я не знаю, какого черта мы тут делаем, не знаю, каких можно ожидать приказов. Вы нашли одно чудовище, но оно растаяло в воздухе у вас на глазах. Мы можем справиться с ними, тут у меня нет никаких сомнений. Пускай они вырастают и звереют, мы все равно с ними справимся. У нас есть огнестрельное оружие и, кроме того, неплохие мозги. Если мы столкнемся с ними нос к носу, то живо покажем где раки зимуют. Наше вооружение намного лучше того, каким обладали люди из будущего, так что победа наверняка будет за нами. Однако здесь, в этой местности, мы практически беспомощны. Мы можем нанести бомбовый удар по площади в десять тысяч акров и накрыть лишь одного из них, да и то с Божьей помощью. Зато сколько погибнет других существ, в том числе и людей! Времени на эвакуацию не будет, поэтому люди неминуемо погибнут. Следовательно, мы должны отлавливать их поодиночке...

— Но даже если так, сэр...

— Знаю, знаю. Предположим, нам повезет — раз, другой, третий. А этих тварей сотни, и они беспрестанно размножаются! Те, что вылупились первыми, день ото дня становятся все больше и свирепее. Пока мы будем охотиться за ними, они, быть может, уничтожат пару деревень, армейский лагерь или...

— Сэр, — проговорил сержант Кларк, — тут хуже, чем во Вьетнаме, а уж там было достаточно паршиво.

— Мы еще не проиграли, — провозгласил полковник, поднимаясь с бревна, — И не проиграем, если сообразим, как нам быть. Самое мощное в мире оружие никуда не годится, если его не на что навести, самые лучшие солдаты бесполезны против невидимого противника.

— Что ж, — сказал сержант, вставая и беря гранатомет под мышку, — пора за работу.

— Вы не видели фотографа?

— Какого такого фотографа? — удивился сержант. — Никого я не видел.

— Он назвался Прайсом из какого-то там агентства. Должно быть, шастает по окрестностям.

— Пусть он только мне попадется, я из него всю душу вытрясу, — пообещал сержант.

Глава 42

Преподобный Джейк Биллингс совещался с Рэем Макдоналдом, своим бывшим помощником по связям с общественностью, которого двенадцать часов назад возвел в ранг ответственного за организацию крестового похода.

— На мой взгляд, Рэй, — говорил преподобный Биллингс, — эти распинания не принесут нам пользы. Скорее они на руку тем, кто порицает нас. Как сказал один свидетель из Вашингтона, чьи слова приводятся в заметке...

— Что, про нас уже пишут в газетах? Я не ожидал столь быстрой реакции.

— Реакция, да не та, — воскликнул проповедник с неожиданной горячностью. — Полнейшая дешевка, — так написано в статье! Руки юноши, который якобы вызвался пожертвовать собой, были не прибиты к кресту, а привязаны веревками. Вообще, тон статьи, я считаю, недопустимый, тем не менее...

— Они ошибаются, — сказал Макдоналд.

— То есть вы использовали гвозди?

— Нет-нет. Дело в том, что римляне обычно не применяли гвоздей.

— По-вашему, Евангелия лгут?

— Ни в коем случае. Я просто хочу сказать, что обычно — обычно, но не всегда — жертву привязывали к кресту, а не прибивали. Мы провели историческое исследование, и...

— Ваши исследования меня не интересуют, — заявил Биллингс. — Важно то, что благодаря вашему чрезмерному рвению газетный писака нашел повод посмеяться над нами! Между прочим, почему вы не посоветовались со мной? Я не одобрил бы вашей затеи.

— Вы были заняты, Джейк, и велели мне разбираться самому. Мол, выдавать идеи мне положено по должности; ну, я и выдал.

— Мне звонил Стив Уилсон, — проговорил Биллингс, — он требовал отменить поход. Не приходится сомневаться, что официальный Вашингтон — по крайней мере Белый Дом — против нас. А вы сделали Уилсону такой подарок! Еще утром, то есть до того, как вас осенило, он на пресс-конференции вылил на нас целый ушат грязи. Теперь же он смешает нас с ней!

— Но люди поддерживают поход. Посмотрите — вся провинция, города и деревни...

— Поддерживают? Кто поддерживает? Деревенщина? С каких это пор мы стали опираться на провинциальных оболтусов? А как насчет влиятельных священников в крупных городах? Что, по-вашему, скажет своей пастве и через газеты всему миру преподобный доктор Энгус Виндзор? Начал-то не кто иной, как он, однако разве он снизойдет до того, чтобы присоединиться к юнцам, которые шляются по улицам с крестами на спинах и устраивают распятия на городских площадях? Сколько лет ушло на то, чтобы придать нам в глазах публики достойный облик, и все коту под хвост! Спасибо, Рэй, огромное...

— Но ведь мы прибегали к подобным трюкам и раньше, — возразил Макдоналд, — Цирковые фокусы, эстрадные штучки... Вам всегда нравилось.

— Всему есть предел.

— Ну, не скажите. Письмена в небе, парады, лозунги...

— Реклама дозволена законом, — перебил Биллингс, — честная реклама. Это великая американская традиция. Ваша ошибка, Рэй, в том, что вы вышли на улицу. Что вы знаете об улице? Вы столкнулись с профессионалами. Те ребята с плакатами родились и выросли на улице. А вы сунулись к ним, не спросив ничьего совета. С чего вы взяли, что у вас получится?

— Хорошо, но что же нам делать? С улиц мы уйдем, раз они не для нас. Но как нам тогда привлечь к себе внимание?

— Понятия не имею, — проговорил преподобный Джейк Биллингс, уставившись перед собой невидящим взглядом, — Ни малейшего понятия. Мне кажется, что после вашего представления с крестами на походе тоже можно поставить крест.

Глава 43

Вся заслуга принадлежала собаке.

Бентли Прайс был трезв как стеклышко. Горная дорога оказалась, как ей положено быть, узкой и извилистой, но Бентли, раздраженный всем случившимся, гнал с сумасшедшей скоростью. После многочасовых блужданий он наконец обнаружил армейский лагерь — скорее временную стоянку, начисто лишенную каких бы то ни было признаков присущей военным аккуратности, так, скопище палаток посреди леса, на берегу бежавшего по склону ручья. Преисполнившись сознанием выполненного долга, Бентли вылез из машины, навьючил на себя камеры и двинулся к самой большой из палаток. Он почти уже достиг цели, когда ему преградил путь неизвестно откуда взявшийся полковник. Офицер справился, кто он, черт возьми, такой и какого рожна ему тут надо. Бентли заявил, что он из Глобал Ньюс, приехал сфотографировать процесс поисков чудовища. Дескать, он говорил редактору, что с этим можно подождать, но тот не согласился и велел крутить педали, так что, если господин полковник не возражает, он хотел бы запечатлеть для истории, как охотятся на инопланетянина. Полковник в ответ сообщил, что Бентли забрался в запретную зону, и поинтересовался, не пытались ли его остановить. Ну да, пытались, отозвался Бентли, двое солдатиков, только он не обратил на них внимания, поскольку у него такое правило — плевать на тех, кто пробует остановить его; сами понимаете, работа есть работа, нужно уметь пролезать везде и всюду. Однако

полковник отказался войти в положение Бентли и велел ему убираться, да, сэр, именно убираться, своим командирским голосом, и вдобавок наградил его испепеляющим взглядом. У них и без того хватает забот, сказал полковник, чтобы еще возиться со всякими идиотами, которые лезут, куда их не просят, и пригрозил, что, если фотограф не уйдет по доброй воле, его выведут из зоны под конвоем. Пока офицер метал громы и молнии, Бентли снял с плеча одну из камер и щелкнул разгневанного полковника, после чего тот совсем уж взбеленился, и Бентли, отличавшийся изрядной сообразительностью, счел за лучшее отступить. Когда он проезжал мимо солдат, которые недавно порывались остановить его, те дружно заулюлюкали. Бентли притормозил было, но решил не связываться с сосунками.

А потом объявилась собака.

Она выскочила из придорожных кустов — уши прижаты, хвост поджат, из пасти вырывается не то лай, не то визг — так близко от машины, которая к тому же мчалась, что называется, на всех парах, что у Бентли совершенно не оставалось времени на раздумья. Он резко крутанул руль, машина рыскнула в сторону и въехала в заросли кустарника; фотограф изо всех сил надавил на тормоз, машина уткнулась носом в громадное дерево и застыла. Левая дверца от удара распахнулась, и Бентли, презиравшего такую белиберду, как ремни безопасности, вышвырнуло наружу. Камера, висевшая у него на шее, описала в воздухе короткую дугу и с размаху хлопнула Прайса по уху, да так, что у бедняги зазвенело в голове. Он плюхнулся на спину, перекатился на живот, встал на четвереньки, кое-как выпрямился и обнаружил, что приземлился на обочину.

Посреди дороги стояло чудовище. Бентли узнал его с первого взгляда, поскольку видел уже двоих таких красавчиков. Но это было маленьким, размерами с шетлендского пони, что, впрочем, не мешало ему выглядеть этаким чудом-юдом из страшной сказки.

Бентли Прайс, в отличие от других людей, не зашелся в истошном вопле и сохранил здравый рассудок. Он прикинул на глазок расстояние, поднес к лицу фотоаппарат, поймал чудовище в видоискатель и нажал на кнопку. Раздался щелчок, и чудовище исчезло.

Бентли медленно опустил камеру. Голова у него по-прежнему гудела, одежда зияла прорехами, сквозь дыру на штанине виднелось ободранное колено, ладонь правой руки была вся в крови — должно быть, порезался о гравий, которым предупредительно посыпали обочину. За спиной слышался негромкий скрежет: то принимал подобие былой формы покореженный металл автомобиля. Вода из разбитого радиатора капала на горячий двигатель и с шипением испарялась. Где-то вдалеке таякала та самая собака. Белка, что восседала на дереве поблизости от дороги, стрекотала со скоростью пулемета. Дорога была пуста. Чудовище исчезло. С того места, где он стоял, Бентли видел отпечатавшиеся в пыли следы когтистых лап. Вот так, подумал он, следы есть, а чудовища нет.

Бентли подковылял к следам и внимательно огляделся по сторонам. Оно же было тут, было! Я наблюдал его в видоискатель, сказал он себе, значит, мне не приснилось. Оно пропало, когда щелкнула задвижка. Внезапно его одолели сомнения. Может, все-таки привиделось? Интересно, успел ли он что-нибудь снять? А если успел, что получится на фотографии?

Пожалуй, все будет в порядке. По крайней мере, хочется в это верить. Бентли повернулся и, припадая на одну ногу, двинулся в сторону армейского лагеря. Ему нужен телефон, да, телефон и машина. Надо срочно попасть в Вашингтон.

Глава 44

— У нас имеются сообщения о трех встречах с инопланетянами, — проговорил Сэндберг, — Результаты пока

нулевые. Никто из солдат не успел даже выстрелить. Они сразу исчезают.

— Вы хотите сказать, что они уворачиваются? — справился Торнтон Уильямс.

— Если бы, — буркнул министр обороны, — Нет, они в самом деле исчезают. Те, кто видел их, клянутся, что перед тем, как пропасть, они и не шелохнулись. Представляете: раз — и нету! Все солдаты, опрошенные по отдельности, говорят одно и то же. Один человек может ошибиться, да и двое не застрахованы от подобного, но трое — это, извините, уже перебор.

— Вы, то бишь военные, не нашли никакого объяснения?

— Нет, — покачал головой Сэндберг. — По всей вероятности, чудовища подстраиваются под изменение среды. Понимаете, они постоянно настороже, ибо помнят, что должны выжить. Они столь озабочены выживанием вида, что предпочитают не рисковать даже в мелочах. Я полагаю, что, если загнать их в угол, они будут сражаться, но — только в этом случае. Очевидно, они приспосабливаются к ситуации. Мы беседовали с доктором Айзеком Вулфом, биологом из числа беженцев, он, похоже, знает о чудовищах больше, чем кто-либо другой. Так вот, о привычке тварей исчезать в решающий момент он никогда не слышал. Правда, он предположил, что такой способностью обладает исключительно молодняк. Нечто вроде защитного механизма для особи, которая еще не полностью созрела. У себя в будущем беженцы могли просто-напросто не заметить чего-либо подобного, поскольку им было не до молодняка.

— Как обстоят дела с размещением подразделений? — спросил президент.

— Цифр у меня под рукой нет, — ответил Сэндберг, — но, кажется, все идет по плану. Беженцы образовали собственные комитеты управления, которым поручено, в частности, следить за порядком, в результате чего появилась возможность перебросить в горы те части, что обеспечивали охрану лагерей. Гражданские водители постепенно заменяют

солдат на машинах, которые доставляют в лагеря продовольствие и прочее, что опять-таки высвобождает подкрепления. Первые транспортные самолеты начнут, по нашим расчетам, садиться сегодня вечером, так что скоро вся армия будет в сборе.

— Морозов утром предложил от имени своего правительства помочь нам людьми, — сказал Уильямс, — Точнее, он настаивал, но мы, разумеется, отвергли предложение русских. Однако он в какой-то степени прав. Не стоит ли обратиться за помощью к Канаде, Мексике, Великобритании, Франции, Германии — словом, к нашим друзьям?

— Может быть, и стоит, — согласился Сэндберг, — однако я хотел бы выслушать сначала мнение комитета начальников штабов. Признаться, нам недостает людей на севере и на юге, в Джорджии и штате Нью-Йорк. Так или иначе, надо попытаться согнать чудовищ в одно место, не дать им разбежаться, к чему они, по-моему, как раз и стремятся. Если получится, значит, мы справимся с ними.

— Если они не исчезнут, — прибавил президент.

— Совершенно верно, — откликнулся министр обороны.

— Пожалуй, пора переходить к другим делам, — заметил президент, — Рейли, помнится, вы хотели выступить.

— Не знаю, как вы воспримете, — проговорил Рейли Дуглас, — однако мне представляется, что это необходимо обсудить. По совести говоря, у меня такое впечатление, что здесь не обошлось без некоего юридического казуса, но выяснить, так или не так, я не сумел из-за дефицита времени. Вчера вечером ко мне приехал Клинтон Чепмен. Многим из вас он, вероятно, знаком. — Генеральный прокурор огляделся: большинство присутствующих утвердительно кивнули. — Да, он был у меня вчера, а с тех пор звонил уже трижды или четырежды; кроме того, сегодня мы вместе обедали. Полагаю, вам известно, что в Гарварде мы с ним были соседями по комнате и тогда и подружились. Наверное, поэтому он связался сейчас именно со мной. Вчера он предложил взяться за строительство временных туннелей и

покрыть все затраты из собственных средств, без финансирования из федерального бюджета. Взамен он просит разрешения на эксплуатацию туннелей после того, как люди из будущего уйдут по ним в миоцен, то есть хочет получить эксклюзивную лицензию. Он...

— Рейли, — прервал Уильямс, — я не совсем понимаю, зачем ему понадобились туннели? Какой от них прок? Насколько я разобрался, время в них движется лишь в одном направлении, из настоящего или будущего в прошлое.

— Клинт уверяет, что это не так. Он советовался со своими учеными — а его лаборатории одни из лучших в мире, — и те сказали ему, что, мол, если путешествия во времени возможны вообще, то в оба конца, как в прошлое, так и в будущее. И прибавили, кстати, что в будущее перемещаться легче, нежели в прошлое, поскольку такое перемещение совпадает с нормальным течением времени.

— Не знаю, не знаю, — вздохнул Уильямс. — Честно сказать, я не в восторге. Имеем ли мы право передавать туннели, при условии, что гипотеза специалистов Чепмена подтвердится, в исключительную собственность одному человеку или даже группе людей? Ведь их можно использовать как угодно...

— Я так и заявил Клинту за обедом, — откликнулся Дуглас, — объяснил ему, что тут необходим строжайший контроль. Потребуется разработать свод правил эксплуатации туннелей, провести его через конгресс, а затем добиться заключения международного соглашения, чтобы правила были приняты повсеместно. Клинт согласился с моими доводами, но он буквально одержим своей идеей. Я попытался на правах старого друга отговорить его, но ничего не достиг. Он по-прежнему твердо стоит на своем. Правда, сообразил, как видно, что полное покрытие финансовых затрат ему не по карману. Мне кажется, сейчас он пытается организовать нечто вроде консорциума для осуществления проекта.

— Я бы отказал, — хмуро заметил Сэндберг, — во всяком случае пока. Принцип путешествий во времени следует

тщательнейшим образом изучить. Нам нужны точные данные, а не фантастические гипотезы.

— Могут ли туннели получить военное применение? — подумал вслух Уильямс, — Если да, то какое именно?

— При заключении международного соглашения надо будет особо оговорить, что использование в военных целях запрещается, — произнес президент. — Поскольку же это соглашение рано или поздно будет нарушено — какая разница, кому достанется лицензия? Национальные интересы обязательно возобладают над общемировыми. Раз путешествия во времени оказались реальностью, мы должны извлекать из них все, что можно.

— Мистер президент, вы поддерживаете Клинта? — удивился Дуглас. — Когда мы с вами разговаривали...

— Я бы не сказал, что поддерживаю Чепмена, — возразил президент. — Однако мне представляется, что в нынешних условиях не следует пренебрегать никакими предложениями. Нужно где-то находить деньги для строительства туннелей, и не только у нас в США, но и во всем мире. Мы-то, скорее всего, найдем, а вот остальные страны...

— Кстати, — вмешался Уильямс, — я полагаю, Чепмен со своим консорциумом намерен строить туннели лишь на территории Соединенных Штатов?

— Не знаю, — ответил Дуглас. — Должно быть, в консорциуме Клинта будут и иностранцы, так что он вполне может заключить договор с другими государствами. Лично я не думаю, что такие страны, как Конго, Португалия или Индонезия, повернутся спиной к тому, кто предложит построить им временные туннели. Некоторые, очевидно, станут колебаться, но если мы заодно, скажем, с Германией и Францией подадим им пример, они ему, вероятно, последуют. В итоге, если все пройдет, как намечено, ни одна страна не останется без собственного туннеля, хотя бы одного-единственного.

— Деньги потекут рекой, — заметил Манфред Франклин, министр финансов, — Строительство туннелей для всего мира обойдется в миллиарды долларов.

— Среди финансистов хватает тех, кто любит рисковать, — сказал министр сельского хозяйства Бен Каннингэм. — Но вслепую они, как правило, не играют. Может быть, Чепмену известно то, чего не знаем мы?

— Вряд ли, — покачал головой Дуглас, — Разве что он первым узнал о том, что перемещения во времени возможны в обоих направлениях. Подумать только — нечто по-настоящему новое, нечто обладающее реальным технологическим потенциалом, впервые за пятьдесят с лишним лет! Клинт со своей бандой, как вы понимаете, претендует на полную свободу действий.

— Вопрос в том, — сказал Уильямс, — позволим ли мы ему.

— К моему глубокому сожалению, — проговорил президент, — боюсь, нам придется это сделать, иначе предложение Чепмена станет достоянием общественности, а какова будет реакция населения, предугадать, думается, несложно. Отдельные голоса «против» затеряются в криках «за», ибо тех, кто обрадуется возможности избежать повышения налогов, будет гораздо больше. Откровенно говоря, господа, может случиться так, что отказ от предложения консорциума будет равносителен политическому самоубийству.

— Вы рассуждаете так, словно не слишком огорчены, — довольно-таки ядовито заметил Уильямс.

— Позанимайся вы, Торнтон, политикой с мое, вы бы тоже научились примиряться с обстоятельствами, научились бы практичности и умению выбирать меньшее из двух зол. Я с готовностью признаю, что предложение Чепмена мне не нравится, однако практичность заставляет меня отступить, поскольку схватка почти наверняка обернется нашим поражением. В конце концов, нельзя же швыряться подарками в Санта-Клауса.

— Я все равно против, — заявил Уильямс.

— И я, — присоединился к нему Сэндберг.

— Мне представляется, что выход существует, — сказал Франклин, — Профсоюзы готовы сотрудничать с нами. Если

вдобавок к нам примкнут и финансисты, что неминуемо произойдет при удовлетворении просьбы Чепмена, то главная проблема будет решена. Мы до сих пор вынуждены кормить людей из будущего, но, что весьма приятно, припасов хватит на более длительное время, чем предполагалось вначале. Кроме того, нам предстоит снабдить беженцев инструментами и приспособлениями, но это не займет много времени и не потребует значительных средств. Нужно только поскорее прикинуть, сколько понадобится производственных мощностей и ресурсов для изготовления необходимого количества тачек, топоров, мотыг, плугов и всего прочего, но тут никаких сложностей, одна математика. Пожалуй, в течение нескольких ближайших лет будет ощущаться недостаток мясных и молочных продуктов, из-за того что значительнее поголовье домашнего скота отправится в миоцен, но подобное, по-моему, вполне можно пережить. Главное — туннели, и если Чепмен рвется строить их, пускай строит.

— А как быть с этими юнцами, которые хотят сбежать в прошлое? — спросил Каннингэм. — Я бы отпустил их. На улицах сразу стало бы меньше толчеи, да и вопли о перенаселенности чуть-чуть поутихли бы. Может, так и поступим?

— Вы, конечно, шутите, — отозвался президент, — однако...

— Уверяю вас, сэр, я ни капельки не шучу, говорю совершенно серьезно.

— Я согласен с вами, Бен, — сказал президент. — Мы, по всей видимости, преследуем разные цели, но я согласен с вами в том, что насильно никого удерживать не стоит. Пусть уходят — но не в ту эпоху, которую выбрали для себя люди из будущего, а, скажем, на миллион лет раньше или позже. Однако, прежде чем мы их отпустим, следует постараться привить им чувство экологической ответственности. Мы не можем отправить в прошлое людей, которые уничтожат ресурсы, что предназначены ходом истории нам. Иначе возникнет парадокс, сути которого я, признаться, не понимаю,

но который может оказаться роковым для нашей цивилизации.

— Кто же будет прививать им чувство экологической ответственности? — любопытствовал Уильямс.

— Люди из будущего. Они станут уходить в прошлое постепенно, не все сразу, некоторые наверняка согласятся задержаться, если мы их попросим. Точнее, они сами предложили оставить группу специалистов, которые обучили бы нас тому, что стало — то бишь станет — известным за пятьсот разделяющих наши времена лет. На мой взгляд, это предложение можно принимать без колебаний.

— Разумеется, — произнес Уильямс. — Кое-что из того, чему они научат нас, приведет к ломке ряда экономических и социальных стереотипов, однако в общем итоге мы, несомненно, выиграем. Ведь за какие-то двадцать или около того лет мы преодолеем в своем развитии пятисотлетний промежуток, причем не совершая тех ошибок, которые натворили наши прямые потомки.

— Право, не знаю, — проговорил Дуглас. — Тут слишком много всего... Мне надо подумать.

— Мы все забыли об одном, — подал голос Сэндберг. — Конечно, планировать нам никто не мешает, тем более что без плана действий не обойтись. Мне кажется, у нас на раскачку где-то с месяц, потом мы окажемся в цейтноте. А забыли мы вот о чем: все планы никуда не годятся, если мы не сумеем справиться с инопланетянами.

Глава 45

Возможно, сказал себе Уилсон, демонстранты в чем-то и правы. И впрямь, идея о новом начале завораживает, подкупает своей простотой: стереть все записи, разбить таблички, которые не желают стираться, — и вперед. Однако человечество просто не способно развиваться, не делая новых ошибок или не повторяя старых. Впрочем, уход в прошлое позволит взглянуть на себя со стороны, и, возможно, люди

сумеют воздержаться от повторения слишком уж вопиющих ошибок.

Элис Гейл утверждает, что в будущем на месте Белого Дома раскинулся пустырь; доктор Осборн по дороге из Форт-Май-ера в Вашингтон выразил сомнение, что историю, которая приведет к возникновению пустыря, можно изменить. Он заявил, что мы находимся в состоянии нарушенного равновесия. Очевидно, он не преувеличивал. В самом деле, чаша весов клонится лишь в одну сторону правительства становятся все многочисленнее, большой бизнес укрупняется на глазах, налоги растут и падать не собираются, бедняки, несмотря на хлопоты тех, кого заботит социальная справедливость, день ото дня все беднее, а пропасть между богатыми и бедными, правительством и общественностью — все шире. И разве может быть иначе? В таком мире, как этот, ожидать иного было бы до смешного нелепо. Уилсон покачал головой. Нет, не то, все не то. Вероятно, найдутся люди, которые могут заглянуть в прошлое, зафиксировать все стадии экономического и социально-политического развития, указать на совершенные человечеством ошибки — «в такое-то время в таком-то месте произошло то-то». Но кто они? Теоретики, теории которых не выдерживают проверки практикой!

Зазвонил телефон. Уилсон снял трубку.

— Мистер Уилсон?

— Да.

— Говорит охранник от юго-западных ворот. Тут у меня один джентльмен, который утверждает, что должен срочно увидеться с вами. Мистер Томас Мэннинг. С ним еще мистер Бентли Прайс. Вы знаете этих людей, сэр?

— Да. Пожалуйста, пропустите их.

— Я пошлю с ними сопровождающего. Вы будете у себя, сэр?

— Да.

Уилсон опустил трубку на рычаг. Что привело сюда Мэннинга? Он что, не мог позвонить? «Срочно увидеться»!

Хорош гусь, да вдобавок притащил с собой Бентли! Тому-то что здесь делать? Может, Том раскопал что-нибудь новенькое насчет предложения русских? Уилсон посмотрел на часы. Заседание кабинета продолжается дольше, чем предполагалось. Однако оно могло и закончиться, просто президент занялся другими делами. Хотя странно — Ким наверняка выкроила бы для него пару-тройку минут.

На пороге показались Мэннинг и Бентли. Уилсон кивнул охраннику, который остановился у двери

— Все в порядке. Подождите снаружи, — Он приблизился к журналистам и пожал им руки, — Какой приятный сюрприз! Том, с тобой мы в последнее время общаемся исключительно по телефону, а Бентли я не видел целую вечность.

— Я все бегаю, — объяснил Бентли, — скоро ноги отвалятся.

— На сей раз он прибежал из Западной Вирджинии, — сказал Мэннинг.

— Ну да, на дорогу выскочила собака, а потом в меня врезалось дерево, — заявил Бентли.

— Бентли сфотографировал чудовище, которое стояло посреди дороги, — продолжал Мэннинг, — перед тем как оно исчезло.

— Я теперь вник, — сообщил Бентли. — Оно засебло камеру и слышало щелчок. Они, ну, чудовища, не любят, когда на них что-нибудь наводят.

— Мы получили несколько сообщений о подобных исчезновениях, — сказал Уилсон, — Возможно, это своего рода защитная реакция, из-за которой солдатам не удастся чего-либо достичь.

— Не скажи, — возразил Мэннинг, — Может, и не стоит их отлавливать? — Он растянул «молнию» на папке и достал пачку фотоснимков, — Взгляни-ка.

Он пододвинул Уилсону верхнее фото. Пресс-секретарь послушно взглянул, а затем сурово уставился на Бентли.

— Кого ты пытаешься надуть?

— Никого, — отозвался Прайс. — Камера не врет. Она всегда говорит правду, показывает, что есть на самом деле. Теперь ты знаешь, куда исчезают чудовища. Я снимал на высокочувствительную пленку...

— Но динозавры! — воскликнул Уилсон.

Бентли сунул руку в карман, извлек оттуда некий предмет и протянул его Уилсону.

— Вот стекло, — сказал он. — Увеличительное. Посмотри через него. Там их сотни. Где я, по-твоему, мог их щелкнуть?

Изображение чудовища было нечетким, слегка размытым, но в том, что на снимке запечатлен инопланетянин, сомневаться не приходилось. На заднем плане маячили три динозавра.

— Милые крошки, правда? — спросил Мэннинг, — Покажи их палеонтологу, он скажет точно, кто они такие.

Уилсон поднес к глазу увеличительное стекло и нагнулся над фотографией. Диковинные растения, одни похожие на пальмы, другие — на гигантские папоротники; диковинные существа — поодиночке, вдвоем, стадами. Какое-то небольшое млекопитающее притаилось под раскидистым кустом.

— Мы увеличили фон, — проговорил Мэннинг, — Показать?

— Нет, с меня достаточно.

— Мы порылись в справочниках по геологии, — прибавил Бентли, — и решили, что я заснял ландшафт мелового периода.

— Да, я знаю, — пробормотал Уилсон. Он снял трубку телефона. — Ким? Мистер Гейл у себя? Спасибо. Попроси его зайти ко мне.

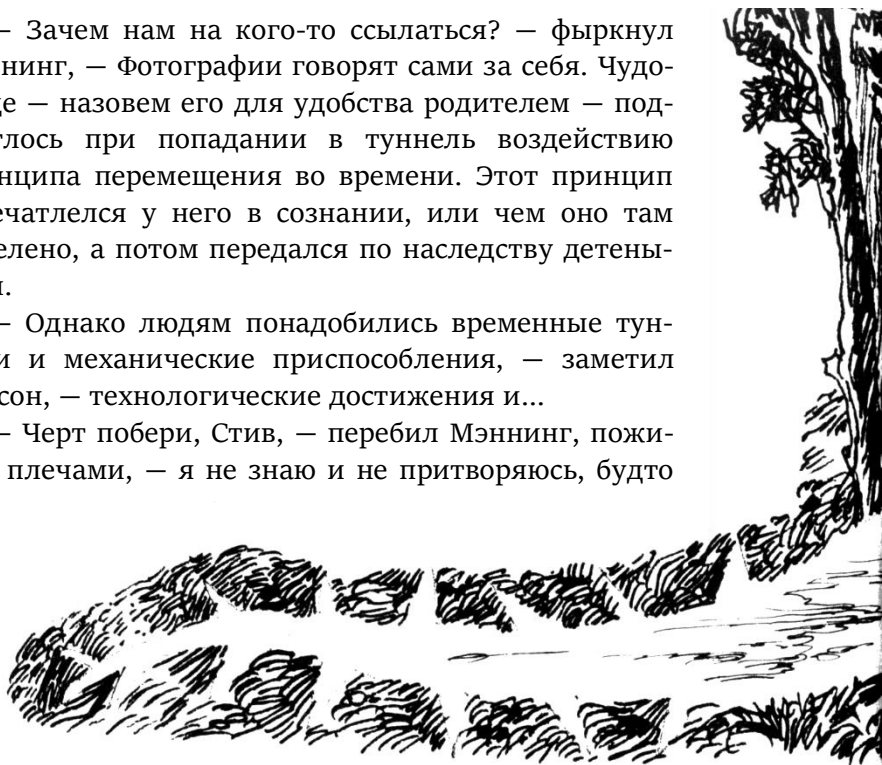
— Они твои, — сказал Мэннинг, раскладывая на столе остальные снимки, — Мы, разумеется, опубликуем их, но сочли за лучшее сперва показать тебе. Ты думаешь о том же, о чем и я?

— Пожалуй, — Уилсон задумчиво кивнул, — только никаких ссылок.

— Зачем нам на кого-то ссылаться? — фыркнул Мэннинг, — Фотографии говорят сами за себя. Чудовище — назовем его для удобства родителем — подверглось при попадании в туннель воздействию принципа перемещения во времени. Этот принцип запечатлелся у него в сознании, или чем оно там наделено, а потом передался по наследству детенышам.

— Однако людям понадобились временные туннели и механические приспособления, — заметил Уилсон, — технологические достижения и...

— Черт побери, Стив, — перебил Мэннинг, пожимая плечами, — я не знаю и не притворяюсь, будто

знаю, как они исхитрились это сделать. Но из снимка следует, что чудовища убегают в другое время. Возможно, все они укроются в одной и той же эпохе, возможно, в разных. И потом, разве нельзя предположить, что способность перемещаться во времени была заложена в них изначально? Может статься, они решили, что у нас им оказали нелюбезный прием, а в меловом периоде примут с распростертыми объятиями.

— Слушайте, — проговорил Уилсон, — динозавры вымерли...

— Чем не гипотеза, правда? — хмыкнул Мэннинг и застегнул папку. — Нам пора. Поблагодари Стива, Бентли.

— Нет, — возразил Уилсон, — благодарить надо не меня, а вас. Если бы не вы, мы бы промучились бог знает сколько

дней, скорее всего, без толку, — Он проводил гостей, затем снова уселся за стол.

Невероятно, подумалось ему. Невероятно — и вполне правдоподобно. Человек склонен, что естественно, мыслить человеческими категориями, но бессмысленно требовать того же от инопланетян. Люди из будущего раз за разом подчеркивали, что инопланетяне не просто кровожадные звери, но высокоразумные существа. Несомненно, на свой, инопланетный лад. Их мышление и физические способности никак не соответствуют человеческим. С этим трудно свыкнуться, однако они, похоже, способны, повинаясь инстинкту, совершить то, для чего человеку необходимо изобрести машину,

Мейнард Гейл и его дочь вошли в кабинет так тихо, что Уилсон заметил их присутствие лишь тогда, когда случайно поднял голову.

— Вы просили нас зайти, — сказал Гейл.

— Взгляните, — предложил Уилсон, — сначала вот на эту. Остальные — увеличенные изображения. Взгляните и скажите, что вы думаете.

— Меловой период, мистер Уилсон, — произнес Гейл, тщательно изучив снимки, — Где была сделана фотография? И откуда взялось чудовище?

— Фотограф снимал инопланетянина. В решающий момент тот исчез.

— Чудовище исчезло?

— Да. Это второй известный мне случай. Возможно, были еще, но я знаю только о двух.

— Что ж, — проговорил Гейл, — вполне возможно. Они настолько отличаются от нас... Те, которые вырвались из туннеля, переместились во времени, причем переход должен был занять не более доли секунды. Наверно, им хватило. — Он содрогнулся. — Но если так, если они обрели способность свободно путешествовать во времени, смогли так быстро освоить то, на что у нас ушли десятилетия, значит, поистине чудо, что мы сумели противостоять им на протяжении двадцати лет. Они, должно быть, играли с нами, развлекались, забавлялись, как кошка с мышью. Они оставляли нас про запас.

— Мне кажется, вы несколько преувеличиваете.

— Не знаю, может быть. Так или иначе, вам следует побеседовать с доктором Вулфом. Он, вероятно, даст квалифицированное объяснение.

— Но у вас сомнений нет?

— Нет, — подтвердил Гейл. — Это не розыгрыш?

— Тому Мэннингу можно доверять, — сказал Уилсон, — Мы вместе работали в «Вашингтон пост», часто сжививали за одним столиком в баре, словом, были как братья, пока меня не назначили сюда. У него не столь извращенное

чувство юмора. Да и Бентли я заподозрить не могу. Он молится на свои камеры, и у него не поднимется рука использовать их ради недостойной цели. Он и вправду молится им, каждый вечер, перед тем, как лечь спать.

— Таким образом, мы имеем неоспоримое доказательство того, что чудовища убегают в прошлое, предвосхищая наши намерения.

— Думаю, да, — согласился Уилсон. — Мне требовалось услышать ваше мнение, поскольку вы знаете инопланетян куда лучше нашего.

— Но от разговора с Вулфом вы не отказываетесь?

— Нет, конечно нет.

— Мистер Уилсон, мы, собственно, хотели бы кое-что с вами обсудить. Говоря «мы», я подразумеваю себя и свою дочь.

— Что именно?

— Мы вас приглашаем, — сказал Гейл, — Возможно, вы отвергнете наше приглашение, возможно, даже оскорбитесь. Однако многие другие, как мне кажется, приняли бы его с радостью. На мой взгляд, оно чрезвычайно привлекательно. Простите мою неуклюжесть, я очень волнуюсь. Мы приглашаем вас с собой в миоцен. Присоединяйтесь к нашей группе. Мы будем искренне рады.

Уилсон не шелохнулся. Он пытался найти нужные слова, но они не шли на язык.

— Вы наш первый и, быть может, единственный друг, — прибавила Элис. — Вы помогли нам с бриллиантами и вообще столько для нас сделали! — Она быстро подошла к столу, наклонилась и поцеловала Уилсона.

— Не торопитесь отвечать, — сказал Гейл. — Вам, наверное, необходимо подумать. Если вы откажетесь, мы больше не станем об этом заговаривать. Помимо всего прочего мы исходили из тех соображений, что вы, люди настоящего, все-таки последуете за нами через временные туннели. Я надеюсь на лучшее, однако, по-моему, вам не суждено

избежать того кризиса, который сокрушил общество наших предков, то есть опять-таки вас.

— Не знаю, — выдавил наконец Уилсон, — Честное слово, не знаю. Дайте мне собраться с мыслями.

— Конечно, конечно, — отозвался Гейл.

— Я рассчитываю на ваше согласие, — прошептала Элис на ухо Уилсону.

И они ушли — так же тихо, незаметно, как и появились. В кабинет исподволь проникали сумерки. В приемной раздавался стук пишущей машинки; иногда он прекращался — видимо, тот, кто печатал, искал подходящее слово. У стены приглушенно стрекотали телетайпы. На аппарате Джуди посверкивал один световой индикатор. Нет, не Джуди, поправил себя Уилсон. Джуди улетела в Огайо, и теперь аппарат будет принадлежать кому-то другому. Джуди, воскликнул он мысленно, Джуди! Господи боже, что на тебя нашло? Зачем ты улетела?!

Без нее было так одиноко. До сих пор он просто-напросто не подозревал, что она для него значит. Джуди оберегала его от одиночества, которое он ощущал даже в компании тех, кого числил среди своих друзей. А рядом с ней всякое одиночество казалось пустой выдумкой; сама мысль о том, что она где-то поблизости, веселила сердце. Однако Огайо не столь уж далеко. В наши дни понятие расстояния сократилось до пределов от силы полутора десятков часов в самолете. К тому же существуют почта и телеграф, да и телефоны пока работают. Уилсон попробовал вообразить себе текст письма к Джуди, но скоро сообразил, что писать все равно не станет.

Зазвонил телефон.

— Заседание кончилось, — раздался в трубке голос Ким, — Президент ждет.

— Спасибо, Ким, — сказал Уилсон.

За делами он совсем было запамятовал о том, что просил о встрече с Хендерсоном. Прошло не так уж много времени,

но столько всего случилось, что забыть было ничуть не мудрено.

— Извините, что заставил вас ждать, Стив, — проговорил президент, когда Уилсон вошел в кабинет. — Министры буквально забросали меня вопросами. Что у вас?

— Пятнадцать минут назад я бы огорошил вас неприятными вестями, сэр, — усмехнулся Уилсон, — но сейчас положение слегка улучшилось. Но начну с неприятного. Ходят разные слухи про ООН...

— А, предложение русских.

— Да. Мне звонил Том Мэннинг. Его корреспондент в Нью-Йорке, Макс Хейл — вы, наверно, его знаете...

— Лично не знаком, но статьи читал. Здравомыслящий журналист.

— Хейлу сообщили, что русские будут настаивать на ядерной бомбардировке районов, где предположительно могут находиться чудовища.

— Я ожидал чего-то подобного, — сказал президент, — Но им не удастся провести такую резолюцию.

— Мне представляется, теперь это уже не важно, — заметил Уилсон. — Важно вот что. — Он положил на президентский стол фотографии. — Работа Бентли Прайса.

— Прайс, Прайс, — протянул президент, — Тот, который...

— Он самый. Пьет как сапожник, зато фотограф первоклассный, я бы сказал — лучший из всех.

— Стив, — президент взглянул на верхний снимок и нахмурился, — я не уверен, что понимаю.

— Сейчас объясню, сэр. Собственно...

Хендерсон внимательно, ни разу не перебив, выслушал пресс-секретаря и спросил:

— По-вашему, так оно и есть?

— Полагаю, что да, сэр. Гейл согласен со мной. Он предложил на всякий случай побеседовать с Вулфом, но сам, похоже, не сомневается. Тогда наша задача — выпихнуть туда всех, по крайней мере большую часть, а остальные потянутся следом. Если бы они были многочисленнее, а мы не

превосходили вооружением людей из будущего, инопланетяне, вероятно, постарались бы закрепиться здесь. В конце концов, мы — достойные противники, с нами приятно сражаться. Однако они, я думаю, понимают, что обречены. В меловом же периоде им будет где развернуться. Никакого тебе огнестрельного оружия, зато противники как на подбор: тираннозавры и все их милые родственнички, трицератопсы, плезиозавры и прочие. Ни намек на стрельбу, сплошь рукопашные. Мне кажется, это придется им по нраву. Какая победа — свалить такого колосса!

— Насколько я помню, — произнес президент после непродолжительного молчания, — ученые так и не установили наверняка, отчего вымерли динозавры. Выходит, мы знаем ответ?

— Может быть, сэр, — откликнулся Уилсон.

Президент взялся было за телефон, но потом убрал руку.

— Нет, — сказал он, — Федор Морозов порядочный человек. Он только выполнял поручение своего правительства. Пожалуй, не стоит звонить ему. Пускай узнает обо всем из газет, равно как и Совет Безопасности. Посмотрим, посмотрим.

— Сэр, я не стану больше отнимать у вас время...

— Задержитесь на минутку, Стив. Я хочу кое-что сообщить вам, чтобы, если вас спросят, вы знали, как отвечать. Об этом известно лишь нескольким нашим людям и некоторым беженцам; вряд ли кто из них проболтается. Пока все совершенно секретно. Не знают даже ни государственный секретарь, ни министр обороны.

— Сэр, стоит ли...

— Я хочу, чтобы вы знали, — прервал президент. — Разумеется, вы должны до поры до времени сохранить все в тайне. Вы слышали о предложении Клинтона Чепмена?

— Да. Мне не нравится его затея. Утром меня спрашивали, но я воздержался от комментариев. Мол, достоверных сведений еще не поступало.

— Мне тоже не нравится, — проговорил президент, — однако я предприму все меры, чтобы подбодрить его. Он считает, что может купить путешествия во времени. Что ж, вольному воля. Мне как-то не доводилось раньше сталкиваться со столь откровенной жаждой наживы. Интересно, не разделяет ли страсть Чепмена его закадычный друг Рейли Дуглас?

— Но если...

— Он очень жаден, — продолжал президент, — Но я знаю то, что неизвестно ему и чего, если мне повезет, он никогда не узнает, а если и узнает, то когда будет уже поздно. Мы слегка поторопились объявить то, что совершили люди из будущего, путешествиями во времени. Да, они достигли своей цели, но какими средствами? Оказывается, существует параллельная нашей вселенная. Люди из будущего, которые открыли ее, обнаружили вот что: время в ней движется в направлении, обратном нашему. Наверно, я вас запутал, Стив? В общем, наше прошлое для той вселенной — будущее. Беженцы проникли к нам именно через параллельный мир.

— Но это означает...

— То-то и оно, — усмехнулся президент, — Это означает, что в прошлое уйти можно, но вернуться оттуда — нет. Дорога в будущее закрыта.

— Если Чепмен узнает, он расторгнет соглашение.

— Очевидно, да. Его предложение продиктовано отнюдь не патриотическими чувствами. Что вы думаете, Стив, о моей маленькой лжи?

— Сэр, вы бы упали в моих глазах в том случае, если бы не попытались остановить Чепмена, имея он хоть малейший шанс осуществить то, что замыслил. А так — пострадают лишь те, кто переоценил свои возможности. По заслугам и расплата.

— Однажды все откроется, — проговорил президент, — и моя репутация окажется безнадежно запятнанной.

— Когда все откроется, сэр, вас начнут перевозносить до небес и воздвигать вам памятники, — поправил Уилсон.

— Надеюсь, вы правы, Стив, — сказал президент с улыбкой. — Однако мне немного не по себе.

— Сэр, — спросил Уилсон, — кому известна ваша тайна?

— Тем троим, которых вы привезли из Форт-Майера, нашим академикам, которые беседовали с ними, мне и теперь вам. К моменту встречи с учеными я уже прослышал о поползновениях Чепмена, а потому сразу попросил никому ничего не говорить. Что касается беженцев, то среди них в сути перемещений во времени разбирается лишь горстка специалистов, и по счастливой случайности все они у нас. Мы бережем их как зеницу ока, наравне с бриллиантами. Здесь же они оказались потому, что, говоря их словами, мы — единственная страна, которой они могут доверять. Похоже, тайна останется тайной.

— Похоже, — кивнул Уилсон. — Вы упомянули бриллианты. Что с ними случилось?

— Мы приняли их на временное хранение. Потом, когда все более или менее успокоится, решим, как с ними поступить. Полагаю, начнем потихоньку продавать, заодно придумаем какую-нибудь правдоподобную историю. А деньги будем перечислять в фонд для последующего использования всеми государствами.

Уилсон поднялся и направился к двери, но в двух шагах от нее остановился и повернулся к Хендерсону.

— По-моему, мистер президент, все идет неплохо.

— Да, — согласился президент. — Начало было никудышное, но вроде бы положение исправляется, хотя работы еще непочатый край.

Возвратясь к себе, Уилсон увидел, что за столом Джудид сидит какой-то человек. В кабинете было темно, лишь мерцали лампочки вызова на селекторе.

— Джуди? — произнес с запинкой Уилсон, — Джуди, это ты?

Да нет, не может быть, она наверняка давно в Огайо.

— Я вернулась, — проговорила Джуди. — Сошла с самолета, просидела полдня в аэропорту, не зная, что делать. Ты сукин сын, Стив Уилсон, и не вздумай этого отрицать. И почему я не улетила? Зачем пришла сюда?

— Но, Джуди... — воскликнул он, в мгновение ока очутившись подле нее.

— Ты же не просил меня остаться. Тебе и в голову не пришло!

— Разве я не просил?

— Ты играл в благородство. Вот в чем твоя беда. Ты слишком благороден. Нет чтобы встать на колени и заломить руки! А теперь мой багаж летит в Огайо, а я...

Он наклонился, взял девушку на руки и крепко прижал к себе.

— Нам обоим здорово досталось, — сказал он мягко, — Как ты думаешь, не пора ли домой?

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ.....	5
КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА.....	187
ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ	408
ДЕТИ НАШИХ ДЕТЕЙ.....	606

